

Автор бестселлеров
„Шорохи“ и „Ангелы-хранители“

Каждую ночь в городе совершаются жестокие убийства...

Дин Кунц
ПОЛНОЧЬ

ДИН КУНЦІ

ПОЛНОЧЬ

ТРИЛЛЕР & УЖАС

DEAN KOONTZ

MIDNIGHT

ДИН КУНЦ
ПОЛНОЧЬ

**Киев
Акционерное
Издательско-полиграфическое
Общество «Оберіг»**

1993

**ББК 84,7 США
К 57**

**Издание подготовлено ТОО "ЭВ"
совместно с АИПО "Оберіг"**

Кунц, Дин

К 57 Полночь: Пер. с англ. — М.: ТОО "ЭВ", 1993. — 560 с.

ISBN-5-85993-026-4

**Редактор А. Мяготин
Худ. редактор Н. Корольков
Техн. редактор И. Чудинова
Корректор Г. Якушева**

**Подписано к печати 17.05.93 г. Формат 84×108/32.
Бум. тип. № 1. Гарнитура таймс. Печать высокая
с ПФФ. Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 30,8. Зак. 3-216.**

**Акционерное издательско-полиграфическое общество «Оберіг»
252050, Киев-50, ул. Пархоменко, 3**

**Отпечатано с готовых диапозитивов на Харьковской книжной фабрике
им. М. В. Фрунзе. 310057, Харьков-57, ул. Донец-Захаржевского 6/8.**

ISBN-5-85993-026-4

**©Перевод, оригинал-макет ТОО "ЭВ", 1993
©Худ. оформление ТОО "Библиополис", 1993**

Эду и Пату Томасу
из издательства «Канивэл»,
таким прекрасным
людям, что иногда
мне кажется, они — пришельцы
из другого, лучшего мира,
спустившиеся к нам на Землю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВДОЛЬ ПОБЕРЕЖЬЯ НОЧИ

Там, где мрачные тени танцуют, под неслышную музыку ночи... Им лишь ведомы тайные звуки...

«Книга изведанных печалей»

Дженис Капшоу любила бегать по вечерам.

Почти каждый вечер, часов в десять-одиннадцать, она натягивала свой любимый свитер — серый, с блестящими голубыми полосками, убирала волосы под ленту, на ноги — кроссовки, и — бегом, — свои обычные шесть миль. Ей было тридцать пять, но выглядела она лет на десять моложе. Дженис была уверена, что именно эти ее многолетние ежедневные пробежки поддерживают в ней жар и обаяние юности.

Воскресным вечером 21 сентября она вышла из дому около десяти и, повернув на север, пробежала четыре квартала до Оушэн Авеню. Это была главная улица, из конца в конец пересекавшая тихий маленький городок Мунлайт Коув, само название которого — «Бухточка Лунного Света» — навевало мысли о ясном, тихом и теплом вечере на берегу моря. Оушэн Авеню, оправдывая ожидания, полого спускалась к берегу океана, и Дженис, свернув по ней налево, побежала к пляжу. Она бежала мимо домов с черными квадратами окон, — почти весь город был погружен в темноту. Улицу освещал лишь слабый свет фонарей, да кое-где еще светились окна квартир. Кроме того, в городке были еще два ярко освещенных места — кабачок «Найтсбридж» да католический костел Святой Девы Марии, двери которого были гостеприимно распахнуты для прихожан двадцать четыре часа в сутки. Вокруг не были ни людей, ни машин. Мунлайт Коув всегда был тихим, захолустным городком, который в отличие от других подобных приморских городков упорно не желал превращаться в курорт. Дженис нравился этот неспешный, размеренный ритм жизни, хотя иногда, особенно с наступлением темноты, могло показаться, что это спокойствие не сна, а смерти.

Она бежала вниз по главной улице, то попадая в янтарные круги света, то исчезая в густой тени кипарисов и сосен, искривленных морскими ветрами; но сейчас ветра не было, все будто замерло вокруг, и только тонкая, прохладная

* Оушэн Авеню — буквально: Океанский проспект (от ocean — (англ.) океан) — Прим. пер..

струйка тумана слегка колыхалась перед ней в недвижном воздухе. Единственными звуками, которые раздавались в этой тишине, были приглушенный стук ее резиновых подошв о дорогу да ее собственное дыхание. Могло показаться, что эта одинокая бегунья — единственный человек, оставшийся на Земле после Страшного Суда.

Дженис терпеть не могла вставать ни свет ни заря, чтобы бегать перед работой, к тому же летом гораздо приятнее было пробежаться вечером, когда дневная жара уже спадает; хотя, по правде говоря, ни желание поспать утром подольше, ни горячее полуденное солнце не могли объяснить того странного предпочтения, которое Дженис отдавала вечерним часам; зимой она обычно придерживалась того же самого распорядка. Она бегала в это время просто потому, что любила ночь.

Еще ребенком она с удовольствием ожидала, когда ночная тьма придет на смену яркому дневному свету, наслаждаясь тем переходом от света к сумеркам и затем к полному мраку, когда все небо усыпано сверкающими звездами и в темноте слышно кваканье лягушек и стрекотанье сверчков. Темнота успокаивала. Она смягчала все очертания, стирала острые углы, приглушала слишком резкие краски. С наступлением сумерек небо, казалось, поднималось над землей; открывались необъятные темные дали, словно уходящие в бесконечность вселенной. Ночь была больше, просторнее дня, в ее королевстве жизнь становилась полнее, бездонней, в ней таились неизведанные возможности.

Дженис добежала до подножия холма и через парк повернула к пляжу. Словно легкий пар поднимался над землей, а еще выше, в ночном небе, плыли тонкие, прозрачные облачка, лишь изредка набегавшие на круглый медно-желтый шар луны. Серебристые иглы лунного света пронизывали дымку, так что бежать было легко. Иногда по ночам небо затягивали тучи, а туман настолько спускался, что нечего было и думать о пробежке вдоль берега моря. Но сейчас призрачные блики вспыхивали на белых гребнях волн, накатывавшихся из темноты, а широкая полоса песка до самых прибрежных холмов мерцала в бледном лунном сиянии. Казалось, даже влажный ночной туман слегка потеплел от этого мягкого осеннего света.

Песок под ногами Дженис был твердый и влажный, он слегка пружинил под ногами, и она чувствовала, как чудесная свежесть вливается в ее тело, омывает душу. Берег полукругом опоясывал бухту, и она решила, повернув к югу, пробежать до крайнего мыса, замыкающего этот полукруг.

Ричард, ее покойный муж, умерший от рака три года назад, любил говорить, что все ее жизненные импульсы ступают в фокусе ночи. «Ты не просто ночное существо, вроде какой-нибудь там ночной бабочки или мотылька, — смеялся он, — я думаю, тебе бы понравилось быть вампиром, появляющимся после захода солнца и исчезающим с рассветом». «Вот попила бы я твоей крови!» — улыбаясь, отвечала она. Боже, как она любила его. Поначалу Дженис еще опасалась, что роль жены лютеранского пастора может ей быстро наскучить, но этого не случилось, ей так и не пришлось узнать, что такое скука. Еще и теперь, через три года после его смерти, она тосковала по нему, не было дня, чтобы она о нем не вспоминала; Дженис очень сильно его недоставало, особенно по ночам. Он был...

Внезапно, в тот момент, когда она поравнялась с двумя могучими кипарисами, вершинами уходящими в небо, как раз на полпути между холмами и линией прибоя, Дженис охватило странное чувство, что она не одинока в этой ночи и в этом тумане. Вокруг по-прежнему было тихо — ни шелеста, ни вздоха, ни дуновения ветерка, — никаких звуков, кроме ее собственных шагов, шума крови в ушах да быстрых толчков сердца в груди; и все же инстинкт подсказывал ей, что ее одиночество нарушено.

Сначала это нисколько не встревожило Дженис: наверное, еще какой-нибудь любитель бега решил размяться перед сном, подумала она. Два-три раза в месяц она встречала таких фанатиков, во что бы то ни стало желающих похудеть; но они выбегали в это время случайно, видимо, просто потому, что не нашлось другого, не то что она.

Дженис остановилась и внимательно огляделась вокруг, но за спиной у нее, так же как и впереди, не было ничего, кроме длинной песчаной ленты, блестящей под луной, знакомых очертаний скал да редких деревьев вдоль дороги. Волны прибоя, пенясь, с шумом набегали на берег, и это был единственный звук, нарушавший тишину ночи.

«Вероятно, чувства меня обманули, — решила Дженис, — здесь никого нет». И она побежала — спокойно, размеренно, быстро войдя в ритм. Однако не пробежав и пятидесяти ярдов, она заметила, как невдалеке от нее из-за большого кипариса метнулась быстрая тень и, скользнув по песку, исчезла за темными, отполированными водой и ветром скалами, растворившись в ночи и тумане.

Дженис встала как вкопанная и, искоса поглядывая на камни, гадала, что бы это могло быть. На вид существо показалось ей больше собаки, быть может, даже ростом с человека, но она видела его всего лишь секунду краешком глаза и не уловила подробностей. Гряда валунов тянулась примерно на двадцать футов в длину, то полого снижаясь, то вздымаясь острыми утесами, изъеденными дождем и ветром; там было где спрятаться.

— Эй, здесь кто-нибудь есть? — негромко окликнула Дженис.

Она не ожидала ответа, — зачем кому-то прятаться за скалами в такое время? И действительно, все было тихо.

Ей было немного не по себе, но страха она не испытывала. Если это и в самом деле было живое существо, а не обманчивая игра тумана и лунного света, значит, просто какое-нибудь животное забрело сюда. Вероятно, не собака — та прямо бросилась бы к ней, вместо того чтобы прятаться. Хищникам здесь тоже неоткуда было взяться, так что Дженис было скорее любопытно, чем страшно.

Она не шевелилась, чувствуя, как струйки пота ползут по спине, как ночной холодок забирается под свитер. Чтобы не замерзнуть, Дженис стала подпрыгивать, занялась чем-то вроде бега на месте, продолжая в то же время внимательно вглядываться в скалы, надеясь, что таинственное животное выскочит из своего укрытия, и она сможет его рассмотреть.

Кос-кто в округе держал лошадей, а Фостеры даже занимались их разведением; их конюшня находилась недалеко отсюда, милях в двух с половиной к северу, на берегу моря. Возможно, один из их жеребцов убежал, хотя существо, мелькнувшее у нее перед глазами, было, пожалуй, поменьше лошади. Может, конечно, это был пони. Правда, даже если это был маленький жеребенок, то почему же она не

слышала покота копыт? Не мог же песок настолько его заглушить? Во всяком случае, если это лошадь из конюшни Фостеров или еще чья-нибудь, нужно попытаться отыскать ее или, по крайней мере, сообщить им, где она ее видела.

В конце концов, так ничего и не дождавшись, Дженис подбежала к скалам и стала осматривать каждый камень, каждый выступ, но не обнаружила ничего подозрительного. Кое-где у подножия скал и в расщелинах камней таились какие-то темные тени; казалось, они начинают шевелиться, подкрадываться, но когда Дженис подходила ближе, тени расплывались, превращаясь в молочный, мерцающий лунный свет, расплываясь клочьями тумана. Никакого животного там не было.

Кто же еще, кроме одинокого полуночника, любителя бега, приبلудной собаки или вырвавшейся из конюшни лошади мог оказаться здесь, на берегу?.. Дженис даже не пришло в голову, что ей может грозить какая-либо опасность. Местные полицейские томились от безделья: несколько случайных краж — дело рук кучки распоясавшихся подростков, их своеобразный знак протеста, да иногда аварии на дорогах, — вот и все, что здесь происходило. В таком городишке, как Мунлайт Коув, где все соседи знали друг друга, большой редкостью были серьезные преступления, вроде насилия, разбойного нападения или убийства. Словно люди в этом затерянном уголке побережья жили в каком-то другом, более милосердном веке, чем вся остальная Калифорния.

Прекратив бесплодные поиски, Дженис вернулась к морю, решив, что два великих фокусника — туман и лунный свет — ввели ее в заблуждение, создавая свои причудливые фантастические образы. Нет никого кроме нее на этом пустынном берегу.

Она заметила, что туман быстро сгущается, но не стала поворачивать обратно. Дженис не сомневалась, что успеет добежать до конца пляжа и вернуться в город прежде, чем эта молочная стена станет непроницаемой.

Ветерок, налетая с океана, вспенивал наползающий туман, всбивал его, словно масло, превращая из легкой, полупрозрачной дымки в густую плотную пелену, словно тяжелый занавес опускающийся на мир. Когда Дженис добежала

наконец до южной оконечности бухты, ветер усилился; налетая порывами, он бросал в лицо тучи брызг, срывая с волн пену, с грохотом разбивая их о волнорез. В этом месте громадная стена из валунов, футов двадцать в высоту, выступала из воды, продолжая естественный мыс, защищавший бухту со стороны океана.

Кто-то стоял там, наверху, и смотрел вниз. Дженис подняла глаза как раз в тот момент, когда ветер на мгновение разорвал пелену тумана, и силуэт незнакомца ясно обозначился на фоне темного ночного неба.

Вот теперь ей стало по-настоящему страшно.

Несмотря на то, что он был совсем близко от нее, лицо его скрывалось во мраке. Он казался высоким, гораздо выше нормального человеческого роста, хотя может быть, это был просто обман зрения.

В темноте видны были только очертания его фигуры да еще глаза. Вот именно — глаза... Вот что заставило Дженис похолодеть от ужаса. Они светились каким-то призрачным желтоватым светом, словно глаза хищного зверя, неожиданно выпрыгнувшего из чащи перед мчащимся автомобилем.

Пронзенная этим пристальным, нечеловеческим взглядом, Дженис стояла, не в силах пошевелиться. Эта гигантская черная фигура, неподвижно высившаяся на скале в лунном сиянии, взиравшая на нее с высоты, в пене и брызгах вздымавшихся волн, казалась огромным идолом с глазами из драгоценных камней, высеченным из камня древними язычниками. Это было воплощение демона Зла, будто возникшее из тьмы столетий. Дженис хотела бежать прочь от этого ужасного видения, но она словно вросла в песок, ноги не слушались ее, как это бывает в ночных кошмарах, когда хочешь спастись и не можешь двинуться с места.

«А может быть, я и правда сплю?» — подумала она, и этот бег в ночи, по берегу моря — лишь обрывок ее страшного сна, а сама она в это время дома, спит себе, с головой накрывшись теплым одеялом.

И тут странный, низкий рев прокатился над побережьем. Он был похож и на злобное рычание зверя, и на злое шипение змеи, это был яростный вопль неудовлетворенного желания, но холодом, страшным, леденящим холодом веяло от него.

И тот, кто издал этот жуткий вой, двинулся к ней.

Опустившись на четвереньки, он мягко, с кошачьей грацией спрыгивал с камня на камень, с невероятной скоростью приближаясь к ней. Еще секунда — и он кинется на нее.

Дженис вырвалась из своего оцепенения, резко повернулась и бросилась прочь. Она бежала назад, к выходу с пляжа, к городским улицам с их домами, людьми, жизнью. Дженис видела над головой освещенные окна, она знала, что где-то там есть лестницы, ведущие с обрыва на пляж, но боялась, что в темноте ей не удастся отыскать ступеньки. Она не кричала, не звала на помощь, — она просто не хотела зря расходовать свои силы, да и вряд ли кто-нибудь мог ее услышать. К тому же это могло замедлить ее бег, и тогда, даже если она будет двигаться хоть чуточку медленнее, ее могут схватить и заставить замолчать прежде, чем кто-нибудь откликнется на ее призыв.

Вот когда ей действительногодились ее постоянные тренировки; сейчас главное было не здоровье, не сила, а выносливость. Она прижала руки плотнее к бокам, нагнула голову и, вся устремившись вперед, как спринтер, почти летела над землей; она чувствовала, что стоит ей только добежать до первых кварталов Оушэн Авеню — и она спасена. Она не думала, что этот человек, или кто бы он там ни был, будет продолжать преследовать ее на центральной, освещенной улице города.

Ветер нагнал рваные тучи на желтый диск луны, и ее бледный свет то мерк, почти угасая, то снова слабо вспыхивал, пробиваясь сквозь волны тумана, которые змеились, покачиваясь и меняя очертания в этом призрачном свете, точно целые сонмища злых духов и привидений толпились вокруг Дженис, протягивая к ней руки. В этом мрачном, мерцающем свете все казалось нереальным, похожим на те бесконечные погони во сне, когда человек мечется, весь в холодном поту, не в силах сбросить с себя наваждение. Дженис была почти уверена, что все это — только сон, страшный сон, и на самом деле она крепко спит в своей постели, но она не останавливалась и не оглядывалась, потому что во сне или наяву, но она знала, что человек с желтыми глазами гонится за ней.

Она была уже на полпути между мысом и городом, огни

его приближались, и вместе с ними росла надежда на спасение. И тут Дженис поняла, что два призрака, возникшие из тумана, — вовсе не плод ее воображения. Один из них бежал справа, со стороны обрыва, держась прямо, как человек; другой неся по самой кромке воды, так что брызги летели во все стороны; он был похож на человека, но вряд ли кто-нибудь из людей мог бы мчаться на четвереньках с такой ловкостью и быстротой. Они, словно тени, летели за Дженис, лиц их она не могла разглядеть, лишь дикие, звериные глаза светились в темноте.

Дженис чувствовала, что того, которого она видела на волнорезе, среди них нет, он бежал сзади, прямо или на четвереньках, она не знала. Но они окружали ее.

Она не пыталась сообразить, что за существа ее преследуют: сейчас было не самое подходящее время размышлять о том, существует ли сверхъестественное, или это лишь игра нашего воображения. Диспут на эту тему придется немного отложить. Сейчас Дженис просто принимала это как данное. Хотя она и была вдовой священника и, без сомнения, глубоко верующей женщиной, но столкнувшись с непознаваемым и нереальным лицом к лицу, имела слабость поверить собственным глазам.

Страх, который парализовал ее вначале, не давая двигаться, теперь удвоил ее силы, и она все прибавляла скорость. Но и ее преследователи не отставали.

Дженис услышала слабый, жалобный стон и не сразу поняла, что это ее собственный голос, измученный, прерывающийся от усталости.

Видимо, возбужденные ее страхом, призраки стали тоненько подвывать. Их вопли взмывали к небесам, переходя от тихого, протяжного воя кутробному рыку, срываясь вдруг на пронзительный визг; но еще страшнее были слова, неистовое, жадное бормотание, с каким-то ржавым скрежетом прорывавшееся сквозь эти завывания:

— Хватай ее! Держи падаль! Держи ее!

Боже милостивый, кто же они? Не люди — это очевидно, но ведь они ходят как люди, говорят по-человечески, тогда кто, кто это может быть?

Дженис почувствовала, как сердце ее дрожит и падает куда-то вниз.

— Держи падалы!..

Невероятные, дикие существа приближались. Дженис старалась бежать как можно быстрее, она собрала все свои силы, но обойти их было невозможно. Кольцо вокруг нее сужалось. Краем глаза она видела очертания их фигур, но взглянуть прямо не осмеливалась, боясь, что вид их окажется невыносимым, она не выдержит этого, просто застынет на месте, парализованная страхом, упадет, не сможет бежать.

Но она и так упала. Кто-то набросился на нее сзади, кто-то очень тяжелый придавил ее к земле, и все трое навалились на нее, хватая, теребя, дергая за одежду.

Облака почти закрыли луну, и черные тени скользнули на землю, будто складки темного небесного плаща.

Лицо Дженис было плотно вжато в сырой песок, но она успела повернуть голову набок, так что рот был свободен, и тут-то она наконец закричала. Крик получился не слишком громкий — ей не хватало дыхания. Дженис сопротивлялась изо всех сил, вырывалась, била ногами и молотила руками во все стороны, попадая, в основном, по воздуху или по песку.

Луна теперь совсем зашла за тучи, и ничего невозможно было разглядеть.

Дженис услышала треск раздираемой материи. Тот, кто сидел на ней верхом, сорвал с нее свитер, располосовав его на мелкие кусочки. Она чувствовала, как его руки впиваются в ее тело, это были грубые и жесткие, но все же человеческие руки.

Вдруг ей стало легче — его тяжесть больше не давила на нее, и Дженис рванулась вперед, пытаясь выбраться, убежать. Но в ту же секунду все трое опять обрушились на нее, хватая ее, сжимая, вминая в мокрый несок, в пену прибоя. Лицо ее было уже в воде.

Они то подвывали, то сопели, как псы, почуявшие добычу, свист и рычание вырывались из их глоток, и они жадно тискали, ощупывали, сминали и сдавливали ее тело, раздражаясь невнятными, дикими выкриками:

— ...хватай ее, хватай, держи, дави...

— ...вот, вот, вот она, добыча...

— ...скорей, скорей, сейчас, быстро, быстро, скорее...

Они нетерпеливо сдергивали с нее брюки, мокрые от пота, прилипшие к телу, и Дженис не знала, хотят ли они изнасиловать ее или разорвать на куски. Возможно, ни то и ни другое. Она чувствовала, что их сжигает какая-то чудовищная, невыносимая жажда; это неистовое, жадное желание было густым и липким, как туман или ночная тьма, им был пропитан ледяной воздух ночи, но что это — Дженис не могла понять, это было за пределами человеческого сознания.

Кто-то из них еще глубже вдавил ее лицо в песок, так, что вода накрыла ее с головой. Здесь было совсем мелко, но ей было нечем дышать, они вцепились в нее мертвой хваткой, не давая шевельнуться. Дженис поняла, что сейчас умрет, захлебнется, беспомощная, пригвожденная к жесткому мокрому песку. И все потому, что она любила бегать по ночам.

2

В понедельник, 13 октября, через двадцать два дня после гибели Дженис Капшоу, Сэм Букер, взяв напрокат машину в Международном аэропорту Сан-Франциско, ехал в Мунлайт Коув. По дороге он развлекался тем, что играл сам с собой в весьма мрачную, но странно притягательную игру: составлял список жизненных ценностей, ради которых стоит еще оставаться на этом свете. Путь был достаточно длинным, он ехал уже более полутора часов, однако за все это время сумел включить в свой список лишь четыре достаточно стоящих вещи: темное пиво «Гиннесс Стаут», настоящую, хорошую мексиканскую кухню, кинозвезду Голди Хоун и страх смерти.

Густое, тягучее ирландское пиво было одним из главных наслаждений, привязывавших его к жизни. Оно никогда не надоедало, было первым и довольно эффективным, хотя и коротким утешением во всех его печалих и невзгодах. Сложнее было с мексиканской пищей. Не так-то просто найти хороший ресторан, где ее готовят по-настоящему, так что эта ниточка между ним и земными радостями была весьма непрочной. В Голди Хоун Сэм был влюблен уже давно, хотя и сам точно не знал, кого он любит — живую женщину или

ее образ на киноэкране. Она была прекрасна и остроумна, очаровательная, вся такая земная, близкая, и в то же время возвышенная, недостижимая. Казалось, она находит жизнь чертовски забавной, но милой игрушкой. Шансов встретить Голди Хоун в Северной Калифорнии, в таком захолустном местечке, как Мунлайт Коув, было в сто, пожалуй, даже в тысячу раз меньше, чем найти здесь, на побережье, ресторан с хорошей мексиканской кухней, и Сэм был рад, что это не единственная причина оставаться в живых.

Он мчался по шоссе, между рядами сосен и кипарисов, устремленных ввысь, по их длинным вечерним теням, падавшим на дорогу, чувствуя себя словно в серо-зеленом туннеле. Небо было чистым, ни облачка, и все же в нем словно таилась какая-то странная угроза. Оно казалось холодным и мрачным, несмотря на свою бледную, сверкающую голубизну, так не похожую на ту жаркую синеву, к которой Сэм привык в Лос-Анджелесе. Хотя ртутный столбик поднялся уже выше сорока, все вокруг застыло, будто покрытое инеем, в резком солнечном свете, точно отраженном от ледника.

Страх смерти — вот что было главным в его списке. Сэму далеко еще было до старости: сорок два года — отличный возраст; он был здоровый, крепкий мужчина, выше среднего роста, любитель хорошо поест и выпить; но уже шесть раз в своей жизни он скользил по зыбкому краю, по таинственной границе между светом и тьмой. Он заглянул в темные воды небытия и не нашел там ничего привлекательного; торопиться туда не стоило.

Справа от шоссе показался дорожный знак: «Оушэн Авеню. Мунлайт Коув. 2 мили».

В самом процессе умирания Сэма страшила не боль — это ведь только миг. Он не боялся того, что не успеет завершить какое-то дело — уже давно в душе его не осталось ни надежд, ни желаний; да и целей никаких не было, он ни к чему не стремился, так что и заканчивать было нечего. Но он не мог без ужаса подумать о том, что ожидало его по Ту Сторону.

Пять лет тому назад на операционном столе лежало скорее бездыханное тело, чем живой человек: он уже занес ногу через край, он почти узнал, что такое смерть. Пока

хирурги отчаянно боролись за его жизнь, сам он тихо отделился от своего тела и, поднявшись к потолку, смотрел вниз на то, что было его оболочкой и что осталось лежать там, на столе, окруженное толпой врачей. Потом он вдруг обнаружил, что несется по длинному туннелю, в конце которого, По Ту Его Сторону, виден мерцающий свет. Все было совсем как в тех напумевших статейках из бульварных газет и журналов, где люди, испытавшие что-то похожее, описывали свои ощущения. В последний момент искусство хирургов все же удержало его, не дало соскользнуть с земной тверди, но прежде он все-таки успел взглянуть на то, что было в конце туннеля. Об этом невозможно было вспоминать, не было на земле того, что могло бы с этим сравниться. Уж лучше жизнь, какая бы она ни была, лучше все что угодно, чем снова оказаться с *этим* лицом к лицу.

Вот и Оушэн Авеню. У подножия холма, там, где шоссе поворачивало на запад, Сэм увидел еще один знак: «Мунлайт Коув 1/2 мили».

По сторонам дороги в лиловом сумраке среди деревьев виднелись домики; в окнах уже горел свет, хотя до наступления темноты оставалось еще около часа. Одни были словно игрушечные — в баварском духе — из дерева и кирпича, с высокими крышами и низко нависающими карнизами. Этот стиль вошел в моду в 1940-х — 1950-х годах; тогда многие почему-то думали, что он гармонирует с природой и ландшафтом побережья Северной Калифорнии. Другие напоминали бунтало: деревянные, почти все одноэтажные, с большими верандами и плоскими крышами. Некоторые, побогаче, были покрыты кедровым деревом и украшены замысловатыми завитушками; те, что победнее, — просто беленькие, обшитые досками. Но все они, выросшие здесь буквально за последний десяток лет, были новенькие, аккуратные, словно приглаженные, с многочисленными окнами, глядевшими во все стороны света. Они были похожи на корабли, выброшенные на берег каким-то небывалым приливом, да так и осевшие на холме над морем.

Сэм въехал в торговый район главной улицы города; по обеим сторонам дороги на шесть кварталов растянулись магазинчики, рестораны, закусочные, дальше шел городской рынок, за ним две церкви, библиотека и кинотеатр,

потом еще какие-то незначительные конторы и офисы, — все они тянулись сплошной чередой вниз, до самого океана. Вид был вполне унылый и обыденный, и все же внутри у Сэма заняло от какого-то томительного предчувствия: что-то здесь было не так. Он и сам не мог бы определить, откуда вдруг появилось это чувство, но оно было настолько сильным и острым, что у него даже мурашки побежали по телу.

Быть может, это просто вечерние тени, окутавшие город, сделали его таким враждебным: он будто отталкивал от себя Сэма. Католический собор, словно острый стальной меч, вонзающийся в небо, в угасающем, безрадостном свете осенних сумерек казался пришельцем из другого мира; в нем было что-то опасное и жестокое. Кiosk с напитками отливал мертвенной белизной, будто его сложили из костей, выбеленных временем. Солнце, опускаясь за горизонт, бросало свои холодные белые блики на окна, на витрины магазинов, и они словно слепли в этом свете, глядя на мир жуткими бельмами. Казалось, там, внутри, происходит что-то страшное, и кто-то специально хочет скрыть это от чужих глаз. От домов, от сосен и кипарисов ложились на дорогу тени, но и они будто околели, застыли и вытянулись, острые, точно лезвие бритвы.

Проехав половину квартала, Сэм затормозил на перекрестке. Поблизости не было видно других машин, поэтому он не стал торопиться и, хотя уже зажегся зеленый свет, продолжал стоять, разглядывая немногочисленных прохожих. Его снова поразило ощущение чего-то странного, неопределимого словами, как и тогда, когда он въехал в город. Люди шли быстро, сосредоточенно, глядя куда-то вверх, будто стремясь к какой-то определенной, им одним известной цели, или торопясь выполнить что-то неотложное и срочное, какое-то важное дело, мучившее их, словно сильная жажда. Удивительно было видеть эту спешку, так не вязавшуюся со бычной медленной, лениво текущей жизнью маленького приморского городка, в котором едва ли набралось бы больше трех тысяч жителей.

Сэм вздохнул и поехал дальше. «Надо смотреть на вещи трезво, — уговаривал он себя, — у тебя просто разыгралось воображение». Наверняка и Мунлайт Коув, и его жители ничуть не отличались от того, что мелькало перед ним на

каждом шагу на всем пути из Сан-Франциско, от множества похожих курортных местечек, куда он иногда заезжал, чтобы пообедать в маленьких ресторанчиках. Просто он уже заранее был настроен на то, что здесь творится что-то неладное, а потому во всем, в самых обыденных и банальных вещах ему чудились зловещие знаки.

Так, стараясь рассуждать разумно, он успокаивал себя. Но Сэм знал, что за всем этим действительно что-то кроется.

Он приехал сюда, в Мунлайт Коув, потому что люди здесь умирали слишком часто, а официальные объяснения были весьма невразумительны и туманны; но инстинкт подсказывал ему, что истинная причина, когда она откроется, ошеломит и потрясет общество. За многие годы он научился доверять собственным предчувствиям, и это не раз спасало ему жизнь.

Сэм остановил свой «форд» у магазина подарков.

Бледное, потускневшее солнце опустилось уже совсем низко, почти касаясь серой, как асфальт, воды океана; грязновато-красные отблески заскользили по небу; вода у берега слегка колыхалась, и от нее вверх потянулись тонкие змейки тумана.

3

Крисси Фостер сидела на полу в кладовке за кухней, прислонившись спиной к полке, уставленной банками с разными соленьями, маринадами и джемами. Она взглянула на свои часы. Кладовка была маленькая, без окон, вся уставленная полками; с потолка на шнуре, без абажура, свисала электрическая лампочка, и в ее резком свете Крисси увидела, что прошло уже почти девять часов с тех пор, как ее заперли здесь. Часы... Она получила их, когда ей исполнилось одиннадцать лет, больше четырех месяцев назад, и была в восторге от этого подарка. Это были не простенькие детские часы с рожицами из мультфильмов на циферблате, нет, они были изящные, как у юной леди, золотые, с тоненькими штрихами римских цифр вместо неуклюжих арабских. Совсем такие, как носила ее мама. Крисси стало очень грустно. Эта вещица напомнила ей о тех

счастливых временах, когда у нее была дружная семья, были добрые папа и мама. И вот время это ушло навсегда.

Сердце девочки сдавила тоска, она чувствовала себя очень одинокой, она устала от долгого сидения взаперти, и ей было страшно. Правда, уже не так страшно, как сегодня утром, когда отец, схватив ее за руку, протащил через весь дом и бросил сюда, в кладовку. Тогда она брыкалась и визжала, она была вне себя от ужаса из-за всего, что ей пришлось увидеть. От того, какими стали ее родители. Она просто обезумела от страха. Но это не могло продолжаться долго. Постепенно этот накал сменился легкой лихорадкой, вроде той, какая бывает, когда заболеваешь гриппом; ее бросало то в жар, то в холод, подташнивало, голова болела и кружилась.

«Интересно, — думала Крисси, — что они будут делать, когда наконец придут за мной?» Хотя нет, пожалуй, ей было совершенно ясно, что они собираются с ней сделать. Она ни секунды не сомневалась, что они хотят превратить ее в нечто такое же, как они сами. Ее волновало только, как именно это произойдет и какой же она тогда станет. Она видела, что и мать, и отец перестали быть обычными людьми, в них появилось что-то еще, но что это, в чем состояла перемена, она не могла бы определить.

Не находя нужных слов для описания того, что произошло в ее собственном доме, Крисси испугалась еще больше. Она всегда любила слова, любила их звук, их сочетания и верила в их силу. Она любила читать и читала все подряд: стихи, короткие рассказы и романы, газеты и иллюстрированные журналы, в конце концов, даже надписи на коробках с крупой, если под рукой больше ничего не было. Крисси училась еще только в шестом классе, но ее учительница, миссис Токава, говорила, что она начитана, как десятиклассница. Когда Крисси не читала, она сочиняла рассказы. В прошлом году она твердо решила, что когда вырастет, станет писательницей и будет писать романы, как Поль Зиндель или как Даниэль Пинквотер — возвышенно и просто, а лучше всего так, как Эндрю Нортон.

Но сейчас слов не было; жизнь ее неожиданно резко изменилась, все полетело кувырком. Не меньше, чем перемена, происшедшая с родителями, Крисси пугало то, что у

нее хотят отнять ее мечту, ее будущую взрослую жизнь, такую уютную, полную книг. Задолго до того, как ей исполнилось двенадцать, Крисси пришлось испытать на себе, насколько зыбки все человеческие планы, как легко они могут рухнуть. Печальное открытие, и она не была к нему подготовлена.

Но это не значит, что она уже сдалась. Нет, она собиралась бороться. Она не позволит им превращать ее неизвестно во что, она будет сопротивляться. Еще утром, когда ее заперли здесь, она решила действовать. Как только высохли слезы, Крисси стала внимательно осматривать полки. Они были заставлены и завалены всякими консервами, бутылками, пакетами и коробками с крупой, мукой, специями. Но здесь хранились также и стиральные порошки, и медикаменты, и все, что необходимо для работы по дому. Порывшись, Крисси нашла, наконец, то, что ей было нужно — маленький баллончик с аэрозолем, — отличная вещь! Это был масляный аэрозоль в упаковке гораздо меньше обычной, так что его легко можно было спрятать. Если ей удастся застать их врасплох и брызнуть в глаза едкой жидкостью, это хоть ненадолго ослепит их, и, может быть, тогда Крисси сможет вырваться на свободу.

Она представила себе большие заголовки на первых страницах газет: «СООБРАЗИТЕЛЬНОЙ МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКЕ УДАЛОСЬ СПАСТИСЬ БЛАГОДАря ПРОСТОМУ БАЛЛОНЧИКУ С АЭРОЗОЛЕМ».

Крисси крепко сжала баллончик обеими руками, и это придало ей уверенности.

В памяти то и дело вставали картины того, что случилось сегодня утром. Она ясно видела лицо своего отца в тот момент, когда он тащил ее, чтобы запереть здесь, — оно побагровело и словно распухло от гнева, глаза, обведенные темными кругами, злобно сверкали, ноздри раздувались, губы раздвинулись в зверином оскале. «Я еще вернусь за тобой, — прорычал он, весь дрожа от ярости, брызгая слюной, — погоди, я еще вернусь».

Он захлопнул дверь и просунул под ручку спинку стула так, что ее невозможно было открыть изнутри. Позже, когда родители ушли и в доме все стихло, Крисси попыталась выбраться, изо всех сил толкая дверь, наваливаясь на нее, но та не поддавалась.

«Я еще вернусь за тобой, — звучали в ушах Крисси слова отца, — я еще вернусь».

Его трясущееся от бешенства лицо, налитые кровью глаза напомнили девочке кровожадного Хайда из рассказа Стивенсона о докторе Джекиле, который она недавно читала. В ее отце чувствовалось какое-то безумие, он был совсем не такой, как раньше.

Больше всего ее мучило воспоминание о том, что она увидела в прихожей, когда, опоздав на школьный автобус, вернулась домой и застала своих родителей враспых. Нет, это больше не были ее родители. Они... Это было нечто другое...

Крисси вздрогнула и еще крепче сжала в руке баллончик.

Внезапно, в первый раз за долгие часы тишины и одиночества, девочка услышала на кухне какой-то шум. Задняя дверь дома открылась, послышались шаги. Похоже, что их двое, а может быть, даже трое или четверо.

— Она там, внутри, — раздался голос отца.

Сердце Крисси замерло, потом забилось еще сильнее.

— Это займет довольно много времени, — услышала она низкий, режущий ухо голос, будто скребли железом по стеклу. Она не могла узнать говорившего. — С детьми, знаете ли, все гораздо сложнее. Шаддак вообще не уверен, что у нас получится с ребенком. Это рискованно.

— Мы должны превратить ее, Такер, — это сказала мать Крисси, Шарон, но голос ее звучал совсем не так, как обычно. В нем не было той мягкости и теплоты, которые так любила девочка. Раньше Крисси могла часами слушать, как мама читает ей волшебные сказки, ее голос тогда звучал так нежно, так мелодично. Теперь все это исчезло.

— Да, конечно, мы сделаем это, — произнес незнакомец, которого, очевидно, звали Такер. — Я и сам знаю. Шаддак тоже решил, что это необходимо. Для этого он и послал меня сюда, верно? Я просто предупреждаю, что это может занять больше времени, чем обычно. Все это время нам нужно где-то держать ее так, чтобы она не смогла сбежать, и чтобы можно было следить за превращением.

— Можно прямо здесь. В ее спальне наверху.

Превращение?

Вся дрожа, Крисси поднялась на ноги и повернулась

лицом к двери. Послышался скрип, скрежет отодвигаемого стула.

Девочка сжала баллончик в правой руке, отведя ее немного за спину и держа указательный палец на распылителе.

Дверь открылась, голова отца просунулась внутрь.

Алекс Фостер. Крисси старалась думать о нем именно так — не папа, а просто какой-то Алекс Фостер. Очень трудно было смотреть на него как на чужого, постороннего человека, ведь он все-таки был ее отцом. Хотя теперь это уже не имело особого значения — отец он или Алекс Фостер, — оба эти слова совсем не подходили к тому новому и странному существу, которым он стал.

Лицо его, сейчас спокойное, не искаженное гневом, выглядело почти как обычно: широкое, открытое и доброе, веснушки на щеках и на носу, густые светлые волосы. Но глаза выдавали его, они были чужими и страшными, взгляд был диким, напряженным, будто его снедала какая-то неистовая жажда. Или голод. Ну да, вот именно, голод. Папа выглядел ужасно голодным, будто у него уже давным-давно не было во рту ни крошки, он был голодным, как волк, просто умирал от голода... но ему нужна была не пища. Крисси не могла понять, чего он хочет, она просто всем своим существом ощущала эту его жадную, звериную потребность; она видела, как все его тело напрягается от этого мощного, неодолимого желания, оно расходилось вокруг него волнами, вырывалось, словно пар из кипящего котла.

— Выходи, Кристин, — сказал он.

Крисси вся съежилась, опустила плечики и заморгала, будто сдерживая слезы. Дрожа всем телом, стараясь показаться маленькой, испуганной и беззащитной девочкой, она неохотно сделала шаг вперед.

— Давай, давай, пошевеливайся! — нетерпеливо заторопил он ее.

Крисси переступила через порог и увидела свою мать. Та стояла чуть позади Алекса. Она была необыкновенно хороша: рыжевато-каштановые волосы, зеленые глаза, — но в ней не чувствовалось больше прежней, свойственной ей мягкости, материнской теплоты. Взгляд был тяжелым, пристальным, и от нее исходила та же с трудом сдерживаемая, неуголимая, жадная страсть, что и от ее мужа.

У кухонного стола стоял незнакомец. Он был в джинсах и клетчатой охотничьей куртке. Видимо, это и был тот самый Такер, с которым разговаривала ее мать: высокий, худой, весь будто состоящий из острых углов. Его коротко стриженные черные волосы торчали как щетина; темные глаза глубоко спрятались под костистыми надбровиями; хрящеватый нос казался вырубленным из камня клином, вбитым между глазами; губ почти не было видно, его рот напоминал узкую темную щель, а челюсти выдавались вперед, громадные, как у хищника, который в мгновение ока может перекусить пойманного зверька пополам. В руке он держал черный кожаный чемоданчик, вроде тех, с которыми врачи ходят по вызовам.

Увидев Кристи в дверях, отец шагнул ей навстречу, и в ту же секунду она выхватила из-за спины баллончик и направила ему струю прямо в глаза. Не обращая внимания на отца, взывшего от боли и неожиданности, девочка тут же повернула свое маленькое, но действенное оружие в сторону матери. Почти ослепнув, они суетливо шарили руками вокруг себя, пытаясь найти Крисси, но она ловко проскользнула между ними и бросилась к выходу.

Ошеломленный Такер все же успел схватить ее за руку.

Крисси рванулась и ударила его ногой ниже пояса.

Хоть он и продолжал держать ее, но хватка его ослабла. Крисси вырвалась и метнулась в коридор — прочь, скорее прочь из этого дома!

4

С востока на Мунлайт Коув надвигались сумерки; туман, поднимавшийся над водой, был словно дымное багровое зарево. Воздух был холодный и какой-то промозглый, и Сэм, выйдя из машины, порадовался, что догадался надеть под свою вельветовую куртку теплый шерстяной свитер. Внезапно по всей Оушэн Авеню разом вспыхнули фонари. Сэм не спеша пошел по улице, разглядывая витрины, пытаясь уловить дух города, почувствовать, чем живут здесь люди.

Он знал, что Мунлайт Коув — маленький, но вполне благополучный, можно сказать, даже зажиточный городок.

С тех пор, как лет десять назад сюда пришла микроволновая техника, люди здесь забыли, что значит безработица, торговля процветала. Но сейчас везде заметны были явные следы запустения. Магазины «Чудесные подарки» Тейлора и «Ювелирные изделия» Санджера были заброшены. За пыльными стеклами их витрин можно было разглядеть пустые полки, на прилавках не было выставлено никаких товаров, внутри царил полумрак. «Новые модели» — центральный магазин, в котором раньше одевались чуть ли не все жители города, пришел в упадок. Его покупатели умирали один за другим, так что цены пришлось снизить больше чем наполовину, и это был еще не предел. Сэм прошел немного по направлению к пляжу и повернул обратно, направляясь к кабачку «Найтсбридж», внимательно присматриваясь ко всему, замечая, как на смену сумеркам приходит ночь. С моря наплывал туман, он окутывал все своей сияющей, вспыхивающей перламутровыми блестками, нежно-лиловой дымкой; лишь кое-где желтоватые потоки света уличных фонарей просачивались сквозь эту белесую пелену, а сверху над городом нависла тяжелая, плотная тьма.

Улица была совершенно пустынна. Только вдалеке виднелась одна-единственная машина, и кроме него, не было больше ни одного пешехода. Одиночество и причудливый свет угасающих сумерек рождали странное ощущение, что это призрачный город, город привидений, населенный мертвецами. Туман, клубившийся над океаном, постепенно стучался, он полз вверх по склону, придавая всему какой-то потусторонний вид. Казалось, все вокруг вымерло, все магазины пусты, и в них не осталось других товаров, кроме пыли, паутины и тишины.

«Ты все-таки неисправимый пессимист, — усмехнулся про себя Сэм. — Мрачная, угрюмая личность!»

Но у него было достаточно оснований, чтобы стать таким. Слишком много он испытал на своем веку, чтобы смотреть на мир через розовые очки.

Струйки тумана змеились вокруг его ног. Бледное солнце уже наполовину скрылось в темной воде океана. Сэм поежился и решил зайти в кабачок промочить горло.

В зале было только три посетителя, и вид у всех троих был не слишком веселый. Слева за невысокой перегород-

кой сидела пара — мужчина средних лет и женщина; наклонившись друг к другу, они тихо разговаривали. У стойки какой-то парень сидел сторбившись, обхватив кружку обеими руками; лицо у него было серое, и он хмуро разглядывал пиво на дне кружки, так, словно увидел в нем дохлого таракана.

Хозяин кабачка, видимо, оправдывая название своего заведения, пытался создать в нем атмосферу старой доброй Англии.

В спинки стульев были вделаны вырезанные из дерева плиты с гербами, явно перерисованные из какого-нибудь геральдического справочника и раскрашенные от руки. В углу стояли старинные доспехи, а по стенам были развешаны картины, изображающие сцены охоты на лисиц.

Сэм уселся на табурет подальше от человека с серым лицом. Бармен уже спешил к нему, на ходу вытирая безукоризненно чистой тряпкой прилавок из полированного дуба, на котором и так не было ни единого пятнышка.

— Что прикажете, сэр?

Это был смешной кругленький человечек. Все в нем было круглым: выпяченный, как шарик, живот; мясистые ручки, густо поросшие черными волосами; толстые щечки; кружочек рта казался слишком маленьким для такого толстяка; кончик его курносого носика тоже был круглым; и в довершение ко всему невероятно круглые глаза придавали его лицу такое выражение, словно он непрерывно чему-то удивлялся.

— У вас есть «Гиннесс»? — спросил Сэм.

— Можно ли представить себе настоящую, уважающую себя пивную без «Гиннесса», сэр? Если бы у нас не было этого пива... Что ж, лучше бы нам тогда сменить вывеску на «Чайную». — Каждое слово, которое он произносил, выкатывалось у него изо рта как гладкий, круглый шарик, похожий на него самого. Казалось, он готов сделать все на свете, чтобы доставить удовольствие посетителю. — Какое пиво вы предпочитаете, совсем холодное или только слегка охлажденное? У меня есть и то и другое.

— Чуть-чуть охлажденное.

— О, вы знаете в этом толк! — Вернувшись с бутылкой и

* Knight's Bridge (англ.) — Рыцарский мост — знаменитый мост в Лондоне. — Прим. пер.

кружкой, бармен представился: — Берт Пэкхэм. Хозяин этого заведения.

— Сэм Букер, — ответил Сэм, осторожно, чтобы было поменьше пены, наливая в кружку густую темную жидкость. — Славное местечко, Берт, — добавил он, стараясь, чтобы пиво стекало по стенке кружки.

— Спасибо на добром слове. Думаю, мой бар и впрямь того заслуживает. Я всегда старался, чтобы здесь было уютно и чтобы напитки были хорошие. Раньше от посетителей отбоя не было. Но в последнее время их что-то поубавилось. То ли все хором записались в общество трезвости, то ли предпочитают попивать пиво у себя дома, никуда не выходя. Ума не приложу, в чем тут дело.

— Ну, сегодня же понедельник.

— Да нет, не в этом дело. Последние два месяца все время так, даже в субботу вечером бар наполовину пустой. Раньше такого никогда не случалось. — На круглое добродушное лицо Берта Пэкхэма словно набежало облачко. Разговаривая, он продолжал медленно водить тряпкой по стойке. — Не знаю, может, калифорнийцы, помешанные на своем здоровье, совсем чокнулись. Занялись все поголовно аэробикой, упражняются до седьмого пота перед экранами своих телевизоров, питаются исключительно зернами пшеницы и яичными белками или черт их знает, что они там едят; и не пьют ничего, кроме дистиллированной воды, фруктового сока и птичьего молока. Ну, а я лично считаю, что пара стаканчиков в день — лучшее средство от всех болезней!

Сэм с наслаждением отпил глоток из своей кружки и удовлетворенно вздохнул:

— Думаю, что каждый, кто это попробует, согласится с вами.

— Так оно и есть. Разгоняет кровь, прочищает внутренности. Государственные деятели, министры, священники должны благословлять этот напиток, восхваляя его бесчисленные достоинства, вместо того чтобы осуждать и выступать против него. Все хорошо в меру — это, без сомнения, включает и ежедневную порцию пива. — Видимо, поймав себя на том, что он уже давно трет стойку и слишком рьяно предается этому занятию, бармен повесил тряпку на крюк и сложил на груди руки. — Вы как здесь, проездом, Сэм?

— Вроде да, — соврал Сэм. — Вот, путешествую по всему побережью, от Лос-Анджелеса до Орегона, ищу спокойное местечко, чтобы немного отдохнуть от дел, если можно так выразиться, наполовину выйти на пенсию.

— Пенсия? Вы шутите?

— Полупенсия.

— Но ведь вам только... я думаю, сорок, сорок один, не больше?

— Сорок два.

— Чем же вы занимались, что уже успели скопить столько денег? Банки грабили, что ли?

— Был маклером на бирже. Мне везло с акциями, так что за все эти годы получились неплохие сбережения. Теперь вот надоело, пора бросать всю эту мышиную возню и открывать собственное дело. Хотелось бы осесть в каком-нибудь тихом, маленьком городке, чтобы не было этих машин, смога, и чтобы вечером можно было спокойно выйти на улицу, не боясь преступников. Хватит с меня Лос-Анджелеса, сыт по горло.

— Надо же, неужели на акциях можно заработать столько денег? — удивился Пэкхэм. — А я-то всегда думал, это все равно, что спустить их в рулетку. Помните тот ужасный крах на бирже пару лет тому назад? Разве кто-нибудь тогда уцелел?

— Конечно, простакам или дилетантам такая игра не по зубам, но если ты профессиональный маклер, и не играешь на повышение до безумия, — тогда другое дело. Акции не могут ведь бесконечно повышаться или понижаться в цене — так не бывает. Так что твое дело — следить за курсом и иметь хорошее чутье; тут главное — не упустить тот момент, когда надо поворачивать против течения.

— Подумать только, уйти от дел в сорок два года! — недоуменно покачал головой Пэкхэм. — А я вот, когда начинал это дело, был уверен, что обеспечил себя на всю жизнь. Я так и сказал тогда жене: нет ничего лучше и надежнее, чем открыть свой кабачок. В хорошие времена люди пьют от радости, в плохие — чтобы забыться, пьют и по праздникам, и в будни. Так что это — верное дело. И вот, кто бы мог подумать... — Он обвел рукой почти пустой зал. — Лучше бы я торговал в монастыре противозачаточными средствами.

— Принесите-ка мне еще кружку «Гиннеса», дружище, — попросил Сэм.

— Эге, может все еще пойдет на лад, а? — обрадовался бармен.

Когда Пэкхэм принес пиво, Сэм сказал, как бы размышляя вслух:

— Пожалуй, Мунлайт Коув может оказаться тем самым местечком, которое я ищу. Думаю, я задержусь здесь на несколько дней, осмотрюсь, что и как. Вы мне не посоветуете какой-нибудь мотель?

— У нас тут остался всего один. Наш город никогда не считался модным курортом, сюда редко заглядывают туристы. Да и нельзя сказать, чтобы мы к этому особенно стремились. Правда, до нынешнего лета здесь было четыре мотеля. Теперь вот три из них закрылись. Не знаю, почему... вам покажется странным... этот городок такой милый, но создается впечатление, будто он умирает. Не то чтобы жителей стало меньше, но... черт возьми, мы как будто что-то теряем. — Пэкхэм снова схватился за тряпку и начал яростно натирать стойку бара. — Во всяком случае, загляните в мотель «Коув Лодж» на Кипарисовой аллее. Это в самом конце Оушэн Авеню, она пересекает ее. Мотель стоит на обрыве, над морем, так что у вас из окон будет прекрасный вид. Это приятное, спокойное место, и там очень чисто.

5

Добежав до конца коридора, Крисси распахнула дверь и помчалась через широкую веранду вниз, по ступенькам, споткнулась, но не упала, выбежала во двор и бросилась направо, к конюшням. Она пробежала мимо большой синей «хонды», по-видимому, это была машина Такера. Ей казалось, что подошвы ее теннисных туфель грохочут по гравию, этот звук отдавался в ушах как канонада. Ах, если бы она могла бежать потише и побыстрее! Сумерки уже ступали, и, может быть, родители и Такер не успели заметить, в какую сторону она побежала, но они, конечно, услышат ее топот и бросятся в погоню.

Тьма охватила уже почти все небо, только на западе еще сверкала узкая багровая полоса; казалось, весь осенний свет

этого октябрьского дня слили на дно огромного небесного котла, и там теперь кипело это темно-красное варево. Тонкая, полупрозрачная пелена тумана поднималась над морем. Крисси надеялась, что туман скоро загустеет, станет как пудинг, плотной стеной оттородит ее от преследователей.

Крисси добежала до первой из двух больших, длинных конюшен и нырнула в дверь. До нее донеслись знакомые, родные запахи — пахлю соломой для подстилок и свежим сеном, к этому примешивался запах овса, который жевали лошади, и самих лошадей, и еще довольно острый запах седельной кожи, смазки и сухого навоза, — этими запахами была пропитана конюшня, и они успокаивали, вселяли надежду.

Крисси щелкнула выключателем, и тусклый, приглушенный свет ночных ламп разлился по конюшне, не тревожа ее обитателей. В этом неярком свете видно было, что по обеим сторонам прохода тянутся просторные стойла; любопытные лошади поднимали головы над невысокими перегородками, глядя на девочку. Некоторые принадлежали родителям Крисси, других поставили сюда соседи из Мунлайт Коува и окрестностей. Лошади с шумом втягивали воздух, фыркали, одна из них тихонько заржала. Крисси пробежала мимо них к последней перегородке. Там, слева от прохода, стояла Годива — серая в яблоках кобыла.

С улицы в каждое стойло был отдельный вход, но Крисси решила не пугать лошадь, пытаясь в темноте отпереть эту дверь, тем более, что уже наступили холода и все двери запирались на засовы сверху и снизу, чтобы сохранить тепло. Годива была ласковой, смирной кобылой, она любила Крисси, но могла бы громко заржать или броситься вон из конюшни, если бы кто-нибудь в такой поздний час попытался залезть к ней снаружи. Поскольку успокаивать лошадь Крисси было некогда, она добралась до стойла с внутренней стороны.

Казалось, лошадь ждала ее. Годива затрясла головой разметав свою густую, блестящую белую гриву, за которую она и получила свое прозвище, и фыркнула в знак приветствия.

* Героиня легенд леди Годива, обвиненная в супружеской неверности, в наказание должна была появиться обнаженной среди бела дня. Но ее роскошные волосы, рассыпавшись, скрыли наготу и защитили Годиву от нечистых и любопытных глаз. Легенда имеет варианты. — *Прим. ред.*

Поминутно оглядываясь на вход, ожидая, что там вот-вот появятся ее родители и Такер, Крисси открыла дверцу стойла и выпустила кобылу в проход.

— Будь умницей, Годива! Пожалуйста, слушайся меня! — шептала Крисси.

Садлать или взнуздывать лошадь не было времени. Полопывая кобылу по боку, Крисси повела ее в дальний конец конюшни, мимо помещения, где хранился корм, и навеса, под которым держали сено, к другому выходу. По пути она вспугнула мышку, та метнулась через проход и юркнула в самый темный угол. Крисси толкнула дверь и вдохнула свежий ночной воздух.

Теперь нужно было как-то взобраться на спину лошади, а девочка была еще слишком мала, чтобы без стремян вскочить на нее.

Она заметила в углу табурет и подцепила его ногой, подтягивая поближе к лошади. В то же время она ласково поглаживала кобылу, чтобы та стояла спокойно.

Крисси услышала крик Такера в другом конце прохода: — Она здесь! В конюшне! — Он уже бежал к ней.

Табурет был не слишком высок, он не мог заменить стремя.

Крисси слышала тяжелые шаги Такера, они приближались, вот еще ближе, но она не оглядывалась, не смотрела на него.

— Вот она! Я поймал ее! — кричал он.

Крисси ухватила Годиву за ее чудесную белую гриву и стала подтягиваться, скользя ногами по гладким бокам лошади, отчаянно цепляясь и карабкаясь, стараясь изобрести на спину лошади. Должно быть, той было больно, девочка сильно тянула за гриву, просто повисла на ней, но Годива стоически выносила все это. Она не заржала от боли, даже не шелохнулась, будто бы какой-то лошадиный инстинкт подсказывал ей, что от ее терпения зависит жизнь этой маленькой девочки. Крисси вскарабкалась на спину лошади, правда, она сидела еще весьма непрочной, но, главное, уже была наверху. Она крепко сжала бока кобылы коленями, одной рукой держась за ее гриву, и хлопнула Годиву ладошкой:

— Вперед!

В тот момент, когда Крисси крикнула это, Такер схватил ее за ногу, вцепился в джинсы. Глаза его злобно сверкали, ноздри раздувались, тонкие губы раздвинулись, обнажив оскал зубов. Девочка ударила его ногой в подбородок, и пальцы его разжались.

В ту же секунду Годива вырвалась из конюшни в ночь.

— У нее лошады! — крикнул Такер. — Она взяла лошады!

Серая в яблоках кобыла понеслась прямо по склону, поросшему травой, спускавшемуся к морю. Внизу, на черной поверхности воды вспыхивали последние, грязновато-красные блики заката. Но Крисси боялась скакать в этом направлении: она не знала, какой сегодня будет прилив. Вода могла подняться слишком высоко, а в некоторых местах пляж был настолько узок, что волны захлестывали его даже при небольшом приливе. Если вода подойдет к скалам, проехать там будет невозможно. Она не могла так рисковать, когда за спиной были родители и Такер.

Даже без седла, на спине несущейся вскачь лошади, Крисси удалось усесться поудобнее; она перестала съезжать набок, как лихой наездник в цирке, и погрузила обе руки в густую, жесткую гриву лошади, ухватившись за нее покрепче и используя вместо вожжей. Она заставила Годиву свернуть налево, в сторону моря, вообще подальше от дома и, проскакав за длинными, низкими зданиями конюшен, направила лошадь на дорогу в сторону шоссе; она надеялась, что там можно будет позвать на помощь.

Годива, вместо того чтобы воспротивиться такому насилию, тут же послушно повернула; можно было подумать, что ее дергают за удила, а не за ее собственную гриву. Цокот ее копыт эхом отдавался по всей округе, когда они скакали вдоль конюшен.

— Ты моя умница, ты самая замечательная лошадь на свете! — кричала Крисси. — Ты моя любимая лошадка!

Они проскакали мимо входа в конюшню, держась от него на безопасном расстоянии, и Крисси заметила в дверях Такера. Он явно был поражен, обнаружив, что она выбрала этот путь, вместо того чтобы устремиться к океану. Он бросился к ней огромными прыжками, и на секунду в ней вспыхнул страх, но нет, где ему было утнаться за Годивой!

Они были уже на дороге, которая вела к шоссе, и Крисси

пригнула Годиву на обочину. Они скакали по мягкой земле; девочка низко пригнулась к шее лошади, всем телом прижалась к ней, боясь упасть; стук лошадиных копыт, казалось, отдавался в каждой клеточке ее тела. Она обернулась и увидела свой дом; окна его светились в темноте ярко, но неприветливо. Крисси больше не чувствовала, что это ее дом; это был ад в четырех стенах, и свет в его окнах казался ей теперь адским огнем в обиталище Сатаны.

Внезапно на лужайке перед домом показалась какая-то фигура. Она была похожа не человека, но неслась через лужайку на четырех ногах, как животное, низко пригнувшись к земле, приближаясь с невероятной скоростью. Крисси заметила, что другое такое же странное существо нагоняет ее сзади. В свете, падающем из окон дома, Крисси могла разглядеть их силуэты. Но она видела больше, чем просто очертания фигур, она знала, кто они. Нет, вернее было бы сказать, она знала, кем они были, но не могла понять, чем они стали, хотя не далее, как сегодня утром видела их обоих наверху в передней. Им было хорошо известно, кем они были раньше, — такими же людьми, как она сама; но она понятия не имела, чем они стали теперь.

— Вперед, Годива, ну же, быстрее!

Без всяких вожжей, словно понимая, что нужно прибавить скорость, лошадь рванулась вперед и поскакала еще быстрее. Казалось, она чувствовала все, что происходит с Крисси.

Они миновали дом и понеслись вдоль дороги по заросшему травой полю, держа на восток, к окружному шоссе. Лошадь неслась как стрела, ее ноги едва касались земли, Крисси почти не чувствовала толчков, словно они не скакали, а летели по воздуху.

Девочка оглянулась, но в сгущавшихся сумерках не могла разглядеть тех полулюдей-полуживотных, которых увидела на лужайке. Без сомнения, они продолжали преследовать ее, но свет из окон уже не попадал сюда, а вокруг становилось все темнее; только одна грязновато-красная, налившаяся теперь глубоким пурпуром полоса еще светилась на горизонте; луна еще только всходила и казалась бледным серебристым кружочком над холмами.

Хотя Крисси не могла видеть погоню, зато ей хорошо

были видны огни синей «хондъ» Такера. Она заметила, как он развернул машину на лужайке перед домом и, выехав на дорогу, присоединился к погоне.

Крисси не сомневалась, что Годива запросто обгонит любого человека или животное, если, конечно, это не будет скаковой жеребец; но машина — это совсем другое дело. Такеру не понадобится много времени, чтобы настигнуть их. Лицо его ясно вставало перед ее глазами: костистый лоб, брови, нависшие над черными, холодными, как камень, глазами, острый, словно клюв хищной птицы, нос. И вокруг него ощущалось то же поле нечеловеческого напряжения, словно пронизанное электрическими разрядами, какое она чувствовала в своих родителях, странная нервозность и мучительный, голодный блеск глаз. Крисси знала, что он пойдет на все, чтобы остановить ее, он может даже врезаться в Годиву на своем автомобиле.

Но машина была опасна только на твердой дороге. Крисси подумала, что если свернет в поле, Такер не сможет больше гнаться за ней и ничего ей не сделает. Нехотя, не видя другого выхода, девочка повернула кобылу в сторону от дороги, от шоссе, где их, может быть, ждала помощь, и поскакала через луг к лесу, видневшемуся на горизонте.

Лес вставал перед ней как сплюснотый черный массив на той стороне луга, его очертания неясно вырисовывались на краю темного вечернего неба. В сумерках Крисси не разбирала дороги, ей только оставалось надеяться, что лошадь видит в темноте лучше, чем она, что чутье подскажет ей, где таится опасность.

— Ну же, миленькая, давай, хорошенькая моя, не бойся — кричала она, подбадривая кобылу.

Они неслись как ветер, со свистом разрезая неподвижный воздух. Крисси чувствовала жаркое дыхание лошади, видела, как в холоде ночи оно превращается в сизые клубочки пара; она жадно хватала ртом воздух, и пар от ее дыхания смешивался с лошадиным. Сердце девочки колотилось в такт неистовому скоку лошадиных копыт, она чувствовала, как сливается с Годивой в одно целое. Они были уже не лошадью и всадником, а единым существом, и у них на двоих было одно сердце, одна и та же кровь струилась по их жилам, одними легкими они дышали.

Сложные, противоречивые чувства охватили Крисси: страх перед грозящей опасностью и в то же время странное возбуждение, какой-то непонятный восторг от этой скачки и похи, от погони. Это открытие испугало ее. Оказывается, ходить по краю, заглядывать в лицо смерти, а в ее положении, возможно, и чему-нибудь худшему, чем смерти, было поистине страшно, но приятно; она даже представить себе не могла, насколько сладостна эта пытка опасностью, как увлекательна эта безумная, жуткая игра. Дрожь внезапного наслаждения испугала ее не меньше, чем те, что гнались за ней.

Крисси еще крепче вцепилась в кобылу; земля была неровная, и от тряски девочка то и дело высоко подпрыгивала, отрываясь от спины лошади, но она держалась, ловко притибаясь, ласково, но сильно сжимая бока кобылы. Чем дальше они скакали, тем больше росла в Крисси уверенность, что им удастся уйти от погони. Лошадь была здоровая и выносливая. Они были уже почти у самого леса, и Крисси решила, что лучше повернуть на восток, по направлению к шоссе; конечно, не скакать напрямик, но в общем...

И тут Годива упала.

Видимо, нога ее попала в какую-то выбоину — барсучью или кроличью нору, а может быть, в канаву или яму; она споткнулась, потеряла равновесие и, не сумев удержаться на ногах, с тонким испуганным ржанием повалилась набок.

Крисси боялась, что кобыла может придавить ее, если упадет на нее всей своей тяжестью, а если даже и не раздавит, то, по крайней мере, сломает ей ногу. Но, к счастью, лошадь не была оседлана, так что ноги девочки не запутались в стремях, а вынутая лука седла не цепляла ее за одежду. Когда Годива споткнулась, Крисси инстинктивно отпустила ее гриву; девочку подбросило высоко в воздух, и, перелетев через голову лошади, она упала далеко вперед. Земля была мягкая, трава и мох покрывали ее как подушка, и все же Крисси ощутила сильный толчок. Она задохнулась, а зубы так сильно клацнули, что она наверняка откусила бы себе кончик языка, если бы он случайно попал между ними. Но главное, с ней ничего не случилось, она осталась цела и невредима.

Годива первая с трудом поднялась на ноги. С расширен-

ными от ужаса глазами она протрусила мимо Крисси, приподнимая правую переднюю ногу, словно ей больно было ступать на нее; очевидно, у нее были растянуты связки; если бы нога была сломана, лошадь вообще не смогла бы встать.

Крисси окликнула ее, боясь, что кобыла убежит. Но ей все еще трудно было дышать, и вместо окрика получился тихий, невнятный шепот:

— Годива!

Лошадь не остановилась, продолжая рысить в сторону океана, туда, где была ее конюшня.

Крисси приподнялась, упираясь в землю коленками и локтями. Сообразив, что хромя лошадь все равно ей ни к чему, она не стала больше звать ее. Девочка все еще прерывисто дышала, голова ее слегка кружилась, но она понимала, что нужно немедленно встать и бежать отсюда как можно дальше, потому что за ней продолжали охотиться. Крисси не сомневалась в этом, так как видела свет фар «хонды», стоявшей на обочине дороги ярдах в трехстах от нее. Закат на горизонте был как запекавшаяся кровь, небо еще сочилось последними красными каплями, но луг позади был совершенно черным. Она не могла разглядеть, несутся ли еще там, в темноте, эти длинные хвосты тени, но была уверена, что они быстро приближаются и вот-вот схватят ее.

Крисси поднялась на ноги, прошла, покачиваясь, несколько шагов, приходя в себя от удара, и наконец, почувствовав себя лучше, помчалась на юг, к лесу.

6

За годы скитаний Сэм Букер открыл, что маленькие, уютные гостиницы — истинное украшение калифорнийского побережья на всем его протяжении. Они ничуть не походили на бездушные современные отели. Сэм восхищался их массивными каменными стенами, деревом, изъеденным временем, источенным ветрами и непогодой, их сводчатыми потолками и овальными зеркалами в старинных рамах. Дворики перед ними были обычно обнесены невысокими стенами из старого кирпича и радовали глаз своей пышной растительностью. Что и говорить, несмотря на свое название, рисовавшее воображению подобные карти-

ны блаженства вдали от шума больших городов, «Коув Лодж» — единственная оставшаяся в округе гостиница, нию не входила в число этих жемчужин Калифорнии. Это была прямоугольная, оштукатуренная коробка в два этажа, с обшарпанным кофейным баром в конце коридора и без всяких признаков бассейна. Все дополнительные удобства ограничивались автоматами с содовой водой и льдом на обоих этажах. Вывеска над мотелем не поражала ни яркостью красок, ни неоновыми огнями, — простенькая, скромная и... дешевая.

Дежурный портье выдал ему ключ от комнаты на втором этаже, с видом на океан, хотя пейзаж за окном меньше всего волновал Сэма. Судя по количеству машин на стоянке, можно было предположить, что свободных комнат с красивыми видами из окон здесь более чем достаточно. На каждом этаже было по двадцать комнат — десять с каждой стороны; коридор между ними был застлан ворсистой дорожкой ядовито-оранжевого цвета, который слепил глаза. С одной стороны окна выходили на Кипарисовую аллею, с другой — на море. В номере, который отвели Сэму, стояла невероятных размеров кровать с продавленным матрасом, прикрытая потертым покрывалом цвета морской волны, рядом с ней ночной столик, весь в черных рубцах и шрамах, — видно было, что не одно поколение постояльцев тушило об него сигареты. Был еще круглый стол и два стула с прямыми, жесткими спинками, телевизор и большой комод, носивший явные следы тех же развлечений, что и столик у кровати. Сэм заметил телефон. Одна дверь вела в ванную, а за единственным большим окном расстилалась бесконечная черная гладь океана.

Когда доведенные до отчаяния коммивояжеры, стоя на грани разорения и не имея никаких надежд, решали покончить жизнь самоубийством, они наверняка бросались из окна какой-нибудь комнаты вроде этой.

Сэм распаковал два своих чемодана, часть вещей повесил в стенной шкаф, а часть разложил по ящикам комода. Потом присел на край кровати и посмотрел на телефон, стоявший на тумбочке.

* «Cove Lodge» — «Домик среди скал» (англ.). — *Прим. пер.*

«Надо бы позвонить Скотту, — подумал он, — но только не отсюда». Скотт был его сын, он остался дома, в Лос-Анджелесе. «Нет, этот телефон не подходит», — размышлял Сэм. Позже, если местная полиция заинтересуется им, они обязательно заглянут в «Коув Лодж» и проверят все междугородные переговоры. Потом разыщут всех его абонентов и попытаются установить его личность, исходя из того, с кем он общался. Если он хочет сохранить инкогнито, он может звонить из своего номера только по контактному телефону конторы в Лос-Анджелесе и получить в ответ стандартную фразу: «Агентство Бирчфилд. Чем могу служить?» К тому же на телефонной станции этот номер зарегистрирован как телефон фирмы Бирчфилд, разумеется, не существующей и никогда не существовавшей, маклером которой официально числился Сэм Букер. Вряд ли это могло навести на мысль о ФБР. Пока что докладывать ему было не о чем, поэтому он не снял трубку. Скотту он позвонит, когда выйдет в город пообедать, это можно сделать и из автомата.

У него вообще не было никакого желания разговаривать с сыном. Он просто выполнял отцовский долг, к тому же он боялся этого разговора. Беседы с мальчиком перестали доставлять ему удовольствие уже года три назад, если не больше. Скотту было тогда лет тринадцать, и вот уже год, как он жил без матери. «Интересно, — подумал Сэм, — свихнулся бы мальчик так быстро и бесповоротно, если бы Карен была жива?» В результате, конечно, он стал снова — в который раз уже — думать о том, насколько сам он виноват в том, что случилось с сыном. Что было бы, если бы он лучше воспитывал его, смотрел за ним, все время был бы рядом, — пошел бы мальчик по плохой дорожке, скатился бы так низко или удержался на поверхности? Можно ли было избежать того, что произошло, и виновата ли во всем его слабохарактерность или это судьба, несчастливая звезда, под которой он родился, и ничего нельзя было изменить... А может быть, именно он, отец, — главный виновник падения сына? Ведь это он не сумел удержать его, вывести на прямую дорогу...

«Если продолжать в таком же духе, — остановил себя Сэм, — ты прямиком последуешь за теми беднягами, которые покинули эту гостиницу не через дверь, а через окно,

бы временно перейдя в мир иной, хоть ты и не коммивояжер».

Итак, за что мы можем зацепиться?

«Гиннесс Стаут» — лучшее ирландское пиво.

Мексиканская кухня — что может быть вкуснее?!

Голди Хоун — прелесть!

Страх смерти.

Вот и все, что он имеет в жизни, больше его здесь ничего не удерживает. Короткий и, честно говоря, довольно жалкий список, — но, может быть, и этого хватит?

Сэм принял ванну, потом ополоснул холодной водой лицо и руки. Это не слишком помогло, он чувствовал себя усталым, и ванна нисколько не освежила его.

Он снял свою вельветовую куртку и, достав из чемодана кобуру из тонкой, мягкой кожи, повесил ее через плечо. Затем вложил в нее револьвер «Смит энд Вессон, 38» и снова надел куртку. Все его куртки и пиджаки были шиты с таким расчетом, чтобы под ними можно было скрыть оружие; оно не выпячивалось под тканью, и кобура была достаточно сдвинута назад, так что даже при расстегнутой куртке ничего не было заметно.

Лицо и фигура Сэма Букера так же хорошо подходили для тех заданий, которые он выполнял, как и его одежда. Он был не слишком высоким, но и не чрезмерно маленьким — нормальный мужчина среднего роста и столь же среднего телосложения, с хорошо развитой мускулатурой, подтянутый — ни капли лишнего жира, но не из тех молодчиков с бычьими шеями, каких-нибудь культуристов или тяжелоатлетов, которые сразу привлекают к себе внимание. В лице Сэма тоже не было ничего особенного; его нельзя было назвать ни красавцем ни уродом; довольно приятный овал лица — не широкий, но и не слишком заостренный; черты лица не резкие, но и не смазанные; лицо чистое — никаких шрамов, царапин или родинок; в общем, что называется, — человек без особых примет. Его светло-каштановые, с песочным отливом волосы были подстрижены так, что подошли бы под любую моду и под любой стиль. Он ничем не выделялся бы из толпы и в те времена, когда носили короткие стрижки, и тогда, когда длинные локоны многих парней рассыпались по плечам.

Таким образом, внешность его была ничем не примечательна. Единственное, что, может быть, заставило бы подольше остановиться на нем взгляд, были его глаза, серо-голубые, с темно-синими искорками. Женщины часто говорили ему, что в жизни ни у кого не видели таких красивых глаз. Когда-то его это волновало.

Сэм передернул плечами, проверяя, удобно ли висит револьвер.

Вряд ли, конечно, он понадобится ему сегодня вечером. Он ведь еще не начал расследования, а значит, не мог привлечь к себе внимания. Раз сам он еще никого не задел, то никто и не ответит ему тем же.

И все же револьвер должен всегда быть при нем. Нельзя оставлять его в гостиничном номере или в машине. Если кого-нибудь заинтересует его личность, револьвер найдут, и его выдуманная биография лопнет, как мыльный пузырь. Ни один нормальный биржевой маклер средних лет, путешествующий по побережью в поисках райского уголка, где бы он мог спокойно отдохнуть от трудов праведных, не будет вооружаться револьвером этого образца и модели. Это была явно полицейская штучка.

Сэм сунул в карман ключ и пошел искать место, где бы пообедать.

7

Поднявшись в свой номер в гостинице «Кэув Лодж», Тэсса Джэйн Локленд долго стояла у большого окна не двигаясь, не зажигая света. Она смотрела вниз, на бескрайний и черный Тихий океан, на полоску пляжа под окном, откуда ее сестра Дженис шагнула в эту мрачную и страшную бездну, решившись на самоубийство.

По крайней мере, такова была официальная версия. Дженис якобы пришла на берег ночью, одна, в состоянии острой депрессии. До этого она приняла громадную дозу наркотиков или снотворного, запив несколькими глотками кока-колы. Она сорвала с себя всю одежду, безжалостно разорвав ее при этом, и, бросившись в море, поплыла к далеким берегам Японии. Когда снотворное или наркотики начали действовать, она потеряла сознание и, не в силах

более двигаться, опустилась в черные, холодные глубины океана.

— Чспуха, — тихо сказала Тэсса, точно разговаривая со своим отражением в бесстрастном и темном стекле.

Дженис Локлэнд Капиноу всегда была полна жизни и радужных надежд: неисправимый оптимизм был семейной чертой Локлэндов. Дженис никогда не чувствовала себя загнанной в угол, не сидела, притормозившись, оплакивая свои беды и несчастья; если даже и случалось что-либо подобное, то это продолжалось лишь несколько мгновений, не дольше; она тут же вскакивала, смеясь над своей собственной глупостью: еще чего придумала — горевать над собой, какой в этом толк, скажите на милость?! И Дженис, отбросив все печальные и никчемные мысли, отправлялась в кино или на свою обычную пробежку. Даже когда умер Ричард, Дженис не позволила горю сломить себя, перерасти в депрессию, хоть она и любила мужа всем сердцем.

Так что же могло случиться, что привело Дженис к такому эмоциональному срыву? Вспоминая и обдумывая со всех сторон версию полиции, Тэсса только саркастически кривила рот. С таким же успехом можно вообразить себе, что Дженис пошла в ресторан пообедать, там ей подали отвратительные кушанья, и она, не выдержав разочарования, покончила с собой. Или, например, у нее испортился телевизор, и она, не в силах и дня прожить без любимой «мыльной оперы», решилась на этот непоправимый шаг. Почему бы и нет? Эти истории были ничуть не глупее той, что выдали ей в полиции Мунлайт Коува, а следовательно по уголовным делам изложил в своем отчете.

Самоубийство...

— Чупшь! — повторила Тэсса.

Из окна ей была видна только узкая полоска пляжа внизу, на которую выплескивалась пена прибоя. Песок тускло поблескивал в бледном, холодном свете нарождающегося месяца; эта тонкая мерцающая полоса полукругом опоясывала бухту.

Тэссе захотелось немедленно спуститься на пляж, на то место, откуда ее сестра отправилась в свое полночное плавание к берегу, с которого еще никто не возвращался, и куда несколько дней спустя волны вынесли ее распухший, изу-

родованный труп. Она отошла от окна и зажгла лампочку на тумбочке у кровати. Потом достала из шкафа коричневую кожаную куртку, повесила на плечо сумочку и вышла. Ей почему-то казалось, — не разум, а чувства подсказывали ей это, — что там, стоя на берегу океана, на том самом месте, она найдет ключ к разгадке гибели Дженис. Она не знала, как это случится, будет ли это неожиданная вспышка интуиции или какое-нибудь удивительное озарение, но она твердо знала, что должна пойти.

8

Крисси увидела, как серебряный серпик луны поднялся над восточными холмами. Надо было немедленно нырнуть в лес, скрыться за деревьями, прежде чем ее преследователи нападут на след. Она добежала до Утеса-Пирамиды, получившего свое название благодаря необычной форме, напоминавшей геометрическую фигуру. Камень был раза в два выше девочки и гораздо шире; вершина его, обточенная дождями и ветрами, действительно напоминала вершину пирамиды. Когда Крисси была маленькая, она любила представлять себе, что это постройка крохотных египтян, переселившихся сюда много столетий назад. Она часто играла здесь, и изучила эти места как свои пять пальцев; она легко могла ориентироваться тут в темноте, не то что Такер и ее родители; надо было воспользоваться этим преимуществом. Крисси скользнула за Утес-Пирамиду, в густую тень деревьев, и побежала по узкой оленьей тропе, ведущей на юг.

Она не слышала за собой никаких звуков и не собиралась терять время, понапрасну высматривая в темноте, не идет ли кто-нибудь за ней. Но девочка чувствовала, что ее родители и Такер, подобно ночным хищникам, охотятся молча, неслышно подкрадываясь и обнаруживая себя только во время прыжка.

В прибрежном лесу росли, в основном, разные виды сосен, но попадались и камедные деревья, от которых шел терпкий, сладковатый смолистый дух; листва их днем полыхала багряным осенним пламенем, но сейчас, в темноте, они казались черными клочьями погребального покрова. Крисси бежала по извилистой, узкой тропинке, спускавшейся-

ся по склону каньона. Деревья в лесу стояли не слишком густо, так что холодный, льдистый свет молодого месяца, проникая сквозь редкие заросли, заиндевелившими бликами ложился на тропинку. Туман еще только поднимался и был слишком прозрачен, чтобы притушить это бледное сияние, но в некоторых местах из-за переплетающихся веток было совсем темно.

Но даже там, где тропинка под ногами была хорошо видна, Крисси шла осторожно, не осмеливаясь бежать слишком быстро: она боялась зацепиться за длинные, извилистые корни, протянувшиеся через протоптанную оленями дорожку. Эти корни, как крючья, могли зацепиться за ноги, то и дело расставляя свои коварные капканы, мешая двигаться быстрее. И все же Крисси спешила как только могла.

Словно читая очередную главу из книги о собственных приключениях, — она особенно любила как раз такие книги, — девочка подумала: «Маленькая Крисси, выносливая, быстрая, умеющая мгновенно принять верное решение, уверенно бежала по тропинке; ни темнота, ни мысль об ужасных преследователях не могли испугать ее. Какая замечательная девочка!»

Скоро она спустится на дно каньона и тогда повернет на запад, к морю, или на восток, к шоссе, которое пересекало каньон, проходя поверху.

Места эти, более чем на две мили отстоящие от окраин Мунлайт Коува, были довольно безлюдны. Еще меньше людей жило на берегу океана, с тех пор как власти штата объявили прибрежную полосу охраняемой зоной, закрытой для построек. Хотя у Крисси было не слишком много шансов найти помощь на побережье, на шоссе она тоже не возлагала особых надежд: движение на нем было небольшим, и по сторонам дороги почти не было домов. К тому же Такер мог поджидать ее там со своей «хондой», надеясь, что она выберет именно этот путь и будет голосовать, останавливая первую попавшуюся машину.

Лихорадочно решая, куда же повернуть, Крисси преодолела последнюю сотню футов. Земля между деревьями вокруг тропинки была покрыта колючей, ошестинившейся порослью чапаррала; громадные листья папоротников, вскор-

мленные вечными туманами, свешивались на дорожку; Крисси поежилась — они хватали ее за ноги, царапая, словно тощие, сморщенные пальцы.

Путь ей преградил широкий, но мелкий ручей, протекавший по дну каньона, и она остановилась, чтобы немного передохнуть. Ручей почти совсем пересох; в это время года только посреди русла бежала тоненькая струйка воды глубиной не более двух дюймов; вода почти не двигалась, черная, холодная, серебристо поблескивая под луной.

Ни дуновения ветерка не чувствовалось в ночи, такой же неподвижной, как темная, стоячая вода.

Ни звука.

Крисси обхватила себя руками, пытаясь согреться; она только сейчас ощутила холод. Ее джинсы и фланелевая рубашка в синюю клетку были вполне подходящей одеждой для прохладного октябрьского денька, но не для сырого, промозглого воздуха осенней ночи.

Замерзшая, усталая, напуганная, она не знала, что делать дальше, куда идти, и ужасно злилась сама на себя за эту слабость и нерешительность. В чудесных приключенческих рассказах Эдмунда Нортон то и дело встречались юные бесстрашные героини, которым нипочем было бы выдержать и гораздо более продолжительную погоню, и лютый холод, и всякие другие немыслимые трудности; при этом они никогда не теряли остроты ума и сообразительности, в мгновение ока принимая единственно верные решения. Мысль об этих замечательных девочках подбодрила Крисси, и она смело шагнула на дно пересохшего ручья. Под ногами у нее чавкала глина, нанесенная сюда с окрестных холмов во время последних ливней, дальше начиналась полоска журчащей воды. Крисси попробовала перепрыгнуть через нее, но немножко не рассчитала, и ее теплые туфли тут же намокли. Не обращая на это внимания, девочка стала пробираться дальше, скользя по глине, которая тяжелыми комьями липла к подошвам. Крисси поднялась на противоположный берег каньона и не стала поворачивать ни на запад, ни на восток, а пошла прямо на юг, вверх по склону другого каньона, стремясь скрыться в лесу, который начинался чуть подальше.

Это были новые места для нее: играя тут в детстве, она никогда не заходила так далеко; но Крисси не боялась за-

блудиться. Она свободно ориентировалась по движению тонких, легких струек тумана в воздухе, по положению луны на небе, — это были ее путеводные знаки, и девочка уверенно шла на юг. До ближайшего жилья оставалось не более мили, она знала, что между Мунлайт Коувом и конюшнями Фостеров тянулись земли, занятые «Новой Волной Микроэлектроники». Там люди, там она найдет помощь.

Правда, тогда ей придется решать еще более сложные проблемы. Надо будет убедить кого-нибудь, кто захочет ей помочь, в том, что ее родители на самом деле больше не ее родители, что они изменились или превратились во что-то, или в них вселился какой-то злой дух, или ими движет какая-то... чудовищная сила. И что они хотят превратить ее в нечто такое же, как они сами.

«Ну что ж, — подумала девочка, — авось получится».

Крисси была уминица, светлая головка, спокойная и рассудительная, но тем не менее она была всего-навсего ребенком, маленькой одиннадцатилетней девочкой. Трудновато ей будет добиться того, чтобы кто-нибудь ей поверил, она прекрасно понимала это. Взрослые, конечно же, будут делать вид, что внимательно ее слушают, понимающе кивать головами, улыбаться, а потом они позовут ее родителей и, в конце концов, поверят им, а не ей...

«И все же нужно попытаться, — сказала себе Крисси, поднимаясь по крутому южному склону каньона. — Если я не попробую объяснить кому-нибудь все это и доказать, что говорю правду, тогда что же, просто сдать? Ни за что!»

Сзади, с вершины того обрыва, откуда она только что спустилась, донесся дикий пронзительный вопль. Он не был похож на человеческий крик, но ни одно животное не могло бы издавать такие звуки. И тут же на этот яростный визг или рев откликнулся второй, третий; невидимые существа выли, рычали, стоjali, звуки были разные — значит, этих существ было много.

Крисси замерла, оперевшись на шершавый, мощный ствол сосны, вдыхая запах ее сухих, смолистых сучьев. Она оглянулась, слушая, как ее преследователи воют и завывают, словно стая голодных койотов... но это было хуже, гораздо страшнее. Этот леденящий звук, словно игла, впивался в мозг, пронзал дуну.

Возможно, их вой, лай, рычание были знаком того, что им больше незачем скрываться, незачем сдерживать себя, — они были совершенно уверены, что она от них не уйдет.

— Кто же вы? — пропентала Крисси. — Звери вы, люди или... кто?

Девочка подозревала, что зрение у них как у кошек, и они могут увидеть ее в темноте.

А если у них еще и нюх как у собак, ведь тогда они могут почуять ее?!

Сердце ее то замирало, то больно билось в груди.

Крисси чувствовала себя очень одинокой и незащищенной. Она отвернулась от этой воющей и скулящей своры и стала карабкаться вверх по тропинке на вершину южного склона каньона.

9

Тэсса Локлэнд спустилась на Оупэн Авеню и, пройдя через пустую стоянку, вышла на пляж. С океана подул ветер, не сильный, но довольно холодный, и Тэсса порадовалась, что догадалась одеться потеплее, что на ней шерстяной свитер и кожаная куртка.

Она пошла вдоль берега, туда, где лежали ночные тени, куда уже не проникал свет последних уличных фонарей; прошла мимо громадного кипариса, так изуродованного морскими ветрами, что он напоминал одну из современных скульптур своими кривыми, изломанными линиями и растекающимися, расплюснутыми формами. Тэсса подошла к самой кромке воды, так что прибой почти докатывался до ее туфель, и остановилась, чувствуя под ногами твердый, влажный песок, глядя на запад. Безбрежные воды океана скрывались во мраке, в свете месяца видны были только пенистые буруны волн, накатывавшихся на берег из тьмы и холода ночи.

Тэсса попыталась представить себе, как сестра, стоя на этом темном, пустынном пляже, заглатывает тридцать или сорок таблеток снотворного, запивает их глотком кока-колы, потом срывает с себя одежду и бросается в холодные, черные волны. Нет. Эта картина никак не вязалась с образом Дженис. Тэсса медленно пошла дальше, к южной око-

нечности пляжа; в ней все больше росло убеждение, что у власти в городе стоят или непроходимые идиоты или лжецы, намеренно скрывающие правду. Она внимательно всматривалась в песок, мерцающий в жемчужном свете молодого месяца, в силуэты кипарисов, кое-где росших на пляже, в скалистые гряды источенных временем камней. Тэсса не искала каких-либо улик, вещественных доказательств того, что случилось с Дженис; их, конечно, давно уже разметал ветер или смыли волны прибоя, ведь прошло уже три недели. Нет, ей нужно было другое. Она надеялась, что сам пейзаж, какие-то его детали — ночная тьма, холодный, пронизывающий ветер, змейки и причудливые извивы бледного, но потихоньку сгущавшегося тумана, — все это натолкнет ее на верную мысль, подскажет ей разгадку того, что на самом деле случилось с сестрой, или укажет путь к этой разгадке.

Тэсса была кинооператором, ее специальностью были разного рода документальные фильмы. Часто в поисках сюжета нового фильма она вот так же погружалась в окружающий ее мир, стараясь ощутить его всем своим существом, впитать его в себя и самой раствориться в нем; и неожиданно рождались новые темы, сюжеты, она уже знала, о чем будет рассказывать в своем фильме. Так, если предполагалось, что картина будет о дальних странствиях и приключениях, Тэсса летела куда-нибудь в Сингапур, Гонконг или Рио-де-Жанейро и пару дней просто бродила по улицам, вроде бы без смысла и без цели, просто шла куда глаза глядят, вбирая в себя какие-то мелкие детали, подробности, которые были в тысячу раз нужнее и полезнее, чем долгие часы, проведенные над пыльными фолиантами, хотя без этого, конечно, тоже нельзя было обойтись.

Не прошла она и двухсот футов в сторону южного мыса, как услышала вдруг душераздирающий, нечеловеческий вопль и остановилась как вкопанная. Крик звучал в отдалении, то взмывая к небесам, то слабая и замирая, пока, наконец, окончательно не растаял в ночи.

Тэссу бросило в дрожь от этого воя, он леденил больше, чем морозный осенний воздух. "Что же это, что это было?" — думала она. Звук слегка напоминал завывания голодного пса, и все же это была явно не собака. Были в нем и какие-то

ноющие, тянущие за душу копающие ноты, но, без сомнения, кричавшее животное не могло быть кошкой. Ни одна домашняя кошка не могла бы вопить так громко, а насколько Тэссе было известно, здесь, на побережье, не водились пумы — по крайней мере в окрестностях Мунлайт Коува.

Тэсса собралась было идти дальше, как вдруг тот же дикий, леденящий кровь вой, переходящий в визг и поскуливание, снова прорезал тишину ночи. Она была почти уверена, что он доносится с вершины обрыва, нависавшего над бухтой там, на юге, где огоньки человеческого жилья светились гораздо реже, чем в центральной части побережья. На этот раз вопль закончился длинным, гортанным рычанием; так вполне могла бы рычать какая-нибудь большая собака, но Тэсса чувствовала, что это какое-то другое существо. Кто-нибудь из живущих там, наверху, на обрыве, должно быть, держит в клетке какое-нибудь экзотическое животное, такую милую домашнюю зверушку вроде волка или барса, необычных для здешних мест.

Такое объяснение не совсем удовлетворяло ее; было в этом крике что-то такое, что она не могла определить, что-то особенно знакомое, не свойственное ни волку, ни барсу Тэсса подождала еще, не повторится ли крик, но все было тихо.

Тьма вокруг сгущалась, туман клубился, поднимаясь все выше, тяжелые тучи напозлали на бледный, тоненький серпик месяца. Тэсса подумала, что с таким же успехом она может погружаться в природный мир и впитывать в себя детали и подробности утром, совсем не обязательно бродить здесь ночью, и повернула обратно, к пробивающимся сквозь туман огням города. Она даже не заметила, что все ускоряет шаг, почти бежит, пока берег, а потом и автомобильная стоянка не остались позади. Только оказавшись на Оушэн Авеню, Тэсса остановилась, чтобы отдышаться, с удивлением замечая, как колотится ее сердце.

10

Томас Шаддак вытянулся, покачиваясь в этой чудесной, непроницаемой тьме, прохладной и безмолвной. Он не чувствовал веса своего тела, никакие прикосновения не раздражали кожу, ему казалось, что его мускулы, мясо, кости ис-

чезли, растворились, он не ощущал своих конечностей, словно перестал быть частью материального мира. Только тонкая, непрочная нить сознания связывала его с его собственной телесной сущностью, и в самых дальних уголках мозга еще хранилось воспоминание о том, что он человек, мужчина, выше среднего роста, худощавый и костистый, что у него очень узкое, острое лицо, высокий лоб и карие глаза, такие светлые, что они казались почти желтыми.

Он едва сознавал, что его обнаженное тело, искусственно лишенное всяких ощущений, плавает в специально оборудованной для этого камере, напоминающей аппарат для искусственного дыхания устаревшей конструкции, но только раза в четыре больше. Единственная слабая лампочка под потолком сейчас не горела, и ни один лучик света не проникал снаружи в этот резервуар. Бассейн, в котором плавал Шаддак, был в несколько футов глубиной, в воду был добавлен десятипроцентный раствор сульфата магния, так что она сама держала тело, и можно было лежать не двигаясь. Компьютер — естественный и необходимый предмет в этой обстановке — поддерживал температуру воды, так чтобы она колебалась между девятью и тремя градусами по Фаренгейту, — температура, при которой плавающее тело испытывает наименьшее земное притяжение, — и девятью и восемью градусами, когда разница температур между телом человека и жидкостью, в которой оно находится, достигает своего предела.

Он не страдал клаустрофобией. Напротив, он чувствовал себя совершенно раскрепощенным через минуту-другую после того, как входил в резервуар и захлопывал за собой крышку люка.

Лишенный каких-либо ощущений извне — звуков, запахов, цвета, почти не чувствуя вкуса, отгородившись от всяких прикосновений и раздражителей, плавая в невесомости вне времени и пространства, Шаддак давал волю своей фантазии, а может быть, гениальному предвидению; освободившись от тесных рамок тела, мысль его взлетала на невероятную высоту, рождая грандиозные идеи, недоступные обычному человеческому разуму.

Он был гением, даже и без этого аппарата, со всеми своими ощущениями. Об этом писал журнал «Тайм», зна-

чит, это действительно так. Он превратил «Новую Волну Микроэлектроники» из жалкой маленькой фирмы с начальным капиталом в двадцать тысяч долларов, барахтающейся в море большого бизнеса, в процветающее громадное предприятие с ежегодным оборотом в триста миллионов, которое изобретало, исследовало и разрабатывало новейшую микроэлектронную технику.

В эту минуту, однако, Шаддак вовсе не собирался сосредоточиваться на научно-исследовательских проблемах. Он использовал этот резервуар исключительно для того, чтобы восстановить свои силы и чтобы вызвать видение, которое всегда захватывало и возбуждало его.

Независимо от тонкой, слабой нити сознания, связывавшей его с реальной действительностью, Шаддак представлял, что он находится внутри громадного работающего механизма; этот механизм был настолько огромен и необъятен, что невозможно было охватить его взглядом или даже вообразить его размеры, это было бы все равно, что пытаться представить себе границы вселенной. Видение это было мечтой, фантазией, но гораздо более ярким и сильным, почти физически ощутимым, в отличие от неуловимой дымки мечты или фантазии. Словно пылинки или бесплотный дух, залетевший в тускло освещенные, мрачные недра этого колоссального воображаемого механизма, он медленно продвигался мимо массивных стен и переплетений толстых огромных труб, вращающихся валов, грохочущих приводных цепей, мимо мириад поднимающихся и опускающихся поршней, поршневых штоков, с помощью скользящих блоков соединенных с шатунами, которые, в свою очередь, пальцами кривошипов подсоединялись к хорошо смазанному коленчатому рычагам и пусковым рукояткам; те приводили в движение маховики всех размеров. Гудели моторы, шипали компрессоры, из распределителей вылетали снопы искр, когда электрический ток бежал по бесчисленным, переплетающимся, тянущимся в разных направлениях проводам во все концы этого гигантского сооружения.

Во всем этом призрачном, воображаемом мире Шаддака больше всего волновало то, как громадные стальные валы, множество поршней разной величины, толстые резиновые прокладки и алюминиевые кожухи соединялись с

органическими элементами, образуя некое целостное единство, двигаясь и вращаясь в едином ритме; в этой удивительной машине словно слились в одну две формы жизни: действие одушевленных механизмов и пульсация органической ткани. Вместо насосов, по замыслу конструктора, использовались человеческие сердца, влажные, блестящие в мутном свете; они неустанно пульсировали, соединяясь своими толстыми артериями с резиновыми трубками, словно лианы извивавшимися по стенам; их непрерывное, вечное биение гнало кровь к тем отсекам системы, которые требовали органической смазки; некоторые перекачивали искусственную смазку высокой очистки. Десятки тысяч человеческих легких, впаянные в другие части бесконечной машины, выполняли работу нагнетающих воздух мехов или фильтров; сухожилия и какие-то наросты, похожие на опухоли на теле человека, служили естественным продолжением трубок и резиновых шлангов; они обладали гораздо большей гибкостью и надежностью, чем любые неорганические соединения. Здесь было все лучшее, что создали природа и техника, слитое в единую, совершенную систему. Путешествуя по бесконечным переходам этого чуда, созданного его воображением, Томас Шаддак был настолько захвачен зрелищем работы этого колоссального синтеза человека и машины, что даже не задумывался — да его и не интересовало это — какова же конечная цель этой безупречной, слаженной работы, для чего служат эти автоматы, что они могут произвести. Он был восхищен этой целостностью, потому что все ее части действовали изумительно четко и ритмично и, независимо от продукции, которую они могли производить, поражали совершенством технической мысли и исполнения.

Всю жизнь, вот уже сорок один год, насколько он помнил, Шаддак боролся, пытаясь преодолеть ограниченность существования человеческого тела; все его помыслы, вся сила его желаний, его могучая воля были направлены на то, чтобы вырваться из этих границ, разорвать путы, предназначенные любому человеческому существу, подняться над законами природы, определявшими его жалкие, несовершенные возможности, возможности человека. Он хотел быть всемогущим, как Бог, и распоряжаться не только

своим собственным будущим, но и будущим всего человечества. В этой камере, отгораживавшей его от всех воздействий внешнего мира, силой своего воображения перенесенный в грандиозный кибернетический организм, он был ближе к осуществлению своей мечты, к давлению и страстно желаемому изменению своей формы, чем в обычном, реальном мире, и это воодушевляло его, придавало ему сил.

Это почти материально осязаемое видение служило не только активным стимулятором интеллекта, не только вызвало подъем всех чувств, но в то же время было и мощным эротическим возбудителем. Это плавание в воображаемой полуорганической машине, созерцание биения и трепетного пульсирования ее элементов, доводило его до оргазма, который он ощущал не только гениталиями, но каждой своей клеточкой. Он не замечал ни неистовой эрекции, ни мощных семяизвержений, от которых сотрясалось все его тело, потому что испытываемое им наслаждение не сосредоточивалось только в половом члене, а разливалось по всему телу, захватывая его целиком. Молочно-белые струи фонтанов семени, описав дугу, падали в темный раствор сульфата магния.

Несколько минут спустя по сигналу автоматического таймера в барокамере вспыхнула лампочка и прозвучал тихий сигнал тревоги. Шаддак вышел из своего мечтательного оцепенения, возвращаясь к реальной жизни Муилайт Коува.

11

Глаза Крисси Фостер привыкли к темноте, и она легко находила дорогу, хотя местность и была ей незнакома.

Она поднялась на вершину обрыва, прошла между двумя рослыми там гигантскими кипарисами и вышла на другую тропу, протоптанную оленями и мулами и ведущую через лес на юг. Деревья хорошо защищали ее от ветра; здесь они были высокими, крепкими, не то что безобразно искореженные, с торчащими во все стороны ветками, похожими на оленьи рога, кипарисы на продуваемом всеми ветрами побережье. Крисси подумала, а не залезть ли ей на верхушку одного из этих деревьев и переждать, спрятав-

пились в его пышной листве, пока ее преследователи пройдут внизу. Может быть, они не заметят ее. Но она тут же отказалась от этого плана; если они учуют ее или как-нибудь е догадаются о ее присутствии, они полезут за ней, и ей некуда будет бежать.

Девочка прибавила шагу и вскоре заметила просвет между деревьями. Дальнее тянулось холмистое пространство, столь характерное для этих краев. Поднявшийся ветер беспрерывно трепал и спутывал ее легкие светлые волосы. Туман уже не висел такой прозрачной пеленой как тогда, когда она, вскочив на лошадь, умчалась из конюшен Фостеров, но лунный свет был достаточно ярким; он словно изморозью покрывал высокую, доходившую Крисси до колен, траву, колыхавшуюся от ветра.

Перебегая через поле туда, где снова начинался лес, девочка увидела большой грузовик, весь сверкавший огнями, как повогодняя елка. Он ехал на юг, в сторону шоссе, и был примерно в миле от нее, проезжая как раз вдоль второго ряда прибрежных холмов. Она отвернулась, опасаясь искать поддержку у незнакомых людей, тем более, что все они ехали откуда-то издалека, из чужих краев, и неизвестно куда направлялись, а значит, еще меньше могли верить ее рассказу, чем местные жители. Кроме того, Крисси читала газеты и смотрела телевизор, так что она знала об убийствах-маньяках, действующих обычно на автомагистралях и убивающих людей одного за другим. Девочка тут же представила себе громадные заголовки на страницах утренних газет, как бы подводившие итог ее короткой жизни: «МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА УБИТА, РАЗОРВАНА НА ЧАСТИ И СЪЕДЕНА БРОДЯЧИМИ КАННИБАЛАМИ В ФУРГОНЕ-ЛОВУШКЕ. БЛЮДО БЫЛО КРАСИВО СЕРВИРОВАНО ЛИСТЬЯМИ САЛАТА И ВЕТОЧКАМИ ПЕТРУШКИ. КОСТИ ПОШЛИ В СУП».

Шоссе было почти на полмили ближе, оно тянулось вдоль первой гряды холмов, но на нем не было заметно никакого движения. Хотя она, в любом случае, не пошла бы туда, опасаясь наткнуться на Такера с его «хондой».

Правда, в завываниях преследователей Крисси ясно расслышала три голоса, по всей видимости, принадлежавших разным существам, значит Такер оставил свою маши-

ну и гонится за ней вместе с родителями. Может быть, не так уж опасно было бы пойти на шоссе и попробовать позвать на помощь.

Обдумывая все эти варианты, Крисси мчалась по луку. Но прежде чем она решила, поворачивать ей к шоссе или нет, все те же жуткие вопли раздалась за ее спиной. Они доносились из леса, но слышались уже гораздо ближе. Два или три голоса были одновременно, словно свора гончих неслась по ее следам, только это были какие-то дикие, чудовищные собаки.

Неожиданно девочка потеряла опору под ногами и провалилась куда-то вниз, как ей сначала показалось, в ужасное бездонное ущелье. Но это оказалась всего-навсего дренажная канавка, прорытая для осушения луга, восемь футов в ширину и шесть в глубину. Крисси мягко скатилась в нее, она даже не ушиблась.

Злобные, пронзительные крики сзади становились все громче, слышались все ближе; теперь в них звучала воющая нота дикого нетерпения... неистового желания, безумного голода.

Крисси вскочила на ноги и стала быстро карабкаться вверх по стенке рва, и тут заметила, что чуть повыше, слева от нее, канава заканчивается большой трубой, уходящей под землю. Она застыла на полпути вверх, обдумывая этот новый выход.

Лунный свет отражался от бетонной поверхности трубы, так что ее отверстие было хорошо видно. Крисси вспомнила, что здесь должна проходить главная дренажная линия, которая отводит дождевую воду далеко на восток от шоссе. Судя по скулящим подвываниям и взвизгиваниям позади, расстояние между нею и охотившейся на нее стаей быстро сокращалось. Крисси боялась, что не успеет выбраться отсюда и добежать до деревьев на той стороне луга, прежде чем ее схватят. Правда, труба могла оказаться тупиком, не более надежным и безопасным укрытием, чем дерево, на которое она до этого хотела взобраться, и все же она решила рискнуть.

Девочка соскользнула обратно на дно канавы и ринулась к бетонному входу. Труба была довольно широкая, четыре фута в диаметре, так что, слегка пригнувшись, она

могла продвигаться по ней. Но не прошла она и нескольких шагов, как в нос ей ударило зловоние. Запах был такой отвратительный, что Крисси заткнула нос, не в силах дышать.

Что-то гнило и разлагалось в темном проходе. Крисси не видела, что это было, но может быть, и к лучшему; вид мертвого тела мог оказаться еще ужаснее, чем запах. Видимо, какое-то животное, чувствуя, что умирает, заползло сюда в поисках укрытия, да здесь и издохло.

Крисси поспешно отвернулась, глубоко вдыхая свежий ночной воздух.

С севера донеслись такие яростные, пронзительные завывания, что у нее буквально волосы встали дыбом.

Они шли по ее следам, почти настигая ее.

Выбора не было — надо было забраться как можно глубже в трубу, в единственной надежде, что они не учуют ее запах. Крисси вдруг подумала, что останки животного на бетонном полу могут даже оказаться ей на руку: ведь если те, кто гнался за ней, способны были чуют добычу на расстоянии, словно гончие, то вонь разлагающегося тела должна заглушить ее собственный запах и сбить их со следа.

Девочка снова вошла в черный проем трубы и решительно пошла вперед, ощущая, что пол постепенно поднимается кверху. Она прошла ярдов десять, и тут нога ее утонула во что-то мягкое и скользкое. Ужасный смрад разложения наполнял воздух, и Крисси поняла, что наступила на мертвую, гниющую тушу.

— О Боже, — тихонько выдохнула она.

Девочка зажала пальцами нос, чувствуя, как тошнота подступает к горлу, но она сжала зубы покрепче и поборола рвоту. Выбравшись из липкой гниющей массы, Крисси постаралась очистить подошвы о бетонный пол. Кое-как оттерев их, она побежала дальше, представляя себе, как она, должно быть, выглядит со стороны: колени подогнуты, сама вся сторбленная, голова втянута в плечи, — настоящий тролль, удирающий в свою потайную норку.

Пробежав еще пятьдесят или шестьдесят футов от того места, где лежало дохлое животное, Крисси остановилась, пригнулась пониже и оглянувшись назад, туда, где виднелось крупное отверстие трубы. Лунный свет проникал в него, и

девочка могла довольно хорошо разглядеть весь проход, казавшийся отсюда гораздо светлее, чем снаружи, из темноты.

Все было тихо.

Легкий ветерок долетал сюда с востока, с шессе, через решетки для стока воды. Он унесил прочь вонь и смрад гниения, обвеяв ночной прохладой, свежестью росистой травы и осенних листьев.

Тишина стояла такая, что в ушах звенело.

Крисси затаила дыхание и внимательно, настороженно вслушивалась.

Ни звука.

Все так же принюхавшись, девочка переступила с ноги на ногу.

Ничто не нарушало тишины.

Крисси подумала, не пройти ли ей еще подальше по трубе, опасаясь в то же время, что здесь могут водиться змеи. Пожалуй, это уютное местечко для змей, когда они хотят скрыться от надвигающихся холодов.

Странная, непонятная тишина...

Куда подевались ее родители, Такер? Еще минуту назад они были где-то совсем рядом.

Нет, ничего не слышно.

Она знала, что окрестные холмы кишат гремучими змеями, хотя, конечно, в это время года они не должны быть особенно активными. Если они устроили себе гнездо на зиму где-нибудь в этой трубе...

Тишина была словно черное, стоячее болото, она угнетала, давила на нервы, она была такой неестественно долгой, такой глубокой и страшной, что Крисси хотелось разорвать ее своим криком, лишь бы нарушить это мрачное безмолвие.

Крик ворвался снаружи. Он разбил тишину на мелкие осколки, эхом отдаваясь от бетонных стен туннеля, словно мячик отскакивая от них и возвращаясь, наполняя все пространство вокруг, так что Крисси казалось, что преследователи окружают ее со всех сторон, не только нагоняя свад, но и подкрадываясь из темной глубины.

Девочка увидела, как черные фигуры, словно тени, спрыгнули на дно рва.

Сэм обнаружил мексиканский ресторан совсем недалеко от своего мотеля. Ему достаточно было потянуть носом воздух, чтобы почувствовать, что здесь он найдет вполне приличную мексиканскую кухню. Запах растертого в порошок красного перца и горячей, начиненной им колбасы, — обжигającego чорисо, смешивался со сладковатым благоуханием лепешек, в тесто которых щедро добавляли кориандр и черный перец, и с терпким, вяжущим ароматом каких-то корешков, жгучих стручков зеленого перца, лука... Смесь этих запахов создавала неповторимый аромат, напоминающий музыку нового альбома Хосе Фелисьано.

Семейный рестораничик «Перэс» был такой же скромный и непритязательный, как и его название. В нем был всего один зал; столики вдоль стен отделялись друг от друга голубыми виниловыми перегородками; несколько столиков стояло посередине. Сзади к нему примыкала кухня. Посетителей здесь было не в пример больше, чем у Берта Пэкхэма в его «Найтсбридже»; дела у семьи Перэсов, как видно, шли неплохо: во всем зале были только один свободный столик на двоих, стоявший в глубине помещения; к нему-то и подвела Сэма молоденькая официантка.

Все официанты и официантки здесь были одеты в обычные джинсы и свитера; единственным отличительным признаком были коротенькие белые переднички, повязанные вокруг талии. Сэм не стал даже спрашивать, есть ли у них «Гиннесс», — бесполезно было искать это пиво в мексиканских ресторанах; зато у них была «Корона», что не намного хуже «Гиннесса», особенно, если еда хорошая.

Еда оказалась замечательной. Нельзя сказать, чтобы это был настоящий мексиканский ресторан с великолепной кухней, однако трудно было бы рассчитывать на такое в маленьком захолустном городке на северном побережье, едва ли насчитывающем три тысячи душ. Майсовые лепешки были домашнего приготовления, соус к ним — густой и острый, суп из фрикаделек необыкновенно вкусен и так наперчен, что у Сэма все загорелось внутри, он даже слегка вспотел. К тому времени, когда Сэму принесли блинчики с

начинкой из крабов и, конечно, тоже как следует наперченные, мексиканские энчилады в томатном соусе, он уже твердо решил, что должен как можно скорее переселиться в Мунлайт Коув, даже если ему придется ограбить банк, чтобы достать необходимые для этого деньги и раньше времени уйти на покой.

Насладившись прекрасно приготовленными блюдами и немного оправившись от изумления по этому поводу, Сэм обратил, наконец, внимание на своих соседей, поглядывая уже не только в свою тарелку, но и по сторонам. Было в них что-то странное, необычное, хотя поначалу это не привлекло его внимания.

В зале было удивительно тихо, особенно если учесть, что он был битком набит, человек восемьдесят или девяносто сидело за столиками. Мексиканские рестораны высшего класса — отличная кухня, хорошее пиво, не говоря уж о крепких напитках, — отличались радостной, непринужденной атмосферой, обычно в них бывало шумно и весело. Однако здесь, у Перэса, только за несколькими столиками шла оживленная беседа, остальные посетители ели молча, уставившись в свои тарелки.

Налив себе полную кружку пива из холодной, запотевшей бутылки, Сэм стал внимательно присматриваться к некоторым из обедавших недалеко от него людей. Справа от себя, за столиком у стены, он заметил троих мужчин средних лет, поглощавших свои кукурузные лепешки, блинчики и чимичанги в полном молчании, не поднимая глаз от тарелки. Если кто-нибудь из них случайно и взглядывал на соседа, то тут же отводил глаза и продолжал жевать, не произнося ни слова. У противоположной стены сидели две юные пары. Они усердно запихивали себе в рот двойные порции салата-ассорти, не глядя друг на друга; не было слышно ни смеха, ни болтовни, как это обычно бывает в компании подростков. Они так углубились в процесс поглощения нищи, что чем дольше Сэм наблюдал за ними, тем более диким и нелепым казалось ему их поведение.

По всему залу люди разных возрастов, сидевшие группами или поодиночке, были сосредоточены исключительно на еде. Они ели жадно, но, казалось, никак не могли насытиться; закуски, суп, салаты и гарниры исчезали с

невероятной скоростью, так, словно человек только что приступил к еде; покончив с одним блюдом, кто-нибудь подзывал официанта: «Еще парочку лепешек такос» или «Мне еще порцию воздушной кукурузы»; за этим следовало мороженое или куски пирога. Они усердно работали челюстями, ни на минуту не переставая жевать и, едва успев проглотить один кусок, тут же тянулись за другим. Некоторые так набивали себе рот, что он не закрывался, другие так громко глотали, что звук этот долетал до Сэма. От соусов, обильно приправленных жгучим перцем и специями, лица обедающих побагровели, покрылись испариной, но никто из них не отпустил какого-нибудь замечания, вроде «Черт, ну и жжет!» или «Лепешки — пальчики оближешь!», или еще что-нибудь в таком же духе, обычное в подобных случаях.

Немногие посетители, весело болтавшие и не спеша управлявшиеся со своим обедом, казалось, не замечали, как лихорадочно их соседи расправляются со своими закусками. Неумение вести себя за столом, без сомнения, не было редкостью для публики в таких вот заштатных городишках; вряд ли Мисс Благовоспитанность отважилась бы отобедать с ними, а если бы это и произошло, она была бы шокирована их манерами. Тем не менее, неистовое обжорство большинства посетителей Семейного ресторанчика Перэса потрясло Сэма. Он решил, что, видимо, те, кто был повоспитаннее, просто привыкли к такому поведению других завсегдатаев ресторана и, постоянно сталкиваясь с этим, перестали обращать на него внимание.

Может быть, свежий морской воздух северного побережья способствовал пробуждению такого зверского аппетита? Или виной тому какие-то этнические предпосылки, определенные социальные сдвиги, помешавшие жителям Мунлайт Коува научиться хорошим манерам и следовать общепринятым правилам поведения за столом?

То, что увидел Сэм Букер в ресторанчике Перэса, казалось неразрешимой научной загадкой, за которую руками и ногами ухватился бы какой-нибудь бедняга социолог, безнадежно рыскающий в поисках темы для своей докторской диссертации. Невозможно было долго смотреть на это безобразное обжорство, на этих яростно жующих, глотающих,

жадно чавкающих людей, и чтобы не утратить остатки аппетита, Сэму пришлось отвернуться.

Позднее, когда он уже расслачивался по счету и считывал чаевые, он снова окинул взглядом зал. Тут только ему бросилось в глаза, что ни один из этих плохо воспитанных обжор не запивал свою еду ни пивом, ни чем-нибудь покрепче; на их столиках вообще не было никаких алкогольных напитков. Некоторые пили кока-колу со льдом, другие жадно глотали молоко, стакан за стаканом, словно все они, и женщины и мужчины, были активными членами общества трезвости. Сэм мог бы и не заметить этой детали, не будь он полицейским, и не каким-нибудь там фараоном, а отличным специалистом в своем деле, привыкшим не только наблюдать, но и делать выводы из увиденного.

Он вспомнил полупустой бар Берта Пэкхэма.

Что за странные традиции или религиозные верования могли внушить этим людям такое отвращение к алкоголю, призывая в то же время к полнейшему несоблюдению приличий и безудержному обжорству?

Ни одна религиозная секта подобного направления, никакие народные обычаи не приходили ему на ум.

Дожив пиво и собираясь уходить, Сэм сказал самому себе, что вид горстки неотесанных мужланов, этих грубых невежд слишком сильно подействовал на него; эксцентричное поведение нескольких завсегдатаев ресторана, любителей мексиканской кухни, он принял за всеобщий стиль поведения жителей городка. В конце концов, со своего места в глубине зала он мог видеть только небольшую его часть, остальные посетители сидели слишком далеко от него, чтобы их можно было хорошо разглядеть. Но уже направляясь к выходу, он прошел мимо столика, за которым три молодые, привлекательные, хорошо одетые женщины жадно заглатывали пиццу, ничего не замечая вокруг, глядя в тарелки остекленевшими глазами; две из них ели так неаккуратно, что подбородки у них были перемазаны в соусе, остатки пиццы прилипли к губам, но они даже не пытались их вытереть; у третьей весь чудесный ярко-голубой свитер был засыпан спереди кукурузными хлопьями и крошками, словно она сама обвалила себя в сухарях, приготовившись отпра-

виться на кухню, залезть в духовку и превратиться в некое изысканное блюдо.

Сэм был рад поскорее выйти оттуда, с наслаждением вдыхая чистый и прохладный ночной воздух.

Он весь вспотел, наевшись острой, наперченной мексиканской пинчи, к тому же в ресторане было жарко; он с удовольствием снял бы с себя куртку, если бы не револьвер, висевший под ней на боку. Теперь ему был даже приятен холодный, влажный туман, который легкий, но устойчивый бриз гнал с моря.

13

Крисси увидела, как они спустились в дренажную канавку, и какое-то мгновение надеялась, что они выберутся из нее с другой стороны и помчатся через луг, в ту сторону, куда она сначала собиралась бежать. Но вот один из них повернул к отверстию трубы. Двигаясь на четвереньках, совершенно бесшумно, злобная фигура в несколько громадных прыжков достигла входа в туннель. Хотя Крисси видна была только тень этого существа, его темные очертания на фоне освещенного луной входа, она с тревогой чувствовала, что этот призрак не похож ни на одного из тех троих — ее родителей и Такера, — которые преследовали ее раньше. Но кто же он тогда?

Оказавшись в бетонной трубе, хищник остановился, пристально вглядываясь во мрак. Свет его янтарных, с зеленоватым отливом глаз пронизывал тьму туннеля, хотя здесь их блеск уже не был таким ярким, флуоресцирующим, как там, в ночи.

Интересно, думала Крисси, насколько остро его зрение, как далеко он может видеть в полной темноте? Но уж наверное, кем бы он ни был, он не способен разглядеть то место в темном туннеле, футов за сто от него, где, пригнувшись, стояла девочка. Таким сверхъестественным зрением не могло обладать ни одно существо на свете.

Он смотрел прямо на нее.

С другой стороны, разве все, что происходило с ней в последнее время, было нормальным и естественным? А что если ее родители стали... оборотнями?

Девочка вся покрылась холодным потом. Она надеялась только, что смрад гниющих останков отобьет ее собственный запах.

Поднявшись на задние конечности, пригнувшись и почти полностью закрывая отверстие трубы, через которое просачивался свет луны, хищник медленно подкрадывался к Крисси.

Его сопение, эхом отдававшееся от круглых бетонных стен трубы, казалось невероятно громким. Крисси приоткрыла рот, стараясь дышать как можно тише, чтобы не выдать своего присутствия.

Внезапно, пройдя не более десяти футов по туннелю, чудовище заговорило; слова вылетали из его глотки с шипением и скрежетом, в них звучала такая неистовая, жадная страсть, что они почти сливались друг с другом, звучали как один протяжный, воющий стон:

— Крисси, ты здесь, ты, ты?! Иди ко мне, Крисси, иди же, иди!.. Я хочу, иди же, хочу, ты нужна мне, нужна, скорей, моя Крисси, скорее!

Этот дребезжащий и скрежещущий голос, это скулящее завывание могло принадлежать какому-нибудь существу с другой планеты, помеси громадной ящерицы с волком; в нем были и человеческие нотки, и еще что-то, не поддававшееся определению. Крисси думала, что в действительности он, наверное, гораздо страшнее всего, что могло нарисовать ее воображение.

— Помочь, хочу помочь тебе, помочь, сейчас, скорей, иди же, иди, ко мне, скорее! Ты там, здесь, где же, скорее!

Самое страшное в этом голосе были не хрип и шипение, и не вселенский холод, звучавший в нем; весь ужас был в том, что, несмотря на чужие, дикие звуки, голос был странно знакомым; Крисси узнала голос своей матери. Да, он невероятно изменился, и все же это был ее голос.

У девочки все внутри свело от страха и боли, она не сразу поняла, откуда эта острая, мучительная боль. Это была боль потери; она потеряла мать, и она тосковала по ней, хотела вернуть ее обратно, свою нормальную, обычную, добрую и хорошую маму. Если бы у нее было такое красивое, узорное серебряное раснятие, какие обычно оказываются в руках у героя или героини фильмов ужасов, она бы, наверное, вы-

шла навстречу этому монстру, храбро потребовав от него, чтобы он снял чары с ее матери. Может быть, распытие и не подействовало бы, в жизни ведь не все так легко, как в кино; к тому же то, что произошло с ее родителями, было в тысячу раз страшнее каких-нибудь там вампиров, оборотней или демонов, выскакивающих из адской бездны. И все же, будь у нее такой крестик, она бы попробовала.

— Смерть, смерть, запах смерти, вонь, смерть...

То, что было ее матерью, быстро продвигалось вперед по туннелю, пока не наткнулось на те скользкие, гниющие останки, в которые наступила Крисси. Глаза хищника теперь потускнели, видимо, на них влияла яркость лунного света. Чудовище опустило голову, обнюхивая и разглядывающая тушку на бетонном полу.

Снаружи донесся шорох, словно кто-то еще спускался в ров. Посыпались камешки, послышались тяжелые шаги, потом голос, не менее ужасный, чем тот, который принадлежал первому хищнику, принашившему к разлагающимся останкам.

— Здесь она, здесь, она здесь? Что там, что нашли, что? — звал он, приближаясь к трубе.

— ...сно-о-от...

— Что там, что это, что?

— Дохлый енот, гниющий, черви, черви, — завыл первый голос.

Крисси вдруг пронзила ужасная мысль, не оставила ли она отпечатков своих теннисных туфель на этой липкой, клейкой массе.

— Крисси? — спросил второй хищник, просовываясь в туннель.

Голос Такера. Видно, ее отец рыщет по лугу или в соседнем лесу.

Оба монстра беспокойно задвигались. Девочка слышала, как они скребут чем-то о бетонный пол трубы; чем же? когтями? В их голосе звучало смятение; нет, пожалуй, не смятение и не паника, — ведь к этому не применялся страх; нет, они словно обезумели от бешенства. Казалось, что мотор, заведенный в них, работает все быстрее, быстрее, крутится на немыслимых оборотах, неподвластных управлению.

— Здесь Крисси, здесь она, здесь? — сирежетал Такер.

Первый хищник, когда-то бывший ее матерью, оторвался от остатков дохлого ежота и вперил свой светящийся взгляд в темноту, словно прощая им Крисси.

«Нет, ты не увидишь меня, не сможешь увидеть, — моллилась девочка. — Я невидима здесь, так далеко, в темном туннеле; Боже, сделай так, чтобы я стала невидимой!»

Глаза монстра, словно тусклые серебристые точки, светились во мраке.

Крисси замерла, не дыша.

— Еда, здесь еда, готовая еда, — проскрипел голос Такера. — Есть, хочу есть, сейчас же!

— Девочка, сначала девочку, найди ее, отыщи девочку, есть потом, после! — ответил другой голос, бывший когда-то голосом ее матери.

Они переговаривались, точно дикие звери, каким-то чудом получившие дар речи, но с трудом произносящие человеческие слова и звуки.

— Сейчас, сейчас, скорее, сожрем все сейчас, съедим, загрызем, проглотим, сейчас, скорее! — с безумным упорством рычал Такер.

Крисси так сильно трясло, что она боялась обнаружить себя: вдруг они почувствуют в воздухе ее содрогания?

— Сожрем все, снаружи, там зверьки, маленькие зверьки, слышу их, чую их, вижу, есть, есть, сейчас же! — выл Такер.

Крисси совсем перестала дышать.

— Здесь ничего, — прошипело чудовище, которое Крисси даже мысленно трудно было назвать матерью. — Только вонь, черви, попы, есть, потом отыщем ее, есть, есть, потом искать, идем!

Оба хищника повятелились и исчезли во мраке ночи.

Крисси перестала дышать.

Она постояла еще минутку, пока не убедилась окончательно, что они не вернутся, потом повернулась и, словно маленький, окрюченный гном, стала углубляться в темный туннель, опуская стены, чтобы найти дорогу. Она прошла так, должно быть, ядов двести, когда обнаружила, наконец, то, что искала: отводящая труба, почти наполовину уже, чем главная линия. Девочка скользнула туда, легла сначала на

спину, потом перевернулась на живот, лицом к большому туннелю. Здесь она может провести остаток ночи. Если они вернутся и попытаются найти ее там, в трубе, если даже они проберутся вглубь, туда, где смрад разлагающегося животного не помешает им учуять ее запах, она спасется через вытяжную трубу, и они не смогут напасть на ее след.

Крисси немного успокоилась; они не нашли ее в туннеле, и их неудача показывала, что эти полужвери-полулюди не обладают никакой сверхъестественной силой: ни сверхмощным зрением, ни сверхчеловеческим знанием. Конечно, они необычайно сильны и двигаются быстро и ловко, как дикие звери, они не похожи на нормальных людей и, судя по голосу, вид их должен внушать ужас, но и они способны ошибаться. Девочка стала думать о том, как она выберется отсюда, когда настанет день, и еще о том, что у нее все-таки есть хоть слабая, но надежда пройти через лес и позвать на помощь прежде, чем ее схватят.

14

Выйдя из Семейного рестораника Перэса, Сэм Букер взглянул на часы. Всего лишь десять минут восьмого.

Он немедленно пошел вдоль по Оушэн Авеню, собираясь с духом, чтобы позвонить Скотту в Лос-Анджелес. Мысль о предстоящем разговоре с сыном вскоре захватила его целиком, начисто вытеснив воспоминания о невоспитанных и не в меру прожорливых посетителях ресторана.

Была половина восьмого, когда он напел, наконец, телефонную будку на углу главной улицы и Джюнипер Лэйн. «Можжевельная аллея... Красивое название!» — подумал Сэм. Он остановился и достал свою кредитную карточку для междугородних переговоров; не так-то близко отсюда его дом, вилла в окрестностях Лос-Анджелеса, где сейчас, надо думать, находится его сын.

В свои шестнадцать лет Скотт считал себя достаточно взрослым, чтобы оставаться дома одному, когда отец его уезжал по заданию далеко, а иногда и надолго. Сэму это не очень-то было по душе, он бы предпочел, чтобы мальчик во время его отлучек жил у тети Эдны. Однако Скотт добился своего, превратив жизнь тетушки в невыносимый ад, так

что отцу волей-неволей пришлось согласиться, чтобы избавить бедняжку Эдну от такого тяжелого испытания.

Сэм без конца напоминал мальчику о правилах безопасности: закрывать окна и двери, не забывать, где находятся огнетушители; объяснял, как можно выбраться из дома, из любой его комнаты в случае, если начнется землетрясение и вообще при какой-либо опасности, учил обращаться с револьвером. По мнению Сэма, сын был еще недостаточно взрослым, чтобы жить одному даже в течение нескольких дней, но если уж иначе не получается, то пусть он хотя бы будет хорошо подготовлен ко всяким неожиданностям.

Сэм слушал, как гудит телефон на том конце провода, и считал гудки: один, два, три... шесть... восемь, девять... Он уже готов был повесить трубку, со стыдом чувствуя облегчение от того, что не удалось дозвониться, но тут Скотт, наконец, подошел к телефону:

— Алло!

— Скотт, это я, папа.

— Ну?..

Грохот тяжелого рока доносился до Сэма даже на расстоянии. Скотт скорее всего был в своей комнате, лежал на диване, врубив проигрыватель на полную мощность, так что стекла дрожали.

— Ты не мог бы сделать музыку потише? — попросил Сэм.

— Я нормально тебя слышу, — сквозь зубы процедил Скотт.

— Возможно, но мне тебя плохо слышно.

— Ну и что, мне все равно нечего сказать тебе.

— Пожалуйста, сделай все же потише, — повторил Сэм, нажимая на слово «пожалуйста».

Парень швырнул трубку так, что она стукнулась о тумбочку. Стук этот больно отдался в ушах Сэма. Скотт слегка приглушил звук, но очень ненадолго. Он снова взял трубку:

— Ну, что?

— Как у тебя дела?

— Все о'кей.

— Дома все в порядке?

— А что должно случиться?

— Я просто спрашиваю.

— Если ты позвонил для того, чтобы проверить, нет ли здесь компании, так можешь успокоиться: я один.

Сэм сосчитал до трех, выжидая, пока сможет говорить нормальным, спокойным тоном. Туман сгустился, клубясь за стеклами телефонной будки.

— Что было сегодня в школе?

— Ты что, думаешь, я не был там?

— Я знаю, что был.

— Ты мне не веришь.

— Верю, — солгал Сэм.

— Нет, ты уверен, что я прогулял.

— Но ведь это не так?

— Еще бы.

— Ну, и что там новенького?

— Сплошной анекдот. Все то же старое, засохшее дерьмо. Бардак, да и только.

— Скотт, пожалуйста, я же просил тебя не употреблять таких слов, когда ты разговариваешь со мной. — Сэм чувствовал, как натянулись его нервы и понимал, что против своей воли начинает раздражаться, а это неминуемо приведет к ссоре.

— Ладно, извини. Все та же старая психушка, заведение для психбольных. Надеюсь, слово «псих» тебе понятно? — Скотт произнес это таким тоном, что неясно было, относятся ли его последние слова к школе или к самому Сэму.

— Здесь чудные места, — сменил тему Сэм. — Такой славный маленький городок...

Сын ничего не ответил.

— Холмы, поросшие лесом, спускаются прямо к океану.

— Да?

Специалист из семейной консультации, к которому они со Скоттом ходили сначала вместе, а потом порознь, советовал набраться терпения и стараться не повышать голоса, сдерживаться во что бы то ни стало, поэтому Сэм только крепче стиснул зубы и еще раз сосчитал до трех. Он попробовал подойти с другой стороны:

— Ты уже пообедал?

— Ага.

— Делаешь домашнее задание?

— Нам ничего не задали.

Сэм поколебался, но счел за лучшее не настаивать. Его психотерапевт, доктор Адамски, мог бы гордиться своим пациентом, его терпимостью и самообладанием.

Туман за стенками телефонной будки стал еще гуще, город исчезал, тонул в нем, вокруг фонарей кругами расходилось сияние.

Сэм подумал, какой бы такой нейтральный вопрос задать, чтобы снова не нарваться на резкость.

— Что ты делаешь сегодня вечером?

— До того, как ты позвонил, я слушал музыку.

Иногда Сэму казалось, что во всем виновата музыка, это из-за нее мальчик стал таким. Этот грохочущий, безумный, неистовый тяжелый рок вообще с трудом можно было назвать музыкой; в нем не было даже мелодии; просто бессмысленный набор однообразных аккордов и еще более однообразных и монотонных созвучий. Эта музыка была настолько бездушной и оупляющей, что можно было подумать, ее создало какое-то новое поколение, новая земная цивилизация разумных машин, появившаяся через много лет после того, как последний человек исчез с лица Земли. Потом на какое-то время Скотт вдруг забросил все эти группы и, забыв про тяжелый рок, со всем своим пылом переключился на U2, но их предельно упрощенные, попросту примитивные взгляды на общество не могли идти ни в какое сравнение с яростным отрицанием и разрушительной мощью хэви-метал-рока, так что вскоре мальчик вернулся к своей первой привязанности. Только теперь он увлекся черным металлом; в музыке этих групп звучало что-то сатанинское; Скотт совсем ушел в себя, стал мрачным, угрюмым, сторонился людей, за исключением таких же, как он сам. Сколько раз Сэму хотелось отобрать у сына эти проклятые записи, разбить их, растоптать, растолочь в порошок, уничтожить, чтобы избавиться, наконец, от этого наваждения, но он понимал, что это безумие, и это ничего бы не изменило. В конце концов, ему самому было когда-то шестнадцать; в то время как раз все сходили с ума по «Битлз» и «Роллинг Стоунз», и его собственные родители, так же, как он теперь, не могли принять ту музыку и предрекали, что она погубит Сэма и всю тогдашнюю молодежь. Но ничего не случилось. Он стал нормальным человеком, и ни

Джон, ни Пол, ни Джордж, ни Ринго, ни даже «Стюунз» не могли помешать этому, да и с какой бы стати? Зато мальчишки его поколения отличались непревзойденной терпимостью ко всему на свете, и он не собирался замыкаться в своем консерватизме, как это делали его родители.

— Ну ладно, я, пожалуй, пойду, — сказал Сэм.

Сын молчал, не возражая.

— Если тебе что-нибудь понадобится, или возникнут какие-нибудь проблемы, позвони тете Эдне.

— А что она сделает такого, чего я сам не могу сделать? — равнодушно заметил сын.

— Она любит тебя, Скотт.

— Ну да, конечно.

— Она все-таки сестра твоей матери; она бы хотела отдать тебе всю свою любовь, как если бы ты был ее собственным сыном. Она только ждет, чтобы ты дал ей эту возможность. — Помолчав, Сэм вдохнул побольше воздуха и добавил: — Я тоже люблю тебя, сынок.

— Да ну? И что же я теперь должен делать — вывернуться наизнанку? Заплакать на вашей груди или кинуться на шею с поцелуями?

— Нет, этого не требуется.

— Да уж, вряд ли вы этого дождетесь.

— Я просто говорю то, что есть, констатирую факт, — нарочито спокойно произнес Сэм.

Цитируя, по все вероятности, слова из какой-нибудь своей любимой песенки, мальчик продекламировал:

— Ничто не продлится вечно; Любовь — это та же ложь... Душе наносит увечья; И Бога на небе ты не найдешь... — И бросил трубку.

Сэм постоял еще минуту, слушая короткие гудки. «Отлично». Затем аккуратно повесил трубку на рычаг.

Ему было очень горько, и в то же время он весь кипел от ярости. Если бы только можно было сорвать злость на чем-нибудь, на чем угодно, и представить при этом, что он расправляется с кем-то или с чем-то, с какими-то неведомыми, непреодолимыми силами, которые похитили у него его собственного сына.

Душа его болезненно ныла, Сэм прямо физически ощущал эту боль, потому что он на самом деле любил Скотта.

Отчуждение сына было для него настоящей трагедией, просто убивало его.

В таком состоянии он не мог вернуться в мотель. О сне нечего было и думать, а мысль о том, чтобы провести пару часов перед осточертевшим экраном телевизора, с его идиотскими комедиями и пошлыми, надуманными страстями была ему невыносима.

Сэм открыл дверь телефонной будки, и туман тут же кольцами обвился вокруг него, вытягивая в ночь. Около часа он бродил по улицам Мунлайт Коува, и в конце концов забрел куда-то на окраины, где уже не было фонарей, а дома и деревья колыхались и плавали в мутном белом мареве. Казалось, они не вросли в землю, а привязаны к ней тонкими, невидимыми нитями, и готовы вот-вот сорваться с этой непрочной привязи.

Сэм шел быстро, надеясь, что усталость и холодный ночной воздух сделают свое дело, и гнев и тоска его утихнут; он уже прошел Оушэн Авеню, когда услышал за спиной быстрые шаги. Кто-то бежал за ним, трое, может быть, четверо. Опшибиться было невозможно, хотя звук был странно мягкий, шелестящий, не такой, как бывает обычно, когда кто-то гонится за тобой по мостовой.

Сэм повернулся и посмотрел вдаль, туда, где улица терялась во мраке.

Шаги затихли.

Месяц совсем скрылся за облаками, и только свет, падавший из окон маленьких псевдобаварских, английских и испанских домиков, уютно выглядывавших из-за сосен и кустов можжевельника, позволял хоть что-то разглядеть. Домики выглядели очень мило, каждый имел свое лицо, и уж конечно это было куда лучше, чем если бы здесь построили высотных коробок, но тогда тут, по крайней мере, было бы светлее. Правда, на некоторых домах светились фонари, кое-где они были установлены на фронтонах, а у двух домиков даже на крышах, так, чтобы освещать все вокруг; туман набрасывал на этот свет свою густую вуаль. Насколько Сэм мог видеть, он был один на улице.

Он пошел дальше, но, не пройдя и половины квартала, снова услышал за собой торопливые шаги. Он резко повернулся, но, как и прежде, улица была совершенно пустынна.

На этот раз шаги не оборвались мгновенно, а постепенно затихли, словно те, кто бежал сзади, свернули с мостовой в проход между двумя домиками туда, где кончался асфальт и начиналась полоска мягкой земли.

Хотя, может быть, это просто были шаги прохожих, донесившиеся с другой улицы, а туман и холодный ночной воздух подшутили над Сэмом, исказив звук.

Во всяком случае, Сэм насторожился, он был заинтригован этим странным, невидимым преследованием и, осторожно сойдя с обочины, стараясь не споткнуться о выступавшие из земли корни, скользнул в черную, непроглядную темь, прислонившись к стволу громадного кипариса, росшего на лужайке перед чьим-то домом. Он внимательно осматривал все вокруг и вскоре заметил, как кто-то крадется на другом конце улицы. Четыре быстрые тени отделились от стены дома и, низко пригнувшись, помчались вдоль улицы. Когда они перебегали через лужайку, на которую ложились пятна света от фонарей, изломанные, изменчивые очертания их фигур мелькнули на белой стене дома, но тут же исчезли в густом кустарнике, так что Сэму не удалось их как следует рассмотреть.

«Подростки, — подумал он, — судя по всему, это подростки, и они явно вышли не за хорошим делом».

Он и сам не знал, откуда в нем взялась эта уверенность, что преследующие его тени — подростки; может быть, их быстрые, гибкие движения, не свойственные взрослым, навели его на эту мысль. Одно из двух — или они собрались устроить какую-нибудь гадость соседям, возможно, желая за что-то отомстить, или преследуют его. Инстинкт подсказывал Сэму, что они охотятся за ним.

Интересно, неужели детская преступность стала проблемой даже для такого маленького городка, как Мунлайт Коув, где все соседи знают друг друга?

Конечно, в каждом городе найдется несколько трудных подростков. Но в таких вот тихих местечках, в атмосфере сельской идиллии, редко случается, чтобы юные преступники занимались настоящим бандитизмом; здесь почти не бывает поножовщины, изнасилований, вооруженных нападений, грабсжей и сенсационных убийств. Сельских подростков больше интересуют гоночные автомобили, выпивка и

девушки; ну, иногда, может, украдут что-нибудь по мелочам, но обычно ничего серьезного; и они не бродят по улицам целыми бандами, подобно своим сверстникам в больших городах.

Тем не менее, эта четверка, крадущаяся в темноте среди папоротников и азалий, внушала Сэму подозрения. Он не видел их, но чувствовал, что они где-то близко, на той стороне улицы. К тому же в Муллайт Коуве действительно ведь что-то было не в порядке, и не исключено, что это связано с детской преступностью. За последние два месяца погибло несколько человек, и полиция явно темнила, возможно, покрывая кого-то. Хотя это и казалось невероятным, но, кто знает, может быть, речь шла о детях, чьи отцы занимали в городе высокие посты, и малолетние отпрыски переплели всякие границы, считая, что им все позволено.

Сэм их не боялся. Он знал, что делать в таких случаях, и у него был револьвер. Ему даже хотелось бы проучить этих молокососов. Но стычка с местными хулиганами могла привести к вмешательству полиции, а Сэм не хотел привлекать к себе внимание властей, рискуя сорвать расследование.

Он подумал, что вряд ли они решатся напасть на него здесь, где вокруг дома и полно народу. Стоит ему закричать, как люди начнут высовываться из своих окон, выбегать из домов, чтобы посмотреть, что происходит. Он, естественно, не собирался кричать, так как вовсе не желал быть замеченным любопытными местными жителями.

Старая поговорка о том, что скромность украшает, была сейчас как нельзя более к месту. Он вышел из своего укрытия под кипарисом и направился к какому-то неосвещенному дому, стоявшему в стороне от улицы. Уверенный, что в темноте мальчишки не заметят, куда он пошел, Сэм решил тихонько улизнуть, вернуться в центр другой дорогой, чтобы сбить их со следа.

Он дошел до дома с темными окнами, быстро прошел вдоль него и очутился на заднем дворе, где чуть не наткнулся на качели. Их очертания, размытые и искаженные ночными тенями и туманом, казались столь чудовищными, словно гигантский паук тянул к нему из мрака свои отвратительные щупальца. Пройдя через двор, Сэм перескочил

через металлическую изгородь и оказался в узком переулке, застроенном гаражами. Сначала он хотел повернуть на юг, назад, к Оушэн Авею, к центру города, но интуиция подсказала ему другой путь. Если он перебежит на другую сторону, пройдет мимо мусорных баков, а потом перелезет еще через одну низкую ограду, то попадет на лужайку за домом, выходящим на другую улицу, параллельную той, где остались мальчишки.

Но прежде чем Сэм успел выполнить свой план, он услышал приближающийся топот ног нагонявших его подростков, — если, конечно, это действительно были подростки, которые бежали все так же быстро, но уже не так тихо, как раньше.

Звук шагов доносился с другого конца квартала; странное предчувствие говорило Сэму, что они догадуются, каким-то неведомым образом смогут узнать, через какой двор он только что прошел, и настигнут его прежде, чем он успеет добежать до следующей улицы. Он послушался своего внутреннего голоса, который подсказывал ему остановиться, прекратить этот бессмысленный бег и затаиться на время. Правда, он был в хорошей форме, с ним все в полном порядке, и все же ему уже стукнуло сорок два, а этим юнцам наверняка лет семнадцать, если не меньше, и надо быть круглым идиотом, чтобы в его возрасте надеяться обогнать молодых, здоровых парней.

Вместо того чтобы продолжать гонку, Сэм быстро отступил к двери ближайшего гаража, надеясь, что она окажется не запертой. Она и вправду была открыта. Он шагнул в крошечную темноту и прикрыл за собой дверь как раз тогда, когда его преследователи вбежали в переулок и на мгновение остановились, видимо, решая, куда могла скрыться их жертва.

Сэм шарил в непроглядной темени, пытаясь отыскать какой-нибудь замок или задвижку, чтобы можно было запереть дверь. Но он ничего не находил.

Он слышал, как концы перешептываются между собой, но не мог разобрать ни слова. Голоса их звучали как-то странно — что-то вроде свиста и шипения вперемежку с жадными, требовательными вскриками.

Сэм остался у двери; он крепко ухватился обеими рука-

ми за ее ручку, так чтобы хулиганы, даже если попытаются, не смогли открыть ее.

Голосов больше не было слышно.

Сэм замер, вслушиваясь в тишину.

Нет, ничего, ни звука.

В холодном, застоявшемся воздухе гаража пахло машинным маслом и пылью. Сэм абсолютно ничего не видел, но полагал, что здесь стоит один, а может и два автомобиля.

Он не боялся, но чувствовал, что попал в дурацкое положение. Как только он умудрился в это влипнуть? Взрослый, солидный мужчина, агент ФБР, отлично владеющий всеми возможными приемами самообороны, вооруженный револьвером, который уже не раз сослужил ему службу, прячется в гараже от четырех поганных сосунков! Он сделал это, потому что действовал инстинктивно, не раздумывая, а он привык верить своему шестому чувству, хотя на этот раз...

Сэм услышал, как кто-то тихо крадется вдоль наружной стены гаража. Он весь напрягся. Шаги приближались к двери. Судя по звуку, парень был один.

Откинувшись назад, Сэм изо всех сил тянул на себя дверь, прижимая ее к косяку.

Шаги затихли по ту сторону двери.

Сэм затаил дыхание.

Прошла секунда, другая, третья...

«Ну же, давай, дергай за эту чертову ручку и убирайся!» — в ярости думал Сэм.

С каждой секундой он чувствовал себя все более глупо, так что готов был уже распахнуть дверь и оказаться лицом к лицу с хулиганом. Он мог бы выскочить из этого гаража, как чертик из табакерки, напугав юнца, который, наверное, с воплем кинулся бы прочь.

И тут Сэм услышал голос; он звучал с той стороны двери, всего лишь в нескольких дюймах от него, и хотя Сэм понятия не имел, что это, он понял, что правильно сделал, послушавшись интуиции и спрятавшись здесь. Голос был странно тонкий, пронзительный, словно кто-то царапал железом по стеклу, в нем звучали ноты беспенства и неутолимого желания, как у буйвонопомешанного, охваченного навязчивой идеей.

— Горит, все горит, больно, есть, есть!

Казалось, он разговаривает сам с собой, возможно, даже не сознавая, что произносит какие-то слова, так мог бы бредить больной, горящий в лихорадке.

Что-то твердое скреблось о деревянную дверцу гаража. Сэм пытался догадаться, что бы это могло быть.

— Накормите огонь, огонь, дайте ему пищу, пищу огню!.. — бормотал голос, и это безумное бормотание было похоже сразу и на шипение змеи, и на жалобное поскуливание, и на низкое, угрожающее рычание. Сэм в жизни не слышал, чтобы так говорил какой-нибудь подросток, да и взрослый тоже, если уж на то пошло.

Несмотря на холод в гараже, на лбу у него выступил пот.

Неизвестное существо опять принялось скрестись в дверь.

Интересно, есть ли у него оружие? Может быть, он царапает дверь дулом пистолета? А может, ножом или просто какой-нибудь палкой?

— ... горит, горит, жжется...

А что, если это когти?..

Дикая мысль. И все же Сэм не мог отбросить ее. Он так и представлял себе, как острый, изогнутый коготь — громадный, как у дикого зверя, — бороздит дверь, вонзаясь в дерево и откалывая от него щепки.

Сэм еще крепче ухватился за ручку. По вискам у него тек пот.

Наконец, парень потянул на себя дверь. Ручка дернулась, но Сэм крепко сжимал ее, и дверь даже не приоткрылась.

— ... о Боже, жжет, больно, больно, о Боже!..

В конце концов Сэм все же почувствовал страх. Уж очень странным, нечеловеческим был этот голос. Так, наверное, мог бы звучать голос пришельца из космоса, только этот был гораздо более диким и угрожающим, чем у какого-нибудь там залетевшего с Марса уродца, присыпанного космической пылью. Сэм боялся, потому что не мог понять, что это за чертовщина, с чем он имеет дело.

Пришелец, или кто он там был, тянул дверь снаружи, пытаясь открыть ее.

Сэм еще плотнее прижал ее к косяку.

Бешеные, бессвязные обрывки слов долетали до него:

— ...огонь, огонь, пищу огню, пищу!..

«Интересно, чует ли он меня?» — подумал Сэм. После всего, что он видел и слышал, мысль эта показалась ему не более безумной, чем образ подростка с когтями.

Сердце его бешено колотилось. Пот заливал глаза. Мускулы рук, шеи, плеч болели от напряжения, гораздо более сильного, чем было необходимо, чтобы удержать дверь.

Немного спустя, видимо, решив, что добыча каким-то образом ускользнула, подросток отпустил дверь и побежал вдоль гаражей обратно, к переулку. Из груди его вырывался еле слышный скулящий вой. В нем были и боль, и безумная, страшная жажда, и... нервная дрожь дикого зверя, вышедшего на ночную охоту. Этот стонущий вопль помимо воли рвался из него, словно раздирая все его существо.

Сэм услышал, как по-копачьи мягкие, крадущиеся шаги приблизились к бегущему; остальные три грабителя или черт его знает кого присоединились к нему в переулке, и их безумный вой слился с его завываниями, но они были слишком далеко, чтобы Сэм мог разобрать какие-нибудь слова. Внезапно они умолкли и, словно волки, почуявшие дичь или спугнутые кем-то, понеслись по переулку. Шаги их, мягкие, скользящие, как у хищников, затихли в отдалении, где-то севернее гаражей, и тишина снова стустилась, плотная и недвижная, как сама ночь.

После того, как эта дикая стая умчалась, Сэм еще несколько минут стоял в темном гараже, крепко держась за ручку двери.

15

Мертвый мальчик лежал, раскинувшись, в дренажной канаве, недалеко от шоссе, проходившего на юго-востоке от Муиллайт Коува. На его бледном, прозрачном до синевы, застывшем лице виднелись пятна крови. Полиция расставила вокруг треножки с лампами, и свет их отражался в его широко открытых неподвижных глазах, смотревших в сторону океана, но берег, который он видел, был неизмеримо дальше, за той чертой, через которую он уже переступил.

Стоя рядом с одной из ламп, Лоуман Уоткинс смотрел вниз, на маленький труниш, пытаясь осознать, что этот

мальчик, который лежит перед ним мертвый, в канаве, — действительно Эдди Вальдоски, потому что восьмилетний Эдди был его крестником. Лоуман учился с отцом Эдди Джорджем в старших классах школы, и вот уже почти двадцать лет он, правда абсолютно платонически, был влюблен в мать Эдди, Неллу. Эдди был чудесным ребенком, смывленным, любознательным и прекрасно воспитанным. Был... А теперь... Жестоко избитый, весь в синяках и кровоподтеках, по всему телу — следы глубоких царапин, словно его пытались разорвать на части, шея сломана, — мальчик был теперь не более чем бесформенной массой; все, чем он мог стать в будущем, было раздавлено, уничтожено, огонек, горевший в нем, погас, он ушел из жизни — и жизнь ушла из него.

За двадцать один год службы в полиции Лоуману пришлось повидать немало ужасов, но это, пожалуй, было страшнее всего, что он видел до сих пор. Смерть мальчика, тем более, что он приходился ему крестником, должна была бы потрясти Лоумана, заставить глубоко страдать. Однако он почти ничего не чувствовал, глядя на маленькое, избитое и изломанное тельце. Печаль, сожаление, горечь, гнев, — все эти чувства лишь слегка затрагивали его душу, проходя по ней, как рыба по воде, скользили, не проникая вглубь, не оставляя следа, словно невидимая, гладкая рыбка, случайно скользнувшая в море по телу пловца. Нет, горе не терзало его, не разрывало ему сердце раскаленными клещами.

Барри Шольник, один из новых сотрудников, прибывший недавно, когда штаты полиции Мунлайт Коува стали расширяться, стоял над канавой, широко расставив ноги, и делал снимки. На мгновение глаза мальчика серебристо блеснули в свете вспышки.

Пожалуй, единственным сильным чувством, волновавшим сейчас Лоумана, была его собственная неспособность что-либо чувствовать. Это почти полное отсутствие переживаний страшно пугало его. Он с ужасом ощущал, как затопляет его это холодное равнодушие, как каменеет его сердце; так оно и вовсе скоро превратится в мрамор, а то и в простой булыжник.

Теперь он был одним из Новых Людей, совершенно не похожим на того, каким он был прежде. Внешне ничего не

изменилось: все тот же среднего роста, крепко сбитый мужчина с широким, простодушным лицом и наивным взглядом, который так не вязался с его профессией. Но это была только видимость. На самом деле он стал совсем другим. Большая сдержанность, самообладание, более острая наблюдательность, способность делать точные выводы? Да, пожалуй, все это было неплохо, он даже не ожидал, что Превращение подействует на него таким образом. Но так ли уж это важно и полезно? И что же теперь — не чувствовать? Не переживать? Не страдать?

Хотя ночь выдалась довольно холодной, Лоуман весь взмок — лицо, шея, подмышки, — все покрылось противным, липким потом.

Следователь, доктор Ян Фицджеральд, был где-то занят, но Виктор Каллан, помощник следователя и владелец похоронной конторы, помогал другому полицейскому, Джюлису Тиммерману, осматривать территорию между канавой и ближайшим лесом. Они искали улики, которые мог оставить преступник.

Вернее сказать, они давали бесплатное представление на потеху местным жителям, сбежавшимся сюда со всей округи и глазевшим на них с дороги. Все ведь прекрасно знали, что даже если улики и будут найдены, никого не арестуют и не будут судить за убийство. Если убийцу Эдди схватят, его будут покрывать и придумают какой-нибудь другой способ, чтобы обезвредить его без суда и следствия, и все это ради того, чтобы те, кто еще не прошел Превращения, не узнали о существовании Новых Людей; никто не сомневался в том, что убийца Эдди был из тех, кого Томас Шаддак называл «регрессивными», один из Новых Людей, эволюция которых пошла в обратную сторону, возвращая их в животное состояние, и это было плохо. Очень плохо.

Лоуман отвернулся от трупа мальчика и пошел назад по шоссе, к дому, который стоял немного севернее, в нескольких сотнях ярдов от места убийства и сейчас был еле виден в тумане; к тому дому, где жила семья Вальдоски.

Он шел, не останавливаясь, не обращая внимания на вопросы зевак: «Шеф! Какого черта?», «Что происходит, начальник?», и не отвечая на них.

Это был самый конец города, дальше уже шли пригоро-

ды, и дома здесь отстояли далеко друг от друга, так что скудный свет, падавший из их окон, не мог разогнать ночную тьму. Не пройдя и полпути до дома Вальдоски, Лоуман почувствовал себя в полном одиночестве, хотя до него еще доносились голоса людей, работавших на месте убийства. Вокруг стояли деревья, искореженные временем и частыми ветрами, задувавшими с моря; такие спокойные, тихие ночи, как сегодня, редко выдавались на побережье; кривые изуродованные ветви нависали над дорогой. Лоуману показалось, что кто-то прячется в этих ветвях там, наверху, какое-то движение почудилось ему в темноте, между скрюченными стволами деревьев, выступавшими из тумана.

Он положил руку на рукоять револьвера, висевшего в кобуре на боку.

Лоуман Уоткинс уже девять лет возглавлял полицию Мунлайт Коува, и из них только за последний месяц пролилось столько крови, произошло столько убийств, сколько не случилось за все остальные восемь лет и одиннадцать месяцев в подчиненном ему округе. Он был убежден, что дело плохо. У него было сильное подозрение, что «регрессивных» гораздо больше и они представляют собой гораздо более серьезную проблему, чем думал или хотел считать Шаддак.

Они внушали ему такой же ужас, как и перспектива его собственного холодного, бесстрастного, окаменелого существования.

В отличие от восторга или горя, радости или печали, страх, безумный, животный страх оказался не в пример более живучим, чем все остальные эмоции, так что, может быть, он и не утратит его полностью, не потеряет этой способности — бояться. От этой мысли ему сделалось не по себе, словно он снова увидел призрак среди деревьев.

«Не будет ли страх единственным чувством, оставшимся в этом прекрасном новом мире, который мы строим?» — подумал Лоуман.

16

Пожинав горячей, пропитанной жиром булкой с запеченным в ней сыром, недожаренным мясом и запив все это бутылкой ледяной минеральной воды в совершенно пустом

кафе мотеля, Тэсса Локленд вернулась в свою комнату, устроилась поудобнее на кровати, подложив под спину подушки, и набрала номер своей матери в Сан-Диего. Марион сняла трубку с первого же гудка.

— Привет, мам! — сказала Тэсса.

— Откуда ты, Тиджей? — Еще ребенком Тэсса никак не могла решить, какое из ее двух имен ей больше нравится, как бы ей хотелось, чтобы ее звали, — Тэсса или Джейн, и тогда мама придумала называть ее просто инициалами, так, словно это и было ее настоящее имя.

— Из «Коув Лоджа», — это мотель в Муллайт Коуве, — ответила Тэсса.

— Ну и как там, прилично?

— Лучшее, что здесь можно было найти. В этом городке не особенно заботятся об удобствах туристов. Если бы не чудесный вид из окон, этой гостинице, чтобы не разориться, пришлось бы сутки напролет крутить порнофильмы и сдавать комнаты на час.

— Но там хотя бы чисто?

— Более или менее.

— Если там грязь, то я настаиваю, чтобы ты выехала оттуда немедленно.

— Мам, когда я снимаю свои фильмы, то иногда приходится забывать о комфорте и роскоши. Помнишь, я делала документальный фильм об индейцах Мискито в Центральной Америке. Я тогда всюду следовала за ними, ходила на охоту и спала в грязи.

— Тиджей, милая, ты никогда не должна говорить на людях, что спала в грязи. В грязи спят только свиньи. Ты могла бы сказать, что ты жила без удобств или спала на открытом воздухе, но ни в коем случае не в грязи. Даже неприятные переживания можно подать достойно, если у человека есть чувства такта и меры.

— Ладно, мам, все понятно. Я только хотела сказать, что «Коув Лодж», конечно, не бог знает что, но это все же лучше, чем спать в грязи.

— На открытом воздухе.

— Лучше, чем спать на открытом воздухе, — послушно повторила Тэсса.

Обе немножко помолчали. Потом Марион вздохнула:

— Проклятье! Мое место там, рядом с тобой!

— Мам, но у тебя же нога сломана!

— Я должна была бы отправиться в Мунлайт Коув тотчас же, как только сообщили, что нашли бедную Дженис. Будь я там, я не дала бы им кремировать тело. Клянусь Богом, они бы и пальцем к нему не прикоснулись! Я бы не позволила им этого сделать, и я потребовала бы, чтобы провели еще одно вскрытие, причем чтобы делали это компетентные врачи, которым можно доверять. Тогда и тебе не пришлось бы во все это впутываться. Я прямо места себе не нахожу, так я зла на себя!

Тэсса откинулась на подушки и вздохнула:

— Мам, ну зачем ты себя мучаешь? Ты же сломала ногу еще за три дня до того, как нашли тело Дженис. Тебе и сейчас-то нелегко передвигаться, особенно на дальние расстояния, а уж тогда и подавно. И никакой твоей вины здесь нет.

— Было время, когда никакая сломанная нога не остановила бы меня.

— Но тебе ведь все-таки уже не двадцать лет, мам!

— Да, знаю, я постарела, — сказала Марион несчастным голосом. — Иногда мне самой становится страшно, когда я думаю, какая я стала старая!

— Тебе всего лишь шестьдесят четыре, а выглядишь ты на пятьдесят и ни одним днем больше, а ногу ты сломала, прыгая с парашютом, так что грех тебе жаловаться на судьбу, и можешь не надеяться, что я тебя пожалею.

— Помощь и сочувствие — вот чего вправе ожидать престарелые родители от хорошей дочери, — возразила Марион.

— Если бы тебе удалось вытянуть это из меня — назвать тебя престарелой да еще похныкать над тобой, — ты бы сама потом смеялась до упаду!

— Возможность время от времени поемеяться и подшутить над собственной дочерью — одно из самых больших удовольствий пожилых матерей, Тиджей. Черт, и откуда только взялось это дерево, скажи на милость? Тридцать лет я прыгаю с парашютом и ни разу не садилась на дерево. Могу поклясться, что когда я сверху высматривала местечко для приземления, его там не было.

Хотя какая-то доля нестигаемого, неукротимого оптимизма Локлендов, их энергии и силы духа перешла к Тэссе от Бернарда, ее покойного отца, все же большая часть этой стойкости и непреклонности досталась ей явно от матери.

— Сегодня вечером, сразу после приезда, я спустилась на пляж, туда, где они нашли ее, — сказала Тэсса.

— Тебе, наверно, ужасно тяжело, Тиджей...

— Ничего, справлюсь как-нибудь.

Когда Дженис погибла, Тэсса была в Афганистане, в его отдаленных, глухих районах, собирая материал о зверствах геноцида против афганского народа, об этой страшной войне, которая губила и людей и древнюю культуру. Она хотела снять об этом документальный фильм. Только через две недели после того, как тело Дженис вынесло на пляж Мунлайт Коува, мать смогла сообщить ей о случившемся. Пять дней назад, 8 октября, она вылетела из Афганистана, неся в себе эту невероятную, мучительно-непостижимую мысль — сестры больше нет. Тяжесть собственной вины давила ее, она гнулась под этим страшным грузом, так же как и мать; но не сломилась. То, что она сказала сейчас матери, было правдой: она справится с этим.

— Знаешь, мам, а ведь ты оказалась права — от этой их официальной версии дурно пахнет.

— Ты что-то узнала?

— Пока что ничего. Но я стояла на том самом месте на пляже, где Дженис, по их словам, приняла снотворное, откуда она пустилась в свое последнее плавание, и где они нашли ее два дня спустя, и я совершенно ясно поняла, что все, что они нам наплели, — гроша ломаного не стоит. Я это просто нутром чувствую, мам! И, рано или поздно, но я докопаюсь до того, что же произошло на самом деле.

— Ты должна быть очень осторожна, моя девочка.

— Ну конечно!

— Если Дженис... убили...

— Не волнуйся, со мной ничего не случится.

— И если, как мы с тобой говорили, нельзя верить местной полиции...

— Мам, ну ты же знаешь меня, неужели ты думаешь, что кто-нибудь может принять меня всерьез с такой внешностью? Маленькая, волосики светлые, глаза голубые, хоро-

пенный вздернутый носик, — ну прямо Чип и Дейл вместе взятые, да еще и Гаечка впридачу, — в общем, целая компания спасателей в одном лице. Тут, конечно, все просто задрожат от страха, увидев меня! Да я всю жизнь только и делаю, что пытаюсь заставить людей относиться ко мне серьезно. Все женщины почему-то стремятся по-матерински опекать меня или уж, по крайней мере, заботиться так, словно они мои старшие сестры, а мужчины или набиваются в отцы или наоборот, стараются куда-нибудь меня сплавить. И лишь очень немногие могут с первого взгляда раскусить меня, понять, что за этой внешностью из мультика скрывается ум, и, смею думать, ума этого гораздо больше, чем у любого из этих кретинов. Но обычно, чтобы разобраться, им требуется время. Ну, а теперь, вместо того чтобы бороться против впечатления, которое производит на всех моя внешность, я, наоборот, постараюсь использовать ее как прикрытие. Никому здесь и в голову не придет, что от меня можно ждать подвоха.

— Ты мне будешь сообщать, как идут дела?

— Обязательно.

— Если почувствуешь опасность, уезжай немедленно, сейчас же.

— Все будет хорошо.

— Обещай мне, что ты не останешься, если будет опасно, — настаивала Марион.

— Обещаю. Но и ты должна пообещать мне, что на некоторое время прекратишь свои прыжки с парашютом.

— Я уже слишком стара для этого, дружочек. Развалина. Древность. Пора заняться чем-нибудь более подходящим моему возрасту. Мне всегда хотелось научиться кататься на водных лыжах, а этот твой телерепортаж с мотоциклетных гонок просто воодушевил меня. Я тогда сразу подумала — вот то, что мне нужно. Эти маленькие мотоциклы — просто прелесть!

— Я ужасно люблю тебя, мам!

— Я тоже люблю тебя, Тиджей. Люблю больше всего на свете.

— Я заставлю их заплатить за Дженис.

— Если только найдешь их. Главное, помни, Тиджей, Дженис уже не поможет, она умерла, ее больше нет, но ты

еще есть у меня, и в первую очередь ты должна думать о живых.

17

Джордж Вальдоски сидел на кухонном столе. Он крепко сжимая стакан с виски своими сильными, загрубевшими от работы руками, но руки эти так дрожали, что золотистая жидкость плескалась, и он ничего не мог с этим поделать.

Лоуман Уоткинс вошел и прикрыл за собой дверь, но Джордж даже не взглянул на него. Эдди был его единственным ребенком.

Джордж был высок, широкоплеч и красив настоящей мужской, мужественной красотой: резкие, словно вырубленные, черты лица, глубокие, близко посаженные глаза, тонкие губы плотно сжаты. Но эта суровая внешность была обманчива; за ней скрывалась мягкая, чувствительная и добрая душа.

— Ну, как ты? — спросил Лоуман.

Джордж закусил губу и приподнял голову, показывая, что он слышит вопрос и что он старается побороть свое горе, но смотрел он куда-то мимо Лоумана, избегая встречаться с ним взглядом.

— Пойду посмотрю, как Нелла, — сказал Лоуман.

На этот раз Джордж даже не кивнул.

Лоуман прошел через ярко освещенную кухню, его ботинки на толстой подошве противно скрипели на линолеуме. Он остановился у двери в маленькую столовую и оглянулся на своего друга:

— Мы найдем этого ублюдка, Джордж. Клянусь тебе, мы его отыщем!

Джордж, наконец, поднял глаза от стакана. В глазах его блеснули слезы, но он не дал им пролиться. Он был гордый поляк, твердый и решительный, и он держался.

— Эдди играл во дворе за домом, пока не стало смеркаться, — выговорил он. — Он играл прямо около дома, у самого дома, там, где его можно было увидеть из любого окна, можно было выглянуть в любой момент, чтобы посмотреть на него, как он играет в нашем дворе, никуда не отходя от собственного дома. Как только стемнело, Нелла позвала его

ужинать, и когда он не появился и не ответил, мы подумали, что он повел поиграть с соседскими детьми, просто ушел, не спросив разрешения.

Все это Джордж рассказывал уже много раз, но, казалось, ему необходимо повторять это опять и опять, словно это повторение могло стереть весь ужас реальной действительности, подобно тому, как все новые и новые магнитофонные записи стирают в конце концов музыку с кассеты, оставляя только слабое, невнятное шипение.

— Мы стали искать его, и не могли найти, но сначала не волновались; мы даже немного рассердились на него; но потом забеспокоились и начали тревожиться, и я уже хотел позвонить тебе и попросить, чтобы ты помог нам, когда мы, наконец, нашли его там, в канаве, Матерь Божья, всего избитого и искалеченного, в канаве. — Он сглотнул, тяжело дыша, и снова в глазах его блеснули слезы. — Какое мерзкое чудовище могло так надругаться над ребенком: сначала увести его куда-то, а потом сделать это; и какой звериной жестокостью нужно обладать, чтобы принести его обратно и бросить туда, где мы нашли его?! Если бы он не увел его, мы бы, конечно, услышали... услышали бы крики, если бы эта гадина предельвала все это прямо здесь. Увести мальчика, сделать с ним такое, потом принести обратно, так чтобы мы могли его найти... Кем надо быть, Лоуман, Боже милостивый, каким чудовищем надо быть, чтобы додуматься до этого?

— Он сумасшедший, — ответил Лоуман, как уже не раз отвечал на такие вопросы, и это было не так уж далеко от истины. Регрессивные и правда были сумасшедшими. Шаддак создал новый термин для определения их состояния: метаморфно-причинный психоз. — Возможно, наркоман, — добавил он, и это уже была ложь. Наркотики, по крайней мере, их обычное, подпольное изготовление, не имели ничего общего со смертью Эдди. Лоуман не переставал удивляться, с какой легкостью он лгал своему самому близкому другу; раньше он ни за что не смог бы этого сделать. Греховность лжи была устаревшим понятием, одним из правил морали, по которым жили Прежние Люди с их бурными эмоциями и страстями. Эти старомодные понятия о том, что нравственно и что безнравственно, должны

утратить всякое значение для Новых Людей; если они изменятся так, как рассчитывал Шаддак, то только эффективность, целесообразность и максимальная производительность станут их единственной моралью.

— У нас развелось множество преступников, совсем обезумевших от наркотиков. У них все мозги вывернуты наизнанку, для них не существует ничего в жизни, кроме сомнительного удовольствия подстегнуть свои нервы и затуманить голову, они не знают, что такое мораль. Вот наследство, которое досталось нам от недавнего времени с его девизом «Делай то, что тебе вздумается». Этот парень — просто обезумевший наркоман, Джордж, и я клянусь тебе, мы его поймем.

Джордж опять опустил голову, уставившись в свой стакан с виски. Он отпил немного.

Потом, словно разговаривая сам с собой, не глядя на Лоумана, начал:

— Эдди играл во дворе за домом до самых сумерек, совсем рядом, здесь, во дворе, можно было выглянуть в любое окно и увидеть его, из любого окна его было видно... — Голос его сорвался.

Лоуман неохотно стал подниматься наверх, в спальню хозяев; надо было узнать, как чувствует себя Нелла.

Она лежала на кровати, голова чуть приподнята на подушках; рядом, придвинув стул, сидел доктор Джим Уорси. Он был самым молодым из трех врачей Мунлайт Коува, — всего тридцать восемь, — но очень серьезный и важный, с аккуратно подстриженной ниточкой усов; доктор носил очки в проволочной оправе и обожал пестрые галстуки.

У ног его, на полу, стоял чемоданчик, на шее висел стетоскоп. Когда Лоуман вошел, врач как раз набирал в громадный, поражающий своими размерами шприц золотистую жидкость из бутылочки.

Уорси оглянулся на Лоумана, глаза их встретились, и они без слов поняли друг друга.

То ли услышав тихие шаги Лоумана, то ли интуитивно почувствовав его приближение, Нелла Вальдоски открыла свои покрасневшие от слез, распухшие глаза. Она все еще была очень хороша — льняные волосы, тонкие, точеные черты лица, настолько нежные, словно они были не созда-

нием природы, а произведением какого-то гениального скульптора. Губы ее приоткрылись и слегка задрожали, произнося его имя: «О, Лоуман».

Он зашел с другой стороны кровати, напротив доктора Уорси, и взял протянутую ему Неллой руку. Она была влажная, холодная и слегка дрожала.

— Я сделаю ей успокаивающий укол, — сказал Уорси. — Ей надо расслабиться, лучше бы даже поспать.

— Я не хочу спать, — возразила Нелла слабым голосом. — Я не могу спать. Не могу после... не могу после того, как... никогда уже не смогу после *этого*.

— Успокойся, — мягко сказал Лоуман, ласково поглаживая ее руку. Он присел на край кровати. — Пусть доктор Уорси позаботится о тебе. Он желает тебе добра, Нелла.

Половину своей жизни Лоуман любил эту женщину, жену своего лучшего друга, хотя он никогда не проявлял своих чувств. Он всегда старался убедить себя, что это чисто платоническая симпатия. Однако сейчас, глядя на нее, он осознал, что к его чувству примешивалась и страсть.

Но не это его смущало... Странно, хотя он знал, какие чувства испытывал к ней все эти годы, прекрасно помнил об этом, он больше ничего такого не ощущал. Его влюбленность, его страсть, его чудесная, хоть и немного печальная очарованность этой женщиной, — все это куда-то исчезло, испарилось, как и большая часть других его чувств и эмоций; он не забыл ничего из того, что чувствовал когда-то, но ему казалось, что все эти чувства принадлежали другой части его существа, которая теперь отделилась от него и унеслась прочь, словно дух, покинувший мертвое тело.

Уорси наполнил шприц и положил его на ночной столик. Он расстегнул и закатал кверху рукав блузки Неллы, затем обвязал ее руку резиновым жгутом, затянув покрепче, так чтобы вена набухла.

В то время как врач смазывал ее руку ваткой со спиртом, Нелла повернулась к Лоуману:

— Что же мы теперь будем делать, что?!

— Не волнуйся, все будет хорошо, — ответил он, продолжая поглаживать ее руку.

— Нет. Как ты можешь говорить это? Эдди больше нет.

Он был такой чудесный, такой маленький и славный, а теперь его нет. Ничего уже никогда не будет хорошо.

— Скоро ты почувствуешь себя лучше, — заверил ее Лоуман. — Боль пройдет, и ты даже не заметишь, как это случится. Все это уже не будет казаться тебе таким важным, как сейчас. Обещаю тебе, так оно и будет, ты успокоишься.

Она прищурилась и внимательно, с удивлением посмотрела на него, словно он нес несусветную чушь. Откуда ей было знать, что с ней произойдет...

Уорси вонзил иглу в ее руку.

Нелла вздрогнула.

Золотистая жидкость потекла в вену, вливаясь в поток ее крови.

Она закрыла глаза, и слезы снова медленно поползли по ее щекам, не от того, что укол был болезненным, нет, ее мучила мысль о смерти сына.

«Может быть, действительно лучше не тревожиться, не любить и не страдать так сильно», — подумал Лоуман.

Шприц был пуст.

Уорси вынул иглу из вены.

Его глаза снова встретились с глазами Лоумана.

По телу Неллы пробежала судорога.

Для полного Превращения нужно было сделать еще две инъекции, и кто-нибудь должен был оставаться около Неллы в последующие четыре или пять часов, не только для того, чтобы следить за действием лекарства, но и чтобы она не покалечила себя, если начнет метаться в переходный период. Становление Нового Человека не было безболезненным процессом.

Нелла опять вся передернулась.

Уорси наклонился над ней, и свет от лампы, падая на стекла его очков под другим углом, превратил их в маленькие зеркальца, так что за ними совсем не видно было глаз, и это придавало его лицу злое, угрожающее выражение.

Судороги, на этот раз более длительные и сильные, согрести тело Неллы.

— Что здесь происходит? — раздался в дверях голос Джорджа Вальдоски.

Лоуман был настолько поглощен наблюдением за Не-

ллой, что даже не заметил, как вошел Джордж. Он быстро вскочил на ноги, выпустив руку Неллы.

— Доктор считает, что она нуждается в...

— А это еще что за лошадиная иголка? — воскликнул Джордж, имея в виду шприц. Сама игла была ничуть не больше чем те, которые обычно используются для уколов.

— Транквилизатор, успокаивающее лекарство, — объяснил врач. — Ей необходимо...

— Успокаивающее?! — прервал его Джордж. — Да такой дозой быка свалить можно!

— Ну что ты, Джордж, доктор знает, что делает... — вмешался Лоуман.

Между тем лекарство действовало на Неллу все сильнее. Тело ее внезапно напряглось и застыло, пальцы сжались в кулаки, скулы заострились, так что видны были желваки, зубы крепко стиснуты. На горле и на висках набухли синие жилы и видно было, как они отчаянно пульсируют в такт сумасшедшему биению сердца. Глаза вылезли из орбит, и она перешла в то особое сумеречное состояние, которое и было Превращением, состояние, пограничное между тьмой и светом, сознательным и бессознательным.

— Что с ней? — закричал Джордж.

Зубы Неллы сжались еще крепче, губы кривила гримаса боли, и вдруг она издала странное, низкое рычание. Тело ее изогнулось дугой над кроватью. Казалось, в ней кипит какая-то дикая, нечеловеческая энергия словно в паровом котле со слишком высоким давлением, который вот-вот взорвется. Потом она снова упала на постель, новая, еще более сильная судорога прошла по ее телу, и вся она покрылась обильным потом.

Джордж взглянул на Уорси, потом на Лоумана. Он ясно сознавал, что здесь что-то не так, чувствовал, что происходит что-то ужасное, но не мог понять, в чем дело.

— Стой! — Лоуман навел свой револьвер на Джорджа в тот момент, когда тот попробовал отступить в прихожую. — Иди сюда, Джордж, и ляг на кровать рядом с Неллой.

Джордж замер в дверях, испуганно и недоверчиво глядя на револьвер.

— Если ты попытаешься выйти отсюда, — предупредил

Лоуман, — я вынужден буду застрелить тебя, а мне совсем не хочется этого делать.

— Ты не сможешь, — сказал Джордж, думая, что их многолетняя дружба помешает Лоуману сделать это.

— Смогу, — холодно ответил Лоуман. — Если понадобится, я убью тебя, и никто ничего не узнает. Мы сочиним такую историю, которая вряд ли тебе понравится. Скажем, что в твоих показаниях кое-что не сходилось, мы стали проверять и нашли доказательства, что это ты убил Эдди, убил своего собственного сына; объясним это сексуальным извращением; а когда мы поймали тебя с поличным, ты выхватил из кобуры мой револьвер. Ну, завязалась драка, тебя пристрелили, и дело закрыто.

Угроза Лоумана была чудовищна сама по себе, но еще ужаснее она казалась оттого, что слова эти произносил человек, которого Джордж считал своим самым близким, самым закадычным другом. Он был так потрясен, что с минуту вообще не мог говорить и стоял, молча глядя на Лоумана. Потом шагнул обратно в комнату.

— Ты стал бы уверять всех... позволил бы им думать, что я мог сделать такое с Эдди?! Но почему? Зачем это? Зачем ты это делаешь, Лоуман? Какого черта тебе все это нужно? Кого... кого ты защищаешь?

— Ложись на кровать, — повторил Лоуман.

Доктор Уорси уже готовил второй шприц для Джорджа.

Неллу беспрерывно сотрясала страшная дрожь, она вся корчилась и извивалась в судорогах. Пот тек по ее лицу, влажные, спутанные волосы разметались по подушке. Глаза ее были открыты, но, казалось, она никого и ничего не видела вокруг себя; взгляд ее был устремлен куда-то дальше, за пределы этой комнаты, а может быть, наоборот, погружен в ее собственную душу. Лоуман не знал, что она может видеть сейчас, он ничего не помнил из собственного Превращения, кроме мучительной, разрывающей внутренности боли.

Джордж Вальдоски медленно и неохотно подошел к постели.

— Ради Бога, объясни мне, что происходит, Лоуман? Что это? Что все это значит?

— Все будет хорошо, — заверил его Лоуман. — Все это

для твоего же блага, Джордж. Серьезно, тебе будет гораздо лучше, чем сейчас.

— Какого еще блага? Что значит — лучше? Бога ради, скажи мне...

— Ложись, Джордж. Вот увидишь, все будет отлично, — снова сказал Лоуман.

— Без сомнения, вам будет намного лучше, — подтвердил доктор Уорси, наполнив шприц золотистой жидкостью из новой бутылочки.

— Исклочительно для твоего блага, — еще раз повторил Лоуман. — Верь мне, я тебя не обманываю.

Все так же держа револьвер наготове, он дождался, пока Джордж лег на кровать, и ободряюще улыбнулся.

18

Дом Гарри Тальбота весь был из разных сортов дерева, и в нем было множество больших окон, выходивших на все стороны света. Он стоял всего в трех кварталах от центра Мунлайт Коува, на Конкистадор Авеню. Улица получила это название потому, что когда-то, в незапамятные времена, здесь останавливались испанские завоеватели, сопровождавшие католических священников-миссионеров, основывавших свои миссии на побережье Калифорнии. Иногда Гарри представлял себе, что он один из этих солдат, суровых и смелых первооткрывателей, бесстрашно идущих по неведомой земле туда, на север. Думать так было приятно, потому что в этих мечтах он был крепким, здоровым и сильным, а не калекой, прикованным к инвалидному креслу.

Большинство домов Мунлайт Коува, спускаясь по лесистым склонам холмов, выходило окнами на океан, а из окон Гарри открывался прекрасный вид для человека, который целые дни только и занимался тем, что подглядывал за своими согражданами. Окна спальни на втором этаже выходили на северо-запад, и оттуда можно было увидеть, хоть и не полностью, все улицы, пролегающие между домом и

* Conquistador (исп.) — завоеватель. Конкистадорами назывались испанцы, хлынувшие в Америку после ее открытия для завоевания новых земель. — *Прим. ред.*

бухтой, — Джонишер Лэйн, Сэрра Стрит, Рошмор Уэй и Кипарисовую Аллею, а также и те, которые их пересекали. На севере открывался вид на Оушэн Авеню и даже немножко дальше. Конечно, поле зрения Гарри было бы неизмеримо уже, не будь его дом на один этаж выше большинства окрестных построек и не имей он сам такого первоклассного снаряжения, как мощный телескоп и отличный морской бинокль.

В понедельник вечером, 13 октября, примерно в половине десятого, Гарри сидел на специальном, сделанном для него на заказ табурете, между двумя громадными окнами, выходившими на запад и на север, склонившись к окуляру телескопа. К высокому табурету были приделаны подлокотники и спинка; четыре толстых, крепких, широко расставленных для максимальной устойчивости ножки крепились к тяжелому основанию, с тем чтобы он не мог перевернуться, когда Гарри забираясь на него со своего кресла. Он был снабжен ремнями, вроде тех, которыми пристегиваются в автомобиле, так что Гарри мог спокойно наклоняться к телескопу, не боясь соскользнуть и упасть на пол.

Поскольку его левая нога и левая рука были полностью парализованы, а правая нога слишком слаба для того, чтобы на нее можно было опереться, он мог рассчитывать только на свою правую руку, которая, слава Богу, уцелела в этой вьетнамской мясорубке. Таким образом, перетащить свое непослушное тело с кресла на табурет было для Гарри весьма нелегким делом. Однако все его мучительные попытки и затраченные усилия окупались с лихвой: благодаря своим оптическим приборам Гарри с каждым годом все больше ощущал себя полноправным участником окружающей жизни. Взгромоздившись на высокий табурет и прикинув к окуляру, он чувствовал себя одним из главных героев фильма, который прокручивали перед его глазами; сюжет этот так захватывал его, что он забывал о своих увечьях.

Одна из самых любимых его лент носила название «Заднее Окно», с Джимми Стюартом в главной роли. Он смотрел ее, наверное, раз сто.

Сейчас его телескоп был наведен на заднюю стену похоронной конторы Каллана, единственного заведения та-

кого рода в Мунлайт Коуве, находившегося на Джонипер Лэйн, ближе к морю. Для того чтобы увидеть это место, надо было направить объектив точно между двумя домами, стоявшими на его собственной улице, потом — мимо толстого ствола высокой, могучей сосны и дальше через переулок, соединявший эти две улицы. Задняя стена похоронной каторы как раз выходила в переулок, и Гарри виден был угол гаража, где стоял катафалк, задняя дверь дома и недавно пристроенный к дому флигель, в котором трупы обмывали и бальзамировали, готовя к последнему прощанию, или сжигали.

В последние два месяца у Каллана творилось что-то странное, однако сегодня, несмотря на долгое и терпеливое наблюдение, Гарри не заметил ничего необычного, никакого оживления и суеты; все было спокойно.

— Муз! — позвал Гарри.

Собака вскочила со своей подстилки в углу, мягко ступая, пробежала через темную спальню и остановилась у ног хозяина. Это был большой взрослый пес, совершенно черный, так что его шерсть сливалась с темнотой, делая его почти невидимым. Он обнюхал ногу Гарри, правую ногу, которая еще не совсем потеряла чувствительность.

Наклонившись, Гарри приласкал собаку:

— Принеси-ка мне пива, дружище!

Муз был служебной собакой, специально натренированной в «Обществе по выращиванию собак для обслуживания инвалидов», так что ему нравилось быть нужным кому-то, он был рад, когда его звали на помощь и давали какое-нибудь задание. Он помчался к маленькому холодильнику в углу, вроде тех, которые стоят под прилавками ресторанов для охлаждения закусок и напитков, и которые можно открыть, нажав ногой на педаль.

— Вот тебе и на..: — пусто! — воскликнул Гарри. — Я забыл принести упаковку из кухни, когда был там днем.

Собака уже и сама поняла, что в холодильнике пива нет. Она пробежала через коридор в прихожую, Гарри слышал, как ее когти стучат о полированное дерево, — в комнатах не было ковров, чтобы легче было проехать по дому в инвалидной коляске. В прихожей пес подпрыгнул и лапой нажал на

кнопку лифта; сейчас же весь дом наполнился тихим гудением и поскрипыванием — лифт поднимался вверх.

Гарри снова наклонился к телескопу, вернувшись к созерцанию похоронной конторы Каллана. Туман окутывал все, колыхаясь белыми волнами, местами плотными, местами почти прозрачными. Но на заднем дворе флигеля горели фонари, так что Гарри все было хорошо видно. Мощные линзы телескопа так сильно сокращали расстояние, что ему казалось, он стоит там, между одинаковыми кирпичными столбиками, с двух сторон огораживающими проезд к дому. Если бы ночь не была так туманна, он мог бы сосчитать заклепки на металлической двери покойницкой-крематория.

Он услышал, как сзади открылись двери подъехавшего лифта. Простучали когти Муза — собака зашла в лифт, и он начал спускаться.

Гарри надоело разглядывать безлюдный двор конторы Каллана и он слегка повернул трубку телескопа, направляя его южнее, туда, где за похоронной конторой простирался пустырь. За ним, на другой стороне Джонипер Лэйин, стоял дом Госдала, и Гарри навел объектив на резкость так, чтобы лучше видеть окно столовой и то, что происходило за ним.

Затем здоровой рукой он отвинтил окуляр и положил его на высокую металлическую подставку рядом с табуретом, быстро и ловко заменив его другим, более мощным, выбрав из тех, которые лежали на подставке. Туман к этому времени немного рассеялся, и он прекрасно видел все, что происходило в столовой Госдалов, словно заглядывал в комнату с их собственной веранды. Герман и Луиза играли в карты с соседями, Дэном и Верой Кайзерами, как это обычно бывало по понедельникам, а иногда и в пятницу вечером.

Лифт дошел до нижнего этажа и остановился; урчание мотора прекратилось, в доме опять стало тихо. Муз, конечно, уже спешил по коридору на кухню.

В ясные ночи, которые хоть изредка, но выдавались в Мунлайт Коуве, да еще если Дэн Кайзер садился спиной к окну под определенным углом, Гарри удавалось даже разглядеть карты в руке у Дэна. Несколько раз, участвуя таким образом в игре, он пытался подсказать Герману Госдалу,

какие карты имеются у его противника и как ему надо ходить, чтобы не попасть в ловушку и не остаться в дураках.

Но Гарри никогда не рассказывал людям о том, сколько времени он проводит в своей спальне вот так, — не зажигая света, чтобы его силуэт не вырисовывался на фоне окна, становясь невидимым соучастником их жизни. Они бы не поняли. У них-то ведь руки-ноги были целы! Они могли подумать, что у него не только с конечностями не все в порядке, но и с головой. Они сочли бы его любопытство бездеревонным и назойливым, могли бы возмутиться, что он сует нос в чужие дела, и даже хуже: решили бы, что он извращенец и использует всю эту оптику, чтобы подглядывать за женщинами.

Ничего подобного Гарри Тацбот никогда себе не позволял. Он сам установил для себя твердые правила наблюдения в телескоп и бинокли и выполнял их неукоснительно. Следуя одному из этих правил, он никогда не подсматривал за женщинами, когда они раздевались.

Ариелла Скарлатти жила наискосок от него через улицу, и однажды он случайно обнаружил, что иногда вечером она любит, сбросив с себя всю одежду, полежать в своей спальне, читая или слушая музыку. Она зажигала только одну маленькую лампочку у кровати, к тому же на окнах, кроме тяжелых штор, которые она не считала нужным задвигать, висели еще и легкие занавески, так что вряд ли кто-нибудь мог бы заметить ее в глубине комнаты, особенно, если у него не было таких мощных оптических приборов, как у Гарри. Ариелла была восхитительна. Даже сквозь легкую ткань занавесок, в мягком, приглушенном свете настольной лампы, Гарри видны были все самые потаенные уголки ее прелестного тела. Потрясенный и очарованный видом ее наготы, он, наверное, целую минуту не мог пошевелиться, с изумлением и восторгом созерцая все соблазнительные изгибы ее длинноногого, стройного тела и пышной груди. Затем, сбросив с себя наваждение, весь красный и потный от стыда и желания, он резко развернул телескоп. Гарри уже двадцать лет не знал женщины, и все же он никогда больше не позволял себе заглядывать в спальню Ариеллы. Часто по утрам он наводил объектив на окно ее крохотной кухоньки, наблюдая, как она завтракает, запивая

гренки с яичницей или горячую сдобную булочку апельсиновым соком. Гарри не мог на нее насмотреться, не мог оторвать глаз от ее лица, столь удивительно прекрасного, что у него не было слов, чтобы выразить это. Вдобавок, судя по тому, что Гарри было известно о ее жизни, Арнелла была очень доброй, хорошей девушкой. Подсмеиваясь над собой, Гарри думал, что влюбился в нее, словно школьник в свою учительницу; она была недосытаема, но это не значит, что это безответная любовь дает ему право ласкать своим бесстыдным взглядом ее обнаженное тело. Нет, такое поведение казалось ему бесчестным.

Точно так же, если он случайно, сам того не желая, вторгался в интимную жизнь своих соседей, он тут же отводил взгляд. Да, он смотрел, как они ссорятся друг с другом, это правда, и он смотрел как они вместе смеются и радуются чему-то, этого он тоже не отрицал, и как они едят, играют в карты, сидят на диете, моют посуду и занимаются другими домашними делами, бесконечными и бесчисленными, но он делал это не потому, что хотел узнать какие-то пикантные подробности их жизни или почувствовать себя выше их. Чего он действительно хотел, — так это стать частицей их жизни, быть хоть немножко ближе к ним, даже если они никогда не узнают об этом, почувствовать себя членом этой большой семьи; он хотел знать о них как можно больше, чтобы иметь право волноваться и тревожиться за них, и эти заботы и переживания наполняли его жизнь, делая ее богатой и интересной.

Гарри снова слышал шум лифта. Значит, Муз уже побывал на кухне и, достав из холодильника банку холодного пива, возвращается обратно.

Гарри Тальбот всегда отличался общительностью, поэтому, когда он вернулся с войны калекой, ему советовали поселиться в пансионате для инвалидов, где он был бы окружен людьми, и где о нем бы заботились. Врачи предупреждали, что в мире здоровых людей ему нет места: они не примут его, будут бессознательно, но жестоко отталкивать его от себя, он будет мучиться, постоянно сталкиваясь с этой бездумной жестокостью, и в конце концов почувствует себя страшно одиноким и никому не нужным. Но, помимо общительности, Гарри обладал еще и упрямым, независи-

мым характером, и перспектива поселиться в пансионате для инвалидов, где его будут окружать только такие же больные, увечные, не умеющие обходиться без посторонней помощи калеки, как он сам, пугала его еще больше, чем одиночество. Теперь он жил один, но у него был Муз, иногда к нему заходил кто-нибудь из соседей, а раз в неделю приходила экономка миссис Хансбок (от которой он прятал телескоп и бинокль в стенной шкафу). Большая часть из того, о чем предупреждали его врачи, чуть ли не каждый день находила подтверждение; однако они не учли того, что Гарри сумеет устоять, создав себе собственную, воображаемую семью, тайно, но без всякого злого умысла наблюдая за своими соседями.

Лифт остановился на втором этаже. Дверь мягко отъехала в сторону, и Муз, вбежав в спальню, бросился прямо к табурету Гарри.

Платформа, на которой стоял телескоп, была на колесиках, так что Гарри просто отпихнул ее от себя. Он нагнулся и потрепал собаку по голове. Потом вынул банку с пивом из пасти Муза. Пес аккуратно держал ее зубами ближе к доньшку, чтобы не запачкать. Гарри зажал банку между своими покалеченными ногами и включил маленькую лампочку, стоявшую на столе с другой стороны от табурета. Он направил свет на банку так, чтобы видна была этикетка, желая убедиться, что это действительно пиво, а не кока-кола. Собака приучена была различать напитки, и в большинстве случаев умный пес не путал эти два слова и мог удерживать в памяти команду «пиво» или «кока» всю дорогу до кухни. Но изредка случалось все же, что он забывал нужное слово и возвращался не с той банкой. Еще реже он вообще приносил какие-то другие вещи, ничего общего не имевшие с тем, за чем его посылали: тапок, газету или банку с собачьими консервами; однажды он принес сваренное вкрутую яйцо, и так осторожно держал его в зубах, что скорлупа даже не треснула. Больше всего Гарри удивился, когда Муз как-то раз принес ему швабру экономки. Но как бы там ни было, во второй раз пес уже не ошибался.

Гарри давно уже подозревал, что все эти так называемые ошибки пса на самом деле не что иное, как желание разыграть своего хозяина. Постоянное тесное общение с Музом

убедило его в том, что собаки тоже не лишены чувства юмора.

На этот раз, однако, без всяких ошибок и шуток Муз принес именно то, о чем его просили. При виде холодной, запотевшей банки с пивом Гарри почувствовал, как у него пересохло в горле.

Он выключил свет, приговаривая:

— Молодец, Муз! Хороший мальчик, умница, хоро-о-о-шая собака!

Пес радостно залаял. Он сидел у высоких ножек табурета, подняв голову и выжидая, не понадобится ли хозяину еще что-нибудь.

— Иди, Муз, отдыхай. Молодец, хорошая собака.

Разочарованный, пес побежал в свой угол и свернулся на полу, в то время как его хозяин откупорил банку и сделал большой глоток.

Отставив банку в сторону, Гарри опять придвинул к себе телескоп. Он снова погрузился в ночную жизнь Мунлайт Коува, своих соседей, своей большой семьи.

Госдалы и Кайзеры все еще играли в карты.

Во дворе похоронной конторы Каллана было по-прежнему пусто, только туман клубился, образуя маленькие водовороты в лучах света.

Южнее Конкистадор Авеню, в свете фонарей, Гарри увидел, как Рэй Чанг, владелец единственного в городе магазина телевизоров и электронной техники, прогуливает свою собаку, Джека, золотистого сеттера. Он шел неторопливо, поджидая, пока Джек обнюхает каждое дерево вдоль дороги, выискивая наиболее подходящее местечко для своих ежевечерних надобностей.

Гарри наслаждался мирным спокойствием этой сцены, но настроение его резко изменилось, когда он, повернувшись к северному окну, заглянул в дом Симпсонов. Домик Эллы и Дэнвера Симпсонов, хорошенький, кремовый, под черепичной крышей, построенный в испанском стиле, стоял неподалеку от Оушэн Авеню, за старым католическим кладбищем. Ничто не заслоняло его от Гарри, так что он мог свободно заглянуть в любое окно. Он навел трубу телескопа на освещенную кухню Симпсонов. Гарри подправил резкость, так что бесформенное изображение превратилось в яс-

ные, четко очерченные фигуры, и тут же увидел, что Элла Симпсон борется со своим мужем, пытаясь оттолкнуть его от себя, а тот изо всех сил прижимает ее к холодильнику. Она дико визжала, извиваясь в его руках и царапая ему лицо своими ногтями.

Дрожь прошла по изуродованной спине Гарри.

Он сразу понял, что необычное поведение этой пары тесно связано с другими странными вещами, которые он стал замечать в последнее время. Дэнвер был начальником почтового отделения Мунлайт Коува, а его жена Элла содержала салон красоты, приносивший ей немалый доход. Общим было слегка за тридцать и, насколько Гарри было известно, это был счастливый брак. Их безобразная драка настолько выходила за рамки их обычных отношений, что Гарри ясно стало — она из ряда тех же не поддающихся объяснению, зловещих событий, свидетелем которых он не раз бывал за последние недели.

Элле удалось вывернуться из рук Дэнвера, но едва лишь она успела сделать один неверный шаг в сторону, как удар его кулака настиг ее сзади. Она тяжело повалилась на пол.

Муз в своем углу почувствовал, как хозяин его весь напрягся. Пес поднял голову и стал принюхиваться.

Пригнувшись к трубе телескопа и впившись глазами в окуляр, Гарри увидел, как из той части кухни, которая была вне поля его зрения, вышли два человека. Хотя на них и не было формы, он сразу узнал в них офицеров местной полиции Поля Хоусорна и Риза Дорна. Их присутствие здесь было лишним доказательством того, что интуиция не обманула Гарри, — инцидент с четой Симпсонов был частью какого-то странного и дикого сговора безумцев, примеры которого он все чаще наблюдал за последние несколько недель. Уже не в первый раз Гарри молил Бога послать ему разгадку тех невероятных событий, которые происходили в последнее время в его некогда спокойном, маленьком городке. Хоусорн и Дорн подняли Эллу с пола и крепко поддерживали с обеих сторон. Она висела на их руках, почти не сознавая, что с ней делают, оглушенная ударом.

Дэнвер что-то говорил не то полицейским, не то своей жене. Трудно было понять, к кому он обращался; лицо его

так искажилось от ярости, что Гарри просто мороз продрал по коже.

В это время появился третий мужчина, он подошел к окну, чтобы задернуть шторы. С моря наплывал густой туман, его пелена тянулась к востоку, мешая смотреть, но Гарри все-таки узнал, кто был этот третий... Доктор Ян Фицджеральд, старейший из трех врачей Мунлайт Коува. Вот уже почти тридцать лет он лечил жителей города, их детей и внуков, которые ласково звали его Док Фиц. Он был личным врачом Гарри; неизменно заботливый и внимательный, он всегда с горячим участием относился к своим пациентам. Но сейчас Гарри просто физически ощущал, что от доктора исходит леденящий холод, словно от айсберга. Пока тот задергивал шторы, Гарри внимательно вглядывался в его лицо, замечая, какими жесткими стали его черты, какой лютой злобой горят его глаза; это было совсем не похоже на старого, милого Дока Фица. Благодаря мощным линзам телескопа Гарри так близко видел лицо доктора, словно стоял в каком-нибудь футе от него; но этот человек перед ним, вроде бы хорошо знакомый ему старый врач, казался в то же время совершенно чужим.

Обе половинки штор сдвинулись, закрыв от Гарри кухню и все, что в ней происходило. Он откинулся назад, чтобы лучше видеть остальную часть дома. Гарри так сильно прижимался глазом к окуляру, что все лицо у него заболело. Он проклинал спускающийся туман, пытаясь прийти в себя от увиденного и хоть немного успокоиться.

Муз тихонько заскулил, словно спрашивая хозяина, что случилось.

Минуту спустя Гарри заметил, что в угловой комнате зажегся свет. Он сейчас же повернул телескоп в ту сторону. Это была спальня самого Симпсона. Несмотря на туман, он разглядел, что Хоусорн и Дорн волокут Эллу вверх по лестнице и втаскивают в спальню. Они швырнули ее на стеганое синее одеяло, покрывавшее громадную, широкую кровать.

Дэнвер и Док Фиц вошли следом за ними. Врач положил свой черный кожаный чемоданчик на тумбочку у кровати. Дэнвер задернул занавески на окне, выходившем на Конкистадор Авеню, потом подошел к тому окну, на которое был направлен телескоп Гарри. С минуту Дэнвер вглядывался в

ночь, и у Гарри появилось неприятное ощущение, что тот видит его, хотя между ними пролегали два квартала и это было совершенно невозможно, если, конечно Дэнвер не обладал сверхъестественным зрением, каким-нибудь встроенным в него биологическим телескопом. Такое же чувство охватывало Гарри каждый раз, когда он вот так же наблюдал за людьми, с помощью мощной оптики приближая к себе их лица, задолго до того, как в Мунлайт Коуве начало твориться что-то странное, поэтому он и сейчас был уверен, что на самом деле Дэнвер ничего не видит. Тем не менее, ему стало не по себе. Симпсон задернул шторы, но на этот раз не очень плотно, так что между ними осталась маленькая щелка, шириной, примерно, в два дюйма.

Весь дрожа, покрывшись холодным потом, Гарри работал с линзами, пытаясь подобрать наиболее мощную и добиться возможно более резкого изображения, пока ему не удалось сделать так, чтобы узенькая щелочка между занавесками заполнила весь объектив. Он достиг такого увеличения, словно находился не за окном, а прямо в спальне Симпсона.

Густые ключья тумана ушли дальше, на восток, теперь только тонкие змейки тянулись с моря, и видимость заметно улучшилась. Полицейские удерживали Эллу на постели, не давая ей приподняться. Она вырывалась, но Хоусорн и Дорн крепко держали ее за руки и за ноги, и они, конечно, были сильнее. Дэнвер, одной рукой нажимая на подбородок своей жены, другой засовывал ей в рот скрученный носовой платок или просто кусок какой-то белой тряпки, пытаясь сделать что-то вроде кляпа.

На мгновение перед Гарри мелькнуло лицо женщины. Она пыталась сопротивляться, глядя на своих мучителей расширенными от ужаса глазами.

— О, черт!

Муз встал с подстилки и подошел к нему.

Элла боролась отчаянно; ее юбка задралась, под ней видны были желтые трусики. Пуговицы на зеленой блузке расстегнулись, обнажив грудь. Несмотря на все это у Гарри вовсе не было впечатления, что ее собираются изнасиловать: во всем, что он видел, не было даже намека на сексуальность, в мужчинах не чувствовалось никакого желания.

Хотя возможно, то, что они хотели с ней сделать, было гораздо более жестоким и грозным, и уж конечно, более необычным, чем изнасилование.

Док Фиц стоял в ногах кровати, заслоняя от Гарри Эллу и мужчин, которые ее держали. В руках у врача была бутылочка с янтарной жидкостью, которой он наполнял свой шприц.

Значит, они собираются сделать Элле укол.

Но от чего?

И зачем?

19

Повесив трубку, Тэсса Локлэнд села на постели и стала просматривать свой последний документальный видеофильм. Она вслух делала замечания о недостатках съемок, композиции кадров, освещения, ругала тех, кто монтировал фильм, критиковала сценарий, как вдруг сообразила, что довольно глупо говорить так громко, если находишься одна в комнате. Тогда она стала развлекаться, передразнивая разных кинокритиков, выступавших по телевизору, подражая их жестам, их манере говорить, что было невероятно смешно, поскольку большинство этих критиков были напыщенными болванами, каждый в своем роде, конечно, за исключением, пожалуй, только Роджера Эберта. Все же хоть Тэсса и посмеивалась, получалось, что она разговаривает вслух сама с собой, что было несколько эксцентрично даже для нее, тридцатитрехлетней самостоятельной женщины, всю свою сознательную жизнь работавшей как вол, только не в государственных телекомпаниях. Видимо, это вечерняя прогулка на место «самоубийства» сестры так повлияла на ее нервы. Она пыталась как-то расслабиться и найти что-нибудь забавное, чтобы хоть немного рассеять свои мрачные впечатления. Но бывают такие случаи, когда даже неистребимая жизнерадостность и энергия Локлэндов дают осечку.

Тэсса выключила телевизор и взяла с комода пластмассовое ведро для льда. Прихватив с собой немного мелочи и оставив дверь приоткрытой, она пошла в конец коридора, туда, где стояли автоматы для льда и содовой воды.

Тэсса гордилась тем, что ей удалось не погрязнуть в серой, скучной рутине, отсиживая в какой-нибудь конторе свои положенные часы с девяти до пяти, и так ежедневно, удручающе размеренно и однообразно. Вообще-то нелепо было этим гордиться, если учесть, что она частенько вкалывала по двенадцать-четырнадцать часов в сутки вместо положенных восьми и была себе самым строгим и безжалостным начальником из всех, каких она могла бы иметь на обычной, нормальной работе. При этом нельзя сказать, чтобы она купалась в деньгах. Правда, было несколько таких лет, когда фильмы ее шли нарасхват, и она как сумасшедшая делала деньги и не могла остановиться, даже если бы очень захотела; но их было гораздо меньше по сравнению с другими годами, когда она едва-едва зарабатывала себе на жизнь. Недавно Тэсса решила подсчитать, какой же был ее средний доход за прошедшие двенадцать лет, с тех пор, как окончила школу кинооператоров, и оказалось, что эта цифра составляет примерно двадцать одну тысячу долларов в год, хотя, конечно, она может заметно уменьшиться, если в ближайшее время спрос на ее фильмы вдруг упадет.

Несмотря на скромный достаток, на то, что фильмы она делала на свой страх и риск, не имея определенных заказов и не зная, окупятся ли вложенные в них труд и деньги, Тэсса все же чувствовала себя счастливой, была довольна своей жизнью. И дело было не только в том, что ленты ее, как правило, хорошо принимались критиками, и не в том, что она была неисправимой оптимисткой, как, впрочем, и все Локлэнды; главное — она не зависела от власти предрежащих, она была своим собственным начальником и сама распоряжалась своей жизнью.

Дойдя до конца длинного коридора, Тэсса толкнула тяжелую металлическую дверь и вышла на площадку, где слева от лестницы стояли автоматы. Высокий автомат для кока-колы, пива и других напитков тихонько гудел, но второй, для льда, не работал. Придется спускаться этажом ниже, подумала Тэсса. Звук ее шагов эхом отдавался от бетонных стен, такой холодный и гулкий, словно в громадной пустой пирамиде или еще какой-нибудь древней постройке, где не было никого, кроме нее и невидимых духов усопших.

На нижней площадке Тэсса не обнаружила никаких автоматов, зато нашла стрелку, указывающую, что прохладительные напитки продаются в другом конце коридора. Похоже на то, что пока ей удастся получить и содовую и лед, она затратит столько энергии и калорий, что придется брать стакан нормальной, хорошо подслащенной кока-колы вместо этой диетической водички.

Уже взявшись за ручку двери, ведущей в коридор нижнего этажа, Тэсса услышала, а может, ей это только показалось, как кто-то открыл дверь на верхней площадке лестницы. Если слух не обманул ее, то это был первый за сегодняшний вечер признак того, что она не единственный постоялец этой гостиницы. По правде говоря, у мотеля был совсем нежилой вид.

Выйдя в коридор, Тэсса обнаружила, что пол в нем покрыт такой же отвратительной, ядовито-оранжевой дорожкой, что и наверху. Видно, здешний дизайнер в прошлом был клоуном и обожал яркие цвета. Тэсса зажмурилась, ослепленная этим оранжевым великолепием.

Неплохо было бы зарабатывать чуть побольше, хотя бы ради того, чтобы иметь возможность выбирать более приличные гостиницы, интерьер которых не травмирует чувств ни в чем не повинных постояльцев. Правда, это был единственный мотель в Мунлайт Коуве, так что никакие деньги не спасли бы ее от этого кричащего оранжевого блеска. Коридор тянулся бесконечно; когда Тэсса вышла, наконец, на лестничную площадку, вид серых бетонных стен показался ей необыкновенно милым и привлекательным.

Автомат для льда здесь был в полном порядке. Она отодвинула крышку и опустила вниз ведерко, наполняя его полукруглыми ледяными дольками. Достав ведерко, Тэсса поставила его наверх, чтобы закрыть крышку, и тут услышала тихий, протяжный скрип петель открывшейся наверху двери.

Она подошла к автомату с содовой, ожидая, что новый постоялец вот-вот спустится вниз. Только опуская в щель третью монету, Тэсса вдруг сообразила, что скрип был какой-то странный, такой долгий и приглушенный, словно... словно кто-то, зная, что петли не смазаны, медленно и осторожно приоткрывал дверь, стараясь произвести как можно меньше шума.

Тэсса замерла, прислушиваясь, держа палец на кнопке, но опасаясь нажать на нее.

Ни звука.

Холодная, мертвая тишина бетонных стен.

Она чувствовала себя так же, как раньше на пляже, когда до нее донесся тот дикий, пугающий вопль. По телу ее снова поползли мурашки.

Это могло показаться диким, и все же она была уверена, что кто-то вышел на верхнюю площадку лестницы и теперь стоит там, придерживая дверь, чтобы она опять не закрипела, дожидаясь, пока Тэсса нажмет на кнопку и шум автомата заглушит все остальные звуки.

Многие современные женщины, закалившиеся и огрубевшие в жизненных передрягах, устыдились бы такой чувствительности и только посмеялись бы над своими страхами, но Тэсса знала себя и доверяла своему инстинкту. Она никогда не была истеричкой, и даже смерть Дженис не могла довести ее до такого состояния, поэтому она ни минуты не сомневалась, что опасность действительно притаилась там, наверху, на лестничной площадке за поворотом.

Отсюда, со дна этого бетонного колодца, было три выхода. Одна дверь, в южной стене, была та, через которую Тэсса пришла сюда и через которую могла вернуться обратно в коридор нижнего этажа. Другая выходила в узкий переулок или проезд за мотелем, заканчивавшийся обрывистым, крутым спуском к морю. Через третью можно было, по-видимому, попасть на стоянку машин перед мотелем. Вместо того чтобы нажать на кнопку с содовой, махнув рукой на свое ведерко, полное льда, Тэсса быстро, на цыпочках подбежала к южной двери и приоткрыла ее.

Она уловила какое-то движение в дальнем конце коридора. Кто-то выскользнул за дверь на лестничную площадку. Она не могла как следует разглядеть его, так как он стоял не на яркой оранжевой дорожке, а дальше, на сером бетонном полу у самой двери, так что Тэсса заметила только темную, быструю тень, которая мгновенно скрылась.

Значит, по крайней мере двое мужчин, — ей казалось, что это именно мужчины, а не женщины, — охотились за ней.

Над головой у нее, в лестничном пролете, раздался еле слышимый, тягучий скрип ржавых, давно не смазанных пе-

тель. Очевидно, тому, другому, который стоял там, надоело дожидаться, пока она нажмет на кнопку и автомат зашумит, заглушая все звуки.

Путь в коридор был отрезан. Она была в ловушке.

Конечно, Тэсса могла закричать, позвать на помощь, может быть, кто-нибудь услышал бы ее и пришел, а может, ее крик испугал бы этих насильников, и они бы убежали; но что, если гостиница окажется на самом деле безлюдной и необитаемой, какой она и выглядела? Тогда ее крик ничем ей не поможет, наоборот, ее преследователи поймут, что она знает об их присутствии и намерениях, и не станут больше скрываться.

Кто-то осторожно, крадучись, спускался по ступенькам.

Тэсса прикрыла дверь в коридор и метнулась к той, третьей, которая вела на стоянку. Она выбежала в туманную ночную темень и помчалась вдоль стены здания, через пустую стоянку туда, где рядом с уже закрывшимся на ночь кофейным баром еще горел свет у портье.

Задышавшись, Тэсса толкнула дверь, освещенную розовыми и желтыми неоновыми огнями. Она оказалась открыта. Портье за стойкой был тот же, который несколько часов назад записал ее данные в журнал и выдал ей ключ от номера. Это был высокий, дородный мужчина лет пятидесяти, чисто выбритый и аккуратно подстриженный, хотя сейчас он выглядел несколько помятым и взъерошенным. На нем были широкие брюки из коричневого вельвета и фланелевая рубашка в зеленую и красную клетку. Он отложил журнал, который читал до того, как появилась Тэсса, приглушил музыку — по радио как раз передавали песни в стиле «кантри», — поднялся из-за своей конторки и, хмурясь, глядя на Тэссу сверху вниз, слушал ее торопливый, сбивчивый рассказ о случившемся.

— М-да-а, это ведь не то, что большой город, мэм, — спокойно, мягко растягивая звуки, заговорил он, когда Тэсса наконец закончила. — Наш Мунлайт Коув — тихое, уютное местечко. Здесь вам нечего бояться таких вещей.

— Но ведь так оно и было, мне же не привиделось! — возразила Тэсса, нервно оглядываясь то на окно, то на дверь, туда, где все плыло и растекалось в тумане, подкрашенном неоновыми огнями.

— О, я и не сомневаюсь, что вы видели кого-то и слышали чьи-то шаги, вы просто неправильно истолковали это. У нас остановилось еще несколько туристов, и именно их вы могли видеть и слышать. Вероятно, они точно так же спустились, чтобы взять немного льда и содовой, как и вы. — Он улыбнулся, словно старый, добрый дедушка, успокаивающий испуганного ребенка. — Конечно, когда народу мало, вид у нашего мотеля довольно заброшенный, так что действительно может показаться, что здесь водятся привидения.

— Послушайте, мистер...

— Куинн. Гордон Куинн.

— Послушайте, мистер Куинн, серьезно, все было совсем не так.

Тэсса ощущала себя капризной, нервной дамочкой, она понимала, как глупо выглядит со стороны, но знала, что права, и попыталась еще раз доказать это:

— Я бы не спугала обычных постояльцев с грабителями и насильниками. Я не истеричка. И этим парням нужна была не содовая.

— Хм... ну ладно. Думаю, что вы ошибаетесь, но, раз вы так настаиваете, давайте проверим. — Куинн вышел из-за своей конторки.

— Вы что, прямо так пойдете? — удивилась Тэсса.

— Как это *так*?

— Без оружия?

Он широко улыбнулся, и Тэсса опять почувствовала себя глупо.

— Мэм, — протянул Куинн, — вот уже четверть века я управляю этим мотелем, и за все это время не было еще такого постояльца, с которым я бы не мог справиться.

Его самодовольно-снисходительный, покровительственный тон раздражал Тэссу, но она не стала спорить и пошла вслед за ним через вихрящийся туман к дальнему концу здания. Она была такой крошечной рядом с ним и чувствовала себя маленькой испуганной девочкой, которую ее большой и сильный отец провожает обратно в комнату, чтобы успокоить и доказать, что там нет никаких чудовищ, никто не прячется ни под кроватью, ни в стенном шкафу.

Он открыл металлическую дверь, через которую Тэсса

выбежала несколько минут назад, и они вошли. Никто не подкарауливал их там.

Автомат с содовой тихонько гудел, из другого, со льдом, доносилось слабое позвякивание. Ее ведро, полное тоненьких ледяных ломтиков, все еще стояло наверху.

Куинн подошел к двери, ведущей в коридор нижнего этажа, и распахнул ее, подзывая Тэссу.

— Никого, — сказал он, кивком головы указывая на пустой, тихий коридор. Потом открыл дверь, выходящую в переулок, и, выглянув наружу, огляделся. Он потребовал, чтобы Тэсса подошла и сама убедилась, что снаружи никого нет.

В желтоватом свете ночных фонарей она увидела узкий, огороженный металлической сеткой проезд; он тянулся между задней стеной гостиницы и обрывом и был абсолютно пуст.

— Вы, кажется, сказали, что уже опустили монетки в автомат, но не взяли содовую? — заметил Куинн, когда Тэсса отошла от двери.

— Так оно и было.

— А какую вы хотели бы?

— Н-ну... «Дайет Коук».

Управляющий нажал нужную кнопку, и автомат заработал. Он протянул ей баночку с содовой и указал на ведро:

— Не забудьте ваш лед.

С ведром и банкой в руках Тэсса пошла за ним; щеки ее пылали, внутри все дрожало от холодной ярости. Они поднялись по лестнице. Никто не подстерегал их там. Несмазанные петли двери на верхней площадке заскрипели, и Тэсса с управляющим прошли в коридор, где тоже не было ни души.

Дверь в ее комнату так и осталась приотворенной. Тэсса остановилась, не решаясь войти.

— Давайте осмотрим все внутри, — предложил Куинн.

Ни в маленькой комнате, ни в стенном шкафу, ни в ванной никого не было.

— Ну как, успокоились немного? — спросил Куинн.

— Это не моя больная фантазия.

— Ну еще бы, я и не сомневаюсь в этом, — произнес он все тем же добродушно-покровительственным тоном.

— Они были там, я ничего не выдумала, наверно, они просто убежали, — сказала Тэсса, когда Куинн, внимательно осмотрев все, вышел к ней в коридор. — Может быть, они решили сбежать, когда поняли, что я знаю об их намерениях и пошла за подмогой.

— Ладно, теперь все хорошо, — ответил управляющий. — Ушли ли они или вовсе никогда не существовали, главное, что вы теперь в безопасности, ничто вам не угрожает.

Тэссе пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы вежливо ответить: «Спасибо», ничего не добавляя по поводу того, что она обо всем этом думает. Она закрыла дверь, нашла на ней кнопку замка и нажала на нее. Потом увидела над ручкой засов и задвинула его тоже. Под конец она еще накнула на крючок металлическую цепочку.

После этого она подошла к окну, чтобы удостовериться, что никакой насильник или грабитель не сможет открыть его снаружи. Изнутри оно еще открывалось наполовину, но с улицы никто бы не смог этого сделать, если, конечно, не разобьет стекло, чтобы добраться до задвижки. Кроме того, окно было довольно высоко над землей, так что взломщику понадобилась бы лестница, чтобы достать до него.

Некоторое время Тэсса еще сидела на кровати, прислушиваясь к звукам мотеля, к его ночным шорохам. Каждый звук теперь казался ей подозрительным и угрожающим. Она раздумывала, существует ли какая-нибудь связь между ее странным приключением и гибелью Дженис три недели тому назад.

20

Пролежав пару часов в дренажной трубе под землей, Крисси Фостер начала страдать от клаустрофобии. Она просидела гораздо дольше, запертая в кладовке за кухней, и кладовка была меньше, и все же лежать в бетонной трубе в непроглядной темноте оказалось еще хуже, это было все равно, что лежать в могиле. Может быть, она начала задыхаться еще и оттого, что слишком долго пробыла в тесных, замкнутых пространствах: весь день, почти весь вечер и вот теперь половину ночи. С шоссе, которое проходило далеко наверху, там где начиналась дренажная система, сюда до-

летал глухой рев моторов; он эхом отдавался от бетонных стен туннеля, и Крисси чудились ужасные рычащие драконы. Она покрепче затыкала уши, чтобы не слышать этого шума. Иногда наступало затишье, а потом тяжело груженные машины начинали идти вереницей — по шесть, восемь, а то и двенадцать грузовиков подряд, — тогда Крисси казалось, что она сойдет с ума от этого беспрерывного гула и грохота.

Возможно, ей так хотелось вырваться отсюда именно потому, что она сознавала, что находится под землей. От долгого лежания в темноте, от этого беспрерывного грохота проезжающих машин, от напряженного ожидания и страха — не возвращаются ли ее родители и Такер, — Крисси начало казаться, что она лежит в бетонном гробу, заживо похороненная, придавленная землей.

Словно читая вслух книгу о своих собственных приключениях, девочка произнесла:

— Что-то подсказывало маленькой Крисси, что труба вот-вот обвалится и будет засыпана землей, что ее раздавит здесь, как жучка, и она будет похоронена навеки.

Она знала, что должна остаться здесь. Они могли все еще рыскать по лугу и по окрестным лесам в поисках ее. Здесь она была в большей безопасности, чем там, снаружи.

Но ее мучили страшные видения. Крисси прекрасно понимала, что она — единственное живое существо в этой трубе, единственный обитатель, растянувшийся в темноте на бетонном полу, и все же в мозгу ее возникали непрошенные видения, жуткие призраки осаждали ее: бесчисленные змеи, скользкие и извивающиеся; сотни пауков тянули к ней свои пупальца; полчища тараканов и крыс, летучие мыши-кровапийцы, — все они будто только и ждали, чтобы накинуться на нее. В конце концов ей стало представляться, что когда-нибудь, много лет назад, какой-нибудь ребенок мог, играя, забраться сюда, в эти подземные туннели, заблудиться в бетонных переходах; его искали, но не нашли, и он так и умер здесь. Душа его, разумеется, не находя себе покоя, бродит по земле, поскольку кончина была безвременной и никто не совершил должного обряда погребения. И вот теперь дух этого ребенка, почуяв, что здесь кто-то есть, вселился в ужасный, полуистлевший и разлагающийся труп и

движется сюда, протягивая к ней свои костлявые, иссохшие руки, оставляя на бетонных стенах клочья кожи и куски полусгнившего мяса. Крисси было одиннадцать лет, она была умной, не по возрасту развитой девочкой, и она без конца повторяла себе, что привидений не существует, но потом подумала о своих родителях и Такере, которые стали похожи на оборотней, и когда большие грузовики грохотали по шоссе, ей страшно было затыкать уши: она боялась, что мертвый ребенок только и дожидается этого шума, чтобы подползти еще ближе.

Крисси не могла больше здесь оставаться.

21

Выйдя из темного гаража, где он скрывался от банды малолетних наркоманов (ему приходилось думать о них именно так, поскольку он не находил другого объяснения), Сэм Букер вернулся на Оушэн Авеню и зашел в кабачок «Найтсбридж», чтобы взять несколько бутылочек пива с собой.

Позднее, сидя за маленьким столиком в своем номере в мотеле и потягивая пиво, Сэм мысленно перебирал все известные ему факты о событиях, происходивших в Мунлайт Коуве за последние два месяца. Пятого сентября три организатора Национального Союза Фермеров — Джулио Бустаманта, его сестра Мария и ее жених, Рамон Санчес, выехали в южном направлении из винодельческой области, где они обсуждали с владельцами виноградников вопросы будущего урожая. Они ехали в фургоне рыжевато-коричневого цвета, купленном четыре года назад. В Мунлайт Коуве они остановились, чтобы пообедать. Они зашли перекусить в Семейный ресторанчик Перэса, за обедом очень много пили (по свидетельству официантов и посетителей ресторана, которые были там в тот вечер), и на обратном пути, проезжая опасный, крутой поворот на шоссе, не сбавили скорость; фургон перевернулся и загорелся. Все трое погибли.

Эта история могла бы тем и кончиться, и у ФБР не было бы причин вмешиваться в это дело, если бы не кое-какие противоречия и несообразности. Во-первых, из доклада полицейского отделения Мунлайт Коува следовало, что за

рулем фургона был Джулио Бустамантэ. Однако Джулио никогда в жизни не садился за руль, он вообще не умел водить машину; и уж тем более он не мог этого сделать после наступления темноты, поскольку страдал чем-то вроде куриной слепоты и даже в сумерки уже ничего не видел. Далее в полицейском докладе приводятся показания свидетелей о том, что и Джулио, и Мария, и Рамон, — все трое были совершенно пьяны, но никто из тех, кто хорошо знал Джулио и Рамона, никогда прежде не видел их выпившими, а Мария вообще в жизни своей не прикасалась к спиртному.

Семьям Санчесов и Бустамантэ, жившим в Сан-Франциско, поведение властей Мунлайт Коува тоже казалось подозрительным. О гибели родных им сообщили только десятого сентября, через пять дней после катастрофы. Начальник полиции Лоуман Уоткинс объяснил это тем, что удостоверения личности погибших сгорели, а тела их были настолько обезображены огнем, что невозможно было быстро опознать их, сняв отпечатки пальцев. А как насчет металлической таблички с номером фургона? Как ни странно, Лоуман не обнаружил ее ни на самой машине, ни где-либо поблизости от места происшествия. Таким образом, не зная, что делать с тремя обожженными трупами, и не имея возможности оповестить родственников, он отдал распоряжение следователю, доктору Яну Фипджеральду, заполнить свидетельства о смерти и кремировать останки погибших. «Мы ведь не располагаем современным оборудованием, наш морг не приспособлен для того, чтобы долго хранить в нем трупы, — объяснил он, — и мы не знали, сколько времени понадобится, чтобы установить личность погибших. Мы подумали, что это могут быть бродяги или даже иммигранты, нелегально въехавшие в страну; в таком случае, мы могли бы никогда не опознать их».

«Ничего не скажешь, ловко он выкрутился», — мрачно подумал Сэм, откинувшись на стуле и отпив большой глоток темного пива.

Три человека трагически погибли в автомобильной катастрофе, как значится в их свидетельствах о смерти, и трупы их были кремированы, прежде чем родственники получили сообщение об их гибели, прежде чем какие-либо посторонние эксперты, применяя новейшие достижения

судебно-медицинской экспертизы, смогли проверить, насколько правдивы данные, содержащиеся в полицейском отчете.

Семьи Бустамантэ и Санчесов только подозревали, что тут дело нечисто, но руководство Национального Союза Фермеров было просто убеждено, что все это наглая ложь. Двенадцатого сентября председатель Союза выступил с заявлением и потребовал вмешательства Федерального Бюро Расследований, на основании того, что враждебные Союзу силы несут ответственность за это преступление. По правилам, ФБР занималось расследованием убийства только в том случае, если предполагаемый убийца перешел границу и убил свою жертву после или во время этого перехода, а также если переход границы был совершен с целью избежать наказания; оно могло также вмешаться, если имелись основания полагать, как в деле Бустамантэ и Санчеса, что убийство являлось следствием грубого и преднамеренного нарушения гражданских прав потерпевших.

Двадцать шестого сентября, после обычных нелепых бюрократических проволочек, отряд агентов ФБР в составе шести человек, среди которых трое были из научно-исследовательского подразделения, отправился в Мунлайт Коув, предполагая пробыть там десять дней. Они опросили полицейских, проверили все бумаги и документы в полиции и в суде, записали показания свидетелей, которые вечером пятого сентября находились в Семейном ресторанчике Переса, побывали на свалке и перебрали обломок за обломком все, что осталось от фургона, и обыскали само место аварии, высматривая малейшие улики, которые могли остаться с того вечера. Сельское хозяйство в Мунлайт Коув не было особенно развито, а потому они не смогли обнаружить никаких противников Национального Союза Фермеров, никого, кто был бы враждебно настроен по отношению к его организаторам и желал бы их устранения. Таким образом, мотивы преступления оставались невыясненными.

В течение всего расследования местная полиция и следователь оказывали им всевозможное содействие, искренне желая помочь. Лоуман Уоткинс и его люди были столь дюбезны, что даже добровольно согласились подвергнуться тестированию на детекторе лжи. Испытание провели, и все

они вышли из него незапятнанными. Следовательно тоже прошел через тесты, которые показали, что он — человек неподкупной честности и порядочности.

И все же что-то здесь было не так.

Местные власти проявили почти такую же готовность сотрудничать, но, несмотря на все это, у каждого из шести членов отряда постоянно было такое чувство, будто они являются здесь всеобщим посмешищем, их постоянно водят за нос, и стоит им отвернуться, как все начнут издеваться над ними. При этом они ни разу не заметили, чтобы кто-нибудь многозначительно подмигнул или ухмыльнулся, бросив понимающий взгляд на соседа. Можно назвать это инстинктом разведчика, шестым чувством, или как угодно, но Сэм знал, что на него можно полагаться; интуиция никогда их не подводила, она, словно звериный нюх, всегда выводила на верный след.

И это была не единственная смерть в результате несчастного случая.

Расследуя дело Санчеса-Бустаманте, агенты просмотрели и прослушали все записи за последнюю пару лет, все материалы, имевшиеся в полиции и у следователя, с тем чтобы установить, как обычно велись здесь дела такого рода — внезапная смерть в автомобильной катастрофе или по каким-нибудь другим причинам. Они хотели выяснить, отличаются ли чем-нибудь действия властей в этой истории от предыдущих; расхождения могли бы указывать на то, что на этот раз полиция замешана в преступлении или кого-то покрывает. Но то, что они обнаружили, просто потрясло их, привело в полнейшее замешательство, хотя это и было совсем не то, чего они ожидали. Если не считать одной аварии, когда подросток разбил машину, развив недопустимую скорость, Мунлайт Коув был на удивление тихим, спокойным городком. Здесь никогда ничего не случалось. Местные жители не знали, что такое грабеж и насилие вплоть до двадцать восьмого августа; но с того дня список насильственных смертей стал неудержимо расти.

На рассвете двадцать восьмого августа, за восемь дней до аварии фургона, загорелся дом Майзеров; вся семья — Джон, Мелинда и их двое детей, Карри и Билли, — погибли во время пожара. Местные власти приписали причину по-

жара неосторожному обращению Билли со спичками. Трупы были так изуродованы огнем, что установить личность погибших удалось только по их зубам.

Покончив с первой бутылкой пива, Сэм потянулся за второй, но остановился. Ему еще предстоит сегодня поработать, а уже не раз бывало так, что, начав пить, особенно в таком поганом настроении, как сегодня, он не мог остановиться, пока полностью не отключался.

Продолжая держать пустую бутылку, чтобы не было соблазна потянуться за следующей, Сэм размышлял, почему мальчик, увидев, что он наделал, не позвал на помощь, почему не разбудил родителей, когда понял, что не сможет сам справиться с огнем? Почему он остался на месте и задохнулся от дыма, вместо того чтобы убежать? И вообще, какой пожар, если только дом не подожгли, облив его бензином или еще каким-нибудь горючим (о чем не было упоминания в официальных сообщениях), мог распространиться так быстро, что никто из всей семьи не смог спастись, и мгновенно, прежде чем подоспели пожарные, превратил и дом и его обитателей в кучку пепла?

Опять что-то не сходится. Тела погибших настолько пострадали от огня, что при вскрытии невозможно было обнаружить, действительно ли Билли устроил пожар, или это сделал кто-то другой, желая скрыть истинную причину смерти. По утверждению Каллана, занимавшегося похоронами, который был владельцем похоронной конторы, а также исполнял обязанности помощника следователя, а значит, не вызывал доверия, ближайшая родственница погибших, мать Мелинды Майзер, дала согласие на кремирование. Таким образом, если после пожара и оставались какие-то улики, то они были уничтожены.

— Чисто они это обделали, — сказал Сэм вслух, — отличная работа — никаких следов!

Итак, начнем: четыре трупа.

Затем гибель обоих Бустамантэ и Санчеса пятого сентября. Опять пожар, только на этот раз сгорел фургон. Поспешная кремация, и количество трупов увеличивается.

Теперь их уже семь.

Рано утром седьмого сентября, когда в воздухе еще не растаял дым после кремации останков Бустамантэ, его сес-

тры и Санчеса, житель Мунлайт Коува, двадцатилетний Джим Армс вышел в море на своей яхте «Мари Леандра»; больше его никто не видел. Юноша был опытным моряком, небо было безоблачно и море спокойно, и все же его, должно быть, унесло в океан во время отлива, иначе невозможно объяснить, почему на берегу не нашли никаких обломков крушения.

Число трупов увеличилось до восьми.

Девятого сентября, когда тело Армса, должно быть, еще доедали рыбы, Паула Паркинс была разорвана на куски собаками, пятью доберманами. Ей было двадцать девять лет, и она занималась тем, что выращивала и тренировала сторожевых собак. Она жила одна на окраине города. Очевидно, один из доберманов взбесился и набросился на нее, а другие, почуяв запах крови, тоже впали в неистовство. Тело Паулы, изуродованное до неузнаваемости, было в закрытом гробу отправлено ее семье в Дэнвер. Собак пристрелили как бешеных и трупы их сожгли.

Жертв уже девять.

Через шесть дней, второго октября, занимаясь делом Бустамантэ-Санчеса, агенты ФБР подняли из могилы труп Паулы, проведя вскрытие, которое показало, что женщина действительно подверглась нападению каких-то животных; на теле ее сохранились многочисленные следы ушибов и царапин от когтей, которые и привели к смерти.

Сэм наизусть помнил те несколько строчек из отчета о вскрытии, которые вызвали его наибольший интерес, и мог воспроизвести их слово в слово: «...однако нельзя утверждать, что следы укусов, царапины и рваные раны на теле, а также особые повреждения в области груди и половых органов являются следствием нападения собак. Отпечатки зубов по размерам не совпадают с объемом челюсти среднего добермана или каких-либо других животных, известных своей агрессивностью и способных загрызть даже взрослого человека». И далее в том же отчете, там где речь шла об особой природе этих животных: «Вид и порода нападавших не установлены».

Что же в действительности послужило причиной гибели Паулы Паркинс?

Как она погибла, какой ужас, какие мучения испытала в свои последние минуты?

И кому пришло в голову обвинить в ее смерти собак?

А если бы тела доберманов не были сожжены, быть может, история их собственной смерти пролила бы свет на эти загадки и полицейским не удалось бы дольше скрывать правду обо всех этих таинственных катастрофах и несчастных случаях?

Сэм припомнил, какой странный крик он услышал сегодня вечером. Он доносился откуда-то издалека и был похож на завывание койота, и все же это был не койот, в нем слышалось что-то кошачье, но это была не кошка. Потом он подумал, как жутко и безумно звучали голоса гнавшихся за ним подростков. Была между всем этим какая-то связь. Он чувствовал это своим безошибочным нюхом опытного агента ФБР.

«Вид и порода не установлены...»

Нервы Сэма были взвинчены до предела; он попытался расслабиться, повертел в руках бутылку «Гиннеса», все еще пустую, постучал горлышком о зубы.

Через шесть дней после гибели Паркинс, еще до ее повторного вскрытия, безвременная смерть унесла еще двух жителей Мунлайт Коува. Стив Хэйнц и Лаура Далькоу не были мужем и женой, но жили вместе в своем доме на Айсбэрри Уэй. Там их и нашли мертвыми. Хэйнц оставил бессвязную предсмертную записку, отпечатанную на машинке и без подписи. Потом, пока Лаура спала, он застрелил ее из охотничьего ружья и покончил с собой. Доктор Ян Фицджеральд в своем отчете констатировал смерть в результате самоубийства, и дело было закрыто. По утверждению следователя, родственники Далькоу и Хэйнца дали согласие на кремацию.

Счет возрос до одиннадцати.

— В этом городе то и дело кого-то кремируют, — сказал Сэм вслух и перевернул пустую бутылку вверх дном.

Большинство людей все еще предпочитают, чтобы их самих или их близких после смерти не сжигали, а хоронили по-старому, в гробу, независимо от того, в каком состоянии находится тело. Поэтому обычно в каждом городе на четыре или пять захоронений приходится всего одна кремация.

В конце концов, пока ФБР собиралось заняться расследованием дела Бустамантэ-Санчеса, пришло известие о

том, что в Мунлайт Коуве произошел еще один несчастный случай. Дженис Капшоу покончила с собой, приняв слишком большую дозу снотворного и бросившись в море. Ее изуродованное тело вынесло на берег прибоем через два дня после ее исчезновения и за три дня до того, как отряд прибыл в город для следствия по делу организаторов Союза Фермеров.

Что ж, посчитаем: Джулио Бустамантэ, его сестра Мария, ее жених Рамон Санчес, семья Майзеров — четыре человека, Джим Армс, Паула Паркинс, Стивен Хэйнц и Лаура Далькоу, наконец, Дженис Капшоу, — итого двенадцать человек погибли в Мунлайт Коуве меньше чем за месяц. Это ровно в двенадцать раз больше, чем за все предшествующие двадцать три месяца. В городке с населением всего лишь около трех тысяч такое количество насильственных смертей за срок, немногим более трех недель, — это что-то немыслимое, просто переходит все границы!

Когда начальника полиции Лоумана Уоткинса спросили, что он думает по поводу такого небывалого стечения несчастных случаев, он спокойно ответил: «Это, конечно, ужасно, я не спорю. Есть от чего потерять сон. Но до сих пор мы наслаждались таким миром и покоем, что, я думаю, это просто запоздалая расплата за наше слишком долгое благополучие и благодущие».

Но для такого маленького городка, как Мунлайт Коув, двенадцать насильственных смертей даже и за два года выходили за рамки каких угодно статистических таблиц.

Шестеро агентов ФБР не обнаружили ни малейшего намека на то, что местные власти как-либо замешаны во всех этих происшествиях. И хотя на показания детектора лжи нельзя, конечно, безоговорочно полагаться, все же невозможно было представить, чтобы столько людей — сам Лоуман Уоткинс, его подчиненные, следователь и его помощник — совершенно гладко прошли тестирование, если на самом деле они были виновны.

И все-таки...

Двенадцать смертей. Четверо сторели в собственном доме. Трое — в разбитом фургоне. Три самоубийства, два из ружья и одно с помощью снотворного; всех их поочередно кремировали в похоронной конторе Каллана. Один человек

пропал в море — тела вообще не нашли. Наконец, в том единственном случае, когда удалось произвести вскрытие, оказалось, что причиной смерти было не нападение собак, как утверждал следователь в своем докладе, хотя жертва действительно была избита и разодрана когтями; но кем же? О, черт!

Всего этого было больше чем достаточно для того, чтобы ФБР начало действовать. К девятому октября, через четыре дня после того, как оперативный отряд вылетел из Сан-Франциско в Мунлайт Коув, решено было послать на место происшествия еще одного агента, но инкогнито, чтобы он, не привлекая к себе внимания, попытался разобраться в том, что происходит в городе. Это могло дать лучшие результаты, чем работа целого отряда у всех на виду.

На следующий день после принятия этого решения, десятого октября, в Сан-Франциско пришло письмо, которое подтвердило, что вмешательство ФБР было необходимым и своевременным. Письмо это Сэм тоже мог процитировать от слова до слова.

Господа!

У меня имеются сведения по поводу недавней серии смертей в Мунлайт Коуве. Есть основания полагать, что местные власти состоят в заговоре и покрывают убийц.

Я попросил бы вас связаться со мной лично, так как не уверен, что телефон не прослушивается. Я вынужден настаивать на соблюдении всех мер предосторожности, поскольку являюсь ветераном войны во Вьетнаме, инвалидом, лишенным возможности свободно передвигаться и, в случае чего, защитить себя.

Внизу стояла подпись: *Гарольд Дж.Тальбот.*

Из Архива Вооруженных Сил США было получено подтверждение, что Тальбот действительно является ветераном войны во Вьетнаме и инвалидом. Награжден многими орденами и медалями за храбрость. Завтра Сэм должен тайно увидеться с ним.

Он обдумывал, что ему еще предстоит сделать сегодня вечером, а в голове все время вертелась неотвязная мысль, может ли он позволить себе выпить еще бутылку «Гиннеса» вдобавок к тому, что уже было выпито за обедом. Упаковка стояла перед ним на столе. Сэм долго задумчиво

разглядывал ее. Так что же у него все-таки есть? «Гиннесс», хорошая мексиканская кухня, Голди Хоун и страх смерти. Что касается блюд мексиканской кухни, то на сегодня все, что можно, уже было съедено, и он успел уже забыть их вкус. Голди Хоун жила где-то на ранчо с Куртом Расселом; только ее плохим вкусом можно объяснить то, что она предпочла его ничем не примечательному, покрытому шрамами и потерявшему вкус к жизни федеральному агенту. Сэм подумал о двенадцати убитых мужчинах и женщинах, об их телах, которые поджаривались на огне крематория до тех пор, пока не превратились в кучку костей и пепла; он вспомнил о человеке, который убил свою жену из ружья и застрелился сам, и о телах, лежащих на дне океана и обглоданных рыбами, и об избитой и растерзанной женщине, и, в конце концов, все это навело его на меланхолические размышления о том, что ждет каждого в конце пути, и о неотвратимости этого конца. Потом он подумал о своей жене, умершей от рака, и вспомнил о своем телефонном разговоре со Скоттом, и вот тут-то, наконец, он открыл вторую бутылку.

22

Преследуемая полчищами воображаемых громадных пауков, змей, гигантских жуков, крыс, летучих мышей, да еще и мыслью о возможно существующем духе мертвого ребенка, замученная непрерывным ревом грузовиков, вызывавшем в ее воображении образы невиданных чудовищ, Крисси выбралась из своего укрытия в трубе, сторбившись, втянув голову в плечи, пробежала по главному бетонному туннелю, снова попала ногой в скользкую, разлагающуюся массу и, наконец, вырвалась на волю, оказавшись на покрытом илом дне дренажной канавы. Она глубоко вдохнула в себя чистый, прохладный воздух. Несмотря на то, что стенки канавы были довольно высокими, а месяц и звезды едва просвечивали сквозь густую и вязкую пелену тумана, страхи покинули девочку. Она радостно дышала и не могла насыщаться этим влажным, холодным воздухом, стараясь в то же время, чтобы дыхание ее было еле слышным.

Крисси вслушивалась в ночь. Издалека, из тех лесов, что тянулись на юге, до ее слуха донеслись все те же дикие

вопли; эхо их слабо прокатилось по лугу и затихло. Так же как и раньше, она была уверена, что слышит три разных голоса. В таком случае, если ее родители и Такер рыщут там, на юге, пытаясь найти ее в лесу, который тянулся до самых границ территории, занятой «Новой Волной Микроэлектроники», она может попробовать повернуть назад и по той же дороге, которой пришла сюда, вернуться на тот луг, где ее сбросила Годива, а оттуда повернуть на восток, к шоссе, и добежать до города, пока те трое будут продолжать свои безнадежные поиски.

Во всяком случае, она не могла стоять на месте.

Идти на юг, туда, где были ее преследователи, тоже было бы глупо.

Крисси выкарабкалась из канавы и побежала на север, через луг, той же дорогой, по которой пришла сюда вечером. Она бежала, вспоминая все свои несчастья. Она ужасно хотела есть, потому что осталась сегодня без обеда и очень устала. Ее шею, плечи и спину сводили судороги после часов, проведенных в тесной и холодной бетонной трубе. Ноги болели.

«Ну и что же, на что ты жалуешься? — спросила девочка сама себя. — Может, ты предпочла бы, чтобы Такер схватил тебя и «превратил» в нечто такое же, как они сами, а?»

23

Оставив доктора Уорси наблюдать за Превращением Эллы и Джорджа Вальдоски, Лоуман Уоткинс вышел на улицу. Вдалеке на шоссе полицейские и следователь грузили тело мертвого мальчика на катафалк. Толпа любопытных с восторгом и ужасом глазела на них.

Лоуман сел в машину и завел мотор. В ту же минуту экран маленького компьютера, установленного между передними сиденьями, загорелся мягким зеленым светом. Вспышки света на дисплее означали, что для начальника полиции имеется какое-то особо важное сообщение и его не хотят передавать по обычному радиопередатчику, поскольку он может прослушиваться.

Лоуман уже не первый год работал с портативной компьютерной связью, и все же каждый раз, садясь в машину и

видя загорающийся экран, он заново удивлялся этому чуду современной техники. Правда, в больших городах, как Лос-Анджелес, патрульные полицейские машины в последние годы оборудовались такими компьютерами для связи с центральным банком данных, но в маленьких городках они все еще были редкостью, и уж тем более о них слыхом не слыхивали в захолустных городишках вроде Мунлайт Коува. Местное полицейское отделение могло похвастаться новейшей техникой и самым современным оборудованием вовсе не потому, что у них денег куры не клевали, а благодаря «Новой Волне», которая лидировала в производстве передвижных микроволновых систем связи и, совершенствуя их, снабжала портативными компьютерами полицию города, проверяя таким образом свои новые изобретения, прежде чем поставить их на конвейер. Это был один из способов, с помощью которых Томас Шаддак проник в местные органы власти, еще до того как его проект «Черный Ястреб» сделал его полновластным правителем Мунлайт Коува. Когда-то Лоуман был настолько глуп, что радовался расширению «Новой Волны», считая это благом, посланным свыше. Теперь его мнение несколько изменилось.

Сидя в своей машине, Лоуман с помощью компьютера мог мгновенно связаться с Главным Управлением и получить любую необходимую ему информацию из банка данных или «поговорить» с дежурным диспетчером, который с такой же легкостью мог использовать компьютерную связь, как и обыкновенный радиопередатчик. Не выходя из машины, он мог узнать номер любого транспортного средства в Автомобильном Департаменте в Сакраменто или получить сведения из Департамента Тюрем о каком-либо заключенном, мог подключиться к любому другому компьютеру, включенному в общенациональную электронную сеть низкого напряжения.

Лоуман поправил кобуру, так как почувствовал, что сидит прямо на револьвере.

Он набрал на клавиатуре свой личный номер, выходя на связь.

Дни, когда сбор информации ставил на ноги всю полицию, остались в далеком прошлом, где-то в середине восьмидесятых. Теперь только по телевизору можно было уви-

деть полицейских, которые гонялись по всей стране, а то и по всему миру в поисках улик, выслеживая преступника; конечно, это было куда романтичнее, чем показывать сыщика, работающего с компьютером, не выходя из собственной машины или кабинета; ни один зритель не пошел бы на такой фильм. Со временем, думал Лоуман, полисмен превратится в техникмена, и ему останется только нажать на кнопку, чтобы распутать любое преступление.

Он закончил набирать номер.

Свет на экране перестал вспыхивать.

Конечно, если весь мир будет состоять только из Новых Людей, если удастся решить проблему регрессивных, тогда никто больше не будет совершать преступлений и полицейские вообще будут не нужны. Ведь некоторые преступления вызваны социальным неравенством, а в новом, грядущем мире, который вот-вот сменит старый, отживший, все люди будут равны, похожи друг на друга, как винтики одной машины; у них будут одни и те же цели и одинаковые желания, всякая конкуренция исчезнет, им просто не из-за чего будет спорить, отпадут противоречия, не станет конфликтов. Большинство преступлений совершается умственно неполноценными людьми, их генетический код нарушен, они как бы изначально, генетически запрограммированы на антиобщественное поведение; но у Новых Людей, не считая нескольких регрессивных элементов, гены будут отличные. По крайней мере, так уверяет Шаддак.

Иногда Лоуман Уоткинс задумывался, как этот план совместим с правом человека на свободу; может быть, никак. Часто он вообще забывал об этом, нисколько не тревожась и не беспокоясь ни о правах на свободу, ни о чем другом. Но по временам эта неспособность тревожиться... черт, собственная невозмутимость страшно пугала его.

На темном экране мягким зеленым светом начали загораться слова, побежали строчки:

ДЛЯ: ЛОУМАНА УОТКИНСА

ОТ: ШАДДАКА

ДЖЕК ТАКЕР МОЛЧИТ. ТЕЛЕФОН В ДОМЕ ФОСТЕРОВ НЕ ОТВЕЧАЕТ.

СРОЧНО ВЫЯСНИТЕ, В ЧЕМ ДЕЛО. ЖДУ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ.

Шаддак мог в любой момент связаться с полицией по своему личному компьютеру. Дом его стоял на северном мысу, и оттуда он мог передать сообщение Уоткинсу или кому-либо из его людей так, что получить его мог только тот, кому оно предназначалось.

Слова исчезли с экрана.

Лоуман Уоткинс отпустил ручной тормоз, нажал на газ и поехал в ту сторону, где стояли конюшни Фостеров. Правда, они находились за городом, а значит, вне пределов подчиненного ему округа, но такие вещи, как допустимость или законность каких-либо действий больше не волновали его. Он продолжал исполнять свои обязанности полицейского, вынужденный до поры до времени играть эту роль; но когда весь город подвергнется Превращению, он сможет, наконец, сбросить с себя маску. Однако уже и сейчас он не подчинялся никаким старым правилам морали; он был Новым Человеком и стоял теперь неизмеримо выше этих правил. Такое наплевательское отношение к закону еще несколько месяцев назад потрясло и возмутило бы его до глубины души, но теперь он надменно взирал со своей высоты на Прежних Людей с их старыми, никому не нужными законами; он презирал их.

Ничто не трогало, не волновало его теперь, он забыл, что такое чувства, эмоции, страсти. И так день за днем, час за часом.

Но страх оставался; он продолжал жить в нем, и никакое новое, высшее сознание не было ему преградой. В отличие от таких бесполезных, отживших чувств, как любовь и радость, нежность и надежда, страх был полезен — он позволял выжить, предупреждал об опасности, он был частью инстинкта самосохранения. Сейчас Лоуман боялся. Он боялся регрессивных. Боялся, что проект «Черный Ястреб» каким-то образом откроется, о нем узнают за пределами города и уничтожат все начатое, а вместе с ним и его, Лоумана Уоткинса. Он боялся того единственного человека, который стоял над ним и повелевал им, — Шаддака. Временами, на короткий миг, ледяная игла страха пронзала ему сердце — он боялся себя самого и того нового, прекрасного мира, который неумолимо надвигался на него.

Муз дремал в углу неосвещенной спальни. Во сне он припнюхивался и фыркал; наверное, ему снилось, что он охотится на кроликов, а может быть, поскольку он был отлично выдрессированной служебной собакой, он и во сне выполнял поручения своего хозяина.

У окна, припав к окуляру телескопа, Гарри обозревал задний двор похоронной конторы Каллана на Джюнипер Лэйн, куда в эту минуту как раз въезжал катафалк. Он смотрел, как Виктор Каллан и его помощник Нэд Райдок кладут тело на тележку, собираясь везти его в то крыло здания, где помещались покойницкая и крематорий. Сплюснутый в черном пластиковом мешке, труп казался таким маленьким... «Ребенок!» — подумал Гарри. Дверь за Калланом и Нэдом закрылась, и больше ничего не было видно.

Иногда они не опускали шторы на высоких, узких окнах покойницкой; тогда Гарри с его высокого табурета виден был большой наклонный стол с желобками для стока, на котором покойников обмывали и готовили в последний путь. В такие ночи он видел даже больше, чем ему хотелось бы увидеть. Однако сегодня шторы были полностью опущены, скрывая от глаз то, что происходило внутри.

Гарри медленно стал поворачивать трубку телескопа на юг, вдоль утонувшего в белых волнах тумана переулка между Конкистадор Авеню и Джюнипер Лэйн, ведущего к конторе Каллана. Он ничего специально не высматривал, просто обозревал окрестности, и тут вдруг заметил две странные фигуры. Стремительные и темные, словно ночные тени, они мчались по переулку к пустырю, лежащему за похоронной конторой. Они бежали пригнувшись, почти касаясь руками земли, нельзя сказать, чтобы совсем на четвереньках, но и не так, как обычные люди.

Упыри-привидения.

Сердце Гарри сильно забилося.

За последний месяц он уже три раза видел подобные фигуры, хотя в первый раз и не поверил собственным глазам. Эти странные, невиданные тени мелькнули так быстро,

что казались призраками, созданными воображением, вот почему он и назвал их упырями-привидениями.

Они неслись быстро, как дикие кошки; скользнули и исчезли, будто растворились во тьме пустыря, прежде чем Гарри успел оправиться от удивления и проследить за ними.

Теперь он тщетно обшаривал все пространство из конца в конец, вдоль и поперек, высматривая их в высокой траве, в зарослях кустарника. Ключья тумана цеплялись за колючки чапарраля, висели на них как вата.

Гарри нашел их. Две сгорбленные фигуры, примерно человеческого роста. Бесформенные, черные, как ночь, они были уже посреди пустыря. Припав к земле, раздвигая сухую траву, они бежали на север, в сторону от громадной пихты, ветви которой, раскинувшись над пустырем, прикрывали его словно балдахин.

Весь дрожа, Гарри еще ближе наклонился к окуляру, наводя трубу на то место, где он заметил их, и усиливая резкость. Очертания фигур упырей-привидений стали более четкими, бледными контурами выделяясь в ночи. Он все еще не мог рассмотреть их более подробно: тьма и вихрящийся, клубящийся белым дымом туман мешали сделать это.

Несмотря на то, что это было довольно дорогое удовольствие и не так-то просто было бы заполучить его, Гарри все же хотел попытаться с помощью своих старых армейских связей достать «Телетрон» — новую версию устройства ночного видения, которое вот уже несколько лет использовалось в большинстве воинских частей. Этому устройству подходил любой свет — достаточно было лунного, или звездного, или даже самого слабого электрического света, просто бледного природного свечения некоторых минералов и камней, чтобы он, попав в «Телетрон», усилился в десятки тысяч раз. Этот чудесный прибор превращал непроглядную ночную тьму в легкую сумеречную дымку или даже в пасмурные послеполуденные часы. Новая версия отличалась от предыдущей только тем, что ее можно было приладить к телескопу. Обычно Гарри было вполне достаточно естественного освещения, к тому же большую часть времени он «проводил» в ярко освещенных комнатах своих соседей; но

для того чтобы как следует рассмотреть фигуры быстрых, скользящих упырей-привидений, требовались новейшие достижения современной техники.

Тени остановились посреди пустыря; подняв головы, они быстро поворачивали их то на запад, в сторону Джюнипер Лэйн, то на север, к похоронному бюро Каллана, то на юг, туда, где на краю пустыря стоял дом. Движения их были гибкими, неуловимыми, словно у кошек, хотя Гарри был совершенно уверен, что они не имеют ничего общего с животными из семейства кошачьих.

Один из них повернулся и взглянул назад, на восток, туда, где было окно Гарри Тальбота. Линзы телескопа так сократили расстояние, что Гарри словно перенесся туда, на пустырь, где стояло неведомое существо; глаза его были совсем близко — они бледно светились желтоватым светом. До сих пор Гарри еще ни разу не видел их глаз. Он вздрогнул, но не только от их жуткого, звериного взгляда. Что-то знакомое почудилось ему в этих глазах, что-то проникавшее в самую глубину его сознания или даже подсознания, поднимая атавистические пласты его памяти, вызывая смутные, неясные воспоминания, будто он пытался вспомнить то, что было с ним еще до рождения.

Внезапный холод пронизал его до костей; Гарри охватил такой ужас, какого он никогда не чувствовал, даже во время той страшной войны во Вьетнаме.

Дремлющий в углу Муз чутко уловил настроение своего хозяина. Пес поднялся, потряс головой, словно стряхивая сон, и подбежал к табурету. Он тихонько, вопросительно заскулил.

Сквозь линзы телескопа перед Гарри мелькнуло кошмарное лицо одного из упырей-привидений. Всего лишь на какой-то миг, секунду или две, это уродливое, бесформенное видение появилось перед ним; тонкие, как пыль, лучи лунного света не столько позволяли разглядеть его черты, сколько искажали их, бросая таинственные и мрачные тени, так что Гарри почти ничего не удалось рассмотреть.

Но то, что он увидел, ошеломило его; сердце его сжалось, он сидел, весь похолодев, не в силах пошевелиться.

Муз вопросительно зарычал.

Гарри словно окаменел; даже под страхом смерти он не

мог бы оторваться сейчас от окуляра телескопа, глядя на эту обезьянью морду, хотя на самом деле она была гораздо более плоская и безобразная, чем у обезьяны, и настолько свирепая и чудовищная, что в природе, пожалуй, невозможно было бы найти подобное существо. Чем-то эта морда напоминала волчью, но в то же время в ее мрачной ярости чудилось что-то змеиное. Гарри показалось, что в лунном свете блеснул злобный оскал зубов, челюсти раздвинулись и снова сомкнулись. Но неверные, мерцающие лунные лучи едва пробивались сквозь туман, и Гарри не знал, что из того, что он видел, существовало в действительности, а что было только коварной игрой света и тени. Частично это отвратительное видение наверняка было плодом его возбужденного, лихорадочного воображения. Человек, у которого обе ноги висят как бесполезные плети и всего лишь одна действующая рука, просто обязан иметь яркое, живое воображение, ведь именно с его помощью он создает свою жизнь.

Упырь-привидение, взглянув в сторону Гарри, тут же отвернулся, и оба существа, сорвавшись с места, понеслись громадными прыжками, словно пара хищных зверей, вышедших на ночную охоту. Их гибкость и стремительность поразили Гарри. Они были ростом с пантеру и мчались с такой же скоростью. Он следил за ними, поворачивая трубу телескопа, и увидел, как они летят, пригнувшись к земле, разрезая ночную тьму; вот они перепрыгнули через решетку у дома Клаймора и исчезли из виду. Они бежали слишком быстро, чтобы Гарри мог уследить за ними.

Он еще попытался найти их, осматривая все улицы и переулки до самой школы на Рошмор Авеню, но вокруг были только ночь, туман и давно знакомые домики соседей, — все, что он привык видеть каждый день. Упыри-привидения исчезли из виду так же внезапно, как из страшных ночных видений маленького мальчика, когда в его спальне зажгут свет.

Гарри наконец оторвался от окуляра и откинулся на спинку стула.

Муз сразу же поднялся на задние лапы, положив передние на подлокотник, как бы прося, чтобы его приласкали, словно он видел то же, что и его хозяин, и теперь ждал,

чтобы его успокоили, уверив в том, что никаких злых духов не существует и они не разгуливают на свободе, пугая людей и животных.

Гарри потрепал собаку по голове своей правой, действующей рукой; рука его сильно дрожала, но постепенно ласковое прикосновение к шерсти собаки успокоило его почти так же, как и Муза.

Если бы ФБР ответило, наконец, на его письмо, которое он послал уже больше недели назад, Гарри не знал, решился бы он рассказать им про упырей-привидений или нет. Он не собирался скрывать от них ничего, что видел до сих пор, и многое из этого могло им пригодиться. Но это... С одной стороны, он был уверен, что животные, которых он мельком видел три, нет, теперь уже четыре раза, имеют какое-то отношение к другим странным и непонятным событиям последних недель. Однако странности эти были все-таки разного рода, и если он начнет рассказывать об упырях и привидениях, его могут принять за болтуна, у которого с головой не все в порядке, просто-напросто за сумасшедшего, и тогда агенты ФБР вообще не поверят ни одному его слову, считая все это выдумкой.

«Неужели у меня действительно что-то с головой? — спрашивал себя Гарри, ласково поглаживая собаку. — А может, я и правда сошел с ума?» Что, если за двадцать лет этой жизни в четырех стенах, прикованный к инвалидному креслу, заполняя свои дни и вечера тайным подглядыванием в телескоп и бинокль, он впал в отчаяние и, не надеясь никогда больше окунуться в водоворот нормальной человеческой жизни, истосковавшись по сильным волнениям и страстям, выдумал этот таинственный и чудовищный заговор, представляя себя в центре событий, — этаким Человеком, который знал все, — и теперь выдает свои галлюцинации за реальность. Однако все эти предположения были не очень-то правдоподобны. Война искорежила его тело, превратив в жалкого, беспомощного калеку, но ум его оставался все таким же ясным, а рассудок твердым; несчастья только закалили его, заставив мысль работать еще напряженнее и лучше, чем раньше. Скорее уж, именно это, а не безумие, мучило его.

— Вот так-то... Упыри-привидения, — сказал он Музу.

Пес фыркнул.

«Что дальше? Может быть, в одну прекрасную ночь я выгляну в окно и в лунном сиянии увижу летящую по ночному небу ведьму на помеле?»

25

Крисси вышла из леса прямо к Утесу-Пирамиде, который когда-то казался ей постройкой крохотных египтян. Она взглянула на запад, в ту сторону, где стояли ее дом и конюшни Фостеров; свет, падавший из окон дома, расходился кругами в туманном мареве, разливая радужное сияние. На мгновение девочка задумалась, не вернуться ли туда за Годивой или какой-нибудь другой лошадкой. Может быть, ей удалось бы даже проскользнуть в дом, чтобы захватить куртку. Но потом она решила, что на лошади слишком привлекала бы к себе внимание, а это было ни к чему. К тому же она была не так глупа, как героини разных подобных фильмов, которые без конца возвращаются на Опасное место, зная, что там их почти наверняка подстергает Опасность. Крисси повернулась и пошла через луг в сторону шоссе.

«Проявляя свои обычные ум и сообразительность, — подумала девочка, будто читая отрывок из приключенческого романа, — Крисси благоразумно повернула прочь от проклятого дома и утонула в ночь, размышляя, суждено ли ей еще когда-нибудь увидеть эти места, где прошло ее детство, найдет ли она когда-нибудь утепление в объятиях своих родителей, теперь так отдалившихся от нее, ставших совсем чуждыми».

Высокая, сухая осенняя трава хлестала ее по ногам, но Крисси, не обращая внимания, бежала к середине поля. Она не хотела оставаться около леса, откуда в любую минуту кто-нибудь мог прыгнуть на нее из-за деревьев. Она мало верила, что сможет убежать, если они обнаружат ее, даже при том, что заранее заметит их, и все же так шансов было больше.

За то время, что Крисси скрывалась в бетонной трубе, снаружи еще больше похолодало. Фланелевая рубашка казалась ей сейчас ненамного теплее, чем какая-нибудь лет-

няя кофточка с короткими рукавами. Если бы она была героиней какого-нибудь приключенческого романа Эндрю Нортон, она бы не растерялась и быстренько сплела себе накидку из травы и разных листьев; или сумела бы поставить ловушку и поймать в нее зверьков с пушистым и теплым мехом, знала бы, как можно быстро освежевать их и выдубить шкурки, и сплела бы из них умопомрачительный наряд — не только теплый, но и элегантный.

Да, сравнение было явно не в ее пользу; рядом с этими героинями она выглядела просто никчемным, ни на что не способным ребенком. "Хватит, перестань думать об этом", — приказала себе девочка.

Довольно ей других поводов для переживаний: у нее нет больше ни родителей, ни дома; она совершенно одинока, голодная, замерзшая, испуганная, сбитая с толку... и ее преследуют ужасные, кровожадные оборотни. Но самое главное... хотя ее мать и отец всегда были довольно сдержанными людьми и редко проявляли свои чувства, Крисси любила их, а вот теперь их нет, они ушли от нее куда-то очень далеко, может быть навсегда, превратившись в каких-то непонятных существ; они были живы, но душа ушла из них, а это все равно, как если бы они умерли.

Уже почти подойдя к шоссе, Крисси услышала звук мотора. Она увидела сначала свет фар, приближающийся с юга, а потом и саму машину. Туман здесь был не такой густой, как на берегу океана, так что видно было довольно хорошо. Даже на расстоянии Крисси различила, что это полицейская машина. Правда, сирена не гудела, но на крыше вертелась красносиняя мигалка. Патрульная машина притормозила и свернула на дорогу, ведущую к конюшням Фостеров.

Крисси уже готова была закричать, побежать к машине, ее ведь с детства приучили, что в трудных случаях можно обратиться за помощью к полицейскому. Она даже подняла руку и начала махать, как вдруг сообразила, что в мире, где нельзя больше верить собственным родителям, еще меньше можно надеяться, что полиция примет ее заботы близко к сердцу.

Ее вдруг поразила мысль, что полицейские ведь тоже могли подвергнуться Превращению, с ними могли сделать то же, что Такер собирался сделать с нею, их могли превратить точно так же, как и ее родителей; она опустила руку и

быстро присела в высокой траве. Свет фар не достигал того места, где пряталась Крисси, а ночная темень и туман скрывали ее, так что из машины ее наверняка не было видно; к тому же девочка была не настолько высокой, чтобы ее можно было заметить с дороги, но она все же решила не рисковать и пригнулась пониже.

Крисси смотрела, как патрульный автомобиль движется в сторону конюшен. Вот он на минутку остановился около брошенной машины Такера, стоявшей примерно на полдороге от ее дома, потом покатил дальше и пропал в густом тумане.

Тогда девочка поднялась и снова побежала на восток. Она хотела выйти на шоссе и по нему добраться до Мунлайт Коува. Главное — смотреть в оба, все время быть настороже, тогда она всегда сможет вовремя укрыться в канаве, тянувшейся за обочиной дороги, если заметит какую-либо опасность или приближающуюся машину.

Крисси решила, что не будет обращаться за помощью к незнакомым людям. В городе она сразу же пойдет в собор Святой Девы Марии и попробует найти отца Каstellли (он придерживался современных взглядов и просил, чтобы его называли просто отец Джим, но Крисси никогда не осмелилась бы обратиться к нему так фамильярно). Девочка надеялась, что он выслушает ее и захочет помочь, ведь летом она целые дни помогала ему готовиться к празднику, а потом попросила, чтобы на будущий год ей разрешили держать свечи в алтаре; отец Каstellли был тогда очень доволен. Крисси не сомневалась, что он любит ее и поверит всему, что она расскажет, какой бы дикой и несообразной не показалась ее история. Ну, а если он все-таки не поверит... что ж, тогда можно пойти к учительнице, миссис Токаве.

Девочка вышла на шоссе, остановилась и оглянулась назад, туда, где остался ее дом. Но она не увидела ничего, кроме нескольких тусклых огоньков, мерцавших в тумане. Вздвoгнув, Крисси отвернулась и пошла по шоссе в город.

26

Дверь дома Фостеров была распахнута настежь.

Лоуман Уоткинс обошел весь дом, осмотрел его с подвала до чердака, но никого не обнаружил. Единственное, что

он нашел, был перевернутый стул в кухне на полу и черный чемоданчик Джека Такера, полный шприцев и бутылочек с лекарством для Превращения; рядом валялся баллончик с аэрозолем.

Прикрыв за собой дверь, Лоуман вышел на веранду и остановился на ступеньках, вслушиваясь в зыбкую тишину ночи. Легкий ветерок то налетал порывами, то ослабевал, но сейчас в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения. Ни шороха, ни шелеста листьев. Туман, казалось, глушил все звуки; закутанный в его холодную пелену, мир стал пустым и тихим, промозглым, словно громадный склеп.

Повернувшись к конюшням, Лоуман крикнул:

— Такер! Фостер! Есть здесь кто-нибудь?

Голос его холодным эхом прокатился в пустоте.

Никто не ответил.

— Такер? Фостер? — снова позвал Уоткинс.

В одной из длинных конюшен горел свет, ближайшая к нему дверь была распахнута. Лоуман решил, что надо пойти заглянуть туда.

Он сделал несколько шагов, и тут воющий, надрывный вопль разорвал тишину. Он доносился с юга, накатывая волнами, как звук далекого охотничьего рога; пронзительный и в то же время гортанный, полный ярости, страсти, дикого, необузданного желания. Сомнений быть не могло — это был крик регрессивного в ночи.

Лоуман замер, прислушиваясь, надеясь все-таки, что слух обманул его.

Крик повторился. На этот раз в нем можно было различить по меньшей мере два голоса, может быть, их было даже три. Они были слишком далеко от него, их разделяло больше мили, так что это жуткое полночное завывание не могло быть ответом на зов Лоумана.

Он весь похолодел.

И в то же время душа его наполнилась каким-то странным томлением и тоскою.

Нет!

Он так крепко сжал кулаки, что ногти вонзились в ладони, изо всех сил борясь с собой, с той страшной, первобытной тьмой, которая угрожала вот-вот поглотить его. Он ста-

рался сосредоточиться на мыслях о работе, о текущих делах, о том, ради чего он здесь.

Если кричали Алекс Фостер, Шарон Фостер и Джек Такер, а скорее всего, так оно и было, то где же тогда девчонка, где Кристина?

Возможно, она сбежала, когда ее стали готовить к Превращению. Опрокинутый стул в кухне, черный чемоданчик, брошенный Такером, и распахнутая настежь дверь дома, казалось, подтверждали эту не слишком приятную догадку. Фостеры и Такер бросились в потю, охота захватила их и, забыв обо всем, возбужденные преследованием своей жертвы, они поддались минутному желанию вернуться в первобытно-звериное состояние. Может быть, не столь уж минутному. Вероятно, они и раньше уже проделывали это, так что на этот раз легко и стремительно соскользнули в эту манящую темную бездну. Теперь они, конечно, охотятся за девочкой там, в лесах на юге, а может быть, уже давно настигли ее и разорвали на куски, но все еще продолжают оставаться в этом сумеречном, дочеловеческом состоянии, уживаясь восторгом дикой, первобытной свободы и вседозволенности.

Ночь была холодная, но Лоуман внезапно весь покрылся потом.

Он хотел... он жаждал...

О нет! Только не это!

Сегодня днем Шаддак рассказал ему, что дочка Фостеров опоздала на школьный автобус и, вернувшись домой раньше времени, застала своих родителей как раз в тот момент, когда они опробовали свои новые способности. Поэтому девочку придется подвергнуть Превращению несколько раньше, чем намечалось; это будет первый ребенок, поднятый над своим обыденным и скучным существованием. А что, если эта «проба своих возможностей» была ложью, придуманной Фостерами, чтобы обмануть Шаддака? Возможно, когда девочка вернулась, они как раз находились в состоянии глубокой регрессии, но решили скрыть это от Шаддака, боясь, что их сочтут вырожденками среди Новых Людей.

Ведь Превращение было задумано, чтобы поднять все человечество на высшую ступень; это была ускоренная эволюция.

Стремление к регрессии было просто болезненным извращением, искажением той великой силы, которую дарил Превращение. Те, кто регрессировал, были париями, они не достойны были этого прекрасного дара, это были отбросы Нового Общества. А те регрессивные, которые убивали ради того, чтобы ощутить первобытный звериный восторг от вкуса крови, были самыми презренными из всех — безумцы, которые предпочли эволюции вырождение и регресс.

Изданная снова донеслись пронзительные завывания.

Дрожь прошла по спине Лоумана, но это была приятная дрожь. Его охватило страстное, непреодолимое желание сбросить с себя все, принасть к земле и помчаться вот так, обнаженным и свободным, не ведая ни запретов, ни преград; стремительно и неслышно, как хищник, нестись огромными прыжками через широкий луг и дальше, в леса, где ждала его добыча; жертва, которую можно настигнуть и схватить, и рвать ее когтями и зубами...

Нет.

Спокойно. Главное — контроль.

Полный самоконтроль.

Отдаленные крики словно пронзали его насквозь.

Он должен сдержаться, должен контролировать себя.

Сердце его бешено колотилось.

Эти крики... Такие томительно-сладкие, вольные и дикие, страстные и волнующие, они звали его...

Лоуман задрожал от мучительного нетерпения; дрожь, сначала легкая, еле заметная, все сильнее сотрясала его тело; мысленно он уже видел себя свободным от жестко запрограммированной позы *Homo erectus'a* — человека прямоходящего, свободным от всех сдерживающих рамок цивилизации, культуры, общепринятого человеческого поведения. О, если бы выпустить, наконец, то дикое и звериное, что таилось в его подсознании, позволить этому первобытному существу жить своей жизнью...

Нет. Нельзя об этом думать.

Ноги его подогнулись, и он упал на землю, правда не на четвереньки, нет, такая поза была хуже всего; тогда почти невозможно было бы удержаться и не поддаться своим безумным, темным желаниям; он перекатился на бок, подтянув колени к груди, борясь с астающим желанием усту-

пить своим первобытным инстинктам. Он весь горел, словно сжигаемый палаящим полуденным солнцем, но он понимал, что жар этот идет не снаружи, он поднимался из самых глубин его существа; пламя жгло его внутренности, его кости, мышцы и сухожилия, оно пылало в каждой клеточке его тела, в тех невидимых ядрышках и хромосомах, которые и делали его тем, чем он был до сих пор, человеком, Лоуманом Уоткинсом. Лежа один, в темноте, в тумане, перед домом Фостеров, томимый страстным желанием откликнуться на дикие животные вопли регрессивных, он отчаянно боролся с собой, стараясь сохранить свою физическую сущность, то высшее начало, которое даровало ему Превращение. Он знал, что раз уступив искушению, он никогда уже не будет прежним Лоуманом Уоткинсом; от станет отверженным вырождаком в обличье Лоумана Уоткинса, мистером Хайдом, поселившимся в теле, из которого он навеки изгнал доктора Джекила.

Пригнув голову, он рассматривал свои прижатые к груди руки, и в тусклом свете, падавшем из окон дома Фостеров, ему показалось, что пальцы его начали менять свою форму. Боль пронзила его правую руку. Он чувствовал, как хрустят, раздвигаясь, его кости, распухают суставы, пальцы удлиняются, вытягиваются, а концы их расширяются, словно расплющиваясь; все жилы его набухли, стали толстыми и крепкими, как канаты, ногти росли, становясь все жестче и тверже, заостряясь наподобие когтей.

Лоуман в ужасе закричал, протестуя против того, что с ним происходило. Он собрал всю волю, защищая свою человеческую сущность, то, что еще от нее оставалось. Он сопротивлялся, стараясь остановить, задержать это смещение всех тканей, нахлынувшее на его тело, словно поток кипящей лавы. Сквозь крепко стиснутые зубы он беспрерывно повторял свое имя: «Лоуман Уоткинс, Лоуман Уоткинс», точно пароль, который должен был спасти его от ужасного превращения.

Время шло. Может быть, прошла всего лишь одна минута. Возможно, десять. Или час. Он не знал. Отчаянная борьба, мучительные попытки сохранить свою личность полностью поглотили его, заставив забыть о времени, обо всем.

Медленно, постепенно, сознание возвращалось к нему. С облегчением Лоуман увидел, что все еще лежит на земле перед домом Фостеров, несколько не изменившийся, такой же, как прежде. Пот тек с него ручьями, но жар, раскаленный, слепящий, горевший в его теле, начал утихать. Руки его остались обычными человеческими руками, пальцы ничуть не удлиннились, никаких безобразных изменений не было заметно.

Он еще полежал, глядя в ночной мрак, прислушиваясь. Криков больше не было слышно, и Лоуман благословлял эту спасительную тишину.

Страх — единственное чувство, не потерявшее своей остроты и силы с тех пор, как он стал одним из Новых Людей, — пронзал его как тысячи ножей, заставляя кричать от боли. Одно время он боялся, что в нем, как это бывало с другими, могут проявиться регрессивные, вырожденческие наклонности, и вот теперь эти темные, неясные опасения сбывались. Но если только он сдастся, уступит этому томительному, страстному желанию, он потеряет все: у него нет больше старого мира, в котором он жил раньше, до того как стал одним из превращенных, и не будет уже того замечательного нового мира, который создаст Шаддак; он останется между ними, повиснет в пустоте.

Хуже того, Лоуман начинал подозревать, что он не исключение, что в действительности все Новые Люди несут в себе семена вырождения, в них изначально было заложено стремление к регрессу. Казалось, что с каждой ночью число регрессивных растет, их становилось все больше и больше.

Покачиваясь, Лоуман поднялся на ноги.

Теперь, когда пламя больше не жгло его внутренности, пот высох, стягивая кожу словно ледяной коркой.

Еще не совсем очнувшись от пережитого, двигаясь как во сне, Лоуман шел к своей патрульной машине, размышляя, не было ли роковой ошибки в этом великом научном открытии Шаддака и в его воплощении; быть может, оно порочно в самой своей основе, и тогда Превращение окажется не благом, а страшным, непобедимым злом, чудовищным проклятием. Если регрессивные представляют собой не незначительный процент Новых Людей, который можно не принимать во внимание, если, напротив, они все обречены рано или поздно впасть в регресс, тогда...

Лоуман представил себе, как Томас Шаддак, стоя у окна своего громадного дома в самой северной точке бухты, с высоты озирает город, лежащий перед ним, где, словно тени, бродят создания его дьявольской мысли, и страшная догадка мелькнула в его мозгу. Лоуман с детства любил читать, ему всегда нравились научно-фантастические романы, и сейчас он вспомнил о докторе Моро Герберта Уэллса и подумал, не это ли прототип Шаддака. Моро во плоти. Шаддак мог стать новым доктором Моро, безумцем эры микроэлектронной техники, одержимым навязчивой идеей синтеза, принудительного сращивания человека с машиной. Без сомнения, он страдал манией величия, в своем ослеплении полагая, что может ускорить эволюцию, переведя все человечество в новое, высшее состояние, подобно тому как Моро верил, что может сотворить людей из диких зверей, переигнорнуть самого Господа Бога. Если окажется, что на самом деле Шаддак вовсе не гений своей эпохи, а полусумасшедший экспериментатор, как Моро, тогда они все приговорены.

Лоу сел в машину и захлопнул дверцу. Он включил зажигание и повернул ручку нагревателя, чтобы хоть немного согреться.

Экран компьютера светился, вызывая его на связь.

Лоуман знал, что он должен защищать проект «Черный Ястреб», независимо от того, есть в нем просчеты или нет, так как это было единственное возможное для него будущее, а значит, ему следует подумать, что делать с этой девочкой, с Кристиной. Вернее всего предположить, что она сбежала и что Фостеры и Такер не поймали ее. Тогда нужно распорядиться, чтобы его люди тайно следили за шоссе и за улицами в северной части города. Если девочка пойдет в город за помощью, они смогут перехватить ее. Скорее всего, она, сама того не подозревая, начнет рассказывать о безумии своих родителей кому-нибудь из превращенных, и это будет ее концом. Но даже если и не так, то люди, еще не прошедшие Превращения и ничего не знающие об этом, вряд ли поверят ее странной истории. И все же надо предусмотреть все возможности.

Он должен обсудить с Шаддаком массу всяких дел, да еще позаботиться кое о чем, непосредственно связанном с его работой.

И надо как можно скорее раздобыть что-нибудь поесть. Его терзал мучительный голод.

27

Что-то здесь не так, не так, неправильно, что-то очень неправильно и плохо.

Майк Пэйсер, как тень, скользил сквозь тьму ночного леса к своему дому. Он неслышно крался вниз по склонам холмов, скрываясь за деревьями, быстрый и настороженный, обнаженный и гибкий, возвращаясь с ночной охоты. Рот его был в крови и возбуждение еще не покинуло его, хотя он немного устал, после того как два часа забавлялся со своей жертвой. Он осторожно пробирался мимо домов своих соседей; некоторые из них были такие же, как он, а некоторые нет. Дома здесь, на юго-востоке города, стояли довольно редко, так что он, припав к земле, легко перебегал от дерева к дереву, прячась в тени, почти незаметный в высокой траве, низко пригнувшийся, невидимый в ночном мраке, стремительный и гибкий, неслышный и быстрый, нагой и бесшумный, поджарый и ловкий, он неслился прямо к веранде одноэтажного дома, в котором жил один, через незапертую дверь, в кухню, все еще ощущая вкус крови, восхитительный, желанный вкус крови, ошеломленный жогоней за добычей и довольный, что наконец вернулся домой, но что-то...

Да, что-то тут было не так.

Плохо, очень плохо. О Боже, он весь горел, он был полон огня, весь раскалился, сгорая в этом пламени, в огне страшного голода, сжигающего внутренности, в невыносимом, мучительном желании есть, насытиться, горячее, ему нужно горячее, пища; так было всегда, этого и следовало ожидать: когда он был в измененном состоянии, его желудок постоянно требовал пищи, огромного, чудовищного количества пищи, его жег ненасытный голод; но нет, не огонь мешал ему, заставляя думать, что что-то не так, не это яростное пламя, горевшее у него внутри, не неистовая и всепоглощающая жажда насыщения. Плохо было то, что он не мог, он не мог, никак не мог...

Он не мог вернуть себя прежнего.

Наслаждаясь невероятно ловкими и гибкими движениями своего сильного тела, тем, как сжимались и растягивались его мускулы, как мощно, но мягко они сжимались и растягивались, он проскользнул в дом. Свет не горел, но он прекрасно видел в темноте: не так хорошо, как кошка, но намного лучше любого обычного человека, ведь он и был теперь больше, чем просто человек. Несколько минут он кружил по комнатам, неслышный и быстрый, как тень, в надежде, что кто-нибудь вломился к нему в его отсутствие, и тогда он сможет бить и топтать его, топтать и раздирать на куски, впиваться зубами и рвать его, рвать... Но дом был пуст, никого не было. Он устроился на полу в своей спальне, скорчившись на боку, а потом перекатившись на спину, пытаясь вернуть своему телу знакомую, привычную форму, ту, которая дана была ему при рождении, возродить в себе того человека, которого звали Майком Пэйсером, того, кто ходил прямо, кто был нормальным, обычным человеком, и он чувствовал, как страстная жажда прежней, человеческой жизни поднимается в нем, словно огромная волна, как все его ткани и органы приходят в движение, смещаются, начинают изменяться, но изменение это было слишком слабым, недостаточным, неполным, и вот уже волна начала опадать, откатываясь все дальше и дальше, словно волны прибоя, отхлынувшие от берега, унося его прочь от обычной жизни, прочь от себя самого; он попробовал еще раз, но теперь уже ничто не шевельнулось, не сдвинулось в нем, он ни на йоту не смог приблизиться к тому, чем был раньше. Его поймали в ловушку, заперли, насадили на булавку, как жука, его вжали, втиснули в эту форму, и он был заперт в ней, пригвожден к ней, к тому, что казалось ему раньше самой сущностью свободы, полной, необузданной и невыразимо желанной, но теперь он больше не хотел ее, он ненавидел это состояние, потому что не мог выйти из него по своей воле, он был заключен в этой форме, загнан в нее, пойман, словно в капкан, и он в ужасе метался, безуспешно пытаясь в ваться.

Он вскочил и бросился вон из комнаты. Он прекрасно видел в темноте и все же на ходу задел лампу, стоявшую на полу; она упала, послышался звон разбитого стекла, осколки захрустели под ногами, но он не остановился, выбежал в

короткий коридор, а оттуда в гостиную. Лоскутный коврик выскользнул у него из-под ног. Он чувствовал, что обречен, он был в тюрьме; его тело, его собственное, измененное до неузнаваемости тело, стало его тюрьмой; искривившиеся кости были стенами его камеры, решеткой, сквозь которую он не мог прорваться; чудовищно преобразившееся тело держало его крепче любых цепей. Он кружил по комнате, словно дикий зверь по клетке, метался, не находя выхода, бешеный, неистовый, яростный. Занавеси хлопали от ветра, когда он проносился мимо; он лавировал между столами, креслами и стульями, иногда натываясь на них. Он налетел на тумбочку у дивана, и она перевернулась. Он мог бежать, но убежать, спастись он не мог. Его тюрьма была в нем самом, он всюду нес ее с собой. Не убежать. Не спастись. Не вырваться. Никогда. От сознания непоправимости случившегося, невозможности что-либо изменить сердце его бешено, глухо забилося. Разъяренный, отчаявшийся, чувствуя, что потерпел поражение, он с размаху пнул ногой журнальный столик, перевернул его, топчя все, что попадалось под ноги; смахнул тяжелую стеклянную пепельницу и две фарфоровые вазы со столика для коктейлей, в ключья разодрал диванные подушки, но все было тщетно, — боль, страшная боль сдавливала его череп, пронзала мозг, боль, немыслимая, невыносимая боль; он хотел закричать, но боялся, чувствуя, что не сможет остановиться.

Пища.

Горючее.

Накормите огонь, дайте пищу огню.

Внезапно он подумал, что его неспособность вернуться к своей естественной, природной форме связана, вероятно, с тем, что у него слишком малы запасы энергии. Ведь если тело его начнет трансформироваться, то все процессы в нем пойдут с невероятной скоростью, а значит, необходимо огромное количество топлива, горючего. Для того чтобы совершить обратное превращение, тело его должно вырабатывать гигантское количество ферментов, гормонов, различных биологически активных веществ; в считанные минуты оно должно пройти полное перерождение, ускоренное преобразование и перестройку всех тканей и органов, требующую столько энергии, сколько ушло бы за целые

годы обычного роста, а для этого необходимо было горючее, создающее материал для превращения, — громадное количество белков, минеральных солей и углеводов.

Голодный как волк, жаждущий пищи, насыщения, Пэйсер метнулся в темную кухню, схватился за ручку холодильника, рванул на себя дверцу и яростно зашмыгнул, когда свет ударил ему в глаза; он увидел громадный кувек консервированной ветчины, фунта на три, плотной, сочной, чудесной ветчины, лежащей в целлофане на голубой тарелке, и он схватил его, сорвал обертку, отшвырнул в сторону тарелку, так что она ударилась о дверцу шкафа и разлетелась на куски, и, повалившись на пол, впился зубами в мясо; он кусал его, разрывая на части, все глубже вонзаясь зубами, яростно двигая челюстями, лихорадочно пережевывая, заглатывая кусок за куском.

Едва лишь ночная тьма спускалась на землю, он, сорвав с себя одежду, мчался сквозь лесную чащу, карабкался вверх по склонам холмов, тянувшихся за его домом, охотясь на кроликов и енотов, лис и барсуков, рвал их когтями и зубами, раздирая на части, насыщая огонь, сжигавший его внутренности, жгучее, безжалостное пламя; он любил, безумно любил эти минуты, и не только потому, что они давали ему ощущение безграничной свободы; нет, это было больше, чем просто свобода, это была мощь, переполнявшая все его существо, подобная безграничному могуществу Бога, несравненно более сильная, чем эротические наслаждения, утолявшая его страсть так, как ничто из испытанного им до сих пор; мощь, грубая, дикая сила, мощь человека, получившего власть над собственной природой, покорившего ее, вырвавшегося из тесных рамок своего тела, из границ предназначенного ему человеческого существования, мощь урагана и бури, свободная от всех ограничений цивилизации, выпущенная на волю, освобожденная. Сегодня ночью он мчался сквозь чащу с уверенностью хищника, неотвратимый и неизбежный, как тьма, настигая свою жертву, и он насытился; но сколько бы пищи он ни поглотил, ее все еще было недостаточно для того, чтобы вернуть ему его прежний образ, чтобы он снова мог стать Майком Пэйсером, дизайнером, бакалавром, владельцем «порше», страстным и неутомимым собирателем кассет с видеофильмами, бегуном на длинные дистанции, любителем выпить.

И вот теперь он пожирал ветчину, кусок за куском, потом выгреб из холодильника все, что там было, и стал жадно запихивать себе в рот; длинными, острыми когтями подцепляя холодные макароны из полной до краев миски; за макаронами последовал громадный кусок мяса, за ним половина яблочного пирога, купленного вчера в городской булочной, брусок сливочного масла — целая четверть фунта, — отвратительно жирный и скользкий, но это была хорошая пища, отличное топливо, как раз то, что нужно, чтобы утишить, пригасить огонь; затем четыре сырых яйца и еще, и еще. Огонь этот, если дать ему побольше пищи, перестанет жечь так сильно, он постепенно погаснет, ведь это пламя, полыхающее внутри, — просто признак того, что все процессы в организме идут со сверхъестественной скоростью, и требуется горючее, огромное количество пищи, чтобы механизм не сломался. Сейчас жар начал понемногу утихать, превращаясь из ревущего, разрушительного пламени в маленькие огненные язычки, вспыхивающие над догорающими угольками.

Насытившись, Майк Пэйсер свернулся на полу, перед распахнутой дверцей холодильника, среди осколков тарелок, остатков еды, разодранного целлофана и яичной скорлупы. Он весь подобрался, напрягся, всем существом своим стремясь вернуться в свою прежнюю форму, принять давно знакомый облик; он снова ощутил, как все сдвинулось и начало смещаться в его тканях; его кости и мышцы, хрящи и сухожилия, мускулы и суставы, — все приняло в движение; волна прокатилась по коже, отдаваясь в крови, в каждом органе его тела, словно все вырабатываемые им гормоны и ферменты нахлынули на него; но как и прежде, перерождение осталось удручающе неполным, мучительные сдвиги, сотрясавшие его тело, вдруг затормозились, и он легко соскользнул обратно, в свое дикое и страшное дочеловеческое состояние; он, словно в пропасть, сорвался в регрессию, неотвратимую, неизбежную, несмотря на то, что напрягал всю свою волю, все силы, отчаянно боролся, стремясь подняться, вернуться в свою высшую форму.

Дверца холодильника закрылась. По кухне снова поползли ночные тени, и Майк Пэйсер почувствовал, что тьма не только окружает его со всех сторон, она в нем, она у него внутри.

И тут он, наконец, закричал.

Как он и боялся, раз начав кричать, он уже не мог остановиться.

28.

Почти в полночь Сэм Букер вышел из гостиницы. Он надел голубой свитер, джинсы, коричневую кожаную куртку и голубые кроссовки, — вполне подходящая экипировка для того, кто хочет стать как можно незаметнее, раствориться в темноте; в то же время в его костюме не было ничего подозрительного, разве что он был немного легкомысленным для человека его возраста. На вид его куртка была ничем не примечательна, но в ней имелось несколько глубоких и вместительных внутренних карманов, куда Сэм положил набор отмычек и других инструментов, подходящих для взлома автомашин. Спустившись по лестнице, он вышел через заднюю дверь в переулок за мотелем и на минутку остановился, оглядываясь.

Густой туман стлался над обрывом; ветерок, всколыхнувший, наконец, застывшую ночную тишь, нес его с океана. Пройдет еще несколько часов, и ветер сгонит туман с побережья, унося его дальше. К тому времени Сэм должен закончить свою работу; туман — это отличное прикрытие, с успехом заменяющее дымовую завесу, — будет ему уже не нужен, и он сможет, наконец, лечь спать, а вернее — начнет бороться с бессонницей.

Ему было слегка не по себе. Он все время помнил о той банде подростков, от которых бежал сегодня вечером по Айсберри Уэй. Кем они были, оставалось для него загадкой, поэтому Сэм продолжал думать о них как о хулиганах, но он понимал, что это не просто малолетние преступники. Как ни странно, у него было такое чувство, будто на самом деле он знал, кто они, но это знание таилось где-то в самых глубинах его существа, даже не в подсознании, а в самых темных закоулках памяти, где хранились воспоминания о том времени, отделенном от него тысячами лет, когда он не был еще человеком.

Сэм повернул за угол, прошел мимо задней стены кофейного бара, сейчас уже закрытого на ночь, и через десять

минут, пройдя переулками, вышел на Джейкоби Стрит, где стояло здание городского муниципалитета. Оно оказалось в точности таким, как описывали агенты из отряда ФБР: двухэтажное, нижний этаж кирпичный, верхний облицован белой плиткой, под шиферной крышей, с темно-зелеными навесами над окнами; вход освещали большие фонари. Здание было довольно внушительных размеров, оно протянулось на полквартила, но в его облике не было ничего официального, ничто не напоминало о том, что это государственное учреждение, и оно прекрасно гармонировало с окружающими постройками. Даже в этот поздний час в окнах первого этажа горел свет: кроме городских властей в этом же здании помещалось коммунальное хозяйство и полицейское отделение, которое, естественно, работало круглые сутки.

Делая вид, что вышел прогуляться перед сном, Сэм медленно шел по другой стороне улицы, внимательно разглядывая здание. Все было тихо. Тротуар перед главным входом был пуст. За стеклянными дверями виден был ярко освещенный вестибюль.

Дойдя до угла, Сэм свернул в темный переулок, по обеим сторонам которого тянулись ряды деревьев и заросли кустарников, прикрывавшие решетки, отделяющие от улицы дома по Джейкоби Стрит и Пасифик Драйв, гаражи и сарайки, мусорные баки и большую неогороженную площадку, примыкавшую к задней стене муниципалитета.

Сэм отступил в тень высокой вечнозеленой изгороди. Хотя в переулке было совершенно темно, в бледном, желтоватом свете фонарей, освещавших площадку, он заметил двенадцать машин: четыре «форда» последней модели, откровенно зеленого цвета, с узкими полосками внизу, предназначенных специально для федеральных властей, а также властей штата и местных, городских; пикап и фургон, оба с гербом города на борту, вдоль которого тянулась надпись «Коммунальное хозяйство»; огромная, неуклюжая машина для уборки улиц; большой самосвал и, наконец, четыре полицейские машины.

Эта-то черно-белая четверка и интересовала Сэма; он знал, что они оборудованы видеосвязью, соединявшей их с центральным компьютером департамента. К полицейско-

му отделению Мунлайт Коува было приписано восемь патрульных машин, слишком много для такого маленького сонного городка на побережье; их было чуть ли не в два раза больше, чем полиция обычно могла позволить себе иметь в подобных захолустных местечках, и уж без сомнения, гораздо больше, чем требовалось.

Такой размах и качество оснащения полиции Мунлайт Коува настораживали агентов ФБР, прибывших по делу Санчеса и Бустамантэ. В штате полиции числилось двенадцать служащих, занимавших полную ставку, и еще три на полставки, не считая четырех человек обслуживающего персонала. К тому же жалованье, которое они получали, было невероятно высоким по сравнению с тем, какое платили даже в больших городах Западного Побережья, и уж тем более выше, чем требовалось для такого маленького городка. Все полицейские были одеты в самую лучшую форму, кабинеты были обставлены самой лучшей мебелью, в их арсеналах было все — от пистолетов и револьверов до резиновых дубинок и слезоточивого газа, но самое удивительное — у них имелась вся новейшая компьютерная техника, причем в таком количестве и такого качества, что даже парни из Стратегического Центра в Колорадо, державшие палец на кнопке и управлявшие судьбой всего мира, могли им позавидовать.

Из своего колбочего и душистого зеленого укрытия Сэм несколько минут внимательно осматривал стоянку; он хотел убедиться, что в машинах никого нет и никто не прячется в глубокой тени, прижавшись к стене здания. Шторы на освещенных окнах первого этажа были спущены, так что никто не мог увидеть стоянку, сидя в своем кабинете.

Сэм вынул из кармана пару перчаток из мягкой кожи и натянул их на руки.

Он уже готов был двинуться к машине, когда улыщал сзади какой-то звук. Что-то шуршало за его спиной.

Еще глубже вжавшись в изгородь, он осторожно повернул голову, пытаясь обнаружить, откуда шел звук. Ветер, все сильнее раскачивавший ветви деревьев, поднял большую, мятую картонную коробку и потащил ее по тротуару. Пролетев несколько метров, коробка зацепилась за мусорный бак, и вокруг снова наступила тишина.

Туман тек, струился по переулку, гонимый ветром с моря; он был похож на белые клубы дыма, будто весь город был в огне. Сэм прицелился, вглядываясь в это зыбкое марево и, удостоверившись, что поблизости никого нет, метнулся к ближайшей из четырех патрульных машин, стоявших на площадке.

Она оказалась заперта.

Из внутреннего кармана своей куртки Сэм вытащил универсальную полицейскую автомобильную отмычку, в считанные секунды открывавшую любой замок, не повреждая его. Замок щелкнул, Сэм проскользнул в машину и, стараясь действовать как можно быстрее и тише, прикрыл за собой дверцу.

Фонари на площадке давали достаточно света, хотя вообще-то у Сэма был большой опыт в таких делах и он практически мог работать в полной темноте. Сэм отложил в сторону свою универсальную отмычку и достал из другого кармана гаечный ключ; он быстро отвинтил замок зажигания, обнажив провода.

Это была самая трудная часть работы, он терпеть не мог этим заниматься. Для того, чтобы включить компьютер, установленный на пропштейне между сиденьями, нужно было завести мотор; устройство компьютерной связи было самым современным и слишком мощным, чтобы работать от простой батарейки. Туман, конечно, скроет от любопытных глаз облачка выхлопных газов, но он не сможет заглушить шум работающего мотора. Автомобиль стоял достаточно далеко от здания муниципалитета, так что те, кто был внутри, вряд ли могли его услышать. Но если кому-нибудь вздумается выйти подышать свежим воздухом или кто-то соберется ехать по вызову и возьмет одну из патрульных машин, он, конечно, заметит такую странность, как работающий вхолостую мотор. Тогда Сэму волей-неволей придется защищаться, что, если учесть стремительно растущее число несчастных случаев в городе, могло плохо для него кончиться.

Вздохнув, Сэм поставил правую ногу на педаль акселератора и слегка надавил на нее, в то же время рукой соединяя кончики проводов зажигания. Мотор завелся мягко, почти неслышно.

Экран компьютера замерцал.

Без сомнения, сложнейшую компьютерную технику местное полицейское отделение получало от «Новой Волны Микроэлектроники», которая, вероятно, испытывала таким образом новые и усовершенствованные образцы своих систем, прежде чем пустить их в широкое производство. Это был очевидный и вполне законный источник, из которого огромные суммы денег могли перекачиваться в карманы полиции, здесь не было ничего необычного. Подозрение вызывало то, что деньги шли от «Новой Волны», вернее, от человека, в руках которого была большая часть ее акций, исполнявшего обязанности ее директора, Томаса Шаддака. Конечно, любой гражданин имеет право поддерживать свою полицию или какое-либо другое городское подразделение, выплачивая им денежные суммы сверх обычных налогов, если его доходы это позволяют; вопрос в том, почему Томас Шаддак скрывал это? Ни один честный человек, дающий деньги на общественные нужды, не станет держаться в тени, прилагая все усилия, чтобы никто не узнал об этом. Если Шаддак тайно поддерживает местные власти, снабжая их деньгами из своих прибылей, тогда нельзя исключить возможность, что он подпросту купил всю местную полицию, что все городские власти у него в кармане. Ну а если полицейские Мунлайт Коува действительно состоят на жалованье у Томаса Шаддака и превратились в солдат его личной гвардий, то весьма вероятно, что подозрительный рост смертности в последние недели — результат этого опасного союза, и тут явно дело нечисто.

В нижнем правом углу экрана загорелся символ «Новой Волны»; если бы это была одна из наших машин, подумал Сэм, на этом месте был бы сейчас наш знак.

Еще в то время, когда отряд их Сан-Франциско вел следствие по делу Санчеса-Бустаманте, один из лучших агентов ФБР, Морри Стэйн, ехал в патрульной машине с Ризом Дорном, подчиненным Уоткинса. Наблюдая, как Дорн связался с центральным компьютером, запрашивая какую-то информацию, Морри еще тогда заподозрил, что их электронные устройства гораздо сложнее, чем показывали Уоткинс и его люди, что, используя эти компьютеры, они каким-то образом превышают свои полномочия, но пред-

почитают умалчивать об этом; на всякий случай он запомнил номер кода, который Риз набирал, чтобы выйти на связь. Уже позже, в Лос-Анджелесе, передавая дело Сэму, Морри заметил: «Думаю, у каждого фараона в этом занюханном городишке, где сам черт ногу сломит, есть свой собственный код, но номер Дорна должен сработать не хуже любого другого. Сэм, ты должен, ты просто обязан добратся до их компьютера, просмотреть, какие у них там имеются меню, все возможные ответы оператора в режиме диалога с системой, узнай, что они там предлагают, чего хотят, покрутись вокруг экрана, жонажимай там на кнопки на свободе, так чтобы Уоткинс и его люди не заглядывали тебе через плечо. Я понимаю, это звучит глупо, но слишком уж у них много первоклассной техники, они просто завалены ею, и непонятно, зачем им все это, если только за этим не кроются какие-то темные делишки. Этот Муилайт Коув с первого взгляда кажется обычным приморским городком, таким миленьким, уютным, гораздо приятнее других местечек на побережье, но... черт побери, через некоторое время начинает казаться, что город весь опутан проводами, что куда бы ты ни пошел, что бы ты ни делал, ты находишься под постоянным наблюдением, что кто-то каждую минуту, каждую секунду заглядывает тебе через плечо. Клянусь Богом, через несколько дней ты уже чувствуешь себя так, словно живешь в маленьком полицейском государстве; эта слежка вроде бы почти незаметна, но ты все время словно зажат в железном кулаке. Их полицейским нельзя доверять, Сэм, они там все по уши в чем-то завязли, — может, это торговля наркотиками, не знаю, — и компьютеры — только часть всего этого».

Номер Риза Дорна был 262699, и Сэм набрал его на клавиатуре. Символ «Новой Волны» исчез. Секунду экран был чист, потом на нем появилось меню:

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ:

A. ДИСПЕТЧЕР

B. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ

C. ИНФОРМАЦИЯ

D. ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ

Сэму было ясно, что, нажав на кнопку, можно связаться с диспетчером в центре города не только по радионередат-

чику, который есть в каждой патрульной машине, но и с помощью компьютерной связи. Но зачем им нужно возиться со всем этим, печатать свои вопросы и считывать ответы диспетчера с экрана, если можно намного быстрее и проще сделать это по радио? Если только... возможно, есть какие-то вещи, о которых они не хотят говорить, опасаясь, что любой, имеющий такой же передатчик, может перехватить их сообщение.

Сэм не стал выходить на связь с диспетчером, ведь тогда ему пришлось бы вступить в диалог, делая вид, что он Риз Дорн, а это было бы все равно что заорать: «Эй, я здесь, в одной из ваших патрульных машин, сую свой нос во всякие ваши делишки, которые вы так тщательно скрываете, что же вы медлите? Бегите скорее сюда, хватайте меня!»

Вместо этого он нажал кнопку В. На экране появилась новая запись:

ВЫБЕРИТЕ ИЗ:

А. СОСТОЯНИЕ — ТЕКУЩИЕ ЗАДЕРЖАНИЯ

В. СОСТОЯНИЕ — ТЕКУЩИЕ СУДЕБНЫЕ ДЕЛА

С. СОСТОЯНИЕ — НЕЗАКОНЧЕННЫЕ СУДЕБНЫЕ ДЕЛА

Д. ДАННЫЕ О ПРОШЛЫХ АРЕСТАХ — ОКРУГ

Е. ДАННЫЕ О ПРОШЛЫХ АРЕСТАХ — ГОРОД

Ф. ОСУЖДЕННЫЕ, ЖИВУЩИЕ В ОКРУГЕ

Г. ОСУЖДЕННЫЕ, ЖИВУЩИЕ В ГОРОДЕ

Просто для того, чтобы убедиться, что содержание информации действительно соответствует надписям, что меню на экране — не шифр и не код к получению секретных данных, Сэм нажал на кнопку F, выдающую сведения о ранее осужденных за какие-то преступления, а теперь живущих в округе людях. На экране засветилось другое меню, предлагавшее ему на выбор: **УБИЙСТВА, НЕПРЕДУМЫШЛЕННЫЕ УБИЙСТВА, ИЗНАСИЛОВАНИЯ, НАПАДЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ИЗНАСИЛОВАНИЯ, ХУЛИГАНСКИЕ ДЕЙСТВИЯ, ВООРУЖЕННЫЙ ГРАБЕЖ, КРАЖИ СО ВЗЛОМОМ, КРАЖИ ИМУЩЕСТВА, МЕЛКИЕ КРАЖИ, МЕЛКОЕ ХУЛИГАНСТВО.**

Сэм выбрал «УБИЙСТВО» и обнаружил, что в округе в данное время проживают три бывших преступника, осужденных за убийство; все трое освобождены после отбытия

срока наказания от двенадцати до сорока лет; никто из них не был освобожден досрочно. Здесь же приводились их имена, адреса и номера телефонов, а также имена их жертв и краткие данные о совершенных ими преступлениях; далее шли цифры, указывавшие срок их наказания; все они жили за пределами Мунлайт Коува.

Сэм поднял глаза от экрана и внимательно осмотрел стоянку. Она была пуста. В тонкую дымку тумана выливались теперь густые белые струйки; они пульсировали, словно вены на бледной руке, струились вокруг машины, как выходящие на ветру узкие стяги; Сэму казалось, что он сидит в батискафе, опущенном в морские глубины, и наблюдает, как бурые ленты водорослей извиваются, уносимые быстрым течением.

Он вернулся к главному меню и попытался проверить, что означает С. ИНФОРМАЦИЯ. Похоже было, что это нечто вроде записок, которыми обменивались Уоткинс и его служащие: частично они касались служебных дел, но были и разные посторонние записи, явно личного характера. Это были обрывки со множеством загадочных сокращений; Сэм мало что понимал в этих ребусах и чувствовал, что они не стоят того, чтобы ломать над ними голову.

Он попробовал нажать на кнопку D. ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ. Это оказался список компьютеров, включенных в национальную компьютерную систему связи. Таким образом, можно было сразу вызвать на связь любой город и получить информацию из муниципалитета или другого официального учреждения. Список компьютерных абонентов полицейского отделения Мунлайт Коува потряс его: Лос-Анджелес ПД (Полицейский Департамент), Сан-Франциско ПД, Сан-Диего ПД, Дэнвер ПД, Даллас ПД, Чикаго ПД, Майами ПД, Нью-Йорк ПД и еще целый ряд больших городов; Автомобильный Департамент в Калифорнии, Департамент Тюрем, Дорожный Патруль и множество других государственных учреждений, не имевших, казалось бы, никакого отношения к полиции: личные дела солдат и офицеров Вооруженных Сил США, личного состава Военно-Морских Сил, Военно-Воздушных Сил, Информация из архивов ФБР, ФБР МВСНН (Местная Вспомогательная Система Низкого Напряжения, сравнительно новая програм-

ма ФБР); даже представительство Интерпола в Нью-Йорке, с помощью которого эта интернациональная организация могла связаться со своими центральными филиалами в Европе.

Какого черта маленькой сельской полиции на забытом Богом побережье нужно от всех этих источников информации?

Тут было и еще кое-что: полицейские Мунлайт Коува имели доступ к таким сведениям, которые нелегко было бы получить даже оборудованным по последнему слову техники организациям в таких больших городах, как Лос-Анджелес. К тому же некоторые из этих данных, например, информацию об операциях крупных фирм, можно было получить только по специальному разрешению, имея на это постановление суда. Полиция Мунлайт Коува наверняка не афишировала свои замечательные возможности, поскольку ни одна из крупных компаний не разрешила бы сунуть нос в свои дела без судебного постановления. Компьютер также предоставлял возможность проникнуть в банк данных ЦРУ в Вирджинии, считавшийся недоступным для любой системы связи, находящейся за стенами этой организации, и с легкостью залезть в архивы самого ФБР, которые также считались надежно защищенными от постороннего взгляда.

Потрясенный увиденным, Сэм оторвался от многочисленных возможностей, скрывавшихся за кнопкой «ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ», и вернулся к основному меню.

Он задумчиво оглядывал площадку.

Несколько дней назад, передавая Сэму дела, Морри Стэйн высказал предположение, что полиция Мунлайт Коува может быть как-то замешана в контрабанде наркотиков, и что необыкновенная щедрость «Новой Волны» в обеспечении отделения компьютерными системами может прикрывать участие в этих операциях кого-либо из служащих фирмы. ФБР интересовало также, не продает ли «Новая Волна» высокотехнологичную технику Советам; возможно, компания подкупила полицию, чтобы та вовремя предупредила ее, если правительство заинтересуется их деятельностью. Правда, оставалось не совсем ясным, какое отношение имеет ко всему этому недавняя лавина смертей, обрушившаяся на Мунлайт Коув, но агентам для начала

нужна была хоть какая-нибудь теория, от которой можно было бы оттолкнуться.

Сэм подумал, что, видимо, придется отказаться от обоих предположений; ни продажа техники Советам, ни торговля наркотиками не вязались с его неожиданными открытиями. Громадная паучья сеть, которую полиция Муллайт Коува раскинула над всей страной, готовясь запустить щупальца во все, даже самые секретные источники информации, — в списке значилось более ста наименований различных государственных организаций! — намного превосходила то, что им могло потребоваться для контрабанды наркотиками или для того, чтобы, своевременно узнав о подозрениях правительства, замаскировать деятельность «Новой Волны» по продаже техники Советам.

Информационная сеть, созданная ими, больше подходила для нужд руководителей государства или, лучше сказать, маленькой самостоятельной нации. Самостоятельной или враждебной. Тот, кто держал в руках концы этой сети, становился обладателем такой информации, которая делала его власть безграничной. Впечатление было такое, будто этим живописным маленьким городком управляет рука безумца, страдающего манией величия, одержимого навязчивой идеей создания маленького независимого королевства, которое станет его первым шагом на пути покорения громадных территорий.

Сегодня — Муллайт Коув; завтра — весь мир!

«Какого дьявола они все это затеяли?» — воскликнул Сэм вслух.

29

Заперевшись на все засовы в своем номере и почувствовав себя в относительной безопасности, Тэсса переделалась в пижаму — нежно-желтые брючки и просторную белую кофточку с веселой мордочкой Лягушонка Кэрмита на груди, — включила телевизор и, потягивая «Дайэт Коук», смотрела повторение передачи «Сегодня вечером»; но было довольно нудно созерцать физиономию Джонни Карсона и слушать те дурацкие разговоры, которые он вел с глупенькой актрисой, безмозглым певцом и тупицей-комиком. Ди-

стические, пресные мысли на закуску к диетической кока-коле.

Чем больше времени проходило после взбудоражившего ее проношения в коридоре гостиницы, тем больше Тэсса сомневалась в том, что на нее и в самом деле хотели напасть. Она обезумела от горя, узнав о смерти Джекис, ее все время подспудно точила мысль о том, что Джекис не могла покончить жизнь самоубийством, а значит, ее убили, — в конце концов, все эти нерождения не могли не отразиться на ее состоянии. Кроме того, булочка с сыром, которую она съела за обедом, все еще камнем лежала у нее в желудке; она была такой жирной, что, когда ее жарили, должно быть, просто плавала в масле, пронитавшись им насквозь. Тэсса подумала, что угодобляется Сируджу Мак-Даку, поверившему сначала в привидение Марли; так и ей теперь всюду чудятся призраки. Возможно, все ее страхи — не более, чем фантазия, навеянная непережаренным кусочком мяса, слишком обильно сдобренного горчицей, черствым сыром и недожаренным картофелем.

На экране очередной гость Карстона распространялся о том, какой восхитительный уик-энд он провел на Фестивале искусств в Гаване, и как он встретился там с Фиделем Кастро — «отличный парень, потрясающий парень, душевный парень...»; Тэсса встала и пошла в ванную умыться и почистить зубы перед сном. Она как раз выжимала пасту из тюбика, когда услышала, что кто-то дергает за ручку двери ее комнаты.

Маленькую ванную отделяла от двери еще более крохотная прихожая, так что, выглянув, Тэсса оказалась так близко от двери в коридор, что сразу заметила, что ручка так и ходит ходуном, словно кто-то снаружи дергает за нее изо всех сил, пытаясь открыть. Они не соблюдали уже никаких предосторожностей. Ручка клацала и щелкала, дверь тряслась, со стуком ударяясь о косяк.

Тэсса бросила зубную щетку и метнулась к телефону, стоявшему на тумбочке у кровати.

Гудка не было.

Она потянулась к устройству связи с персоналом гостиницы, нашла кнопку вызова дежурного, изо всех сил надавила на нее... напрасно. Устройство не работало. Распределительный щит мотеля был отключен. Телефон молчал.

Несколько раз, заслышав шум мотора, Крисси бросалась к обочине и пряталась в зарослях кустарника, росшего вдоль дороги. Один раз мимо нее проехала полицейская машина; она ехала по направлению к городу, и девочка была совершенно уверена, что машина — та же самая, которая до этого сворачивала к ее дому. Крисси пониже пригнулась в высокой траве и не вставала, пока огни задних фар автомобиля не превратились в крохотные красные точки, мерцавшие в тумане и не исчезли, наконец, за поворотом.

Крисси знала, что здесь, недалеко от дороги, есть несколько домов; люди, которые в них жили, были знакомыми ее родителей: Томасы, Стоуны, Элсвики. Конечно, она могла бы попытаться подойти к какому-нибудь из этих домиков, постучать в дверь и попросить о помощи. Но как она могла быть уверена, что эти, недавно еще так хорошо знакомые люди, остались теми же простыми, добрыми соседями? Они могли так же страшно измениться, как и ее родители. Наверное, какая-то сверхъестественная злая сила овладела Мунлайт Коувом, а может быть, сюда спустились пришельцы из космоса. Крисси за свою недолгую жизнь насмотрелась уже фильмов ужасов и прочитала достаточно научно-фантастических романов, так что она прекрасно знала, что если ты сталкиваешься с чем-либо подобным, ты не можешь уже больше никому верить.

Она так надеялась на помощь отца Кастелли из собора Святой Девы Марии именно потому, что он был священником, а значит, никакие злые духи не могли победить его. Хотя конечно, от космических пришельцев у отца Кастелли не можно быть никакой защиты, как раз наоборот, ведь он был так близок к Богу!

В таком случае, если со священником случилось то же, что и с другими, и если Крисси удастся убежать от него, как только она заметит, что он тоже ее враг, она побежит прямо к миссис Ирэн Токаве, своей школьной учительнице. Миссис Токава — самая умная и находчивая из всех, кого Крисси знала. Даже если Мунлайт Коув и правда захватили марсиане, миссис Токава, без сомнения, обнаружила бы это

прежде, чем стало бы слишком поздно. И она, конечно, придумала бы способ, как защитить себя, и была бы последней, кого эти чудовища зацапали бы своими когтями. Когтями или щупальцами, или клешнями, или клыками, — в общем, тем, что у них там есть.

Крисси шла, время от времени сбегая с дороги, осторожно прокрадываясь мимо домов, потом снова выбиралась на шоссе и шагала все вперед и вперед, медленно, но неуклонно приближаясь к городу. Месяц, иногда выглядывавший из тумана, прошел уже больше половины своего пути по небу; время близилось к утру. Ветер, задувавший с моря, то и дело налетал порывами; он трепал волосы девочки, и они взлетали над ее головой, словно язычки легкого белого пламени. Ночь была довольно теплой, — ртутный столбик не опускался ниже пятнадцати градусов, — если бы не эти яростные порывы пронизывающего ветра. Правда, в том, что Крисси дрожала от холода, было тоже свое преимущество. — в эти минуты она, по крайней мере, забывала о голоде.

— Беспризорный ребенок, страдающий от голода и потрясенный встречей с марсианами, — произнесла девочка, словно читая воображаемый заголовок последнего выпуска «Нэйшнэл Энквайер».

Она уже подходила к тому перекрестку, где шоссе пересекало Холлиуэлл Роуд, радуясь, что до города осталось не так уж много, когда чуть не попала в лапы тех, кого так старательно избегала.

Холлиуэлл — тянущаяся к востоку от шоссе грунтовая дорога — поднималась на холмы и вела к старой, заброшенной Комунны «Икарус», — полуразрушенному дому с коровником и другими полуразвалившимися постройками во дворе. Еще в начале пятидесятых группа артистов, художников и других творческих личностей задумала основать там коммуны — идеальное общество; попытка, естественно, закончилась неудачей. Затем там пытались устроить коневодческий завод (затем провалилась), воскресную ярмарку с аукционом (неудача), вегетарианский ресторанчик (без всякого успеха), и вот уже давным-давно на здание и пристройки махнули рукой, и они медленно разрушались. Дети отлично знали эти места, так как считалось, что в доме

водятся привидения, и немало находилось ребят, желавших доказать свою храбрость. На западе Холлиуэлл Роуд была заасфальтирована и проходила по городским окраинам, мимо нескольких недавно построенных домиков, мимо «Новой Волны Микроэлектроники» и дальше, к самому северному мысу бухты, где в громадном, таинственном доме жил Томас Шаддак, компьютерный гений. Крисси не собиралась сворачивать по Холлиуэлл ни на восток, ни на запад; перекресток был просто вехой на ее пути; сто́ит только перейти через дорогу, и она окажется в северном предместье Мунлайт Коува.

Ей оставалось пройти какую-нибудь сотню футов до Холлиуэлла, когда за спиной послышался звук быстро приближающейся машины. Крисси отступила на обочину и, перепрыгнув через узкую канавку, отбежала подальше в поле и спряталась за толстым стволом старой сосны. Съежившись в своем укрытии, она увидела приближающиеся огни; не обращая внимания на стоп-сигнал, грузовик въехал на самую середину перекрестка и затормозил. Струйки тумана, словно пар, поднимались над ним. Перекресток был опасным местом, на нем часто происходили аварии; чтобы водители могли лучше видеть дорогу и встречные машины и чтобы заранее предупредить их об опасности, на нем со стороны города, поставили фонарь, так что Крисси могла довольно хорошо рассмотреть тяжелый, длинный и черный пикап. На дверце кабины видна была эмблема «Новой Волны», девочка видела ее уже тысячу раз и могла различить с любого расстояния: на бело-голубом круге, размером с тарелку, вздымался белый гребень синей волны. У грузовика был большой, вместительный кузов, в нем можно было перевозить тяжелые грузы, но сейчас в нем сидели люди — шесть или восемь человек.

Как только машина остановилась на перекрестке, двое мужчин ловко спрыгнули на землю. Один из них пошел на северо-запад, туда, где начинался лес, и исчез за деревьями; он прошел совсем недалеко от той сосны, за которой, наблюдая за ним, притаилась Крисси. Другой направился на юг и скрылся в зарослях чапарраля.

Пикап развернулся и исчез в ночи.

Крисси подозревала, что оставшиеся в нем люди тоже

постепенно займут свои наблюдательные посты, оцепив восточные окраины Мушлайт Коува. К тому же грузовик был настолько велик, что в его кузове могло поместиться по крайней мере двадцать человек. Они наверняка уже прятались вдоль Хеллгуэли Роуд, от «Новой Волны» до самого шоссе. Наверное, цепи полицейских уже окружили город, и Крисси не сомневалась, что они ищут ее. Она увидела то, чего не должна была видеть, — своих родителей во время ужасного Превращения, сбрасывающих с себя человеческую личину, — и теперь ее требовалось найти и «превратить», — как выразился Такер, прежде, чем она успеет предупредить людей.

Звук мотора растаял в тумане.

Тишина, словно тяжелое, влажное покрывало, накрыла землю.

Туман клубился, пенился, вихрился бесчисленными водоворотами, но невидимые воздушные приливы и отливы потихоньку несли его все дальше к темной цепи холмов.

Легкий бриз, налетавший порывами, задул теперь по-настоящему; он шуршал и свистел в высоких, сухих стеблях травы, шелестел листьями вечнозеленых деревьев; он налетал на жестяную табличку дорожного знака, и тот издавал слабое, какое-то безнадежно-унылое треньканье.

Хотя Крисси видела, куда пошли оба полицейских, теперь она уже не могла их разглядеть. Они затаились в засаде, слившись с ночной темнотой.

31

Вихри тумана неслись на восток, мимо патрульной машины и дальше, в ночь, уносимые бризом, который быстро набирал силу, превращаясь в настоящий ураган; мысли проносились в мозгу у Сэма так же беспорядочно и сумбурно. В голове у него была такая путаница, что он предпочел бы просто застыть в бездумном оцепенении.

Из своего предыдущего богатого опыта работы с компьютерами Сэм знал, что разработчик программы мог легко скрыть какие-то дополнительные возможности системы, просто-напросто вычеркнув из меню некоторые варианты. Он еще раз перечитал надписи первого меню на дисплее:

АДИСПЕТЧЕР; В.ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ; С.ИНФОРМАЦИЯ; D.ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ, — и нажал на кнопку **Е**, хотя никакого **Е** среди вариантов не было.

На экране появились слова: **ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ОФИЦЕР ДОРН.**

Так значит, **Е** все-таки было! Одно из двух: или он случайно наткнулся на секретный банк данных, и тогда необходимо задавать условленные вопросы, чтобы получить информацию, или это просто информационная система, отвечающая на любые запросы. В первом случае, если существовали какие-то определенные, заранее заданные слова или фразы типа пароля, возникала опасность, что он может ошибиться и набрать неверный шифр; тогда компьютер сразу перестанет отвечать и подаст сигнал тревоги в полицейское управление, предупреждая, что кто-то чужой использует код Дорна.

Очень осторожно Сэм ответил: **ПРИВЕТСТВУЮ ВАС. ЧЕМ МОГУ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН?**

Сэм решил продолжить, надеясь на то, что это обычная программа «вопрос-ответ» и ничего больше за ней не кроется. Он набрал слово **«МЕНЮ»**.

Экран на минутку очистился, потом на нем зажглись опять те же слова: **ЧЕМ МОГУ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН?**

Он попробовал еще раз: **ОСНОВНОЕ МЕНЮ.**

ЧЕМ МОГУ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН?

ГЛАВНОЕ МЕНЮ.

ЧЕМ МОГУ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН?

Сэм знал, что в системе «вопрос-ответ» важно знать верную команду, и он надеялся, что методом проб и ошибок рано или поздно выйдет, наконец, на ту, которую примет компьютер. Он сделал еще одну попытку: **ПЕРВОЕ МЕНЮ.**

На этот раз он угадал.

На экране появились слова: **«ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ:»**

A. ПЕРСОНАЛ «НОВОЙ ВОЛНЫ»

B. ПРОЕКТ «ЧЕРНЫЙ ЯСТРЕБ»

C. ШАДДАК

Итак, он открыл, что между «Новой Волной», ее основателем Томасом Шаддаком и полицией Мунилайт Коува действительно существует тайная связь. Но он все еще не знал, в чем заключалась эта связь, что она означала.

Сэм полагал, что кнопка С соединит его с персональным компьютером Шаддака, по которому ведутся, конечно, совсем не те переговоры, что по обычному радиопередатчику. Если он прав, значит, Шаддак и местная полиция действительно состоят в каком-то тайном, преступном заговоре, требующем соблюдения особых мер секретности и предосторожности. Сэм не стал нажимать на кнопку С, — ведь тогда ему пришлось бы выдавать себя за Дорна, а он сомневался, что сможет успешно справиться с этой ролью.

Если он выберет А, то, вероятно, получит список служащих и директоров «Новой Волны», а возможно, и коды, которые позволят ему немедленно связаться с их персональными компьютерами. Но у него не было ни малейшего желания беседовать с кем-либо из них.

К тому же Сэм чувствовал, что время его истекает. Он еще раз оглядел площадку, особенно внимательно всматриваясь в тени, лежавшие за светлыми кругами от фонарей. Он пробыл в машине уже пятнадцать минут, и за это время никто не появился, не вышел из здания муниципалитета; Сэм понимал, что так не может продолжаться вечно, и хотел узнать как можно больше за те немногие минуты, которые у него еще оставались.

ПРОЕКТ «ЧЕРНЫЙ ЯСТРЕБ» — слова эти звучали таинственно и интригующе, и Сэм, решившись, нажал на кнопку В; перед ним возникло новое меню:

ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ:

А. ПРЕВРАЩЕННЫЕ

В. ПЛАНОВЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ

С. ГРАФИК ПРЕВРАЩЕНИЙ — МЕСТНЫЙ

Д. ГРАФИК ПРЕВРАЩЕНИЙ — ВТОРОЙ ЭТАП

Сэм решил начать с А, и на экране тут же засветилась целая колонка имен и адресов. Все это были жители Мунлайт Коува; в начале списка шли цифры 1967 и слова **ПРЕВРАЩЕННЫЕ К НАСТОЯЩЕМУ ВРЕМЕНИ**.

Превращенные? Но из чего? Во что? Быть может, этот тайный заговор был как-то связан с религией? Превращенные... обращенные... Какой-нибудь неизвестный культ? А может быть, это слово использовалось в переносном смысле, или это был какой-то шифр?

Слово было какое-то странное, настораживающее, у Сэма даже мурашки поползли по коже.

Список был составлен в алфавитном порядке, и Сэм подумал, что необязательно просматривать его с начала до конца, он может просто найти имена тех, кто его интересует. Он стал искать имена тех, о ком что-нибудь знал или с кем уже успел познакомиться. Лоуман Уоткинс был в списке превращенных. Здесь же был и Риз Дорн. Он не нашел имени владельца кабачка «Найтсбридж», Берта Пэкхэма, зато тут была вся семья Перэсов, в полном составе; Сэм не сомневался, что это сам владелец ресторана и его близкие.

Он проверил, нет ли среди превращенных Гарри Тальбота, ветерана и инвалида войны во Вьетнаме, с которым он собирался встретиться утром; в этом списке его имени не было.

Ломая голову над тем, что бы это все могло означать, Сэм решил больше не задерживаться на этом и вернулся к главному меню. Теперь он нажал на кнопку В. ПЛАНОВЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ. На экране появился новый список фамилий и адресов, на этот раз под заголовком 1104 ПЛАНОВЫХ ПРЕВРАЩЕНИЯ. В этом списке стояли имена Берта Пэкхэма и Гарольда Тальбота.

Сэм перешел к С. ГРАФИК ПРЕВРАЩЕНИЙ — МЕСТНЫЙ, и перед глазами возникли строчки:

А. ПОНЕДЕЛЬНИК, 13 ОКТЯБРЯ, 18.00

ПО

ВТОРНИК, 14 ОКТЯБРЯ, 6.00

В. ВТОРНИК, 14 ОКТЯБРЯ, 6.00

ПО

ВТОРНИК, 14 ОКТЯБРЯ, 18.00

С. ВТОРНИК, 14 ОКТЯБРЯ, 18.00

ПО

ПОЛНОЧЬ.

Сэм посмотрел на часы; они показывали 24 часа 39 минут, был уже вторник, то есть прошла примерно половина того срока, который был указан в пункте А. Он нажал на кнопку и увидел еще один список, начинавшийся словами: 380 ПРЕВРАЩЕНИЙ ПО ПЛАНУ.

У Сэма поползли по спине мурашки, и он не мог понять, почему. Вот разве что это странное слово «превращения»...

Было в нем что-то непонятное и страшное... Оно почему-то вызывало в памяти старый фильм с Кэвином Маккарти «Нашествие похитителей трупов».

Он вспомнил о банде подростков, преследовавшей его сегодня вечером. Что, если они были... превращенными?

Сэм стал искать имя Берта Пэкхэма и нашел его в списке подлежащих Превращению до 6.00. Но Гарри Тальбота и здесь не было.

Машина вдруг дернулась и покачнулась.

Сэм вскинул голову и нащупал под курткой револьвер.

Ветер. Это был просто сильный порыв ветра. Ветер налетал с моря, в клочья разрывая туман и слегка покачивая машину. Через минуту он снова превратился в ровный и сильный бриз, туман опять стусился, но сердце Сэма продолжало глухо и больно биться.

32

Тэсса положила на место бесполезную телефонную трубку и тут заметила, что дверная ручка больше не трясется. Она еще постояла у кровати, прислушиваясь, потом осторожно, на цыпочках прошла в прихожую и приложила ухо к двери.

Она услышала голоса, но они, удаляясь, звучали уже с другого конца коридора. Это были странные звуки, больше похожие на страстное, нетерпеливое шипение, свист, в который врывались ржавые, скребущие нотки. Она не могла разобрать ни слова.

Тэсса была уверена, что это те, кто охотился за ней на лестнице, кто невидимо подстерегал ее, когда она спускалась за содовой и льдом. Теперь они вернулись. Им удалось каким-то образом отключить телефон, так что она не могла позвать на помощь. Это казалось невероятным, это был просто кошмарный сон, не могло же такое случиться в действительности!.. И все же это случилось.

Такое упорное преследование доказывало, что эти люди — не просто бандиты или сексуальные маньяки, нет, они решили добраться до нее, потому что узнали, что она — сестра Дженис и приехала сюда, чтобы выяснить правду о ее гибели. Конечно, удивительно было, как это они так бы-

стро проведали о ее приезде, и почему решили действовать столь поспешно, не понаблюдав сначала за ней, не проследив за тем, что она предпримет. Могло ведь оказаться, что она собиралась только уладить все дела Дженис и тут же уехать. Никто, кроме Тэссы и ее матери, не мог знать о том, что она хотела попытаться сама найти убийцу сестры.

Голые ноги Тэссы покрылись мурашками, и она почувствовала себя совершенно незащищенной в своей широкой пижамной кофточке и штанишках. Она подбежала к стенному шкафу, выхватила из него джинсы и свитер и быстро натянула их на себя.

Но ведь она не одна в гостинице. Должны же быть и другие постояльцы. По крайней мере, мистер Куинн так утверждал, а ведь он знает. Возможно, их не так много, всего лишь два или три, но, если случится самое худшее, она может закричать и позвать на помощь. Люди в других номерах услышат ее, и бандиты, наверное, испугаются и оставят ее в покое.

Тэсса взяла с полу свои кроссовки, в которые она засунула белые спортивные гольфы, и, держа их в руках, вернулась к двери. Низкое, глухое, то хриплое, то свистящее бормотание доносилось с другого конца коридора, и вдруг все здание сотряслось от страшного, оглушительного грохота. Тэсса вздрогнула и закричала от ужаса. За первым ударом последовал второй, еще более сильный. Она услышала, как дверь чьей-то комнаты подалась и рухнула.

Раздался отчаянный женский визг, что-то кричал мужчина, но это было не самое страшное. Другие, дикие голоса — вот что заставило Тэссу похолодеть от ужаса. Их было три, может быть, четыре, и они не были похожи на обычные человеческие голоса; была в них какая-то яростная, звериная жестокость. Весь коридор наполнился хриплым, словно волчьим, рычанием, плотоядным урчанием, пронзительными, кровожадными взвизгиваньями и подвываньями, от которых кровь стыла в жилах, и еще какими-то невообразимыми звуками, для которых нет слов в человеческом языке; это был рев хищников, жаждущих крови; но хуже всего было то, что хотя голоса эти никак не могли принадлежать людям, в их свирепых выкриках можно было разобрать слова:

«есть, есть... пища... держи ее... хватай... держи добычу... держи, держи... кровь, добыча, кровь...»

Прислонившись к двери, чтобы не упасть, Тэсса пыталась внушить себе, что слова эти произносят мужчина и женщина, в чью комнату ворвались бандиты, но она знала, что обманывает себя, потому что их крики прорывались сквозь этот неистовый, безумный вой и визг. Они были ужасны, эти вопли, полные смертельного страха и муки; так могли кричать люди, которых бьют ногами, топчут, пинают, но нет, это было еще хуже, гораздо хуже, казалось, их рвут зубами, раздирают на части, ломая кисти и хрящи, отрывая по кускам руки и ноги и пожирая их тут же, на глазах кровоточащей жертвы.

Два года назад, в Северной Ирландии, Тэсса снимала документальный фильм о ненужной, бессмысленной жестокости всего, что там происходит. Она имела несчастье приехать на кладбище как раз в тот момент, когда хоронили одного из бесчисленных «мучеников», — то ли католика, то ли протестанта, — Тэсса так и не поняла, кто он был, да это и не имело особого значения, — их было больше чем достаточно и с той и с другой стороны. И вот на ее глазах вереница скребящих людей, оплакивавших своего погибшего товарища, вдруг превратилась в дикую, обезумевшую толпу. Толпа эта выплеснулась из церковного двора на близлежащие улицы, высматривая иноверцев, и вскоре наткнулась на двух английских офицеров; это был патруль, но оба офицера были в штатском и сидели в обычной машине. Страшная, безумная орда преградила путь машине, окружила ее, разбила стекла и выволокла обоих стражей порядка на мостовую. Помощники Тэссы давно разбежались, но она, напротив, полезла в самую гущу со своей видеокамерой на плече; сквозь объектив все происходящее вокруг показалось ей нереальным, словно она, продолжая оставаться на земле, заглянула нечаянно в адскую бездну. Свирепые выкаченные глаза, искаженные ненавистью и яростью лица... Горе было забыто, их охватила звериная жажда крови, и они без усталости били и пинали ногами британцев, уже лежавших на земле, потом поднимали их, но только затем, чтобы тут же снова сбить, свалить ударом кулака обратно на землю; они трясли их, с размаху ударяя о корпус машины, сломали

им позвоночник и проломили череп, превратив их тела в кровавое месиво, а потом бросили их и стали топтать, дробя им кости, разрывая на части, хотя к тому времени оба англичанина давно уже были мертвы. Завывая и визжа, осыпая трупы проклятиями, выкрикивая обрывки лозунгов и распевая гимны, сливавшиеся в бессмысленные, бессвязные потоки слов, приплясывая под какие-то бесовские ритмы, они, словно стая хищных птиц, кружили вокруг растерзанных тел, пиная их, дергая и топчась; хотя нет, пожалуй, они больше походили не на обычных птиц, питающихся падалью, вроде грифов или стервятников, а на демонов, на злых духов, поднявшихся из преисподней и раздирающих на части мертвецов не только ради того, чтобы насытиться их мясом, но бушеваемые жадой вырвать их бессмертную душу и завладеть ею. Двое из этих озверевших безумцев заметили Тэссу, выхватили у нее камеру и разбили, расплющили ее об асфальт; они повалили Тэссу на землю, тянули ее за одежду, и она подумала, что это конец, сейчас они разорвут ее на части. Лица их так исказились от ненависти, что в них не осталось ничего человеческого; казалось, фантастические каменные чудовища, высеченные на стенах собора, вдруг ожили и спустились вниз, чтобы позабавиться над людьми. Все человеческое, что было в этих людях, все, созданное веками культуры и цивилизации, уступило место первобытным звериным инстинктам, поднявшимся откуда-то из темных глубин их существа, словно призраки, выпущенные из заточения. «О нет! Ради Бога, нет!» — отчаянно закричала Тэсса. — Ради Бога, пожалуйста, не надо!" Может быть, упоминание о Боге подействовало на них, или просто звук нормального человеческого голоса, не обезображенного хриплыми нотами звериного рычания, но только они остановились, не зная, на что решиться. Она тут же воспользовалась этой передышкой, чтобы ускользнуть от них, бежать как можно дальше, сквозь ревущую, обезумевшую от крови толпу, к спасению.

Звучи, которые доносились до нее сейчас из коридора гостиницы, напоминали тот бешеный, неистовый рев. Только они были еще страшнее.

Вспотев несмотря на то, что в машине было прохладно, вздрагивая от каждого внезапного порыва ветра, Сэм нажал на кнопку В и получил список превращений, намеченных к проведению с 6.00 наступающего утра до 18.00 следующего вечера. Список фамилий и адресов начинался указанием: **ЗАПЛАНИРОВАНО 450 ПРЕВРАЩЕНИЙ**. Среди них имени Гарри Тальбота также не значилось.

Наконец, на период с 18.00 во вторник до полуночи планировалось 274 превращения. Имя и адрес Гарри Тальбота оказались в этом третьем, последнем списке.

Сэм мысленно подсчитал, что получится, если сложить числа, указанные в каждом из трех периодов, отведенных для превращений, — 380, 450 и 274. Вышло 1104, что как раз сходилась с цифрой из графика плановых превращений. Если добавить к этому 1967, — общее число уже превращенных, — то в сумме получалось 3071, то есть, по-видимому, все население Мунлайт Коува. Когда часы в следующий раз пробьют полночь, — а до этого момента оставалось менее двадцати трех часов, — весь город будет превращен, — черт его знает во что.

Сэм вышел из режима субменю и уже собирался выключить двигатель и выйти из машины, когда на экране появилось и начало вспыхивать слово **ТРЕВОГА**. Сэм испугался, решив, что его вторжение в святая святых полиции обнаружено; видимо, он сделал что-то не так, и компьютер среагировал, подав сигнал тревоги.

Однако вместо того чтобы выскочить из машины и унести ноги, он продолжал смотреть на экран, желая узнать, что будет дальше.

ТЕЛЕФОННЫЙ КОНТРОЛЬ ОПРЕДЕЛЯЕТ ФБР.

АГЕНТ В МУНЛАЙТ КОУВЕ.

МЕСТО ЗВОНКА:

ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ

ОУШЭН АВЕНЮ

Ага, значит, тревога действительно поднялась из-за него, но вовсе не потому, что они проникли о том, что он залез в одну из их патрульных машин и сидит тут, распуты-

вая их тайные заговоры и проекты. Очевидно, негодяи имели связь с банком данных телефонной компании и время от времени проверяли эти сведения, чтобы знать все: кто, откуда и куда звонил, даже если звонили из уличных телефонов-автоматов, — хотя в обычных обстоятельствах агенты считали это совершенно безопасным. Они сумасшедшие; они просто помешаны на секретности и всяких электронных игрушках, — с каждым новым открытием Сэм убеждался в этом все больше и больше.

ВРЕМЯ ЗВОНКА:

19.31, ПОНЕДЕЛЬНИК,

13 ОКТЯБРЯ

Слава Богу, что они хоть не каждую минуту и даже не каждый час занимаются такой проверкой. Вероятно, их компьютер запрашивает сведения с телефонной станции по определенному графику, возможно, каждые четыре, шесть или восемь часов. Иначе они начали бы следить за ним гораздо раньше, сразу после того, как он позвонил Скотту.

После надписи АДРЕСАТ ЗВОНКА шел его домашний номер телефона, затем его имя и адрес. За этим следовало:

ЗВОНИВШИЙ:

САМУЭЛЬ Х. БУКЕР

ВИД ОПЛАТЫ:

КРЕДИТНАЯ ТЕЛЕФОННАЯ КАРТОЧКА.

ТИП КАРТОЧКИ:

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ.

АДРЕС ОПЛАТЫ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ

ВАШИНГТОН

Они бы, конечно, начали проверять гостиницы по всей округе, но, поскольку в Мунлайт Коуве остался только один мотель, то искать им долго не придется. Сэм прикидывал, успеет ли он вернуться в «Коув Лодж» за своей машиной и выехать в соседний городок, Абэрдин Уэллс, откуда он мог бы позвонить в Управление ФБР в Сан-Франциско по непрослушиваемому телефону. Он узнал уже достаточно, чтобы понять, что в этом городе происходит что-то чертовски странное, так что вмешательство федеральных властей и тщательное расследование вполне оправдано и даже необходимо.

Но уже следующие несколько слов, появившиеся на дисплее, показали ему, что как только он надумает вернуться в мотель, чтобы забрать машину, его тут же схватят, так что выехать он никуда не успеет. А если только он угодит в их лапы, то вполне возможно, что статистические данные города пополнятся еще одним трагическим несчастным случаем.

Они узнали его домашний адрес, значит, Скотту тоже может грозить опасность; не сейчас, конечно, им ведь еще надо добраться до Лос-Анджелеса, но, может быть, уже завтра.

ВЫЗЫВАЮ НА СВЯЗЬ

УОТКИНС: ШОЛЬНИК, ТЫ НА ПРОВОДЕ?

ШОЛЬНИК: СЛУШАЮ.

УОТКИНС: ПОЕЗЖАЙ В «КОУВ ЛОДЖ».

ШОЛЬНИК: ЕСТЬ.

Так, значит, полицейский Шольник уже катит в мотель выяснять, есть ли имя Сэма Букера в журнале регистрации постояльцев. Так что его замечательная легенда о том, что он — преуспевающий маклер, надумавший отдохнуть от дел в тихом, уютном местечке на побережье, лопнула, как мыльный пузырь.

УОТКИНС: ПЕТЕРСОН?

ПЕТЕРСОН: СЛУШАЮ.

Наверное, им даже не нужно печатать свои имена. Личность каждого мгновенно определяется главным компьютером и имя автоматически набирается перед его сообщением.

УОТКИНС: ВЕРНИ ШОЛЬНИКА.

ПЕТЕРСОН: ГОТОВО.

УОТКИНС: НЕ УБИВАЙТЕ ЕГО, ПОКА МЫ ЕГО НЕ ДОПРОСИМ.

По всему Мунлайт Коуву полицейские неслышно переговаривались друг с другом с помощью своих персональных компьютеров; никто не мог подслушать их разговор, никто не мог узнать, что они затевают. Став нечаянно свидетелем этих тайных переговоров, Сэм почувствовал, что он имеет дело с могущественным и грозным противником, всеведующим, как сам Господь Бог.

УОТКИНС: ДАНБЭРРИ?

ДАНБЭРРИ: СЛУШАЮ. ГУ.

УОТКИНС: ЗАБЛОКИРУЙ ОУШЭН АВЕНЮ ПО НАПРАВЛЕНИЮ К ШОССЕ.

ДАНБЭРРИ: ЕСТЬ.

ШАДДАК: ЧТО С ДЕВЧОНКОЙ ФОСТЕРОВ?

Сэм удивился, увидев на экране имя Шаддака, это было весьма неожиданно. Наверное, сигнал тревоги вспыхнул на дисплее его домашнего компьютера, может быть, это был даже звуковой сигнал, и он разбудил Шаддака.

УОТКИНС: ЕЩЕ НЕ НАШЛИ.

ШАДДАК: ПРИМИТЕ ВСЕ МЕРЫ, ЧТОБЫ БУКЕР НЕ НАТКНУЛСЯ НА НЕЕ.

УОТКИНС: МОИ ЛЮДИ ОКРУЖИЛИ ГОРОД. ОНИ ЕЕ ПЕРЕХВАТЯТ.

ШАДДАК: ОНА СЛИШКОМ МНОГО ВИДЕЛА. ОНА ЗНАЕТ.

Сэм читал о Томасе Шаддаке в газетах и журналах. Это была знаменитость, его называли компьютерным гением эпохи, неумеренно восторгались им.

Захваченный разговором полицейских, размышляя обо всех сделанных им открытиях, о том, что великий Шаддак и купленная им полиция действительно замешаны в каком-то преступлении, Сэм не сразу осознал значение реплик, которыми обменялись начальник полиции Уоткинс и Данбэрри: «Данбэрри... Слушаю. ГУ... Заблокируйте Оушэн Авеню до шоссе... Есть». И тут до него дошло, что полицейский Данбэрри находится сейчас в Главном Управлении, в ГУ, то есть как раз в здании муниципалитета, и что в любую минуту он может появиться из задней двери и направиться к одной из четырех патрульных машин на стоянке.

«Проклятье!» — Сэм схватил провода зажигания и быстро разъединил их. Двигатель кашлянул и заглох; видеодисплей погас.

Какую-нибудь долю секунды спустя Данбэрри выскочил из муниципалитета и побежал к стоянке.

Когда крики затихли, Тэсса вышла из оцепенения, очнувшись от сковавшего ее ужаса и еще раз попробовала снять трубку. Линия по-прежнему не работала.

Где же Куинн? Конечно, мотель в такой час уже закрыт, но ведь его квартира должна быть в этом же здании. Он должен был бы защищать постояльцев от этой банды. А что если он тоже среди них, там, в коридоре?

Они уже сломали одну дверь. Значит, и ее дверь они тоже могут сломать.

Тэсса схватила один из стульев, стоявших у столика под окном, бросилась с ним к двери и подсунула его спинку под дверную ручку.

Она не думала больше, что бандиты преследуют именно ее, потому что она — сестра Дженис и приехала, чтобы узнать правду. Такое объяснение не годилось, оно никак не вязалось с их нападением на других постояльцев, не имевших к Дженис никакого отношения. Это была загадка. Она не могла понять, что там произошло, но она прекрасно понимала значение тех криков, которые слышала: маньяк-убийца, вернее, судя по всему, несколько маньяков-убийц, возможно, из какой-то чудовищной секты, вырвались на свободу и бродят по мотелю. Они уже убили двоих людей, ее они тоже могут убить, просто так, ради удовольствия. Тэссе показалось, что она видит кошмарный сон.

Она ожидала, что вот сейчас стены комнаты закачаются, начнут раздуваться и взлетят, как это обычно бывает в ночных кошмарах, но ничего такого не происходило; стены по-прежнему оставались на месте, крепкие и прочные, а краски всего, что ее окружало, были слишком яркими, совсем не такими, как во сне.

Тэсса поспешно стала натягивать на ноги носки, надела кроссовки, нервничая оттого, что она босиком, так же, как до этого она старалась побыстрее одеться, чувствуя себя в пижаме очень уязвимой и незащищенной; словно все, что нужно, чтобы уйти от смерти, — это как следует одеться.

Она снова услышала их голоса; на этот раз уже не на том конце коридора, а около собственной двери. Они приближались. Тэсса пожалела, что в двери не вставлен глазок, тогда бы она могла видеть большую часть коридора. Но глазка не было.

Однако внизу, под дверью, была щель, примерно в полдюйма шириной; Тэсса быстро опустилась на пол, прижалась щекой к ковру и попыталась разглядеть, что делается

в коридоре. Просвет был довольно узким, так что она увидела только, как что-то быстро проскользнуло мимо ее двери; это было всего лишь одно мгновение, но она все же успела заметить ноги этого существа; этого было достаточно, чтобы ее мнение о происходящем в корне изменилось. Это вовсе не было бешенством, дикой яростью людей, возжаждавших крови, от которого она чуть не погибла в Северной Ирландии. Нет, это было нечто совсем иное, неизвестное и непознанное, нарушение всех законов природы, внезапный прорыв из реального мира в сверхъестественное. Это были темные кожистые лапы, покрытые густой шерстью, очень жесткие, широкие и плоские; пальцы на них были такие длинные и гибкие, что можно было подумать — это пальцы рук, а не ног.

Раздался стук в дверь. Он прозвучал как удар грома.

Тэсса вскочила на ноги и выбежала из прихожей.

Снова звук безумных, странных голосов заполнил коридор; это была дикая смесь гортанных, хрипящих, воющих криков, прерываемая внезапными взрывами бессвязных, захлебывающихся слов.

Тэсса подошла к окну, приоткрыла одну его половинку и высунулась наружу.

Дверь тряслась от ударов. Грохот был такой сильный, что Тэссе казалось, будто она сидит внутри барабана. Благодаря стулу, задвинутому под дверную ручку, дверь ее комнаты не поддавалась так легко, как в другом номере, но Тэсса понимала, что еще несколько таких ударов — и все будет кончено.

Она села на подоконник и, свесив ноги, посмотрела вниз. Земля, влажная от тумана, мерцала в тусклом желтоватом свете фонарей в каких-нибудь двенадцати футах от окна. Совсем невысоко, можно спокойно прыгнуть, — подумала Тэсса.

Они начали колотить в дверь еще сильнее. Слышно было, как от дерева отлетали щепки.

Тэсса оттолкнулась от подоконника. Она приземлилась на влажную землю очень мягко, спружинив на резиновых подошвах кроссовок, слегка наклонилась вперед, но не упала.

Над ее головой, в комнате, шум становился все сильнее,

деревянная дверь трещала, раздавался резкий, пронзительный скрежет металла, — похоже было, что взламывали замок.

Тэсса стояла сейчас ближе к северному концу здания. Ей показалось, что в темноте кто-то движется в том направлении. Конечно, это могли быть просто клочья тумана, которые усилившийся ветер с моря гнал на восток, но она не хотела рисковать и повернула на юг. Море оставалось справа от нее, внизу, под обрывом. Тэсса добежала до угла мотеля, и тут страшный грохот прокатился в ночи, — дверь ее комнаты, наконец, не выдержала натиска, и рычащая, дико воющая свора ворвалась в комнату, высматривая свою жертву.

35

Сэм не мог теперь выскользнуть из машины, не привлекая внимания Данбэрри. На площадке стояли четыре патрульных машины, так что возможность того, что, сидя в машине, он останется незамеченным, составляла семьдесят пять процентов. Он сполз на сиденье, стараясь опуститься как можно ниже, и наклонился вправо, навалившись на пульт компьютера.

Данбэрри подошел к соседней машине.

Положив голову на кронштейн для компьютера и повернувшись к окну, Сэм наблюдал, как Данбэрри открывает дверцу машины. Сэм молил Бога, чтобы полицейский не поворачивался, потому что кабина, в которой он сидел, была довольно хорошо освещена фонарями, стоявшими на площадке. Если бы Данбэрри хоть мельком взглянул в ту сторону, он тут же обнаружил бы Сэма.

Полицейский сел в кабину и захлопнул дверцу; Сэм облегченно вздохнул. Мотор заработал, и машина выехала со стоянки. В переулке Данбэрри прибавил скорость, еще минуту слышен был шорох шин по асфальту, и машина исчезла из виду.

Сэму ужасно хотелось еще раз завести мотор и включить компьютер, чтобы узнать, разговаривают ли еще Уоткинс и Шаддак и что они там обсуждают, но он понимал, что нельзя больше оставаться здесь ни секунды. Еще немного

— и облава примет такие размеры, что всем полицейским из муниципалитета найдется дело.

Сэм не хотел, чтобы кто-нибудь догадался, что он совал нос в компьютер и подслушивал разговоры, — чем большим простачком он им будет представляться, тем труднее им будет поймать его, — поэтому он опять взялся за инструменты и водворил на место замок зажигания. Наведя порядок, он вышел из машины и захлопнул дверцу.

Он не хотел уходить по переулку, так как боялся, что из-за какого-нибудь угла может неожиданно вынырнуть патрульная машина и ему некуда будет скрыться от света фар. Поэтому он скользнул в узкую боковую улочку и открыл калитку, которая вела в чей-то двор. Он увидел слегка обветшалый домик в викторианском стиле, стоявший в глубине двора, а сам дворик так зарос кустарником и имел такой запущенный вид, словно здесь обитали злые духи из сказки. Сэм прокрался мимо дома и вышел на противоположную сторону, на Пасифик Драйв, недалеко от Оушэн Авеню.

Ничто не нарушало ночного покоя и тишины. Не было слышно ни воя сирен, ни криков, ни звука бегущих шагов, — никаких признаков тревоги. Но он знал, что многоголовое чудовище уже проснулось, и этот грозный Дракон, нависнув над городом, стережет каждый его шаг.

36

Майк Пэйсер не знал, что ему делать, он ничего не понимал, он боялся, в голове у него все смешалось, и он был в панике, мысли были смутные и путанные, а ему просто необходимо было мыслить ясно и четко, как думают обычные люди, хотя его дикая, нечеловеческая часть выросла в него, не желая покидать его тела; ум его работал быстро и довольно ясно, но он не мог ни на чем задержаться надолго, без конца перескакивая с одного на другое. Мысли, скачущие, мечущиеся, как язычки пламени, не годились для того, чтобы решить такую важную проблему; тут нужно было думать быстро, но сосредоточенно, и минутные проблески ничем не могли помочь.

Когда он смог, наконец, замолчать, остановить этот пронзительный крик, рвущийся из груди, он вскочил и по-

несся из кухни в неосвещенную столовую, а оттуда через темную гостиную и короткий коридорчик в спальню и из нее в ванную комнату; почти весь путь он пробежал на четвереньках, но, переступив через порог спальни, постарался подняться на ноги; ему трудно было выпрямиться полностью, и все же он стоял уже почти как человек, только слегка пригнувшись. В ванной под потолком было только одно маленькое узкое окошко, и проникающий через него мерцающий прозрачный лунный свет почти не освещал помещения. Майк ухватился за край раковины и стал всматриваться в зеркальную дверцу аптечки, висевшей как раз на уровне его лица, но в полумраке он видел только смутное, неясное отражение, какое-то темное пятно с размытыми контурами.

Ему хотелось верить, что все по-старому, что он сумел вернуть себе облик, данный ему природой, а это страшное чувство, что он в ловушке и ему не выйти из его дикого, измененного состояния, — не более, чем галлюцинация, о да, конечно, он всеми силами хотел верить в это, стремился поверить, ему до боли необходимо было верить, думать так, даже если он ощущал, что не может выпрямиться как следует, что руки его стали необыкновенно длинными и чуть не касаются земли, что голова его как-то странно прижата к плечам, а поясница согнута. Ему нужна, необходима была эта вера.

— Включи свет, — приказал Майк самому себе.

Нет, он не мог этого сделать.

— Включи свет сейчас же.

Он боялся.

Он знал, что должен включить свет и посмотреть на себя, ясно увидеть себя в зеркале.

Но он не мог. Он изо всех сил сжимал край раковины и не мог сдвинуться с места.

— Включи свет, ты должен это сделать.

Вместо этого он наклонился к темной поверхности зеркала, изо всех сил вглядываясь в неясное, размытое изображение, почти ничего не различая, кроме странного янтарного света, горевшего в его глазах.

— Включи свет, включи же, наконец!

Он тихонько заскулил от боли, ужаса и отчаяния.

Шаддак, — пронеслось вдруг в него в голове. Шаддак, ну конечно же, он должен все рассказать Шаддаку, Том Шаддак наверняка знает, что делать, Шаддак его единственная надежда, Шаддак, он знает все, Шаддак!

Он отпустил, наконец, раковину и, опустившись на четвереньки, помчался из ванной в спальню, скорее, туда, где на ночном столике у кровати стоял телефон. На бегу каким-то странно чужим, пронзительным голосом, в котором слышались гортанные хрипы и визг, свист и шипенье, он повторял, непрерывно твердил одно имя, выкрикивая его, словно заклинание, обладавшее магической силой: «Шаддак, Шаддак, Шаддак, Шаддак, Шаддак...»

37

Тэсса Локлэнд укрылась в прачечной-автомате, работавшей круглые сутки и находившейся совсем недалеко от Оупэн Авеню. Ей хотелось быть в каком-нибудь ярко освещенном месте, и ей нравилось, что мощные лампы дневного света, горевшие под потолком, совсем не оставляют теней. Она сидела одна в этом громадном, залитом ослепительным светом зале, пристроившись на ободранном желтом пластмассовом стульчике, глядя на длинные ряды кабинок для сушки белья так, словно ожидала, что через их круглые стеклянные окошечки, словно сквозь иллюминаторы какого-то инопланетного космического аппарата, на нее снизойдет озарение.

Тэсса была опытным кинооператором-документалистом, так что глаз у нее был наметан, и она умела уловить нужные детали, дававшие материал и сюжет для фильма. Сейчас такими невидимыми, внешними деталями были темнота, смерть и какие-то неведомые силы, действовавшие в этом безумном городе. Вечером, на пляже, она наверняка слышала крики тех чудовищ, которые потом хотели напасть на нее в мотеле, и без сомнения, кто бы они там ни были, именно они убили ее сестру. Тогда становится понятным, почему власти так настаивали на том, чтобы Марион дала свое согласие на кремацию тела Дженис, — вовсе не потому, что ее останки были изуродованы соленой морской водой и обглоданы рыбами, как они уверяли, — они хотели

скрыть раны на ее теле, чтобы избежать вопросов, которые неминуемо возникли бы в таком случае и на которые вскрытие, сделанное беспристрастно, не могло бы дать ответа. Даже поверхностный взгляд, брошенный на Оупзэн Авеню, создавал впечатление, что с властью в городе что-то неладно: витрины многих больших магазинов были пусты, многие предприятия и конторы закрылись, видимо, обанкротившись, что было совершенно необъяснимо, так как в городе практически не было безработицы. Лица людей, которых она встречала на улице, были странно серьезны и сосредоточенны, все шло быстро, не глядя по сторонам, словно торопясь по каким-то неотложным делам, — довольно необычная картина для маленького, забытого Богом городка на северном побережье, куда вряд ли могли проникнуть шум и суета больших городов.

Как бы там ни было, но все ее наблюдения все-таки не давали объяснения, почему, по какой причине полиция столь старательно скрывала правду о гибели Дженис. Почему, несмотря на свое процветание и благоденствие, город кажется придавленным экономической депрессией, и что за кошмарные чудовища были в мотеле? Наблюдения давали только ключ к разгадке действительных причин всего этого, но сами причины лежали слишком глубоко и, хотя Тэсса заметила многое, хотя она умела сопоставлять и делать выводы из увиденного, все же она не могла найти ответов на свои вопросы, воспользоваться ключом, который давала ей наблюдательность.

Вся дрожа, она сжалась на своем стуле, в мертвенном, слепящем свете люминесцентных ламп, вдыхая запахи стирального порошка, отбеливателей и антистатиков, к которым примешивался затхлый, застоявшийся запах окурков, лежавших в пепельницах с песком, и пытаясь сообразить, что делать дальше. Тэсса и не думала отказываться от мысли распутать обстоятельства смерти Дженис, но она не была настолько самоуверенна, чтобы считать, будто она и впредь сможет играть роль частного детектива, самостоятельно ведя расследование. Ей нужна была помощь, и она надеялась, что власти округа или штата окажут ей необходимую поддержку.

Первое, что требовалось сделать, — это как можно скорее выбраться из Мунлайт Коува живой и невредимой.

Машина осталась на стоянке у мотеля, и ей не слишком хотелось туда возвращаться. Эти... существа могли все еще быть в гостинице или прятаться в густых кустах, за деревьями, в затененных укрытиях, бывших, кажется, неотъемлемой частью этого города. Как и другие прибрежные городки Калифорнии, как ее любимый Кармел, Мунлайт Коув, казалось, был построен прямо в лесу. Кармел Тэсса особенно любила потому, что творения рук человека неразрывно соединялись в нем с окружающим пейзажем; казалось, его ландшафт и архитектура в едином порыве высечены рукой скульптора. Однако сейчас в пышной зелени и живописных, таинственных, тенистых уголках Мунлайт Коува не чувствовалось ни прелести, ни очарования Кармела; скорее наоборот, город казался затянутым в тонкую, прозрачную пленку цивилизации, сквозь которую просвечивало что-то дикое, первобытное, настороженно застывшее и изготовившееся к прыжку. Его маленькие, уютные скверы и темные улицы были уже не воплощением красоты и покоя, а ужаса и смерти. Тэсса решила, что Мунлайт Коув выглядел бы гораздо более привлекательным, если бы все его улицы, переулки и парки были освещены так же ярко, как та прачечная, в которой она нашла убежище.

Конечно, может быть, полиция уже узнала о происшедшем в «Коув Лодже» и сейчас наводит там порядок. Но именно потому Тэссе еще меньше хотелось туда возвращаться. Присутствие полицейских создавало дополнительные затруднения. Они, естественно, начнут задавать вопросы, интересоваться, что ей известно об убийстве тех двух постояльцев. При этом откроется, что Дженис была ее сестрой и, хотя она не собирается сообщать им, что приехала сюда, чтобы узнать правду о ее гибели, они и сами могут об этом догадаться. Раз они участвуют в каком-то тайном заговоре и не хотят раскрывать истинные причины смерти Дженис, они вряд ли будут долго колебаться, как поступить с ее сестрой; они разделаются с ней, и никто ничего не узнает.

Значит, машину придется оставить.

Но пытаться выбраться из города пешком, ночью, — вообще безумие. Возможно, на шоссе ей удалось бы остановить машину, может быть, даже какой-нибудь солидный

грузовик с порядочным, нормальным водителем, а не легковушку, где шофер сам может оказаться преступником или маньяком, — но от города до шоссе еще надо добраться, а путь лежит через совершенно пустынную, почти необжитую местность, где еще больше вероятность, что она наткнется на таких же монстров, как те, что сломали дверь ее номера в гостинице.

Хотя они, без сомнения, могут настигнуть ее в любом, даже относительно людном и хорошо освещенном месте. Нет никаких оснований думать, что в этой прачечной-автомате она в большей безопасности, чем где-нибудь в чаще леса. Когда рвется тонкая пленка цивилизации, взорванная дикими, первобытными инстинктами, тогда уже нет больше такого места, где ты можешь чувствовать себя в безопасности, тогда ты уже нигде не найдешь защиты, даже на ступенях Божьего Храма; Тэсса поняла это еще в Северной Ирландии, и так было везде.

И тем не менее, она предпочитает свет темноте. Она словно перешагнула через невидимую черту, отделявшую хорошо знакомую ей привычную жизнь от враждебного, неведомого мира. И до тех пор, пока она не выйдет из этих зыбких сумерек непознанного и непонятного, гораздо разумнее остерегаться темных, затененных уголков, где ее скорее всего может подстеречь опасность, и выбирать более светлые, еще лучше — ярко освещенные места.

Но в таком случае Тэсса не могла придумать ничего другого, как только до утра оставаться в прачечной. Днем она может рискнуть и попробовать добраться до шоссе.

Она снова начала созерцать круглые окошки сушильных кабин.

Осенние мотыльки, летевшие на резкий, холодный свет люминесцентных ламп, с мягким стуком ударялись об их жесткие пластмассовые колпаки.

Все планы Крисси были нарушены. Теперь она не могла идти прямо в Мунлайт Коув, как предполагала раньше. Подумав немного, девочка повернула назад. Сойдя с шоссе, она пошла лесом, осторожно, стараясь двигаться как можно

беспшумнее, перебегая от дерева к дереву, чтобы не привлечь внимания полицейских, стороживших перекресток.

Пройдя пару сотен ярдов от опасного места и убедившись, что полицейские, сидевшие в засаде, не смогут теперь ни увидеть, ни услышать ее, Крисси пошла увереннее. Наконец, она подошла к одному из тех домов, которые кое-где стояли вдоль шоссе. Это был одноэтажный деревянный домик с просторной лужайкой перед террасой и несколькими соснами и пихтами, раскинувшими свои ветви над его крышей; он был еле виден в слабом свете убывающей луны. Свет нигде не горел, и вокруг стояла полная тишина.

Крисси нужна была передышка, время, чтобы обдумать, что делать дальше, и ей хотелось хоть ненадолго укрыться от сырого, пробирающего до костей ночного воздуха. Понадеявшись, что во дворе не окажется собак, она побежала к гаражу, стараясь не шуметь и ступая не по гравиевой дорожке, а по траве. Как она и предполагала, рядом с большим, широким входом в гараж, предназначенным специально для машин, была еще маленькая боковая дверца. Она оказалась не заперта. Крисси вошла и прикрыла за собой дверь.

«Крисси Фостер, тайный агент, действуя смело и ловко, проникла через боковую дверь на вражескую территорию», — тихонько прошептала девочка.

Бледный свет предутренней луны лился сквозь стекла в двери и сквозь два высоких узких окна в западной стене гаража, но он был так слаб, что почти ничего невозможно было разглядеть. Крисси видела только мягкое поблескивание хрома на бортах машин, да искорки, мерцавшие на лобовых стеклах, так что она поняла, что в гараже два автомобиля.

Осторожно, вытянув перед собой руки, словно слепая, опасаясь наткнуться на что-нибудь и уронить, Крисси подошла к ближайшей машине. Дверца была не заперта. Девочка скользнула на переднее сиденье, оставив дверцу открытой; она включила лампочку, и приветливый свет залил кабину. Конечно, могло случиться, что кто-нибудь в доме проснется и, выглянув в окно, заметит свет, падающий из окон гаража; но Крисси решила рискнуть.

Она пошарила в ящичке для перчаток, в отделениях для карт на дверцах, даже под сиденьями, надеясь найти хоть

какую-нибудь еду, так как знала, что большинство людей держит в машинах леденцы, или пакетики с орехами, или печенье, или вообще что-нибудь, чтобы можно было перекусить по дороге. Правда, она кое-что поела днем, еще пока сидела запертая в кладовке, но с тех пор прошло уже больше десяти часов. В животе у нее урчало от голода. Крисси, конечно же, не ожидала, что для нее тут будет приготовлена большая порция сливочного мороженого с сиропом и фруктами или холодные сэндвичи с мясом, но все же надеялась на нечто большее, чем пласт жевательной резинки и один зеленый леденец, который валялся под сиденьем, весь облепленный пылью и ворсинками от ковра.

Словно читая заголовки утренних газет, девочка произнесла: «Голодная смерть среди изобилия», «Трагедия наших дней», «Маленькая девочка нашла в гараже свою смерть», «Мне нужно было всего лишь несколько соленых орешков, — нашли на стене слова, написанные ее собственной кровью»,

Зато в другой машине Крисси наткнулась на две плитки молочного шоколада с миндалем.

«Спасибо тебе, Боженька. Любящая тебя Крисси».

Первую шоколадку девочка проглотила, почти не почувствовав ее вкуса, но вторую она ела медленно, смакуя каждый кусочек, с наслаждением ощущая, как они сладко тают на языке.

Жуя шоколад, Крисси размышляла, как ей попасть в Мунлайт Коув. К тому времени, когда она положила в рот последний кусочек, — «Объевшись шоколадом, маленькая девочка скончалась в гараже от судорог», — план был готов.

Обычное время, когда Крисси ложилась в свою кровать и сладко засыпала, давным-давно прошло; волнения и переживания этой ночи высосали все ее силы, так что теперь, наевшись шоколада, она хотела только одного, — свернуться клубочком и хотя бы два часика поспать, прежде чем приступить к осуществлению своего плана. Девочка широко зевнула и совсем сползла на сиденье. Все ее тело ныло, веки сами опускались, словно какой-то не в меру ретивый похититель трупов придавил их тяжелыми медными монетами.

Живо представив себе эту сцену, Крисси как ужаленная выскочила из машины, захлопнув за собой дверцу. Если

только она задремлет, то наверняка не проснется до утра, пока кто-нибудь ее здесь не обнаружит. Вполне возможно, что люди, живущие в этом доме, превращены точно так же, как и ее родители; тогда она погибла.

Поеживаясь от холодного ветра, девочка вышла на шоссе и повернула на север. Она миновала еще два тихих и темных домика, стоявших у дороги, прошла через рощицу и вышла, наконец, к тому дому, который был ей нужен, — одноэтажному, деревянному, под жестяной крышей, очень похожему на первый.

Крисси знала людей, которые жили здесь, — мистера и миссис Эулан. Миссис Эулан заведовала школьным кафе-терием. Мистер Эулан был садовником и имел в городе много заказов. Каждое утро, на рассвете, его белый грузовичок мчался в город, до верку нагруженный газонокосилками и садовыми ножницами, граблями и лопатами, мешками с прелой соломой и удобрениями, — в общем, всем тем, что могло понадобиться в его работе. Он высаживал миссис Эулан у школы, когда там еще почти не было учеников, и ехал дальше, выполнять заказы соседей. Крисси решила найти в кузове грузовика укромное местечко и спрятаться среди садовых инструментов и оборудования мистера Эулана.

Гараж был открыт и машина стояла на месте, люди здесь вообще редко что-нибудь запирали. Ничего удивительного — ведь это все-таки была сельская местность, здесь все привыкли доверять друг другу, — и это было бы прекрасно, если бы не нашествие инопланетян, которым такая доверчивость была, конечно, только на руку.

Единственное окошко гаража было довольно маленьким, к тому же из дома его не было видно, так что, войдя в гараж, Крисси решила рискнуть и включила верхний свет. Она тихонько забралась в кузов и стала пробираться между садовыми инструментами, сваленными у заднего борта, вперед, к кабине, туда, где стояли пятидесятифунтовые мешки с удобрениями, черноземом и средством для уничтожения улиток; между ними высилась гора разных тряпок и мешковины — в них мистер Эулан заворачивал садовые ножницы, чтобы уберечь их от сырости. Девочка подумала, что часть тряпок можно подложить на дно кузова вместо матраса, а другими накрыться, как одеялом, проспать так

до утра, а потом, спрятавшись под дерюгой между громадными мешками, доехать до Мунлайт Коува.

Она спрыгнула на пол, выключила свет, потом, в темноте, очень осторожно забралась обратно. Крисси устроила себе довольно уютное гнездышко, хотя мешковина оказалась немного жесткой и царапала кожу. Ею пользовались уже не первый год, так что она впитала в себя запах свежескошенной травы; поначалу он приятно щекотал ноздри, но потом девочка привыкла и перестала его замечать. Она накрылась несколькими кусками мешковины и, наконец, согрелась, — в первый раз за эту ночь.

«Глубокой ночью, — думала Крисси, — маленькая Крисси, умная и сообразительная девочка, спряталась под мешковиной, приятно пахнувшей свежим сеном, догадавшись, что этот аромат заглушит запах ее собственного тела, и преследующие ее инопланетяне — а может быть, и оборотни, чей нюх был таким же острым, как у охотничьих собак, потеряют ее след».

39

Сэм на время укрылся в темном дворе начальной школы Томаса Джефферсона на Паломино Стрит, в южной части города. Он уселся на качели, стоявшие на площадке для игр, и, слегка раскачиваясь, обдумывал дальнейший план действий.

Он не мог уехать из Мунлайт Коува на машине, так как она осталась на стоянке около мотеля, и стоит только ему туда сунуться, как его тут же зацапают. Конечно, можно было бы взять чужую машину, но он помнил, как Лоуман Уоткинс приказал Данбэрри заблокировать Оушэж Авеню, выставив посты между городом и шоссе. Они перекрыли все выходы.

Можно, конечно, осторожно, боковыми улочками добраться до края города, а там уж, через поля и перелески, до шоссе. Но Уоткинс говорил что-то насчет того, что весь город оцеплен, что им надо перехватить «девчонку Фостеров». Как бы ни был уверен Сэм в своих силах, в своем умении, полагаясь на безошибочный инстинкт, уйти от любой погони, но нельзя забывать, что на этот раз погоня шла

на открытой местности, а ему вот уже двадцать лет, а то и больше, еще со времен войны, не приходилось этим заниматься. Если Уоткинс расставил своих людей вокруг города, намереваясь поймать девочку, то Сэм, весьма вероятно, попадется прямехонько в их лапы.

Он мог бы рискнуть, но не имел на это права. Прежде чем его схватят, он должен позвонить в ФБР, сообщить обо всем и попросить срочно прислать подкрепление. Если он не успеет этого сделать и станет очередной жертвой несчастного случая в этом городе-чемпионе по катастрофам и авариям, ФБР, конечно, пошлет новых агентов, которые займут его место и, в конце концов, наверное, докопаются до правды, но как бы не было слишком поздно.

Туман быстро рассеивался; ветер толкал качели, и они потихоньку раскачивались взад и вперед, так что Сэму почти не приходилось прилагать усилий; он думал о графиках, которые увидел на экране компьютера. В течение следующих двадцати трех часов все население города должно быть «превращено». Правда, Сэм понятия не имел, что это за чертовщина и во что их собираются «превратить», но само слово ему очень не понравилось. И он чувствовал, что если только план, намеченный этими графиками, будет выполнен, если все жители Мунлайт Коува будут превращены, то выяснить, в чем тут дело, будет, пожалуй, не легче, чем решить китайскую головоломку.

Отлично, значит, первое, что он должен сделать, — добраться до какого-нибудь телефона и позвонить в Бюро. Все телефоны в Мунлайт Коуве прослушиваются, но теперь это было уже не важно. Пусть компьютер зафиксирует его разговор, пусть он запишет его хоть слово в слово, — это не имело уже никакого значения. Ему нужно только тридцать секунд, самое большее — минута, главное — дозвониться до Бюро, чтобы они как можно скорее прислали подкрепление. Потом он может кружить по городу, вода полицейских за нос, пока, через пару часов, не прибудет отряд агентов.

Однако просто зайти в какой-нибудь дом и попросить разрешения воспользоваться их телефоном Сэм не мог, — он боялся ошибиться и не знал, кому здесь можно верить. Морри Стэйн очень верно подметил, что если хоть день или два пробудешь в этом городе, тебя охватывает такое чувство,

будто куда бы ты ни пошел, за тобой постоянно следят чьи-то глаза, и в любой момент тебя могут схватить и засадить за решетку, или еще что похуже. У Сэма такое ощущение появилось уже через несколько часов, и теперь оно быстро нарастало, переходя в другое — состояние постоянного напряжения и подозрительности; уже более двадцати лет, со времен той проклятой войны в джунглях, он не испытывал ничего подобного.

Так, остается телефон-автомат. Только не тот, из которого он звонил раньше. Надо быть полным идиотом, чтобы еще раз возвращаться на то место, где тебя однажды уже засекли.

Еще днем, прогуливаясь по городу, он заметил один или два телефона-автомата. Сэм поднялся с качелей, сунул руки в карманы куртки и, пригнувшись, вышел из школьного дворика навстречу пронизывающему ветру.

Он размышлял о девочке Фостеров. Почему Шаддаку и Уоткинсу так важно поймать ее? Кто она? Что она такое видела и знает? Сэм чувствовал, что она могла бы помочь раскрыть этот заговор. Она присутствовала при чем-то таком, что, возможно, объяснило бы значение этого странного слова — «Превращение».

40

Желтые стены комнаты, казалось, сочились кровью. Густая темно-красная жидкость стекала по ним бесчисленными ручейками.

Стоя посреди этой комнаты, на первом этаже гостиницы «Коув Лодж», Лоуман Уоткинс чувствовал, как все у него внутри дрожит от зрелища этой кровавой бойни... и в то же время от какого-то странного возбуждения.

Тело мужчины, распростертое около развороченной кровати, было страшно избито и разодрано. На женщину вообще невозможно было смотреть без ужаса — от нее осталась бесформенная кровавая масса; она лежала в коридоре, алым пятном выделяясь на оранжевом ковре.

Воздух был густым от крови, желчи, испражнений, мочи, — смесь запахов, ставшая уже привычной для Лоумана Уоткинса, поскольку с каждой неделей, с каждым днем чис-

ло жертв регрессивных все росло. Однако на этот раз, как никогда прежде, он с удовольствием вдыхал эти кисловатые испарения, ощущая в них какую-то необъяснимую сладость и притягательность. Он глубоко втягивал в себя воздух, недоумевая, как это мерзкое зловоние может доставлять ему такое наслаждение. Но он не мог воспротивиться, не мог противостоять искушению вдыхать этот запах, все шире раздувая ноздри, словно гончая, почуявшая лису. Несмотря на то, что соблазнительный дух, казалось, сам проникал ему в ноздри, Лоуман все же был испуган своей неожиданной реакцией, тем, как все его существо откликнулось на какой-то невидимый призыв; чем заманчивее и слаще казался ему этот смрад, тем больший ужас охватывал его, леденя кровь в жилах.

Барри Шольник, которого Лоуман послал в «Коув Лодж», чтобы задержать Сэма Букера, и который вместо агента ФБР обнаружил здесь весь этот разгром и трупы, стоял теперь в углу у окна, пристально глядя на мертвое тело мужчины. Он давно уже прибыл в мотель, раньше всех остальных, и вот уже почти полчаса был в этой комнате, — вполне достаточно, чтобы осмотреть жертвы преступления с тем хладнокровием и бесстрастностью, которые должен воспитывать в себе настоящий полицейский, относясь к мертвым и изуродованным телам так, словно они — только часть окружающей обстановки. Однако Шольник не мог оторвать глаз от обезображенного трупа, от забрызганных темной кровью обломков мебели, от расписанных кровавыми ручейками стен. Он стоял, напряженно вытянувшись, явно захваченный отвратительным зрелищем, видом жестокой бойни, напоминавшей о разгуле бешеных первобытных инстинктов, вырвавшихся на волю.

Мы ненавидим регрессивных, то, во что они превратились и то, что они творят; и в то же время мы как-то странно, болезненно завидуем им, томимся и тоскуем по этой последней, страшной свободе.

Что-то внутри него, — и, как подозревал Лоуман, внутри каждого из Новых Людей, — вопило, требовало бросить все, забыть обо всем, стать таким же, как регрессивные, стать одним из них. Он чувствовал сейчас то же, что недавно у дома Фостеров, — страстное, непреодолимое желание вос-

пользоваться своей новой силой, мощью своего тела; но не так, как рассчитывал Шаддак; он не хотел подниматься на какую-то новую, высшую ступень, нет, совсем напротив, — он безумно, неистово желал скатиться в эту темную, бездонную пропасть одичания. Он жаждал спуститься глубоко, очень глубоко, ниже уровня человеческого сознания, туда, где его не будут мучить мысли о цели и смысле жизни, где прекращается всякий контроль над собственными действиями, исчезает власть ума над чувствами, где не мучают сомнения или воспоминания, где можно жить только ощущениями, и только они определяют твой выбор, только то удовольствие, наслаждение, которое они доставляют, решает все; вернуться в состояние, свободное от мучительных терзаний разума, от всех сложностей этой высшей, разумной человеческой жизни! О Боже, сбросить с себя тяжкое бремя цивилизации, не знать, не помнить, не переживать, не страдать, не мучиться угрызениями совести, перестать быть человеком — венцом природы, стать, наконец, свободным!

Шольник издал какой-то низкий гортанный звук.

Лоуман оторвался от мертвого тела и взглянул на него.

В темных глазах полицейского горел дикий огонь безумия.

«Неужели я так же бледен, как и он? — подумал Лоуман. — Неужели у меня такие же запавшие глаза и безумный вид?»

На какой-то миг глаза Шольника встретились с его взглядом, но полицейский тут же отвел их в сторону, словно его поймали на чем-то постыдном и преступном.

Сердце Лоумана бешено колотилось.

Шольник отошел к окну. Крепко сжав кулаки, не оборачиваясь, он смотрел на черную, безбрежную гладь океана.

Лоуман чувствовал, что весь дрожит.

Этот запах... Он проникал в самую глубь его существа, доставляя мучительное наслаждение. Он звал его, он словно подавал какой-то таинственный сигнал... Запах охоты, погони, убийства...

Лоуман резко отвернулся от трупа и вышел в коридор. Но и там он не нашел облегчения. Вид мертвой женщины — полюбленной, растерзанной, искалеченной — волновал его не меньше, чем тело мужчины, оставшееся в комна-

те. Боб Тротт, один из новых служащих, взятый в полицию недавно, когда на прошлой неделе штат увеличился до двенадцати человек, стоял, низко склонившись над избитым, изуродованным телом. Это был здоровенный парень, гораздо выше и плотнее Лоумана; лицо его, словно вырубленное из камня, все состояло из плоскостей и острых углов. Он, не отрываясь, смотрел на труп; губы его скривились в жуткой, безумной улыбке.

Побагровев, видя все вокруг как в тумане, ощущая жгучую резь в глазах от невыносимо резкого, ослепительного света люминисцентных ламп, Лоуман резко выкрикнул: «Тротт, следуйте за мной!» Он направился в другой конец коридора, где дверь еще одного номера тоже была взломана. Очень неохотно Тротт, наконец, выпрямился и пошел за ним.

Лоуман как раз дошел до взломанной двери, когда на лестничной площадке появился Поль Амберли, полицейский, которого Уоткинс послал проверить записи в журнале регистрации постояльцев.

— Фамилия супругов из двадцать четвертого номера — Дженкс, Сара и Чарльз, — доложил он. Амберли был еще очень молод — всего лишь двадцать пять, худощавый и мускулистый. Это был умный, способный служащий. Лицо его слегка заострялось, глаза были глубоко посажены и, может быть, поэтому Лоуману казалось, что в нем есть что-то лисье. — Они приехали из Портленда.

— А кто был здесь, в тридцать шестом?

— Тэсса Локлэнд, из Сан-Диего.

Лоуман вздрогнул:

— Локлэнд?!

Амберли, решив, что шеф не расслышал, медленно повторил фамилию по буквам.

— Когда она приехала?

— Сегодня вечером.

— Вдова священника, Дженис Капшоу... — задумчиво произнес Уоткинс. — Ее девичья фамилия была Локлэнд. Мне пришлось говорить по телефону с ее матерью, она живет в Сан-Диего. Упрямая старая ведьма. Миллион вопросов. Пришлось изрядно помучиться, прежде чем она согласилась на кремацию. Она сказала тогда, что другая ее

дочь за границей, где-то очень далеко, так что невозможно сразу сообщить ей о случившемся, но не позже, чем через месяц, она приедет, чтобы освободить дом и уладить все остальные дела миссис Капшоу. Так что, я думаю, это она и есть.

Лоуман вошел в комнату Тэссы, оба полицейских за ним. Номер сороковой — через две двери дальше по коридору — значился в журнале сданным Сэму Букеру, биржевому маклеру. Ветер задувал в открытое окно. В комнате все было перевернуто вверх дном — везде валялись обломки мебели, постель разворочена, простыни, одеяло, подушки — все разодрано в клочья; под ногами хрустело стекло разбитого вдребезги экрана телевизора; но нигде не было заметно следов крови. Они уже до этого заглядывали в ее комнату в поисках тела, но ничего не обнаружили; окно было открыто, так что, вероятно, женщина, занимавшая этот номер, ускользнула через него раньше, чем регрессивные вломились к ней.

— Итак, Букера в мотеле нет, — подытожил Лоуман, — и мы имеем все основания предполагать, что он видел регрессивных или слышал шум убийства. Он, конечно, сообразил, что здесь что-то не так. Он не может понять, что именно, но он знает достаточно... слишком много.

— Спорю на что угодно — он уже несется во всю прыть, чтобы позвонить в это самое проклятое Бюро, — вмешался Тротт.

— Вероятно, — согласился Лоуман. — Да еще эта сука Локлэнд... Она наверняка догадалась, что ее сестра и недумала кончать жизнь самоубийством, что ее прикончили те же монстры, которые расправились с парочкой из Портленда...

— Ну, и что в таком случае сделает всякая нормальная женщина? — усмехнулся Амберли. — Естественно, пойдет в полицию! Нам даже не придется искать ее, — она сама попадет к нам в сеть.

— Возможно, — неуверенно протянул Уоткинс. Он принялся рыться в обломках. — Надо найти ее сумку. Она не могла взять ее с собой. Слыша, как они ломаются в дверь и вот-вот ворвутся, она, конечно, думала только о том, как бы убежать, вынырнуть в окно. У нее не было времени задерживаться.

Тротт нашел ее засунутой между кроватью и одной из тумбочек. Высыпав все из бумажника, он перебирал кредитные карточки, фотографии, пока не наткнулся, наконец, на то, что искал, — водительские права. Согласно указанным в них данным, Тэсса была ростом 163 см, вес 51 кг, блондинка, глаза голубые. Лоуман держал удостоверение так, чтобы Тротт и Амберли могли видеть ее фотографию.

— Красотка! — присвистнул Амберли.

— Вот бы попробовать! — отозвался Тротт.

Слова, которые употребил его подчиненный, заставили Лоумана похолодеть. Непонятно было, что Тротт имел в виду: быть может, его «попробовать» означало просто желание переспать с ней, но это могло быть и выражением его тайной, подсознательной, безумной жажды терзать ее тело, вгрызаться в него зубами и рвать его на части, так же, как регрессивные растерзали приезжих из Портлэнда.

— Мы знаем, как она выглядит, — заметил Уоткинс. — Это облегчит поиски.

Резкое, рубленое лицо Тротта не очень-то подходило для выражения таких нежных чувств, как любовь, симпатия, восхищение красотой, зато оно было словно создано для того, чтобы на нем отражались ярость голодного хищника, жестокость, таившаяся в глубинах его существа, свирепое наслаждение при виде замученной жертвы.

— Мы должны заставить ее молчать?

— Да. С одной стороны, она, конечно, ничего в точности не знает, но с другой — знает слишком много. Ей известно, что люди в том номере были убиты, и не исключено, что она видела регрессивных.

— А может быть, регрессивные преследовали ее, выскочили за ней в окно и поймали, — предположил Амберли. — Тогда мы найдем ее тело где-нибудь снаружи, недалеко от гостиницы.

— Возможно, — согласился Лоуман. — Но если нет, мы должны найти ее и сделать так, чтобы она уже никогда никому ничего не смогла рассказать. Вы звонили Каллану?

— Да, — ответил Амберли.

— Здесь надо все привести в порядок, — распорядился Уоткинс. — Никто не должен ни о чем подозревать, пока не наступит полночь и все жители города не пройдут через

Превращение. Когда с этим будет покончено, можно будет сосредоточить все силы на вылавливании и уничтожении регрессивных.

Тротт и Амберли посмотрели на Лоумана, их глаза встретились с его взглядом, потом они переглянулись. В их взглядах Лоуман уловил глубокое, темное знание, неумолимую правду о том, что в каждом из них таится регрессивный, что они точно так же чувствуют этот могучий, первобытный призыв, этот зов доисторических предков сбросить с себя тяжкую ношу цивилизации и разума, забыться в дикой, безграничной свободе. Это было сознание того, о чем ни один из них не осмеливался сказать вслух, потому что высказать это было бы равносильно признанию того, что проект «Черный Ястреб» изначально ошибочен и порочен и что все они обречены.

41

Майк Пэйсер поднял трубку и, услышав гудок, начал неловко нащупывать кнопки, которые были слишком малы и слишком близко находились друг от друга для его невероятно длинных пальцев с острыми, кривыми ногтями. Внезапно он понял, что не может позвонить; он не смеет звонить Шаддаку, несмотря на то, что они знают друг друга вот уже больше двадцати лет, еще с тех давних дней, когда они вместе учились в Стэнфорде; он не может позвонить Шаддаку, хотя именно Шаддак сделал из него то, чем он стал теперь; он не должен звонить, потому что Шаддак сразу же объявит его вне закона, отверженным, парией; Шаддак запрет его в лабораторию, как регрессивного, и будет ставить на нем свои опыты, словно он крыса или кролик, кидая ему кусочки еды повкуснее в награду за послушание; а может быть, просто уничтожит его, как представляющего угрозу для других жителей Мунлайт Коува, которые еще не прошли Превращения. Пэйсер дико, пронзительно закричал от отчаяния — последняя его надежда рухнула. В бешенстве он рванул телефон и, выдернув из стены провод, швырнул его через всю спальню; аппарат ударился о зеркало, посыпались осколки стекла.

Это неожиданное озарение, сознание того, что Шаддак

уже не друг ему, не наставник и руководитель, а могущественный и страшный враг, было последней четкой, ясной и разумной мыслью, вспыхнувшей в голове Пэйсера. Страх был ловушкой, черным бездонным люком, который открылся под его ногами, и он полетел, проваливаясь в пустоту, в первобытную, дикую тьму, в жестокое, бешеное безумие, которое рвалось из него и которым он наслаждался, охотясь по ночам. Он метался по дому, то неистово кружа по комнатам, то медленно, утрюмо сторбившись, переползая из угла в угол; возбуждение сменялось подавленностью, мрачная угнетенность — жадой крови и разрушения, тлеющей в нем постоянно, словно раскаленные угли под тонким слоем пепла, но он не сознавал, что с ним происходит, не мог понять, откуда вдруг рождались в нем эти чувства, — он мог только ощущать их; все остальное покрывал мрак.

Он помочился в углу гостиной, подполз поближе на четвереньках и обнюхал собственную лужу, потом, снова почувствовав голод, понесся на кухню. Временами тьма, омрачавшая его рассудок, немного рассеивалась, и он делал слабые попытки вернуть своему телу прежнюю, человеческую форму, вернуть его в мир цивилизации и разума, но тело не подчинялось ему, и он снова и снова скатывался в ночь своего животного существования. Иногда, во время таких проблесков он способен был даже оценить всю иронию ситуации, — если бы он мог, он бы, наверное, засмеялся... Подумать только — вернуться в дикое, первобытное состояние, потерять все человеческое, превратиться в хищника, жаждущего крови именно во время того великого процесса Превращения, который должен был поднять его на высшую ступень человеческого разума, сделать его сверхчеловеком! Но мысли эти были слишком мрачными, об этом невозможно было долго думать, и он с облегчением возвращался в крошечную тьму подсознания, не освещенного блеском разума.

Снова и снова, и в бессознательном помрачении, и в те минуты, когда тучи, заволакивавшие его рассудок, ненадолго рассеивались и сквозь них просвечивал лучик разума, он думал о мальчике, о маленьком, нежном мальчике, Эдди Вальдоски; он весь дрожал от наслаждения, вспоминая вкус его крови, свежей, горячей крови, дымившейся в ледяном воздухе ночи.

Несмотря на то, что Крисси была совершенно измучена, нервы ее были на пределе и у нее не было сил пошевелить ни рукой, ни ногой, она все же не могла заснуть. Лежа под мешковиной и тряпками в грузовике мистера Эулана, она, как могла, боролась с бессонницей, пытаясь разорвать ее тонкую паутину и ничего так сильно не желая, как провалиться в спасительный сон без сновидений.

Ее точило беспокойство, словно что-то осталось несделанным, незавершенным, и вдруг, неожиданно для себя самой, она заплакала. Уткнувшись лицом в пахучую, жесткую мешковину, девочка горько всхлипывала, подавляя рыдания; она не плакала так уже много лет, с тех пор, как была совсем маленькой. Крисси оплакивала своих родителей, быть может, потерянных навсегда, не просто унесенных смертью, но захваченных какой-то отвратительной, темной, дьявольской силой. Она оплакивала свое отрочество, то, которое у нее было еще так недавно, и юность, о которой она мечтала, — в них были лошади, и прибрежные луга, и пастбища, и книги, которые можно читать, лежа на пляже, на горячем песке, под шум набегающего прибоя, и все это было отнято у нее, разбито, разлетелось на мельчайшие осколки, и уже ничего нельзя было поправить. Она оплакивала потерю, которую ощущала всем своим существом, но не могла бы определить словами, — быть может, свою детскую, невозвратную наивность и беспечность, свою неколебимую веру в победу добра над злом.

Ни одна из героинь прочитанных ею романов, ни одна из этих сильных и бесстрашных девочек, которыми Крисси так восхищалась, не позволила бы себе такой слабости, такого детского отчаянного рева, и Крисси было очень стыдно, что она не может сдержать потоки слез, струившиеся у нее по щекам. Но плакать для человека так же естественно, как и опибаться, и Крисси плакала, может быть, еще и потому, что ей нужен, необходим был этот плач, плач обыкновенной девочки, ребенка; он успокаивал ее, внушая уверенность, что никому не удалось заронить чудовищные семена в ее душу, в ней не прорастут эти дьявольские побеги,

пустившие корни в душах ее родителей. Она плачет — и значит, она все та же Крисси. Плач был доказательством того, что никто не похитил ее душу.

И Крисси заснула в слезах.

43

Сэм помнил, что к северу от Оушэн Авеню, недалеко от станции техобслуживания, должен быть еще один телефон-автомат. Станция, видно, давно была закрыта. Окна покрылись толстым слоем серой пыли; на одном из них была прилеплена небрежно нацарапанная записка «ПРОДАЕТСЯ»; похоже было, что владельца совершенно не волновало, удастся ли ему продать эту станцию, и объявление он вывесил только потому, что так полагалось делать. Сухие, сморщенные листья и пожелтевшие сосновые иголки, облетавшие с растущих неподалеку деревьев, падали на бензиновые насосы и планты; их нанесло уже столько, что теперь они лежали кучами, покрывая все, как снеговые сугробы.

Телефонная будка была видна со стороны улицы, и Сэм, войдя, не стал захлопывать за собой дверь, боясь, что тогда автоматически зажжется лампочка, а это может привлечь внимание какого-нибудь полицейского, оказавшегося поблизости.

Телефон молчал. Сэм опустил монетку, надеясь услышать гудок, но это не помогло.

Он нажал на рычаг, и монетка выскочила обратно.

Сэм попробовал еще раз, но ничего не вышло.

Он подумал, что иногда телефоны-автоматы, установленные около станций техобслуживания или каких-нибудь частных магазинчиков, содержатся на паях, и доход от них распределяется между телефонной станцией и владельцем заведения, разрешившим поставить его на своей территории. Возможно, этот телефон отключили, когда станция закрылась.

Однако Сэм все же подозревал, что полиция воспользовалась тем, что у нее имелся доступ к компьютеру телефонной компании, и отключила все телефоны-автоматы в Мунлайт Коуве. Как только они узнали, что в городе находится

тайный агент ФБР, они тут же приняли экстренные меры, делавшие невозможной его связь с внешним миром.

Не исключено, конечно, что он переоценивает их возможности. Нужно попытаться дозвониться из какого-нибудь другого автомата, прежде чем окончательно отбросить надежду связаться с Бюро.

Прогуливаясь после обеда, он заметил недалеко от Оушэн Авеню прачечную-автомат. Это в двух кварталах отсюда. Он хорошо помнил, что, проходя мимо и случайно заглянув в окно, увидел на стене телефон; он был в самом конце зала, заставленного одинаковыми кабинками для сушки белья и дверцами из нержавеющей стали.

Стараясь держаться подальше от фонарей, пробираясь узкими, темными переулками, двигаясь почти бесшумно, Сэм направился к тому месту, где, как он помнил, была прачечная. Он хотел бы, чтобы ветер прекратился, оставив ему хоть немножко тумана, с каждым порывом становившегося все прозрачнее и тоньше.

На перекрестке, уже подходя к прачечной, Сэм едва не попал в свет фар патрульного автомобиля, ехавшего к центру города. Машина двигалась медленно, полицейский внимательно осматривал тротуары по обеим сторонам улицы. К счастью, в тот момент, когда свет фар ушел на Сэма, полицейский как раз смотрел в другую сторону.

Сэм быстро отступил назад и вжался в глубокую дверную нишу трехэтажного кирпичного дома. Судя по табличке, здесь проживали дантист, два адвоката, врач и хиропрактик. Если на ближайшем углу машина свернет налево, подумал Сэм, она проедет мимо меня, и тогда нет почти никаких шансов остаться незамеченным. Но если она поедет прямо или повернет направо — он спасен.

Сэм прислонился к запертой двери, стараясь прижаться к ней как можно плотнее, чтобы оказаться в тени, и наблюдал за автомобилем, который невыносимо медленно приближался к перекрестку. Он вдруг подумал, что даже для такого позднего времени — была уже половина второго ночи — улицы Мунлайт Коува кажутся необыкновенно тихими и пустынными. Полуночники ведь есть везде, не только в больших городах; обычно даже ночью можно встретить на улице одного-двух пешеходов, иногда проедет машина, но,

конечно, не полицейский патруль, в общем, какие-то признаки нормальной человеческой жизни.

Патрульный автомобиль доехал до угла и повернул направо, удаляясь от него.

Хотя опасность миновала, Сэм продолжал задумчиво стоять у двери, мысленно восстанавливая весь свой путь от мотеля до здания муниципалитета, оттуда до заправочной станции и, наконец, до того места, где он сейчас находился. Он не мог припомнить, чтобы по пути ему хоть раз попался дом, из окон которого слышалась бы музыка, звук телевизора, включенного на полную мощность, или громкий смех и шум веселого застолья. Он ни разу не наткнулся на парочку, в последний раз целующуюся в машине перед тем, как расстаться до следующего вечера. Немногие ресторанчики и пивные были закрыты, кинотеатр тоже не работал; если не считать его самого да еще полицейских, можно было бы подумать, что Мунлайт Коув населен привидениями. Сэм представил себе, как там, за окнами этих домов, в гостиных, кухнях и спальнях бродят заплесневелые скелеты, закутанные в могильные саваны; а может быть, здесь живут роботы, которые днем ведут себя как люди, а на ночь выключают моторчик, чтобы сэкономить электроэнергию, — ночью ведь не обязательно поддерживать видимость жизни.

Слово «Превращение» и его таинственный, загадочный смысл, особенно после того, как он узнал о существовании проекта «Черный Ястреб», тревожило его все больше и больше. Сэм вышел из ниши, повернул за угол и побежал по ярко освещенной улице к прачечной. Толкнув ее стеклянную дверь, он сразу заметил на противоположной стене телефон.

Сэм быстро шел через длинный зал, — справа, у стены, сушильные кабины, посредине — стиральные машины в два ряда, рядом несколько стульев и дальше, слева, еще стулья вдоль стены, отбеливающие аппараты и прилавок для чистого белья, — как вдруг обнаружил, что он здесь не один. Маленькая блондинка в потертых джинсах и голубом свитере сидела, сжавшись, на одном из желтых пластмассовых стульев. Ни одна из стиральных или сушильных машин не работала, и рядом с женщиной не видно было никакой корзинки с бельем.

Это было так неожиданно — живой человек, притом не полицейский, в этой промозглой, кромешной ночи, что Сэм растерянно остановился.

Она приткнулась на самом краешке стула, напряженно выпрямившаяся, как натянутая струна. Глаза ее были расширены от ужаса; руки, сжатые в кулачки, лежали на коленях. Казалось, она даже перестала дышать.

Сэм понял, что напугал ее.

— Простите, — сказал он как можно мягче.

Она смотрела не него, не отрываясь, словно кролик, увидевший перед собой разинутую пасть удава.

Сообразив, что у него, должно быть, довольно дикий, растрепанный, даже безумный вид, Сэм добавил:

— Не надо меня бояться.

— Все так говорят.

— Неужели? — удивился Сэм.

— Но меня надо.

Сбитый с толку, он переспросил:

— Вас — что?

— Надо бояться.

— Серьезно?

Она встала.

— У меня черный пояс.

В первый раз за многие дни, может быть, даже недели, теплая, открытая улыбка осветила лицо Сэма.

— Вы умеете убивать просто рукой?

С минуту она молча смотрела на него, бледная и дрожащая. Когда она наконец заговорила, голос ее звенел от гнева и возмущения.

— Эй ты, ослиная туша, не смей надо мной смеяться, а то я так тебя отделаю — будешь греметь костями на всю округу!

Тут, наконец, удивленный ее горячностью, Сэм попробовал сделать выводы из своих наблюдений. Стиральные и сушильные машины не работают. Корзин с бельем нигде не видно. Рядом с ней — ни одной коробки со стиральным порошком или бутылочки с антистатиком.

— Что случилось? — спросил он, вдруг насторожившись.

— Ничего; и ничего не случится, если вы будете держаться на расстоянии.

Сэм подумал, не могла ли она как-нибудь проведать о том, что местные полицейские охотятся за ним. Но это казалось совершенно невероятным. Откуда ей было знать об этом?

— А что вы здесь делаете в такое время, если у вас нет при себе никакого белья для стирки?

— А вам какое дело? Вы что, владелец этой прачечной?

— Нет. Но думаю, что это уютное местечко также и не ваша собственность.

Она взглянула на Сэма.

Он смотрел на нее, не отрываясь, восхищенный ее красотой, постепенно открывавшейся его взгляду. Глаза ее были пронзительно синие и чистые, как июньское небо, кожа свежая и нежная, как ветерок в теплый летний день, и она казалась совсем не на месте здесь, на этом мрачном туманном осеннем побережье, такая маленькая и одинокая среди автоматов, в громадном, пустом зале, в половине второго ночи. Когда Сэм осознал, наконец, насколько она прекрасна, каждой частичкой своей души впитывая всю прелесть ее лица, он смог подумать и о других вещах. Тут только до него дошло, какой у нее испуганный вид; страх был в ее глазах, и в тоненьких морщинках вокруг них, и в крепко сжатых губах... Она была в таком ужасе, словно он представлял Бог знает какую угрозу. Однако Сэм полагал, что у него не такая устрашающая внешность, которая может довести женщину до подобного состояния. Вот если бы он был гигантом, косая сажень в плечах, таким героем-суперменом, с револьвером в одной руке и длинным кривым ножом в другой, и если бы он ворвался в прачечную с боевым кличем, поминая Сатану и всех чертей разом, — ну, тогда бескровная, синеватая бледность, покрывавшая ее щеки, и отчаянный ужас, застывший в глазах, были бы еще объяснимы. Но он был всего лишь Сэм Букер, чьим главным достоинством как агента была его ничем не примечательная, ординарная внешность, лицо, каких тысячи, прямо-таки излучавшее абсолютную наивность и безобидность, искренность и приветливость.

Сбитый с толку ее замешательством, Сэм только и мог сказать:

— Телефон...

Он кивнул на аппарат на стене.

— Да, — ответила она, словно соглашаясь, что это действительно телефон.

— Я зашел только позвонить.

— А-а...

Искоса поглядывая на нее, Сэм подошел к автомату, сунул в щель монетку, но не услышал гудка. Он попытался еще раз. Никакого ответа.

— Черт! — выругался Сэм сквозь зубы.

Блондинка подошла к двери. Она остановилась, напряженно глядя на него, словно ожидая, что он бросится на нее и растерзает, если только она попробует выйти из прачечной.

Этот город явно довел Сэма до сумасшествия. За последние несколько часов он пришел к убеждению, что в Мунлайт Коуве следует опасаться каждого встречного, видя в нем своего потенциального врага. И вдруг его осенило: эта женщина ведет себя так странно потому, что думает и чувствует в точности так же, как и он.

— Ну конечно, я понял, вы не здешняя! Ведь вы не живете в Мунлайт Коуве?

— Ну и что?

— Я тоже приезжий.

— Ну и что?

— И вы что-то такое увидели...

Не отвечая, она пристально смотрела на Сэма.

— Что-то случилось, — продолжал Сэм, — вы что-то увидели и испугались, и я готов голову дать на отсечение, у вас были для этого все основания.

Казалось, она сейчас бросится бежать.

— Подождите, — сказал Сэм быстро, — я из ФБР. — Голос его сорвался. — Я говорю правду. Не бойтесь меня, — повторил он.

Томас Шаддак любил работать по ночам, — днем он обычно спал; вот и сейчас он, в своем сером рабочем костюме, сидел в кабинете, обитом деревянными панелями, дорабатывая и совершенствуя некоторые детали проекта «Чер-

ный Ястреб». Неожиданно раздался звонок. Эван, его ночной слуга, сообщил, что его хочет видеть Лоуман Уоткинс.

— Проводи его в баню, — сказал Шаддак. — Я приму его через несколько минут.

В последние дни он почти не вылезал из комбинезонов. У него их был полный шкаф, и все были разных цветов — десять черных, еще столько же серых, парочка небесно-голубых... Они были очень удобны, гораздо удобнее, чем какая-нибудь другая одежда, к тому же так было проще — не надо выбирать, думать, что надеть, — экономия и времени, и сил. Мода его не интересовала, он не заботился о фасонах своих костюмов. К тому же он был долговязый и тощий — огромные, неуклюжие ноги, слишком длинные и жилистые; выпирающие колени; руки, свисающие, как плети; костлявые плечи, — даже самые лучшие, великолепно сшитые костюмы висели на нем, как на вешалке. Костюмы вообще сидели на нем очень странно — они подчеркивали его ненормальную худобу до такой степени, что он казался воплощением самой Смерти, — не очень-то приятное сходство, которое его мучнисто-белая, с синеватым оттенком кожа, почти что черные волосы, резкие черты лица и желтоватый цвет глаз делали еще разительнее.

Он надевал свои комбинезоны даже в тех случаях, когда собирал весь персонал «Новой Волны» на совещания или проводил заседания с директорами. Если ты гений в своей области, люди всегда ожидают от тебя каких-нибудь экстраординарных выходов. А если, к тому же, твое состояние измеряется сотнями миллионов долларов, они будут принимать как должное все, что бы ты ни сделал.

Его дом, возвышавшийся на обрыве, в самой северной точке бухты, весь из стекла и бетона, совершенно необыкновенной конструкции, был также рассчитан на то, чтобы удивлять людей, чтобы они чувствовали, как высоко он стоит над ними. Трехэтажный, он был похож на слоеный пирог, хотя все слои были разные: верхний — самый большой; наименьший — тот, что по середине, причем все линии были изломанные, что при дневном свете делало дом похожим на творение какого-то скульптора-авангардиста. Однако ночью, когда в его бесчисленных окнах загорались огни, дом напоминал уже не авангардистскую скульптуру, а, ско-

рее, межзвездный корабль инопланетян, залетевший сюда из другой галактики.

Башня представляла собой сплошное нагромождение всякого рода эксцентричностей; поднимаясь в центре третьего этажа, она словно парила в воздухе, взмывая еще на сорок футов в высоту. Она была не круглая, а овальная, ничуть не похожая на какую-нибудь сказочную башню, где прекрасная принцесса томится в ожидании принца, который уже спешит к ней, преодолевая все препятствия; или вроде той, где жестокий король заточил своих врагов, подвергая их мучениям и пыткам; нет, эта башня скорее напоминала боевую рубку подводной лодки. Ее венчала круглая комната со стеклянными стенами, куда можно было подняться на лифте или пешком, по винтовой лестнице, спиралью обвивавшей металлическую шахту лифта.

Шаддак выждал десять минут, — в самый раз для Уоткинса, — потом вызвал лифт. Кабина внутри была отделана листами блестящей меди, так что несмотря на то, что лифт двигался довольно медленно, создавалось впечатление, что он скользит быстро и плавно, как патрон в ружейном стволе.

Он придумал эту башню позднее, это было его собственное дополнение к проекту архитектора, но теперь она стала для него самой любимой частью этого огромного дома. Отсюда открывался широкий вид на океан, простиравшийся на западе, то неподвижно-спокойный, то бурный; искрящийся на солнце или окутанный ночным мраком. А на востоке и на юге, далеко внизу, лежал Мушлайт Коув. Отсюда, с высоты птичьего полета, он казался таким маленьким, и Шаддак чувствовал себя властелином, понижающим ногами эти жалкие домишки и живущих в них людей. Именно из этой комнаты четыре месяца назад он в третий раз в своей жизни увидел черного ястреба — удивительную птицу, которую редко кому из людей случается увидеть хотя бы один раз. Он принял это как тайный знак — знамение того, что ему суждено стать самым могущественным из людей, когда-либо живших на земле.

Лифт остановился. Двери автоматически открылись.

Шаддак вошел в тускло освещенную стеклянную комнату, кольцом охватывавшую лифт. В ту секунду Лоуман Уоткинс вскочил, почтительно приветствуя его:

— Добрый вечер, сэр.

— Прошу садиться, шеф, — ответил Шаддак снисходительным, даже любезным тоном, который в то же время подчеркивал, что оба они прекрасно понимают, кто здесь всем распоряжается и кому решать, насколько официальной и деловой будет эта встреча.

Шаддак был единственным сыном Джеймса Рандольфа Шаддака, бывшего окружного судьи в Фоуниксе, теперь уже давно скончавшегося. Семья их не была очень богатой, но достаточно зажиточной, стоявшей на экономической лестнице гораздо выше обычной семьи среднего класса, и это положение, в сочетании с занимаемым постом, придавало Джеймсу известный вес в обществе. Оно давало власть. В детстве и в юности Том восхищался тем, как его отец, судья и политический деятель, использовал свое положение для приобретения не только материальных благ, но и власти над окружающими. Власть, порождающая другую, новую, еще более могущественную, власть ради власти — вот что больше всего привлекало Джеймса, и это же с ранних лет глубоко волновало и возбуждало его сына.

И вот теперь во власти Тома Шаддака был и Лоуман Уоткинс, и весь Мунлайт Коув; эту власть дало ему его богатство; он получил ее благодаря тому, что был первым, самым процветающим предпринимателем города, и все правительство города и округа было в его руках; он получил ее благодаря своему проекту «Черный Ястреб», названному так в честь данного ему трехкратного знаменья. При этом власть его была несравнимо больше и могущественнее той, какой когда-либо упивался старый Джеймс, будучи судьей и прожженным политиканом. Жизнь и смерть всех этих людей были в его руках, и не в каком-нибудь там переносном, а в самом буквальном смысле слова. Если вдруг через час он решит, что все они должны умереть, они умрут еще до того, как наступит полночь. Более того, он мог уничтожить их всех, рискуя быть наказанным за это не более, чем сам Господь Бог, насылавший на людей всепожирающий огонь.

Единственным источником света в комнате были лампы, установленные вдоль стен, под окнами, протянувшимися от потолка почти до самого пола. Они опоясывали ком-

нату невидимым кольцом, бросая свет на ворсистый ковер, но оставляя в тени все остальное пространство. Тем не менее, будь ночь посветлее, Шаддак нажал бы на кнопку у лифта, погружая комнату почти в полную темноту, так, чтобы его собственное призрачное отражение и силуэты всех этих современных кресел, столов и стульев не лежались на темное стекло, становясь преградой между ним и миром, которым он владел. Он все же не стал выключать свет; молочно-белый туман все еще клубился за высокими стеклянными стенами, а месяц уже зашел за горизонт, так что в комнате тогда ничего невозможно было бы разглядеть.

Босиком Шаддак прошел по пепельно-серому ковру. Он уселся в кресло, стоявшее по другую сторону низкого столика из белого мрамора, лицом к Лоуману Уоткинсу.

Полицейскому было сорок четыре года, — ненамного старше Шаддака, — но он был полной его противоположностью: невысокого роста, плотный, ширококостный, широкий в плечах и в груди; голова его сидела на толстой, короткой шее, какую обычно называют бычьей. Все в этом человеке было широким, плотным и крепко сбитым. Его честное, открытое лицо было настолько же простодушным, насколько непроницаемым было замкнутое лицо Шаддака. Его голубые глаза встретились с желтыми глазами Шаддака, но Лоуман тут же опустил их, не в силах выдержать этого взгляда, и стал пристально разглядывать свои сильные руки, лежавшие на коленях; он так крепко сжал их в кулаки, что костяшки широких пальцев побелели, грозя разорвать тонкую кожу. Шаддаку приятно было смотреть на его покорную, низко опущенную голову с коротко остриженными каштановыми волосами, сквозь которые просвечивала темная кожа.

Шаддак наслаждался рабелепной приниженностью Уоткинса, но еще большее удовольствие ему доставляла мысль о страхе, который испытывал шеф полиции; страх этот был во всем — в легкой дрожи, которую Уоткинс из всех сил старался скрыть, в загнанном выражении его потемневших глаз. Благодаря проекту «Черный Ястреб», который сделал из него то, чем он стал теперь, Лоуман Уоткинс мог чувствовать свое бесконечное превосходство над другими, обычными людьми; и в то же время отныне и

навсегда он становился вечным рабом Шаддака, чем-то вроде подопытной мыши, распластанной на лабораторном столе и прикованной к электродам, он весь был во власти естествоиспытателя, ставившего на нем свои эксперименты. Шаддак, образно говоря, был творцом Уоткинса, и в глазах своего создания он обладал властью и могуществом Бога.

Откинувшись на спинку кресла, сложив на груди бледные руки с длинными, костлявыми пальцами, Шаддак чувствовал, как кровь приливает к его половому члену, как он набухает и твердеет. Дело было совсем не в Лоумане Уоткинсе, его вид не мог подействовать на Шаддака возбуждающе, поскольку у него никогда не было гомосексуальных наклонностей. Шаддака возбуждала мысль о той чудовищной, неограниченной власти, которую он имеет над этим человеком. Сознание своей власти над другими людьми действовало на него гораздо сильнее, чем любые сексуальные возбудители. Еще в юности, рассматривая фотографии обнаженных женщин в эротических журналах, он испытывал желание не от того, что у них были твердые груди, полные ягодицы и изящные, длинные и стройные ноги, а потому что представлял себе, что он может овладеть этими женщинами, властвовать над ними, распоряжаться их жизнью или смертью. Женщина, взиравшая на него с выражением нескрываемого ужаса, казалась ему гораздо привлекательнее той, в глазах которой он читал желание и страсть. И поскольку главным и самым мощным возбудителем для него был страх, желание его не зависело ни от пола, ни от возраста, ни от физической привлекательности человека, который дрожал в его присутствии.

Наслаждаясь покорностью и смирением полицейского, Шаддак спросил:

— Что с Букером? Вы уже поймали его?

— Нет, сэр.

— Почему?

— Его уже не было в гостинице, когда я послал туда Шольника.

— Он должен быть схвачен.

— Мы найдем его.

— И превращен. Не только для того, чтобы он не смог

никому рассказать о том, что он видел здесь... но с тем, чтобы у нас появился свой человек в Бюро. Мы взорвем их изнутри. Да, это будет удачный ход. Мы можем обратить его пребывание здесь в неоценимое преимущество для проекта.

— Ну, чем бы там ни был Букер, есть кое-что похуже него. Сегодня ночью регрессивные напали на двух постояльцев отеля. Сам Куинн или тоже подвергся нападению, — возможно, его куда-то оттащили, убили и бросили, — во всяком случае, мы до сих пор не можем его найти, — или он сам один из этих регрессивных и теперь сбежал; не знаю, что он делает сейчас, чем вообще они все занимаются после убийства, может быть, завывают, подняв морды к этой проклятой луне!

С растущей тревогой и страхом Шаддак слушал доклад начальника полиции.

Напряженно выпрямившись на краешке стула, Уоткинс сощурился, стараясь не глядеть на Шаддака, и добавил:

— У меня от этих регрессивных мороз по коже.

— Да, от них много неприятностей, — согласился Шаддак.

Вечером четвертого сентября в центральном кинотеатре они чуть не поймали одного из регрессивных, Джордана Кумса. Кумс был одним из служащих «Новой Волны». В тот вечер, однако, он больше напоминал обезьяну, чем человека, и даже не обезьяну, а какое-то странное и дикое существо, для которого невозможно найти слов в человеческом языке. Единственное более или менее подходящее определение, которое Шаддак мог подобрать к нему, — «регрессивный», хотя и оно годилось только до тех пор, пока не столкнешься с кем-нибудь из них лицом к лицу; стоило увидеть это отвратительное чудовище, как становилось понятно, что термин «регрессивный» не передавал и сотой доли того ужаса, который оно вызывало; перед этим все слова казались бледными и невыразительными. Все попытки захватить Кумса живым провалились; он был слишком силен и агрессивен, так что им пришлось убить его, чтобы не погибнуть самим.

— Они не просто доставляют неприятности, — сказала Уоткинс, — это нечто гораздо более страшное. Они... маньяки.

— Я и без вас знаю, что они маньяки, — нетерпеливо

возразил Шаддак. — Я сам определил их состояние как «метаморфно-причинный психоз».

— Им нравится убивать. Убийство доставляет им наслаждение.

Томас Шаддак нахмурился. Он не предусмотрел, что может возникнуть такая проблема, как регрессивные, и теперь он отказывался верить, что это нечто большее, чем незначительное отклонение, маленькая аномалия среди подавляющего большинства превращений, облагораживающих жителей Мунлайт Коува, поднимающих их над обычными людьми.

— Ну да, естественно, они получают удовольствие от убийства, они и предназначены для этого в своем регрессивном состоянии, но их всего лишь несколько человек, и остается только установить, кто они, и ликвидировать. Статистически они составляют незначительно малый процент от всех, прошедших Превращение.

— Возможно, не столь уж малый и незначительный, — пробормотал Уоткинс неуверенно, отводя глаза от Шаддака, так как сомневался, что эти новости могут ему понравиться. — Судя по последней кровавой резне, я бы скорее предположил, что на девятьсот человек, уже прошедших Превращение, — я имею в виду данные этого утра, — приходится пятьдесят или шестьдесят регрессивных.

— Вы смеетесь?

Чтобы признать такую возможность, признать, что регрессивные действительно существуют в гораздо больших количествах, чем он предполагал, Шаддаку пришлось бы допустить, что в его научные исследования вкрался просчет, что он слишком рано начал применять их результаты на практике, вне стен лаборатории, не учитывая возможных отрицательных последствий, и, наконец, что его энергичное внедрение в жизнь проекта «Черный Ястреб», казавшегося ему революционным открытием, гениальным провозвестником нового, — это насильственное Превращение жителей Мунлайт Коува для их же блага, — на самом деле ужасная, трагическая ошибка. Но ничего подобного Шаддак допустить не мог.

Всю свою жизнь он стремился к высшей, неограниченной власти, и теперь, когда он уже почти достиг своей цели, Шаддак просто не мог свернуть с этого пути. Еще в юности

ему приходилось отказывать себе в некоторых удовольствиях; он не мог бездумно следовать своим страстям, боясь, что закон будет преследовать его и ему придется слишком дорого заплатить за свои увлечения. Долгие годы он подавлял свои порывы, и эта сдержанность, постоянный отказ от вождельского, порождали страшное напряжение, которого он не мог уже более выносить. Пытаясь забыть, подавить свои безумные желания, он весь отдался работе, направил все свои усилия на благо общества, но, по иронии судьбы, именно открытия Шаддака сделали его недостижимым для властей и законов; теперь для него не существовало никаких запретов, и он мог, наконец, удовлетворить свои страсти, не боясь ни осуждения, ни кары.

К тому же он запел уже слишком далеко, чтобы повернуть назад. Он воплотил свои революционные идеи в жизнь. Благодаря ему девять сотен Новых Людей уже ходят по земле, они существуют, столь же отличные от Прежних, сколь отличались кроманьонцы от своих несравненно более примитивных предшественников, неандертальцев. Он точно так же не мог повернуть вспять уже сделанное и существующее, как невозможно было, например, отменить изобретение колеса или атомной бомбы.

Уоткинс покачал головой:

— Простите... но я и не думал смеяться. Я совсем не вижу в этом ничего смешного. Пятьдесят или шестьдесят регрессивных — это точно. Возможно, больше. Намного больше.

— Для того, чтобы заставить меня поверить в это, вам нужны доказательства. Назовите мне их по именам. Можете ли вы назвать хоть кого-нибудь из них — не считая Кумса?

— Думаю, что Алекс и Шарон Фостер. И не исключено, что ваш собственный человек, — Такер.

— Это невозможно.

Уоткинс рассказал обо всем, что он увидел в доме Фостеров, и о криках, доносившихся из леса.

Шаддаку очень не хотелось верить тому, что Такер действительно может быть одним из этих вырожденков. Его беспокоила мысль, что даже в кругу приближенных к нему людей он не пользуется абсолютной властью. Если он не может быть уверен в своих ближайших помощниках, то что же говорить тогда об управлении массами?

— Ну что ж, я не отрицаю, что Фостеры могут быть регрессивными, но я сомневаюсь, что вы правы в отношении Такера. Но даже если предположить, что и Такер тоже один из них, то и в таком случае вы назвали четверых. Все остальные, по-видимому, существуют только в вашем воображении.

Лоуман Уоткинс пристально вглядывался в туман, в его бесконечно изменчивые узоры на темных стеклянных стенах этой странной комнаты в башне.

— Сэр, боюсь, что все это не так просто. Я имею в виду... подумайте: если бы правительству штата или федерации стало известно о вашей деятельности, если бы они поняли, что вы действительно сделали, и смогли бы в это поверить, и если бы, узнав об этом, они захотели бы остановить нас, помешать нам нести Превращение дальше, за пределы Мунлайт Коува, им понадобилось бы не слишком много времени, чтобы пресечь все это, а? Как вы думаете? Кроме того, те из нас, кто уже прошел через Превращение... мы ведь ничем не выделяемся среди обычных людей... Внешне нас невозможно отличить, никто не смог бы заметить разницы.

— Так, и что же?

— Ну... и такая же проблема у нас с регрессивными. Они такие же Новые Люди, как и мы, и то, что их отличает, — этот распад, разрушение, которое в них происходит, — его ведь невозможно увидеть. Они так же похожи на нас, как мы — на не прошедших через Превращение Прежних Людей.

Железная эрекция Шаддака начала ослабевать. Обессиленный выпадами Уоткинса, он поднялся с кресла и подошел к окну. Засунув руки в карманы комбинезона, он разглядывал свое собственное смутное отражение в черном стекле, свое длинное лицо, прозрачное, как у привидения, в котором было также что-то волчье. Он встретился со своим собственным взглядом, но тут же отвел глаза и, не глядя больше на свое отражение, стал смотреть дальше, в непроглядную тьму за окном, где под музыку изменчивых морских бризов ночь ткала тонкое, светлое полотно тумана. Шаддак стоял спиной к Уоткинсу; он не хотел поворачиваться, боясь, что тот заметит его тревогу, и он избегал собственного отражения, не желая признаваться даже самому себе, что к тревоге этой применивается страх.

Сэм настоял, чтобы они сели, — так их было труднее заметить с улицы. Тэсса опасалась садиться рядом с ним, но ей пришлось согласиться, что он прав. Сэм объяснил ей, что прибыл в город инкогнито, поэтому не мог взять с собой удостоверение ФБР, но он показал ей все остальное, что было у него в бумажнике: водительские права, кредитные карточки, читательский билет из библиотеки, фотографии сына и покойной жены, талон на бесплатное получение шоколадного печенья миссис Филдс в любом из ее магазинов и вырванную из журнала страничку с портретом Голди Хоун. Ну станет ли маньяк-убийца таскать с собой талон на печенье? Когда он постепенно заставил ее рассказать обо всем, что случилось в мотеле, настаивая, чтобы она не упустила никаких подробностей этой бойни, пока не убедился, что узнал все, что только можно было узнать, и что она ничего не забыла, тогда Тэсса, наконец, поверила ему. Если бы он только разыгрывал из себя агента, его притворство не могло бы быть столь искусным и убедительным.

— Но ведь вы своими глазами не видели ни одного убитого?

— Их убили, я уверена в этом, — возразила Тэсса. — Если бы вы слышали их крики, вы бы не сомневались. Я была в толпе озверевших людей в Северной Ирландии и видела, как они бьют, избивают себе подобных, забивая их до смерти. Я снимала документальный фильм на сталепрокатном заводе, когда струя расплавленного металла вырвалась, заливая рабочих, стоявших поблизости. Я бродила по джунглям Центральной Америки с индейцами мискито, когда их забросали осколочными бомбами, — миллионы острых, как бритва, кусочков стали, тела, пронзенные тысячами игл, — и я слышала их крики. Я знаю, какой голос у смерти. Но это было хуже всего, что я когда-либо слышала.

Сэм долго смотрел на нее, потом сказал:

— У вас обманчивая внешность.

— Хорошенькое личико? .

— Да.

— Ну и, конечно, простодушное и наивное?

- Совершенно верно.
- Это мое несчастье.
- Но иногда это бывает полезно, не так ли?
- Иногда — да, — призналась Тэсса. — Послушайте, вы что-то знаете, скажите же мне, что происходит в этом городе?
- С людьми здесь явно не все в порядке.
- Что именно?
- Не знаю, как объяснить это. Они не ходят в кино и не смотрят телевизор, — это во-первых. Кинотеатр закрыт. Они равнодушны к красивым вещам, они, видимо, не дарят подарков, вообще ничем таким не интересуются, потому что все магазины тоже закрыты. Они не выпивают — совершенно потеряли вкус к напиткам, им не хочется пропустить даже кружечку нива или выпить бокал шампанского... — Сэм слегка улыбнулся. — Все бары в городе закрыты, по-видимому, разорились. Единственное, чем они увлекаются, — это едой. И убийствами.

46

Продолжая стоять у окна, не поворачиваясь, Том Шаддак сказал:

— Хорошо, Лоуман, вот что мы с вами сделаем. В «Новой Волле» все прошли через Превращение, так что я могу выделить в ваше распоряжение сотню людей для подкрепления. Вы можете использовать их; пусть они помогают расследованию или делают то, что вы сочтете нужным, прямо с этого момента. С таким пополнением вы наверняка поймаете одного из регрессивных на месте преступления... и вам легче будет также найти этого Букера.

Новые Люди не нуждаются в отдыхе; им не нужен сон. Значит, люди Шаддака могут начать действовать немедленно.

— Они будут патрулировать улицы — пешком или на машинах, — продолжал Шаддак, — неслышно, не привлекая к себе внимания. С такой помощью для вас не составит труда задержать хотя бы одного из регрессивных, а может быть, даже всех сразу. Если бы нам удалось поймать одного из них в измененном состоянии, если бы у меня была возможность исследовать его, я мог бы составить тест —

физический и психологический, — и с его помощью мы могли бы распознать вырождаков среди Новых Людей.

— Боюсь, что мне не справиться с этим.

— Это ваш долг полицейского, ваша повседневная работа.

— Нет, это совсем другое.

— Это все равно, как если бы вы преследовали обычного убийцу, — рассердился Шаддак. — Те же методы.

— Но...

— Что еще?

— Регрессивные могут оказаться среди тех людей, которых вы дадите мне.

— Это исключено.

— Но... как вы можете быть уверены?

— Я же сказал вам — этого не может быть, — резко ответил Шаддак, все еще не поворачиваясь, глядя за окно, в туман, в ночь.

Оба минутку помолчали.

Потом Шаддак добавил:

— Вы должны сделать все возможное, чтобы найти этих проклятых ублюдков. Бросить на это все силы, слышите? Я желаю иметь хотя бы одного из них для исследований, и я должен получить его прежде, чем все жители Мунлайт Коува пройдут через Превращение.

— Я думал...

— Да?

— Понимаете, я подумал...

— Ну же, не тяните! Вы подумали — о чем?

— Понимаете... я просто подумал, что, может быть, вы приостановите превращения до тех пор, пока мы не поймем, что здесь происходит.

— Черт побери! Ни за что! — Шаддак отвернулся от окна и взглянул на начальника полиции. — Эти регрессивные — незначительная, абсолютно незначительная проблема, пустяк, не стоящий внимания! Что вы в этом вообще понимаете, черт вас возьми? Что вы о себе возомнили? Это ведь не вам пришла в голову мысль создать новую расу, построить новый мир. Я — тот, кто изобрел это. Это была моя мысль, моя великая идея! Она родилась в моем мозгу, и мне немало пришлось потратить сил и нервов, чтобы сделать ее реальностью. И я знаю, что эта крошечная аномалия ничто не

значит. Я — единственный, кто может об этом знать, и говорю вам, что это так. Все. Разговор окончен. Превращения будут продолжаться по намеченному плану.

Уоткинс посмотрел на свои побелевшие костяшки пальцев.

Разговаривая, Шаддак ходил взад и вперед вдоль овальной стеклянной стены, мягко ступая по ковру босыми ногами.

— Теперь у нас достаточно лекарства, чтобы закончить Превращение, — хватит на всех оставшихся жителей Мунлайт Коува. Сегодня вечером мы уже начали новую серию превращений. К рассвету будут превращены еще несколько сотен, и к следующей полночи в городе не останется никого из Прежних Людей. До тех пор, пока все до единого не перейдут через эту черту, мы не можем быть уверены, что наш проект не будет раскрыт, что кто-нибудь не сообщит о нем властям. Теперь, когда нам удалось решить проблему производства биокристаллов, мы можем быстро справиться с Мунлайт Коувом. У нашего дома надежный фундамент, а значит — постройке ничего не может угрожать. Вы меня поняли?

Уоткинс кивнул.

— Вам все ясно? — повторил Шаддак громче.

— Да. Да, сэр.

Шаддак снова опустился в свое кресло.

— Так, теперь по поводу вашего звонка. Что там с этим Вальдоски?

— Эдди Вальдоски, мальчик, восемь лет, — ответил Уоткинс, не поднимая глаз, глядя на свои руки, ломая и крутя пальцы, будто пытаясь что-то выжать из них, так, словно он выкручивал мокрую тряпку. — Его нашли мертвым в начале девятого. В канаве около шоссе. Он был... весь истерзан... избит, искромсан.

— Вы думаете, это кто-нибудь из регрессивных?

— Сомневаться невозможно.

— Кто напел труп?

— Родители Эдди. Его отец. Мальчик играл во дворе, за домом, и вдруг он... исчез. Уже начинало темнеть. Родители пошли искать его, не могли найти, испугались, позвонили нам и продолжали поиски... они нашли тело незадолго до того, как прибыли мои люди.

— Очевидно, эта семья не прошла через Превращение?

— До того, как это произошло, — нет. Но сейчас уже все сделано.

— Если бы все сделали заранее, не было бы никаких хлопот с мальчиком, — вздохнул Шаддак.

Начальник полиции поднял голову и нашел в себе мужество посмотреть Шаддаку прямо в глаза:

— Но мальчик все-таки мертв, — сказал он жестко.

— Конечно, это трагедия, — согласился Шаддак. — Невозможно было предусмотреть, что среди Новых Людей появятся регрессивные. Но ни одно великое открытие, ни одна революция в истории человечества не обходились без жертв.

— Он был чудесный мальчик, — сказал Лоуман.

— Вы знали его?

Уоткинс нахмурился:

— Я учился с его отцом в старших классах школы; Джордж Вальдоски — мой старый друг. И я был крестным отцом Эдди.

Шаддак понял, что надо проявить внимание и сочувствие:

— Это ужасно. Мы обязательно отыщем регрессивного, который это сделал. Мы отловим их всех и уничтожим. Единственное, что может дать нам утешение, — это сознание, что Эдди погиб за великое дело.

Уоткинс потрясенно взглянул на Шаддака:

— Великое дело? Да что Эдди мог понимать в великих делах? Ему ведь было всего восемь лет!

— И тем не менее, — произнес Шаддак с жесткими нотками в голосе, — смерть Эдди произошла в результате неожиданного действия Превращения на некоторых жителей Мунлайт Коува. Таким образом, он стал причастен к тому великому историческому событию, которое совершается на наших глазах.

Шаддак знал, что Лоуман был раньше большим патриотом, с этакой дурацкой гордостью за свою страну, ее флаг и гимн, и за все, что бы в ней ни происходило, и полагал, что кое-что от этих чувств осталось в начальнике полиции и после Превращения, поэтому он продолжал:

— Послушайте меня, Лоуман. Во времена войны за независимость, когда колонисты боролись за свободу, гибли

не только бойцы; иногда это были совсем невинные люди — женщины, дети; но смерть их была не напрасной. Они такие же герои, как и те, кто пал на поле битвы. Все они отдали свою жизнь за свободу. Революция тоже чтит своих героев. Самое главное, чтобы справедливость восторжествовала и чтобы все знали имена мучеников, отдавших свои жизни за благородное дело!

Уоткинс смотрел куда-то в сторону.

Шаддак поднялся, обогнул низенький столик и подошел к полицейскому. Глядя на склоненную голову Уоткинса, он положил руку ему на плечо.

Уоткинс вздрогнул и слегка поежился от этого прикосновения.

Шаддак не убрал руки и продолжал проповедовать с жаром евангелиста, несущего новое учение людям. Но от слов его веяло холодом. В них звучала не страстность религиозного убеждения, а ледяная сила логики, рассудка.

— Вы являетесь теперь одним из Новых Людей; это означает, что вы не просто сильнее или быстрее, чем обычные люди, и не только то, что вы фактически неподвластны никаким болезням, а раны на вашем теле заживают так быстро, как и не снилось ни одному лекарю со всеми его снадобьями и медикаментами. Это значит также, что ум ваш стал более ясным и острым, вы мыслите более рационально и трезво, чем Прежние Люди. Таким образом, если вы посмотрите на смерть Эдди с другой стороны, оцените ее с точки зрения того чуда, которое мы сейчас творим, вы поймете, что цена, которую он заплатил, не слишком высока. Не следует воспринимать это столь эмоционально, Лоуман, — Новые Люди не должны быть в плену у своих прежних чувств. Мы строим мир, который будет более упорядоченным, более производительным и несравненно более устойчивым и прочным именно потому, что люди в нем будут иметь власть над собственными чувствами, смогут управлять своими эмоциями, рассматривая любую проблему или событие совершенно хладнокровно, анализируя их с бесстрашием компьютера. Взгляните на смерть Эдди Вальдоски как на один из фактов, одно из многих событий в могучем потоке, несущем нам Рождение Нового Человека. Вы можете это сделать — в вас заложены силы, позволяю-

щие вам преодолеть узкие чувственные, эмоциональные границы; и когда вы действительно преодолесте их, вы впервые в жизни обретете истинный покой и счастье.

Подняв голову, Лоуман Уоткинс снизу вверх посмотрел на Шаддака:

— Вы уверены, что тогда наступит мир и покой?

— Да.

— И когда все люди пройдут через Превращение, наступит всеобщее братство?

— Да.

— Мир, счастье и благополучие?

— Вечное.

47

Дом Тальбота на Конкистадор Авеню оказался двухэтажным деревянным строением со множеством огромных окон. Улица здесь шла на подъем, поэтому с тротуара на невысокое крыльцо вели крутые каменные ступени. Во всем квартале не горел ни один фонарь, дом Тальбота тоже был погружен во тьму, что немало порадовало Сэма.

Тэсса Локленд поднялась на крыльцо и сейчас стояла рядом с ним; она старалась не отставать от него всю дорогу от врачечной. Сэм нажал на кнопку звонка и, несмотря на шум ветра, шелестевшего листвой деревьев, услышал за дверью слабое дребезжание.

Отглядываясь назад, на пустынную улицу, Тэсса поешилась:

— Временами этот город кажется похожим на морт, населенный одними мертвецами, но потом...

— Что потом?

— Несмотря на эту могильную тишину и спокойствие, ты начинаешь ощущать его мощь, чудовищную, невероятную энергию, скрытую в нем; словно гигантские машины работают где-то в глубине, под землей, под его улицами и домами... Кажется, что и внутри дома тоже полны всяких механизмов, многочисленных винтиков и шестерней, которые только и ждут, чтобы кто-нибудь повернул выключатель и привел их в движение.

Описание Тэссы в точности передавало чувства Сэма,

его впечатление от Мунлайт Коува, только он не мог выразить это словами.

— А я-то всегда думал, что кинооператоры двух слов связать не могут, — улыбнулся он, еще раз нажимая кнопку.

— В большинстве случаев так оно и есть, только это касается тех, кто работает в Голливуде, а я к ним не отношусь. Я сама по себе — свободный художник-документалист, и никто не запрещает мне думать столько, сколько я хочу, — если, конечно, мне этого хочется.

— Кто там? — донесся изнутри резкий, с каким-то металлическим оттенком голос, удививший Сэма. Он шел из переговорного устройства, которого Сэм сначала не заметил. — Ответьте, пожалуйста, кто там?

Сэм наклонился, приложив губы почти к самому микрофону:

— Мистер Тальбот? Гарольд Тальбот?

— Да, это я. Кто вы?

— Сэм Букер, — ответил Сэм так тихо, что его голос мог слышать только тот, кто находился в доме. — Простите, что разбудил вас, но я пришел по поводу вашего письма от восьмого октября.

Тальбот помолчал. Потом в устройстве что-то щелкнуло:

— Я на втором этаже. Мне нужно некоторое время, чтобы спуститься вниз. Пока что я пришлю к вам Муза. Пожалуйста, дайте ему ваше удостоверение, он принесет его мне.

— У меня нет с собой удостоверения, — прошептал Сэм. — Я здесь инкогнито.

— А водительские права? — спросил Тальбот.

— Есть.

— Этого вполне достаточно.

Снова раздался щелчок — устройство выключилось.

— Муз? Что за имя? Кто бы это мог быть? — удивилась Тэсса.

— Черт его знает, — ответил Сэм.

С минуту они ждали, чувствуя себя очень неуютно на крыльце, открытым всем взглядам, и оба были потрясены, когда вдруг из маленькой дверцы внизу, специально приспособленной для выгула домашних животных, выскочила собака. Она бросилась к ногам Сэма, и тот, не сразу сообра-

жив, что это, качнулся назад, оступился и чуть не потерял равновесие.

Наклонившись, чтобы приласкать собаку, Тэсса прошептала:

— Муз?

Лучик света, проникший через открытую дверцу, на минутку осветил крыльцо, но дверца захлопнулась, и снова наступила темнота. Пес был совершенно черным и почти не видимый в ночном мраке.

Присев на корточки возле собаки и позволяя ей лизать свою руку, Сэм поинтересовался:

— Уж не тебе ли я должен вручить свое удостоверение?

Пес тихонько тявкнул, словно подтверждая, что да, именно ему.

— А если ты его съешь, — спросил Сэм, — что тогда?

— Он не будет, — вступилась за собаку Тэсса.

— Откуда вы знаете?

— Это хороший, умный пес.

— Я не могу ему доверять.

— Ну, это, видно, ваша специальность.

— А?

— Не доверять никому.

— И мой характер тоже.

— Но ему вы должны поверить, — настаивала Тэсса.

Сэм протянул собаке свой бумажник. Пес выхватил его из рук и, зажав в зубах, побежал обратно в дом.

Им пришлось подождать еще несколько минут; Сэм с трудом подавлял зевоту. Был уже третий час утра, и он решил, что пора добавить еще один, пятый пункт к своему списку жизненных ценностей: хорошая мексиканская кухня, пиво «Гиннесс Стаут», Голди Хоун, страх смерти и сон. Благословенный сон.

Послышался скрип и скрежет с трудом открываемых замков, и дверь, наконец, отворилась. Сэм и Тэсса вошли в тускло освещенный холл.

Гарри Тальбот, в голубой пижаме и зеленом халате, ожидал их там, сидя в своей инвалидной коляске. Голова как-то неестественно наклонена влево — последствия вьетнамской мясорубки. Он был еще красив, хотя лицо его преждевременно постарело; глубокие морщины, слишком

ранние для сорокалетнего мужчины, бороздили его лоб и щеки. Густые волосы уже наполовину поседели, взгляд запавших глаз был умным и усталым, — видно, этот человек немало повидал на своем веку. Сэм подумал, что в свое время Тальбот был, должно быть, парень не промах, пока годы и увечья не оставили на нем своих печальных следов. Одна его рука беспомощно лежала на коленях, ладонь вывернута кверху, пальцы скрючены. Он был живым памятником самому себе, тому, чем он мог бы стать, — своим разрушенным надеждам, погибшим мечтам, — беспощадное напоминание о войне, оставившей недописанной книгу его жизни.

Как только за Тэссой и Сэмом захлопнулась входная дверь, Гарри Тальбот протянул им свою здоровую руку и воскликнул: «Боже, ну и рад же я, что вы, наконец, пришли!» Улыбка до неузнаваемости изменила его лицо, — широкая, сияющая, теплая, открытая улыбка человека, уверенного в том, что боги одарили его всеми благами мира, послав ему неисчислимые радости и блаженство.

Муз вернул Сэму его бумажник в целости и сохранности.

48

Выйдя из дома Шаддака, Лоуман Уоткинс не поехал сразу в Главное Управление, где пополнение, присланное «Новой Волной», ждало его распоряжений. Он решил сначала заглянуть домой. Домик его, маленький, одноэтажный, весь такой чистенький, бело-голубой, приютился на Айсбэрри Уэй, среди сосен и пихт.

Лоуман не сразу отошел от своей патрульной машины, продолжая стоять на подъездной аллее, разглядывая его. Раньше он любовался своим домом; он любил его так, словно это был сказочно прекрасный дворец, но теперь он больше не находил в себе прежних чувств. Он просто стоял и смотрел. Сэм помнил все счастливые дни, связанные с этим домом, с женой и сыном, но не мог почувствовать воспоминания об этом счастье. Раньше в этих стенах всегда звенел веселый смех, но теперь он затих, и даже память о нем почти стерлась, потускнела, не в силах вызвать даже бледную улыбку на его губах. Если он теперь и улыбался, то не

от души, это была подделка, сплошное притворство, за которым не чувствовалось искреннего веселья.

Лоуману странно было думать, что еще каких-то два месяца назад, в августе, смех и радость были естественной частью его жизни. И вот все это исчезло за несколько недель, и даже в воспоминаниях казалось чем-то давным-давно прошедшим. Пропало, испарилось, утекло, как вода, — после Превращения.

Забавно.

Хотя не так уж и забавно, если задуматься.

Лоуман вошел в дом. Внизу было темно и тихо. Воздух в комнатах был какой-то затхлый, застоявшийся, словно в них давно никто не жил.

Он поднялся по лестнице. Остановившись в холле, Лоуман заметил, что из щели под дверью комнаты Дэнни пробивается свет. Он вошел и увидел, что мальчик сидит за своим письменным столом; на столе перед ним стоял компьютер новой модели, с громадным экраном, и это был единственный свет, горевший в комнате.

Дэнни даже не взглянул на него, продолжая смотреть на экран.

Мальчику было восемнадцать лет — уже не ребенок, — вот почему его решили тоже подвергнуть Превращению, вместе с матерью, вскоре после того, как через это прошел сам Лоуман. Парень был повыше отца и, как считал Лоуман, гораздо симпатичнее. Он уже сдал школьные выпускные экзамены и получил такие высокие оценки, что Лоуману даже странно стало, что у него такой умный сын. Он всегда гордился Дэнни. Теперь, стоя рядом с мальчиком, он попробовал снова вызвать в себе это чувство гордости, но его не было. Ему не за что было сердиться на Дэнни, тот не сделал ничего плохого, чтобы заслужить неодобрение отца. Но гордость, впрочем, как и многие другие чувства, считалась лишней для сознания Новых Людей, ее отбросили, чтобы она не мешала их более высоким и полезным мыслям.

Еще до Превращения Дэнни был без ума от компьютеров; он был из тех мальчиков-фанов, для которых компьютер — не просто прибор, не минутная забава или развлечение, а образ жизни. После Превращения его глубокие позна-

ния в технике и опыт работы с компьютерами стала использовать «Новая Волна». Его обеспечили самым мощным домашним компьютером, и он мог связаться с суперкомпьютером штаб-центра «Новой Волны» — машиной, которая, по описанию Дэнни, включала в себя тысячи тысяч миль проводов и более тридцати тысяч мощных процессоров; они почему-то называли его «Солнце»; возможно, дело было в том, что ни одно научное исследование «Новой Волны» не обходилось без этого электронного чудища, так что все постоянно крутилось вокруг него.

Пока Лоуман так стоял около сына, на экране появилась обширная информация. Слова, схемы, цифры, диаграммы, таблицы появлялись и исчезали с такой скоростью, что только Новые Люди, с их острым умом и невероятным умением сосредоточиться, могли извлечь из всего этого нужные сведения.

Лоуман, правда, не мог их прочитать, но только потому, что он не прошел, как Дэнни, тренировки на «Новой Волне». К тому же у него не было ни времени, ни необходимости где-либо использовать свои громадные возможности.

Но он видел, как Дэнни спокойно, нисколько не напрягаясь, смотрит, не отрываясь, на экран, впитывая в себя бесконечные, бегущие со страшной скоростью строчки данных; лоб его был чист — ни одной морщинки, и по лицу незаметно было, чтобы ему приходилось прикладывать хоть малейшие усилия. После Превращения мальчик, казалось, только наполовину остался человеком из плоти и крови; другая его половина похожа была на хорошо налаженную электронную машину; она связывала его с компьютером такими прочными и глубокими узами, которые не могли быть доступны пониманию Прежних Людей.

Лоуман знал, что его сын — один из тех, кто работает над проектом «Черный Ястреб». Недавно его включили в рабочую группу «Новой Волны», которая занималась бесконечным совершенствованием некоторых аспектов проекта. Их поиски должны были сделать каждое следующее поколение Новых Людей более рациональным, обладающим большей производительностью, а значит — более полезным, чем предыдущее.

По экрану струился бесконечный поток информации.

Дэнни смотрел на него, не отрываясь, не мигая, так долго, что у любого из Прежних Людей давно бы уже навернулись на глаза слезы.

Светящийся экран отбрасывал блики на стены, по комнате метались пляшущие тени.

Лоуман положил руку на плечо мальчика.

Дэнни не взглянул на него, он даже не заметил этого прикосновения. Губы его шевелились, будто произносятся какие-то слова, но до Лоумана не долетало ни звука. Мальчик разговаривал сам с собой, не обращая внимания на отца, оовершенно забыв о его существовании.

Как-то раз, находясь в приподнятом настроении и разговорившись, Томас Шаддак стал развивать мысль о том, что настанет день, когда компьютер можно будет прямо подсоединить к спине человека, воткнув вилку в специальную розетку, вмонтированную в его позвоночник. Это будет очень несложная, но обязательная операция, в результате которой природный и искусственный интеллект сольются воедино. Лоуман не понял тогда, чем это так уж хорошо и для чего это нужно, и Шаддак объяснил: «Новые Люди — это мост между машиной и человеком, Уоткинс. Но в один прекрасный день мы перейдем через этот мост, человек и механизм превратятся в единое целое, потому что только так человечество может достичь предельной эффективности и производительности, только так оно станет полностью управляемым».

— Дэнни, — тихонько позвал Лоуман.

Сын не ответил.

Лоуман дождался еще немножко и вышел из комнаты.

Он прошел через холл и вошел в темную спальню. Грэйс лежала, раскинувшись на кровати.

После Превращения зрение ее стало гораздо острее, и она, как и Лоуман, довольно хорошо видела в темноте, различая, хоть и не полностью, очертания предметов, мебели, окружавших ее вещей. Ночной мир больше не был для них черным, он стал глубокого, сумеречно-серого цвета.

Лоуман присел на край кровати.

— Привет!

Она ничего не ответила.

Он протянул руку и погладил ее длинные каштановые

волосы. Потом провел рукой по щекам — они были мокры от слез. Несмотря на свое прекрасное зрение, он сначала не заметил этого в полумраке комнаты.

Плачет. Грэйс плакала, и это потрясло его — Лоуман еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из Новых Людей плакал.

Сердце его забилося сильнее; на один короткий миг ослепительная, безумная надежда захлестнула его — возможно, угасание всех чувств — только временное состояние, оно пройдет, и все опять станет по-прежнему...

— Что случилось? — спросил Лоуман. — Почему ты плачешь?

— Я боюсь.

Надежда отхлынула. Так значит, ее слезы были вызваны страхом; она плакала от страха и от отчаяния, а Лоуман знал уже, что это — единственные чувства, оставшиеся в прекрасном новом мире, только эти и больше никаких.

— Чего ты боишься?

— Я не могу заснуть, — сказала Грэйс.

— Но тебе и не нужно спать.

— Разве? Но почему?

— Нам больше не нужен сон.

До Превращения сон был необходим людям, так как человеческое тело было тогда исключительно биологическим, а значит, весьма несовершенным и неэффективным механизмом. Ему требовался отдых, чтобы человек мог восстановить силы, потерянные за день, справиться со всякими вредными веществами, проникающими в его организм извне и создаваемыми в нем самом. Но у Новых Людей каждый процесс, происходящий в организме, каждая его функция были отрегулированы с совершенством часового механизма. Все природные недостатки устранялись. Каждый орган, каждая система, каждая клеточка человеческого тела работали теперь с предельно высокой эффективностью, почти без потерь, гораздо быстрее, чем раньше, освобождаясь от всего ненужного и вредного; организм Новых Людей очищался и восстанавливал свои силы ежедневно, не требуя для этого дополнительного отдыха. Грэйс прекрасно знала об этом, так же, как и сам Лоуман.

— Я тоскую по нормальному человеческому сну!

— Это просто привычка; это пройдет.

— Теперь день стал таким длинным; время тянется невыносимо медленно.

— Мы найдем, чем его заполнить. В новом мире все будут заняты.

— А что мы будем делать в этом новом мире, когда он, наконец, будет построен?

— Шаддак нам все скажет.

— А сейчас, пока он еще не наступил...

— Потерпи, — попытался успокоить ее Лоуман.

— Я боюсь.

— Успокойся. Тебе надо набраться терпения и немного подождать.

— Я мечтаю поспать хоть немножко; я истосковалась по сну, не могу так больше!

— Нам не нужно спать, — спокойно ответил Лоуман, проявляя то самое терпение, к которому призывал Грэйс.

— Нам не нужно спать, — произнесла Грэйс как-то невнятно, — и все-таки мы не можем не спать.

Оба немного помолчали.

Потом Грэйс взяла его руку и положила ее к себе на грудь. Она лежала во тьме совершенно обнаженная.

Лоуман попытался отодвинуться; он боялся того, что может произойти, того, что уже случалось с ними раньше, с тех пор, как они прошли через Превращение, того, что накатывало на них, когда они занимались любовью. Нет. Это уже не было любовью. Это было совсем не похоже на любовь. Они больше не любили друг друга. Это был просто секс. За их физическими ощущениями не было больше никаких чувств; ни нежности, ни ласковых, легких прикосновений, ни чуткого отклика на малейшее движение другого, столь близкого и любимого тобой существа, — ничего этого больше не было. Они яростно набрасывались друг на друга, непрерывно нагнетая в себе предельно высокое возбуждение; каждый, не думая о другом, стремился только получить как можно более полное наслаждение. Теперь, когда все богатство чувств со всеми их оттенками ушло из их жизни, они старались заполнить образовавшуюся пустоту примитивными чувственными удовольствиями — в первую очередь, едой и сексом. Однако каждое ощущение, не

окрашенное эмоциями, оставляло томительный привкус чего-то незавершенного, и они пытались заглушить его, безмерно отдаваясь своим желаниям: они не просто ели теперь — они устраивали пиршества, переходившие в разнузданное обжорство. Секс вырождался в бешеное, животное совокупление.

Грэйс притянула его к себе.

Он не хотел этого. Но он не мог сопротивляться, в буквальном смысле не мог противиться этому.

Тяжело и хрипло дыша, дрожа от возбуждения, она сорвала с него одежду и вскочила на него верхом. Из горла ее вылетали странные, нечеловеческие звуки.

Мгновенно волна неистового возбуждения захлестнула Лоумана, и он бросился на нее, ворвался в нее, вонзаясь все глубже и глубже, забыв о времени, не ведая, кто он, где он и что с ним, весь превратившись в огонь, сжигавший его чресла, накачивая и раздувая это пламя, пока оно не вспыхнуло невыносимым жаром; трение и жар... горячее, влажное, жаркое, жгучее, ослепительное... языки немыслимого, дикого пламени, охватившие все его тело... Он менял позы, пригвождая ее к постели, сильными, короткими ударами вколачивая в нее свою плоть, в нее, внутрь, еще и еще, все глубже и глубже, прижимая ее к себе с такой силой, так грубо стискивая, что это могло причинить ей боль, оставить синяки на теле, — но он не думал об этом. Она откинулась назад и впилась в него ногтями, в кровь расцарапывая его кожу; он мял ее тело, вонзаясь в него ногтями и зубами; кровь возбуждала его, вкус крови, сладкий, восхитительный запах крови. Кровь, наслаждение, страсть... Все эти раны, царапины, укусы не имели никакого значения для Новых Людей — на их теле они заживали в считанные секунды, не оставляя никакого следа; кровь мгновенно сворачивалась, царапины зарастали, и они снова впивались друг в друга, вновь и вновь разрывая кожу, нанося все новые раны, с неистовой, нечеловеческой силой. То, к чему оба они стремились, чего жаждали так страстно, — это отбросить все преграды, освободить этот дикий дух разрушения, рвавшийся из них наружу; забыть про все запреты и ограничения цивилизации, даже про свое высшее и конечное ограничение — человеческий облик; стать свободными этой последней, безгранич-

ной свободой, дикими и свободными, как звери, как хищники; окунуться в темную бездну подсознания, в эту крошечную, беспросветную тьму, и тогда секс очистится, вырвется из-под гнета извечных человеческих сдерживающих начал, станет единственным, всепоглощающим наслаждением... Броситься в эту черную пропасть первобытного сознания, — и пустота, сосущая душу, будет заполнена; на смену мятущемуся и страдающему человеческому духу придет бессмысленное и жестокое спокойствие зверя; они возьмут все, что можно, от секса, а когда закончат, смогут охотиться вместе, гнаться и убивать, быстрые и неслышные, скользкие и стремительные, настигая добычу, раздирая ее зубами и когтями, вонзаясь в кровоточащую плоть, охотясь и убивая, извергая фонтаны спермы и крови, свежей, дымящейся крови...

Медленно приходя в себя, Лоуман пытался понять, где он и что с ним было.

Когда сознание, наконец, вернулось к нему, он первым делом взглянул на дверь и заметил, что она осталась открытой. Если бы Дэнни вышел в холл, он мог увидеть их, и уж конечно, он слышал их крики, но Лоуману было все равно, он не заботился о том, что кто-то, даже собственный сын, может их увидеть или услышать. Стыд, скромность, приличия — все это унесло с собой Превращение.

Мысли Лоумана стали проясняться, и сердце его сжалось от страха; он быстро начал ощупывать свое тело — лицо, руки, ноги, грудь; он хотел убедиться, что ничего в нем не изменилось, он все тот же человек, Лоуман Уоткинс. Пока они занимались сексом, дикое, безумное напряжение в нем росло, и иногда в голове его вспыхивали обрывки мыслей, что приближающийся оргазм взорвет его тело, изменив его до неузнаваемости, и он навсегда провалится в первобытную тьму. Не могло такое пройти незаметно, не оставив хоть каких-то следов, хоть небольших изменений. Но ничего не случилось, это было его прежнее, знакомое тело, только все липкое от крови.

Лоуман включил лампочку около кровати.

— Не надо, выключи! — сказала Грэйс.

Но ему недостаточно было видеть только смутные очертания. Он хотел рассмотреть ее всю, убедиться, что с ней

тоже ничего не произошло или... он должен был знать точно.

Нет, она не изменилась; если даже и были какие-то изменения, то она уже успела вернуться в свою высшую, человеческую форму, принять свой прежний вид. Все тело ее было испачкано кровью, кое-где еще виднелись глубокие следы от его укусов.

Лоуман выключил свет и присел на край постели.

Тела их после Превращения получили замечательную способность к самовосстановлению, все порезы, поверхностные царапины и раны затягивались прямо на глазах. Новые Люди были невосприимчивы к болезням, их совершенная иммунная система защищала от любых инфекций, убивая чужеродные вирусы и бактерии. Шаддак считал, что они смогут жить намного дольше Превращенных Людей, возможно, даже не одну сотню лет.

Конечно, их можно было убить, но для этого нужно было прекратить доступ воздуха в легкие, разрушить их мозг и остановить сердце. Можно было перерезать какую-нибудь вену или артерию, но тогда поток крови в ней автоматически резко сокращался на те несколько минут, которые требовались для полного заживления. Если какой-нибудь жизненно важный орган, кроме сердца, легких или мозга, был поврежден, все процессы в теле замедлялись на то время, которое требовалось для ускоренного восстановления. Через несколько часов все снова приходило в норму. Без сомнения, они еще не были таким надежными и прочными, как малины, машины ведь не умирали; достаточно было нескольких запасных частей, и любую машину можно было заново собрать чуть ли не из обломков, отремонтировать так, что она становилась как новенькая; и все-таки тела их стали теперь настолько прочными и выносливыми, что никто за пределами Мунлайт Коува не мог и мечтать о таком.

Жить сотни лет...

Иногда эта мысль мучила Лоумана.

Жить сотни лет, испытывая только страх и примитивные физические ощущения...

Он встал, прошел в ванную и ополоснулся под душем, смывая с себя следы крови.

Он не мог заставить себя встретиться со своим взглядом в зеркале.

Вернувшись в спальню, он достал из шкафа чистую форму и оделся, не зажигая света.

Грэйс продолжала лежать на кровати.

— Мне бы хотелось заснуть, — сказала она.

Он понял, что она опять тихонько плачет.

Лоуман вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь.

49

Они устроились на кухне. Это было любимое место Тэссы, с нею были связаны самые счастливые минуты ее детства и юности, когда вся семья собиралась за вечерним чаем и каждый рассказывал о своих делах, или они обсуждали какие-нибудь проблемы, а иногда так просто, болтали всякие пустяки там, в их старом доме в Сан-Диего. Кухня была сердцем дома, а значит, и сердцем семьи. Каким-то удивительным образом самые трудные вопросы казались легко разрешимыми, если думать о них, сидя в теплой, уютной кухне, пропитанной ароматами кофе или горячего какао, и поедать рассыпчатое домашнее печенье или пирожные. В кухне Тэсса чувствовала себя уверенной и защищенной.

Кухня Гарри Тальбота была просторной, все в ней было приспособлено для человека, передвигающегося по дому в инвалидной коляске. Плита стояла в центре; так, что к ней оставался проход со всех сторон; она была достаточно низкой, так же как и полочки вдоль стен, чтобы до них легко было дотянуться не вставая. Во всем остальном это была кухня как кухня: шкафчики, покрашенные в приятный кремовый цвет; светло-желтая керамическая плитка на стенах; тихое урчание холодильника. Шторы на окнах можно было опустить, нажав на кнопку на одной из полочек, что Гарри и сделал, как только они вошли.

Первым делом они, конечно, проверили телефон; он не работал. Значит, не только платные автоматы, но и вся телефонная система города была отключена. Гарри настоял, чтобы Сэм и Тэсса сели за большой круглый стол, стоявший в углу кухни, а сам занялся приготовлением ароматного колумбийского кофе.

— У вас замерзший вид, — заметил он. — Это вас согреет и освежит.

Тэсса настолько замерзла и устала, что даже для приличия не стала отказываться. Она восхищалась Гарри, тем, как он, с такими ограниченными возможностями, выполняет обязанности гостеприимного хозяина, радушно принимающего неожиданных гостей.

Действуя своей единственной рукой, Гарри несколькими ловкими движениями достал из хлебницы пакет с яблочными бисквитами с корицей, кусок шоколадного торта из холодильника, расставил на столе тарелочки, разложил вилки и бумажные салфетки. Сэм и Тэсса хотели помочь, но он, улыбаясь, уговорил их сесть на место, заверив, что прекрасно справится сам.

Тэсса чувствовала, что он отказывается от их помощи вовсе не потому, что пытается что-то доказать им или самому себе. Он просто радовался гостям, даже в такой поздний час и при таких странных обстоятельствах. Наверное, ему не часто приходилось провести вечерок в приятном обществе.

— Сливки нет, — извинился хозяин. — Только пакет молока.

— Ну и прекрасно, — ответил Сэм.

— И боюсь, что не найдется также изящного фарфорового молочника, — улыбнулся Гарри, ставя пакет с молоком на стол.

Тэсса размышляла, как здорово было бы снять о Гарри документальный фильм; о том мужестве, которым обладал этот человек, не сдавшийся, выстоявший даже в самых страшных условиях и оставшийся самостоятельным и независимым. Ее дело, ее искусство всегда жило в ней, и сейчас, несмотря на все пережитое за последние несколько часов, она снова слышала его тихий, но настойчивый зов. Тэсса давно уже поняла, что творческий процесс невозможно остановить, просто повернув выключатель; ее глаз оператора продолжал работать, ее мозг продолжал творить, даже когда закрывался объектив кинокамеры. Еще не оправившись от горя, тяжело переживая смерть сестры, Тэсса уже вынашивала идеи будущих фильмов, задумывалась над новыми сценариями, представляла себе возможные

варианты съемок, наиболее удачные повороты. Даже в огне войны, отступая вместе с афганскими повстанцами, когда вся земля горела под ногами, а сверху над ними нависала тень советских самолетов, она радовалась уже отснятым удачным кадрам и тому, какой отличный фильм может из этого получиться, когда она сможет, наконец, засесть с этим материалом в своей монтажной; Тэсса была уверена, что и трое ее помощников испытывают те же самые чувства. Так что она не чувствовала себя теперь ни смущенной, ни виноватой в том, что художник, живущий в ней, не закрывает глаза и не умолкает даже в часы горестей и несчастий; для нее это было естественно, это означало творить и дышать, это было ее жизнью.

Кресло Гарри было прекрасно приспособлено ко всем его нуждам; сиденье можно было поднять до такого уровня, чтобы удобно было сидеть за обычным обеденным или письменным столом. Приготовив все для кофе, он занял место рядом с Тэссой, напротив Сэма.

Муз наблюдал за ними из угла, время от времени поднимая голову, словно интересуясь разговором, хотя, возможно, его больше привлекал запах шоколадного торта. Пес вел себя очень достойно — не бродил вокруг стола, поскуливая и выпрашивая подачку, не рычал и не лаял, — Тэсса восхищалась его выдержкой и самообладанием.

Кофе был разлит по чашечкам, гости отдали должное бисквитам и торту; после этого Гарри начал:

— Вы уже рассказали мне, что вас привело сюда, Сэм, — не только мое письмо, но и все эти так называемые несчастные случаи. — Он взглянул на Тэссу; она сидела справа от него, и из-за того, что голова его была постоянно повернута влево, казалось, будто он откинулся назад, глядя на нее подозрительно или уж, по крайней мере, скептически, хотя это впечатление тут же исчезало благодаря теплой, ласковой улыбке, выражавшей его истинные чувства. — Но как вы оказались здесь, мисс Локлэнд?

— Пожалуйста, называйте меня просто Тэсса. Понимаете... моя сестра — Дженис Каппоу...

— Жена Ричарда Каппоу, лютеранского пастора? — воскликнул Гарри удивленно.

— Вот именно.

— О, они часто заходили ко мне. Я не был в числе их прихожан, но такие уж они были люди. Мы подружились. После его смерти она все равно продолжала ко мне заглядывать. Ваша сестра была такой милой, чудесной женщиной, Тэсса! — Гарри поставил чашку и здоровой рукой дотронулся до руки Тэссы. — Она была моим другом.

Тэсса сжала его руку в своей. Это была огрубелая, мозолистая рука, такая крепкая, словно в нее влилась вся неистраченная сила его парализованного тела.

— Я видел, как ее тело повезли на кремацию в похоронную контору Каллана, — сказал Гарри. — Я наблюдал это в телескоп. Я наблюдатель; что-то вроде дозорного. Этим-то я и занимаюсь большую часть времени — наблюдаю. — Он слегка покраснел и еще крепче сжал руку Тэссы. — Я никого не выслеживаю. Я вообще не люблю совать свой нос в чужие дела. Я просто... участвую... как бы присоединяюсь к окружающей жизни. Не думайте, я люблю читать, у меня масса книг, и я часто подолгу размышляю обо всем, но именно это наблюдение помогает мне чувствовать себя причастным ко всему, что происходит вокруг. Мы потом поднимемся наверх. Я вам покажу свой телескоп и вообще все оборудование. Я думаю, вы поймете. Я очень надеюсь. Короче говоря, я увидел, как они привезли Дженис в контору Каллана. Это было ночью, и тогда я еще не знал, кто это. Я узнал об этом только через два дня, когда о ее смерти напечатали в местной газете. Я не мог поверить, что она умерла так, как они хотели это представить. И сейчас не верю.

— Я тоже, — сказала Тэсса. — Потому-то я здесь.

Очень неохотно Гарри отпустил, наконец, руку Тэссы, пожал ее напоследок.

— Слишком много трупов за последнее время, большинство из них привозили к Каллану по ночам, часто в сопровождении полицейских — чертовски странно для такого тихого маленького городка, как наш Мунлайт Коув.

— Двенадцать несчастных случаев и самоубийств меньше, чем за два месяца, — уточнил Сэм.

— Двенадцать? — воскликнул Гарри.

— Вы не знали, что их было так много? — спросил Сэм.

— Что вы, их было гораздо больше!

Сэм растерянно заморгал.

— По моим подсчетам, около двадцати, — закончил Гарри.

50

Проводив Уоткинса, Шаддак вернулся в кабинет к своему компьютеру, снова подключился к «Солнцу» — центральному сверхмощному компьютеру «Новой Волны» — и углубился в работу над проектом. Была уже половина третьего утра, но он собирался еще несколько часов поработать; обычно Шаддак ложился только на рассвете.

Он уже несколько минут сидел за пультом, когда зазвонил его личный телефон.

До того времени, пока Букер не будет схвачен, компьютер телефонной компании перекрыл все номера. Звонить друг другу могли только люди, уже прошедшие Превращение. Всякая связь с внешним миром была перерезана до тех пор, пока все не будет закончено. Тем, кто пытался позвонить в Мунлайт Коув, автоответчик с соответствующими выражениями сожаления сообщал, что на линии авария и что все будет исправлено в течение двадцати четырех часов.

Таким образом, Шаддак не сомневался, что звонит один из превращенных, а поскольку это был его личный телефон, то он полагал, что это кто-либо из его ближайших сотрудников из «Новой Волны». На индикаторе высветился номер звонившего, и Шаддак сразу узнал его — звонил Майк Пэйсер. Он снял трубку:

— Шаддак слушает!

На том конце провода слышалось тяжелое, прерывистое дыхание, но никто не произносил ни слова.

— Хэлло! — повторил Шаддак нахмурившись.

Звонивший молчал, продолжая хрипло дышать в трубку.

— Майк, это ты? — спросил Шаддак.

Голос, который ему, наконец, ответил, был гортанный, почти рычащий; он то срывался на визг, то в нем появлялись какие-то звуки, напоминавшие свист и громкое шипение; он был похож на голос Пэйсера и все же как будто не его, какой-то странный, чужой:

— ...что-то не так, не так, что-то очень плохо, плохо, не

так, не могу измениться, не могу... плохо, очень плохо, не так...

Шаддак не хотел признаваться даже самому себе, что узнал голос Майка Пэйсера в этом диком рычании и зловещем свисте.

— Кто говорит? — переспросил он.

— ...хочу, хочу... я горю, жажду, хочу...

— Кто это? — злобно рявкнул Шаддак, но в голове его крутился другой вопрос: «Что это?»

В уши ему ворвался рев страшной боли, к которому примешивался стон глубокой тоски, резкий, пронзительный вопль отчаяния, и все это слилось, в конце концов, в одно глухое, дикое мычание. Слышно было, как трубка со стуком упала.

Шаддак отвернулся от экрана, включился в систему полицейской информации и послал срочную депешу Лоуману Уоткинсу.

51

Сидя на высоком табурете в темной спальне на втором этаже, склонившись к окуляру, Сэм Букер изучал задний двор похоронной конторы Каллана. Ветер унес прочь почти весь туман и теперь трепал немногие оставшиеся рваные клочья, бился в окно и гнул деревья на склонах холмов, облепленных домиками, — почти все улицы Мунлайт Коува или поднимались на их вершины, или полого спускались к берегу океана. Фонари во дворе у Каллана не горели, только из-за штор, закрывавших окна крематория, сочился свет. Без сомнения, там сжигали тела еще двух жертв, растерзанных сегодня в «Коув Лодже».

Тэсса, сидя за спиной у Сэма на краю кровати, ласкала Муза; голова собаки лежала у нее на коленях.

Рядом в своем кресле расположился Гарри. В руке у него был блокнот с записями, — нечто вроде дневника, — в который он заносил все события, происходившие в последнее время в конторе Каллана; свет от маленького фонарика падал на листок.

— Первое, по крайней мере — первое, что показалось мне необычным, случилось в ночь на двадцать восьмое

августа, — начал Гарри. — Без двадцати двенадцать. Они привезли сразу четыре трупа — на катафалке и на машине скорой помощи. Их сопровождала полиция. Тела были в пластиковых мешках, так что я ничего не мог разглядеть, но и полицейские, и врачи скорой помощи, и люди Каллана были заметно... как бы это выразиться... встревожены. Их лица были озабочены, на них была тревога и... страх. Они поминутно оглядывались вокруг, на окна близлежащих домов, на переулок, будто боялись, что кто-нибудь может их заметить, и это было довольно странно, не правда ли, — ведь они просто выполняли свою обычную работу. Ну хорошо, потом в местной газете появилась заметка о том, что семья Майзеров погибла во время пожара, и я понял, что это их привезли к Каллану той ночью. Полагаю, что они так же горели, как ваша сестра покончила жизнь самоубийством.

— Я тоже так думаю, — согласилась Тэсса.

Не отрываясь от телескопа, Сэм заметил:

— Майзеры есть в моем списке. Их случай расследовался в деле Санчеса-Бустамантэ.

Гарри откашлялся и продолжал:

— Через шесть дней, третьего сентября, в контору Каллана вскоре после полуночи привезли еще два тела. На этот раз все выглядело более странно, потому что их доставили не на катафалке и не в машине скорой помощи. Их выгрузили с задних сидений полицейских машин, завернутые в испачканные кровью простыни.

— Третьего сентября? — переспросил Сэм. — В моем списке нет такой даты. Санчес и Бустамантэ погибли пятого. На третье число не было выписано никаких свидетельств о смерти. В официальных отчетах о них тоже не было не слова.

— И в местных газетах не напечатали ни строчки, — добавил Гарри.

— Как же это могло случиться? — удивилась Тэсса. — Кто же они были?

— Возможно, кто-нибудь из приезжих, — предположил Сэм, — по пути, на свое несчастье, заглянувших в этот город; тут они и нашли свою смерть. Видимо, их гибель легко можно было скрыть, так что никто не узнал, что с ними случилось. Просто пропали в дороге.

— Тела Санчеса и Бустамантэ кремировали пятого, а седьмого — Джима Армса, — продолжал Гарри.

— Но Армс ведь пропал в море, — Сэм оторвался от телескопа и, нахмурившись, посмотрел на Гарри.

— Труп привезли к Каллану в одиннадцать часов вечера, — уточнил тот, сверяясь со своей записной книжкой. — Шторы на окнах не были опущены, так что я мог заглянуть внутрь и видел все так, будто находился в той же комнате. Я видел тело... в каком ужасном состоянии оно было. И лицо. Дня через два, когда в газете сообщили об исчезновении Армса, я понял, что это тот парень, которого они отправили в печь.

Вся комната была погружена в полумрак; только узенькая полоска света падала от крошечного фонарика, полуприкрытого рукой Гарри, на белые листы блокнота. Казалось, листы эти излучают собственный свет, словно страницы священной — а может быть, дьявольской, — книги. Отсветы ложились на изможденное лицо Гарри, и в этом неверном свете морщины, пересекавшие его лоб, залегшие под глазами, казались еще глубже; он словно сразу постарел на несколько лет. Каждая его морщинка, думал Сэм, след тяжелых испытаний и боли. В нем поднималась теплая симпатия к этому человеку. Не жалость, нет. Нельзя жалеть такого мужественного, сильного человека, как Тальбот. Но Сэм представлял себе, насколько замкнута и одинока была, должно быть, жизнь этого ветерана. Он смотрел на человека в инвалидной коляске, и в душе его росло негодование. Почему соседи его оказались настолько черствыми людьми; почему не позволяли Гарри чувствовать себя полноценным членом их общества, таким же человеком, как и они сами; они могли бы приглашать его почаще на обед, звать его в гости на праздники. Как могли они допустить, чтобы человек почувствовал себя настолько одиноким, что единственными средствами общения для него, единственной возможностью хоть как-то участвовать в общей жизни, стали телескоп и бинокль? Острая боль пронзила сердце Сэма при мысли, что люди, видимо, никогда не смогут понять друг друга, да и не хотят этого делать; они отгораживаются от своих ближних и каждый, словно в крепости, замыкается в своем маленьком мирке. С горечью подумал он о том, что и сам не способен найти общий язык даже с

собственным сыном, таким незащищенным и так быстро отдаляющимся от него.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что тело Армса было в ужасном состоянии? — спросил он у Гарри.

— Оно было все в глубоких рваных царапинах; все израненное.

— Он не утонул?

— Ничего такого не было заметно.

— Израненное... А как именно? — Тэсса хотела знать подробности.

Сэм понял, что она думает о тех людях, чьи крики слышала в мотеле; и о своей сестре.

Гарри колебался, потом ответил:

— Ну что ж, я видел его на столе в крематории, как раз перед тем, как они опустили его тело в печь. Он был... живот его был разодран, все внутренности наружу... То, что оставалось, конечно... Шея перерезана, голова еле держалась на ней. Тело выглядело так, будто... его хотели разорвать на куски. Он похож был на человека, подорвавшегося на осколочной мине.

Все замолчали, обдумывая то, что рассказал Гарри.

Только Муз был совершенно невозмутим. Тэсса почесывала ему за ушами, и пес тихо, довольно урчал.

Сэм размышлял о том, что, возможно, не так уж плохо быть животным, низшим существом, живущим только своими чувствами, ощущениями, не ведающим, что значат муки разума. Или наоборот... умной машиной, компьютером, абсолютно лишенным чувств, — один только чистый разум. Этот двойной тяжкий груз эмоций и высшего разума несет только человек, он — единственное существо в природе, сгибающееся под такой непосильной ношей, оттого-то жизнь и кажется такой трудной штукой. Человек всегда анализирует свои чувства, вместо того, чтобы просто жить настоящим моментом, и, зная о том, что он должен ощутить в каждой определенной ситуации, старается вызвать в себе нужные чувства. Все его мысли и рассуждения неизбежно окрашены эмоциями, причем часто это происходит на уровне подсознания, так что человек даже сам не понимает, почему он принимает те или иные решения, действует именно так, а не иначе. Чувства мешают ему мыслить ясно

и трезво, а рассуждения лишают эмоции их остроты. Человек, пытающийся глубоко чувствовать и логически рассуждать в одно и то же время, похож на фокусника-велосипедиста, который удерживает равновесие на одном колесе на проволоке, натянутой высоко над землей, одновременно жонглируя серебряными булавами, сверкающими в воздухе.

— После того, как в газете напечатали заметку об исчезновении Армса, — снова начал Гарри, — я ожидал, что со дня на день появится опровержение, но этого не случилось; вот тогда-то я и начал подозревать, что в конторе Каллана происходят не просто странные вещи, что здесь пахнет преступлением и что полиция, вероятно, тоже в этом замешана.

— Паулу Паркинс тоже разорвали на части, — заметил Сэм.

Гарри кивнул:

— Считается, что ее собственные доберманы.

— Доберманы? — удивилась Тэсса.

В прачечной Сэм успел только вкратце рассказать ей, что смерть ее сестры — один из многих довольно подозрительных несчастных случаев и предполагаемых самоубийств, случившихся за последнее время в этом городе; подробности он опустил. Теперь он быстро пересказал ей историю Паркинс.

— Можно не сомневаться, что это сделали не ее собаки, — заметила Тэсса. — Ее растерзали те, кто убил Армса и этих людей, сегодня вечером, в «Коув Лодж».

Гарри еще ничего не знал об убийстве в мотеле. Сэму пришлось объяснить ему, что там произошло и как он встретил Тэссу в прачечной на Оуэнз Авеню.

Странное, задумчивое выражение появилось на преждевременно постаревшем лице Гарри. Он повернулся к Тэссе:

— Хм... А вы не видели этих чудовищ в мотеле? Не удалось вам взглянуть на них хотя бы одним глазком?

— Я видела только ногу одного из них, сквозь щель под дверью.

Гарри, как будто собиравшийся что-то сказать, неожиданно умолк и задумался.

«Ему что-то известно, — подумал Сэм. — И кажется, больше, чем нам».

Но Гарри, по каким-то причинам не желавший пока делиться своими сведениями, вернулся к записям, лежавшим у него на коленях.

— Через два дня после гибели Паулы Паркинс к Каллану около половины десятого привезли еще один труп.

— Это значит, одиннадцатого сентября? — переспросил Сэм.

— Да.

— В отчетах нет никакого упоминания об этом; свидетельство о смерти тоже не было выписано.

— Ну и газеты, конечно, молчали.

— Продолжайте, пожалуйста. Что же дальше?

— Дальше — пятнадцатое сентября...

— А, Стив Хэйнц и Лаура Далькоу, — припомнил Сэм.

— Он, вроде бы, сначала убил ее, а потом покончил с собой. Любовная драма, как нас уверяли.

— И еще одна поспешная кремация, — заметил Гарри.

— А на третью ночь после этого к Каллану доставили еще два тела; это было вскоре после часа ночи, я как раз собирался ложиться спать.

— О них тоже не было никаких официальных сообщений, — нахмурился Сэм.

— Еще два путешественника, завернувших в город навестить друзей или пообедать? — высказала предположение Тэсса. — А может быть, кто-нибудь просто проезжал по шоссе там, где оно проходит по городским окраинам?

— Они могли быть и местными, — перебил ее Гарри. — Я имею в виду, что в каждом городе всегда найдутся люди, которые не живут там постоянно; они обычно нигде долго не задерживаются, переезжая с места на место. Они снимают у кого-нибудь дом, предпочитая не обзаводиться собственным; почти ни с кем не поддерживают связей, так что для того, чтобы скрыть их убийство, достаточно состряпать нехитрую байку — мол, внезапно снялись с места и уехали неизвестно куда, в поисках новой работы, да мало ли что... И соседи вполне могли поверить.

«Тем более если их уже «превратили» и они сами участвуют в заговоре», — подумал Сэм.

— Затем двадцать третье сентября, — продолжал Гарри.

— Это, должно быть, была ваша сестра, Тэсса.

— Да.

— К тому времени я уже понял, что должен рассказать кому-нибудь обо всем, что видел. Кому-нибудь из властей. Но кому? Я не доверял никому из местных, так как видел, что полицейские сами доставляют тела в крематорий, и в газетах потом не появлялось ни слова. Окружному шерифу? Но он бы скорее поверил Уоткинсу, а не мне, не так ли? Черт побери, все думают, что калека обязательно должен быть со странностями, что у него и с головой не все в порядке; люди всегда почему-то связывают физические увечья с психикой, хотя бы даже подсознательно. Так что они заранее были бы настроены недоверчиво. И, надо признаться, это действительно дико звучит, когда начинаешь рассказывать, — все эти трупы, тайные кремации... — Гарри на минутку остановился. Лицо его помрачнело. — Тот факт, что я ветеран, имею награды, вряд ли повлиял бы на их отношение и не придавал бы достоверности моему рассказу. Для них все это уже стало историей, делами давно минувших дней. Более того, они могли повернуть это против меня... Они называли это послевоенным вьетнамским синдромом. «Бедный старина Гарри, — вы слышали? — в конце концов он все-таки свихнулся... ну да, конечно, после той проклятой войны...»

До сих пор Гарри старался говорить только по существу, сухо перечисляя факты, не примешивая к этому никаких личных эмоций; но последние его слова были словно камень, брошенный в воду и замутивший ее спокойную поверхность; море взволновалось, и со дна его поднялись боль, одиночество и отверженность.

Теперь голос его дрожал и несколько раз даже пресекался от волнения:

— И должен признаться, что частично причина моего молчания заключалась в том, что... я боялся. Я не мог понять, что за чертовщина здесь творится. Не знал, каковы ставки в этой игре. Я боялся, что они заставят меня замолчать, придут за мной ночью и отправят туда же, куда уже последовали все их предыдущие жертвы, — прямо в печь Каллана. Вы, наверное, думали, что если человек потерял так много, то ему уже ничего не страшно, ему все равно, потеряет ли он что-то еще, даже жизнь; но это не так, совсем наоборот. Для меня жизнь значит, наверно, гораздо больше,

чем для здоровых, нормальных людей. Поскольку мое тело перестало служить мне и возможности передвижения были весьма ограничены, последние двадцать лет я провел вдали от этой вечной спешки и суеты, от этого бесконечного круговорота дел, который не дает вам остановиться и на секунду; у меня было время смотреть и думать, наслаждаться красотой мира и размышлять о жизни, ее трудностях и противоречиях. В конце концов получилось так, что мои увечья заставили меня еще больше полюбить жизнь, ценить каждый прожитый день так, как не ценят его здоровые люди. Поэтому я боялся их, боялся, что они придут и убьют меня, и не мог решиться рассказать кому-нибудь о том, что видел. Да простит меня Бог, если бы я набрался храбрости, если бы связался с Бюро раньше, может быть, кого-то удалось бы спасти. Может быть... ваша сестра была бы жива.

— Не смейте даже думать об этом, — воскликнула Тэсса. — Если бы вы поступили иначе, ваш пепел уже соскрестили бы со дна печи Каллана и бросили в море. Судьба моей сестры была предрешена, и вы тут ничего не могли изменить.

Гарри молча кивнул и ключил фонарик; в комнате стало еще темнее. Он еще не закончил читать свои записки, и Сэм подозревал, что щедрое великодушие и доброта Тэссы вызвали слезы на его глазах, и он не хочет, чтобы кто-нибудь об этом догадался.

Гарри не нужно было заглядывать в блокнот, он наизусть помнил то, что там было записано:

— Двадцать пятого в двадцать два часа пятнадцать минут к Каллану привезли еще один труп. Самое странное, что его доставили не на катафалке, не в машине скорой помощи и даже не в полицейской машине... Его привез самолично Лоуман Уоткинс...

— Начальник полиции, — объяснил Сэм Тэссе.

— ...но он был на собственной машине и без формы, — добавил Гарри. — Тело было завернуто в одеяло. Шторы на этот раз тоже забыли опустить, так что мне все было хорошо видно. Я не узнал несчастного, но состояние, в котором находился труп, было мне уже знакомо... С ним сделали то же, что с Армсом.

— Разодранный и искалеченный? — спросил Сэм.

— Да, — подтвердил Гарри. — Потом отряд ФБР прибыл в город по делу Санчеса-Бустамантэ; когда я прочитал об этом в газетах, у меня словно камень с души свалился; я был уверен, что уж теперь-то все раскроется, объяснится. Но вскоре, четвертого октября, к Каллану опять доставили два трупа...

— Наша группа как раз здесь работала, — сказал Сэм. — Это было в начале расследования. Они не видели никаких свидетельств о смерти, никакие такие бумаги при них не заполнялись. Так вы утверждаете, что это случилось под самым их носом?

— Ну да. Мне не нужно заглядывать в блокнот, я и так все прекрасно помню. Тела привезли в кузове грузовика Риза Дорна. Это местный полицейский, но в ту ночь он был без формы. Покойников втащили внутрь, но шторы не закрыли, и я увидел, как они затолкали в печь оба трупа сразу, будто хотели как можно скорее от них избавиться. Потом еще, в ночь на седьмое, у Каллана опять была какая-то суматоха, но туман был слишком густой, ничего невозможно было рассмотреть, так что я не могу утверждать, что еще кого-то кремировали. Ну и наконец... сегодня вечером. Это был труп ребенка. Маленького ребенка.

— Плюс двое убитых в «Коув Лодже», — добавила Тэсса. — Итого — двадцать две жертвы, а не двенадцать, как думал Сэм. Этот славный городок напоминает бойню.

— Возможно, убитых даже больше, чем мы думаем, — заметил Гарри.

— Как это?

— Ну, я ведь не целый вечер наблюдаю за ними, да и не каждый день. К тому же, около половины второго, самое позднее, в два, я ложусь спать. Кто может поклясться, что в то время, когда я не смотрю туда, или глухой ночью, когда все спят, они не привозили еще кого-нибудь?

Размышляя обо всем этом, Сэм снова склонился над телескопом. Во дворе у Каллана по-прежнему было темно и пусто. Он стал медленно поворачивать трубу правее, так, чтобы в поле его зрения попала северная часть города.

— Но почему они убивают? — недоуменно воскликнула Тэсса.

Никто не мог ей на это ответить.

— И чем? Какое у них оружие? — добавила она.

Сэм в это время изучал кладбище, расположенное севернее Конкистадор Авеню. Он вздохнул, оторвался от телескопа и рассказал им о том, что с ним произошло сегодня вечером на Айсбэрри Уэй.

— Тогда я подумал, что это подростки, наркоманы, малолетние преступники; но теперь я уверен, что это те же существа, которые совершили убийство в мотеле, те, чьи ноги вы видели в щели под дверью.

Даже в темноте Сэм почувствовал, что Тэсса мучительно сдвинула брови, задавая следующий вопрос:

— Но кто же они?

Слегка поколебавшись, Гарри ответил:

— Упыри-привидения.

52

В четвертом часу утра, взяв две машины, с пятью помощниками, вооруженными револьверами и автоматами, Лоуман Уоткинс приближался к дому Майка Пэйсера. Они ехали очень тихо, не включая полицейских сирен, а последнюю четверть мили и с потушенными фарами. Лоуман надеялся, что им не придется использовать оружие, он взял его, в основном, чтобы напугать Майка, заставить его подчиниться. До сих пор они только один раз встречались с регрессивным лицом к лицу, тогда, четвертого сентября, в кинотеатре, и не были готовы к его яростному сопротивлению. В тот раз, спасая свои жизни, им пришлось раздробить Джордану Кумсу голову. Шаддаку для его исследований досталось лишь мертвое тело. Он рассвирепеет, если потеряет еще одну возможность покопаться в мозгу, — в живом, действующем мозгу, — одного из метаморфных психопатов. К сожалению, они не могли использовать транквилизатор — ведь регрессивные были все же Новыми Людьми, хоть превращение их пошло и не в ту сторону, а организм любого Нового Человека отличался тем, что все процессы в нем шли с невероятной скоростью; это касалось не только моментально заживающих ран и царапин, но и реакции на яды. Любой яд, попадавший в организм, мгновенно подвергался распаду и выводился, не успев оказать никакого вредного воздействия. То же каса-

лось и транквилизаторов. Таким образом, единственное, что им оставалось, — это попробовать уговорить Майка добровольно следовать за ними, что было весьма маловероятно.

Домик Майка Пэйсера был очень миленький, одноэтажный, с двумя верандами. От окружавших его сосен и кипарисов шел приятный смолистый дух. Свет нигде не горел, все окна были темными.

Лоуман оставил двух полисменов снаружи, чтобы они захватили Пэйсера, если он вздумает сбежать через окно, третьего поставил у двери прикрывать выход. Взяв с собой Шольника и Пэннивесу, он обошел дом и неслышно поднялся по ступеням заднего крыльца.

Туман рассеялся, и видно было довольно хорошо. Но завывания ветра заглушали все остальные звуки, и это было опасно — они могли не услышать Пэйсера.

Пэннивес и Шольник встали справа и слева от двери; оба держали наготове крупнокалиберные винтовки.

Лоуман потянул на себя дверь. Она оказалась не заперта. Он распахнул ее и вошел в дом.

Полисмены друг за другом осторожно вошли в темную кухню. Оба готовы были в любой момент выстрелить, хотя знали, что их цель — взять Пэйсера по возможности живым. Но они вовсе не собирались жертвовать собой только ради того, чтобы доставить Шаддаку эту тварь живьем. Один из них нащупал выключатель.

Лоуман, тоже вооруженный, шел за ними. По всему полу в кухне валялись пустые миски, осколки тарелок, грязные обертки вперемешку с остатками макарон, измазанных в томатном соусе, яичной скорлупой, корками от пирога и другими объедками. Один стул валялся, перевернутый, в углу, от другого остались только обломки; несколько керамических плиток было разбито.

Из кухни можно было выйти прямо в столовую; там, в полумраке, в слабых лучах света, проникавших из кухни, виден был стол и несколько стульев.

Барри Шольник заметил какую-то дверцу слева от холодильника и толкнул ее. За ней были целые ряды полок, заставленных многочисленными банками с консервами и маринадами; вниз уходили ступени — очевидно, они вели в погреб.

— Этим мы займемся позже, — тихо сказал Лоуман. — Сначала осмотрим дом.

Шольник осторожно, почти беззвучно поднял перевернутый стул и забаррикадировал им дверь так, чтобы никто, поднявшись из подвала, не смог к ним подкрасться незаметно.

Они с минуту постояли, прислушиваясь.

Ветер, налетавший порывами, бился в окна и деревянные стены дома. Оконные стекла дрожали от его ударов. Балки на чердаке скрипели, а с крыши доносился приглушенный стук доски, оторвавшейся от кровли.

Полицейские смотрели на Лоумана, ожидая его распоряжений. У Пэннивеса был совсем юный вид; ему было двадцать пять, но никто не дал бы ему больше восемнадцати; лицо у него было такое свежее, румяное и простодушное, что его скорее можно было принять за распространителя религиозных брошюр, а не за сыщика. Шольник был его на десять лет старше и выглядел его полной противоположностью.

Лоуман молча указал им на дверь столовой.

Полицейские вошли. Повернув выключатель, они увидели, что в столовой никого нет, и прошли дальше, в гостиную.

Пэннивес зажег тяжелую медную лампу, которая казалась чуть ли не единственным целым предметом среди перевернутых, разломанных и разбитых вещей, валявшихся по всей комнате. Диванные подушки и сиденья стульев были разодраны в клочья; всюду были разбросаны куски их мягкой обивки, похожие на шляпки ядовитых грибов. Книжные полки были пусты, и весь пол был усеян обрывками книжных страниц и обложек. Керамическая лампа, две вазы и стеклянная крышка кофейного столика были разбиты вдребезги. Телевизор был весь разломан, от экрана остались одни осколки. Видно было, что слепая ярость и бешеная, дикая сила еще недавно бушевали в этой комнате, устроив здесь этот страшный разгром.

В нос им ударил сильный запах мочи и еще какой-то, не такой острый, но незнакомый. Возможно, так пахло существо, учинившее этот погром. Кисловато пахло потом и еще чем-то странным, от чего Лоуман почувствовал, что его сейчас вывернет наизнанку, и в то же время все внутри у него сжалось от страха.

Налево был холл, через который можно было пройти в спальни и ванные. Лоуман держал его под прикрытием своего револьвера.

Из гостиной в холл вела полукруглая дверь в виде арки. Полицейские вошли и огляделись. Заметив справа у двери стенной шкаф, Шольник направил на него свой револьвер; Пэннивес резко распахнул дверцы — ничего, кроме одежды.

Итак, самая легкая часть поисков осталась позади. Перед ними лежал узкий коридорчик с тремя дверями по сторонам, одна из которых была полуоткрыта, две другие просто прикрыты, но неплотно, за ними — темные комнаты. Здесь почти невозможно было маневрировать, и регрессивный мог выскочить и наброситься на них совершенно неожиданно.

Снаружи, словно гигантский ночной мотылек, бился ветер. Он задувал в водосточную трубу, играл на ней, как на флейте, извлекая тягучие, заунывные звуки.

Лоуман никогда не принадлежал к тем начальникам, которые посылают своих людей в самое пекло, а сами руководят ими с безопасного расстояния. Правда, у него не было больше гордости, чувства собственного достоинства и чувства долга, — он потерял почти все эмоции, считавшиеся недостатком Прежних Людей, — и все же долг, как старая привычка, продолжал жить в нем; пожалуй, даже не привычка, а рефлекс, и он действовал, бессознательно подчиняясь ему, так же как до Превращения. Лоуман первым вошел в коридорчик; по левую руку были две двери и одна — по правую. Он сразу метнулся в конец коридорчика, ко второй двери, которая была полуоткрыта. Он пнул ее ногой и прежде чем дверь, ударившись о стену, захлопнулась, увидел в глубине маленькую пустую ванную.

Пэннивес взял на себя первую комнату. Он вошел и стал искать выключатель. Лоуман подошел как раз когда зажегся свет, и они увидели кабинет с письменным столом, двумя стульями, шкафами и высокими книжными полками, заставленными книгами с яркими разноцветными корешками; тут же стояли два компьютера. Лоуман вошел, держа под прицелом стенной шкаф, пока Пэннивес осторожно открывал его зеркальные дверцы.

Никого.

Барри Шольник оставался в коридорчике, прикрывая последнюю неосмотренную комнату. Когда Лоуман и Пэннивес присоединились к нему, он толкнул дверь дулом своего револьвера, распахнув ее настежь. В ту же секунду сам он отпрыгнул в сторону, уверенный, что сейчас кто-нибудь бросится на него из темноты, но ничего не случилось. Поколебавшись, Шольник шагнул в комнату, нащупал рукой выключатель и повернул его. «О, Боже!» — только и мог произнести он, отшатнувшись и быстро отступая обратно в коридор.

Глядя через его плечо, Лоуман увидел у противоположной стены какое-то дьявольское существо, припавшее к полу не то от страха, не то изготовившись к прыжку. Без сомнения, это был Пэйсер, регрессивный, однако он не был похож на Джордана Кумса, как ожидал Уоткинс. Конечно, какое-то сходство было, но очень небольшое.

Прикрываемый сзади Шольником, Лоуман переступил через порог.

— Пэйсер?

Существо заморгало, его безобразно искривленные губы зашевелились. Голосом, в котором слышался свист вперемежку с каким-то гортанным рычанием, звучали дикие и в то же время мучительные нотки, как у страдающего разумного существа, он произнес:

— Пэйсер, Пэйсер, Пэйсер, я, Пэйсер, я, я, Пэйсер...

Здесь тоже пахло мочой, но гораздо сильнее и резче был другой запах — острый, мускусный...

Лоуман прошел в комнату, Пэннивес за ним. Шольник продолжал стоять в дверях. Между Уоткинсом и Пэйсером оставалось теперь не больше трех с половиной метров. Пэннивес двигался плечом к плечу со своим начальником, держа револьвер наготове.

Джордан Кумс, которого они четвертого сентября загнали в угол в разгромленном кинотеатре, тоже был в измененном состоянии, но он тогда напоминал громадную гориллу с мощным телом и двигался, как обезьяна, пригнувшись к земле. Вся фигура Майка Пэйсера была вытянута вперед, он передвигался почти параллельно полу, стлался, словно волк в прыжке. Ноги его в бедрах отходили от спины под таким углом, что ни стоя, ни сидя он не мог бы выпрямиться

до конца; верхняя часть их была слишком короткой, зато нижняя — непомерно длинной, как у зверя. Он весь зарос волосами, хотя и не настолько густыми, чтобы их можно было назвать шерстью.

— Пэйсер, я, я, Пэйсер, я...

Лицо Кумса немного напоминало человеческое, хотя его скорее можно было бы отнести к высшим приматам: сильно выдающиеся вперед кости надбровий, приплюснутый нос и хорошо развитые челюсти, в злобной гримасе обнажавшие громадные, острые, как у бабуина, зубы. Чудовищно искаженное существо, бывшее раньше Майком Пэйсером, больше похоже было на волка или на огромную собаку: нос и губы его вытянулись вперед, как морда зверя; в массивных надбровьях было что-то обезьянье, но глаза под ними — глубоко запавшие, налитые кровью — были совсем человеческими; в них застыли немой ужас и отчаяние.

Пэйсер поднял одну руку и протянул ее к Лоуману:

— Помогите мне, помогите, мне, мне, плохо, не так, что-то не так, не так, помогите...

С удивлением и страхом Лоуман смотрел на эту конечность, принадлежащую не то человеку, не то животному; он вспомнил, как начала изменяться его собственная рука там, у Фостеров, сегодня вечером, когда он услышал зов. Вытянутые пальцы. Широкие, загрубевшие суставы. Длинные кривые когти вместо ногтей. По форме они еще напоминали руки человека и даже могли производить какие-то человеческие действия, и в то же время их нельзя уже было назвать руками.

О черт, подумал Лоуман, руки, эти руки... Я же видел их в кино и дома, по телевизору, когда мы брали кассету с фильмом «Завывающий в ночи». Ну да, конечно, с Робом Боттином. Так звали актера, который специализировался на особых эффектах. В этом фильме он играл оборотня. Лоуман прекрасно помнил все это, потому что Дэнни до Превращения был помешан на особых эффектах. И вот теперь то, что он видел перед собой, было в точности похоже на конечности того проклятого оборотня из фильма!

От этого можно было сойти с ума. Жизнь, повторяющая фантастику. Фантазия, ставшая реальностью. В последние

годы двадцатого столетия стремительно развивающийся научно-технический прогресс достиг такой высоты, на которой могли осуществиться все самые заветные мечты человечества о лучшей жизни, но в то же время и все самые страшные кошмары могли воплотиться в действительность. Пэйсер был ужасным, чудовищным призраком, поднявшимся из подсознания, призраком во плоти, и от него нельзя было убежать, просто проснувшись; он не исчезал, подобно чудовищам, преследующим вас в страшных снах.

— Как я могу вам помочь? — осторожно спросил Лоуман.

— Пристрелите его, — посоветовал Пэннивес.

— Нет! — резко ответил Лоуман.

Пэйсер вытянул перед собой обе руки с громадными загнутыми когтями и с недоумением рассматривал их, будто видел впервые. Из груди его вырвался ужасный рев, сменившийся тонким, жалобным подвыванием:

— ...Измениться, не могу измениться, не могу, пробовал, хочу, хочу, не могу, пробовал, жажду, не могу...

— О Боже, он загнан в ловушку, его насадили на булавку, как жука! — воскликнул Шольник, стоявший в дверях. — А я-то думал, что регрессивные меняются, когда захотят, и запросто могут сойти за человека.

— Они действительно могут, — возразил Лоуман.

— Но *этот* не может, — сказал Шольник.

— Похоже на то, — согласился Пэннивес; голос его нервно дрожал. — Он говорит, что не может измениться.

— Кто его знает, может быть, и так, — согласился Лоуман. — Но другие регрессивные меняются; если бы они не могли этого сделать, мы бы давно их всех переловили. В том-то и дело, что они выходят из своего измененного состояния и спокойно разгуливают среди нас.

Пэйсер, казалось, не замечал полицейских, не слышал их разговора. Тоненько, жалобно поскуливая, он с ужасом смотрел на свои руки.

И тут они начали меняться.

— Вот видите, — сказал Лоуман.

Уоткинс никогда еще не присутствовал при таких превращениях; с изумлением, ужасом и любопытством смотрел он на то, что происходило на его глазах: когти этого дикого полузверя-получеловека быстро уменьшались.

Плоть, казалось, стала тягучей и мягкой, как воск; она вздулась, кожа пошла волдырями и вибрировала, но не в такт ритму крови, а как-то странно, независимо от пульсировавших под нею вен и артерий. Словно невидимый скульптор работал своим резцом, придавая этому существу новую форму. Лоуман слышал, как хрустели, расщепляясь, кости; плоть таяла и расливалась с отвратительным, тошнотворным звуком растекающейся влаги, потом вновь застывала, меняя свои очертания. Руки уже почти приобрели человеческий вид. Запястья и предплечья стали уже, из них исчезла грубая мощь волчьих лап. По лицу Пэйсера было видно, что в нем шла страшная, жестокая борьба; он всеми силами старался вернуться в свое прежнее, высшее состояние — стать человеком; сейчас он уже мог управлять своими дикими инстинктами. Черты лица его заметно смягчились, в них появилось осмысленное выражение. Это выглядело так, словно чудовищный Пэйсер был только отражением в воде какого-то зверя, в то время как со дна уже поднимался реальный, истинный Пэйсер, Пэйсер-человек.

Лоуман не был ни ученым, ни гением микроэлектронной техники, он был простым полицейским; и все же он понимал, что эта глубокая и быстрая трансформация не могла быть только результатом необычайной способности Новых Людей к самовосстановлению и резкого ускорения всех процессов, происходящих в их организме. Какое бы громадное количество гормонов, ферментов и других биологически активных веществ ни вырабатывал сейчас организм Пэйсера, это не могло привести к таким резким и стремительным изменениям в его костях и во всем теле. Возможно, для этого потребовались бы дни и неделя, да, это еще можно было допустить... Но уж никак не секунды... Это было просто физически невозможно. И тем не менее это происходило у них на глазах. Значит, нечто большее, чем биологические процессы, какая-то другая, таинственная и пугающая сила действовала в Майке Пэйсере.

Внезапно все прекратилось. Лоуман видел, как напрягается Пэйсер, как перекатываются желваки на его уже почти человеческих, но все же еще волчьих челюстях, как он стискивает зубы и какой отчаянной решимостью горят его странные, дикие глаза... Но все было напрасно. Какое-то

мгновение он еще балансировал на краю, на этой острой, тонкой, невидимой грани, отделяющей человека от зверя. Казалось, еще одно маленькое усилие, один толчок — и он перейдет через эту черту, за которой превращение пойдет уже почти автоматически, без этого страшного напряжения всех сил, покатится стремительно, как водный поток по склону холма. Но он так и не смог достичь этой точки.

Пэйнвивес издал такой долгий, придушенный стон, словно он тоже чувствовал боль и отчаяние Майка Пэйсера.

Лоуман взглянул на своего помощника — лицо его блестело от пота.

Уоткинс и сам весь вспотел; он чувствовал, как струйки пота стекают по его вискам. В доме было тепло — отопление включалось и выключалось само через определенные промежутки времени, так, чтобы поддерживать нужную температуру, — но здесь не было жары, от которой можно было бы взмокнуть. Это был холодный пот, и причиной его был страх и еще что-то... Лоуман чувствовал, как в груди у него все напряглось, ребра сдавило так, что трудно было вдохнуть, в горле пересохло, гортань стала жесткой, как наждак, — он не мог слотнуть слюну, он задыхался, словно промчался вверх по высокой, крутой лестнице...

С пронзительным воплем, в котором звучали ужас и безнадежное отчаяние, Пэйсер стал скатываться вниз, в регрессию, в свое дикое, дочеловеческое состояние. Трепсали раздававшиеся кости, масляно и влажно шелестела взбухающая, разрывающаяся и заново срастающаяся в новых формах плоть; дикость победила, взяла верх и теперь творила самое себя; через несколько мгновений Пэйсер уже снова был таким, каким они увидели его, когда вошли, — дьявольским созданием, монстром.

Да, это было отвратительное животное, словно поднявшееся из преисподней, но в то же время и необычайно мощное, и прекрасное какой-то странной, чудовищной красотой. Голова его была слишком вытянута вперед, в выпнутой спине не было стройного изящества, присущего человеку, и все же в нем чувствовалась ловкость и грация хищника.

С минуту никто не шевелился; все молчали.

Пэйсер опустился на пол, глаз его не было видно.

— Боже милостивый, он в ловушке! Ему не выбраться! — опять воскликнул Шольник.

Конечно, неудача Майка Пэйсера могла быть связана с какими-то просчетами в технологии Превращения Прже-него Человека в Нового, но Лоуман подозревал, что он мог бы снова обрести свою человеческую форму, если бы только по-настоящему захотел, и беда его в том, что желание вновь стать человеком недостаточно сильно, не захватывает все его существо. Он ушел в регрессию, потому что это измененное, низшее состояние влекло его, и теперь, возможно, оно кажется ему настолько более заманчивым и привлекательным, чем человеческая жизнь, что в глубине души он вовсе не хочет возвращаться на эту выпуклую ступень, заново обретая человеческий облик.

Пэйсер поднял голову и медленно переводил глаза с Лоумана на Пэннивес, затем на Шольника и, наконец, опять посмотрел на Лоумана. Он больше не страдал от своего безвыходного положения, он вернулся в первобытную тьму. Страх, ужас, отчаяние, — все это исчезло из его глаз. Звериную морду исказила гримаса — он словно насмеялся над ними; в глазах горел беспокойный огонь — призывный и дикий. Он снова поднял к лицу свои передние конечности, которые еще недавно были руками, согнул длинные, чрезмерно вытянутые пальцы, клацнул кривыми когтями, созерцая их с явным наслаждением.

— ...Мчаться, наступать, гнаться, наступать, убивать, кровь, кровь, жажда...

— О черт, как же мы сможем взять его живым, если он будет сопротивляться? — голос Пэннивеса звучал как-то странно и хрипло, слова можно было разобрать с трудом.

Пэйсер опустил руку и поскреб низ живота; движение было бессознательным, инстинктивным. Он снова взглянул на Лоумана, потом на плотную, непроницаемую тьму за окнами.

— Я чувствую... — Шольник оборвал фразу на полуслове.

— Если бы мы... ну, могли бы... — заговорил Пэннивес, путаясь в словах.

Грудь Лоумана сдавило еще сильнее, он с трудом проталкивал в себя воздух; горло сжалось, он весь обливался потом.

Пэйсер издал низкий, гортанный вопль, жуткое завывание, от которого у Лоумана кровь застыла в жилах, — в нем звучали страстное томление и тоска, но в то же время и вызов, который хищник бросал ночи; это было утверждение своей власти, своей силы и ловкости. Этот хриплый, ужасный вой должен был бы поразить Лоумана, но в душе его, наоборот, всколыхнулась вдруг непонятная, жгучая жажда, то же страстное, мучительное желание, которое охватило его тогда у дома Фостеров, которое терзало и жгло его изнутри, когда он слышал далекий зов регрессивных в ночи.

Стиснув зубы так, что заболели скулы, Лоуман напряг всю свою волю и силы, сопротивляясь этому дьявольскому искушению.

Пэйсер снова дико и торжествующе взвыл, потом сквозь этот вой прорвались слова:

— ...Мчаться, настигать, жажда, свобода, жажду, хочу, со мной, гнаться, настигнуть, со мной, жажду, хочу...

Лоуман обнаружил, что он уже больше не делится, револьвер повис у него в руке дулом вниз; теперь он в лучшем случае мог прострелить пол, но никак не Пэйсера.

«...мчаться, свобода, свобода, жажду...»

За спиной у Лоумана раздался ликующий вопль высшего, конечного освобождения.

Он оглянулся на дверь и увидел, что Шольник отшвырнул в сторону свой револьвер. С его лицом и руками стало твориться что-то странное, в них начались какие-то пока еще глубоко скрытые изменения. Он сбросил с себя черный форменный китель и рванул на груди рубашку. Его скулы и подбородок стали расплываться, меняя очертания, вытягиваясь вперед, а лоб все дальше отодвигался назад, по мере того как Шольник погружался в регрессию.

53

Выслушав рассказ Гарри Тальбота об унырях-привидениях, Сэм опять наклонился к телескопу. Он поворачивал трубу до тех пор, пока не поймал в объектив пустырь за похоронной конторой Каллана, — то место, где Гарри в последний раз видел этих монстров.

Сэм и сам не знал, что он ищет. Он не надеялся, что

упыри-привидения вернутся на то же самое место именно сейчас, специально для того, чтобы он мог лучше рассмотреть их. Во тьме, окутывавшей вытоптанную траву и кусты, окружавшие пустырь, не осталось никаких следов, которые могли бы подсказать ему, что за существа были здесь всего лишь несколько часов тому назад и куда они устремились. Возможно, Сэм просто хотел яснее представить себе этих обезьяно-собако-рептилий, связав их фантастический образ с реальным окружающим миром, с этим заброшенным пустырем; ему нужно было более конкретное представление об этих монстрах на тот случай, если придется иметь с ними дело.

Но у Гарри была в запасе еще одна история. Казалось, что они сидят сейчас не в темной спальне, а в лесу, вокруг костра, слушая страшные рассказы о привидениях и злых духах. Гарри подробно описал Сэму и Тэссе все, что произошло в доме у Симпсонов, как муж Эллы, Дэнвер, Док Фиц и полицейские Риз Дорн и Поль Хоурсон тащили ее вверх по лестнице в спальню и как врач приготовил громадный шприц с золотистой жидкостью, чтобы сделать ей какой-то укол.

Следуя указаниям Гарри, Сэм повернул телескоп так, чтобы хорошо видеть дом Симпсонов, стоявший на другой стороне улицы, севернее католического кладбища. Все было тихо, ни огонька, ни движения, ни звука.

Тэсса, все так же сидевшая на кровати, поглаживая голову собаки, лежавшую у нее на коленях, заметила:

— Мне кажется, все это как-то связано: эти так называемые несчастные случаи, люди, которые хотели что-то сделать с Эллой Симпсон и эти... упыри-привидения.

— Да, во всем этом, без сомнения, прослеживается что-то общее, — согласился Сэм. — А все нити ведут в «Новую Волну Микроэлектроники».

И он рассказал Тэссе и Гарри о тех открытиях, которые сделал, работая с компьютером в полицейской машине у здания муниципалитета.

— «Черный Ястреб»? — переспросила Тэсса с удивлением. — Превращения? Но во что можно превратить людей? Как это вообще возможно?

— Не знаю, — ответил Сэм.

— Надеюсь, не... в этих упырей-привидений?

— Думаю, что нет; не вижу в этом никакого смысла. К тому же, судя по их данным, в городе уже почти две тысячи людей подверглись этой... обработке, прошли через эту чертовщину, через превращение. Если бы все они при этом становились упырями-привидениями, как выражается Гарри, и бегали на свободе, мы натыкались бы на них повсюду; они заполонили бы весь город, и Мунлайт Коув был бы, пожалуй, похож на какой-нибудь зоопарк в Чистилище.

— Две тысячи, — задумчиво протянул Гарри. — Это значит — две трети города.

— А оставшиеся должны быть превращены до полуночи, — добавил Сэм. — Так что осталось уже меньше двадцати одного часа.

— Полагаю, что это и ко мне относится? — поинтересовался Гарри.

— М-да-а.. Я посмотрел в списке. Вас назначили на последний этап — с шести часов вечера до следующей полночи. Так что у нас еще около четырнадцати с половиной часов в запасе.

— Загадочно все это звучит, — сказала Тэсса.

— Да, — согласился Сэм, — сплошные загадки.

— Такого ведь просто не может быть, — воскликнул Гарри. — Не бывает этого на свете! Вот только у меня почему-то волосы становятся дыбом, хоть я и понимаю, насколько все это невероятно.

54

— Шольник! — крикнул Лоуман.

Срывая с себя форменную рубашку, отбрасывая в сторону ботинки, неистово стремясь как можно скорей освободиться от одежды и забыться в черном, беспросветном безумии, Барри Шольник не обращал внимания на Лоумана.

— Барри, остановись, ради Бога, не делай этого, постарайся удержаться! — отчаянно крикнул Пэннивес. Он был бледен и весь дрожал. Он переводил взгляд с Шольника на Пэйсера и обратно, и Лоуман подумал, что, вероятно, Пэннивес испытывает такое же страстное желание забыться в первобытном сне, какому поддался Шольник.

«...мчаться свободно, гнаться, настигнуть, кровь, кровь, жажда...»

Дикие завывания Пэйсера, словно острая, тонкая игла, пронзали мозг Лоумана Уоткинса. Единственное, чего он хотел, — чтобы тот замолчал. Хотя на самом деле, звуки, вонзаясь в него, не причиняли ему никакой боли; напротив, они проникали в самую глубь его существа, завораживая своей мелодией; они не ввинчивались в мозг подобно стальному стержню, но обволакивали его, словно странная, колдовская музыка. Именно поэтому Лоуман хотел, чтобы они прекратились: он не в силах был противостоять этому призыву; эта дикая, первобытная мелодия влекла его, манила, звала отбросить обязанности, дела и заботы, забыть все человеческие связи, уйти от сложностей жизни разумного, мыслящего существа в мир ощущений, инстинктов, физических наслаждений, где есть только секс, пища и азарт погони за добычей, где нет никаких проблем и все решает сила, где ему уже никогда не придется ни думать, ни тревожиться, ни заботиться о чем-либо...

«...жажду, хочу, хочу, жажду, убить...»

Тело Шольника изогнулось, наклонилось вперед; хребет выгнулся, теряя обычную человеческую форму; кожа исчезала, вместо нее появлялась жесткая чешуя...

«...иди, скорее, скорее, гнаться, добыча, кровь, кровь...»

Лицо Шольника страшно изменилось, рот его раздвинулся в узкую, невероятно длинную щель, растянувшуюся от уха до уха; это было похоже на зловещую усмешку какой-нибудь рептилии.

С каждой секундой грудь Лоумана сдавливало все сильнее. Он был весь мокрый от пота, он изнемогал от жары, но жар этот шел изнутри, словно организм его, как перегревшийся мотор, работал на предельных оборотах, подготавливая его тело к трансформации. «Нет!» Пот катился с него градом. «Нет!» Ему казалось, что комната превратилась в кипящий котел и плоть его сейчас растечется, исчезнет, оставив один дух.

«Хочу, хочу, я хочу...» — Пэннивес мотал головой, стараясь отбросить от себя свои безумные желания; он кричал и весь трясся, белый, как полотно.

Пэйсер поднялся на ноги и оторвался от стены. Быст-

рыми прыжками он продвигался к Лоуману и, хотя не мог до конца выпрямиться, все же и в таком положении он был выше Уоткинса, — ловкий и сильный, устрашающий и притягательный.

Шольник дико завизжал.

Пэйсер свирепо оскалился и яростно зашипел на Лоумана, словно говоря: «Иди к нам, или ты сейчас умрешь».

С воплем восторга и отчаяния Нэйл Пэннивес швырнул свой револьвер и закрыл лицо руками. От этого прикосновения в теле его как будто вспыхнула химическая реакция — лицо и руки стали изменяться на глазах.

Все, что кипело в Лоумане, что давило ему на грудь, дошло, наконец, до своей высшей точки; котел не выдержал давления и взорвался...

Лоуман закричал; это не был крик восторженного ликования, как у Пэннивеса, и он не похож был на вопль торжествующего освобождения. Уоткинс мог еще контролировать себя и, изо всех сил сжав в руках револьвер, прицелился в Пэйсера и выстрелил в упор.

Пуля попала прямо в грудь; выстрелом регрессивного отбросило к стене, кровь брызнула фонтаном. Пэйсер покатылся по полу, пронзительно визжа, хватая ртом воздух, извиваясь, как полураздавленный червяк, но он был еще жив. Наверное, его сердце и легкие не были особенно повреждены. Если кислород продолжал поступать к нему в кровь, а сердце перекачивало эту кровь по всем артериям и венам, пронизывающим его тело, то рана была не опасна. Не пройдет и минуты, как он снова будет на ногах. В какой-то мере его неуязвимость превосходила даже сказочную мощь оборотня — его не брала даже заговоренная серебряная пуля. Он тут же поднимется, такой же сильный и крепкий, как прежде.

Жар волнами накатывал на Лоумана, застилая ему глаза горячей пеленой. Он чувствовал, как внутри него — не только в груди, но и во всем теле, в каждой его клеточке, — поднимается, нарастает страшное давление. Он знал, что в его распоряжении остается всего лишь несколько секунд, когда ум его будет еще достаточно ясен, чтобы действовать, а воля — достаточно сильна, чтобы сопротивляться. Он подскочил к Пэйсеру, ткнул в его вздымавшуюся грудь дуло револьвера и нажал на спуск.

На этот раз он попал в сердце. Тело дернулось, чудовищное лицо регрессивного исказила страшная гримаса... Все было кончено. Пэйсер лежал неподвижно, открытые глаза его невидяще уставились куда-то вдаль, губы развинулись, и из-под них видны были нечеловечески громадные, острые зубы.

Лоуман услышал за спиной какой-то крик.

Обернувшись, он увидел, что существо, которое еще несколько минут назад было Шольником, быстро приближается к нему. Лоуман выстрелил раз, потом другой, попав Шольнику в живот и в грудь.

Полицейский тяжело осел на пол и пополз в коридор, пытаясь убежать от Уоткинса.

Лоуман увидел, что Нэйл Пэннивес лежит, скорчившись, в ногах кровати. Он что-то кричал, нараспев повторяя какие-то слова, но не «кровь» или «жажда» или «свобода»; нет, он вновь и вновь повторял имя своей матери, он звал ее, словно имя ее было талисманом, охраняющим его от зла и ужаса, подступавшего к нему.

Сердце Лоумана колотилось так сильно, что, казалось, звук доносится откуда-то снаружи, будто кто-то чужой барабанил в соседней комнате. Ему чудилось, что все его тело дрожит и пульсирует, и с каждым толчком в нем происходят невидимые, но страшные изменения.

Он вышел вслед за Шольником и, подойдя вплотную, приставил дуло револьвера к его спине, туда, где, по его расчетам, находилось сердце. Почувствовав прикосновение холодного металлического ствола, Шольник пронзительно закричал, но он был слишком слаб, чтобы откатиться в сторону и попытаться выхватить револьвер у Лоумана. Уоткинс нажал на курок, и крик оборвался.

В комнате стоял густой запах крови; он манил, он звал так же, как раньше завывания Пэйсера, уводя за собой во тьму.

Лоуман прислонился к шкафу и крепко закрыл глаза, пытаясь овладеть собой. Он ухватился за револьвер обеими руками, сжимал его изо всех сил, не для того, чтобы защищаться от кого-то, — у него все равно кончились патроны, — но потому, что это была вещь, сделанная человеческими руками, напоминание о цивилизованном мире, о том, что

он — человек, венец творения, что он находится на верхней ступени эволюции и не должен поддаваться искушению отдать все свои орудия и знания в обмен на низменные удовольствия и животные инстинкты.

Но запах крови был такой соблазнительный, он так тянул его, звал забыть обо всем...

Лоуман отчаянно сопротивлялся этому зову, пытался вспомнить все, что было у него дорогого, что он потеряет навсегда, если не выдержит и сдастся. Он подумал о Грэйс, своей жене, вспоминал, как он любил ее когда-то. Но любовь ушла из него, он был лишен ее теперь, как и все Новые Люди. Воспоминания о Грэйс не могли спасти его. Хуже того — он представил себя и ее в постели, в мозгу его пронеслись картины всего того, что они делали сегодня вечером... Она больше не была для него Грэйс, его ненаглядной, горячо любимой женой, она стала просто самкой, и воспоминания об их последнем животном совокуплении еще сильнее толкали его в черную бездну регрессии.

Лоуман чувствовал, как страшное, непреодолимое желание засасывает его, словно водоворот, кружит и затягивает вниз, в какую-то ужасную, бездонную воронку; ему казалось, что именно так должен чувствовать себя оборотень в первые минуты превращения, когда он, задрав голову, смотрит в черное ночное небо, а из-за горизонта медленно поднимается круглый желтый шар луны. Две силы яростно боролись в нем.

Кровь... свобода...

— Нет! Разум, знание...

Гнаться... убивать...

— Нет! Исследовать, изучать...

Есть... мчаться... настигать... совокупляться... убивать...

— Нет, нет! Музыка, искусство, язык...

Смятение в нем росло.

Он пытался победить свое дикое, безумное стремление с помощью доводов разума, но это не помогало, и тогда Лоуман подумал о Дэни, он вспомнил о своем сыне. Хотя бы ради него он должен выдержать, сохранить в себе все человеческое. Лоуман стал вспоминать, как он любил Дэни, когда тот был еще мальчиком, как сын рос, и он все больше любил его и гордился им; он старался воссоздать в

себе эти чувства так, чтобы они захватили его всего, но не находил в себе ничего, кроме слабого, отдаленного отзвука, доносившегося откуда-то из самой глубины его души. Способность любить покинула его, унеслась от него неведомо куда, словно материя, отброшенная Большим Взрывом при создании Вселенной. Любовь его к Дэнни была теперь так далека, светила тускло, словно звезда из другой галактики; до нее были тысячи и тысячи лет пути, и блеск ее не дарил ни света, ни тепла. Но даже это слабое мерцание чувства давало ему надежду удержаться, ощутить себя человеком, всегда и везде, от начала и до конца человеком; не жалким существом, передвигающимся на четвереньках или ползающим на брюхе, не пресмыкающимся, нет, только человеком!

Дыхание его начало понемногу успокаиваться. Сердце уже не колотилось, как сумасшедшее, пульс стал ровнее. Он чувствовал себя так, словно пробежал несколько километров по пересеченной местности. Но голова начала проясняться, хотя неистребимый запах крови все еще слегка затуманивал ее.

Лоуман оторвался от шкафа и, пошатываясь, подошел к Пэннивесу.

Полицейский лежал, все так же скорчившись, крепко обхватив себя руками и поджав ноги, сжавшись в комочек так, как только позволяло его большое, сильное тело. На лице его и на руках еще видны были следы изменений, и все же в нем оставалось гораздо больше человеческого, чем звериного. Видимо, имя матери охраняло его так же, как тоненькая ниточка любви, связывавшая Лоумана с его человеческим образом.

Уоткинс разжал одну руку, вцепившуюся в револьвер, и, подойдя к Пэннивесу, прикоснулся к его плечу:

— Вставай, нам надо выйти отсюда, парень, убраться подальше от этого запаха.

Пэннивес понял и с трудом поднялся на ноги. Держась за Лоумана, он позволил вывести себя из комнаты, прочь от трупов регрессивных. Они вышли в гостиную.

Здесь запах мочи заглушал все остальные запахи, перебивая и те, что могли донестись сюда из спальни, и Лоуман был рад этому. То, что он раньше считал отвратительным

зловонием, теперь казалось ему целительным ароматом, кисловатым и очищающим.

Уоткинс усадил Пэннивес в кресло — единственный уцелевший предмет обстановки в комнате.

— Ну как, тебе лучше?

Пэннивес поднял на него глаза и нерешительно кивнул. С его лица и рук уже исчезли все следы изменений, но кожа еще странно бугрилась, не успокоившись окончательно. Лицо распухло, словно искусанное целым роем пчел, лоб, щеки, подбородок — все было покрыто красными пятнами и волдырями; на бледной коже, словно следы от ударов, пылали резкие ярко-красные рубцы. Но все эти признаки недавних изменений быстро исчезали, и на глазах у Лоумана Пэннивес приобретал свой нормальный человеческий вид. Он снова, хотя бы внешне, становился похож на человека.

— Ты уверен? — на всякий случай переспросил Лоуман.

— Да.

— Оставайся здесь, никуда не уходи.

— Хорошо.

Лоуман вышел в холл и открыл дверь на улицу. Полицейский, которого он оставил охранять вход, был так встревожен всей этой стрельбой и криками, доносившимися из дома, нервы его были так натянуты, что он чуть не выстрелил в своего шефа, не разобравшись, кто это.

— Какого черта, Уоткинс? Что у вас там творится?

— Срочно соединишься с Шаддаком, — приказал Лоуман.

— Он должен немедленно приехать сюда. Ты понял? Я должен видеть его сейчас же, немедленно!

55

Сэм опустил тяжелые синие шторы, и Гарри включил маленькую лампочку у кровати. Хотя свет был очень слабый и тусклый и не мог рассеять полумрака, царившего в спальне, Тэссе он все же казался слишком ярким, резал ее усталые, воспаленные от недосыпания глаза.

В первый раз она смогла как следует разглядеть комнату. В ней почти не было мебели — только высокий табурет у окна, стол рядом с ним, телескоп; у стены высокий черный

лакированный шкаф в восточном стиле, в углу — маленький холодильник; две тумбочки по обеим сторонам кровати и сама кровать — широкая, имеющая все необходимые для инвалида приспособления; покрывала не было, только множество разбросанных по всей кровати подушек и простыни — все разноцветные, словно забрызганные краской, в ярко-оранжевых, красных, голубых, пурпурных, зеленых, желтых и черных полосах и пятнах; они похожи были на огромный холст, расписанный сумасшедшим художником-абстракционистом.

Гарри заметил, какое впечатление произвела на Тэссу и Сэма эта живопись:

— Подождите, сейчас я вам все объясню. Но чтобы вы поняли, я должен начать с самого начала. Дело в том, что у меня есть экономка, миссис Хансбок, которая раз в неделю приходит сюда убирать и покупает мне все продукты, почти все, что мне нужно. За всякими мелочами я посылаю Муза, хотя бы даже просто принести мне газету. У него есть два — как бы это сказать... ну, вроде, мешочка, перекинутых через спину, по одному с каждой стороны. Я кладу туда деньги и записку, и он отправляется в соседний магазин. Это единственное место, куда он ходит саамостоятельно, без меня. Продавец этой маленькой бакалейной лавочки, Джимми Рамис, мой хороший знакомый. Джимми читает записку и кладет в мешочки пакет молока или леденцы или еще что-нибудь из того, что есть в списке, туда же опускает мелочь, и Муз приносит все это мне. Он отличный, надежный служебный пес, просто замечательный. Его отлично выдрессировали в этом обществе, где они тренируют собак для инвалидов. Муз никогда не погонится за кошкой, если у него в мешочке моя газета или пакет с молоком.

Собака подняла голову с колен Тэссы, повела носом и как будто улыбнулась, признавая похвалу справедливой.

— И вот однажды пес вернулся домой и принес все, за чем я его посылал, но кроме обычных покупок в мешке у него лежали вот эти простыни и подушки. Я сразу же позвонил Джимми Рамису, разумеется, и спросил, что это за странная мысль пришла ему в голову, но Джимми сказал, что он понятия не имеет ни о каких простынях и подушках, что он в жизни ничего подобного не видел. Понимаете, у

отца Джимми тоже есть бакалейный магазинчик, к тому же он торгует всякими подержанными вещами, — его лавочка за городом, у шоссе. У него там куча разного барахла, есть и ткани, которые не оправдали ожиданий владельцев фабрик и не нашли спроса; вот они и отправляют все это старику; а тот продает по дешевке, иногда по десять центов на доллар; ну, я и подумал, что эти простыни даже у него залежались, а Джимми увидел их, нашел, что они потрясающе дурацкие и решил сыграть со мной шутку. Но когда я позвонил ему, Джимми очень удивился: «Гарри, — сказал он, — если бы я что-нибудь такое придумал, я бы, конечно, рассказал тебе, но я, честное слово, ничего не знаю». Тогда я засмеялся: «Ты что же, хочешь меня уверить, будто Муз сам пошел и купил их, на свои собственные деньги?» А Джимми: «Нет, конечно, я просто думал, может, он их подобрал где-нибудь». «Ну да, — сказал я, — подобрал, аккуратно свернул и уложил в сумку». — «Ну, не знаю, — засомневался Джимми, — но это такая умная собака, что от нее всего можно ожидать, хотя, судя по тому, что ты описываешь, у нее не очень-то хороший вкус...»

Тэсса видела, что Гарри доставляет удовольствие рассказывать эту историю, останавливаясь на подробностях, и она понимала, почему. С одной стороны, пес был для Гарри всем — и ребенком, и братом, и другом, — и он гордился, что люди считают его любимца таким умным. Но главное, маленькая шутка Джимми словно вовлекала Гарри в нормальную человеческую жизнь, показывала, что он — не забытый всеми калека, прикованный к своему креслу, а такой же человек, как все, над которым можно и посмеяться, и пошутить. Видно, такое случалось с ним нечасто.

— Ты чудесный, умный пес, — сказала Тэсса, погладив Муза.

— Во всяком случае, — продолжал Гарри, — я попросил миссис Хансбок, когда она пришла в следующий раз, положить мне эти простыни и подушки на постель, просто так, в шутку, но потом они даже стали мне нравиться.

Задержав шторы на втором окне, Сэм вернулся к табурету, сел и, развернувшись лицом к Гарри, заметил:

— Это самые яркие, прямо-таки кричащие простыни, какие я когда-либо видел в своей жизни. Они не мешают вам спать по ночам?

— У меня никогда не бывает бессонницы, — улыбнулся Гарри. — Я сплю как младенец. Люди не могут заснуть от того, что тревожатся о будущем, не зная, что с ними может случиться. Но со мной уже произошло все самое худшее, что только может быть. Или они лежат без сна, размышляя о прошлом, но я никогда не делаю этого, я боюсь воспоминаний. — Улыбка исчезла с его лица. — Итак, — переменял тему Гарри, — что же теперь? Что мы будем делать дальше?

Ласково отведя голову Муза, Тэсса встала, стряхнула со своих джинсов несколько собачьих шерстинок и предложила:

— Начнем сначала: что мы имеем? Телефоны в городе не работают, так что Сэм не может позвонить в Бюро, а если мы попробуем выбраться отсюда, то рискуем нарваться на патрули Уоткинса или на этих монстров. Таким образом, если только вы не знаете какого-нибудь радиолюбителя-энтузиаста, который предоставил бы нам свою радиостанцию для связи с Бюро, мы, насколько я понимаю, имеем единственный выход — выехать из Мунлайт Коува на какой-нибудь машине.

— Не забывайте, что все дороги перекрыты, — заметил Гарри.

— Я помню, — ответила Тэсса, — но я об этом подумала. Мы могли бы уехать на каком-нибудь грузовике, достаточно большом и мощном, чтобы прорваться через эти их проклятые заграждения и вырваться на автостраду. Там мы будем в безопасности, это уже не их территория. Ну, а если полицейские нас остановят, так даже лучше — Сэм скажет им, чтобы они позвонили в Бюро, и когда они узнают, кто он, они, конечно, будут на нашей стороне.

— Интересно, кто тут из нас федеральный агент? — остановил ее Сэм.

Тэсса покраснела.

— Извините, пожалуйста. Просто когда у тебя такая профессия, как кинооператор-документалист, привыкаешь все делать сама. Ты и продюсер, и режиссер, и сценарист — все в одном лице. Прежде чем заняться творчеством, надо все распланировать, рассчитать. Я вовсе не хотела совать нос не в свое дело.

— Вы можете совать его когда и куда захотите. Мне это даже приятно.

Сэм улыбнулся. Тэссе очень нравилась его улыбка. Она подумала, что он вообще очень симпатичный. На первый взгляд в нем не было ничего особенного — не красавец, не урод, но в нем не чувствовалось заурядности; скорее, можно было бы назвать его лицо приятным, чем-то необъяснимо привлекательным. Тэсса ощущала, что на самом деле он гораздо сложнее, чем кажется, что за всеми этими тревогами и заботами, связанными с Мунлайт Коувом, кроется что-то гораздо более глубокое — возможно, незатихающая печаль о какой-то потере или подавленная горечь от какой-нибудь несправедливости, а может быть, разочарование в людях, вызванное особенностями его работы — ведь он постоянно сталкивается с разными отвратительными типами... Но улыбка совершенно преображала его лицо.

— Вы действительно собираетесь прорваться на грузовике? — спросил Гарри.

— Разве что в крайнем случае, — ответил Сэм. — Для начала нам пришлось бы найти какой-нибудь громадный тягач, потом еще увести его, — а это уже само по себе непросто. Кроме того, у них могут быть гранатометы и автоматическое оружие. Не хотелось бы мне улепетывать под таким огнем даже на бронетранспортере. Конечно, можно укрыться в танке и въехать хоть в преисподнюю, но дьявол все равно достанет тебя, где бы ты ни прятался, так что лучше вообще туда не соваться.

— Так что же мы будем делать, по-вашему? — спросила Тэсса.

— Спать, — спокойно ответил Сэм. — Я чувствую, что есть какой-то другой способ связаться с Бюро; мысль вертится где-то совсем рядом, но когда я пытаюсь поймать ее, она тут же исчезает; а все потому, что я слишком устал. Пара часов хорошего крепкого сна — и я встану свеженьким, как огурчик, и голова будет работать в десять раз лучше.

Тэсса тоже была совершенно измучена, но после всего, что случилось в мотеле, ее очень удивило, что она не только может, но и хочет лечь спать. Еще недавно, заперевшись в номере и слыша дикие, пронзительные вопли убийц и страшные крики их жертв, она думала, что никогда уже не сможет заснуть.

Без пяти четыре утра Шаддак подъехал к дому Пэйсера. Он решил взять большой серый фургон с плотно закрашенными окнами, а не изящный «мерседес», так как в фургоне между сиденьями, на том месте, где сначала предполагалось поставить бар-холодильник, был установлен компьютер. Ночь была такой бурной и богатой событиями, что он счел весьма разумной мыслью постоянно иметь связь с компьютерным центром, который, словно гигантский паук, оплел своими невидимыми проводами весь Мунлайт Коув. Шаддак остановил машину на обочине дороги, как раз напротив дома.

Он уже подходил к крыльцу, когда издалека, с океана, донеслись грохочущие раскаты грома. Ветер, который унес на восток туман, теперь пригнал грозу с запада. За последние два часа все небо затянуло тяжелыми черными тучами; они укутали звезды, робко дрожавшие в вышине с тех пор, как с них стянули бледную пелену тумана. Тьма сгустилась, накрыв всю землю. Шаддак дрожал даже в своем теплом пальто, под которым был все тот же комбинезон.

На подъезде к дому сидели в своей машине двое полицейских. Он видел их бледные лица за пыльными стеклами, и ему хотелось думать, что полицейские смотрят на него с почтительным страхом — ведь он был в какой-то мере их создателем.

Лоуман Уоткинс ждал его в первой комнате. Вокруг царил дикий разгром. В единственном целом кресле сидел Нэйл Пэинивес; он выглядел сильно потрясенным и избегал смотреть в глаза Шаддаку. Уоткинс расхаживал взад и вперед по комнате. Его форма была запачкана кровью, но не было заметно каких-либо ран или царапин; если он и был ранен, то, видимо, незначительно, так что раны уже успели затянуться. Но вероятнее всего, кровь была не его.

— Что здесь произошло? — спросил Шаддак.

Уоткинс, словно не слыша вопроса, обратился к молодому полицейскому:

— Иди к машине, Нэйл. Оставайся там, вместе с другими, и жди меня.

— Слушаюсь, сэр, — пробормотал Пэннивес. Он согнулся на своем стуле, наклонившись вперед, разглядывая носы своих ботинок.

— Все будет в порядке, Нэйл.

— Я надеюсь.

— Это не вопрос. Это утверждение: с тобой все будет в порядке. Ты достаточно силен, чтобы сопротивляться. Ты это уже доказал.

Пэннивес кивнул головой и, поднявшись со стула, направился к двери.

— В чем дело? Что все это значит? — снова спросил Шаддак.

— Пойдемте, — пригласил его Уоткинс, повернувшись к двери, выходящей в коридор. В голосе его звучали холодные металлические нотки, в нем были страх и ярость, но совершенно не слышалось того почтительного, хотя и вымученного уважения, с которым он всегда обращался к Шаддаку с самого августа, со времени своего превращения.

Неприятно пораженный этой переменной, происшедшей в начальнике полиции, встревоженный и недоумевающий, Шаддак, нахмурившись, последовал за ним.

Полицейский остановился перед закрытой дверью и обернулся к Шаддаку:

— Вы говорили мне, что Превращение, которому вы нас подвергли, должно улучшить нашу природу, что наш организм станет намного совершеннее, если в него ввести эти... эти биокристаллы.

— Не совсем так. На самом деле это не кристаллы, а невероятно малые микросхемы.

Несмотря на появление регрессивных и на некоторые другие проблемы, возникшие в результате осуществления проекта «Черный Ястреб», гордость Шаддака своим достижением нисколько не уменьшилась. Недостатки можно исправить, мелкие технические неполадки легко устранить. Главное — он гений. Гений своего века, своей эпохи. Шаддак не просто чувствовал это, он знал это так же верно, как то, что солнце каждое утро восходит на востоке.

Гений...

Обыкновенный полупроводниковый микрокристалл, сделавший возможной компьютерную революцию, был по

величине не больше ногтя; при этом он содержал миллион элементов, нанесенных на него методом фотолитографии. Самый маленький из элементов на кристалле измерялся одной сотой диаметра человеческого волоса. Открытия в рентгенолитографии — использование гигантских ускорителей частиц, называемых синхротронами, сделали возможным, в конечном счете, нанесение *миллиарда* элементов на кристалл размером в одну тысячную диаметра человеческого волоса. Уменьшение размеров было основным способом увеличения скорости работы компьютера, при этом и функции, и возможности его совершенствовались.

Микросхемы, разработанные «Новой Волной», составляли одну четырехтысячную от размеров микрокристалла. На каждую из них наносилось четверть миллиона элементов. Это достигалось применением радикально нового типа рентгенолитографии, что делало возможным нанесение элементов на сверхмалые, микроскопические поверхности, находившиеся в движении.

Превращение Прежних Людей в Новых началось с введения в их организм раствора, содержащего сотни и тысячи этих микросхем. Введение производилось посредством инъекции, таким образом микросхемы сразу попадали в кровь. Сделанные из биологически инертного материала, они вступали в активное взаимодействие, не затрагивая при этом иммунную систему. Микроэлементы были разных видов и предназначались для различных органов. Некоторые, созданные специально для сердца, двигались к нему вместе с потоком крови и там внедрялись в стенки кровеносных сосудов, питавших сердечную мышцу. Существовали микроэлементы для печени и легких, почек и кишечника, отдельные микроэлементы внедрялись в мозг и другие органы. Человек в результате был просто начинен их скоплениями. При поступлении сигнала цепи микросхем замыкались, и они начинали действовать.

Микросхемы, рассеянные внутри организма, заключали в себе около пятидесяти миллиардов элементов с повышенной способностью молниеносной обработки данных — значительно большей, чем самые мощные компьютеры восьмидесятых годов. Образно говоря, с помощью этой

инъекции в человеческое тело вживлялся мощнейший суперкомпьютер.

Параболические антенны, установленные на крыше главного здания «Новой Волны», постоянно посылали ультракороткие волны на Мунлайт Коув и его окрестности. Часть этих излучений попадала на компьютерную систему полиции, другая часть улавливалась микросхемами, находящимися в организме Новых Людей, приводя их в действие.

Небольшое количество элементов изготавливалось из особого материала; они служили преобразователями и распределителями энергии. Как только кому-нибудь из Превращенных Людей делали третью инъекцию микросхем, находящиеся в его организме микроэлементы тут же начинали улавливать ультракороткие волны, превращая их в электрический ток и распределяя его по всей сети. Вся система потребляла фантастически малую мощность.

В каждое скопление включались микросхемы, служившие единицами памяти; некоторые из них несли программу, управляющую системой. В тот момент, когда ток поступал в сеть, программа начинала действовать.

Очнувшись от своих размышлений, Шаддак повернулся к Уоткинсу:

— С давних пор я был убежден, что основная проблема животного под названием «Человек», — его чрезвычайно эмоциональная натура. Я освободил вас от этого груза. Таким образом, я сделал вас более здоровыми и крепкими и умственно, и физически.

— Как это происходит? Я почти ничего не знаю о том, как действует Превращение.

— Вы теперь кибернетический организм, Лоуман, — наполовину человек, наполовину машина, но вам совершенно не обязательно понимать это. Вы ведь пользуетесь телефоном, хотя понятия не имеете, как и что у него внутри, и сами не могли бы собрать ни одного аппарата. Вы не знаете, как работает компьютер, но вы прекрасно умеете им пользоваться. Точно так же вам совсем не нужно знать, каким образом работает компьютер у вас внутри, для того, чтобы правильно его использовать.

В глазах Уоткинса был неприкрытый страх:

- Я его использую или... это он использует меня?
- Без сомнения, он не может использовать вас.
- Без сомнения...

Шаддак недоумевал, что могло здесь произойти, чтобы довести Уоткинса до такого состояния.

Ему хотелось как можно скорее увидеть, что там, за закрытой дверью спальни, у порога которой они остановились. Но он ясно видел, что Уоткинс опасно возбужден и необходимо, подавив на некоторое время свое любопытство, успокоить его страхи и опасения.

— Лоуман, эти скопления микроэлементов в вашем организме не есть разум. Система не обладает собственным интеллектом. Она только служит вам, это ваш слуга. Она освобождает вас от вредных эмоций.

Сильные чувства — любовь, ненависть, зависть, ревность и другие человеческие эмоции — постоянно нарушают биологические функции организма. Медицинские исследования доказали, что в то время, как человек испытывает какие-либо эмоции, в организме его образуются различные химические вещества, которые, воздействуя на него, мешают ему нормально работать. Шаддак был совершенно убежден, что человек, которым управляют эмоции, не может быть ни абсолютно здоровым, не здравомыслящим.

Микрокомпьютер в теле Новых Людей контролировал каждый их орган. Когда в их организме, под действием сильных эмоций, начинали вырабатываться аминокислоты и другие химические вещества, он, используя электрические возбудители, подавлял сигналы, идущие от мозга и других органов, исключая, таким образом, всякие последствия эмоций, если не саму эмоцию вообще.

— Я освободил вас от всех чувств, кроме страха, — объяснил Шаддак. — Страх необходим, он приводит в действие инстинкт самосохранения. Теперь, когда дикие порывы не разрушают больше химический состав вашего организма, вы можете мыслить четко и ясно.

— Насколько я мог заметить, я не превратился в гения.

— Конечно, вы могли не почувствовать сразу резкого улучшения вашей умственной деятельности, но со временем это проявится.

— Когда?

— Это произойдет, когда тело ваше окончательно освободится от остатков эмоций, загрязняющих его и мешающих мыслить разумно. А пока что ваш внутренний компьютер, — Шаддак слегка похлопал Уоткинса по груди, — использует электрические возбудители для создания абсолютно новых аминокислотных элементов, которые очищают ваши кровеносные сосуды, не давая образовываться тромбам, убивают раковые клетки в момент их зарождения и выполняют разную другую работу по очистке организма, делая его намного более здоровым и крепким, чем организм обычных людей. К тому же вам, видимо, суждено прожить намного дольше.

Шаддак предвидел, что процессы заживления и оздоровления у Новых Людей будут ускоряться, но он был поражен той почти сказочной скоростью, с которой рубцевались их раны. Он до сих пор еще не мог до конца понять, каким образом новая ткань образуется так быстро, и сейчас, работая над проектом «Черный Ястреб», как раз пытался найти объяснение этому феномену. Процессы, шедшие с такой невероятной скоростью, естественно, требовали громадных затрат энергии, оставляя человека сильно похудевшим, взмокшим от пота и голодным, как волк.

Уоткинс нахмурился и вытер с лица капли пота.

— Я еще как-то могу понять, что процесс выздоровления может быть ускорен, но откуда берется эта фантастическая способность изменять свою форму, опускаться в другое, низшее состояние? Думаю, что целые ведра ваших биологически активных веществ не могут располосовать нашу плоть и в считанные минуты заставить ее срастись по-новому. Как вы это объясните?

Шаддак на мгновение поймал взгляд начальника полиции, но тут же отвел глаза в сторону, кашлянул:

— Послушайте, я объясню вам все это позднее. Сейчас я хочу видеть Пэйсера. Надеюсь, вам удалось обезопасить его, не причиняя сильных повреждений?

Шаддак уже шагнул к двери, намереваясь открыть ее, но Лоуман перехватил его руку, не давая сдвинуться с места. Это потрясло Шаддака. Он никому не разрешал к себе прикасаться.

— Уберите руки!

— Ответьте мне, как тело может так внезапно деформироваться?

— Я же вам сказал — мы обсудим этот вопрос позже.

— Нет, сейчас. — Лоб Уоткинса прорезали глубокие морщины. — Сию минуту, — настойчиво повторил он. — Я ничего не могу соображать от страха. Не могу работать в таком состоянии. Взгляните — меня всего трясет. Я чувствую, что сейчас взорвусь, просто взлечу на воздух и меня разнесет на части; на тысячу мелких осколков. Вы ведь не знаете, что произошло здесь этой ночью, а то вы чувствовали бы себя так же. Я должен знать, как могут наши тела изменяться столь быстро и неожиданно.

— Я как раз работаю над этим, — нерешительно произнес Шаддак.

Потрясенный, Лоуман выпустил его руку:

— Вы... вы хотите сказать, что сами этого не знаете?

— Это неожиданный эффект. Но кое-что мне уже становится понятным, — солгал Шаддак. — Однако я должен еще некоторое время над этим поработать.

Сначала ему нужно было разобраться в том, откуда брались эти феноменальные оздоровительные силы, которые, без сомнения, являлись частью загадочного процесса, позволявшего Новым Людям принимать чудовищные, нечеловеческие формы.

— Так вы подвергли нас всему этому, даже не зная, что из этого может получиться?

— Я знал, что это будет для вас большим благом, великим даром, — нетерпеливо возразил Шаддак. — Ни один ученый, совершающий открытие, не может предсказать, какие будут побочные эффекты. Но он продолжает свое дело, уверенный в том, что, каковы бы они ни были, недостатков все равно будет гораздо меньше, чем достоинств.

— Но их гораздо больше, — произнес Уоткинс с той яростью, какая только была доступна Новому Человеку. — О Боже, как вы только могли сделать такое с нами.

— Я сделал это для вас.

Уоткинс пристально посмотрел на него, затем толкнул дверь спальни:

— Взгляните на это.

Шаддак переступил порог. Ковер в комнате промок от крови, все стены тоже были ею забрызганы. Запах крови ударил Шаддаку в нос, и он поморщился. Ему неприятны были все биологические запахи, он находил их отвратительными, возможно, потому, что они напоминали ему о том, что человек — далеко не такой эффективный и чистый механизм, как машина. Внимательно осмотрев труп, лежавший на полу у самой двери, лицом вниз, Шаддак прошел дальше, через комнату, туда, где лежало второе тело.

— Сразу двое? Здесь было два регрессивных и вы убили обоих? Две прекрасные возможности изучить психологические особенности этих выродков, а вы уничтожили их?

Но на Уоткинса его упреки не действовали:

— Речь шла о жизни и смерти. Я не мог поступить иначе.

Казалось, его гнев превосходил то, что мог испытывать Новый Человек, хотя, возможно, это было не столько яростью, сколько страхом. Да, скорее всего, это был именно страх.

— Когда мы пришли сюда, Пэйсер был в регрессивном состоянии. Мы обыскали весь дом и, наконец, нашли его в этой комнате.

По мере того как Уоткинс описывал всю сцену, Шаддака начинали охватывать мрачные опасения, хотя он старался никак не показывать этого, даже себе боясь признаться в том, что ему открылось. Когда он наконец заговорил, голос его дрожал от злобы, скрывавшей под собой страх, которого Уоткинс не должен был почувствовать:

— Так вы говорите, что ваши люди, Шольник и Пэннивес, — оба регрессивные? И даже вы, вы тоже регрессивный?

— Да, Шольник действительно был регрессивным. Но Пэннивеса я таким не считаю, по крайней мере сейчас. Он стойко сопротивлялся искушению, так же, как и я. — Уоткинс твердо смотрел прямо в глаза Шаддаку, не отводя взгляда, что окончательно вывело того из себя. — Я говорю и повторяю вам сейчас то же, что пытался объяснить несколько часов назад: каждый из нас несет в себе это проклятие, в каждом таится регрессивный. Это вовсе не единичное отклонение, не редкое заболевание среди Новых Людей. Каждый заражен микробами этой ужасной болезни, и все мы обречены. Новые Люди, которых вы создали, ничуть не

лучше той высшей расы, о которой грезил Гитлер. Вы не творец и не Бог; вы просто доктор Моро!

— Вы не имеете права так разговаривать со мной! — перебил его Шаддак, лихорадочно вспоминая, что это за доктор Моро. Имя было ему чем-то знакомо, но он никак не мог сообразить, кто это и где он о нем слышал. — Обращаясь ко мне, вы не должны забывать, кто я.

Уоткинс слегка понизил голос, вероятно, вспомнив, что Шаддаку ничего не стоит уничтожить всех Новых Людей; для него это все равно что задуть огонек свечи. И все же он продолжал довольно резко и без всякой почтительности:

— Вы все еще не ответили на мой главный вопрос.

— Какой же?

— Вы что, не слышали? Я же сказал вам, что Пэйсер попал в ловушку. Он был в этой шкуре, точно зверь в клетке. И не мог выбраться.

— Я очень сомневаюсь, что это так. Измененное состояние не может быть вечным. Новые Люди способны полностью контролировать свое тело и его функции; я и сам не мог предвидеть, насколько совершенным окажется этот контроль. И если Пэйсер не мог вернуться в свою человеческую форму, то это можно объяснить только какими-то психологическими преградами. Видимо, в действительности он не хотел этого.

С минуту Уоткинс молча смотрел на него, потом покачал головой:

— Вы же не настолько тупы, не правда ли? Здесь же нет никакой разницы. Черт побери, какое это имеет значение, испортилось ли что-нибудь в сети микроэлементов, или виноваты его мозги, устроенные набекрень? Так или иначе, результат-то один: он был заперт, пойман в капкан, насажен, как насекомое на булавку, ему не вырваться было из шкуры этого выродка!

— Вы не смеете так говорить со мной! — твердо повторил Шаддак. Слова его прозвучали как команда хозяина, дрессирующего непослушную собаку.

Несмотря на все свое психическое, а потенциально — и умственное превосходство, Новые Люди были все же до прискорбия людьми, и эта их человеческая сущность делала их гораздо менее эффективными и производительными,

чем машины. В компьютер стоит только раз заложить программу, и он запомнит ее и всегда будет действовать в соответствии с ней. Интересно, подумал Шаддак, удастся ли когда-нибудь усовершенствовать Новых Людей настолько, чтобы их будущие поколения срабатывали так же надежно и безотказно, как обыкновенный средний компьютер.

Весь в поту, бледный, с запавшими, дико горящими глазами, Уоткинс имел весьма устрашающий вид. Он шагнул к Шаддаку, и тому захотелось отступить, спрятаться куда-нибудь и непреклонно смотреть в глаза своему противнику, как он смотрел бы, наверное, в глаза немецкой овчарке, если бы она загнала его в угол.

— Взгляните на Шольника! — воскликнул Уоткинс, указывая на труп у своих ног. Он поддел его носком ботинка и перевернул лицом кверху.

Ни раны, ни запекшаяся кровь не могли скрыть чудовищной мутации полицейского. Самым страшным, пожалуй, были его остекленевшие, невидящие глаза: их желтые зрачки были обведены черной радужной оболочкой, но не круглой, как у людей, а удлиненной, овальной, словно у гигантской змеи.

За окнами, в ночи, прокатились новые раскаты грома, еще более оглушающие, чем те, которые слышал Шаддак, идя от машины.

— Вы утверждаете, что эти вырожденки впали в регрессию по собственной воле, — продолжал Лоуман.

— Вот именно.

— Раньше вы говорили, что вся история человеческой эволюции хранится в наших генах, что в глубине нас осталось что-то от тех видов, из которых мы возникли когда-то, и что регрессивным удастся каким-то образом восстановить эту материю и спуститься на одну из нижних ступеней этой эволюционной лестницы.

— К чему вы ведете?

— Это объяснение кажется довольно нелепым, если вспомнить о Кумсе. Когда мы поймали его в кинотеатре, тогда, в сентябре, он был больше похож на обезьяну, чем на человека; нечто среднее между ними.

— В чем же тут нелепость? Наоборот — вот вам и лишнее доказательство того, что я прав.

— О Боже, да взгляните же на Шольника! Вы только посмотрите на него! Когда я его пристрелил, он был уже наполовину этим жутким чудовищем — наполовину человек, наполовину... о черт, не знаю, то ли ящерица, то ли змея. Вы говорили, что все начиналось с рептилий, значит, что же, в нас заложены гены ящеров, живших на Земле десять миллионов лет назад?

Шаддак засунул руки поглубже в карманы пальто, чтобы не выдать себя каким-нибудь нервным жестом и чтобы Уоткинс не заметил, как они дрожат.

— Впервые жизнь на Земле зародилась в море, потом появились земноводные и пресмыкающиеся — рыбы с зачатками ног и рыбы, из которых развились первые рептилии, а затем, уже на более высокой ступени эволюции, возникли млекопитающие. Если даже в нас и сохранились частички генетического материала этих самых ранних рептилий, — а я полагаю, что они сохранились, — то в нас, по крайней мере, каким-то не известным пока еще способом закодирована память об этой стадии эволюции.

— Вы мне морочите голову, Шаддак!

— А вы выводите меня из себя.

— Вам не удастся заговорить мне зубы. Идите сюда, подойдите поближе. Посмотрите на Пэйсера, приглядитесь к нему получше. Вы ведь дружили с ним, он был вашим старым другом, не так ли? Теперь вы можете насладиться зрелищем, рассмотрите как следует, не торопясь, чем он стал перед смертью.

Пэйсер лежал на спине, плашмя, совершенно обнаженный, правая нога вытянута вперед, левая подогнута; одна рука откинута в сторону, другая прикрывала грудь, пробитую двумя пулями. И тело, и лицо его, обезображенное, вытянутое наподобие звериной морды, с оскаленными зубами, но в котором можно было все-таки различить черты Майка Пэйсера, словно принадлежали какому-то чудовищному, фантастическому существу — человеку-собаке или оборотню; глядя на лицо Пэйсера, можно было подумать, что видишь перед собой карнавальную маску или смотришь старый фильм ужасов. Кожа была грубая, шершавая. Всклопоченные волосы вились, как проволока, и напоминали не то шерсть, не то мех какого-то животного. Руки

были мощные, как лапы зверя, пальцы заканчивались острыми когтями.

Любопытство пересилило отвращение и страх, и Шаддак, подобрав полы пальто, чтобы не запачкать их в крови, подошел к телу Пэйсера, желая разглядеть его вблизи.

Уоткинс склонился над трупом с другой стороны.

Ночное небо за окнами сотрясалося от нового, еще более сильного раската грома. Глаза мертвеца, открытые и неподвижные, казались слишком человеческими на этом жутком, искаженном лице мутанта.

— Вы, помнится, говорили, что в процессе эволюции мы развиваемся из животных, вроде волков или собак? — спросил Уоткинс.

Шаддак ничего не ответил.

— Вы объясняли, — не отступался Уоткинс, — что в нас остались гены собак и что мы можем их использовать, если захотим изменить свой вид, свою сущность? Могу ли я сделать из этого вывод, что Бог позаимствовал ребро у какого-то доисторического чудовища, бронтозавра или ихтиозавра, и создал из него мужчину, прежде чем вынуть ребро у мужчины и сделать из него женщину?

Шаддак с любопытством коснулся рук Пэйсера — орудия, так же хорошо приспособленного для убийства, как штык солдата. На ощупь это была обычная человеческая плоть, только, в отличие от плоти живого человека, холодная и застывшая.

— Это не поддается объяснению с точки зрения биологии, — заметил Уоткинс, поверх трупа глядя на Шаддака. — Эту волячью наружность Пэйсер не мог выловить ни из какой генетической памяти, что бы в нем там ни хранилось. Тогда как же это могло случиться? Как мог он так измениться? Ваши биокристаллы здесь ни при чем. Это что-то другое... Что-то странное.

Шаддак кивнул. Его вдруг осенила догадка.

— Нечто гораздо более странное и удивительное, но я, кажется, начинаю понимать, в чем тут дело, — сказал он возбужденно.

— Ну так объясните мне. Я тоже хотел бы понять. Мне хотелось бы все-таки узнать, черт меня подери, что все это означает, прежде чем такое случится со мной.

— Существует теория, что форма определяется сознанием.

— Что?

— Это значит, что мы такие, какими себя представляем. Я не пытаюсь убедить вас в том, что вы можете стать чем угодно по вашему желанию, ничего подобного. Я имею в виду, что *физически* мы имеем возможность стать теми, кем видим себя *мысленно*, преодолев рамки, навязанные нам нашим генетическим наследием.

— Пустая болтовня, — нетерпеливо прервал его Уоткинс. Шаддак выпрямился, снова сунув руки в карманы.

— Дайте мне договорить. Согласно этой теории, сознание — величайшая, самая могучая сила во вселенной, которая может управлять материальным миром по своему желанию.

— Разум первичен, материя вторична.

— Вот именно.

— Вроде тех фокусников, которые могут взглядом согнуть ложку или остановить часы, — усмехнулся Уоткинс.

— Ну, я подозреваю, что это обыкновенные мошенники. Но верно то, что такая сила, возможно, действительно в нас есть. Мы просто не знаем, как извлечь ее на поверхность и заставить действовать, ведь в течение тысяч и миллионов лет мы позволяли материальному миру господствовать над собой. По привычке, по инерции, предпочитая порядок хаосу, мы остаемся во власти материи. Но то, с чем мы имеем дело здесь, — Шаддак указал на Шольника и Пэйсера, — гораздо сложнее и удивительнее, чем сгибание ложки. Пэйсер стремился к регрессу по причинам, которые мне не совсем ясны, может быть, просто ради острых ощущений...

— Ради острых ощущений... — голос Уоткинса прозвучал очень глухо и тихо, губы его едва шевелились. В нем слышался такой ужас, такая глубокая, неподдельная горечь и мука, что Шаддак похолодел. — Мощь зверя завораживает, манит, влечет к себе. Желания зверя. Вы ощущаете животный голод, животную похоть, жажду крови — и вы устремляетесь к этому, потому что это кажется таким... таким простым и мощным, таким естественным. Это свобода!

— Свобода?

— Свобода от обязанностей и ответственности, от забот

и тревог, от гнета предписаний цивилизованного поведения, свобода от бесконечных размышлений, раздумий, анализа. Сблaзн погрузиться в эту первобытную тьму так чудовищно силен именно потому, что вы чувствуете — жизнь ваша сразу станет легкой и бездумной. — Похоже было, что Уоткинс говорит о том, что он испытывал, когда боролся со своим желанием забыться в регрессе. — Вы превращаетесь в животное, и в жизни не остается ничего, кроме ощущений, просто боли или удовольствия, которые вам нет необходимости обдумывать или анализировать. Вот так. Этим в какой-то мере объясняется жажда регресса.

Шаддак молчал, потрясенный той страстью, с которой Уоткинс, обычно такой сдержанный, говорил о своем стремлении к регрессу.

Небо опять взорвалось страшным грохотом, глухой гул прокатился над океаном и Мунлайт Коувом; стекла в окнах задрожали, но их легкий звон потонул в раскатах грома.

Развивая свою мысль, Шаддак сказал:

— Как бы там ни было, важно то, что когда Майк Пэйсер пожелал регрессировать, перейти в низшее состояние, жить примитивными ощущениями, рыская по лесам за добычей, он опустилcя не по генетической линии человека. Очевидно, в его представлении, волк — величайший из всех охотников, для Пэйсера он был прекраснейшим из хищников, вот почему он, мечтая стать похожим на волка, выбрал именно эту форму.

— Вроде той, в которой мы его видим, — недоверчиво произнес Уоткинс.

— Да, вроде той, в которой мы его видим сейчас. Сознание, победившее материю. Эта трансформация — больше психический, чем физический процесс. О, без сомнения, физические изменения присутствуют. Но нельзя относить это превращение только за счет материи... видеть в нем только искажение биологических структур. Основные нуклеотиды остались теми же, но их последовательность резко изменилась. Сознание, попросту говоря, желание, воля воздействовали на материю, превратив структурные гены в управляющие...

Шаддак говорил увлеченно, все более возбуждаясь; голос его в конце концов пресекся — ему не хватило воздуха.

Благодаря своему проекту «Черный Ястреб» он достиг гораздо большего, чем надеялся и рассчитывал. Это изумительное открытие потрясло его, вызывая одновременно и радость, и все возрастающий страх; радость — оттого, что он дал людям исключительную способность простым усилием воли управлять своей физической формой, а в конечном счете, возможно, и всей материей; страх — потому что он совсем не был уверен, что Новые Люди смогут научиться контролировать и должным образом использовать эти силы... и что он сможет и дальше держать их под своим контролем.

— Великий дар, которым я наградил вас, — психология компьютера, освобожденная от эмоций, — увеличивает мощь разума, позволяя ему властвовать над материей. В результате сознание может диктовать свои формы.

Уоткинс потряс головой, явно уstraшенный рассуждениями Шаддака:

— Хорошо, предположим, Пэйсер сознательно выбрал себе образ и стал тем, чем хотел стать. Возможно, что Шольник тоже. Но будь я проклят, если я этого хотел. Я боролся с этим диким наваждением, как старый наркоман, почуявший героин. Я не хотел этого. Оно само нашло на меня и захватило... вроде как полнолуние действует на оборотней.

— Нет, вы ошибаетесь, — возразил Шаддак. — Подсознательно вы *хотели* измениться, Лоуман, и, без сомнения, не только подсознательно. До некоторой степени это была осознанная мысль, осознанное желание, иначе вы бы не рассуждали с таким жаром о соблазне регресса. Вы сопротивлялись, используя доводы рассудка, власть разума над телом, но только потому, что тьма эта казалась вам все-таки более пугающей, чем привлекательной... вы колебались между высшим и низшим состоянием, вы были на краю, но в конце концов сумели оттолкнуться и сделать шаг вверх, сохранив свою человеческую сущность и, соответственно, человеческий образ. Но никакие внешние силы не помогали вам и не действовали на вас... только ваш собственный разум, ваше сознание. •

— Тогда почему же Пэйсер не мог вернуться?

— Как я уже сказал вам, и как вы сами предположили, он не хотел.

— Он был загнан в ловушку.

— Своим собственным желанием — и только.

Уоткинс посмотрел вниз, на уродливый, деформированный, нечеловеческий труп регрессивного.

— Что вы сделали с нами, Шаддак?

— Вы что, ничего не поняли из моих объяснений?

— Что вы с нами сделали?

— Это благодеяние, великий дар!

— Не иметь никаких эмоций, кроме страха?

— Это освобождает ваше сознание, дает вам силы управлять собой, даже своей материальной формой, — возбужденно заговорил Шаддак. — Но вот чего я не могу понять, — так это почему регрессивные выбирают именно этот путь, путь, ведущий вниз, в дочеловеческое состояние. Ведь каждый Новый Человек обладает силой, позволяющей ему ускорить свою эволюцию, вместо того, чтобы скатываться к вырождению; он может подняться над своей обычной человеческой сущностью к чему-то более высокому, ясному, чистому. Возможно, вы даже имеете силу подняться над своей плотью, очистить свой дух, свое сознание от их физической оболочки, существовать в виде чистого интеллекта, без всякой материальной формы. Так почему же все Новые Люди выбирают вместо этого регресс?

Уоткинс поднял голову, глядя каким-то застывшим, неживым взглядом, словно, созерцая труп, он впитал в себя саму смерть.

— Что толку обладать могуществом Бога, если при этом ты лишен простых человеческих радостей?

— Но ведь вы можете и делать, и испытывать все, что хотите, — раздраженно заметил Шаддак.

— Только не любовь.

— Что?

— Только не любовь, и не ненависть, и не радость, и вообще никаких чувств... никаких, кроме страха.

— Но вам и не нужны эти чувства. Без них вы стали свободны...

— Вы не идиот, — задумчиво сказал Уоткинс, — и все-таки вы ничего не понимаете... Видимо, это какое-то извращение, искажение психики.

— Кто дал вам право так...

— Я вам только пытаюсь объяснить, почему все они предпочитают дочеловеческую форму сверхчеловеческой. Для думающего существа, обладающего высоким интеллектом, удовольствие, наслаждение неразрывно связано с эмоциями. Лишая их обычных человеческих эмоций, вы лишаете их возможности испытывать удовольствие, наслаждение; и тогда они стремятся уйти в измененное состояние, — ведь там нет никакой связи между сложными чувствами и удовольствием, — наслаждаться не думая и не чувствуя, ограничиваясь простейшими ощущениями, как животное.

— Чепуха! Вы...

Но Уоткинс не дал ему договорить, резко прервав на полуслове:

— Да выслушайте же меня, ради бога! Насколько я помню, даже Моро выслушивал созданных им монстров.

С лица Уоткинса сошла бледность, теперь оно пылало. Глаза уже не были пустыми, как у мертвеца; в них горел какой-то дикий огонь. Он подошел уже совсем близко к Шаддаку и, стоя в двух шагах от него, казалось, нависал над ним, хотя и был ниже ростом. Вид у него был испуганный, ужасно испуганный, и в то же время грозный.

— Возьмем секс, — продолжал он, — одно из главных наслаждений человека. Для того, чтобы секс по-настоящему доставлял удовольствие, люди должны любить друг друга или, по крайней мере, испытывать какую-то привязанность. Человек с поврежденной психикой может все же наслаждаться сексом, испытывая ненависть или гордость, которую даст чувство обладания; для человека с отклонениями даже негативные эмоции могут сделать этот акт приятным. Но заниматься сексом *не чувствуя вообще ничего* — совершенно бессмысленно, глупо; тогда остается только инстинкт размножения, как у животного, или механическое движение, ритмические колебания, как у машины.

Вспыхнула ослепительная молния, и сразу вслед за ней раздалось оглушительное громыханье, сотрясшее весь дом. Этот сверкающий небесный свет на мгновение осветил комнату ярче, чем желтоватое мерцание настольной лампы.

Шаддаку показалось, что в этом неверном, мгновенном отблеске он различил какие-то изменения, происходящие с

лицом Лоумана Уоткинса... какой-то сдвиг в соотношении всех черт. Но молния погасла, и Уоткинс снова выглядел как обычно; вероятно, это была просто игра воображения.

Уоткинс продолжал все с той же силой и страстью, с отчаянием поглощающего страха:

— И это касается не только секса. То же самое происходит и с другими физическими удовольствиями. Еда, например. Ну конечно, я и сейчас чувствую вкус шоколада, когда ем его. Но я не испытываю теперь почти никакого удовольствия, — так, что-то мизерное и незначительное, — по сравнению с тем, что я чувствовал до Превращения. А вы этого разве не замечали? Разве с вами не было такого?

Шаддак ничего не ответил. Он старался ничем не выдать себя, надеясь, что никто не заметит того, что сам он не прошел через Превращение. Он просто выжидал, пока этот процесс, испытанный на следующих поколениях Новых Людей, не станет более совершенным. Но он подозревал, что Уоткинсу может не понравиться такое открытие. Вряд ли он будет особенно доволен, если узнает, что их создатель и благодетель сам отказал себе в том благодеянии, которым так щедро одарил других.

— И знаете, почему это перестало приносить удовлетворение? — продолжал Уоткинс. — До Превращения, когда мы ели шоколад, это навевало сразу тысячу различных ассоциаций. Когда мы откусывали кусок шоколада, мы подсознательно вспоминали, как это произошло в первый раз, и все другие случаи, когда это происходило; этот вкус был связан для нас с выходными днями, с детскими каникулами, вообще со всякими праздниками; все эти воспоминания и чувства жили в нас, вот почему вкус шоколада доставлял нам такое наслаждение. Но теперь, когда я ем шоколад, я просто ощущаю его вкус; да, я понимаю, что это вкусно, — и больше ничего. Я знаю, что мне это должно понравиться, что я должен испытывать от этого удовольствие, помню, что раньше так оно и было... но сейчас этого нет. Вкус шоколада не вызывает во мне больше никаких ассоциаций, никаких связей, никаких чувств. Осталось пустое, примитивное ощущение, лишенное всякого смысла; самое главное, то, чем это было дорого и важно, у меня украли. У меня украли все — всю полноту, все обилие, все богатство чувств и оттенков,

не оставив ничего, кроме страха; мир стал пустым и серым — однообразным, тусклым и серым, — словно все во мне умерло.

Левая часть лица Уоткинса взбухла, щека заметно увеличилась, ухо вытянулось и слегка заострилось.

Ошеломленно глядя на эти странные превращения, Шаддак отступил назад.

Уоткинс продолжал говорить, все повышая голос; слова его стали сливаться, звучали невнятно, но в голосе прорывалась все та же страстность — не гнев и не ярость, но страх и отзвуки дикого бешенства:

— Какого дьявола кому-нибудь из нас понадобится подниматься на какую-то там высшую ступень эволюции, где еще меньше останется удовольствий для души и для тела? Человеку недостаточно одних интеллектуальных наслаждений, Шаддак. Жизнь гораздо шире и больше этого. Жизнь, ограниченная только разумом, становится невыносимой.

Лоб Уоткинса постепенно уходил назад, таял на глазах, как сугроб под лучами солнца, в то время как его скулы разрастались, образуя странные бугры вокруг глаз.

Шаддак плотнее прижался спиной к шкафу, вдавившись в него как можно глубже.

Уоткинс, наступая на него, продолжал:

— Боже! Неужели вы не понимаете? Даже у человека, прикованного к постели, лишенного возможности двигаться, полностью парализованного, интересы гораздо шире, чем только холодные расчеты ума; у него остаются все его чувства — никто не отнимал их у него; никто не обрекал его на скучное, беспросветное существование, в котором нет ничего, кроме страха и чистого, холодного разума. Нам нужны радости, Шаддак, удовольствия, радости, наслаждения! Жизнь, лишенная их, ужасна, бессмысленна. Чувства, радости, наслаждения — вот что придает жизни смысл!

— Остановитесь!

— Вы лишили нас радости ярких и глубоких чувств, наполненной духовной жизни, а без этого физические удовольствия тоже больше не доставляют нам наслаждения; человек — это высшее существо, в отличие от животных, он обладает не только разумом, но и чувствами, наслаждаясь

физически, он должен наслаждаться и духовно; жизнь, не окрашенная эмоциями, лишается всех своих красок, лишается смысла. Тело и дух, мысль и чувство неразделимы, Шаддак, одно без другого не может существовать!

Руки Уоткинса, сжатые в кулаки, стали расти, суставы их распухли, ногти приобрели какой-то табачный оттенок и заострились.

— Вы трансформируетесь, — сказал Шаддак.

Не обращая на него внимания, Уоткинс продолжал говорить, хотя голос его звучал теперь глуше; рот начал искривляться, и слова вылетали из него еще более быстро и невнятно:

— Вот почему мы стремимся вернуться в это дикое, измененное, низшее состояние. Мы бежим от нашего интеллекта. Мы находим себе убежище под звериной шкурой, где наше единственное удовольствие — радости плоти, да, одной только плоти, плоти... но мы, по крайней мере, больше не думаем о том, что потеряли, о том, что у нас отнято, и тогда наслаждение становится острым, таким острым и ярким, острым, глубоким и терпким, таким терпким, напряженным и сильным! Вы сделали... сделали нашу жизнь невыносимой, вы превратили ее в серый кошмар, серый и безжизненный, мертвый, совершенно мертвый, жизнь ушла из нас, нет больше ни чувств, ни жизни, ничего, — пустота, мертвая, безжизненная пустота!.. И мы хотим опуститься, найти другие формы для нашего тела, найти такую форму существования, которая имела бы хоть какой-то смысл. Мы... нам необходимо бежать, спастись... вырваться из этой страшной железной клетки, в которую вы превратили нашу жизнь... жизнь, которую вы сделали такой бесцветной, пустой и никчемной. Люди не машины, Шаддак! Люди... люди... мы не автоматы, не машины, нет!..

— Бога ради, остановитесь, вы регрессируете, Лоуман!

Уоткинс запнулся, недоуменно глядя на Шаддака, пытаясь сообразить, что происходит. Он потряс головой, словно стараясь отогнать помрачение, сбросить завесу, мешавшую ему смотреть, затем поднес руки к глазам и закричал от ужаса. Он взглянул в зеркало за спиной Шаддака, и крик его стал еще громче, пронзительнее.

Внезапно Шаддак ощутил смрад, который наполнял

комнату, — густой и терпкий запах крови, к которому он уже как-то притерпелся, перестал его замечать. Но на Уоткинса он, должно быть, действовал гораздо сильнее, не вызывая ни малейшего отвращения; нет, запах этот вовсе не был противен ему, ни в коей мере, наоборот, он волновал, возбуждал его.

Ослепительно вспыхнула молния, ночь взорвалась страшным, оглушительным грохотом, и внезапно с черного неба обрушились потоки дождя; дождь хлестал по стеклам, выбивал отчаянную дробь по крыше.

Уоткинс отвел взгляд от зеркала, перевел его на Шаддака и поднял руку, словно собираясь ударить его; потом повернулся и, пошатываясь, бросился вон из комнаты и дальше, в коридор, прочь от липкого, одурманивающего запаха крови, от смрада и зловония смерти и вырождения. Он упал на колени, перекатившись на бок, сжался в комок, трясаясь всем телом, с воплями, стоном и рычанием катаясь по полу, непрерывно повторяя, выкрикивая только одно слово:

— Нет, нет, нет, нет!

57

Оттащив себя от края этой страшной пропасти, этого безвозвратного падения, почувствовав, что он снова может владеть собой, Лоуман приподнялся и сел, прислонившись к стене. Он был весь в поту и совсем ослабел от голода. Частичное превращение и энергия, затраченная на то, чтобы остановить его и вернуться в прежнее состояние, совсем истощили его силы. Лоуман чувствовал облегчение, но в то же время и какую-то незавершенность, словно самый главный приз, который был уже почти у него в руках, в последний момент вдруг ускользнул от него.

Какой-то гулкий и в то же время шуршащий звук наполнял, казалось, все пространство вокруг. Сначала Лоуман подумал, что шум идет у него изнутри, что это клетки его мозга, не выдержав непосильного напряжения, рассыпаются, словно угольки от жара, с легким шипением и треском. Потом он понял, что это дождь барабанит по деревянной крыше домика.

Лоуман открыл глаза — все плыло вокруг него, как в тумане. Постепенно взгляд его прояснялся, и он увидел Шаддака, стоявшего на том конце коридора, у двери в спальню. Тощая, мрачная фигура с длинным, вытянутым, голубовато-бледным лицом, на котором выделялись только глаза, горевшие желтоватым светом, в узком, темном, почти черном пальто, — Шаддак казался призраком, воплощением самой Смерти.

Если бы и вправду это была Смерть собственной персоной, то, наверное, Лоуман нашел бы в себе силы подняться и бросился бы ей в объятия.

Вместо этого он, все так же продолжая сидеть на полу, сказал:

— Больше никаких превращений. Вы должны прекратить превращения.

Шаддак молчал.

— Значит, вы не собираетесь останавливать превращения, я вас правильно понял?

Шаддак смотрел на него, не говоря ни слова.

— Вы сумасшедший, — устало произнес Лоуман. — Вы бешеный, безумный маньяк. Но у меня нет выбора. Я должен выполнять ваши приказания или... или покончить с собой.

— Никогда больше не смейте говорить со мной таким тоном, слышите? Никогда. Не забывайте, кто я.

— Даже если бы я и захотел, я не могу забыть, кто вы, — с горечью ответил Лоуман. Ему удалось, наконец, подняться на ноги, и он стоял слабый, слегка покачиваясь. — Я не давал своего согласия, это было насилием. И если придет такой час, когда я не смогу больше противостоять этой страшной жажде регрессировать, если когда-нибудь у меня не хватит сил сопротивляться и я провалюсь в эту дикую, первозданную тьму, где уже не будет места страху, по крайней мере, страху перед вами, я напрогу тогда весь оставшийся у меня разум, чтобы вспомнить, где вы, и я приду за вами!

— Вы что, угрожаете мне? — изумленно спросил Шаддак.

— Нет, — ответил Лоуман. — Это не то слово.

— Да, уж лучше бы вам этого не делать. Если что-нибудь случится со мной, «Солнце», суперкомпьютер, тут же подаст

сигнал. Сработает особая заложенная в него программа, скопление микроэлементов, находящихся в вас, тут же примут этот сигнал и тогда...

— ...все мы мгновенно погибнем, — закончил за него Лоуман. — Да, я знаю. Вы говорили мне раньше. Если вы уйдете, мы все последуем за вами, совсем как крысы за известным Крысоловом, зачарованные его волшебной дудочкой.

Вы и есть тот самый Крысолов, Крысолов века электронной техники, весь из полупроводников и транзисторов, с блоком питания вместо сердца. Нет, преподобный Крысолов, я не угрожаю вам; угроза — слишком сильное слово для этого. Чтобы иметь возможность угрожать, человек должен испытывать какие-то сильные чувства, должен просто раскалиться от бешенства, ярости, гнева. Но я — Новый Человек. Я могу ощущать только страх. Я боюсь — и это все, на что я способен. Бояться. Так что это нельзя назвать угрозой. Ничего подобного. Это *обещание*.

Шаддак шагнул в коридор. Казалось, что вслед за ним из комнаты вырвалась струя холодного воздуха. Возможно, виновато было воображение Лоумана, но он ясно чувствовал, что в коридоре стало гораздо холоднее теперь, когда здесь находился Шаддак.

Они долго пристально смотрели друг на друга.

— Вы будете продолжать то, что я вам сказал, — произнес наконец Шаддак.

— У меня нет выбора, — ответил Лоуман. — Вы не оставили мне никакого выбора. Я в ваших руках, господин Крысолов, но не любовь и не уважение к вам удерживают меня, заставляя выполнять ваши проклятые прихоти, нет, — один только страх.

— Что ж, так даже лучше, — заметил Шаддак.

Он отвернулся от Лоумана и вышел из дома, в ночь, в дождь.

* В средневековой немецкой легенде говорится о том, как странствующий музыкант избавил жителей Гаммельна от нашествия крыс. Околдованные звуками его флейты, крысы устремились за Крысоловом к озеру и утонули. Однако гаммельнцы не отблагодарили музыканта, как обещали — и под звуки той же флейты он увел их детей на гору Компенберг, которая разверзлась и поглотила их. *Прим. ред.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАССВЕТ В АДУ

«Я чувствовал, что что-то не так, что-то ужасное и громадное надвигалось на нас, но я не мог ничего изменить. Это было страшно — ощущать свое полное бессилие.»

Андрей Сахаров

«Власть не просто развращает, она сводит с ума, заставляя забыть обо всякой осторожности, толкая на безумства.»

Уилл и Ариэль Дюран

Тэсса Локлэнд проспала меньше часа. Еще не рассвело, когда она проснулась, почувствовав сначала какой-то холод в правой руке, потом неожиданное и быстрое прикосновение, словно кто-то лизнул ей руку горячим языком. Рука ее свесилась с постели почти до пола, и кто-то, сидевший там, на ковре, решил, видимо, попробовать ее на вкус.

Тэсса села, выпрямившись, как сжатая пружина, не в силах вздохнуть.

Ей только что снилась резня в «Коув Лодже», почти невидимые жуткие оборотни, скалящие клыки, готовясь вонзить в нее длинные кривые когти, отточенные, как лезвие бритвы. Теперь этот ночной кошмар, вероятно, стал реальностью, — ужасные существа, конечно, уже захватили дом Гарри, и прикосновение шершавого языка предвещало мучительную пытку — сейчас ее начнут терзать и рвать на части.

Но это был только Муз. Через полуоткрытую дверь свет ночника из холла проникал в комнату, и Тэсса различила неясные очертания собаки; она облегченно вздохнула. Пес положил лапы на край кровати, но он был слишком хорошо воспитан, чтобы позволить себе влезть целиком. Он тихонько поскуливал, видимо, ожидая, чтобы его приласкали.

Тэсса была совершенно уверена, что она закрыла дверь, прежде чем лечь. Но она уже поняла, что Муз — необыкновенно умный пес, и, если захочет, может найти выход из любого положения. Она вдруг сообразила, что в доме у Гарри она видела на всех дверях не круглые ручки с запирающимися кнопками, а нечто вроде задвижек, которые легко приподнять и рукой, и даже лапой.

— Ты один и скучаешь? — ласково спросила Тэсса, поглаживая собаку за ушами.

Пес снова заскулил и потянулся к ней мордой.

Крупные капли дождя барабанили по стеклу. Дождь лил потоками; слышно было, как он хлещет по ветвям и листьям деревьев за окном. Весь дом сотрясался от ударов ветра.

— Ну, дружок, ничего страшного. Прекрасно можно по-

спать и одному. Я тысячи раз спала одна и очень сладко, между прочим. Так что беги-ка ты на свое место.

Тэсса перестала его поглаживать, и Муз сразу понял. Он неохотно соскользнул на пол и побежал к двери. В дверях он обернулся, выбежал в холл и, посмотрев в оба конца коридора, повернул налево.

Только тоненькая струйка света просачивалась из холла в комнату, но и она раздражала Тэссу. Пришлось встать и поплотнее закрыть дверь. Вернувшись к постели, Тэсса поняла, что теперь ей уже не заснуть.

Ей было неудобно — мешала одежда — она легла, как была, — в джинсах, рубашке и свитере, — сняла только кроссовки. Но раздеться она не решалась, боясь, что почувствует себя тогда настолько незащищенной, открытой любому внезапному нападению, что вообще не сможет заснуть. После того, что случилось в мотеле, Тэсса хотела быть постоянно готовой к любым неожиданностям.

Кроме того, ей отвели единственную свободную спальню в доме; была, правда, еще одна, но там не было мебели. В комнате давно уже никто не жил, а потому и постель, и одеяло пахли не то плесенью, не то пылью, в общем, от них исходил какой-то неприятный, затхлый дух запустения, и он мешал Тэссе. Раньше здесь жил отец Гарри, ему когда-то принадлежал весь этот дом, но старший Тальбот умер давно — семнадцать лет назад, — через три года после того, как его сын вернулся с войны, а, вернее, в дом привезли то, что осталось от его сына. Тэсса настояла, чтобы Гарри не беспокоился о постельном белье; она прекрасно может спать одетая поверх одеяла, а если вдруг станет холодно, то и на голом матрасе, укрывшись одеялом. Выставив Муза и закрыв за ним дверь, Тэсса почувствовала, что замерзла. Она скользнула под одеяло и с новой силой почувствовала кисловатый запах плесени, который не давал ей уснуть.

Сквозь барабанную дробь дождя и шелест струй в ветвях Тэсса слышала тихое гудение поднимающегося лифта. Наверное, его вызвал Муз. Интересно, он всегда так бродит по ночам?

Несмотря на страшную усталость, Тэсса не могла погрузиться в освежающее забытие, не могла отогнать от себя беспокойных, мучительных мыслей.

Но не воспоминания о диком происшествии в мотеле мешали ей заснуть. Не ужасные истории Гарри о веренице трупов, опускавшейся в ненасытную печь крематория. Не рассказ о Пауле Паркинс, растерзанной какими-то неизвестными чудовищами, или о странных подростках, гнавшихся вечером за Сэмом. Конечно, она помнила обо всем этом, но сейчас это лежало где-то в глубине ее памяти; главное было другое — мысли о собственной жизни, о том, что она уже успела сделать, и о том, что до сих пор не сбылось.

Столкнувшись со смертью лицом к лицу, Тэсса более чем когда-либо почувствовала, что она не вечна. Жизнь имеет свой предел. В суете и суматохе повседневных дел редко приходится об этом задумываться.

Но теперь ей уже некуда было деться от этих мыслей, и она размышляла, не слишком ли много лет она потеряла, живя как придется, плывя по течению и думая только о сегодняшнем дне. Конечно, работа приносила ей удовлетворение. Она считала себя счастливой женщиной — ей было бы чертовски трудно почувствовать себя несчастной — она ведь происходила из рода Локлэндов, а значит, была оптимисткой от рождения. Но, если уж быть совсем честной, она не могла не признать, хотя бы перед самой собой, что так и не получила того, к чему действительно стремилась. И если жизнь будет продолжаться так, как она идет сейчас, ей никогда не получить этого.

Чего она хотела по-настоящему, о чем мечтала в глубине души — так это иметь семью, близкого, дорогого ей человека, которому она будет нужна. Ей хотелось возродить то, что было у нее в детстве и в юности, когда они жили в Сан-Диего, и она просто купалась в теплых потоках всеобщей любви. У нее была обожаемая старшая сестра Джессика и нежно любящие родители. У Тэссы было тогда столько любви и счастья, она чувствовала себя так надежно защищенной от всех невзгод, что в дальнейшей ее жизни это всегда помогало ей выносить инциденту, бороться с отчаянием и страхом; мощный заряд любви и тепла, полученный в юности, давал ей силы справляться с любыми трудностями, какие только встречались на ее пути. Радости первых двадцати лет ее жизни могли уравновесить все, что бы ни последовало за ними.

Лифт остановился, потом с тихим, приглушенным гулом начал спускаться. Странно, — думала Тэсса, — почему это собака пользуется лифтом даже одна, по ночам, когда ее никто ни за чем не посылает. Ведь спуститься по лестнице было бы гораздо быстрее. Привычка, наверное, решила она, видно, собаки тоже действуют по привычке.

Когда Тэсса была еще маленькой, у них дома тоже жили собаки; сначала Барни — большой золотистый охотничий пес, потом ирландский сеттер Микки Финн...

Шестнадцать лет назад Дженис вышла замуж и уехала. Тэссе было тогда восемнадцать... С тех пор семья их начала распадаться, словно какая-то темная слепая сила подтачивала и разрушала их уютный маленький мирок. Три года спустя умер отец, а вскоре после его смерти Тэсса и сама покинула дом, пустившись в бесконечные скитания по дорогам своих фильмов о природе, о людях, о дальних странах и приключениях. Конечно, она продолжала довольно часто встречаться и с матерью, и с сестрой, но то чудесное время, те годы, полные любви и света, ушли безвозвратно.

Теперь вот и Дженис больше нет. Марион ведь тоже не будет жить вечно, хотя она и занимается еще парашютным спортом.

Тэссе пронзило острое, томительное желание воссоздать этот домашний уют, возродить его в своем собственном доме, где будет она, ее муж и дети. Она уже была замужем один раз; ей было тогда двадцать три года, и человеку, за которого она вышла, больше нужны были дети, чем она сама. Когда муж узнал, что у Тэссы никогда не будет собственных детей, он ушел от нее. Приемные были ему не нужны, он не хотел никого усыновлять — только свои дети, его плоть и кровь, — другого он не желал. Прошло чуть больше года после их свадьбы, и вот — развод. Тогда это больно ранило ее.

После этого она, стараясь забыть обо всем, с головой погрузилась в работу. С помощью своего искусства Тэсса как бы пыталась охватить весь мир, добиться того, чтобы все люди стали ей родными и близкими. Она проникала в самую суть вещей, могла за тридцать, шестьдесят или девяносто минут рассказать зрителям о самых сложных событиях и проблемах, сокращая расстояния, сжимая простран-

ства с живущими на них людьми до размеров одного маленького уютного домика, одной семьи.

Но сейчас, лежа без сна в спальне Гарри, Тэсса поняла, что она никогда не сможет быть до конца счастлива, если не перевернет свою жизнь, не приложит все свои силы к достижению того, о чем она так долго и страстно мечтала. Без любви к людям ты не можешь быть по-настоящему глубоким человеком, но эта абстрактная всеобъемлющая любовь может стать пустой и бессмысленной, если она ни на чем не основана, не является продолжением твоей любви к самым близким людям — к детям, к мужу. В своем искусстве Тэсса была горячим сторонником частностей, мелких, но самых ярких подробностей милой обыденной жизни, но именно этого-то она и была лишена в действительности.

Вдыхая слабый запах плесени и пыли, Тэсса чувствовала себя так, словно ее жизнь, ее способность любить и отдавать свою ласку и нежность долгие годы пролежали не использованные, не востребованные никем, на дне ее души. Теперь, в тридцать четыре года, ей придется заново открывать для себя эту область жизни, от которой она так надолго сознательно отторглась, залечивая свои сердечные раны, с головой уйдя в работу. Она ощутила себя такой бесплодной, никому не нужной... Это чувство было сейчас даже сильнее, чем в тот день, когда она узнала, что никогда не сможет родить ребенка. Найти какой-то выход из этого положения, резко изменить свою жизнь, наполнив ее обычными женскими радостями, казалось ей в этот момент гораздо важнее, чем узнать, откуда появились упыри-привидения и кто они такие.

Да, когда посмотришь смерти в лицо, в голову начинают приходить совсем новые, неожиданные мысли.

Постепенно усталость все-таки пересилила сумбур и неразбериху, царившие в ее душе, мягко обволакивая ее и уводя в сон. Уже засыпая, она подумала, что, может быть, Муз пришел к ней потому, что заметил в доме что-то странное, необычное. Возможно, он хотел поднять ее, сообщить об опасности. Хотя, если бы действительно были поводы для тревоги, он наверняка поднял бы лай, а не ушел бы так спокойно.

И Тэсса наконец уснула.

Выйдя из дома Пэйсера, Шаддак сел в машину и вскоре был уже в своем доме на северном мысу. Но он пробыл там недолго. Приготовив три бутерброда с ветчиной, он положил их вместе с несколькими банками «колы» в портативный холодильник и поставил его в микроавтобус. Туда же он отнес пару одеял и подушку. Затем взял из кабинета, из специального шкафа, где хранилось оружие, «Смит энд Вессон» и «Ремингтон» и к ним еще кучу патронов. Подготовившись таким образом, он вышел в бурю и в ночь, собираясь самолично разъезжать по улицам Мунлайт Коува и его окрестностям, держа под контролем ситуацию вплоть до следующей полночи, до того момента, когда, менее чем через девятнадцать часов, его проект «Черный Ястреб» будет завершен.

Угроза Уоткинса смутила и напугала его. Он не решался больше оставаться в своем доме, боясь, что Уоткинс может впасть в регрессию и вернуться за ним, как обещал; но на машине его не так-то легко будет найти. К полночи, когда последние превращения будут завершены, силы Шаддака умножатся. Тогда он сможет расправиться с полицейским.

Уоткинса схватят и надежно упрячут прежде, чем он успеет трансформироваться. Шаддак будет держать его на привязи в своей лаборатории, не спеша изучая его психологию и физиологию, пока не найдет объяснения этому странному бедствию — регрессии, охватившей Новых Людей.

Объяснения Уоткинса его совершенно не устраивали. Не могло быть такого, чтобы Новых Людей не привлекала их прекрасная жизнь, и они, спасаясь от нее, впадали в регрессию. Принять такую теорию — значило согласиться с тем, что проект «Черный Ястреб» — отнюдь не благодеяние для людей, а напротив страшная катастрофа, что Превращение — не великий дар, а ужасное проклятие, которое он наслал на людей, и что весь его многолетний труд — не просто заблуждение, а преступление, последствия которого могут оказаться более пагубными, чем чума или моровая язва. Такого признать он не мог.

Он был создателем и господином Новых Людей, он

наслаждался властью, равной могуществу Бога. Шаддак не собирался ее потерять. Предрасветные улицы, умытые дождем, были пусты. Только кое-где навстречу ему попадались полицейские машины, патрулировавшие город в надежде поймать Букера, Тэссу Локлэнд или девчонку Фостеров, а, может быть, даже схватить какого-нибудь регрессивного, выпешдшего на поиски добычи. Хотя полицейские в этих машинах не могли разглядеть его за дымчатыми стеклами окон микроавтобуса, они, без сомнения, знали, кому принадлежит этот автомобиль.

Зато Шаддак хорошо их видел и узнавал многих из них — это были служащие «Новой Волны», из той сотни, которую он выделил в помощь полиции всего лишь несколько часов назад.

За залитыми дождем ветровыми стеклами их бледные лица казались белесыми матовыми шарами, плавающими, словно отделившись от тел, в полумраке машин; они были абсолютно лишены всякого выражения, словно лица манекенов или роботов.

Шаддак знал, что были еще и другие патрульные, обходившие город пешком, но они соблюдали предосторожности, прячась в глубокой тени, в темных переулках, так что ни одного из них невозможно было заметить.

Два раза он увидел маленькие отряды, осуществлявшие его проект, то есть производившие превращения. Они быстро и неслышно скользили во тьме от одного дома к другому. Выполнив очередное превращение, отряд заносил данные в компьютер, установленный в машине; оттуда они передавались в центр «Новой Волны».

Шаддак остановился на перекрестке и включил свой собственный компьютер, чтобы проверить, как идут дела. Оказалось, что из списка превращений, намеченных с двенадцати ночи до шести утра, остались невыполненными всего пять. Таким образом, они шли даже с некоторым опережением по графику.

Ветер нес с запада косые струйки дождя; в свете фар они серебрились, словно льдинки. Деревья тряслись, будто в ознобе, а может быть, они дрожали от страха. Шаддак продвигался сквозь ночь, озирая город; он был похож на громадную хищную птицу, вылетевшую поохотиться в бурю.

Такер вел их, и они настигали и убивали, вгрызались и рвали на куски, вонзались когтями и раздирали, гнались, настигали и убивали, убивали и пожирали свою добычу, лакая кровь, свежую и дымящуюся, густую и горячую, кровь, насыщающую огонь, горевший в них, охлаждающую их внутренний жар, дающую ему пищу. Кровь.

Такер стал замечать, что чем дольше они остаются в измененном состоянии, тем слабее становятся языки этого жгучего пламени, и тем легче и привычнее оставаться в этой дочеловеческой форме, тем меньше хочется ее покинуть. Что-то подсказывало ему, что эта легкость, это привыкание могут привести к тому, что ему уже не вырваться будет из этого звериного образа, но он не способен был больше ни о чем тревожиться или беспокоиться, не в силах сосредоточиться на каких-либо сложных мыслях более нескольких секунд.

Так они мчались по полям и холмам, неслись все вперед и вперед в бледном свете месяца, с рычанием и воем, освобожденные, абсолютно свободные в тумане и лунном свете, нагие, свободные, не знающие преград летели сквозь туман и ветер, и Такер вел их, останавливаясь только, чтобы убить и сожрать; иногда он совокуплялся с самкой, рычавшей от яростного наслаждения, и это бешенство было волнующим, возбуждающим и диким.

Потом пошел дождь.

Холодный.

Наотмашь хлеставший по обнаженному телу.

Загрохотали удары грома, вспыхнула ослепительная молния.

Где-то в глубине у Такера еще хранилось смутное знание о том, что означает этот грохот и эти длинные сверкающие стрелы, вспарывающие черное небо; но ему не удавалось извлечь из памяти эти воспоминания, и он боялся, при каждой новой вспышке бросаясь в укрытия, под деревья, жался поближе к другому самцу и самке, пока все не стихало и небо снова не заволакивал мрак.

Он начал искать убежище, где можно было бы пере-

ждать бурю. Он знал, что можно вернуться назад, туда, откуда они начали погоню, туда, где свет и сухие теплые комнаты, но он уже не помнил, где это место. К тому же вернуться — означало поступиться своей свободой, снова принять обличье, данное им от рождения. А этого он не хотел. Другой самец и самка тоже не хотели возвращаться. Они желали только одного — мчаться по полям и лесам, убивать и совокупляться, и быть свободными, бесконечно, беспредельно свободными. Бернувшись, они потеряли бы эту свободу, а потому они неслись все дальше, вперед, через дорогу и вверх по склонам высоких холмов, держась подалее от домиков, изредка попадавших на их пути.

Рассвет приближался; на востоке, над горизонтом еще не было заметно никаких проблесков, но Такер чуял, что скоро начнет светать, и знал, что им нужно найти какое-нибудь укрытие — берлогу или пещеру — до того, как взойдет солнце; там они смогут свернуться, прижавшись друг к другу, в теплой, безопасной тьме, мрак защитит и укроет их, ничто не будет им угрожать, и они отдохнут после бешеной погони и охоты, вспоминая всю неизъяснимую сладость крови и совокуплений; теплый и плотный мрак, кровь и совокупление — вот все, что им нужно. Там они смогут укрыться от мира, пока еще чуждого и опасного, там им не придется снова принимать свой человеческий облик. Когда спустится ночь, они опять выйдут на охоту и будут наступать и убивать, рвать на части и убивать, и может быть, настанет день, когда им больше не нужно будет прятаться, таких, как они, будет много, очень много, большинство, и они смогут охотиться днем, свободно, ни от кого не скрываясь, но не теперь, нет, это время еще не пришло.

Они вышли на грабневую дорожку, и в памяти Такера всплыло смутное воспоминание об этих местах; инстинкт подсказывал ему, что эта дорога должна вывести их туда, где они найдут, наконец, долгожданное укрытие. Такер помчался по дороге между холмами, низким и хриплым ревом подбадривая свою стаю. Вскоре они увидели здание — громадный, старый, полуразрушенный дом; стекла в окнах были давно разбиты, дверь висела на одной петле. Сквозь пелену дождя можно было разглядеть и другие постройки

— бывший коровник и несколько сарайчиков, которые совсем развалились.

К передней стене дома между окнами были одна над другой прибиты две вывески; надписи на них сильно отличались друг от друга, словно вторую выполнили и повесили через много лет после первой. Такер понимал, что знаки, которые он видит перед собой, имеют какое-то значение, но он не мог их прочесть, хотя и напрягал свою память, пытаясь отыскать в ней слова из языка тех существ, к которым он сам еще так недавно принадлежал.

Два других хищника, составлявшие его стаю, следовали за ним. Они тоже задрали голову, разглядывая черные буквы на светлом фоне. Темные непонятные символы, выступавшие из дождя и мрака. Таинственные, загадочные письмена.

КОММУНА «ИКАРУС»

А под нею:

РЕСТОРАН «СТАРЫЙ ИКАРУС». БЛЮДА ИЗ НАТУРАЛЬНЫХ ПРОДУКТОВ.

На полуразвалившемся коровнике виднелась еще одна надпись: «ВОСКРЕСНАЯ ЯРМАРКА», но для Такера это имело не больше смысла, чем знаки на доме, и вскоре он решил, что не стоит ломать себе над этим голову. Главное — здесь нет людей, не чувствуется даже их запаха, так что это могло стать им прекрасным, надежным убежищем, они забьются в него, как в берлогу, как в нору, — теплую, темную и безопасную.

4

Прихватив одеяло и подушку, Сэм устроился на длинном диване в гостиной. Он решил расположиться здесь, на нижнем этаже, чтобы сразу проснуться, если кто-нибудь попытается ворваться в дом. Правда, по графику, который он видел в патрульной машине, за Гарри Тальботом могли прийти не раньше следующего вечера. Он сомневался, что они надумают ускорить превращения только из-за того, что в городе находится тайный агент ФБР. Но надо быть готовым к любым неожиданностям.

Сэму нередко случалось мучиться от бессонницы, но не

сегодня. Сбросив ботинки и растянувшись на диване, он еще немножко послушал монотонный шорох дождя, стараясь отогнать от себя все мысли. Не прошло и пяти минут, как он заснул.

Сон его обычно был полон сновидений — продолжение его дневных мыслей, забот и переживаний.

И сейчас, едва успев погрузиться в черное забытие, он увидел Карен, свою умершую жену; Сэм всегда видел ее такой в своих ночных кошмарах — изможденной, измученной болезнью в ее последней стадии, после того, как химиотерапия не помогла, и жить ей оставалось уже не долго. Он знал, что должен спасти ее. И не мог. Он ничего не мог сделать и чувствовал себя маленьким и слабым, испуганным и страшно беспомощным.

Он мучился во сне, но не проснулся.

Теперь он видел перед собой уже не больницу, где умирала от рака его жена, а мрачное, обваливающееся, полуразрушенное здание. Оно было чем-то похоже на отели с полотен Сальвадора Дали: бесконечные коридоры переплетались, расходясь в разные стороны; некоторые — короткие — заканчивались тупиками, другие — невероятно длинные — тянулись куда-то вдаль, теряясь во мраке; стены отходили от пола под самыми неожиданными углами, образуя фантастические изломы, а двери по сторонам были то такие крохотные, что в них, пожалуй, могла бы проскользнуть только мышь, то обычные, в рост человека, то громадные, словно рассчитанные на какого-то гиганта.

Некоторые двери будто притягивали Сэма к себе. Он открывал их, и каждый раз в комнате оказывался человек, с которым он был как-то связан в прошлом или настоящем.

Несколько раз он встретил Скотта, своего сына, разговоры их были отрывочны, несвязны, оставляя чувство какой-то незаконченности и неудовлетворения; в конце он неизменно наталкивался на беспричинную враждебность Скотта. Все это казалось еще ужаснее оттого, что возраст мальчика постоянно менялся: иногда Сэм видел его урюмым шестнадцатилетним подростком, таким, каким он был сейчас, в другой раз ему было всего лишь десять, а то и четыре или пять лет. Но каким бы он ни представлялся Сэму, он был по-прежнему отчужденным, то равнодушно-

холодным, то кипящим от злобы и ненависти. «Неправда, это не так, ты не был таким, когда был помладше,» — говорил Сэм семилетнему Скотту, а в ответ слышал только ругательства и оскорбления.

И всякий раз, в каком бы возрасте Скотт ни являлся ему, он был окружен громадными плакатами, с которых смотрели лица металлистов; все эти кумиры поклонников тяжело-го рока были затянuty в кожу и обвешаны цепями; на лбу и ладонях запечатлелись сатанинские знаки. Свет в комнатах был какой-то странный, мерцающий. Сэм видел силуэт неизвестного существа, прятавшегося в темном углу, он чувствовал, что Скотт знает о нем и не боится, но Сэму оно внушало панический ужас.

Но и от этого кошмара он не проснулся.

В других комнатах и переходах этого лабиринта он встречал людей, которые уже давно умерли, — каждый раз одних и тех же — Арни Тафта и Карла Сорбино. Это были агенты, с которыми Сэм когда-то работал; их убили у него на глазах.

Вход в одну из комнат на самом деле был дверцей машины — блестящего синего «быка». Но за ней оказалось громадное помещение с серыми стенами. От машины в нем было только переднее сиденье, приборная доска и руль, больше ничего. Все это, словно остов доисторического животного, лежало в безбрежных, бесплодных песках. За рулем сидела женщина в зеленом платье, она отвернулась, и лица ее не было видно. Но Сэму и не нужно было видеть, он и так прекрасно знал, кто она, и хотел сейчас же бежать из комнаты, — но не мог. Наоборот, словно какая-то сила тянула его к этой женщине. Сэм сел рядом с ней, и в тот же момент ему снова стало семь лет, как в тот день, когда случилась авария, хотя голос у него, когда он произнес: «Хэйло, Мам!» — был совсем взрослый, его теперешний голос. Она повернулась к нему, открывая свое изуродованное лицо — правого глаза не было, вместо него чернела пустая глазница; вся щека была разворочена, из нее торчали сломанные кости. Она улыбнулась Сэму, но улыбка была похожа на ужасный оскал, обнаживший искрошенные зубы.

И вдруг они действительно оказались в машине, словно время повернулось вспять, перенеся Сэма на много лет

назад, в тот роковой день. Они ехали по шоссе, а навстречу им неслись грузовик, который вел пьяный в стельку шофер. Эта белая громадина вильнула, вырвалась на встречную полосу и теперь со страшной скоростью мчалась прямо на них. «Мам!», — отчаянно крикнул Сэм, но она не могла ни свернуть, ни избежать этого столкновения, так же как не могла этого сделать тогда, тридцать пять лет назад. Грузовик тянуло к ним, как железо к магниту, и он врезался в них на полном ходу, подмяв под себя их машину. Наверное, именно так себя чувствуешь, находясь в эпицентре взрыва: оглушительный рев и пронзительный скрежет разрываемого, расплющенного металла. И тьма, крошечная, беспросветная тьма. Очнувшись, словно поднявшись на поверхность из каких-то черных глубин, он обнаружил, что лежит, придавленный искореженными обломками. Прямо перед ним было мертвое лицо его матери, в глаза ему смотрела ее черная, пустая глазница. Сэм страшно закричал.

Но и этот ужасный сон не смог разбудить его.

Он снова видел себя в больнице, как и после той катастрофы; тогда он впервые стоял на краю гибели. Потом это случилось с ним еще пять раз в его жизни. Однако во сне Сэм знал, что он уже больше не мальчик, а взрослый мужчина, и сейчас он лежит на операционном столе, потому что ему прострелили грудь в той схватке, в которой был убит Карл Сорбино. Пока хирурги возились с его телом, Сэм поднялся над своей оболочкой и взирает с высоты, как они там копошатся около стола. Он чувствовал удивление, но никак не страх, совсем как тогда, когда это происходило в действительности.

И вот он уже в туннеле, движется к ослепительному свету, сияющему в конце этого темного коридора, направляясь к Тому Берегу. На этот раз Сэм знал, что ожидает его там, так как уже побывал там однажды, наяву, а не во сне. Его охватил ужас, он не хотел больше этого видеть, не хотел заглядывать за Черту. Но он мчался все быстрее и быстрее, стремительно проносясь по длинному черному туннелю, и страх его нарастал вместе со скоростью. Снова увидеть то, что лежало По Ту Сторону, было намного хуже, чем ссоры со Скоттом, хуже, чем искалеченное лицо матери с черной дырой вместо глаза, бесконечно хуже (все быстрее и быст-

рей), это было просто невыносимо, и он закричал (быстрее), и все кричал (еще быстрее), и кричал...

И тут, наконец, он проснулся.

Сэм резко сел на диване и подавил крик, прежде чем он успел вырваться у него из горла.

Мгновение спустя он почувствовал, что кто-то еще, кроме него, находится в темной гостиной. Он услышал какое-то шевеление и в тот же миг выхватил револьвер из кобуры, лежавшей около дивана.

Это оказался Муз.

— Привет, парень!

Пес тихо фыркнул.

Сэм потянулся, чтобы потрепать его по голове, но пес уже отбежал в сторону. В комнате тьма была гораздо плотнее, чем на улице, так что окна смутными серыми прямоугольниками светились в этой темноте. Муз подбежал к одному из них и, поставив передние лапы на подоконник, прижался носом к стеклу.

— Тебе нужно выйти? — спросил Сэм удивленно; они ненадолго выпустили собаку как раз перед тем, как лечь спать.

Пес не залаял, даже не повернул голову, продолжая все так же неподвижно стоять у окна, глядя куда-то на улицу.

— Там кто-то есть? — спрашивая, Сэм уже и сам знал ответ на свой вопрос.

Сэм быстро, стараясь не шуметь, подбежал к окну. По пути он несколько раз наткнулся на какую-то мебель, но, к счастью, ничего не опрокинул. Он встал рядом с собакой.

Ночь, исхлестанная дождем, казалась особенно черной в этот предрассветный час, но глаза Сэма быстро привыкли к темноте. Из окна ему видна была стена дома напротив. Улица в этом месте круто поднималась вверх, по сторонам ее росли густые кусты, из которых кое-где вздымались высокие стволы и игольчатые лапы сосен, раскачивавшиеся и дрожавшие под порывами ветра.

Сэм почти тотчас же заметил двух упырей-привидений; они двигались против ветра, и потому резко выделялись на фоне клонившихся и стибавшихся стволов и веток. Они были метрах в пяти от окна и спускались по склону, направляясь в сторону Конкистадор Авеню. Хотя Сэм и не мог

рассмотреть их как следует, все же по их неуклюжим, пригнувшимся к земле фигурам и по мягким, скользящим, каким-то хищным движениям он догадался, что это не обычные люди.

Они остановились у большой сосны, и один из них взглянул в сторону дома Тальбота. Сэм увидел его странные янтарные глаза, светившиеся тусклым желтоватым светом. Он застыл, пронзенный этим взглядом, не в силах пошевелиться не столько даже от страха, сколько от изумления. Вдруг он понял, что существо это смотрит прямо на его окно, и тут оно напряжилось и метнулось прямо к нему.

Сэм мгновенно соскочил под подоконник и, прижавшись к стене, потянул за собой Муза. Пес, вероятно, тоже почувствовал опасность; он не залаял и не заскулил, а безо всякого сопротивления лег на пол и не двигался, не подавая никаких звуков.

Через какую-нибудь долю секунды сквозь завывания ветра и шум дождя до Сэма дошел шорох мягких, крадущихся шагов по ту сторону стены, у которой он сидел, скорчившись, сжимая свой револьвер. Прыжок... Потом слабое царапанье, словно кто-то тихонько скребся.

Палец правой руки Сэм держал на курке, готовый, в крайнем случае, открыть огонь через стекло.

Прошло несколько секунд — все было тихо. Еще немного.

Левой рукой Сэм прижимал к полу Муза. Он чувствовал, как нес дрожит мелкой, нервной дрожью.

Тук-тук-тук.

После нескольких мгновений мертвой тишины это внезапное постукивание поразило Сэма; он был уже почти уверен, что странное существо убралось восвояси.

Тук-тук-тук.

Чудовище постукивало по стеклу, словно пробуя его на прочность или призывая человека, которого оно только что видело стоящим у окна.

Тук-тук. Пауза. И снова: тук-тук-тук.

5

Такер увел свою стаю от холодного ветра, грязи и дождя. Они поднялись по прогнувшимся ступенькам крыльца вет-

хого, разваливающегося дома. Доски страшно трещали и скрипели под их ногами. Один навес сорвало ветром, и он болтался, ударяясь о стену, другой вообще унесло неизвестно куда.

Такер пытался объяснить свой план, но обнаружил, что это невероятно трудно, почти невозможно — он не мог ни вспомнить, ни выговорить нужные слова. Получалось нечто среднее между глухим ворчанием, невнятным бормотанием и низким звериным рыком; все, что ему удавалось кое-как произнести, было: «... тут... скрыться... тут... спокойно».

Другой самец, кажется, вообще потерял способность говорить, из горла его не вылетало никаких членораздельных звуков.

Самка вся напряглась, с трудом повторяя вслед за Такером: «...спокойно... тут... дом...».

Такер присмотрелся к членам своей маленькой стаи, замечая, как сильно они изменились за время их ночной охоты. В самке вначале было что-то кошачье — гладкая, мускулистая, как пантера; уши прижаты; острые хищные клыки угрожающе обнажались всякий раз, когда она шипела от страха, ярости или наслаждения. В ней и сейчас еще оставалось кое-что от кошки, но теперь она больше походила на Такера — во всем ее облике появилось что-то волчье — голова стала больше и вытянулась вперед наподобие морды не то собаки, не то волка; задние ноги окрепли и поросли шерстью, как у большого сильного зверя, а передние еще напоминали руки, но их пальцы заканчивались длинными, острыми когтями, гораздо более страшными и смертоносными, чем когти зверя. Самец, хотя и представлял собой единственную в своем роде помесь гигантского насекомого с гиеной, в то же время чем-то неуловимо смахивал на своего рода вожака.

По взаимному молчаливому соглашению Такер стал их предводителем, и члены стаи, во всем подчиняясь ему, видимо, стремились также принять его образ. Такер чувствовал, что это было важным, а возможно, даже и угрожающим знаком.

Он не знал, почему это так пугает его; мысли путались, перескакивая с одного на другое, он не мог сосредоточиться хоть ненадолго, чтобы разрешить эту проблему. Внимание

его тут же переключилось на теплое и безопасное убежище, где они смогут укрыться.

«...здесь...тут...тихо...»

Он повел их в разваливающийся, покрытый плесенью и наугиной дом. Штукатурка на потолке потрескалась, кое-где совсем обвалилась, и из-под нее, словно ребра разлагающегося трупа, торчали балки настила. Длинные, рваные ключья обоев свисали со стен, словно комната сбрасывала с себя кожу, подобно Такеру и его стае, проходя через чудовищное превращение.

Они тихо крались по дому — Такер впереди, стая за ним, — обнюхивая все углы. Запахи не возбуждали их, но были новыми и по-своему интересными. То они наткнулись на островки плесени, то в темном, сыром углу столовой нашли целую поросль поганок, а в другом конце коридора — множество каких-то странных грибов, слабо светившихся в темноте. В одном месте они обнаружили склады крысиных припасов, а рядом — ссохшиеся останки какой-то птички, видимо, залетевшей через разбитое стекло и в темноте ударившейся о стену. В кухне на полу лежал разлагающийся труп койота.

Обследуя дом, Такер решил, что это не очень-то надежное убежище. Громадные пустые комнаты продувались со всех сторон, особенно там, где окна были разбиты. В воздухе, правда, не чувствовалось запаха людей, жилья, однако какой-то слабый дух человеческого присутствия все-таки сохранялся; люди, без сомнения, заходили сюда иногда, пусть не очень часто, но и это было опасным.

Зато в кухне Такер отыскал вход в подвал — это было как раз то, что им нужно, — замечательное, надежное и безопасное подземное укрытие. Он повел свою стаю вниз по скрипевшим ступенькам, в глубокую теплую тьму, где не гуляли пронизывающие сквозняки, где было сухо, а от бетонных стен исходил резкий и свежий запах извести.

Вряд ли кто-нибудь, даже случайно зайдя в дом или скрываясь от преследования, станет спускаться в подвал. А если и спустится... Ну что ж, тогда ему уже не удастся отсюда выбраться.

Здесь не было окон, и это как раз подходило для настоящей хорошей берлоги. Мягко, неслышно ступая, Такер

обследовал все помещение; когти его слегка постукивали и скреблись о пол. Он обнюхал все углы, в одном из них наткнулся на заржавевшую печку, но больше здесь ничего не было. Убежище оказалось вполне безопасным, и он был доволен. Тут можно было спокойно отдыхать после охоты, не боясь, что тебя обнаружат, а если даже это и случится, они отрежут неосторожному единственный выход отсюда и расправятся с ним в мгновение ока.

В такой глубокой, темной, хорошо защищенной норе они смогут стать всем, чем только захотят, и никто не увидит их.

Эта последняя мысль удивила и испугала Такера. Стать всем, чем захотят?

Он не мог понять, откуда взялась эта мысль и что она в точности обозначала. Он просто вдруг почувствовал, что вместе с регрессией в нем начался какой-то неуправляемый процесс, не поддающийся более контролю его сознания, что одна из самых примитивных частей его мозга постоянно находится в действии. На мгновение Такера охватил панический ужас. Он не раз уже и прежде уходил в измененное состояние, но всегда мог вернуться обратно, принять свой обычный человеческий облик. Однако теперь... Это продолжалось всего лишь какой-то миг, затем острый, пронзивший все его существо страх куда-то исчез, мысли расплывались в голове, как туман, он не помнил уже, что это вообще такое — «регрессия», а вскоре его отвлекло жадное желание самки — она опять хотела спариваться.

Все трое сплелись в рычащий, извивающийся клубок; они бились, вонзались друг в друга, катались по полу, а их пронзительные, яростные вопли заполнили весь дом, вырывались из его разбитых дверей и окон, взмывая к небесам, словно голоса привидений, поселившихся в заброшенном строении.

6

Тук-тук-тук.

Сэма так и подмывало подняться, посмотреть в окно, встретиться с этим монстром лицом к лицу. Ему хотелось узнать, как поведет себя это чудовище, если его накроют.

Однако, зная об их агрессивности и зверской жестокости, он догадывался, что такое столкновение скорее всего закончится нападением, ему придется защищаться, открыть огонь, а это, естественно, привлечет внимание соседей, а то и полиции. Он не мог рисковать своим единственным убежищем, сейчас ему больше некуда было идти.

Сэм неслышимо сжал приклад револьвера, другой рукой придерживая Муза, напряженно прислушиваясь. До него донеслись голоса, но какие-то странные, слов невозможно было разобрать, хотя, может быть, стена и оконное стекло приглушали их. Так, очевидно, второе чудовище присоединилось к первому, и сейчас они выжидают, затаившись под окном. Доносившееся до него низкое, глуховатое ворчание подтверждало эту догадку.

Потом вдруг стало тихо.

Сэм продолжал сидеть в своем укрытии, скорчившись под подокозником, ожидая снова услышать тихое бормотание или легкое, царапающее постукивание желтоглазых монстров; но ничего не происходило. В конце концов, чувствуя, что ноги его уже свело от напряжения, Сэм убрал руку со спины собаки и осторожно приподнялся. Он был почти уверен, что увидит перед собой искаженное, бесформенное лицо упыря-привидения, прижатое к стеклу. Но за окном никого не было.

Сэм обошел весь нижний этаж, переходя из комнаты в комнату, выглядывая из окон, выходявших на все четыре стороны света. Он подозревал, что чудовища могут попытаться проникнуть в дом откуда-нибудь с другой стороны. Муз не отставал от него.

Однако, в доме все было тихо, только дождь барабанил по крыше да журчал в водосточных трубах.

Значит, они действительно ушли. Видимо, они выбрали этот дом случайно, им не нужен был именно он, они просто охотились за добычей. Вероятно, эти монстры заметили его в окне и боялись, что он мог их увидеть; тогда его нельзя было выпустить живым. В то же время они предвидели, что если попытаются с ним расправиться, то не обойдется без звона разбитых стекол и шума борьбы, а они опасались быть замеченными в центре города. Эти чудовища предпочитали действовать тайно, неслышно, под покровом ночи.

Они, конечно, могли иногда испустить дикий, пронзительный крик, эхом разносившийся над Мунлайт Коувом, но только в порыве необузданной страсти или ярости, в азарте погони. И, нападая на свою жертву, они старались делать это в отдаленных, почти безлюдных местах.

Сэм вернулся в гостиную и, сунув револьвер обратно в кобуру, растянулся на диване.

Муз сидел рядом, с удивлением глядя на него, словно не в силах поверить, что он может преспокойно улечься и заснуть после всего увиденного, после того, как дикие, непонятные существа подкрадывались, чтобы напасть на него в непроглядном, дождливом мраке.

— Знаешь, у меня бывают кошмары и похуже этого, — сказал Сэм, обращаясь к собаке. — Если бы меня так легко было запугать, мне бы пришлось совсем перестать спать.

Пес зевнул, широко разинув пасть, потом поднялся и вышел в темный коридор. Лифт загудел, очевидно, Муз поехал наверх.

Засыпая, Сэм постарался сосредоточиться на каких-нибудь более приятных образах, на том, что он хотел бы увидеть во сне: аппетитные блюда мексиканской кухни, в меру охлажденное темное пиво и Голди Хоун. Он был бы рад, если бы ему приснился первоклассный мексиканский ресторан, где он ужинает в обществе ослепительной Голди Хоун, и они наслаждаются чудесной мексиканской кухней, разговаривают, смеются и попивают «Гиннесс Стаут».

Вместо этого, едва закрыв глаза, он увидел своего отца, отвратительного, гнусного алкоголика; с тех пор, как мать погибла в автомобильной катастрофе, Сэм был полностью в его власти.

7

Уютно прикорнув среди пахнущих свежескошенной травой тряпок и мешковины в кузове грузовичка садовника, Крисси проснулась только тогда, когда автоматическая дверь гаража со страшным скрипом поехала вверх. Она чуть не подскочила от неожиданности, выдавая свое присутствие. Однако, вовремя вспомнив, где она находится,

девочка поглубже зарылась в колючую дерюгу, служившую ей одеялом. Ей хотелось сжаться, сделаться как можно меньше и незаметнее.

Она услышала, как капли дождя ударяют по крыше. Дождь шуршал по гравиевой дорожке, казалось, что тысячи кусочков сочной ветчины с аппетитным шипением жарятся на гигантской сковороде. Крисси и так была голодна, а от этих мыслей в животе у нее заурчало, и она почувствовала сосущую, ноющую пустоту в желудке.

— Ты захватила коробку с моим завтраком, Сара?

Крисси подумала, что это, должно быть, мистер Зулан, садовник. Правда, она не могла узнать его по голосу, так как вообще почти не была с ним знакома, однако, хорошо знала его жену, миссис Зулан, которая сразу же отозвалась:

— Эд, лучше бы тебе вернуться домой после того, как подбросишь меня до школы. Устрой себе выходной. Нечего тебе надрываться в такую собачью погоду.

— Ну, вот еще! Конечно, траву в такой ливень не покосишь. Но у меня еще масса другой работы. К тому же я надел свой непромокаемый дождевик — сквозь него и капля не просочится. Если бы у Моисея, когда он убегал от фараона, был такой плащ, он мог бы спокойно перейти в нем через море, и нечего было бы просить Господа о чуде.

От пыльного запаха мешковины, пропитанной травяным духом, у Крисси ужасно щекотало в носу. Она боялась, что не выдержит и вот-вот чихнет.

«ГЛУПАЯ МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА ЧИХНУЛА И БЫЛА ОБНАРУЖЕНА ИНОПЛАНЕТЯНАМИ; СЪЕДЕНА ЖИВЬЕМ; ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК — ЭТОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДЕТЕНЫШ, — ПОХВАЛИЛА КУШАНИЕ КОРОЛЕВА ПРИШЕЛЬЦЕВ. — ДОСТАВЬТЕ ПОБОЛЬШЕ ТАКИХ ОДИННАДЦАТИЛЕТНИХ БЕЛОКУРЫХ ДЕВОЧЕК К НАШЕМУ ДВОРУ».

Открыв дверцу кабины, — Крисси с ее места были видны только ноги, — Сара вздохнула с упреком: — Ты утомишь себя этой работой, Эд.

— Ты думаешь, я такой нежный недотрога-ландыш? — засмеялся тот, садясь за руль.

— Я думаю, что ты поблекший старый одуванчик, — ответила жена.

Мистер Эулан расхохотался: — Сегодня ночью ты, кажется, была обо мне другого мнения.

— Ничего подобного. Просто ты — мой дорогой поблекший и старый одуванчик, и я вовсе не хочу, чтобы ты совсем облетел от ветра.

Дверцы захлопнулись одна за другой.

Не опасаясь больше быть замеченной, Крисси высунулась из-под мешковины. Она зажала нос и старалась дышать только ртом, пока желание чихнуть не прошло окончательно.

Эд Эулан завел мотор, и грузовик выехал из гаража, но до Крисси все еще долетали обрывки разговора в кабине. Похоже было, что они продолжают все так же добродушно подшучивать друг над другом.

Холодные капли дождя упали ей на лицо, и девочка быстро спряталась обратно под мешковину, оставив только узенькую щелочку, чтобы легче было дышать. Но теперь, даже если она и чихнет, шум дождя и гул работающего мотора заглушат все звуки.

Обдумывая разговор, подслушанный в гараже, слыша раскаты веселого смеха, доносящиеся из кабины, девочка сначала решила, что им, пожалуй, можно доверять. Если бы они были инопланетянами, вряд ли они стали бы перебрасываться такими незамысловатыми шуточками и так мило ворковать. Возможно, и стали бы, если бы хотели сойти за обычных людей, стараясь убедить окружающих, что они все те же Эд и Сара Эулан, но не вдвоем, когда рядом никого нет. Когда инопланетяне остаются одни, и вокруг нет людей, которых они еще не успели превратить, они, наверное, разговаривают о... ну, например, о планетах, которые они покорили и разграбили, или о погоде на Марсе, а может, о ценах на топливо для летающих тарелок или о рецептах приготовления блюд из человеческого мяса. Кто знает? Но уж, конечно, они говорят совсем не так, как Эуланы.

Однако, с другой стороны...

Что, если прицепцы управляют Эдом и Сарой Эуланами только по ночам, что, если им еще неудобно в человеческой оболочке? Может быть, они специально тренируются вдвоем, пока их никто не видит, чтобы потом, когда будут на людях, никто не смог бы их распознать. Ясно, как день,

что если Крисси по неосторожности обнаружит себя, они тут же выпустят откуда-нибудь из груди или из живота щупальца или присоски, или клешни, как у омаров, схватят ее и или сожрут живьем, без приправ и гарнира, или заморозят, положат на тарелочку и отправят куда-нибудь в другую галактику, а там повесят на стену в виде украшения; а, может быть, просто вынут ее мозг и приспособят его к своей марсианской кофеварке вместо моторчика.

Когда вокруг пришельцы, ты можешь доверять кому-либо только в крайнем случае, и только как следует все обдумав и рассчитав. Крисси **решила**, что лучше придерживаться первоначального плана.

Громадные пятидесятифунтовые **мешки** с удобрениями, соломой и химикатами, нагроможденные вокруг нее, кое-как защищали ее от дождя, дерюга, наваленная сверху, тоже какое-то время служила прикрытием. Но всего этого хватило ненадолго; вскоре вода начала просачиваться через тряпки, и Крисси промокла до костей и дрожала от холода.

Несколько раз она выглядывала из своего укрытия, чтобы определить, где они сидят. Когда они свернули, наконец, с шоссе на Оулзэн Авеню, девочка сбросила с себя мокрую мешковину и высунулась наружу.

В задней стенке кабины было окошко, так что если бы Эуланам вздумалось обернуться, они, без сомнения, тут же обнаружили бы ее. Мистер Эулан мог даже увидеть ее в зеркальце, если она недостаточно низко пригнется. Но приходилось рисковать. Крисси хотела пробраться к заднему борту, чтобы выпрыгнуть, как только они поравняются с католическим собором.

На четвереньках, перелезая через всякие садовые инструменты и оборудование, сложенные в кузове, девочка, наконец, добралась до своей цели и свернулась клубочком, пригнув голову, прижавшись к задней стенке грузовика, вся промокшая, несчастная и дрожащая.

Они проезжали сейчас через деловую часть города. До церкви оставалось еще около четырех кварталов.

Крисси удивилась, что на улице нет ни машин, ни пешеходов. Конечно, было еще довольно рано, — она посмотрела на свои часы — 7:03, — однако, обычно в такое время

многие люди уже спешили на работу. Девочка решила, что город выглядит таким пустынным и необитаемым еще и из-за погоды; вряд ли кто-нибудь в такой ливень захочет высунуть нос на улицу, если только его не выгонят неотложные дела.

У Крисси было и другое предположение на этот счет. Пришельцы могли подчинить себе многих людей в Мунлайт Коуве, так что люди эти больше не испытывали потребности заниматься какими-либо обычными, повседневными делами. Все их усилия были направлены теперь только на то, чтобы выискивать тех, на кого еще не распространилось их влияние. Но об этом страшно было даже подумать.

Когда до собора оставался всего один квартал, Крисси взобралась на стенку борта. Она перекинула наружу сначала одну ногу, потом другую и, поставив их на задний бампер, уцепилась за борт обеими руками. В заднем окошке кабинки ей видны были головы обоих Эуланов. Хорошо, что они не оборачивались, а то бы они непременно ее заметили.

Девочка висела в таком положении, каждую минуту ожидая окрика какого-нибудь прохожего: «Эй, ты что, с ума сошла, цепляться за грузовик? А ну-ка спускайся немедленно!». Но никаких прохожих поблизости не было, так что они без приключений доехали до следующего перекрестка.

Заскрипели тормоза; мистер Эулан притормозил на красный сигнал светофора.

Как только машина остановилась, Крисси отпустила руки и спрыгнула.

Грузовик повернул налево, к начальной школе Томаса Джефферсона на Паломино Стрит, где работала миссис Эулан, и куда Крисси тоже без сомнения отправилась бы, будь сегодня обычное утро вторника.

Девочка перебежала через улицу, не обращая внимания на лужи, так что брызги летели во все стороны, и быстро подаялась по ступеням собора. Сердце ее радостно забилося, в груди стало тепло — она все-таки достигла святого убежища, преодолев все преграды!

Она взялась рукой за кованую медную ручку резной дубовой двери и огляделась. Витрины магазинов, окна контор и домов казались затянутыми белой пленкой, словно

незрячие глаза слепца. Маленькие деревца клонились под ударами ветра, большие и крепкие деревья сотрясались от его порывов, и это да еще низвергающиеся с неба потоки дождя, было единственным движением, нарушавшим утренний покой. Ветер рвался и бесновался, будто чувствуя себя полновластным хозяином на улице; он то неумолимо нес косые струи дождя на восток, то закручивал их в серебристые воронки над Оушэн Авеню, так что стоило чуть-чуть прищурить глаза и забыть о пронизывающем холоде, и можно было представить себе, что стоишь посреди пустыни в заброшенном древнем городе, населенном одними привидениями, а над головой у тебя, над безжизненными улицами и площадями проносятся в пыльных вихрях злые души и демоны.

На углу, недалеко от церкви, полицейская машина остановилась по сигналу светофора. Двое мужчин, сидевших в ней, даже не взглянули в сторону Крисси.

Девочка уже подозревала, что полиции сейчас тоже нельзя доверять, поэтому она быстро толкнула дверь и проскользнула внутрь, прежде чем они успели ее заметить.

Ступив в полутемный неф, вдыхая полной грудью чудный, воистину божественный аромат миро и нарда, Крисси почувствовала, что она спасена. Она подошла к мраморной чаше со святой водой, погрузила в нее пальцы и перекрестилась. Девочка прошла вперед, опустилась на колени, еще раз перекрестилась и заняла свое место на скамье.

Она опасалась, что вода с ее мокрой насквозь одежды натечет на полированную дубовую скамью, но ничего не могла с этим поделать.

Месса уже началась. Кроме Крисси, в церкви было всего двое прихожан — до неприличия мало. Хотя, конечно, она вместе со своими родителями посещала обычно только воскресные мессы, а в будний день они взяли ее в церковь, кажется, всего лишь один раз, несколько лет назад. Она была тогда совсем маленькая и теперь уже не помнила точно, сколько народу было на той службе. Однако девочка подозревала, что это припельцы или демоны, кто бы они там ни были, виноваты в том, что верующие не пришли в храм. Нет сомнений, что эти инопланетяне были безбожниками или, что еще хуже, поклонялись какому-нибудь ужасному, загадочному божеству с рогами и клыками.

Крисси удивилась, увидев, что утреннюю мессу служил не отец Каstellи, а другой священник, совсем еще молодой, которого прислали сюда в августе. Архиепископ назначил его помощником отца Каstellи. Молодого священника звали отец О'Брайен, но он, следуя примеру своего старшего наставника, просил, чтобы прихожане обращались к нему просто по имени — отец Том. Он был симпатичный и добрый, хотя, конечно же, не такой добрый и не такой умный, и не такой веселый, как отец Каstellи. Крисси, естественно, не могла заставить себя называть его отец Том, так же, как никогда не называла старшего священника отец Джим. Это было все равно, что запросто обратиться к Папе Римскому Иоанну-Павлу Второму, назвав его отцом Джонни. Родители иногда беседовали между собой о том, как сильно изменилась церковь за последние годы, как мало осталось в ней от прежних формальностей и строгих правил. Им нравились все эти новшества, эта свобода, они говорили обо всем этом с одобрением. Крисси же всегда жалела о том, что родилась слишком поздно. Она грезила о тех давних временах, когда мессу служили на латыни, и слова ее звучали под сводами храма торжественно и таинственно, и когда не было еще этого дурацкого примитивного ритуала просить прощения и самому прощать прихожан, сидящих рядом с тобой. Однажды во время каникул девочка была на службе в Сан-Франциско; тогда был какой-то праздник, и мессу в честь этого служили на латыни, по всем правилам старой литургии. Это было самое прекрасное, что Крисси когда-либо слышала. Можно строить новые сверхскоростные самолеты, создавать цветные телевизоры вместо устаревших черно-белых, изобретать замечательные лекарства, спасая жизни людей, выбросить на свалку старые, неуклюжие грампластинки, заменив их компакт-дисками, — все эти новшества можно только приветствовать. Но существуют в мире такие вещи, которые не должны поддаваться изменениям, и это вечное, неизменное в них и есть то, за что ты их особенно любишь. Если все вокруг тебя беспрерывно меняется, где найдешь ты опору, где тот единственный островок мира, покоя и тишины среди этого гула и грохота? Эта истина казалась Крисси настолько простой и очевидной, что она не понимала, как это взрослые не

могут уразуметь этого. Всс-таки и они иногда бывают на удивление тупы.

Крисси посидела всего несколько минут — она успела только быстро помолиться и попросить Пресвятую Деву Марию заступиться за нее; заодно она удостоверилась, что отец Каstellи не сидит где-нибудь в сторонке, в полутемном боковом нефе, как обыкновенный прихожанин — иногда он любил присоединиться к своей пастве — и что его нет ни в одной из исповедален. После этого девочка поднялась, еще раз осенила себя крестом, преклонив колени, и пошла к выходу; у двери, на стене, мерцали электрические свечи, их желтоватые отблески падали на темные дубовые панели. Крисси чуть приоткрыла дверь и выглянула в серую и холодную муть дождя.

Она увидела полицейскую машину, медленно ехавшую вдоль улицы. Это была уже другая, не та, которая как раз подъезжала к перекрестку, когда она еще только собиралась войти в церковь. Мужчина, сидевший за рулем, внимательно оглядывал улицу, словно высматривая кого-то.

Автомобиль остановился на углу, пропуская другую патрульную машину, с двумя полицейскими, точно так же, как и первый, неотрывно наблюдавшими за пустынной улицей. Проезжая перекресток, полицейские не кивнули друг другу, не обменялись никакими знаками, и все же Крисси почувствовала, что у них одна цель, что все они ищут что-то или преследуют кого-то...

«Меня», — догадалась девочка.

Без сомнения, они охотятся именно за ней, потому что она слишком много знает. Все из-за того, что вчера утром, на лестнице, она распознала в своих родителях ужасных прищельцев. Наверное, она теперь единственное препятствие на их пути; если им удастся ее поймать, никто уже не помешает им покорить и всех остальных людей; а, может быть, она нужна им в качестве деликатеса — весьма вероятно, что они хотят приготовить из нее какое-нибудь изысканное блюдо с гарниром из марсианского картофеля.

До сих пор, правда, Крисси еще не видела, чтобы кто-нибудь кого-нибудь ел, хотя и знала уже, что город в руках инопланетян; однако, ей казалось весьма правдоподобным, что как раз сейчас они где-нибудь закусывают, и на завтрак

у них подают кого-нибудь из самых полненьких и аппетитных жителей города.

Когда патрульные машины скрылись из виду, девочка толкнула тяжелую дверь и высунула голову под дождь. Она внимательно огляделась, присматриваясь, нет ли поблизости еще каких-нибудь машин или пешего патруля, но ничего не было заметно. Успокоившись, Крисси переступила через порог и побежала к перекрестку. Там, еще раз глянув в обе стороны, она завернула за угол церкви и, стараясь держаться поближе к стене, поспешила к домику священника.

Он был из красного кирпича, с белым крылечком и зубчатыми карнизами, весь такой хорошенький и аккуратный — именно в таком домике и должен был жить истинный служитель церкви. К крыльцу вела дорожка, по сторонам которой росли могучие старые платаны; дождь не проникал сквозь их широкие разлапистые листья, но Крисси еще раньше успела промокнуть до нитки. Когда она шла к крыльцу и поднималась по ступенькам, в туфлях ее хлопала вода, и они издавали какие-то противные, чавкающие звуки.

Девочка уже протянула палец к кнопке звонка, но вдруг замерла в нерешительности. С одной стороны, она опасалась угодить прямо в логово кровожадных марсиан — маловероятно, конечно, но все же нельзя было исключать такую возможность; с другой, — размышляла: что, если отец О'Брайен служил мессу по просьбе отца Каstellи, а сам он — по натуре своей великий труженик, — захотел утром вздремнуть лишний часок, возможно, устав накануне; в таком случае, с ее стороны было бы весьма невежливо разбудить его.

«Юная Крисси — храбрая и находчивая девочка, которую не могли остановить никакие препятствия, оказалась слишком хорошо воспитанной для того, чтобы нанести визит в неурочный час, и это погубило ее. Пришельцы схватили ее на пороге дома священника, где она задержалась, опасаясь нарушить правила хорошего тона, и слюпали прямо на месте. К счастью, находясь в их желудках, она уже не могла услышать, как они громко и неприлично чавкали и рыгали, а то ее нежные чувства были бы глубоко оскорблены.»

Девочка решительно нажала кнопку звонка раз, потом другой.

Минуту спустя за гранеными стеклами, вставленными в верхнюю часть двери, показалась какая-то громадная, расплывчатая фигура. Крисси уже готова была повернуться и броситься бежать, но тут же одернула себя: без сомнения, стекло искажало очертания, и человек за дверью на самом деле выглядел совершенно нормально.

Двери распахнулись, и девочка увидела отца Каstellи, который стоял, близоруко щурясь и моргая от удивления — он не ожидал увидеть ее в столь ранний час. Священник был в полном облачении, весь в черном, значит, она не разбудила его — слава Богу! Это был невысокий кругленький человечек, крепенький, но не толстый; его черные волосы на висках уже начинали седеть. Черты лица его были мягкие, излучали доброту и приветливость, и даже гордый орлиный нос не мог рассеять это впечатление.

— Крисси? — воскликнул он, изумленно моргая, — девочка в первый раз видела его без очков. Он улыбнулся; улыбка была ласковая, теплая и открытая, и Крисси сразу поняла, что правильно сделала, придя к нему. — Что привело тебя ко мне в такую рань и в такую ужасную погоду? — он выплянул на крыльцо. — Ты одна? А где же твои родители?

— Отец, — едва выговорила Крисси, и голос ее сорвался, — мне надо поговорить с вами.

Священник с беспокойством посмотрел на девочку: — Что-нибудь случилось?

— Да, отец мой. Случилось и очень нехорошее. Вы не можете себе представить, насколько это ужасно!

— Ну, заходи, заходи... Да ты совсем промокла! — он пропустил ее в холл и закрыл дверь. — Милая моя малышка, что же такое могло произойти?

— П-п-ришельцы, от-т-ец мой, — с трудом выговорила Крисси, заикаясь не то от холода, не то от страха.

— Пойдем-ка на кухню, — предложил отец Каstellи. — Это самое теплое местечко в доме. Я как раз готовлю завтрак.

— Я испорчу вам ковер, — застеснялась Крисси, указывая на персидскую ковровую дорожку, устилавшую дубовый пол коридора.

— Ну что ты, пустяки! Это старый, но прочный коврик, ничего ему не сделается! Это-то мне в нем и нравится. Хочешь чашку горячего какао? Я заварил целый чайник горячего, сладкого какао!

Крисси с благодарностью последовала за ним через полуместный коридор, в котором пахло лимоном, хвоей и немножко ладаном.

Кухонька оказалась очень уютная. Пол, покрытый потертым желтым линолеумом, светло-желтые стены; шкафы из темного дерева с белыми фарфоровыми ручками; серенькие и желтые полочки вдоль стен. Здесь были все современные удобства: холодильник, плита и микроволновая печь, тостер и электрическая открывалка для консервных банок, — все, как в любой другой кухне, и это сначала удивило Крисси, хотя, поразмыслив, она решила, что удивляться тут нечему. С чего это здесь должно быть что-нибудь по-другому? Священники такие же люди, как и все, и так же нуждаются в современных удобствах и всяких таких приспособлениях. Не могут же они вызывать огненного ангела, чтобы поджарить себе гренки или просить Господа сотворить чудо и вскипятить чайник какао!

В кухне стоял чудесный аромат горячего какао и жарящихся гренок. На плите на маленьком огне поджаривались и аппетитно пинели в кипящем масле сосиски.

Отец Каstellи усадил девочку в уголок на один из мягких стульчиков, а сам суетился вокруг нее, словно насадка вокруг своего цыпленка. Он бросился наверх и вернулся с двумя чистыми полотенцами:

— Вот — одним полотенцем высуши волосы и вытри свою одежду, так чтобы влага впиталась в него, а другое обмотай вокруг шеи вместо шарфа. Так ты быстрее согреешься. — Потом он побежал в спальню, принес две таблетки аспирина и положил их перед ней на стол: — Сейчас приготовлю апельсиновый сок, чтобы тебе было чем запить их. Апельсиновый сок — это сплошной витамин С. Аспирин и витамин С сразу нанесут двойной удар по всем инфекциям и болезням, в один миг прогонят любую простуду. — Подал девочке стакан с соком, священник на минутку остановился, глядя на нее сверху вниз, сокрушенно покачивая головой, и Крисси подумала, что вид у нее, должно быть, как у

мокрой мыши, — жалкий и несчастный. — Бедняжка, что же такое могло с тобой приключиться, что довело тебя до такого состояния? — Вероятно, он не расслышал, что Крисси говорила ему о припелцах, как только переступила порог его дома. — Нет, подожди, не рассказывай. Сначала тебе надо позавтракать, ведь ты, наверное, голодная?

— Да, отец мой, спасибо. Я ужасно хочу есть, просто умираю от голода. Со вчерашнего дня у меня во рту ничего не было, кроме двух шоколадок.

— Только две шоколадки? — священник тяжело вздохнул. — Шоколад — это, конечно, дар Божий, но это и орудие дьявола, которым он пользуется, чтобы ввести нас в искушение — в грех чревоугодия, — он похлопал ладонью по своему крутлому, как мячик, животу. — Я, со своей стороны, частенько вкушаю от этого благословенного дара, однако, никогда, — он произнес слово «никогда» с особенным нажимом и взглянул при этом на Крисси, — да, никогда не внимаю призывам дьявола и не злоупотребляю им! Кроме того, если ты будешь есть один только шоколад, у тебя испортятся и выпадут все зубы... Поэтому... У меня достаточно сосисок — мы разделим их на двоих. И я как раз собирался поджарить себе яичницу из двух яиц. Хочешь, я и тебе поджарю?

— Большое спасибо, отец мой.

— А гренки?

— С удовольствием, спасибо.

— Сейчас я достану вкусные булочки с корицей. Ну, и конечно, горячий шоколад.

Крисси проглотила таблетки и запила их соком.

Аккуратно разбив яйца над горячей сковородой, отец Каstellи снова взглянул на Крисси: — Ну, как, все в порядке?

— Да, отец мой.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, теперь хорошо. Все нормально, спасибо.

— Вот и чудесно. Я рад, что мне не придется завтракать одному.

Крисси допила свой сок.

— Отец О'Брайен ничего не может есть, когда ему нужно служить мессе, — объяснил священник. — Это на нервной

почве, — добавил он, посмеиваясь. — С молодыми всегда так — когда они только начинают, у нихечно нет аппетита, даже крошки проглотить не могут. В первые месяцы они до смерти боятся выходить в алтарь, стоять там перед народом. Служить мессу кажется им таким священнодействием, и они опасаются сказать что-нибудь не то, что могло бы... не знаю, как бы это выразиться получше... да, пожалуй, могло бы оскорбить Бога. Но Господа нашего не так-то просто обидеть или вывести из себя! Если бы Он так легко обижался, Он давно уже махнул бы рукой на все человечество. В конце концов молодые священники тоже начинают это понимать и успокаиваются. Тогда уж, возвращаясь с мессы, они готовы быка проглотить, в один присест могут уничтожить недельный запас продуктов!

Крисси почувствовала, что отец Каstellи специально говорит обо всяких пустяках, чтобы успокоить ее. Он, конечно, заметил, в каком она состоянии, и хотел, чтобы она немножко пришла в себя, и они могли бы разумно, не торопясь, все обсудить. Девочка была рада этому. Ей действительно нужно было, чтобы ее успокоили.

Пока яичница жарилась, отец Каstellи вилкой перевернул сосиски, потом достал из ящичка лопаточку и положил на полку рядом с плитой. Поставив на стол тарелки, положив ножи и вилки, он заметил:

— У тебя не просто испуганный вид, Крисси, ты выглядишь так, словно увидела привидение. Не надо так волноваться. Конечно, уж если священники, проучившиеся столько лет и, кажется, вызубрившие все наизусть, трясутся от страха, боясь допустить ошибку в мессе, то каждый может чего-нибудь испугаться. Мы сами выдумываем большинство страхов, они живут только в нашем сознании, и мы можем, призвав на помощь свою волю и разум, избавиться от них так же просто, как вызвали их к жизни.

— Только не в этом случае, — вздохнула девочка.

— Ну, что ж, посмотрим.

Он разложил по тарелкам яичницу и сосиски.

Впервые за эти сутки Крисси почувствовала, что все в мире встало на свои места. На душе у нее стало гораздо легче, и она, подбадриваемая отцом Каstellи, с удовольствием принялась за еду.

Обычно Шаддак ложился на рассвете, и теперь к семи часам утра он уже начал зевать, потирая покрасневшие глаза. Он колесил по улицам Мунлайт Коува в поисках какого-нибудь удобного укрытия, где он мог бы поставить машину и поспать несколько часов, так чтобы Лоуман Уоткинс не смог найти его. День выдался хмурый, все небо затянуло облаками, но даже этот серенький, неяркий свет резал Шаддаку глаза.

Он вспомнил о Пауле Паркинс, которую еще в сентябре растерзали регрессивные. Дом ее стоял в уединенном месте, на самом краю города. Ее родственники из Колорадо пытались продать его, но безуспешно. Шаддак решил, что это самое надежное место. Он завел машину в пустой гараж и захлопнул за собой тяжелую дверь.

Шаддак съел один бутерброд с ветчиной и запил его кока-колой. Отряхнув с пальцев крошки, он вытянулся на одеялах, расстеленных на заднем сидении и закрыл глаза.

Шаддак никогда не страдал от бессонницы, может быть, потому, что был слишком уверен в себе, в своем жизненном предназначении, в своей безусловной власти над людьми и судьбой, и не тревожился о завтрашнем дне, зная, что все будет идти по его плану. Он был абсолютно убежден, что все в его жизни будет так, как он того пожелает.

С самого детства Шаддаку неоднократно посылались знаки его исключительности, знамения, предвещавшие ему необыкновенный успех во всех его начинаниях.

Индеец Дон Ранингдизр — Быстроногий Олень — был первым, кто открыл ему глаза, объяснил смысл этих предзнаменований. Индеец — Шаддак никак не мог запомнить, из какого он племени, — работал у судьи — отца Шаддака, — когда они еще жили в Фоуниксе; он был и садовником, и вообще на все руки мастер, — быстрый, гибкий и мускулистый, с обветренным лицом и мозолистыми ладонями; его черные глаза сверкали, словно маслянистые ручейки нефти; было в них что-то такое, какая-то тайная сила, — так что хотелось отвести взгляд, и в то же время помимо своей воли ты продолжал смотреть в них, не в силах оторваться. Ма-

ленький. Томми чем-то заинтересовал индейца, и тот позволял ему иногда помогать в саду или в каких-нибудь мелких работах по дому, конечно, когда рядом не было родителей, которые вряд ли одобрили бы, что их сын трудится, словно поденный рабочий, да и вообще общается с людьми не своего круга. Впрочем, судья и его жена редко обращали внимание на мальчика, так что с пяти до двенадцати лет он почти не отходил от Ранингдиэра, целые дни проводя с ним, благо помешать было некому.

Одно из первых ярких воспоминаний, на всю жизнь запечатлевшихся в его памяти, был тот день, когда индеец показал ему змею, пожиравшую самое себя...

Томми было тогда всего пять лет, и он играл с машинками в саду за домом, но при этом больше смотрел на Ранингдиэра, чем на свои грузовички и легковушки. Индеец был в джинсах и ботинках, но без рубашки; солнце жгло его темную спину, но он, словно не чувствуя этого, спокойно подстригал кусты большими садовыми ножницами. Мышцы под его гладкой кожей так и ходили, то сжимаясь, то выпирая буграми, и Томми смотрел, как завороченный, восхищенный зрителем этой мощи. Судья, его отец, был толстый, костлявый и бледный. Томми в свои пять лет уже сильно походил на него — довольно высокий для своего возраста, белокурый и болезненно худой. Ранингдиэр работал у них уже две недели, и с каждым днем мальчика все больше тянуло к нему, он и сам не понимал, почему. Индеец часто улыбался ему, рассказывал разные интересные истории про говорящих койотов, гремучих змей и других животных, которые водятся в пустыне. Иногда он называл Томми «Маленький Хозяин», и это было первое прозвище в жизни мальчика. Мать всегда звала его Томми или Том, а судья обращался к нему не иначе, как Томас. Итак, мальчик играл на солнышке со своими машинками, постоянно отвлекаясь и поглядывая на индейца, пока, наконец, совсем не забыл про игру, глядя на Ранингдиэра, как за гипнотизированный.

Он не знал, сколько времени пролежал вот так, неподвижно; воздух был сухой и горячий; тишину нарушали только щелканье ножниц. Вдруг он услышал, как Ранингдиэр зовет его:

— Маленький Хозяин, идите сюда, взгляните!

Томми так удивился, что не сразу ответил. Руки и ноги его словно одеревенели. Он не шевелился.

— Идите скорее, Маленький Хозяин! Вы должны это увидеть!

Томми, наконец, сбросил с себя оцепенение и побежал на лужайку, туда, где индеец подстригал живую изгородь около водоема.

— Это большая редкость, — произнес Ранингдиэр приглушенным таинственным голосом и указал на зеленую змейку, свернувшуюся в клубок на теплом, нагретом солнцем поребрике бассейна.

Томми испугался и отскочил назад.

Но индеец удержал его и подвел поближе:

— Не надо бояться. Это безобидная садовая змея. Она не укусит. Она послана сюда для вас, как предзнаменование.

Широко раскрыв глаза, Томми пристально смотрел на гибкую зеленую ленту, свившуюся наподобие буквы «О»; змея держала во рту свой собственный хвост, словно собираясь пожрать самое себя. Она лежала неподвижно, ее стеклянные глаза не мигая смотрели на мальчика. Томми решил было, что змея умерла, но Ранингдиэр заверил его, что это не так.

— Это великая и могучая весть, об этом знают все индейцы, — объяснил он, присев перед змеей на корточки и потянув за собой Томми. — Это знак, — шептал Ранингдиэр, — чудесное знамение, посланное великими духами. Оно дается всегда только маленьким мальчикам, значит, оно ниспослано тебе. Прекрасное, могущественное предзнаменование!

С удивлением разглядывая змею, Томми спросил:

— Знак? О чем ты говоришь? Это вовсе никакой не знак, а обыкновенная змея.

— Предзнаменование. Предвестие. Священный знак, — повторил Ранингдиэр.

Нагнувшись над змеей, продолжая держать мальчика за руку, он страстным напряженным шепотом стал объяснять ему значение своих слов. Солнечные лучи отражались от белого бетонного поребрика, над ним поднималось дрожащее жаркое марево; застывшая на нем змейка казалась

изящным изумрудным браслетом с двумя рубинчиками вместо глаз. Томми слетка откинулся назад, охваченный странным оцепенением, похожим на то, что он испытал недавно, когда наблюдал за Ранингдиэром. Голос индейца проникал ему в уши, словно шипение змеи, впивался в мозг, извиваясь и скользя, одурманивая и маня своей загадочностью, таинственным, непонятным смыслом своих слов.

Голос этот, казалось, исходил не из губ индейца, а из чрева самой змеи. Томми смотрел на нее пристально, не шелохнувшись, он почти забыл, что Ранингдиэр сидит рядом с ним, речь змеи была столь волнующа, столь неотразима, она заполнила все чувства мальчика, полностью поглотила его внимание, пусть даже он и не совсем ясно понимал значение ее слов. «Это знак судьбы, — говорила змея, — знак могущества и неограниченной власти; твоя власть будет огромна, она превзойдет ту, которой обладает твой отец; ты станешь человеком, которому будут поклоняться тысячи, миллионы, тем, кому люди будут беспрекословно подчиняться; тебе никогда не придется страшиться будущего, потому что ты станешь тем, кто сам создает это будущее; у тебя будет все, что ты пожелаешь, ты станешь властелином мира. Но сейчас, — предупредила змея, — это нужно держать в тайне. Ни одна душа на свете не должна узнать, что я принесла тебе эту весть, подала тебе знак; если только им станет известно, что тебе предназначено властвовать над ними, они без сомнения убьют тебя, они придут ночью и перережут тебе горло, они вырвут твое сердце и зароют тебя в глубокую темную яму, засыплют землей. Они не должны знать, что ты станешь их полновластным хозяином, что тебе суждено быть богом на земле, иначе они уничтожат тебя прежде, чем в тебе вызреют великие силы, которые дадут тебе эту власть. Тайна. Это будет нашей тайной. Я — змея, которая поглощает сама себя, и я сожру себя и исчезну с лица земли теперь, когда выполнила высшую волю и передала послание, и никто никогда не узнает, что я существовала и приходила сюда. Верь только индейцу и больше ни одному человеку на свете.

Никому. Никогда».

Все поплыло перед глазами Томми, и он, потеряв сознание, упал на белый бетонный поребрик. Мальчик был болен

два дня. Доктор ломал голову, не понимая, что с ним. Он не находил никаких внешних признаков болезни — ни повышенной температуры, ни распухших желез, ни тошноты; у ребенка ничего не болело. Это было какое-то странное недомогание, глубокое и полное равнодушие ко всему, что его окружало: мальчик не хотел читать книжки — они выпадали из его ослабевших рук, словно это была какая-то непомерная тяжесть; смотреть телевизор тоже, казалось, требовало от него слишком больших усилий и напряжения. У него совершенно пропал аппетит, и он ничего не сл. Целые дни Томми или спал — иногда по четырнадцать часов подряд, или просто лежал в оцепенении, неподвижно глядя в одну точку. «Возможно, он перегрелся на солнце, — предположил врач. — Если через пару дней ему не станет лучше, придется положить его в больницу на обследование».

Днем, пока судья исполнял свои служебные обязанности или занимался финансовыми вопросами, а миссис Шаддак отправлялась в местный клуб или на благотворительные обеды, Ранингдизер проскальзывал в дом, чтобы хоть несколько минут посидеть у постели мальчика. Он рассказывал Томми сказки, произнося слова нараспев мягким, глуховатым голосом.

Мисс Карвал, няня Томми, которая была в то же время и экономкой в доме Шаддаков, прекрасно понимала, что ни судья, ни миссис Шаддак не одобрили бы этих коротких тайных визитов к постели мальчика, да и вообще дружбы ребенка с этим индейцем. Но у нее было нежное доброе сердце, и она в глубине души всегда возмущалась тем, что родители совсем забросили мальчика, не обращают на него никакого внимания, никогда не приласкают, не поцелуют. К тому же ей нравился новый садовник. Она смотрела сквозь пальцы на эти посещения и на эту дружбу, не видя в ней никакого вреда — Томми должен только пообещать, что он не проговорится своим родителям, как много времени он проводит с Ранингдизером.

Как раз тогда, когда они решили отправить мальчика в больницу, он неожиданно поправился, и все решили, что доктор был прав, — видимо, ребенок действительно просто перегрелся на солнце. После этого Томми уже не отставал от Ранингдизера и вертелся около него все время, пока роди-

телей не было дома. Он пошел в школу, а после уроков стремглав мчался домой, нигде не задерживаясь; когда ребята из класса звали его в гости или поиграть, он всегда отказывался, так как хотел пораньше прийти домой, чтобы успеть побыть с Ранингдиэром хоть пару часов до прихода родителей.

И так неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом индеец вводил мальчика в мир таинственных предзнаменований, предвещавших ему великую, — по крайней мере, необычную судьбу. Цветы клевера с четырьмя листиками под окном спальни Томми; мертвая крыса, плавающая в бассейне; стайка стрекозущих сверчков, оказавшаяся в ящике письменного стола Томми, когда он однажды днем вернулся из школы; иногда он находил монетки там, где он точно помнил, что никогда не оставлял их... Один раз он нашел пенни в каждом из своих ботинок, стоявших в стенном шкафу; месяц спустя во всех карманах его брюк оказалось по пятицентовику, и наконец — сверкающий серебряный доллар в яблоке, которое очистил для него Ранингдиэр. Индеец смотрел на эти монеты со священным ужасом и трепетом, объясняя ему, что это самые могущественные предзнаменования.

— Помни, ты должен держать все это в тайне! — зловеще прошептал Ранингдиэр, когда Томми на следующий день после того, как ему исполнилось девять лет, рассказал индейцу, что в полночь слышал под своим окном нежный перезвон колокольчиков.

Мальчик встал и выглянул в сад, но ничего не увидел, только одинокая свеча горела посреди лужайки. Осторожно, чтобы не разбудить родителей, он выскользнул из дома, желая посмотреть на это чудо поближе, понять, откуда взялась эта свеча, но не успел он подойти, как она исчезла.

— Никогда никому не рассказывай об этих знаках, — предостерегал его Ранингдиэр. — Если они узнают, что ты избранник судьбы, что придет день, когда ты получишь неограниченную власть и будешь повелевать ими, они придут и убьют тебя сейчас, пока ты еще мальчик, маленький и слабый.

— Кто это «они»? — спросил Томми.

— Кто угодно, любой из них... — загадочно ответил индеец.

— Но кто именно?

— Ну, например, твой отец.

— Только не он.

— Именно он, он-то в первую очередь, — прошептал Ранингдиэр. — Он любит власть. Он наслаждается своей властью над другими людьми, ему нравится, когда его боятся, дрожат перед ним. Ты же видел, как все перед ним пресмыкаются.

Томми и правда замечал, с каким уважением, прямо-таки почтением люди разговаривают с его отцом, особенно его многочисленные друзья по политической партии, и пару раз подглядел совсем другие, отнюдь не почтительные и, вероятно, более искренние взгляды, которыми люди обменивались за его спиной. В лицо все превозносили судью, буквально благоговели перед ним, но стоило ему отвернуться, как лица их выражали не только страх, но и ненависть.

— Ему нужна вся власть, безраздельно, и он никому не позволит отобрать у себя хотя бы ее крупицу, никому, даже собственному сыну. Если только он узнает, что тебе предназначено подняться выше, стать могущественнее его... тогда уж никто не сможет тебя спасти. Даже я.

Возможно, если бы родители проявляли к нему более нежные чувства, предостережение индейца показалось бы мальчику абсурдным. Но отец почти не обращал на него внимания — обычно это были несколько небрежных слов, брошенных на ходу, он ни разу в жизни по-настоящему не приласкал его — не обнял, не поцеловал.

Время от времени Ранингдиэр приносил мальчику домашние леденцы. Он называл их «кактусовыми леденцами». Каждому всегда доставалось по одному кусочку, и они съедали их вместе или в саду, когда индеец прекращал работу и садился обедать, или прямо во время работы, когда Томми помогал ему или просто сидел рядом. Вскоре после того, как кактусовый леденец был съеден, мальчика охватывало странное чувство. Его захлестывала волна какого-то необъяснимого восторга. Ему казалось, что он плывет по воздуху, не касаясь ногами земли. Все краски становились ярче, насыщеннее. В эти минуты ему особенно нравился Ранингдиэр: его волосы казались удивительно черными, кожа отливала восхитительным бронзовым цветом, зубы

сияли ослепительной белизной, а в глазах качалась бесконечная космическая тьма. Каждый звук тогда — щелканье садовых ножниц, гул моторов самолета, летящего к аэродрому в Фоуниксе или жужжание катера — казался прекрасной мелодией; мир был полон музыки, но самым мелодичным был голос Ранингдизра, вплетавшийся в этот многоголосый хор. Запахи тоже становились сильнее, резче. Томми с наслаждением вдыхал аромат цветов, скошенной травы, машинного масла, которым индеец смазывал свои инструменты. Даже запах пота казался ему приятным. Ранингдизр пах свежеспеченным горячим хлебом, сеном и новенькими медными монетками.

Томми почти ничего не мог вспомнить из того, о чем говорил Ранингдизр после того, как они съедали кактусовые леденцы; в памяти оставалось только впечатление необыкновенной страстности, которая звучала в его словах... и еще образ черного ястреба. «Если великие духи пошлют тебе черного ястреба, позволят тебе его увидеть, это будет знаком твоей неограниченной, безраздельной власти, того, что ты станешь непобедим. Непобедим! Но если ты удостоишься увидеть его, это также будет означать, что великие духи ждут от тебя каких-то свершений, доказательства того, что ты действительно достоин быть избранным.» Это все, что осталось в памяти Томми от их тогдашних разговоров, больше он почти ничего не помнил. Обычно примерно через час он чувствовал себя ужасно утомленным и уходил в свою комнату вздремнуть; сны его были удивительно живыми и яркими, ярче и отчетливее, чем реальная жизнь, и всегда в них присутствовал индеец. Это были пугающие и в то же время завораживающие, околдовывающие сны.

Как-то раз в субботу, дождливым ноябрьским днем, — Томми было тогда лет десять, — он сидел на табурете около верстака, пристроившись в углу обширного гаража и наблюдая, как Ранингдизр чинит электрический нож, которым судья обычно резал индейку на День Благодарения и на Рождество. В воздухе стояла приятная прохлада, и он был необычно влажным для Фоуникса. Томми болтал с Ранингдизром о дожде, о приближающихся каникулах, о всяких школьных делах и происшествиях; тайные знаки, возвещающие судьбу, не были единственной и неизменной темой

их бесед, иначе Томми не был бы так привязан к индейцу, Ранингдиэр, как никто, умел слушать.

Исправив нож, индеец подключил его к сети и взмахнул им в воздухе. Остро отточенное стальное лезвие мелькало с такой скоростью, что казалось расплывчатым голубоватым пятном.

Томми захлопал в ладоши

— Видишь это? — Ранингдиэр поднял нож над головой и прищурился от его нестерпимого блеска; блики ламп, горевших под потолком, вспыхивали на его лезвии, так что казалось — нож стремительно разрезает сияющую пелену света.

— Что? — спросил Томми.

— Нож, Маленький Хозяин. Это машина. Так, безделушка, простенький механизм, не то что самолет, например, или автомобиль, или хотя бы инвалидная коляска с моторчиком. Мой брат... он... калека... и ему приходится пользоваться такой коляской. Вы не знали об этом, Маленький Хозяин?

— Нет, мне никто не говорил.

— Один мой брат умер, а другой остался инвалидом.

— Мне очень жаль.

— Вообще-то они мне не родные братья, но других у меня нет.

— Как это могло случиться? Что с ними произошло?

Ранингдиэр словно не слышал вопросов мальчика. — Конечно, этот нож предназначен всего лишь для того, чтобы зарезать индейку к празднику, в общем-то не обязательно им пользоваться, можно обойтись простым ножом и руками, и все же это отличная, умная машина. Большинство машин гораздо надежнее и умнее, чем люди.

Индеец слегка наклонил лезвие ножа, повернув его к Томми. Лезвие свистело в воздухе прямо перед глазами мальчика.

Томми ощущал какую-то сонливость, он был словно одурманен кактусовыми леденцами, хотя в этот день они ничего такого не ели.

— Белые люди верят в машину, как в Бога, — продолжал Ранингдиэр. — Они думают, что машины гораздо эффективнее и долговечнее, чем человек. Если ты хочешь по-насто-

ящему возвыситься в мире белых людей, Маленький Хозяин, ты должен постараться уподобиться машине, стать таким же эффективным, таким же умным и непреклонным, неумолимым, как она. Ты должен твердо идти к своей цели, отрешившись от всех эмоций, волнений, желаний.

Он медленно приблизил жужжащее лезвие к самому лицу мальчика, пока тот не сосредоточился на мелькающем перед глазами острие.

— Посмотри, с помощью этой машинки я могу напрочь отсечь твой нос, срезать твои губы, вырезать щеки и уши...

Томми хотелось прыгнуть с табурета и бежать отсюда как можно дальше.

Но он не мог пошевелиться.

Он заметил, что индеец крепко обхватил его запястье.

Но даже если бы его никто не держал, мальчик все равно не смог бы сдвинуться с места. На него напало какое-то странное оцепенение. И не только от страха, нет. Было во всем этом нечто темное и притягательное, близкая опасность словно завораживала его.

— ..отрубить твой подбородок, снять с тебя скальп, обнажив череп, и ты истечешь кровью и умрешь, любой из этих причин будет достаточно, чтобы ты умер, но...

Лезвие ножа было уже всего в двух дюймах от носа мальчика.

— ...но машине ничего не сделается, она будет продолжать сечь, резать и рубить все так же спокойно, бесстрастно и уверенно...

Один дюйм.

— ...нож будет так же вонзаться и отсекает, гудеть и рубить...

Полдюйма.

— ...потому что машины не умирают...

Томми почувствовал легкий ветерок, исходящий от тонкого, острого лезвия, рассекавшего воздух со страшной скоростью.

— Машины эффективны и надежны. Если ты хочешь управлять миром белых людей, Маленький Хозяин, ты должен сам стать как машина.

Ранингдизер выдернул штепсель из розетки и положил нож.

Но он продолжал держать руку Томми.

— Если ты хочешь стать великим и могущественным, — сказал он, совсем близко наклонившись к лицу мальчика, — если ты хочешь выполнять волю духов и сделать то, что они прикажут тебе, когда пошлют тебе знамение в виде черного ястреба, ты должен быть решительным и непреклонным, холодным и неумолимым, двигаться к цели, не думая о последствиях, точно так же, как машина.

После этого случая, когда они вместе ели кактусовые леденцы, они каждый раз разговаривали о том, что нужно всеми средствами стремиться к поставленной цели, идти напролом, быть бесстрастным и хладнокровным, как хорошо смазанный механизм. Мальчик уже превращался в подростка, но его совершенно не интересовали девочки, смутные желания и видения не тревожили его покой, он совсем не думал о сексе, его мало волновали проблемы отношений между мужчиной и женщиной; ум его был целиком занят образами черного ястреба и странных людей, которые на вид ничем не отличались от обычных, каждый день встречавшихся ему на улицах, но внутри были начинены проводами и транзисторами, трансформаторами и пощелкивающими электрическими выключателями.

В то лето, когда ему исполнилось двенадцать лет, через семь лет после того, как Ранингдизэр поселился у них в доме, Томми узнал, наконец, что произошло с его братьями. По крайней мере, получил об этом какое-то представление. Остальное он дополнил своим воображением.

Они сидели в саду, закусывая и глядя, как солнечные лучи играют в струях воды машины, поливавшей газоны, и как в разлетающихся во все стороны брызгах вспыхивают и гаснут маленькие радуги. За те полтора года, которые прошли со времени их разговора в гараже, Томми уже не раз спрашивал Ранингдизэра о его братьях, но тот всегда уходил от ответа. На этот раз, однако, индеец посмотрел куда-то вдаль, на таявшие в дымке горные вершины, затем сказал:

— Я расскажу тебе, но это тайна, которую никто не должен знать.

— Конечно.

— Такая же тайна, как те предзнаменования, которые ты видел.

— Понятно.

— Несколько белых парней, так, мальчишки из колледжа, подвыпили и колесили по округе в поисках женщин или просто приключений, кто их знает. Они столкнулись с моими братьями случайно, на автостоянке у ресторана. Один из братьев был женат, и жена была вместе с ним; парни затеяли игру «подразни индейца», однако, жена моего брата и в самом деле им приглянулась. Они хотели позабавиться с ней и были настолько пьяны, что не ожидали встретить никакого сопротивления. Началась драка. Пятеро против двух. Одного брата они убили металлическим прутом, другой превратился в калеку, он никогда уже не сможет встать на ноги. Жену брата они забрали с собой и сделали с ней все, что хотели.

Рассказ Ранингдиэра потряс Томми.

Наконец, он смог выговорить:

— Ненавижу белых людей.

Индеец засмеялся.

— Ненавижу, — повторил мальчик. — А что сделали с теми парнями? Они в тюрьме?

— Никакой тюрьмы, — Ранингдиэр улыбнулся, но это была совсем не веселая улыбка, он просто раздвинул губы, обнажив зубы, словно разъяренный зверь. — Их отцы оказались влиятельными людьми. Деньги. Связи. Так что судья отпустил их «за недостаточностью улик».

— Жаль, что их судил не мой отец. Он бы ни за что не отпустил их.

— Ты так думаешь?

— Точно.

— Ты уверен в этом?

— Ну... да, уверен, конечно, уверен, — с тревогой пробормотал Томми.

Индеец молчал.

— Я ненавижу всех белых, — сказал Томми еще раз, теперь уже не так убежденно, просто чтобы заслужить расположение индейца.

Ранингдиэр снова засмеялся и похлопал мальчика по руке.

В конце того самого лета, в жаркий и душный августовский день Ранингдиэр подошел к Томми после обеда и

произнес таинственно и торжественно: — Сегодня ночью взойдет полная луна, Маленький Хозяин. Идите в сад за домом и смотрите прямо на нее. Я верю, что в эту ночь вам будет знамение; это будет самое важное, окончательное предзнаменование.

Спустилась тьма, и вскоре после этого на небо выплыла полная луна. Томми вышел в сад и встал на площадке около бассейна, на том самом месте, где семь лет тому назад Ранингдизер показал ему самопожирющую змею. Он пристально вглядывался в круглый желтый диск луны; ее овальное, неровное отражение дрожало в воде бассейна. Луна висела совсем низко, — громадный, раздувшийся желтый шар в непроглядной темени неба.

Вскоре судья выпел искать его в сад, и Томми отозвался:

— Я здесь, отец.

Тот подошел к бассейну:

— Что ты здесь делаешь, Томас?

— Так, смотрю, жду...

— Ждешь? Чего?

И в этот момент Томми увидел на фоне луны темный силуэт ястреба. В течение долгих лет ему предсказывали, что настанет день, — и он увидит его, готовили к этому дню, объясняли значение предзнаменований; и вот — он перед ним: черный ястреб, на мгновение застывший в янтарном лунном свете.

— Вот оно! Там! — воскликнул он, забыв на минуту обо всех предостережениях индейца, о том, что он не должен верить никому, кроме него.

— Там? Что? — удивился судья.

— Разве ты не видишь?

— Ну, луна, и больше ничего.

— Ты просто не смотрел, а то бы ты тоже увидел.

— Что увидел?

Слепота отца, его неспособность различить тайный знак еще больше убедили Томми в том, что он и в самом деле избранный, и только его глазам мог открыться таинственный вестник. Это напомнило ему о том, что он никому не должен доверять, даже собственному отцу.

— Хм... надающую звезду, — ответил он, на секунду запнувшись.

— Так ты здесь наблюдаешь падающие звезды?

— На самом деле это метеоры, — стал горячо и быстро объяснять Томми. — Ожидается, что сегодня ночью Земля пройдет через метеоритный пояс; так что их должно быть очень много.

— С каких это пор ты интересуешься астрономией?

— Да я вовсе и не интересуюсь, — пожал плечами Томми. — Просто хотел посмотреть, как это выглядит. Довольно скучно.

Он повернулся и пошел к дому. Через минуту судья присоединился к нему.

На следующий день, в среду, мальчик рассказал Ранингдиэру о том, как он видел черного ястреба.

— Но я не получил от него никакого послания и не знаю, каких свершений ждут от меня великие духи.

Индеец смотрел на него молча, улыбаясь, так долго, что в конце концов Томми стало не по себе. Наконец он произнес:

— Мы поговорим об этом за ленчем, Маленький Хозяин.

По средам у мисс Карвал, экономки, был выходной, так что Ранингдиэр и Томми остались дома одни. Они уселись в саду, собираясь завтракать, но индеец не принес с собой ничего, кроме кактусовых леденцов, да и у мальчика не было аппетита.

Вкус этих конфет давно уже не волновал Томми, но он любил их и ждал с нетерпением за то состояние, которое они вызывали. С годами они действовали на него все сильнее, ощущения его становились ярче и глубже.

Вскоре мальчик впал в этот желанный и сладкий полусон-полуявь, сверкавший всеми своими красками, с его плещущими звуками и острыми, пряными запахами, убаюкивающий и зовущий. Они разговаривали с индейцем около часа, и под конец Томми понял желание великих духов — они требовали, чтобы он убил своего отца, и сделал это через четыре дня, в воскресенье утром.

— Это мой свободный день, — добавил Ранингдиэр, — так что я не смогу помочь тебе. Но такова воля великих духов — ты должен сделать все сам, без посторонней помощи, чтобы доказать свою силу. Во всяком случае у нас есть еще несколько дней, чтобы все обдумать, мы вместе разрабатываем план, так, чтобы ты был готов к воскресенью.

— Хорошо, — сонно ответил мальчик. — Конечно, мы вместе все обдумаем.

После полудня судья вернулся домой с какого-то делового собрания; ими всегда заканчивалась судебная сессия. Жалуясь на невыносимую жару, он сразу пошел принять душ. Мать Томми была уже дома; она сидела в гостиной на маленьком мягком пуфике, просматривая свежий номер «Города и Села» и потягивая то, что она называла «предкоктейльным коктейлем». Она едва взглянула на мужа, когда тот, проходя через гостиную, сообщил, что идет наверх принять душ.

Как только отец поднялся в ванную, Томми быстро прошел на кухню и взял лежащий на полочке у плиты нож для разделки мяса.

Ранингдиэр подстригал лужайку перед домом.

Мальчик вошел в гостиную и, подойдя к матери, поцеловал ее в щеку. Ее удивил этот неожиданный поцелуй, но еще больше удивил ее нож, который сын три раза подряд вонзил ей в грудь. Томми тут же поднялся наверх и тем же ножом ткнул в живот отца, как раз выходявшего из душа.

Потом он пошел в свою комнату и разделся. На туфлях крови не было, джинсы тоже были почти чистые, зато рубашка была вся в крови. Он быстро умылся, смыл с себя все следы крови и переоделся. Потом аккуратно завернул окровавленные вещи в старое полотенце и отнес сверток на чердак, где спрятал его в дальнем углу, за сундуком. Он займется этими вещами позже.

Спустившись вниз, через гостиную, не глядя на тело матери, он прошел прямо в кабинет судьи, к его письменному столу. Выдвинув нижний ящик, из-за стопки папок Томми достал револьвер.

В кухне он выключил верхний свет, так что единственным освещением были теперь солнечные лучи, проникавшие через окна; этого было вполне достаточно, однако, некоторые уголки комнаты оставались в тени. Нож Томми положил на полочку у холодильника, как раз туда, куда не достигал свет, а револьвер — на один из стульев, слегка выдвинув его из-за стола, так чтобы оружие можно было легко достать, но тот, кто войдет в кухню, не мог бы сразу его заметить.

Приготовив все таким образом, мальчик открыл дверь, выходящую из кухни в сад, и позвал Ранингдиэра. Индеец не слышал его из-за шума газонокосилки, но случайно поднял голову и увидел, что Томми машет ему рукой. Нахмурившись, он выключил косилку и подошел к двери. «Слушаю, Томас», — сказал он официально, зная, что судья и миссис Шаддак дома и могут его услышать.

— Мама просит вас помочь ей, — сказал мальчик. — Она послала меня за вами.

— Помочь?

— Да. Она в гостиной.

— А что там такое?

— Ей нужна ваша помощь, чтобы ... да ну, легче показать, чем объяснять все это.

Индеец вошел вслед за ним в просторную кухню и направился к двери в коридор.

Внезапно Томми остановился, повернулся и воскликнул:

— Ах, да, мама сказала, чтобы вы захватили нож, вот тот, прямо за вами, на полочке около холодильника.

Ранингдиэр повернулся в ту сторону, куда указывал мальчик, и заметил нож, лежавший в темном уголке за холодильником. Индеец взял нож, и глаза его расширились от удивления.

— Здесь кровь на ноже, Маленький Хозяин. Это кровь...

Томми успел уже схватить револьвер со стула и, держа его обеими руками, нажал на спуск. Он стрелял до тех пор, пока не опорожнил всю обойму, хотя отдача была так сильна, что руку и плечо пронзила сильная боль, и он едва устоял на ногах. По крайней мере, две пули попали в цель, и одна из них пробила горло индейца.

Ранингдиэр тяжело осел на пол. Нож выпал из его рук и покатился по полу.

Носком ботинка Томми подтолкнул нож поближе к телу индейца, так чтобы не оставалось сомнений, что тот перед смертью держал его в руках.

Мальчик лучше разобрался в послании великих духов, чем его наставник. Они, конечно же, хотели, чтобы он освободился от всех, кто имел над ним хоть какую-то власть: от судьи — своего отца, от матери и от самого Ранингдиэра. Только тогда он достигнет высочайших вершин власти.

Он замыслил и осуществил все три убийства с хладнокровием и бесстрастностью компьютера, действуя четко и наверняка, как хорошо отлаженный механизм. При этом он абсолютно ничего не чувствовал. Никакие эмоции не могли помешать выполнению задуманного. Хотя нет, пожалуй, он был немного испуган и возбужден, даже опьянен, — но это ничуть не отвлекало его.

Взглянув на труп Раннингдизра, Томми быстро отвернулся и побежал к телефону. Он набрал номер полицейского отделения и, истерически рыдая в трубку, прокричал, что индеец из мести убил его родителей, а он застрелил его из отцовского револьвера. Правда, на самом деле он говорил весьма невразумительно, не в силах прийти в себя от потрясения, то и дело ударяясь в слезы и бормоча нечто нечленораздельное. Им пришлось потратить несколько утомительных минут, прежде чем они добились от него более или менее связного рассказа и узнали адрес и имя несчастного мальчика. Внутренне Томми уже много раз проигрывал этот истерический припадок, начав еще с полудня, сразу после завтрака с индейцем. И теперь он был доволен собой — все прозвучало очень убедительно.

Он сидел перед домом, рыдая и всхлипывая, пока не приехала полиция. Его слезы были более искренними, чем недавний припадок и несвязные выкрики, — он плакал от облегчения.

После этого он еще дважды в своей жизни видел черного ястреба. Вестник великих духов являлся ему каждый раз, когда ему было особенно необходимо получить поддержку высших сил, нечто вроде заверения, что все, что он собирается предпринять, правильно, и он одержит очередную победу.

Шаддак никогда больше никого не убивал — ему просто не нужно было.

Бабушка с дедушкой — родители его матери — взяли мальчика к себе и воспитывали его, не отказывая ему ни в чем. Ребенок ведь пережил такую ужасную трагедию — было бы слишком жестоко с их стороны обращаться с ним строго, любой пустяк теперь мог если не убить его, то, во всяком случае, вредно отозваться на его здоровье. Мальчик был единственным наследником всего состояния своего отца,

которое еще увеличилось, благодаря значительной страховке за его жизнь; таким образом, он мог получить первоклассное образование и после окончания университета открыть свое дело, имея вполне достаточный первоначальный капитал. Весь мир лежал перед ним, все возможности были ему открыты. К тому же благодаря Ранингдиэру, у юноши было дополнительное преимущество перед сверстниками — он знал наверняка, что его ждет необыкновенное будущее, что ему суждено стать великим человеком и властвовать над всеми остальными людьми.

Только сумасшедший убивает без крайней необходимости.

За небольшим исключением, убийство — довольно неэффективный способ решения проблем.

Теперь, лежа в машине в темном гараже покойной Паулы Паркинс, Шаддак напоминал себе, что он избранник судьбы, что только ему черный ястреб являлся три раза. Он постарался не думать ни о Лоумане Уоткинсе и его угрозах, ни о неожиданных последствиях своего проекта. Наконец, Шаддак вздохнул и погрузился в смутный сон, сон на границе с явью.

Сновидения его были те же, что и всегда, — гигантская машина, синтез металла и плоти. Непрерывно вздымающиеся и опускающиеся поршни. Человеческие сердца, без усталости подкачивающие разного рода смазку. Кровь и горючее, металл и кости, пластик и сухожилия, нервы и провода.

9

Крисси очень удивилась, обнаружив, что у священников, оказывается, отменный аппетит. Стол просто ломился от еды: громадное блюдо с сосисками, яйца, целая гора гренков, куча сдобных рогаликов, не меньшая куча черничных бисквитов, огромная миска золотисто-румяного запеченного в духовке картофеля, свежие фрукты и целый мешок пряностей к горячему какао. Конечно, отца Каstellи трудно было назвать худеньким, и все же Крисси всегда казалось, что священники воздержаны во всем и отказывают себе в различных удовольствиях; она думала, что они не только не имеют права жениться, но не смеют также сладко поесть или выпить лишнего. Если отец Каstellи съедает

столько же за обедом и за ужином, он должен был бы весить в два, нет, даже в три раза больше и быть гораздо толще, чем сейчас!

Пока они завтракали, девочка рассказала о пришельцах, о том, что они сделали с ее родителями. Правда, считая, что отцу Каstellи ближе различные духовные рассуждения, Крисси решила отдать предпочтение версии о злых духах и демонах, — так ему, пожалуй, будет понятнее, и он быстрее сможет ей поверить. Самой ей, однако, больше нравился вариант с инопланетянами. Девочка описала то, что она увидела вчера утром на лестничной площадке, рассказала, как ее заперли в кладовке и как потом родители и Такер, обратившись в каких-то неведомых чудовищ, преследовали ее.

Священник внимательно слушал ее рассказ, время от времени выражая удивление или озабоченность, просил добавить кое-какие подробности, но все это никак не отразилось на его аппетите; он жевал, не переставая. Он смачно чавкал, с аппетитом заглатывая куски, так что его манеры даже слегка шокировали Крисси. Ее удивляла неряшливость, с которой он ел, ничуть не уступавшая его аппетиту. Пару раз девочка заметила, как яичный желток стекает по его подбородку, и осмелилась даже указать ему на это; отец Каstellи добродушно отпучивался и вытирал губы, но вскоре весь его подбородок опять был вымазан желтком. Его черная рубашка спереди была вся в крошках от гренок, булочек и бисквитов, кое-где к ней прилипли кусочки сосисок и картошки, которые он уронил, даже не заметив этого...

Крисси серьезно начинала думать, что прозорливость — самый большой грех отца Каstellи, и он виновен в нем более, чем все остальные знакомые ей люди.

И все же, несмотря на его неумение вести себя за столом, девочка любила его; он ни разу не усомнился в том, что она в здравом рассудке, и не выказал ни малейшего недоверия к ее дикой, невероятной истории. Напротив, он слушал с большим интересом, с величайшей серьезностью, и казался искренне озабоченным, даже испуганным всем тем, что она ему рассказала.

— Да, Крисси, существует ведь множество фильмов о нашествиях инопланетян, о враждебных землянам существ-

вах, прилетевших из других галактик, об этом написаны уже тысячи книг, а я всегда утверждал, что не может человек придумать ничего такого, чего не существует в действительности в этом мире, созданном Богом. Так что, кто его знает, хм-м... Кто может поручиться, что они и правда не приземлились где-нибудь здесь, у нас, в Мунлайт Коуве? Я обожаю кино, больше всего мне всегда нравились фильмы ужасов, но я даже представить себе не мог, что сам окажусь в центре событий такого фильма, воплотившегося в действительность —. Священник говорил совершенно искренне, в его тоне не было этакой высокомерной снисходительности или насмешки.

Отец Каstellи все еще продолжал есть, но Крисси успела уже покончить с завтраком, в то же время досказав свои приключения. В кухне было тепло, и одежда ее почти высохла, только брюки сзади, на том месте, где она сидела, да еще кроссовки были влажными. Подкрепив свои силы, девочка была готова разумно обсудить планы дальнейших действий, решить, что ей делать теперь, и как отец Каstellи может ей помочь.

— Что же теперь? Может быть, позвать на помощь армейские части, как вы думаете, отец мой?

— Я считаю, что не только сухопутные, но и военно-морские, — ответил тот после минутного размышления. — Здесь такое дело, что, пожалуй, без флота не обойтись.

— А что вы думаете о...

— О чем, моя милая девочка?

— Как вы думаете, можно ли надеяться... то есть, есть ли хоть какая-нибудь надежда, что мои родители снова станут людьми? Ну, такими, как они были?

Отец Каstellи положил на место бисквит, так и не донеся его до рта, и, потянувшись через стол, взял Крисси за руку. Пальцы его были жирные, все в масле, но девочка не обратила на это внимания — рука его была такой надежной, его пожатие успокаивало ее, вселяло в нее надежду, а ей так нужны были сейчас ласка и уверенность в том, что все будет хорошо.

— Ты снова будешь вместе со своими родителями, — ласково и сочувственно сказал священник. — Я твердо обещаю тебе это.

Крисси закусил губы, стараясь сдержать слезы.

— Я обещаю тебе, — повторил он.

Внезапно лицо его начало раздуваться. Не совсем так, как воздушный шарик, когда его надувают. Нет, оно вздувалось только в некоторых местах; по коже, как по воде от легкого ветерка, прошла рябь, видно было, как плоть под ней пульсирует, словно кости его черепа размягчились, а под кожей корчатся, свиваясь и развиваясь, клубки червей.

«Я обещаю тебе это!»

Крисси застыла от ужаса, не в силах даже закричать. Она не могла пошевелиться, будто прикованная к своему стулу, не отрываясь, не дыша, глядя на страшное лицо, изменявшееся прямо на ее глазах.

Она слышала треск, пощелкивание и похрустывание костей, которые раскалывались, таяли, с невероятной скоростью меняя форму и очертания. Плоть его, словно липкая, чавкающая грязь или горячий воск с отвратительным влажным, хлопотным звуком перетекала в эти новые формы.

Череп священника непомерно вытянулся вверх и подался назад, образуя громадный когтистый гребень, в лице его не осталось почти ничего человеческого, что-то в нем было от рака и от насекомого, чем-то напоминавшего осу; горящие свирепые глаза шакала жадно смотрели на нее с этого лица.

Наконец, разорвав оцепенение, Крисси рванулась, отчаянно крикнув:

— Нет! — Сердце ее колотилось так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. — Нет, уходи, оставь меня,пусти, убирайся!

Челюсти его вытянулись, раздвинулись почти до ушей, рот приоткрылся в злобной усмешке, обнажив два ряда громадных, острых зубов.

— Нет, нет!

Она попыталась встать.

Оказалось, что он все еще держит ее за руку.

Хриплые, скрежещущие звуки, вылетающие из его горла, напомнили ей голоса матери и Такера, когда они прошлой ночью охотились за ней в бетонной трубе:

— ...хочу, хочу... жажду... дай мне... дай... я жажду...

Страшно, он выглядел совсем не так, как ее родители,

когда превращались. И почему это все инопланетяне такие разные?

Он еще шире открыл рот и зашипел на нее; густая желтая слюна, словно нити прилипшей тянучки, висела между его верхними и нижними зубами. Что-то шевелилось у него во рту — странный, извивающийся язык; вдруг он вылетел вперед, словно распрямившаяся пружина, как у хамелеона, заметившего добычу, — и за ним открылся будто бы еще один, маленький, рот, в котором виднелись еще более острые зубы; таким образом, он мог вытащить свою жертву из любого тесного уголка, в каком бы укромном месте она ни спряталась, вытащить — и загрызть, растерзать ее.

Во всем облике этого нового отца Каstellи было что-то удивительно знакомое; ну да, конечно, это было чудовище из фильма «Пришелец». Кое в чем он, конечно, отличался, но все же был невероятно похож на него.

Она стала героиней фильма ужасов, фильма, который перешел в жизнь, превратился в реальную действительность, как сказал сам священник; наверняка, это была одна из самых любимых его лент. Неужели отец Каstellи способен принимать любой облик, какой только пожелает? Значит ли это, что он преобразился в этого монстра ради удовольствия или для того, чтобы оправдать предположения Крисси о нашествии инопланетян?

Мысль эта казалась безумной.

Даже через одежду было видно, что тело священника тоже страшно изменяется. Рубашка кое-где обвисла, словно бы плоть под ней растаяла, исчезла куда-то, зато в других местах она натянулась и чуть не лопалась по швам, будто под ней выпирали кости или какие-то огромные наросты. Пуговицы отлетели. Материя с треском рвалась, воротник как-то криво свалился на отвратительно раздувшуюся шею.

Задышавшись, ловя ртом воздух, Крисси пыталась вырваться из его цепких рук. Она встала, опрокинув стул, но сколько ни старалась, никак не могла освободиться.

Руки священника тоже начали деформироваться. Пальцы удлинялись на глазах, покрываясь какой-то костяной коркой, — гладкой, твердой, блестящей, как рог животного, — это были уже скорее клешни, чем человеческие руки.

— ...жажду...хочу, хочу... жажду...

Девочка схватила со стола нож, размахнулась и изо всех сил вонзила его в руку чудовища, чуть повыше запястья, туда, где виднелась еще более или менее человеческая плоть. Она надеялась пригвоздить его к столу, но нож только вонзился в руку, немного не дойдя до дерева.

Он закричал так резко и пронзительно, что Крисси содрогнулась.

Рука, покрытая панцирем, разжалась. Крисси, наконец, почувствовала себя на свободе. К счастью, она быстро отскочила, потому что в следующую секунду он уже опять пытался поймать ее, но только скользнул рукой по ее пальцам, не сумев удержать.

Выход из кухни был заслонен священником, и ей так или иначе пришлось бы пройти мимо него.

С воплем, в котором смешались визг и рычание, он выдернул нож и отбросил его в сторону. Одним взмахом своей чудовищной, уродливой руки он сбросил на стол тарелки и остатки еды. Рука его теперь была на восемь или десять дюймов длиннее и высовывалась из рукава какими-то жуткими, темными, корявыми и шипковатыми отростками.

«Матерь Божья, Пресвятая Дева Мария, спаси и сохрани меня; Матерь пречистая, спаси меня; Пресвятая Богородица, чистейшая и непорочная, спаси и помилуй; прошу тебя, не оставь меня», — молилась про себя Крисси.

Священник сгреб стол и отшвырнул его в сторону, словно пушинку. Стол с грохотом врезался в холодильник.

Теперь ничто больше не отделяло Крисси от отца Кастелли.

От этого существа.

Она сделала вид, что бежит к двери из кухни, шагнув в этом направлении.

Священник, вернее то, что прежде выдавало себя за священника, метнулся вправо, собираясь перерезать ей путь и схватить ее.

В ту же секунду, резко развернувшись, Крисси бросилась к другой двери, выходявшей в коридор нижнего этажа. Она перепрыгивала через разбросанные по всему полу гренки и сосиски, стараясь не поскользнуться. Ее хитрость удалась.

Шлепая мокрыми кроссовками по линолеуму, она промчалась мимо него, прежде чем он успел сообразить, что она обошла его слева.

Крисси не сомневалась, что он не только чудовищно сильный, но и быстрый. Наверняка он бегает быстрее ее. Она слышала сзади топот его ног.

Только бы добежать до входной двери, выскочить на крыльцо и во двор — тогда она спасена. Вряд ли он посмеет преследовать ее вне дома, на улице, где люди могут увидеть его. Ведь не все же в Мунлайт Коуве попались в лапы пришельцам, и пока хоть один человек остается за пределами их власти, чудовища не могут открыто бродить по улицам, безнаказанно пожирая маленьких девочек.

Ей нужно пробежать совсем немного — только до двери, а там еще несколько шагов, — совсем чуть-чуть.

Девочка была уже в конце коридора, когда входная дверь вдруг распахнулась... На пороге, моргая от удивления, стоял отец О'Брайен.

В то же мгновение Крисси поняла, что и ему нельзя верить. Раз он живет в том же доме, что и отец Каstellи, пришельцы, без сомнения, заронили и в него свои семена. Семена или споры, а, может быть, ввели в организм каких-нибудь слизистых паразитов или вселили злых духов, — в общем, то, что они используют для захвата и превращения землян. Как бы там ни было, отец О'Брайен, конечно же, не избежал этого, наверняка, и ему сделали какой-нибудь укол или впрыскивание.

Пути не было ни вперед, ни назад; направо, в гостиную, Крисси не хотела сворачивать — это был тупик, из которого не было выхода; оставалось только одно — и девочка сломя голову бросилась вверх по винтовой лестнице на второй этаж.

Внизу захлопнулась входная дверь.

Добежав до второго пролета, она услышала, как оба монстра, сопя, карабкаются вслед за ней.

Наверху тянулся коридор с белыми оштукатуренными стенами, с полом и потолком из темного дерева, по обеим сторонам которого шли двери комнат. Крисси промчалась в самый конец коридора и вбежала в спальню. Здесь не было почти никакой мебели — только широкая кровать под

белым покрывалом, тумбочка рядом с ней, книжный шкаф, полный разных книг и брошюр, да распятие на стене. Девочка захлопнула за собой дверь, но не стала искать замок и не попыталась забаррикадировать ее. На это уже не было времени, да им все равно понадобится не более нескольких секунд, чтобы взломать ее и ворваться в комнату.

Задыхаясь, отчаянно и беспрерывно бормоча: «Матерь-БожьяПомоги, МатерьБожьяПомоги...», Крисси бросилась к окну, задернутому изумрудно-зелеными шторами. Дождь струился по стеклу.

Преследователи были уже в коридоре; шаги их гулко разносились по всему дому.

Крисси дернула за ручки, пытаясь поднять раму. Она не поддавалась. Девочка дернула за шпингалет и обнаружила, что он уже открыт.

В дальнем конце коридора чудовища распахивали все двери подряд, разыскивая ее.

Окно открывалось туго — то ли прилипшая краска склеила рамы, то ли они разбухли от сырости. Крисси сделала шаг назад.

Дверь затрещала, послышалось глухое рычание.

Не оглядываясь, девочка притнула голову, закрыла лицо руками и бросилась в оконный проем; интересно, можно ли разбиться насмерть, прыгая с такой высоты, — мелькнуло у нее в голове. Все зависит от того, куда она приземлится. Хорошо, если на мягкую траву. На тротуар — гораздо хуже. Но, конечно, хуже всего — на острые прутья железной ограды двора.

В воздухе еще слышался звон разбитого стекла, когда Крисси ударилась о крышу крыльца, находившуюся всего лишь в двух метрах под окном — ей повезло, это было настоящее чудо, — она почти не ушиблась и даже не порезалась; непрестанно бормоча: «МатерьБожьяСпаси и Помилуй», девочка покатилась по шиферной крыше, стараясь как можно скорее добраться до края. Она остановилась, ухватившись за край водосточной трубы, и, подняв голову, взглянула на окно.

Ужасный монстр — помесь человека и волка — вылезал вслед за ней.

Крисси отпустила руки и спрыгнула. Она приземлилась на бетонную подъездную дорожку; ей показалось, что от

удара все внутренности у нее сотряслись, а крепко сжатые зубы чуть не раскрошились на мелкие кусочки; упав, она сильно поцарапала одну руку о шершавый бетон.

Но жалеть себя и хныкать было некогда. Она вскочила на ноги и, преодолевая боль, повернула в сторону улицы.

К сожалению, она спрыгнула не со стороны фасада. Справа от нее тянулась задняя стена собора, а дальше двор окружала высокая кирпичная стена.

Эта стена и деревья, росшие по обеим сторонам от нее, мешали ей разглядеть соседние дома, а, значит, и люди, которые в них жили, тоже не могли ее увидеть, даже если бы они и выглянули из своих окон.

Замкнутое, уединенное положение дома объясняло, почему оборотень решился выскочить за ней на крышу и продолжать преследование при свете хоть и серенького, и хмурого, но все же дня.

Первое, что пришло Крисси в голову, — вернуться в дом и через кухню и коридор выскочить на улицу, так как именно этого они, конечно, меньше всего могли ожидать. Однако, она тут же одернула сама себя: «Ты что, с ума сошла?»

Звать на помощь тоже было бесполезно. К тому же сердце ее так колотилось, что, казалось, вот-вот выскочит из груди, она едва дышала, воздуха хватало только-только, чтобы не потерять сознание и остаться на ногах. На крик ее уже просто не хватило бы. Да если даже соседи и услышат ее, то, пока они выглянут, пока разберутся, кто это и откуда их зовет, ее успеют либо разорвать на части, либо превратить, потому что драгоценные секунды и остатки сил будут истрачены на бесполезный крик.

Вместо этого, слегка прихрамывая, — прыгая, она растянула левую ногу и теперь старалась ступать на нее как можно осторожнее, — девочка побежала вдоль стены, окружавшей двор. Она понимала, что не сможет достаточно быстро перелезть через стену в семь футов высотой — на ногу больно было ступать, ободранную руку жгло, как огнем, — поэтому всю надежду она возлагала на деревья; она высматривала, не найдется ли какого-нибудь дерева, которое бы росло у самой стены, так чтобы можно было, взобравшись по его ветвям, перебраться в переулок или в чей-нибудь сад.

Слыша за спиной бешеный рев, перекрывавший монотонный шум дождя, Крисси осмелилась обернуться. Без брюк и ботинок, в одних лохмотьях, оставшихся от рубашки, существо, еще недавно бывшее отцом О'Брайеном, а теперь больше напоминавшее волка, прыгнуло с крыши крыльца и устремилось к ней.

В этот момент Крисси наконец-то увидела подходящее дерево, но секунду спустя она заметила в стене калитку, которая раньше была скрыта от нее зарослями кустарника.

Задышавшись, пригнув голову и поплотнее прижав руки к бокам, она, как стрела, понеслась к калитке. Рывком отдернув задвижку, девочка выбежала на улицу. Свернув налево, в сторону Джейкоби Стрит, она помчалась прямо по лужам и, только добрав до конца квартала, отважилась обернуться.

Сзади никого не было; переулок был пуст.

Дважды Крисси попадала в руки припелыхцев, и дважды ей удалось спастись. Она чувствовала, что на третий раз удача может от нее отвернуться.

10

Сэм проснулся от тихого позвякивания и шороха в кухне, не проспав в общей сложности и четырех часов. Было около девяти утра. Он сел на диване, протирая глаза. Потом надел ботинки, повесил через плечо кобуру и спустился в холл.

Тэсса Локлэнд, тихонько напевая, ставила на полочку у плиты кастрюльки, миски и сковородки, раскладывала продукты, собираясь готовить завтрак.

— Доброе утро, — она радостно улыбнулась вошедшему на кухню Сэму.

— Вы находите, что оно доброе? — спросил Сэм.

— Вы только послушайте, какой дождь! В дождь я всегда чувствую себя особенно чистой и свежей.

— А меня он угнетает.

— Это же так прекрасно — сидеть в чистой и светлой кухне, когда на улице завывает ветер и хлещет дождь, а у тебя здесь тепло и уютно!

Сэм поскреб свою небритую щетину: — Все это мелочи. Для меня это не звучит слишком убедительно.

— Ладно, во всяком случае, мы все еще живы, это уже хорошо!

— Ну еще бы!

— Боже милостивый! — Тэсса грохнула пустую сковороду на плиту и сердито взглянула на Сэма. — Неужели в ФБР все агенты такие?

— Какие?

— Неужели они все такие зануды?

— Я не зануда.

— Да вы просто классический мрачный тип.

— Жизнь не праздник и не карнавал.

— Разве?

— Жизнь — это тяготы и невзгоды.

— Не спорю; но и карнавал тоже.

— Интересно, все операторы-документалисты такие, как вы?

— Какие же?

— С воздушным шариком вместо головы.

— Вот еще. У меня не воздушный шарик.

— Вот как? Неужели?

— Можете не сомневаться.

— Мы загнаны в ловушку; нам не выбраться из этого города, где все нереально, где неизвестные существа разрывают людей на части, где ночью по улицам бродят упыри-привидения, а какой-то сумасшедший компьютерный гений вывернул всю биологию наизнанку, и где нас, весьма вероятно, или убьют, или превратят еще до того, как наступит полночь, и вот я вхожу на кухню и вижу, как вы улыбаетесь, веселая и оживленная, и напеваете какую-то песенку из «Битлз».

— Это не «Битлз».

— Вот как?

— «Роллинг Стоунз».

— А что, есть какая-нибудь разница?

Тэсса вздохнула: — Послушайте, если вы собираетесь помочь мне съесть завтрак, помогите-ка мне сначала приготовить его, вместо того, чтобы стоять в стороне с унылым видом.

— Ну что ж, прекрасно, что прикажете делать?

— В первую очередь, включите переговорное устройство

и узнайте, проснулся ли Гарри. Скажите ему, что завтрак будет готов через... хм... через сорок минут. Блинчики, яйца и жареная ветчина кусочками.

Сэм нажал на кнопку: «Хэлло, Гарри.» Тот ответил сразу — он уже не спал. Он ответил, что примерно через полчаса спустится вниз.

Сэм повернулся к Тэссе:

— Что дальше?

— Достаньте из холодильника яйца и молоко, только, Бога ради, не заглядывайте в пакеты!

— Почему?

Тэсса усмехнулась:

— Яйца протухнут, а молоко скиснет.

— Чрезвычайно остроумно.

— Я тоже так думаю.

Приготавливая тесто для блинчиков из того, что имелось под рукой, разбив шесть яиц в тарелку, так чтобы можно было сразу выпить их на сковороду, дав Сэму накрошить лук и нарезая ветчину ломтиками, Тэсса непрерывно напевала себе под нос то мелодии Патти Лабэль, то сестер Пойнтер. Сэм знал, чье это, так как она каждый раз объявляла новую песню, словно диск-жокей на молодежной дискотеке, возможно, желая пополнить его знания в этой области, а, может, просто расшевелить его. Занимаясь стряпней и мурлыча разные песенки, Тэсса умудрялась еще и приплясывать на месте, покачивая бедрами, изгибаясь и прищелкивая пальцами, всей душой отдаваясь мелодии и ритму.

Она искренне наслаждалась, и в то же время Сэм знал, что она поддразнивает его, подсмеивается над ним и получает от этого удовольствие. Он старался не поддаваться, не отвечал на ее улыбки, сохраняя все то же серьезное, даже мрачное выражение лица, однако было чертовски трудно не поддаться ее очарованию. Волосы Тэссы слегка растрепались, и личико было чистое, без каких-либо следов косметики, джинсы и свитер помялись, оттого что она спала не раздеваясь, но этот взъерошенный вид делал ее еще более привлекательной.

Время от времени она прерывала свое пение, чтобы спросить его о чем-нибудь, но, слушая его ответы, продолжала напевать и пританцовывать.

— Вы уже придумали, как нам выбраться из этой мышеловки?

— Есть одна идея.

— Патти Лабэль, «New Attitude», — объявила Тэсса. — Вы намерены держать эту свою идею в глубокой тайне от нас, или все-таки поделитесь?

— Да нет, это не секрет, но прежде я хотел бы поговорить с Гарри, получить от него кое-какие сведения. За завтраком я вам обоим все расскажу.

Сэм склонился над столом, отрезая тонкие ломтики сыра от большого куска «Чеддера».

— А почему вы сказали, что жизнь — это тяготы и невзгоды? — спросила Тэсса, прервав какую-то слишком длинную песню.

— Потому что так оно и есть.

— Но в жизни так много интересного...

— Нет.

— ... и прекрасного...

— Ни капли.

— ... надежд и возможностей...

— Чепуха.

— Неправда, это так.

— Совсем нет.

— Да, так.

— Отнюдь нет.

— Отчего вы все время отрицаете?

— Мне так нравится.

— А почему вам так нравится?

— О, Боже, вы невыносимы!

— Сестры Пойнтер, «Neutron Dance», — Тэсса снова запела и, покачиваясь в танце, собрала яичную скорлупу и другие очистки и выбросила все это в мусорное ведро. Потом остановилась на минутку, только чтобы задать следующий вопрос: — Что произошло в вашей жизни, что могло так подействовать на вас, чтобы жизнь стала казаться вам такой тяжелой и безрадостной?

— Вам неинтересно будет слушать об этом.

— Нет, интересно.

Сэм закончил резать сыр и, отложив нож, взглянул на нее:

— Вам действительно хочется знать?

— Очень даже.

— Моя мать погибла в автомобильной катастрофе, когда мне было всего семь лет. Я был с ней в машине и, когда очнулся, не мог вылезти из-под обломков и больше часа провел с ней лицом к лицу, глядя в черную дыру, оставшуюся на месте ее глаза; вся правая сторона ее лица была изуродована, вдавлена внутрь. После этого мне пришлось жить с отцом, с которым она развелась еще раньше; это был настоящий сукин сын, законченный алкоголик; невозможно передать, сколько раз он избивал меня, изводил всякими угрозами, издевался надо мной, привязывая к стулу и оставляя так на кухне на долгие часы, пока я уже не мог больше терпеть и напускал в штаны, и тогда он, наконец, приходил, отвызывал меня и, увидев, что я наделал, бил опять, уже за это.

Сэм и сам был удивлен, слыша, как все эти слова, словно помимо его воли, вылетают из него; будто открылись шлюзы его подсознания, столько лет сдерживаемые, и вся муть и накипь этих лет хлынула наружу.

— Я ушел из этого дома, как только окончил школу; два года я проучился в колледже, подрабатывая, живя в дешевых меблированных комнатухах, где каждую ночь мою постель осаждали полчища тараканов; затем, при первой же возможности, поступил на работу в Бюро. Я пошел туда, потому что хотел видеть мир справедливым и самому внести в него хоть частичку этой справедливости; возможно, мне так хотелось этого именно потому, что в моей собственной жизни было так мало света и доброты. Однако, я обнаружил, что более чем в половине случаев правда, вместо того, чтобы торжествовать, оказывается побежденной. Подонки выходят сухими из воды, несмотря на все твои усилия; ты не можешь справиться с ними, так они хитры и изворотливы, и они пользуются любыми методами, а ты, хоть и понимаешь, что на такой работе без этого не обойтись, не можешь себе этого позволить. В то же время ты постоянно видишь всю грязь нашего общества, ты словно стараешься очистить его от нечистот и отбросов, от всяческих мерзавцев и подонков, и это накладывает на тебя отпечаток, заражая цинизмом; все люди становятся тебе противны, тебя начинает тошнить от них!

Сэм говорил все это очень быстро, почти задыхаясь.

Тэсса больше не пела.

Он перевел дыхание и продолжал все с той же, несвойственной ему горячностью, торопясь все высказать, так что фразы почти сливались друг с другом.

— И моя жена умерла, Карен, она была чудесная, вам бы она понравилась, вы наверняка полюбили бы ее, ее все любили, но она заболела раком и умерла; она умирала тяжело, мучительно, она ужасно страдала; это было совсем не так, как умирают героини фильмов — с легким вздохом и тихой прощальной улыбкой на устах — нет, это была долгая и страшная агония. Потом я потерял и сына. О, не думайте, он жив, ему сейчас шестнадцать лет, когда умерла его мать, ему было девять, а теперь уже шестнадцать, и он жив и здоров и физически и умственно, но нравственно он мертв, кажется, будто сердце его сторе́ло, и от него остались только холодные черные угли, все у него внутри, в душе, пусто, холодно и темно, чертовски темно. Он обожает компьютеры и разные компьютерные игры и телепередачи, и он слушает блэк-метал. Вы знаете, что такое блэк-метал? Это тяжелый металлический рок с жуткой гримасой сатанизма, и эта музыка ему нравится, потому что она внушает ему, что не существует никаких нравственных ценностей, что все в мире относительно, и его отчуждение — нормально, и его холодное безразличие ко всему на свете тоже нормально, и вообще хорошо все то, что кажется хорошим и правильным ему самому, все, что доставляет ему удовольствие. Знаете, что он сказал мне однажды?

Тэсса молча покачала головой.

— Он сказал: «Люди не представляют собой никакой ценности, их не следует принимать в расчет. Важны только вещи. Деньги, например, это важно, они нужны, или виски, или мой маг, но сам я — ничто». Он сказал еще, что «атомная бомба — это ужасно, потому что она может уничтожить все эти прекрасные вещи, но вовсе не потому, что при этом погибнут и люди; что люди? Просто скверные животные, загрязняющие этот великолепный мир вещей». Это его собственные слова, так он думает, он совершенно убежден в том, что он прав, и даже привел мне доказательства. Можно увидеть иногда, как люди толпятся вокруг какой-нибудь новой машины, например, вокруг «порше», восхищаясь ею,

и по выражению их лиц видно, что они гораздо больше заботятся о машине, чем друг о друге. Причем, они восторгаются вовсе не результатом человеческого труда, они даже не думают о тех, кто создал этот автомобиль. Глядя на них и слушая их возгласы, можно подумать, что этот «порше» живой, что он вырос из земли или как-нибудь сам возник, без всяких усилий со стороны человека. Он кажется им прекрасным сам по себе, независимо от того, сколько человек думали и работали над ним; никто не смотрит на эту машину, как на высочайшее достижение инженерной мысли, плод труда и усилий многих людей. Автомобиль кажется им более живым, реальным и ценным, чем они сами. Они словно бы заряжаются от него энергией, впитывая в себя ее плавные изящные линии, наслаждаясь мыслью о том, что этот мощный и умный механизм послушен их рукам, их воле... Таким образом, машина становится чем-то гораздо более важным и значительным, чем любой из тех, кто ею восхищается.

— Чупь! — убежденно воскликнула Тэсса.

— Да, но он-то так не думает. Я и сам понимаю, что это чепуха, и я пытался спорить с ним, хотел доказать ему, что он не прав, но у него на все есть ответ, по крайней мере, ему так кажется. И иногда я задаю себе вопрос: что, если бы сам я не чувствовал такого отвращения к жизни и к людям, быть может, тогда мои доказательства были бы более убедительными. Если бы я был не я, а совсем другой человек, — смог бы я тогда спасти своего собственного сына?

Сэм остановился.

Он почувствовал, что его трясет.

С минуту они молчали.

Потом он добавил:

— Вот почему я считаю эту жизнь тяжким, иногда почти непосильным бременем.

— Мне очень жаль, Сэм. Простите меня, — Тэсса не знала, что ей сказать.

— Вы тут ни при чем, вы ведь ни в чем не виноваты.

— Вы тоже.

Сэм завернул остаток сыра в целлофан и положил в холодильник, а Тэсса снова занялась тестом для блинчиков.

— Но ведь у вас была Карен, — осторожно начала она. — Значит, в вашей жизни тоже были и радость, и любовь.

— Конечно.

— Но тогда...

— Все это кончилось; ушло вместе с ней.

— Ничто не может длиться вечно.

— Именно так я и думаю.

— Но это не значит, что мы не можем наслаждаться своим счастьем, пока оно у нас есть. Если вы всегда заглядываете вперед и думаете, что вот — радость не вечна, и придет время, когда все это кончится и пройдет, — вы не сможете получать никакого удовольствия от жизни.

— Вот то-то и оно; и я так считаю, — повторил Сэм.

Тэсса отложила в сторону большую деревянную ложку, которой она размешивала тесто, и взглянула на него:

— Но это неправильно. То есть я хочу сказать — в жизни так много бывает счастливых, радостных, чудесных минут,... и если мы не наслаждаемся моментом, если мы не умеем отключиться от мыслей о будущем, о том, что последует за ним, и просто быть счастливыми, тогда у нас не останется никакой памяти об этих минутах радости, и ничто не поддержит нас, когда действительно настанут черные дни, — у нас не будет никакой надежды.

Сэм молча смотрел на нее, восхищенный ее красотой и жизненной энергией. Но потом он подумал, как она будет с годами стареть, одряхлеет и в конце концов умрет, как все и всё умирает в этом мире, и смотреть на нее стало для него невыносимо. Он отвернулся к залитому дождем окну.

— Ну, что ж, простите, что я расстроил вас, но вы ведь сами этого хотели. Вам непременно хотелось узнать, как я стал таким мрачным типом.

— О, нет, вы не мрачный тип, — возразила Тэсса. — Такого определения явно недостаточно. Вы, Ваше Превосходительство, — мистер Страшный Суд.

Сэм только пожал плечами, и они снова занялись приготовлением завтрака.

11

Вырвавшись из дома священника, Крисси около часа бродила по городу, раздумывая, что ей делать дальше. Раньше у нее был план пойти к учительнице, миссис Токаве, и

все рассказать ей, в том случае, конечно, если отец Каstellи ей не поможет. Но теперь девочка чувствовала, что нельзя верить никому, даже учительнице. После того, что она увидела у священников, Крисси поняла, что пришельцы, видимо, начали свое завоевание города с того, что подчинили себе всех более или менее значительных и уважаемых людей, пользующихся хоть какой-то властью и авторитетом в Мунлайт Коувe. Естественно, их первыми жертвами должны были стать священники, полицейские, ну и, конечно, школьные учителя.

Блуждая по улицам, Крисси то проклинала дождь, то, наоборот, благодарила Бога за то, что день выдался такой дождливый. Ее кроссовки, джинсы, фланелесвая рубашка, — все опять промокло насквозь, и она все сильнее чувствовала холод, пробиравший ее до костей. Зато в такое хмурое, дождливое утро люди предпочитали сидеть дома, да и сама сетка дождя ухудшала видимость, создавая хоть какое-то прикрытие. Ветер улегся, и тонкие струйки тумана опять потянулись с моря; туман теперь был почти прозрачный, не то что ночью, когда он колыхался густыми белыми волнами; сейчас только тонкая кисея свисала с ветвей деревьев; однако и этого было достаточно, чтобы одинокой маленькой девочке легче было укрыться на враждебных, грозящих опасностью улицах.

Гроза тоже утихла, не было больше ни вспышек молний, ни раскатов грома, так что Крисси могла не бояться, что какой-нибудь внезапный удар молнии в мгновение ока превратит ее в жаркое.

«МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА, ПОДЖАРИВШАЯСЯ ОТ УДАРА МОЛНИИ, ПОКРЫТАЯ РУМЯНОЙ, ХРУСТЯЩЕЙ КОРОЧКОЙ, БЫЛА СЪЕДЕНА ИНОПЛАНЕТЯНАМИ. ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ КОСМОСА ПРЕДПОЧИТАЮТ ГАРНИР ИЗ КАРТОФЕЛЯ. «ЭТО БЫЛ НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ВКУС, — ПРИЗНАЛАСЬ МАРСИАНСКАЯ КОРОЛЕВА, — ВОТ ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЛО ЛУКОВОГО СОУСА».

Крисси скрывалась в узких переулках и на задних дворах, переходила улицы только в случае крайней необходимости и старалась делать это как можно быстрее, так как то и дело замечала людей с угрюмыми лицами и острым,

пронизывающим взглядом, выглядывающих из медленно движущихся автомобилей; очевидно, это был патруль. Два раза она едва не наткнулась на них в переулке, бросаясь в укрытие прежде, чем они успевали ее заметить. Примерно через четверть часа после того, как ей удалось спастись от погони, девочка обнаружила, что число патрульных — и в машинах, и без них — увеличилось; они прибывали, как вода во время прилива. Больше всего ее пугали пешие патрули. Они шныряли по улицам, разделившись по двое, в своих гладких серых плащах, сливаясь с пеленой дождя; от них труднее было скрыться, чем от патрульных машин, и больше всего Крисси боялась наткнуться на них неожиданно.

Она стала все дольше оставаться в укрытиях, стараясь поменьше высовывать нос на улицу. Один раз она укрывалась за мусорными баками; потом спряталась под громадной елью, росшей около пивоварни; ель была густая, разлапистая, ее нижние ветви почти касались земли, словно она надела длинное — до полу — бальное платье, и под ними было темно и довольно сухо. Дважды девочка заползала под чьи-то машины и некоторое время лежала, отдыхая под ними.

Но она старалась не оставаться подолгу на одном месте, так как она опасалась, что какой-нибудь монстр, превращенный прихвильцами, мог заметить, как она спряталась там, и вызвать полицию; тогда ей конец.

К тому времени, как Крисси добежала до пустыря за похоронной конторой Калана на Джонишер Лэйн и забралась в заросли кустарника, спрятавшись среди густой травы и оплетившегося своими колпачками чапарраля, она начала приходить в отчаяние, сомневаясь, есть ли вообще хоть один человек в этом городе, к кому она могла бы обратиться за помощью; у нее уже почти не оставалось надежды.

Гигантская пихта раскинула свои ветви, прикрывая чуть ли не половину пустыря, и девочка оказалась как раз под ее прикрытием, так что дождь теперь не слишком досаждал ей. Но главное — в высокой траве, затененной сверху игольчатými лапами, Крисси была хорошо скрыта от посторонних глаз; если бы даже кто-то прошел по улице или выглянул из окна соседнего дома, он не смог бы ее увидеть.

Тем не менее, девочка то и дело приподнимала голову, быстро озираясь вокруг, чтобы удостовериться, что никто не подкрадывается к ней. Оглядывая переулок и пустырь за спиной, Крисси заметила угол большого деревянного дома со множеством окон, выходящих на Конкистадор Авеню. Она вспомнила человека, который в нем жил, — Гарри Тальбота, инвалида, прикованного к креслу на колесиках.

В прошлом году он приходил к ним в школу, в пятые и шестые классы, во время Недели Знаний. В основном, все эти беседы были напрасной потерей времени, но его было интересно послушать. Он говорил с ними о трудной жизни и в то же время об удивительных способностях людей, лишенных возможности двигаться.

Сначала Крисси было его жалко, она чуть не заплакала от жалости, глядя на него, сидящего в инвалидном кресле, на его беспомощное парализованное тело и единственную подчинявшуюся ему руку, на голову, постоянно склоненную к одному плечу, — было невыносимо смотреть на все это — просто сердце разрывалось. Но по мере того, как он говорил, это впечатление исчезало; она обнаружила, что у этого человека удивительное чувство юмора, что он как нельзя более далек от того, чтобы хныкать над собой и своими несчастьями, так что жалеть его казалось довольно велепым. Им разрешили задать ему вопросы, и он охотно рассказывал им о своей жизни, о ее печалих и радостях, так что Крисси, наконец, была совершенно покорена его мужеством, волей к жизни и восхищалась им, как самым настоящим героем.

А его громадный ученый пес Муз был просто великолепен.

Выглядывая теперь из мокрой, блестящей под каплями дождя травы и посматривая в сторону его большого, красивого дома из дерева и стекла, Крисси размышляла, был ли Гарри Тальбот тем единственным человеком в Мунлайт Коуве, к которому она могла обратиться за помощью.

Пару минут она раздумывала, все так же оставаясь в своем укрытии.

Без сомнения, прикованный к креслу калека был последним человеком в городе, на которого инопланетяне могли обратить внимание, если они вообще надумают им заняться.

Она тут же устыдилась своих мыслей, ведь инвалид —

это совсем не значит человек второго сорта. Он мог точно так же понадобиться пришельцам, как и все остальные люди.

К тому же... кто знает, как пришельцы относятся к увечным? Чего можно от них ожидать? Они ведь все-таки инопланетяне, и в их галактике, там, откуда они прилетели, могут быть совсем другие взгляды и ценности. Если они разгуливают среди людей, сея в них свои семена и споры или заражая их какими-то неизвестными микробами, да вдобавок еще и питаются человеческим мясом, вряд ли можно ожидать от них надлежащей вежливости и уважительного отношения к инвалидам; пожалуй, это все равно, что надеяться на то, что они будут помогать старушкам переходить через улицу.

Гарри Тальбот...

Чем больше Крисси думала о нем, тем больше крепла в ней уверенность, что он, скорее всего, не подпал еще под влияние ужасных пришельцев.

12

Получив столь мрачное прозвище, как мистер Страшный Суд, Сэм отвернулся от Тэссы и побрызгал маслом сковородку.

Тэсса в это время поставила в духовку большую тарелку; туда она будет выкладывать готовые блинчики, чтобы они не остыли до завтрака.

После этого тоном, который убедил ее, что она не намерена отступаться и хочет заставить его по-другому взглянуть на жизнь, увидеть ее не в таком мрачном свете, Тэсса начала:

— Скажите...

— Не могли бы вы оставить эту тему?

— Нет.

Сэм вздохнул.

— Если жизнь кажется вам такой уж непереносимой, то почему бы вам...

— Не покончить с ней?

— Да, почему?

Сэм горько усмехнулся:

— Когда я ехал сюда из Сан-Франциско, я как раз играл сам с собой в такую забавную игру — составлял список ценностей, ради которых стоит жить. Я насчитал всего четыре, но, как видите, этого оказалось достаточно, раз я все еще здесь.

— И какие же это ценности?

— Одна из них — хорошая мексиканская кухня.

— Согласна; а что еще?

— Номер два — пиво «Гиннесс Стаут».

— Я больше люблю «Хайнекен Дак».

— Оно не плохое, не спорю, но оно не может стать причиной оставаться в живых. Вот «Гиннесс» — это да, это достойная причина.

— А какой третий номер?

— Голди Хоун.

— Вы знакомы с Голди Хоун?

— Я видел ее только на экране. Может быть, так даже лучше, вдруг я разочаровался бы, познакомившись с ней поближе. Я говорю о том образе, который она создает в своих фильмах, об идеале.

— Она — девушка вашей мечты, не так ли?

— И не только это. Она... о, черт, не знаю, как это выразить... жизнь словно совсем не коснулась ее, будто она никогда не знала ни бед, ни разочарований, она вся такая жизнерадостная, и счастливая, и наивная, и... веселая.

— Вы надеетесь когда-нибудь встретиться с ней?

— Вы смеетесь надо мной?

— Знаете что? — сказала Тэсса.

— Что?

— Если бы вы все-таки встретились с Голди Хоун, и она пошла бы с вами на вечеринку, и смеялась бы, и шутила так очаровательно, как она это умеет, вы даже не узнали бы ее.

— Что вы говорите? Конечно, узнал бы.

— Нет, вы бы ее даже не заметили. Вы с головой ушли бы в свои унылые размышления о том, как паскудна, отвратительна, тяжела, несправедлива, жестока, беспросветна и бессмысленна жизнь, и вы даже не поняли бы, что долгожданная минута, наконец, настала. Вы не смогли бы ею насладиться. Вы закутались бы в свою угрюмость, словно в саван, и не увидели бы, кто перед вами. Ну, а какова же,

по-вашему, четвертая причина продолжать мучиться здесь, на Земле?

Сэм на мгновение заколебался.

— Страх смерти.

Тэсса удивленно заморгала:

— Не понимаю. Если вы считаете жизнь такой ужасной, почему же вы тогда боитесь умереть?

— Я уже прошел через это, я едва не переступил через последнюю черту, отделяющую жизнь от смерти. Мы делали операцию, извлекали из груди пулю, и я едва не отдал концы. Я как будто вылетел из собственного тела, поднялся к потолку, некоторое время смотрел на хирургов — они продолжали возиться с моей оболочкой, оставшейся на столе; потом я обнаружил, что меня со страшной скоростью несет по темному туннелю, все быстрее и быстрее, к ослепительному свету, сиявшему в конце — отличный сценарий для фильма, а?

Тэсса была поражена и заинтригована. Ее ясные голубые глаза расширились от напряженного ожидания:

— Ну, и?...

— Я увидел, что лежит там, за чертой.

— Вы говорите серьезно?

— Как нельзя более серьезно.

— Вы утверждаете, что вы знаете, вы сами видели, что существует другая жизнь, жизнь после смерти?

— Да.

— Бог?

— Да.

— Но если вы уверены, что есть Бог и что мы продолжаем жить даже тогда, когда уйдем из этого мира, тогда жизнь для вас должна иметь цель, иметь смысл.

— Ну и что?

— А то, что именно бессмысленность, неуверенность в том, что существует какое-то продолжение, порождает обычно уныние и депрессию. Большинство из нас, если бы мы пережили то, что случилось с вами... мы никогда бы уже не тревожились о будущем. Зная точно, что есть другая жизнь, что все не кончается с нашим последним вздохом, мы чувствовали бы, что жизнь имеет смысл; это знание давало бы нам силу противостоять любым несчастьям и

невзгодам. Так что же с вами, мистер, в чем дело? Почему, пережив такое, вы не нашли ответа на все свои вопросы? Белены вы объелись, что ли?

— Белены?

— Ответьте на мой вопрос.

Послышался щелчок и гудение поднимающегося снизу лифта.

— Это Гарри, — сказал Сэм.

— Ответьте мне, — повторила Тэсса.

— Ну, скажем так — то, что я там увидел, отнюдь не вселило в меня надежду. Это было ужасно, у меня просто волосы встали дыбом... Не могу, не хочу об этом вспоминать.

— Ну, не томите же, говорите скорее, — что вы увидели там, на Той Стороне?

— Если я скажу вам об этом, вы сочтете меня сумасшедшим.

— В таком случае вам нечего терять. Можете говорить смело — я и так считаю, что вы сумасшедший.

Сэм вздохнул и покачал головой. И зачем только он начал говорить обо всем этом? Как ей удалось залезть к нему в душу, вытянуть из него всю подноготную?

Лифт дошел до второго этажа и остановился.

Тэсса подошла к Сэму вплотную:

— О Боже, скажите же, наконец, что вы увидели?

— Вы все равно не поймете.

— Вы что же, считаете меня слабоумной?

— Нет, конечно. Вы поймете то, что я видел, но не сможете понять, что это значило для меня.

— А вы сами-то понимаете, что это для вас значит?

— О, да, — ответил Сэм серьезно, почти торжественно.

— Ну как, признаетесь добровольно или я сейчас возьму вон ту большую вилку для мяса и начну вас пытаться?

Лифт начал спускаться со второго этажа.

Сэм взглянул в сторону холла:

— Честное слово, мне не хотелось бы говорить об этом.

— Ах вот как, вы не хотите?

— Да.

— Вы собственными глазами видели Господа Бога и не хотите об этом говорить!

— Вот именно.

— Большинство людей, которые видели то же, что и вы, не желают после этого говорить ни о чем другом. Это становится для них единственным предметом разговора. Те, кто хоть однажды видел Бога, основывали потом целые религиозные течения на этой единственной встрече, они рассказывали об этом миллионам людей.

— Прекрасно, но я...

— Я читала, что люди, испытавшие то же, что и вы, заглянувшие за черту, обычно сильно меняются, становятся совсем другими. И, между прочим, всегда к лучшему. Пессимисты становятся оптимистами, атеисты — верующими. Происходит своего рода переоценка ценностей, они начинают понимать, что жизнь можно любить независимо ни от чего, саму по себе, они просто любят жизнь! Они просто сияют от счастья, что все еще живут на этом свете. Но не вы. О нет, вы, напротив, стали еще более угрюмым, еще более мрачным и унылым.

Гудение прекратилось; лифт остановился на нижнем этаже.

— Гарри приехал, — сказал Сэм.

— Скажите мне, что вы видели.

— Может быть, я и скажу вам, — медленно произнес Сэм, удивляясь, что он, кажется, действительно хотел бы поговорить с ней об этом; не сейчас, конечно, а в более подходящее время и в более подходящем месте. — Да, возможно, и именно вам. Но позднее.

Муз вбежал в кухню, посапывая и глядя на них ласковыми, умными глазами. Вслед за ним показался Гарри в своем кресле.

— Доброе утро, — он радостно улыбнулся Сэму и Тэссе.

— Как вам спалось? — спросила Тэсса, так тепло и нежно улыбнувшись ему в ответ, что у Сэма внутри что-то защемило — ему вдруг очень захотелось, чтобы эта улыбка была обращена к нему.

— Спал как убитый, — ответил Гарри, — однако, слава Богу, еще жив.

— Блинчики? — предложила Тэсса.

— Гору, пожалуйста.

— Яйца?

— Дюжинами.
— Жареный хлеб?
— Буханками.
— Люблю, когда у мужчины хороший аппетит.
— Еще бы, я бегал всю ночь, так что теперь голоден, как волк — ничего удивительного! — засмеялся Гарри.
— Бегали?
— Во сне. Мне снилось, что за мной гонятся упыри-привидения.

Пока Гарри доставал пакет с собачьей едой, стоявший под одной из полочек, и выкладывал его содержимое в миску Муза, Тэсса вернулась к плите, еще раз побрызгала маслом сковородку и зачерпнула ложку теста из миски.

— Патти Лабэль, — объявила она минуту спустя, — «Stir It Up», — и снова начала напевать и пританцовывать на месте.

— О! — воскликнул Гарри, — я могу включить музыку, если хотите!

Он подъехал к маленькому радиоприемнику, установленному под одной из полочек, — ни Сэм, ни Тэсса сразу его не заметили, повернул ручку и стал искать подходящую волну; наконец, из динамика полилась музыка — Глэдис Найт и «The Pips» исполняли песню «I Heard It Through the Grapevine».

— Отлично, — одобрила Тэсса и принялась подпрыгивать, приседать и покачиваться в таком стремительном темпе, что Сэм не успевал удивляться, как это ей удастся выпекать такие аккуратные блинчики.

Гарри смеялся и кругами, словно танцуя, разъезжал по кухне.

— Эй, люди, вы что, забыли, что вокруг нас все рушится и наступает конец света? — окликнул их Сэм.

Но они не обращали на него внимания; и поделом ему, — тут же подумал Сэм.

13

Петляя, надеясь, что дождь и туман послужат ей достаточным прикрытием, прячась в тень, где только было возможно, Крисси добралась, наконец, до переулочка, выйдя-

шего на Конкистадор Авеню. Она вбежала на задний двор дома Тальбота и, перебегая от одной группы кустов к другой, два раза чуть не наступив в собачьи кучки, — Муз был, конечно, замечательным псом, но не без недостатков, — поднялась, наконец, на заднее крыльцо.

Из дома доносилась музыка. Мелодия была старая, тех времен, когда ее родители были еще совсем молодыми. И это как раз была одна из их любимых песен. Названия Крисси не помнила, зато она вспомнила группу, которая ее исполняла, — «Все звезды» с Джуниором Уолкером. Надеюсь, что музыка и беспрерывно барабанивший дождь заглушат все звуки, девочка осторожно, на цыпочках, подобралась к ближайшему окну. Она пригнулась под подоконником и стала прислушиваться к тому, что происходит внутри. Там разговаривали о чем-то, слова часто перемежались смехом, иногда кто-то подпевал певцам.

Все это совсем непохоже было на поведение инопланетян. Так могли вести себя только обыкновенные люди.

Интересно, нравится ли пришельцам Стиви Уандер и «Фо Топс» или Сестры Пойнтер? Вряд ли. А их музыка для человеческого уха, вероятно, звучала бы, как оркестр рыцарей, скатывающихся в своих доспехах вниз по лестнице, наигрывая при этом на волынках, и окруженных сворой воющих гончих псов. Это были бы уже, пожалуй, не Сестры Пойнтер, а Сестры Какофон.

В конце концов Крисси осмелилась поднять голову и заглянуть в щелку между занавесками. Она увидела мистера Тальбота, Муза и еще двух каких-то незнакомых людей. Мистер Тальбот сидел в своем кресле на колесиках и здоровой рукой отбивал ритм на его подлокотнике; Муз весело махал хвостом в такт музыке. Незнакомый мужчина аккуратно, лопаточкой, снимал с двух сковородок яичницу и раскладывал ее по тарелкам, поглядывая при этом на женщину, быть может, не одобряя, как самозабвенно вся она отдалась песне, и в то же время сам ритмично притопывал ногой. Женщина пекла оладьи и тут же перебрасывала их на подогретую тарелку, стоявшую в духовке; все это она делала в танце — Крисси очень понравились ее плавные, изящные движения.

Крисси снова съехала под подоконником, обдумывая

все, что она увидела. Если эти трое были людьми, тогда их поведение совершенно нормально и естественно, но если они пришельцы... Неужели они могли бы приплясывать и напевать под музыку, готовя завтрак? Правда, у Крисси был уже горький опыт с отцом Каstellи, так что она имела случай узнать, что инопланетяне тоже могут обладать чувством юмора, шутить и смеяться, особенно когда выслеживают новую жертву или изобретают новые рецепты приготовления нежных маленьких девочек. Правда, у тех, за окном, не могло быть сейчас подобных целей.

Тем не менее, она решила подождать, пока они не сядут за стол. После того, что она слышала ночью, на лугу, когда за ней охотились ее мать и Такер, и после завтрака с мутантом, который притворялся отцом Каstellи, Крисси была уверена, что все инопланетяне — ужасные обжоры, каждый из них ест за шестерых. Таким образом, если Гарри Тальбот и его гости не будут вести себя за столом по-свински, можно будет, пожалуй, им довериться.

14

Лоуман Уоткинс оставался в доме Пэйсера, пока его люди наводили там порядок и загружали изуродованные, нечеловеческие тела регрессивных на катафалк Каллана. Он боялся оставить полицейских одних, опасаясь, что вид мутантов и запах крови могут побудить их к регрессии. Он знал теперь, что каждый из них, не исключая и его самого, ходит по тонкой проволоке, натянутой над пропастью. По той же причине он решил сопровождать катафалк до похоронной конторы и дожждаться, пока трупы Пэйсера и Шольника не превратятся в угли в белых, обжигающих языках пламени.

Время от времени Уоткинс проверял, как идут поиски Букера, Тэсы Локленд и девочки Фостеров, между делом отдавая распоряжения, меняя состав патрульных машин. Лоуман был в управлении, когда пришло сообщение от отца Каstellи; он немедленно отправился в собор Святой Девы Марии, чтобы самолично выслушать всю эту историю — как девочка могла ускользнуть от них. Все их объяснения были довольно слабы и неубедительны. Лоуман подо-

зревал, что им захотелось сначала позабавиться с девочкой, они регрессировали — просто так, ради удовольствия, — и, играя со своей жертвой, нечаянно упустили ее. Разумеется, они ни за что бы в этом не признались.

Уоткинс усилил патрули в близлежащем районе, но никаких следов девочки не было. Она точно сквозь землю провалилась. Ну ничего, если она осталась в городе, вместо того чтобы повернуть к шоссе, ее, несомненно, обнаружат и превратят, скорее всего, еще до наступления сумерек.

К девяти часам Лоуман вернулся к себе на Айсбэрри Уэй, собираясь позавтракать. Он ужасно похудел после того, как едва не регрессировал в забрызганной кровью спальне Пэйсера; одежда висела на нем, как на вешалке. Все эти процессы — уход в измененное состояние и отчаянное сопротивление, борьба за то, чтобы сохранить свой человеческий облик, — требовали громадного количества энергии.

В доме было по-прежнему темно и тихо. Дэнни, наверняка, так и сидит перед своим компьютером, на том самом месте, где он застал его прошлой ночью. Грэйс, конечно, уже ушла на работу — она учила детей в школе Томаса Джефферсона и должна была придерживаться обычного распорядка, пока все в Мунлайт Коув не пройдут через Превращение.

Детям до двенадцати лет до сих пор еще не были сделаны соответствующие инъекции, — отчасти потому, что работавшие над проектом технологи «Новой волны» никак не могли определить дозу лекарства, необходимого для их превращения. Теперь эти проблемы были решены, и сегодня ночью весь Мунлайт Коув — от мала до велика — станет обществом Новых Людей.

В кухне Лоуман с минутку постоял, прислушиваясь к монотонному шуму дождя за окном и тихому, размеренному тиканью часов.

Он налил себе стакан воды из-под крана, выпил его залпом, за ним второй, третий. После всего, что он пережил у Пэйсера, организм его был совершенно обезвожен.

Холодильник был до отказа забит ветчиной и жареной говядиной, индейкой и свиными котлетами, куриными грудками и сосисками, пакетами с копченой болонской колбасой и мороженым мясом. Стремительный обмен ве-

ществ, происходивший в организме Новых Людей, требовал усиленного питания, им нужна была пища, богатая протеином. Кроме того, им постоянно хотелось мяса.

Лоуман взял из хлебницы целый батон, положив на тарелку говядину, ветчину, поставил на стол банку с горчицей. Он с жадностью набросился на еду, хватая громадные куски мяса, разрезая их ножом или просто разрывая их руками и зубами, намазывал куски хлеба толстым слоем горчицы и заглатывал их, почти не прожевывая. Он больше не получал от еды такого тонкого наслаждения, как прежде; теперь ее запах и вкус вызывали в нем какое-то животное возбуждение, алчную, ненасытную прожорливость. В иные минуты он становился противен самому себе; ему неприятна была собственная звериная жадность, торопливое заглатывание кусков, но он ничего не мог с собой поделать — после каждой попытки остановиться, взять себя в руки, Лоуман еще яростнее набрасывался на еду. Он был словно в гипнотическом сне — его завораживал ритм его собственных мерно двигающихся челюстей, плавное, словно в хорошо отлаженном механизме, скольжение кусков по пищеводу. На какой-то момент в голове его ненадолго прояснилось, и он поймал себя на том, что уже достал из холодильника цыплячьи грудки и теперь с хрустом вгрызается в них, пожирая их прямо так — в сыром виде. Но он тут же позволил монотонному ритму жевания и заглатывания снова усыпить себя.

Покончив с едой, Лоуман поднялся наверх взглянуть на Дэнни.

В первый момент ему показалось, что в комнате ничего не изменилось с того времени, как он заходил сюда ночью. Шторы на окнах все так же были опущены, в комнате было совершенно темно, только от экрана компьютера струился зеленоватый свет. Дэнни сидел, погружившись в бесконечные строчки данных.

Но затем Лоуман заметил нечто такое, от чего волосы у него встали дыбом и по коже поползли мурашки.

Он закрыл глаза, надеясь, что это ему только привиделось.

Немного подождал.

Снова открыл их.

Нет, это был не сон.

Ему стало дурно; Лоуману хотелось выбежать в коридор, захлопнуть за собой дверь и забыть все, что он здесь увидел; убраться прочь, как можно дальше, скорее, прочь отсюда! Но он продолжал стоять, не двигаясь; он не мог пошевелиться, не мог отвести глаза.

Дэнни отключил клавиатуру и положил ее на пол, рядом со своим стулом. Он снял переднюю крышку компьютера; руки его лежали на коленях, но, пожалуй, их уже нельзя было назвать руками: пальцы странно вытянулись, ногтей вообще не было; вместо них торчали тонкие металлические провода, похожие на волоски электрической лампочки; извиваясь, они тянулись к компьютеру, исчезая где-то там, в его чреве.

Дэнни больше не нужна была клавиатура.

Он стал частью системы. Его домашний компьютер был напрямую соединен с главным электронно-вычислительным центром «Новой Волны» — «Солнцем», и Дэнни стал теперь его неотъемлемым элементом.

— Дэнни!

Вот оно что... Он нашел свое собственное измененное состояние, совсем не похожее на то, в которое скатились регрессивные.

— Дэнни?!

Мальчик не отвечал.

— Дэнни!

Из компьютера донеслось какое-то слабое пощелкивание, словно там что-то пульсировало.

Лоуман заставил себя переступить порог комнаты и подойти к столу. Он взглянул на сына и содрогнулся.

Рот мальчика был полуоткрыт, слюна стекала по его подбородку. Он был так захвачен, так увлечен своим непосредственным контактом с компьютером, что не чувствовал необходимости встать, поесть или умыться; он намочил прямо в штаны.

Глаза исчезли с его лица; на их месте светились два круглых зеркальца из расплавленного серебра, отражавших цифры и знаки, роившиеся на экране.

Странные пульсирующие звуки, едва заметные колебания исходили не от компьютера... Они шли от Дэнни.

Яичница была хороша, блинчики еще лучше, а кофе такой крепкий, что, казалось, фарфоровые чашечки могут не выдержать и лопнуть, однако, не такой густой, чтобы его можно было жевать, как кашу. Пока они ели, Сэм в нескольких словах обрисовал свой план, который он разработал, чтобы связаться с Бюро.

— Ваш телефон, Гарри, все еще не работает; я уже пытался дозвониться сегодня утром. И я считаю, что нет смысла рисковать, пытаюсь прорваться к шоссе, — все равно, как — пешком или на машине, — принимая во внимание патрули и заграждения, которые они выставили; это мы оставим на крайний случай. В конце концов, насколько мне известно, мы — единственные, кто знает, что с людьми в этом городе происходят какие-то... изменения, которые нужно срочно остановить. Мы, да, может быть, еще девочка Фостеров, о которой полицейские прошлой ночью упоминали в своих донесениях.

— Если это действительно девочка, — заметила Тэсса, — ребенок или даже подросток, вряд ли у нее много шансов ускользнуть от них. Скорее всего, они вот-вот схватят ее, если уже не схватили.

Сэм кивнул.

— А если и мы попадемся к ним в лапы, пытаюсь выбраться из города, тогда не останется никого, кто смог бы рассказать о том, что здесь происходит. Действовать нужно крайне осторожно; риск должен быть минимальным.

— А что, есть такая возможность — сделать все, не рискуя? — поинтересовался Гарри, подхватив желток поджаристым кусочком хлеба и аккуратно отправляя его в рот; имея всего одну здоровую руку, есть приходилось неторопливо, точно рассчитывая движения, чтобы ничего не уронить.

Подлив еще немного кленового сиропа к своим блинчикам, удивляясь собственному аппетиту и приписывая его тому, что, возможно, ему уже никогда больше не доведется есть на этом свете, Сэм продолжал:

— Понимаете... Этот город опутан проводами.

— Проводами?

— Он весь в компьютерах; линии компьютерной связи пронизывают его, как нервы — человеческое тело. «Новая Волна» снабдила компьютерной техникой полицию, так что они, видимо, были первыми, кто попал в эту паутину...

— И школы, — добавил Гарри. — Весной или в начале лета об этом писали в газетах. Они оборудовали и начальную, и высшую школы кучей всякой электронной техники. Это называлось «выполнение гражданского долга».

— Зловещая цепочка, а? Как вам кажется? — сказала Тэсса.

— Да, все это выглядит очень серьезно.

— Такое впечатление, — задумчиво произнесла Тэсса, — что и установка компьютеров в школах, и компьютеризация полиции, — все это звенья одной цепи, и этой цепью всех их хотели накрепко приковать к «Новой Волне», чтобы можно было свободно управлять ими и держать их под контролем.

Сэм положил вилку.

— Служащих «Новой Волны», сколько их там, — около трети всего населения, кажется?

— Около того, — ответил Гарри. — Мунлайт Коув весьма разросся, с тех пор как лет десять назад здесь обосновалась «Новая Волна». Город, до известной степени, существует при компании, — не то, чтобы все тут зависело только от главного предпринимателя, и все же общественная жизнь сосредоточена, в основном, вокруг него.

Отпив глоток обжигающего, крепкого, как бренди, кофе, Сэм продолжил свои подсчеты:

— Треть населения... это составляет около сорока процентов всех взрослых жителей Мунлайт Коува.

— Приблизительно так, — подтвердил Гарри.

— И, надо думать, все служащие «Новой Волны» вовлечены в заговор; по-видимому их... превратили в первую очередь.

— Само собой разумеется, — кивнула Тэсса.

— И все они так или иначе связаны с вычислительной техникой, они ведь работают в этой области; быюсь об заклад, что у большинства из них, если не у всех, имеются дома собственные ЭВМ.

Гарри согласился с таким предположением.

— И их домашние компьютеры, без сомнения, напря-

мую связаны с «Новой Волной», так, чтобы, если понадобится, они могли работать дома по вечерам или в выходные. А теперь, когда по графику превращения близятся к своему завершению, могу поклясться, что они работают круглые сутки, не отходя от экранов; они же должны постоянно обмениваться информацией, быть в курсе, как идет дело. Таким образом, если Гарри назовет мне кого-нибудь из сотрудников «Новой Волны», живущих в этом квартале...

— Таких несколько, — прервал его Тальбот.

— ... тогда я могу незаметно пробраться туда под завесой дождя, проникнуть в дом и проверить, есть ли там кто-нибудь. В такой час все должны быть на работе. Если в доме никого не окажется, может быть, мне удастся воспользоваться их телефоном.

— Подождите, как это!? — воскликнула Тэсса. — Каким телефоном? Телефоны ведь не работают!

Сэм покачал головой:

— Мы знаем только, что не работают телефоны-автоматы да еще телефон Гарри. Однако, не забывайте, что «Новая Волна» контролирует компьютер телефонной компании, так что они могли выборочно отключить некоторые линии. Спорю на что угодно — телефоны тех, кто уже прошел через это... превращение, работают вполне исправно. Не могут же они оставить без связи самих себя. Особенно сейчас, в критический момент, когда до окончательного выполнения плана осталось совсем немного. Вероятнее всего, они перекрыли только некоторые линии — именно те, которыми мы, по их мнению, можем воспользоваться: телефоны-автоматы на улицах, в общественных местах, вроде мотелей, да еще телефоны тех, кто пока не подвергся превращению.

16

Страх пронизывал Лоумана Уоткинса, он пропитал насквозь все его тело, так что, кажется, если бы выжать, выкрутить его сейчас, как мокрое полотенце, страх полился бы из него струями, потоками, словно дождь с грозового, затянутого тучами неба за окном. Он боялся за себя, боялся того, во что мог превратиться. Его терзал страх за Дэнни, который сидел перед своим компьютером, невероятно чужой и

далекий, словно какой-нибудь инопланетянин. И он боялся — какой смысл отрицать это? — до смерти боялся своего сына, того, чем он стал; он не мог заставить себя дотронуться до него.

Мутно-зеленый поток цифр и данных змеился по слабо свесившемуся полю экрана. Глаза Дэнни, блестящие, словно серебристые озера ртути, отражали светящиеся колонки цифр и знаков, графиков, таблиц и диаграмм. Не мигая, кажется, почти не дыша, он смотрел на экран.

Лоуман вспомнил, что говорил Шаддак тогда, в доме Пэйсера, когда увидел, что его бывший друг регрессировал и стал похож на волка — образ, который человек не мог извлечь из истории своего развития, такого не было заложено в его генах; Шаддак сказал тогда, что регрессия — это не начало и даже не столько физический процесс; это пример господства разума над материей, когда сознание создает форму. Они не были больше обычными людьми, и они не могли выносить эту бесстрастную, без чувств и эмоций жизнь, на которую были осуждены Новые Люди, поэтому они искали себе другое состояние, другую форму существования, каждый — наиболее приемлемую для себя. Вот мальчик и нашел себе это — пожелал стать этим неленым, чудовищным человеком-автоматом.

— Дэнни!

Никакого ответа.

Он сидел, не шевелясь, в полной тишине. Даже электронных шумов или шорохов не доносилось больше из его тела.

Провода, которыми заканчивались его пальцы, все время вибрировали, иногда вздрагивая, будто от толчков густой, нечеловеческой крови, проходившей по сосудам, связывающим органическую и неорганическую части механизма.

Сердце Лоумана просто выпрыгивало из груди, словно он уже мчался со страшной скоростью прочь отсюда, мчался, задыхаясь, не останавливаясь и не переводя дух. Но он продолжал стоять не двигаясь — страх прочно приковал его к месту. Пот лил с него градом. Тошнота подступала к горлу, и он боялся, что его сейчас вывернет наизнанку.

В отчаянии Лоуман пытался сообразить, что же ему

теперь делать. Первой его мыслью было позвать сюда Шаддака, показать ему, что произошло, и просить о помощи. Шаддак, конечно же, поймет, в чем тут дело, он найдет способ вывести Дэнни из этого ужасного состояния, вернуть ему человеческий облик.

Но это были только мечты, ничего этого сделать было нельзя. Проект «Черный Ястреб» уже вышел из-под контроля; события развивались теперь самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, ведя их всех своими темными, загадочными путями вниз, в бездну, к крошечным ужасам ночи, которых Том Шаддак не предвидел и не мог предотвратить.

К тому же Шаддак вовсе не будет испуган, увидев то, что случилось с Дэнни. Напротив, он будет вне себя от восторга. Для него это дикое превращение будет означать высшую стадию измененного состояния, как раз то, чего он так желал, к чему стремился, в отличие от неожиданного и отвратительного для него возвращения в первобытную тьму. Ведь именно в этом и состояла цель всех поисков и научных открытий Шаддака — добиться ускоренного развития человека вплоть до полного слияния его с машиной.

В ушах Лоумана звучал пронзительный, возбужденный голос Шаддака, слова, которые он произносил в залитой кровью спальне: «... Чего я никак не могу понять, — так это почему регрессивные выбирают именно это, низшее, животное состояние. Ведь каждый из вас способен подняться на высшую ступень развития, стать умнее, сильнее, чище; стать сверхчеловеком...»

Лоуман был совершенно уверен, что то спящее существо с мерцающими серебристыми точками вместо глаз, в которое превратился Дэнни, несколько не лучше и не чище, чем обычный нормальный человек. Это было в своем роде такое же вырождение, как тот образ человеко-волка, который выбрал себе Майк Пэйсер, или примитивное сознание обезьяны, до которого опустился Кумс. Подобно Пэйсеру, Дэнни отказался нести бремя человеческого разума, индивидуальности, не в силах выдержать эту Новую Прекрасную Жизнь, — жизнь, лишенную каких-либо чувств и эмоций; только вместо того, чтобы стать безликим и безмятным членом стаи зверолодей, он превратился в компьютер —

один из многих в гигантской субкомпьютерной сети. Он отбросил последнее, что оставалось в нем человеческого, — свой неповторимый разум, рассудок, ради того, чтобы стать запрограммированным, нерассуждающим автоматом, примитивным и бедным во всех отношениях по сравнению с великолепным творением Господа — Человеком.

Струйка слюны, стекая по подбородку Дэнни, падала на джинсы, оставляя влажный след на грубой жесткой материи.

— Можешь ли ты теперь чувствовать страх? — мысленно спросил сына Лоуман. — Любить ты не можешь, так же, как и я. Но способен ли ты еще чего-нибудь бояться?

Скорее всего, нет. Машины не знают, что такое страх.

Хотя сам Лоуман после Превращения не мог испытывать никаких иных чувств, кроме страха, и несмотря на то, что и дни, и ночи его слились в одну непрерывную цепь забот, тревог и опасений, то ослабевавших, то вспыхивавших с новой силой, он вопреки всему получал какое-то болезненное, извращенное наслаждение от этого единственного оставшегося ему чувства; он берег и лелеял, взращивал и пестовал его в себе, так как теперь только тоненькая ниточка страха связывала его с тем Лоуманом Уоткинсом, которым он был до Превращения. Если бы у него отняли его страх, он стал бы просто машиной, механизмом из мяса и костей. В жизни его не осталось бы больше ничего человеческого.

Дэнни потерял эту последнюю драгоценную эмоцию. Его серые, однообразные дни были заполнены только логическими рассуждениями и нескончаемыми расчетами, непрерывным поглощением и анализом поступающей информации. И если Шаддак прав, и Новые Люди будут жить гораздо дольше Прежних, тогда эти дни превратятся в столетия.

Внезапно из тела мальчика снова донеслись жуткие, пронзительно тонкие электронные завывания; они эхом отдавались в стенах комнаты.

Звуки были такие странные, жалобные, словно их издавали расплюсченные, чешуйчатые существа, обитающие в холодных, темных глубинах моря.

Позвать Шаддака и показать ему Дэнни в таком состоянии — значило вдохновить его на новые безумные, дьяволь-

ские изыскания. Увидев, что случилось с Дэнни, Шаддак мог убедить или силой заставить всех остальных Новых Людей превратиться в такие же человеко-компьютеры. От этой мысли страх с новой силой охватил Лоумана.

Электронный мальчик снова сидел тихо и неподвижно.

Лоуман вытащил из кобуры свой револьвер; руки его тряслись.

Буквы, цифры, знаки неистово замелькали на экране, пробегая в то же время по поверхности расплавленных серебристых впадин, заменявших Дэнни глаза.

Глядя на сидевшее перед ним странное существо, порожденное бредом безумца, Лоуман отчаянно рылся в своей памяти, безуспешно пытаясь вызвать в себе хотя бы слабый отзвук тех чувств, которые он испытывал к Дэнни до Превращения — любовь отца к сыну, пронзительная, счастливая гордость за него, взволнованные мечты о том будущем, которое ожидало мальчика. Он вспомнил, как они вместе ходили на рыбалку, как проводили тихие, уютные вечера всей семьей у телевизора, как обсуждали фильмы или прочитанные вместе любимые книги; в памяти Лоумана всплывали долгие счастливые часы, которые они проводили вдвоем, склонившись над рефератами или чертежами каких-нибудь конструкций, нужных для школы; а как радовался Дэнни своему первому велосипеду, который он получил на Рождество! — разве такое забывается? И наконец, вечер его первого свидания, когда мальчик, страшно волнуясь, привел домой дочку Талмаджей, чтобы познакомить ее с родителями... Все эти картины как живые вставали в памяти Лоумана, он мог в точности воспроизвести все подробности, но воспоминания эти не рождали в его душе прежней нежности и теплоты. Он знал, что должен почувствовать хоть что-нибудь, если он собирается убить своего единственного ребенка, ощутить что-нибудь большее, чем страх, — и не мог. Для того, чтобы надежнее удержать в себе то человеческое, что еще в нем оставалось, ему нужно было проронить хоть одну слезу, одну-единственную, подобную одинокой пуле, которая вылетит из ствола его револьвера, но глаза его оставались совершенно сухими.

Неожиданно какой-то длинный и скользкий отросток, напоминающий червя, вырвался из лба Дэнни.

Лоуман вскрикнул от ужаса и резко отшатнулся, чуть не упав назад.

Сначала он и правда подумал, что это червяк — отросток был толщиной с карандаш, кольчатый, масляно блестящий в бликах, падавших от экрана. Но по мере того, как тот вытягивался, становилось все заметнее, что он сделан из какого-то вещества, напоминающего скорее металл, чем живую плоть; он заканчивался наконечником, похожим на рот рыбы, диаметр которого раза в три превышал толщину самого «червя». Словно щупальце какого-то громадного омерзительного насекомого, он качался взад и вперед перед лицом Дэнни, пока наконец не удлинился настолько, что достиг компьютера.

Он сам стремился стать таким, — напомнил себе Лоуман.

Разум победил материю; гены были здесь ни при чем. Сила воли, рассудка, могущество сознания обрели реальность, вещественность, перейдя за рамки просто биологического безумия. Это было то, чем мальчик сам пожелал стать, и если это единственная форма, в которой он может выносить эту жизнь, единственный способ существования для него, то кто может помешать ему в этом?

Отвратительное щупальце, похожее на червя, исследовало ничем не прикрытые внутренности компьютера; оно нырнуло и исчезло в этих переплетениях, видимо, позволив мальчику установить более тесную связь с «Солнцем», чем это было возможно только при помощи его полуэлектронных рук и ртутных глаз.

Изо рта его вырвался низкий и страшный вой, — кровь стыла в жилах от этого нечеловеческого звука, — но ни губы, ни язык при этом даже не шевельнулись.

Страх Лоумана что-либо предпринять уступил, наконец, место другой, еще более сильной боязни, — не предпринимать ничего. Он сделал шаг вперед, приставил дуло револьвера к правому виску мальчика и два раза нажал на курок.

Сгорбившись на заднем крыльце, прислонившись к стене дома и только время от времени поднимая голову,

чтобы заглянуть в окно, Крисси все более проникалась убеждением, что тем троим людям, которые собрались вокруг кухонного стола, можно доверять.

Из-за шума дождя, плеска дождевых струек, унылого постукивания капель по стеклу и по лужам, до Крисси долетали только обрывки разговора. Однако прислушавшись, она все же поняла, что эти трое знают о том, что в Мунлайт Коуве не все благополучно. Незнакомые мужчина и женщина, кажется, скрывались в доме мистера Тальбота, точно так же убегая от кого-то, как и она. По всей видимости, они разрабатывали план, как связаться с правительством или с какими-то организациями за пределами города, чтобы получить от них помощь.

Крисси раздумывала, как бы ей лучше постучаться. Дверь была вся из тяжелого, плотного дерева, в ее верхней части не было стекол, так что, если она постучит, они не смогут увидеть, кто это. Девочка услышала уже вполне достаточно, чтобы понять, как напряжены у них нервы, возможно, не настолько истрепаны, как у нее самой, и все же они тоже были уже на грани. Неожиданный стук в дверь мог довести всех троих до сердечного приступа; да, без сомнения, — или их тут же, на месте, хватит удар, или они откроют пальбу из своих пистолетов и разнесут дверь в щепы, а вместе с дверью и ее.

Сообразив все это, Крисси выпрямилась, поднялась на цыпочки и постучала в окно.

Мистер Тальбот резко повернулся, указывая на нее, и в ту же секунду мужчина и женщина вскочили на ноги, словно они были марионетки, и невидимый кукольник дернул их за ниточки. Муз залаял. Все четверо, не исключая Муза, потрясенно смотрели на Крисси. Вид у них был такой, словно за окном стояла не маленькая несчастная и промокшая девочка одиннадцати лет, а свирепый маньяк-убийца, каторжник, потрясающий своими кандалами, скрывающий уродливое лицо под низко надвинутым кашпоном.

Крисси подумала, что в городе, кишащем пришельцами, даже безобидная маленькая дрожащая от холода девочка, имеющая, вероятно, весьма жалкий вид, может нагнать ужас на тех, кто не уверен, что она обычный ребенок. Желая

хоть как-то успокоить их, Крисси проговорила жалобным, срывающимся голосом:

— Помогите! Пожалуйста, помогите мне!

18

Пули ударили в висок, и в механизме раздался страшный визг и скрежет. Череп чудовищного человека-компьютера раскололся, а сам он повалился на пол, увлекая за собой стул. Его вытянутые пальцы-провода оторвались от компьютера, стоявшего на столе. Червь, тянувшийся от его головы, разорвался как раз посередине, так что один кусок его болтался, свисая из компьютера. То, что еще недавно было мальчиком, теперь лежало на полу, судорожно извиваясь.

Лоуман старался думать о нем только как о машине. Он не мог представить себе, что это его собственный сын. Это было слишком ужасно.

Пули пронзили череп, и лицо мутанта страшно исказилось, стало похоже на уродливую сюрреалистическую маску.

Серебристые ртутные озера его глаз потемнели, словно в глазные впадины залили черную, маслянистую нефть.

Между пластинками раздробленной кости Лоуман заметил не только серое студенистое вещество, что было бы естественно, но и свернувшиеся спиралями провода, и какие-то блестящие, похожие на керамические, осколки, и странные геометрические формы. Из ран сочилась темная кровь, и в то же время поднимался тонкий голубоватый дымок.

Механизм все еще скрипел.

Этот пронзительный электронный визг долетал уже не из тела мальчика, а со стороны стола, от компьютера. Звуки были настолько странными, что трудно было себе вообразить, как кто-нибудь — будь то человек, ставший органическим придатком машины, или механизм, вобравший в себя человеческую плоть, — мог издавать их.

Но в этих воплях были не только скрежет металла и электронное гудение; Лоуман явственно различал в них до ужаса знакомые, обычные человеческие нотки.

Строчки цифр и знаков исчезли с дисплея. Теперь толь-

ко одно слово, повторяясь десятки, сотни раз, строчка за строчкой заполняло весь экран:

**НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ
НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ ...**

Внезапно Лоуман понял, что Дэнни мертв только наполовину. Та часть сознания, которая оставалась в его теле, была уничтожена, однако другая половина, перешедшая в компьютер, все еще жила, только теперь ее жизнь поддерживали не клетки мозга, а полупроводники. И именно эта часть издавала скрежещущие металлические стоны.

На экране вдруг возникли слова:

**ГДЕ ДРУГАЯ ПОЛОВИНА МЕНЯ ГДЕ ДРУГАЯ ПОЛОВИНА МЕНЯ ГДЕ ДРУГАЯ ПОЛОВИНА МЕНЯ ГДЕ ДРУГАЯ ПОЛОВИНА МЕНЯ ГДЕ ДРУГАЯ ПОЛОВИНА МЕНЯ
НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ НЕТ...**

Лоуман почувствовал, что вся кровь в нем заledenела, как вода в реке поздней осенью, а сердце стало похоже на замороженный кусок мяса, лежавший внизу, в холодильнике. Холод проник в самые отдаленные уголки его тела, впиваясь в него своими черными ледяными иглами.

Он отошел от скорчившегося на полу существа, которое, наконец, перестало содрогаться, и, прицелившись в компьютер, разрядил в него свой револьвер. Он стрелял до тех пор, пока экран не разлетелся на мелкие кусочки. Занавеси были задернуты, и шторы опущены, так что в комнате было почти совсем темно. От микросхем остались только осколки. Процессор взорвался, и тысячи искр, фонтанами вылетающих из него, сверкали в темноте. Но вот вспыхнул последний сноп искр, что-то треснуло, и все погасло; машина перестала существовать; вокруг снова сгустился мрак.

В воздухе стоял смрад жженой резины и чего-то еще более отвратительного.

Лоуман вышел из комнаты и медленно пошел к лестнице. На площадке он на минутку остановился, облокотившись о перила. Потом спустился вниз.

Он перезарядил револьвер и убрал его в кобуру.

Сделав это, он вышел в дождь.

Он сел в машину и завел двигатель.

— Шаддак, — сказал он негромко.

Тэсса немедленно принялась хлопотать вокруг девочки. Оставив Гарри, Сэма и Муза на кухне, она отвела ее наверх и заставила снять всю мокрую одежду.

— У тебя зубы стучат от холода, малышка.

— Счастье еще, что есть чему стучать.

— И ты вся посинела.

— Хорошо, что есть чему синеть.

— Мне показалось, что ты прихрамываешь?

— Да. Я вывихнула ногу.

— Ты уверена, что это только вывих?

— Да, срунда, пройдет. К тому же...

— Знаю, знаю, — перебила ее Тэсса, — ты рада, что у тебя еще есть ноги, которые можно вывихнуть.

— Вот именно. Думаю, что пришельцы находят эту часть тела особенно вкусной, так же, как некоторые люди, которые предпочитают свиные ножки. Да...

Девочка сидела на краю кровати в комнате для гостей, закутанная в теплое шерстяное одеяло, дожидаясь, пока Тэсса достанет простыню из ящика с постельным бельем, а из коробки для питья, стоявшей в том же шкафу, — несколько английских булавок.

— Одежда Гарри, пожалуй, для тебя великовата, — заметила Тэсса, — так что мы пока завернем тебя в простыню. Пока твои вещи сохнут, ты можешь спуститься вниз и рассказать нам обо всем, что с тобой приключилось.

— Это и правда было настоящее приключение! — воскликнула девочка.

— Да, вид у тебя такой, словно ты немало пережила за эти сутки.

— Если бы описать все, что со мной случилось, вышла бы чудесная книга!

— Тебе нравятся книги?

— О, ну еще бы, я так люблю книги!

Красная, но стараясь не выдать своего смущения и показаться взрослой и привычной ко всему, Крисси встала, отбросив одеяло, и позволила Тэссе обернуть себя простыней. Сколов ее кое-где булавками, та соорудила некоторое подобие римской тоги.

Пока Тэсса работала над ее несколько необычным нарядом, Крисси сказала:

— Я хотела бы написать книгу об этом дне. Назвала бы ее «Нашествие Инопланетян» или «Королева Пришельцев». Хотя, конечно, сначала нужно было бы узнать, есть ли у них вообще какая-нибудь королева, вроде пчелиной матки у насекомых. Может быть, у них воспроизведение идет совсем не так, как у пчел или животных, ведь это может оказаться в основном растительной формой жизни, кто знает?... Если это так, то можно было бы назвать роман «Космические семена», например, или «Плоды из другой галактики», а еще лучше «Марсианские грибы-убийцы»! Иногда в заголовке хорошо использовать аллитерацию. Аллитерация... Правда, чудесное слово? Оно звучит так мелодично! Я очень люблю слова. Конечно, мы могли бы придумать и более поэтическое название — «Корни, покорившие пространство» или «Крона Сатурна» — прекрасно и звучно, как вам кажется? Ой, вот здорово было бы, если б они оказались овощами! Тогда можно было бы напустить на них тлю или помидорных гусениц, и те быстренько бы с ними расправились, вроде того, как несколько крохотных бактерий в «Войне Миров» уничтожили могущественных марсиан.

Тэссе не хотелось признаваться, что их враги вовсе не прилетели из другой галактики, а такие же жители Земли, как и они сами; ей нравились несколько наивные рассуждения умненькой, развитой не по годам девочки. Она вдруг заметила громадную царапину на левой руке Крисси; кожа на ладошке тоже была ободрана.

— Это когда я спрыгнула, вернее, свалилась с крыши крыльца в доме отца Кастелли, — объяснила девочка.

— Ты упала с крыши?!

— Ну, да. Это было потрясающе! Представляете — чудовище, похожее на волка, вылезает из окна и хочет схватить меня, а мне и деваться некуда — пришлось прыгать. Тогда я и ногу вывихнула. Но я тут же вскочила и побежала через двор, а потом выбежала через калитку за домом, и ему не удалось догнать меня. Знаете, мисс Локлэнд...

— Пожалуйста, зови меня просто Тэсса.

Заметно было, что девочка не привыкла так фамильярно обращаться ко взрослым людям. Она нахмурилась и

замолчала, преодолевая смущение. В конце концов она, очевидно, решила, что неприлично упорствовать, когда тебя просят о такой мелочи.

— Да, так вот... Тэсса. Я так до сих пор и не могу решить, что бы сделали с нами инопланетяне, если бы они нас поймали. Может, приготовили бы мясной салат из наших внутренностей? Или они не едят человеческого мяса? В таком случае, они могли бы засунуть нам в уши какие-нибудь крохотные марсианские пилули или запустить в мозг маленьких плутоновых жучков и взять нас с собой для своих опытов. Как бы там ни было, лучше уж сто раз свалиться с крыши, чем попасть к ним в лапы.

Закрепив на девочке тогу, Тэсса повела ее в ванную и стала искать в аптечке что-нибудь подходящее, чтобы смазать ее разодранную руку. Она нашла бутылку йода с потертой этикеткой, полрулона лейкопластыря и пакет с марлевыми подушечками, такой старый, что бумага на нем пожелтела. Однако марля внутри была белоснежная и совсем как новенькая; йод тоже не потерял своей силы — жег, как и полагается.

Босиком, закутанная в тогу, с завитками легких светлых волос, вившихся по плечам, Крисси уселась на низенькой скамеечке, без возражений позволив Тэссе заняться ее раненой рукой. Девочка держалась стоически — не кричала и даже не постанывала от боли; чтобы отвлечься, она продолжала говорить без умолку:

— Я уже второй раз в жизни падаю с крыши; наверное, у меня есть ангел-хранитель, и он бережет меня. Первый раз это случилось года полтора назад, весной. Тогда такие маленькие птички — я думаю, это были скворцы — свили себе гнездо на крыше одной из наших конюшен. Мне ужасно хотелось посмотреть на их птенчиков, ну и когда родителей не было поблизости, я притащила лестницу, подождала, пока мать птенчиков полетит добывать им пищу, а потом быстренько залезла наверх, чтобы взглянуть на малышей. Прямо скажем, эти птенцы, пока у них еще не отрастут перья, — самые безобразные существа, каких только можно себе представить, — не считая прищельцев, разумеется. Они такие слабые, жалкие, сморщенные, с громадными клювами и большущими круглыми глазами, а крылышки у них

такие крохотные, неуклюжие, как культи. Если бы у женщин рождались такие дети, то первые люди, населявшие Землю несколько миллионов лет назад, тут же спустили бы своих новорожденных в унитаз, — если, конечно, у них тогда были унитазы, — и никогда больше не стали бы рожать детей, и так человечество погибло бы, едва успев появиться, и история его закончилась бы, даже не начавшись.

Все еще продолжая смазывать ранку, еле сдерживая улыбку, Тэсса взглянула на девочку; Крисси сидела, зажавшись, сморщив нос, изо всех сил стараясь быть мужественной.

— Я еще не успела слезть с крыши, — продолжала она свой рассказ, — как прилетели папа и мама птенчиков, и застали меня около своего гнезда; они налетели на меня, пытались клонуть в лицо, ужасно кричали. Я так испугалась, что не удержалась и соскользнула вниз. В тот раз я несколько не поранилась, даже не ушиблась, так как упала прямо в кучу конского навоза. Могу вас уверить, что это не слишком большое удовольствие. Я очень люблю лошадей, но они были бы еще более милыми и привлекательными, если бы их, как кошек, можно было бы приучить делать свои дела в коробочку.

Тэсса была уже без ума от этой малышки.

20

Сэм наклонился вперед, упираясь локтями в кухонный стол, внимательно слушая рассказ Крисси Фостер. Хотя Тэсса слышала завывания упырей-привидений в мотеле и даже видела мельком ногу одного из них в щели под дверью, хотя Гарри наблюдал за ними из окна, различая их очертания в темноте и тумане, и хотя сам Сэм видел двух из этих чудовищ прошлой ночью, девочка была единственной среди них, которая столкнулась с этими монстрами лицом к лицу и даже не один раз.

Но не только содержание ее рассказа привлекало внимание Сэма. Он был очарован ее милой непосредственностью, чувством юмора, умением четко и ясно излагать события. В ней чувствовалась большая внутренняя сила, стойкость и нестигаемость; было ясно, что ее нелегко сле-

мить, иначе она не смогла бы пережить всего того, что случилось с ней прошлой ночью и сегодняшним утром; и все же она осталась чистым наивным ребенком, крепким и выносливым, но не жестким и грубым. Она была из тех детей, глядя на которых начинаешь надеяться, что человечество еще не совсем погибло.

Таким же был когда-то и Скотт.

Потому-то Сэм и смотрел, не отрываясь, на Крисси Фостер, зачарованный ее нежным детским личиком, ее поведением, ее речью. Он видел в ней того доброго, славного ребенка, каким был раньше Скотт. Был до того, как... изменился. Смучительным сожалением, с тупой болью, отдававшейся у него в груди и сжимавшей горло, Сэм смотрел на сидевшую перед ним девочку. Он жадно впитывал ее слова, но не потому, что желал почерпнуть нужную информацию; нет, слушая ее, он пытался понять, почему его сын потерял и свою чистую наивность, и надежду.

21

В глубине темного подвала Коммуны «Икарус» Такер и его стая не спали — им совсем не нужен был сон для подкрепления сил. Они лежали, свернувшись, в крошечной тьме, переплетаясь телами, не смыкая глаз. Время от времени он сам и второй самец спаривались с самкой, раздирая друг друга когтями в неистовом безумии, оставляя на теле глубокие раны, которые тут же зарастали, проливая кровь просто ради удовольствия ощутить ее запах; и это каким-то странным образом усиливало наслаждение.

Тьма и голые бетонные стены их норы совсем сбили Такера с толку. К этому времени он уже почти ничего не помнил о своем прежнем существовании, о том, кем он был до того, как началась эта восхитительная ночная погоня. Он не признавал больше себя отдельной, самостоятельной личностью. Когда стая охотилась, каждый из ее членов был уже не отдельным существом, а как бы частью единого организма, приспособленного для того, чтобы гнаться, настигать и убивать свою жертву. Теперь, в этой темной норе, самостоятельное существование вообще потеряло всякий смысл. Для того, чтобы можно было пребывать в согласии в этом

замкнутом бетонном пространстве, наполненном непроглядным густым мраком, требовался полный отказ от самого себя, от своей единичности в пользу группы.

В мозгу его проносились дикие, темные образы неясных теней, крадущихся, припав к земле, по ночному лесу и лугам, омытым лунным светом. Если случайно память о человеческом облике и вспыхивала в его мозгу, он не мог понять, что это значит, этот образ оставался для него загадкой; он пугался своих бессвязных таинственных воспоминаний и старался быстрее вернуться к прежним, простым и понятным картинам потопи-охоты-убийства-совокупления; там он был лишь частью стаи, он растворялся в этой единой тени, едином большом организме, свободный от необходимости думать, лишенный каких-либо желаний или стремлений, кроме одного — существовать.

В какой-то момент он почувствовал, что выскальзывает из своего волчьего состояния; оно все же было для него слишком тесным, ограничивало его свободу. Он не хотел больше быть вожаком стаи — эта роль налагала слишком большую ответственность. Он не хотел больше думать вообще ни о чем. Просто существовать. Быть. Какие-либо рамки, ограничения жесткой физической формы стали для него невыносимы.

Он чувствовал, что другой самец и самка сознают, что с ним происходит, ощущают то же, что и он, и вместе с ним изменяются, спускаясь к нижним животным формам.

Плоть его расплывалась, кости размягчались, все органы меняли свою форму и функции. Он опустился гораздо ниже человекоподобной обезьяны и опускался все дальше, дальше, перейдя уже через тот порог, когда миллионы лет назад древнейший ящер вылез из морских вод на сушу; но и это была для него слишком высокая ступень развития, и он спустился еще ниже, и еще, пока не превратился, наконец, в склизкую пульсирующую массу, студенистое желе, вздрагивавшее и сотрясавшееся в черном подвале Коммуны «Икарус».

Лоуман Уоткинс надавил на кнопку звонка, и Ивэн, луга Шаддака, ответил:

— Прошу прощения, господин Уоткинс, мистера Шаддака нет дома.

— Куда он поехал?

— Не знаю.

Ивэн тоже был одним из Новых Людей. Убить его было не так просто, поэтому для надежности Лоуман выстрелил два раза ему в голову и дважды в грудь, пока тот не упал на пол холла и не остался лежать там неподвижно; мозг и сердце его были пробиты. А может быть, процессор и подкачивающий насос. Он и сам не знал, какие слова теперь больше подходят. Неизвестно, как далеко они подвинулись, и сколько в них осталось от человека, а сколько от машины.

Лоуман прикрыл за собой дверь и перешагнул через тело Ивэна. Перезарядив револьвер, он обшарил весь громадный дом, комнату за комнатой, надеясь в одной из них обнаружить Шаддака.

Он хотел бы, чтобы чувство, движущее им, было жаждой мести, чтобы в порыве слепой, безумной ярости он мог бы наброситься на Шаддака, бить и топтать его, пока тот не испустит дух, но ничего подобного он не ощущал. Смерть сына не растопила льда, сковавшего его сердце. Он не чувствовал ничего — ни горя, ни отчаяния.

Был только страх, и это было единственное чувство, которое вело его по следам Шаддака, заставляя желать его смерти. Нужно было уничтожить этого безумца, пока он не превратил их всех в нечто еще более ужасное, чем они уже были сейчас.

Лоуман знал, что убив Шаддака, — человека, соединенного с суперкомпьютером «Новой Волны» с помощью особого телеметрического устройства, — он приведет в действие программу, заложенную в «Солнце», и она, заработав, начнет посылать ультракороткие волны с информацией, несущей смерть. Информация будет принята микрокомпьютерами, внедренными в ткани организма Новых Людей. Получив приказ, они немедленно сработают, остановив сердце своего носителя. Все жители Мунлайт Коува, пропавшие через Превращение, мгновенно погибнут. И он, Лоуман, погибнет вместе с ними.

Но теперь ему было уже все равно. Его ужас перед жизнью, — не важно — скатится ли он до уровня регрессивного

или станет человеком-автоматом, вроде Дэнни, — был сильнее страха смерти.

Мысленно он уже представлял себя этим омерзительным компьютерным придатком — с мерцающими ртутными глазами и отвратительным металлическим червем, вылезающим у него из головы, извивающимся, алчущим противоестественной связи с компьютером. Если бы сердце от страха действительно могло уходить в пятки, он давил бы его с каждым своим шагом.

Тщательно обыскав весь дом и не найдя Шаддака, Лоуман ринулся на «Новую Волну»; несомненно, этот безумный создатель прекрасного нового мира сидит сейчас в своем кабинете, углубившись в планы превращения города и его окрестностей в адское пекло, которое он называл раем на Земле.

23

Было начало восьмого, когда Тэсса, оставив Гарри и Крисси в кухне, вышла проводить Сэма на заднее крыльцо. Деревья в саду были достаточно высокими, чтобы соседи, даже те, кто жил на вершине холма, не могли заглянуть за ограду. Тэсса была уверена, что в густой тени, падавшей на крыльцо, их никто не сможет заметить.

— Послушайте, — сказала она, — мне кажется, неразумно вам идти одному.

— Как раз очень даже разумно.

Воздух был сырой и холодный. Тэсса поежилась и обхватила себя руками, чтобы хоть немного согреться.

— Я могла бы отвлечь внимание, если кто-нибудь окажется в доме. Я позвонила бы с улицы, а вы в это время зашли бы с заднего крыльца.

— В первую очередь вы отвлекли бы меня, так как мне пришлось бы за вас волноваться и в случае чего бежать на помощь.

— Я прекрасно могу сама о себе позаботиться.

— Ну, еще бы, я в этом и не сомневался, — улыбнулся Сэм.

— Так вы согласны?

— К сожалению, я привык работать один.

— Похоже, вы всегда и везде один, — заметила Тэсса.

Сэм снова улыбнулся, на этот раз одними уголками губ:

— Мы, кажется, собираемся начать новый спор на тему: «Что есть жизнь — мирное вечернее чаепитие или ад на Земле?»

— Мы вовсе и не спорили. Это была дискуссия.

— Ладно, как бы там ни было, — твердо сказал Сэм, — у меня есть свои, и вполне достаточные, причины считать, что мне лучше работать в одиночку. Мне не нужны помощники, Тэсса, у меня нет никакого желания смотреть, как они умирают у меня на глазах.

Тэсса поняла, что он говорит не только о своих товарищах, погибших во время выполнения каких-то операций, но и о жене, умершей семь лет назад.

— Оставайтесь-ка лучше с девочкой, — мягко попросит Сэм. — Если что-нибудь случится, вы позаботитесь о ней. Она ведь так похожа на вас.

— Что?

— Она из тех людей, — пояснил Сэм, — которые знают, как нужно любить жизнь; которые любят ее по-настоящему, глубоко и сильно, какие бы беды и несчастья ни сваливались на них. Это редкий и драгоценный талант.

— Вы тоже умеете любить жизнь, — возразила Тэсса.

— Нет, — печально ответил Сэм, — я этого никогда не умел.

— О черт, в конце концов в каждом человеке от рождения заложена любовь к жизни, желание жить. И в вас это тоже есть, Сэм. Просто вы забыли об этом, это лежит очень глубоко, в тайниках вашей души, но вы снова сможете вспомнить и найти это в себе.

— Позаботьтесь о девочке, — повторил Сэм, спустился с крыльца и исчез в пелене дождя.

— Эй, возвращайтесь скорее, — крикнула Тэсса. — Вы обещали рассказать мне, что вы увидели в конце туннеля, на Том Берегу. Не забудьте об этом, я жду!

Но серебристые нити дождя и серые клочья тумана уже скрыли Сэма от ее глаз.

Пытаясь разглядеть сквозь дымку его удаляющийся силуэт, Тэсса подумала, что даже если бы он никогда ни слова не говорил о Том Берегу, она все равно хотела бы, чтобы он

вернулся как можно скорее, целым и невредимым; для этого существовало, оказывается, множество причин, ей самой еще не очень понятных и удивительных.

24

Дом Кольтранов стоял недалеко от того места, где жил Гарри Тальбот, тоже на Конкистадор Авеню. Он был двух-этажный, из старого кедрового дерева, потрепанный ветрами, с крытым двориком вместо заднего крыльца.

Быстро пройдя вдоль стены, слыша, как мелкий дождь барабанит по крыше с таким странным звуком, словно в огне потрескивают головешки, Сэм подошел к стеклянной двери и заглянул в темную гостиную; там никого не было. Он дошел до высоких, от пола до потолка, окон кухни, выходящих в сад; за ними тоже не было света. Одной рукой Сэм взялся за ручку двери, а другой быстро вытащил из кобуры револьвер и положил палец на спуск.

Конечно, он мог бы обойти вокруг дома и позвонить у главного входа. Это выглядело бы менее подозрительным, если в доме кто-то есть. Но для этого ему нужно было бы выйти на улицу, а там его запросто мог увидеть кто-нибудь из соседей или, что еще хуже, патрульные, о которых говорила Крисси.

Сэм слегка постучал в дверь. Никто не ответил. Он постучал еще раз, сильнее, потом еще громче. Если бы в доме кто-то был, его бы, конечно, услышали.

Должно быть, Харли и Сью Кольтран на работе, на «Новой Волне».

Дверь оказалась заперта. Надеюсь, это не тяжелый замок, — подумал Сэм.

Все необходимые инструменты он оставил у Гарри, однако у него была с собой тонкая металлическая отмычка. Благодаря популярным телевизионным сериалам каждый американец знал, что кредитная карточка является одновременно и прекрасной, удобной отмычкой, ношение которой не карается законом. Вся беда в том, что эти гибкие прямоугольники слишком часто застревали в щели или ломались, прежде чем удавалось открыть замок. Сэм предпочитал надежные, испытанные временем инструменты.

Но сейчас выбора не было. Он вставил пластинку между дверью и косяком, ниже того места, где был замок, и тихонько повел ее вверх, слегка надавливая на защелку. Раздался щелчок. Сэм толкнул дверь, — она закрипела и открылась — засова не было.

Он вошел в кухню и очень осторожно, — так чтобы замок не защелкнулся, — прикрыл за собой дверь. Если ему придется бежать отсюда, некогда будет возиться с запорами.

Тусклый, унылый свет дождливого дня едва проникал сквозь окна кухни. Очевидно, хозяева любили бледные тона; здесь были все оттенки серого цвета; линолеум на полу, потолок, мебель, кафель, покрывавший стены, — все было серым, под стать гнетущей, пасмурной погоде за окном.

С минуту Сэм стоял, напряженно вслушиваясь в тишину. Кроме тиканья кухонных часов, ничего не было слышно. Дождь барабанил по навесу, прикрывавшему внутренний дворик.

Мокрые пряди волос липли ко лбу, мешали смотреть; Сэм откинул их назад, вытер со лба капли.

Подошвы промокших насквозь кроссовок скрипели при каждом его шаге.

Сэм прошел прямо к телефонному аппарату, висевшему в углу на стене. Он снял трубку, но не услышал гудка, хотя чувствовалось, что линия работает. Станные звуки наполняли эфир — пощелкивание, глухое, вибрирующее гудение, тонкий жалобный писк, — все они сливались в заунывную погребальную песнь, в электронную музыку, чуждую человеческому уху.

Холод прошел по спине Сэма.

Очень осторожно, почти не дыша, он положил трубку на рычаг.

Быть может, телефон этот связывает между собой два компьютера; звуки могли означать, что аппарат связан с центром, с суперкомпьютером «Новой Волны». Возможно, Кольтран может связаться с ним из любого помещения своего дома, где бы он ни находился.

Однако инстинкт подсказывал Сэму, что то, что он слышал, объясняется совсем не так просто и естественно. Здесь что-то другое, гораздо страшнее и загадочнее.

Сэм вышел из кухни в столовую. Два широких окна

были закрыты тонкими тюлевыми шторами, едва пропускавшими пепельный, угрюмый свет утра. Шкаф, сервант, стол и стулья вырисовывались силуэтами, словно намеченными серым грифелем на черной доске.

Сэм снова остановился и прислушался. Все в доме было спокойно, он не услышал ничего необычного.

Дом был построен в классическом калифорнийском стиле, без коридора на нижнем этаже. Комнаты шли анфиладой, одна за другой, так что из столовой Сэм сразу перешел в просторную гостиную. Он порадовался, что полы в комнатах покрыты коврами, на которых его мокрые кроссовки не скрипели, и он продвигался почти беззвучно.

В гостиной было светлее, чем в других комнатах, хотя и ее наполнял жемчужно-серый полумрак. Окна, выходившие на запад, были прикрыты навесом крыльца, так что дождь не заливал их, зато по тем, что выходили на север, он струился потоками. Свинцовая морось за окном сотнями капель оседала на стеклах; нервы Сэма были так напряжены, что эти серебристые капельки, скатывавшиеся вниз, казались ему крохотными призрачными существами, готовыми окружить его и поползти по его телу.

Этот мрачный землистый свет вдобавок к его не слишком веселому настроению создавал впечатление, что он превратился в одно из действующих лиц в старой черно-белой киноленте, в самом страшном из фильмов ужасов.

В гостиной никого не было, но внезапно из комнаты в дальнем углу нижнего этажа донесся какой-то звук. Скорее всего, он шел из помещения, расположенного в юго-западном углу здания, за холлом. Вероятно, там был кабинет хозяина дома. Звук был такой острый, пронзительный, вибрирующий, что у Сэма заныли зубы. В нем слышались щемящая боль и тоска человека и в то же время металлический скрежет машины, искаженный страхом, полный глубокого отчаяния и безнадежности. Затем раздалось нечто, похожее сразу и на громкое сердцбиение и на пульсацию насоса, перекачивающего жидкость.

Звуки оборвались, все снова стихло.

Сэм крепко сжал револьвер; он поднял его, держа прямо перед собой, готовый в любой момент выстрелить. Но вок-

руг не было заметно никакого движения, в доме снова воцарились покой и тишина.

Эта вибрация, этот зловеющий, пронзительный крик и мощное биение явно не могли исходить от существа, подобного тем упырям-привидениям, которых Сэм видел ночью, или тем звероподобным созданиям, которых описывала Крисси. До сих пор Сэма больше всего пугала возможность встречи с одним из них. Однако теперь неведомый монстр, притаившийся в кабинете, казался ему еще более устрашающим.

Он замер, выжидая.

Мертвая тишина.

У него появилось странное ощущение, что кто-то точно так же напряженно прислушивается ко всем его движениям, как он сам пытается уловить шевеление этого неизвестного существа.

Сэм размышлял, не лучше ли будет вернуться в дом Гарри и попытаться найти другой способ связаться с Бюро; хорошая мексиканская кухня и «Гиннесс Стаут» и фильмы с Голди Хоун в главной роли казались ему теперь не просто слабыми ниточками, связывавшими его с жизнью; нет, это было нечто тораздо большее — восхитительные наслаждения, счастье, которое невозможно описать никакими словами.

Единственное, что удерживало его от того, чтобы бросить все и бежать отсюда без оглядки, была мысль о Крисси Фостер. Сэм вспомнил ее ясные, детские глаза. Ее чистое детское личико. Тот восторг и воодушевление, с которыми она рассказывала о своих приключениях. Быть может, он потерял Скотта; возможно, ему уже не удастся спасти сына, оттащить его от края пропасти. Но Крисси еще была жива — жива во всех смыслах этого слова — чудесная девочка с яркими, интересными мыслями и горячими чувствами, и жизнь ее зависела от него. Он единственный, кто может спасти ее от превращения.

Менее, чем через двенадцать часов наступит полночь.

Сэм вышел из гостиной и, стараясь ступать неслышно, пересек холл. Он остановился, прислонившись спиной к стене, рядом с полуоткрытой дверью комнаты, из которой доносились таинственные звуки.

Там что-то пощелкивало.

Сэм застыл, затаив дыхание.

Мягкие, приглушенные постукивания. Не звонкое, царапающее цоканье когтей, вроде того, что он слышал ночью, а низкие, глуховатые щелчки, будто срабатывал целый ряд реле, клацали выключатели, сталкивались костяшки домино: **клик-клик-клик-кликэти-кликэти-клик-клик-кликэти...**

И снова все стихло.

Сжимая револьвер двумя руками, Сэм сделал шаг к двери и сильно толкнул ее ногой. Он переступил порог и замер, готовый стрелять в любого, кто двинется на него.

Шторы на окнах были задернуты; единственный свет в комнате шел от экранов двух компьютеров. Черные буквы текста четко отпечатывались на их желтоватом фоне. Радужное, золотистое сияние пронизывало полумрак, отчего тени по углам казались еще темнее и гуще.

Двое людей сидели перед экранами спиной друг к другу.

«Не двигаться!» — резко крикнул Сэм.

Они сидели все так же молча, не шевелясь. Оба были настолько неподвижны, что у Сэма зародилось подозрение, уж не умерли ли они.

Странное янтарное излучение было вроде бы ярче, чем серенький, тусклый дневной свет, проникавший через окна других комнат, но, несмотря на это, здесь было темнее и гораздо труднее что-либо различить. Когда глаза немного привыкли к темноте, Сэм обнаружил, что люди перед компьютерами не просто неестественно неподвижны, но что их вообще вряд ли можно уже считать людьми. Леденящий ужас пронзил его и подтолкнул вперед.

Перед ним, на вертящемся стуле на колесиках сидел, ничего не замечая вокруг, совершенно обнаженный человек, очевидно, Харли Кольтран. Два тонких, диаметром в один дюйм провода, скорее из органической ткани, чем из металла, влажно блестящие в желтоватом сиянии, соединяли его с компьютером. Они тянулись из недр процессора, — крышку с него сняли, и она лежала в стороне, — и уходили куда-то в глубь обнаженного тела, входя в него ниже грудной клетки, органично срастаясь с плотью. Они пульсировали.

— О, Боже! — прошептал Сэм.

Руки Кольтрана от локтя до кисти были совершенно лишены плоти — гладкие, голые кости торчали из культей, точно шарнирные соединения робота из металлического корпуса. Костлявые пальцы скелета плотно, словно специальные зажимы, охватывали кабель.

Подойдя поближе и присмотревшись, Сэм заметил, что кости рук не отделены друг от друга, как им положено, а наполовину срослись. Под ними была видна серебристая, стальная сеть вен. У Сэма на глазах пульсировавшие провода дрожали все сильнее, пока, наконец, не затряслись так, что, если бы не мертвая хватка рук-зажимов, концы их непременно должны были бы вырваться или из тела человека, или из машины.

Беги отсюда!

Внутренний голос подсказывал ему, что нужно бежать отсюда как можно дальше; это был его собственный голос, однако в нем говорил не взрослый Сэм Букер, агент ФБР, каким он был сейчас. Голос принадлежал тому мальчику, каким он был когда-то, страшно испуганному и собирающемуся спастись бегством. Предельный ужас — это своего рода машина времени, гораздо более действенная, чем ностальгия, мгновенно проносящая нас сквозь годы, назад, в наше детство, к давно забытому состоянию невыносимой беспомощности.

Беги, прочь, прочь отсюда, беги!

Сэм старался подавить в себе это желание, заглушить голос, кричавший ему, что надо спастись.

Он хотел понять. Что происходит? Что стало с этими людьми и почему? Как это связано с упырями-привидениями, охотящимися по ночам? Очевидно, с помощью микроэлектронной техники Томас Шаддак нашел способ вмешиваться в биологические процессы человеческого организма, изменять их резко и навсегда. Это Сэму было ясно, но остановиться на этом было все равно, что предполагать, что в море обитают живые существа и не пытаться их увидеть. Слишком много таинственного, неразгаданного скрывалось в глубине.

Беги!

Казалось, что ни мужчина, ни женщина совершенно не подозревают о его присутствии. Никакая опасность, вроде бы, ему не грозила.

Беги! — отчаянно кричал в нем испуганный мальчик.

Потоки информации — слов, всевозможных чисел, графиков и таблиц безудержно проносились по желтоватому полю экрана, вспыхивая темными бликами перед немигающими глазами Харли Кольтрана. Хотя нет, глаз-то у него как раз и не было, и он не мог смотреть, как обычный, нормальный человек. Вместо них в глубоких черных впадинах виднелись другие чувствительные элементы: маленькие стеклянные бусинки, горевшие, как рубины, клубки проводов, керамические пластинки с вафельной поверхностью, поблескивающие в углублениях.

Сэм держал теперь револьвер только одной рукой. Палец он положил не на спуск, а на предохранитель, — его так трясло, что он боялся нечаянно выстрелить.

Грудь человека-автомата вздымалась и опускалась. Рот его был широко раскрыт, и оттуда, ритмичными волнами, вырывалось зловонное дыхание.

Видно было, как быстро пульсируют вены на его висках и отвратительно набухшие артерии на шее. И не только там; пульсировало все его тело и в самых неожиданных местах: дрожали жилы на лбу, билась кровь в кровеносных сосудах вдоль скул, на груди и на животе; темные веревки вен вздулись на мясистых обрубках рук, явственно выступая под кожей. Казалось, вся кровеносная система человека-компьютера перестроилась и расширилась так, чтобы выполнять новые функции этого удивительного тела. И, что еще страшнее, — все эти сосуды пульсировали попеременно, так, словно в этом чудовищном организме бились, по крайней мере, два сердца.

Внезапно из открытого рта человека-автомата вырвался пронзительный вопль; Сэм вздрогнул и сам вскрикнул от неожиданности. Это напоминало те загадочные звуки, которые он слышал в гостиной и которые привели его сюда, но тогда он думал, что они исходят от компьютера.

Ужасный электронный вой поднимался все выше, непрерывно нарастая, пока не дошел до пределов, невыносимых для человеческого уха; поморщившись, Сэм перевел взгляд с разинутого рта человека-компьютера на его «глаза». Датчики все еще поблескивали в темных впадинах. Крово-красные бусины светились своим внутренним све-

том. Интересно, — подумал Сэм, — знает ли он о том, что я здесь? Быть может, он улавливает идущие от меня импульсы с помощью инфракрасного излучения или еще каким-нибудь образом? Может ли вообще Кольтран видеть его? Возможно, этот человек-машина живет теперь в другом измерении, на другом уровне, и Сэм, остающийся в земном мире, просто не существует для него, находится за гранью досягаемости?

Вопль начал постепенно стихать и, наконец, оборвался.

Сэм машинально поднял револьвер; между ним и Харли Кольтраном было около восемнадцати дюймов; Сэм навел револьвер на его лицо и прицелился. Он и сам удивился, обнаружив, что палец его соскользнул с предохранителя на курок и что он собирается разmozжить голову сидящему перед ним мутанту.

Сэм заколебался. Несмотря на все, в Кольтране все еще оставалось что-то человеческое. Кто мог утверждать, что он не выбрал свое теперешнее состояние по собственному желанию, предпочтя его обычной человеческой жизни? Кто знает, может быть, он счастлив, существуя в такой форме? Сэма тяготила роль судьи, но еще более тягостна и невыносима была для него роль палача. Поскольку сам он считал, что жизнь — это ад, устроенный на Земле, ему следовало допустить возможность, что Кольтран находил это состояние более приемлемым, что для него это был спасительный выход.

Мерцающие полуорганические провода, протянувшиеся между человеком и компьютером, зазвенели. Они дребезжали, ударяясь о кости сжимавших их рук.

В хриплом, смердящем дыхании, вырывавшемся изо рта Кольтрана, смешались запахи гниющего мяса и перегревшихся электронных элементов.

Датчики поблескивали и слегка шевелились в темных глазных впадинах, не прикрытых веками.

Лицо Кольтрана, желтоватое в свечении, исходящем от экрана, казалось, застыло в беззвучном крике. На скулах и на висках его пульсировали толстые жилы, больше похожие на червей, копошащихся под кожей, чем на сосуды, выдающие биение его собственной крови.

Вся кровь отлила у Сэма от сердца; еле сдерживая дрожь,

он нажал на курок; в замкнутом пространстве комнаты выстрел прокатился, как раскат грома.

От удара голова Кольтрона откинулась назад, — пуля точно попала в цель, — затем качнулась вперед, подбородок упал на грудь, кровь смешивалась со струйками синеватого дыма.

Но отвратительные, маслянисто лоснящиеся провода продолжали вздуваться и опадать, вздуваться и опадать, словно бы в такт ритмичным толчкам текущей по ним жидкости.

Сэм понял, что сердце человека-робота еще не остановилось. Он повернул дуло револьвера к экрану компьютера.

Одна из костлявых рук Кольтрона отпустила кабель, который до сих пор крепко сжимала. Клацая голыми костями, она рванулась вперед и вцепилась в запястье Сэма.

Он закричал.

Комната наполнилась вибрирующими электронными звуками — пощелкиванием, позвякиванием, дребезжанием.

Дьявольская рука сжимала его мертвой хваткой, кости пальцев Кольтрона с нечеловеческой силой вонзились в плоть, входя в нее все глубже. Сэм чувствовал, как рукав его рубашки намокает от теплой крови, струящейся из раны. Внезапно его охватил панический ужас. Он представил себе, что, обладая такой сверхъестественной силой, человек-машина может запросто, как соломинку, переломить его руку, оставив его калекой. В лучшем случае рука просто онемеет, — ведь все сосуды пережаты, и кровь не поступает к пальцам, — они разожмутся и выронят револьвер. Кольтран пытался приподнять свою разбитую голову.

Перед мысленным взором Сэма возникло лицо его матери, такое, каким оно было во время той проклятой автомобильной катастрофы, — развороченное, застывшее в ужасной улыбке, все еще улыбающееся ему, застывшее, мертвое и улыбающееся...

Он яростно пнул стул Кольтрона, надеясь, что тот откатится на своих колесиках и завертится волчком; но колеса оказались на тормозе.

Острые гладкие кости еще крепче вцепились Сэму в запястье. Он застонал; перед глазами у него все поплыло.

Он видел, как медленно, очень медленно поднимается голова Кольтрона.

О Боже, я больше не хочу видеть это мертвое лицо!

Правой ногой Сэм несколько раз изо всех сил ударил по проводам, связывающим Кольтрана с компьютером. Они лопнули, с отвратительным хлопанием отрываясь от тела человека-автомата. Тот бессильно поник на своем стуле. Рука его разжалась, выпустив запястье Сэма; она резко клацнула, ударившись о пластмассовую подставку для стула.

Глуховатые пульсирующие удары, словно дробь барабана эхом отдавались от стен, низко и ритмично постукивая на фоне тонкого, протяжного, пронзительно вибрирующего электронного гудения.

Задыхаясь, еще не совсем придя в себя от потрясения, Сэм левой рукой обхватил свое кровоточащее запястье, словно это могло утишить яростную боль, жгущую его, как огнем.

Что-то хлестнуло его по ноге.

Сэм опустил глаза и увидел, что провода, казалось, сделанные из полуорганического сплава плоти с пластмассой и металлом, словно бесцветные чешуйчатые змеи, извиваясь, тянутся к его ногам. Они все еще были связаны с компьютером и, вздрагивая, трепетали, будто впитывая в себя его зловещную силу. Как во сне, они росли прямо на глазах, удлиняясь, вытягиваясь, пока один из них тугой петлей не затянулся на левой лодыжке Сэма, а другой не обвился кольцами вокруг его правой пиколотки.

Сэм попытался вырваться.

Ничего не выходило, он чувствовал себя, как в капкане. Словно пара кандалов сковала его ноги.

Что-то подсказывало Сэму, что они хотят добраться до верхней части его тела, найти незащищенные участки плоти и вонзиться в них, включив его в общую компьютерную систему, превратив в такой же придаток механизма, каким стали Кольтраны.

Сэм все так же сжимал револьвер в своей раненой правой руке. Он поднял его, целясь в экран компьютера.

По его золотистому полю больше не струился поток информации. Вместо него на экране появилось лицо Кольтрана. Глаза его снова были на своем месте, казалось, он видит Сэма, он смотрел прямо на него, жадно, бездумно повторяя одни и те же слова:

«...жажду... хочу... хочу... жажду... хочу...»

Не понимая, в чем тут дело, Сэм чувствовал, что Кольтран все еще жив. Он не умер, по крайней мере, не все для него кончилось с гибелью его тела. Каким-то непонятным, загадочным образом часть его продолжала жить там, в компьютере.

Словно подтверждая эту мысль, Кольтран, будто имея какую-то удивительную власть над стеклом экрана, заставил его изменить свою ровную, гладкую форму, принимая очертания его собственного лица. Поверхность стекла словно растекалась, сделавшись мягкой и податливой, как глина, которую Кольтран, точно живой, физически существующий человек, мог лепить по своему усмотрению.

Нет, невозможно! Этого просто не могло быть! И все же это было, происходило прямо на глазах у Сэма. Силой своего сознания Харли Кольтран управлял материей, хотя сознание это никак больше не было связано с его человеческим телом, существовало само по себе.

Лицо на экране словно гипнотизировало Сэма, страх совершенно парализовал его, он не мог шевельнуться, кажется, даже не дышал. Палец его неподвижно лежал на курке.

Будто в один миг разодралась ветхая ткань реальности и сквозь многочисленные прорехи в нее ворвался другой — незнакомый и чудовищный мир. Мир ночных кошмаров и зловещих, неведомых сил пытался затопить привычную, повседневную жизнь, которую Сэм так хорошо знал и которую, — как он неожиданно почувствовал, — так сильно любил.

Один из змеящихся кабелей добрался до груди Сэма и, проникнув под свитер, коснулся его кожи. Сэм почувствовал, как его словно обожгло раскаленным железом. Жгучая, нестерпимая боль, пронзившая его, разорвала оцепенение.

Сэм нажал наконец на курок. Первым выстрелом разнесло экран, второй был направлен прямо в лицо Кольтрана. Сэм уже почти не надеялся уничтожить этого человека-робота, ожидая, что пуля мягко войдет в него, не причиняя никакого вреда, однако катодно-лучевая трубка взорвалась, разбрызгивая осколки, словно была сделана из простого стекла. Второй выстрел превратил в кашу внутренности

компьютера, покончив наконец с Кольтраном, вернее, с тем чудовищным мутантом, которым он стал.

Бледные, влажно-маслянистые щупальца отпустили Сэма. Она опали, пузырясь, покрываясь волдырями, будто разлагаясь прямо у него на глазах.

Жуткие электронные поскрипывания, треск, вибрирующие завывания, — правда, уже не столь оглушительные, как прежде, но тоскливо пронзительные, тянущие за душу, — все еще наполняли комнату.

Сэм взглянул на женщину у противоположной стены; гладкие, блестящие, словно покрытые слизью провода, тянувшиеся от нее к компьютеру, удлиннились, позволив ей развернуться к нему лицом. Не считая этих лоснящихся кабелей и обнаженного тела, вид ее был не менее ужасен, чем у мужа; хотя изменения, происшедшие с ней, несколько отличались от того, что произошло с Харли, они были столь же чудовищны и невероятны. На лице ее тоже не было глаз, но оставшиеся на их месте черные, глубокие впадины не опцетинились множеством чувствительных датчиков, как у мужчины-робота. Напротив, эти впадины увеличились, исказив все лицо, они были теперь раза в три больше, чем у обычного человека, и светились мерцающим красноватым светом. Похоже было, что ее глаза заменили чувствительные фотоэлементы, способные улавливать излучения, невидимые простым, невооруженным человеческим глазом. И действительно, Сэм увидел собственное перевернутое отражение в каждой из светящихся красных инз. Ноги, руки, грудь, живот и шея, а также все лицо женщины-монстра были покрыты густой сетью вздувшихся кровеносных сосудов. Толстые, упругие, они взбухали, казалось, под самой кожей, грозя прорвать ее, и вся она была похожа на громадную учебную схему кровеносной системы, созданную специально для студентов-медиков. По некоторым из этих сосудов, видимо, действительно струилась кровь, но другие пульсировали, излучая голубоватый, зеленоватый или желтоватый свет.

Внезапно извивающийся, кольчатый отросток толщиной с карандаш, похожий на червя, вырвался из ее головы и, точно пуля, вылетевшая из дула пистолета, за долю секунды покрыл расстояние, отделявшее женщину-компью-

тер от Сэма. Взметнувшись в воздухе, он с размаху хлестнул Сэма по правому глазу, рассекая бровь, прежде чем тот успел пригнуться. Кончик отростка жадно присосался к коже лба, впиваясь все глубже в поисках контакта. Сэм услышал жужжание, будто крохотные, остро отточенные лезвия бешено вращались со скоростью тысячи тысяч оборотов в минуту. Кровь, заливая глаза, с ала у него по крыльям носа. Но в тот миг, когда ужасный отросток вонзился в его лоб, Сэм, надавив на спуск, выпустил последние два заряда из своего револьвера. Оба они попали в цель. Первая пуля вонзилась в грудь, все еще напоминавшую человеческую плоть, а вторая превратила компьютер за ее спиной в сноп огненных искр и потрескивающих электрических разрядов; взлетая к потолку, они на секунду вспыхивали на белой штукатурке, и тут же гасли, исчезая без следа. Слизистый отросток, потеряв свою упругость и силу, безвольно опал, так и не успев подсоединить мозг Сэма к системе женщины-компьютера; Сэм полагал, что именно это и было его целью.

Теперь, когда оба экрана погасли, в комнате было совершенно темно, если не считать сероватой мути дневного света, просачивавшейся сквозь щелки в задернутых шторах.

Словно в бреду, Сэм вспомнил слова, которые говорил им специалист по ЭВМ на семинаре, специально проводившемся для агентов, объясняя принципы работы новой системы, установленной в Бюро: «Компьютеры работают наиболее эффективно, когда они включены в единую компьютерную сеть, что делает возможным параллельную обработку данных».

Лоб и запястье правой руки были у него в крови. Он отступил к двери и повернул выключатель; вспыхнула напольная лампа. Сэм стоял у порога — как можно дальше от двух искореженных, уродливых трупов, но так, чтобы все-таки держать их в поле зрения, — и перезаряжал револьвер; в карманах его куртки были запасные патроны.

В комнате стало неестественно тихо.

Полная неподвижность и тишина.

Сердце Сэма билось, как сумасшедшее; ему казалось — оно вот-вот выскочит из груди; каждый удар причинял ему боль.

Руки его так дрожали, что он дважды ронял патроны, но не наклонился, чтобы поднять их. Он был почти уверен, что стоит ему только отвернуться и выпустить их из-под прицела или броситься бежать, как один из этих монстров оживет и накинется на него, схватит его прежде, чем он успеет подняться или отбежать на безопасное расстояние.

Постепенно до Сэма стал доходить шум дождя. К утру он почти перестал, но теперь полил с новой силой, совсем как прошлой ночью, когда началась гроза. Грома, правда, не было, но яростная дробь дождя по крыше и стеклам и толстые стены дома должны были заглушить стрельбу, — по крайней мере, Сэм очень на это надеялся. Он уповал на Бога, молясь, чтобы до соседей не долетели звуки выстрелов, в противном случае они, конечно, прибегут посмотреть, что случилось, и он не успеет скрыться.

Из раны на лбу все еще сочилась кровь, она затекала в глаз, и его жгло, как огнем. Сэм вытер глаз рукавом и смахнул слезы, мешавшие ему смотреть.

Рука тоже вся горела, но в конце концов, если понадобится, он может стрелять и левой рукой, и достаточно метко, особенно на близкое расстояние.

Перезарядив револьвер, Сэм снова прошел в комнату, туда, где на рабочем столе около дымящегося компьютера стоял телефон. Рядом, на стуле, скорчилось уродливое тело Харли Кольтрана, кости рук с обрывками проводов свисали до самого пола. Не спуская глаз с трупа человека-автомата, Сэм дотянулся до телефонного аппарата, снял трубку и с облегчением услышал гудок.

Во рту у него так пересохло, что он не знал, сможет ли выговорить хоть несколько слов, когда, наконец, дозвонится; язык был жестким, как наждак, ему трудно было даже пошевеливать им.

Сэм набрал номер отделения Бюро в Лос-Анджелесе.

В трубке что-то щелкнуло.

Короткая пауза.

Затем раздался голос автоответчика: «Мы приносим свои извинения, но линия временно не работает».

Сэм повесил трубку, потом попробовал еще раз.

«Мы приносим свои извинения, но линия временно...»

Сэм швырнул трубку на рычаг.

Итак, половина телефонов в Мунлайт Коуве не работала, а те, что не были отключены, соединялись, видимо, только с определенными, тщательно отобранными номерами. Очевидно, телефонная связь в городе была возможна только между теми, кто прошел через превращение.

Оставив бесполезный телефон и повернувшись к двери, Сэм услышал за спиной какое-то быстрое, крадущееся движение.

Он резко обернулся — между ним и женщиной-компьютером оставалось всего три фута. Компьютер больше не действовал, и провода, соединявшие ее с ним, были оборваны, но один из полуорганических кабелей тянулся по полу, выходя прямо из ее спины; конец его исчезал в электрической розетке.

Сэм оцепенел от ужаса. Вот так-то, уважаемый доктор Франкенштейн, куда вам до этого, — пронеслось у него в мозгу. — И никому здесь вовсе не нужны ваши шумовые и световые эффекты, вроде громов и сверкающих молний. Берем обыкновенное среднее чудовище, эдакого замечательного компьютерного монстра, подключаем его к розетке и пускаем ток. Любезность электрической компании — ничего больше.

Она запищала, как змея, и метнулась к нему. Руки ее вместо пальцев заканчивались металлическими разьемами, вроде тех, которыми соединяются элементы в домашних компьютерах, только эти были длинные и острые, как бритвы.

Сэм отпрыгнул в сторону и чуть не упал, зацепившись за стул с обвисшим на нем телом Харли Кольтрана. Покачнувшись, он пять раз подряд выстрелил в приближающееся чудовище.

Первые три выстрела отбросили ее назад; она упала, но Сэм уже потерял контроль над собой и никак не мог остановиться, продолжая жать на курок, так что последние две пули просвистели в воздухе и, попав в стену, откололи от нее куски штукатурки.

* Искусственный демон из произведения Мэри У. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), убивающий своего творца. Частый персонаж фильмов ужасов. *Прим. ред.*

Будто оборотень или вампир, — подумал Сэм.

Сеть вздувшихся артерий, пульсировавших под ее кожей, излучала еще кое-где слабый свет, хотя время от времени из нее вылетали искры, совсем как из компьютеров, когда он выпустил по ним парочку зарядов.

Сэм пошарил по карманам — ни одного патрона.

Тягучее электронное завывание, не слишком громкое, но режущее ухо, как тысячи острых, кривых когтей, скребущих по стеклу, вырвалось из ее горла.

Однако она попыталась подняться.

«...да-а-а-а-а-а-ай... да-а-а-а-а-а-а-а-а-й...»

На этот раз Сэм крепко обхватил приклад обеими руками, тщательно прицелился и выстрелил, стараясь попасть ей в голову. Главное — вывести из строя процессор, — мелькнуло у него в голове. — М-да, прямо-таки черный юмор! Вырубил процессор — и машина заглухнет, от нее останется только куча металлолома.

Внезапно из ее раздробленного черепа вырвались язы-

ки и пламени, огонь полыхал над раной, в пустых глазницах, рвался из ноздрей, из полуоткрытого рта.

Сэм метнулся к розетке и одним ударом выбил из нее кабель, другим концом подключенный к ее телу, вернее, выраставший из него.

Но она все еще была охвачена пламенем.

Сэм понимал, что ни в коем случае нельзя допустить пожара. Приедет полиция, обнаружит тела и начнет обыскивать все дома в округе, просеивая каждый сантиметр, дом Гарри, естественно, тоже. Он стал озиаться в поисках какого-нибудь половика, ковра, тряпки, чего-нибудь, что можно было бы накинуть, чтобы потушить огонь. Но не прошло и нескольких секунд, как пламя улеглось само по себе; видимо, оно и так уже выжгло все дотла.

В воздухе стоял невыносимый смрад.

Сэму нечем было дышать. Голова кружилась от этих отвратительных запахов. Тошнота подступала к горлу. Он зажал ладонью нос и рот, крепко сжал зубы, подавляя рвоту.

Ему хотелось немедленно бежать прочь, вырваться отсюда как можно скорее, но он все же нашел в себе силы еще раз вернуться в комнату, для того чтобы отключить оба компьютера. Конечно, они были совершенно разбиты и никуда больше не годились, казалось бы, бояться нечего, но вопреки всем доводам рассудка Сэм опасался, что электрический ток — это та магическая сила, которая будет вновь и вновь возвращать их к жизни, словно монстра в бесконечных сериях фильма ужасов.

Задержавшись в дверях, Сэм прислонился к косяку; ноги его ослабли и так дрожали, что он еле мог стоять — нужно было передохнуть хоть минутку; он стоял, разглядывая странные, изуродованные тела. Он ожидал, что после смерти эти двое, словно оборотни из фильмов, примут свой нормальный, человеческий вид. В кино всегда так бывало — чудовище — какого-нибудь там получеловека-полуволка — убивали серебряной пулей или до смерти забивали волшебной тростью с серебряным набалдашником, и оно перед смертью освобождалось от проклятия, в последний момент обретая свой прежний, человеческий облик. Однако здесь этого не произошло. Волшебство было тут ни при чем, и никакие сверхъестественные силы, — будь то добрые духи

или демоны, — никто, даже сам Господь Бог или Князь Тьмы Сатана, не мог помочь этим людям сбросить с себя ужасную личину, вернуться к своей человеческой сущности. Кольтраны и после смерти оставались все такими же отвратительными чудовищами, мутантами из плоти и металла, крови и полупроводников — полулюдьми, полумашинами.

Сэм не мог понять, каким образом они стали такими, но он знал, что существует какое-то слово для определения этого состояния, и в ту же минуту он вспомнил его: киборг — человек, чья физическая деятельность нуждается в помощи или зависит от механического или электронного устройства. Хорошо, когда такие устройства помогают людям регулировать нарушенную сердечную деятельность или работу больных почек, — прекрасно, когда они несут здоровье, возвращают людей к обычной человеческой жизни. Но тут это было нечто совсем другое — прогресс кибернетики, доведенный до крайности, создавший чудовищные видения из ночного кошмара. У Кольтранов не только физическая, но и психическая деятельность организма полностью зависела от машины, стала ее неотъемлемой частью.

У Сэма сдавило горло, его снова затошнило. Он кинулся вон из кабинета, плавающего в клубах вонючего дыма, из комнаты в комнату, через весь дом, обратно в кухню — к выходу на улицу, в холодные и чистые, освежающие потоки дождя.

Он бежал, ожидая, что вот-вот сзади, за его спиной раздастся жуткий электронно-человеческий голос, пронзительный вопль «да-а-а-а-а-а-а-ай», и обернувшись, он увидит одного из Кольтранов, несущегося прямо на него, ожившего, подключившись к маленькой электрической батарейке.

25

Охранник в черном блестящем дождевике, с эмблемой предприятия на груди, стоявший на посту у главного въезда на территорию «Новой Волны Микроэлектроники», взглянул на подъехавшую машину и, узнав Лоумана, махнул ему рукой, показывая, что путь свободен. Он не стал останавливать начальника полиции, которого все здесь хорошо знали еще с того времени, когда все они были обычными людьми.

Мощь, престиж и процветание «Новой Волны» сразу бросались в глаза, стоило только взглянуть на здания Главного Управления. Проект разрабатывал один из ведущих современных архитекторов, которому нравились сглаженные, мягкие, закругленные углы, плавные изгибы стен, выпукло-вогнутые конструкции. Два больших двухэтажных здания, построенные с промежутком в четыре года, с громадными цветными стеклами окон, облицованные желтовато-коричневым камнем, прекрасно гармонировали с окружающим пейзажем.

Из полутора тысяч служащих, работающих в этих зданиях, около тысячи жило в Мунлайт Коув. Остальные поселились за городом, неподалеку. Все они, естественно, находились в пределах досягаемости коротковолновых излучений параболической антенны, установленной на крыше главного корпуса.

Лоуман вел машину по подъездной дорожке к стоянке, расположенной за одним из больших зданий, размышляя о создателе и властителе «Новой Волны», словно цунами поднявшейся над Мунлайт Коувом. Яснее ясного, что Шаддак — тот самый уважаемый господин Крысолов собственной персоной, — думал он. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить о том, что он в любую минуту может увести за собой любого из своих преданных последователей, своих покорных рабов. Фараон двадцатого века. Когда он умрет, все, кто служил ему здесь, на Земле, тоже должны умереть, словно они предназначены служить ему и там, в загробном мире. О черт! Разве мы все еще верим в жизнь за гробом?

Нет. Религия чем-то сродни надежде; для того, чтобы верить, нужны чувства.

Новые Люди верят в Господа Бога не больше, чем в Санта-Клауса. Единственная оставшаяся им вера — это власть машин и кибернетическое будущее человечества.

А у некоторых, возможно, не было даже и этого.

Как, например, у него, Лоумана. Он больше вообще ни во что не верил, и это пугало его, потому что раньше он верил в тысячу разных вещей.

Жалование служащих «Новой Волны», прямо пропорциональное прибылям предприятия, было необыкновенно высоким даже для такой области промышленности как

микроэлектроника; талант здесь щедро оплачивался, трудно было этого не заметить — достаточно бросить взгляд на две громадных стоянки автомобилей. Тут были последние модели самых дорогих марок — «мерседесы» и «BMW», «порше» и «корветы», «кадиллаки» и «ягуары», оборудованные лучшей японской техникой.

Сейчас стоянка была наполовину пуста. Похоже было, что многие служащие работают дома, пользуясь компьютерной связью. Сколько их было, таких, как Дэнни?

Все эти машины, ровными рядами застывшие под дождем, внезапно показались Лоуману темными кладбищенскими надгробьями. Замолкшие двигатели, темный, холодный металл, сотни залитых дождем лобовых стекол, в которых отражалось плоское, серое осеннее небо, рождали в душе предчувствие смерти. Лоуман подумал, что именно так будет выглядеть скоро город — мертвая, ничем не нарушаемая тишина, сырость и вечный покой ледяного каменного склепа.

Если правительство штата догадается о том, что происходит в Мунлайт Коуве, или раскроется, что практически каждый из Новых Людей не сегодня — завтра может стать регрессивным, а то и хуже, и что проект «Черный Ястреб» — не благодеяние, а страшное бедствие, насланное на жителей города, Шаддак не станет, как некогда Крысолов, играть на волшебной дудочке, а нажмет на кнопку компьютера, и крохотные микросхемы, вживленные в тело каждого Нового Человека, сработают, выполняя смертельный приказ. Тысячи сердец остановятся в один и тот же миг. В ту же секунду все Новые Люди упадут, как подкошенные, сраженные наповал, и весь город превратится в одно огромное кладбище непогребенных.

Проехав через первую полупустую стоянку, Лоуман направился ко второй, к тому месту, которое предназначалось для парковки машин начальников «Новой Волны».

Если Шаддак обнаружит, что его проект не удался, и, умирая, пожелает взять нас с собой, — размышлял Лоуман, — то он сделает это вовсе не для того, чтобы уничтожить следы своего преступления, это не в его характере. Нет, этот проклятый гигантский паук будет упиваться мыслью о том, как весь мир замрет, с ужасом и восхищением взирая на эту

катастрофу, как все застынут, пораженные, словно внезапным ударом грома, этой немыслимой чудовищной властью человека, по приказу которого вмиг перестали существовать тысячи людей.

Найдутся, конечно, идиоты, которые станут обожествлять его, видеть в нем героя. Какие-нибудь новоявленные юные гении надумают еще, пожалуй, подражать ему. Шаддак, наверняка, на это и рассчитывал. В лучшем случае, если проект удастся, и все человечество, в конце концов, подвергнется Превращению, Шаддак, в буквальном смысле этого слова, станет создателем людей, Создателем Нового Мира, соперником Господа Бога. В худшем, если все пойдет не так, как он задумал, и самоубийство окажется единственным выходом, спасающим его от правосудия, люди будут видеть в нем почти легендарную фигуру, могущественного Гения Зла; рассказы о нем будут передаваться из уст в уста, вдохновляя все новых безумцев, одержимых жадой власти, Гитлеров компьютерного века.

Доехав до последнего ряда машин, Лоуман затормозил. Он вытер капли пота с посеревшего лица. Руки его тряслись.

Ему отчаянно хотелось сбросить с себя этот груз ответственности, избавиться от непосильной ноши, не думать ни о чем, стать свободным, пусть даже ценой регрессии.

Но он подавил в себе это безумное желание.

Он должен убить Шаддака прежде, чем тот успеет покончить с собой. Тогда слава компьютерного гения померкнет. Конечно, и сам Лоуман, и все Новые Люди погибнут через несколько секунд после смерти Шаддака, но, по крайней мере, тот факт, что этого Крысолова века микроэлектронной техники убило одно из созданных им существ, тоже войдет в легенду. Это покажет, что власть его не безгранична; все увидят, что он умен и изобретателен, но только до определенного предела, — треснувший идол, доктор Моро, сброшенный с пьедестала; весь его труд тогда покажется всем безрассудным экспериментом, безумством маньяка. Лоуман повернул направо, туда, где стояли обычно машины руководителей предприятия, и был весьма обескуражен, увидев, что ни «мерседеса», ни бежевато-серого микроавтобуса Шаддака нет на месте. Хотя их хозяин, возможно,

скрывался где-то здесь; кто-нибудь мог подвезти его на своей машине, или он мог поставить свой автомобиль где-нибудь в другом месте.

Лоуман завел машину на место стоянки Шаддака и выключил мотор.

Револьвер висел у него на боку в кобуре, так, чтобы его удобно было достать. Он уже дважды проверял, достаточно ли патронов в обойме, но сейчас решил проверить еще раз.

Выехав из дома Шаддака и еще не доезжая до «Новой Волны», Лоуман остановился на обочине дороги, чтобы написать записку, которую он собирался положить на труп компьютерного маньяка. В ней он объяснял, что убил своего безумного создателя. Когда власти штата узнают о том, что здесь происходит, и приедут разбираться, они найдут эту записку и все поймут.

Он казнит Шаддака вовсе не из каких-то там благородных побуждений. Такое высокое самопожертвование могли рождать только глубокие и чистые чувства, которых у него больше не было. Нет, Лоуман убьет его просто из страха, что Шаддак узнает про Дэнни, или обнаружит, что с другими случилось то же, что и с его сыном, и заставит всех их вступить в дьявольскую, непристойную связь с машинами.

Расплавленные серебристые зрачки...

Слюна, стекающая с отвисшей губы...

Извивающийся отросток, вырвавшийся из головы мальчика, жадно ищущий жаркое влагалище компьютера...

Память то и дело подсовывала Лоуману эти и другие, не менее ужасные образы, от которых кровь стыла в жилах.

Он убьет Шаддака, чтобы спасти себя от той участи, которая постигла Дэнни, но в результате легенда о нем, как о могущественном и непобедимом властелине людей, будет разрушена.

Лоуман сунул револьвер в кобуру и вышел из машины. Не обращая внимания на дождь, он быстро пошел к главному входу, толкнул стеклянные двери и, пройдя по коридору, пол которого был выложен мраморными плитками, свернул направо, в сторону от лифтов; здесь находилась центральная приемная. Своей роскошью она могла поспорить с самыми фешенебельными центрами подобных компаний в знаменитом Силикон Вэлли на юге Калифорнии.

Мраморная отделка пола и стен, красноватая полированная медь дверных ручек, изящные хрустальные бра и тяжелые люстры из бронзы и граненого хрусталя, — все это говорило о богатстве и процветании фирмы.

У телефонов дежурила Дора Ханкинс. Лоуман знал ее всю свою сознательную жизнь. Она была на год старше его. Уже учась в старших классах, он пару раз назначал свидания ее сестре.

Когда Лоуман вошел, она подняла глаза и посмотрела на него.

- Шаддак? — спросил он.
- Его нет.
- Ты уверена?
- Да.
- Когда он будет?
- Спроси у его секретарши.
- Так я поднимусь наверх.
- Давай.

Войдя в лифт и нажав на кнопку, рядом с которой стояла цифра 2, Лоуман вспомнил, какие разговоры происходили между ним и Дорой до превращения. Они перебрасывались шуточками, добродушно подтрунивали друг над другом, говорили о семье, о детях, хвалили или ругали погоду. Теперь ничего этого не было. Этот короткий, вроде бы незначительный, но такой милый обмен новостями остался в их прежней жизни; в новой он был им не нужен. И хотя Лоуман и сейчас мог восстановить в памяти какие-то реплики, хотя он помнил, что раньше это было чем-то вроде обыденного ритуала при встречах, он не понимал теперь, зачем это было нужно, и какое удовольствие они в нем находили.

Комнаты Шаддака располагались в конце коридора, на втором этаже, в северо-западной части здания. В первой была приемная, вся затянутая бежевыми ворсистыми коврами ручной работы, заставленная диванами, обтянутыми настоящей кожей, и столиками на бронзовых гнутых ножках с крышками из толстого стекла. Единственным произведением искусства здесь была картина кисти Джаспера Джонса — оригинал, а не копия.

Интересно, что станет с художниками в грядущем новом мире? — подумал Лоуман.

Хотя ответ ему был известен заранее. Их просто не будет, они исчезнут. Искусство — это чувства, запечатленные красками на холсте, словами на листе бумаги, мелодиями, слившимися в симфонию. В новом мире искусство не может существовать. А если оно и будет, то это будет апофеоз страха. Страницы романов заполнят синонимы слов «ужас» и «тьма». Композиторы будут сочинять только реквиемы и погребальные мелодии. Излюбленным цветом художников станет черный.

Бикки Ланардо, дежурная секретарша Шаддака, сидела за своим письменным столом.

— Его нет, — сказала она, увидев Лоумана.

Дверь в громадный личный кабинет Шаддака за ее спиной была распахнута настежь. Там было темно. Только пепельно-серый, угрюмый свет дождливого, ненастного дня просачивался сквозь шторы.

— Когда он вернется? — спроси Лоуман.

— Не знаю.

— У него не назначено никаких встреч?

— Нет.

— Вы не знаете, где он может быть?

— Нет.

Лоуман вышел. Некоторое время он обследовал пустые коридоры, кабинеты и технические лаборатории, надеясь захватить Шаддака врасплох.

Затем, однако, он решил, что, вероятнее всего, Шаддак вовсе не прячется от него по темным углам. Наверняка, в этот последний день Превращения Мунлайт Коува великий человек разъезжает по городу, обозревая свои владения.

И все-таки он бежит от меня, — подумал Лоуман. — Он помнит то, что я сказал ему в доме Пэйсера, и боится. Он надеется, что так мне труднее будет его поймать, а может быть, ушел в подполье и где-нибудь отсиживается.

Лоуман вышел на улицу, сел в свою патрульную машину и поехал на поиски того, кто обрек его на новую жизнь.

В маленькой ванной, примыкавшей к кухне, Сэм, обнаженный до пояса, мужественно терпел все заботы Тэссы,

которая опять, — как и рано утром, когда в доме появилась Крисси, — превратилась в сестру милосердия. Только раны Сэма были гораздо глубже и серьезнее.

На лбу у него, под правым глазом, кожа была содрана, образуя круг размером с десятицентовую монету. В центре этого круга виднелась глубокая дыра, а в глубине ее — кусочек совершенно голой кости. Кровь непрерывно струилась из этой раны, и Тэссе понадобился огромный кусок ваты, который она несколько минут прижимала к кровоточащему месту, а также чуть ли не полбутылки йода и пакетик бинта, чтобы остановить кровотечение. Но даже и после этого красные капли продолжали просачиваться через тугую повязку, и она постепенно набухала.

Пока Тэсса так хлопотала над ним, Сэм рассказывал им, что с ним произошло в доме Кольтранов.

— ... так что если бы я не попал ей в голову, если бы я не выстрелил в ту же секунду и хоть чуть-чуть замешкался, думаю, что эта чертова штукавина, этот отросток или что оно там, проник бы ко мне в мозг, и я присоединился бы к ней и ко всей системе точно так же, как она сама подсоединилась к компьютеру.

Крисси, уже успевшая сменить свою тогу на высохшую рубашку и джинсы, страшно бледная, но решительная, стояла посреди ванной, боясь пропустить хоть слово.

Гарри подкатил свое кресло к самой двери.

Муз отошел от Гарри и лежал теперь у ног Сэма. Вероятно, он чувствовал, что гостю его утешение и ласка сейчас гораздо нужнее, чем хозяину.

Очень осторожно, кончиками пальцев касаясь Сэма, Тэсса чувствовала, какая холодная у него кожа; вряд ли он мог так замерзнуть за те несколько минут, что провел под дождем, возвращаясь из дома Кольтранов. Он весь дрожал; время от времени по телу его проходили судороги, и зубы тихонько стучали.

Чем больше Сэм рассказывал, тем холоднее становилось и Тэссе, и по временам его дрожь передавалась ей.

На запястье правой руки Сэма — там, где Кольтран цапнул его своей костлявой рукой, — и с тыльной, и с внутренней стороны остались глубокие раны; к счастью, основные кровеносные сосуды не были повреждены, так что Тэс-

се удалось быстро остановить кровотечение. Гораздо хуже выглядели синяки и кровоподтеки, которые еще только начинали проявляться и обещали принять довольно устрашающий вид через несколько часов. Сэм жаловался на боль в суставе, он почти не мог шевелить рукой, но Тэсса решила, что кости, по всей видимости, целы, и у него просто серьезный ушиб.

— ... так вот, все это выглядело так, как будто они получили способность управлять своим физическим обликом, — продолжал Сэм, сильно дрожа, — точно они могли принимать какую угодно форму, словно их сознание господствовало над материей, подчиняя ее себе, в точности так, как описывала Крисси того священника, который на ее глазах начал превращаться в чудовище из фильма ужасов...

Девочка кивнула.

— Это невозможно себе представить, но так оно и было — на моих глазах они изменяли свою форму, из их тел вырастали эти ужасные жгуты, они набрасывались, точно змеи, стараясь пронзить меня. Как ни странно, несмотря на этот невероятный контроль над своим обликом, над своим физическим состоянием и формой, все они почему-то норовят превратиться в каких-то жутких монстров, каких и в страшном сне не увидишь.

Ранка на животе была совсем маленькая. Правда, и здесь, как и над глазом, кожа была содрана таким же кружком, однако, похоже было, что змеевидный отросток, ударивший в это место, хотел только обжечь Сэма, причинить ему боль, а не проникнуть внутрь. От удара остался сильный, глубокий ожог — ничего больше.

— Сэм, — спросил Гарри из своего кресла, — как вы думаете, кто они, — просто люди, получившие способность управлять своей физической формой, добровольно избравшие такой путь, пожелавшие стать людьми-автоматами, или машины каким-то образом захватили власть и насильно подчинили их себе, заставили принять свой облик?

— Не знаю, — ответил Сэм, — думаю, возможно и то, и другое.

— Но как это могло случиться? Как их могли захватить и превратить в роботов, как вообще такие изменения могут происходить с обычным человеческим телом? И какое от-

ношение эта история с Кольтранами имеет к упырям-привидениям? Ведь между ними, несомненно, есть какая-то связь, а? Как вы считаете?

— Будь я проклят, если я хоть что-нибудь понимаю во всем этом! — воскликнул Сэм. — Знаю только, что все это каким-то образом связано с «Новой Волной». Это точно. Но все мы тут довольно поверхностно представляем себе, что такое микроэлектроника, нам же хватает знаний, чтобы строить какие-либо умозаключения. Для нас это нечто сверхъестественное, какое-то волшебство. Единственный способ узнать правду — попытаться все-таки соединиться с внешним миром, позвать на помощь, захватить Мунлайт Коув, обследовать кабинеты и лаборатории «Новой Волны» и по имеющимся там записям попробовать восстановить всю картину, наподобие того, как полицейские, исследуя угли и пепел сгоревшего дома, устанавливают причину пожара.

— Угли? — переспросила Тэсса, помогая Сэму надеть рубашку. — Вы так говорите о пожаре, сгоревшем доме и вообще обо всем этом, словно, по-вашему, все, что происходит в Мунлайт Коуве, стремительно несется к какому-то ужасному концу, к взрыву, извержению, в общем, чему-нибудь в этом роде.

— Так оно и есть, — подтвердил Сэм.

Он попытался одной рукой застегнуть пуговицы на рубашке, но в конце концов позволил Тэссе помочь ему. Она заметила, что он все еще не согрелся и слегка дрожит.

— Все эти убийства, которые они стараются скрыть, эти хищники, преследующие людей по ночам... — продолжал Сэм, — все это наводит на мысль, что развязка близка. Кажется, все их усилия идут прахом, все, что бы они ни предпринимали, идет вопреки их ожиданиям, оборачивается против них; это похоже на горный обвал — стоит упасть одному камешку, и камни начинают сыпаться градом, все быстрее, их уже не остановить, — Сэм говорил торопливо, ему не хватало воздуха. Он остановился, перевел дыхание.

— То, что я увидел у Кольтранов... Вряд ли кто-нибудь мог такое заранее предвидеть, это явно не было предусмотрено по плану; никому не может прийти в голову сознательно сделать такое с людьми, да и сами люди не допустили бы

никаких превращений, если бы знали, чем это для них кончится. Это выглядит так, словно какой-то научный эксперимент вышел из-под контроля, биологическое безумие, действительность, вывернутая наизнанку... Клянусь Богом, что если и в других домах этого города скрываются подобные секреты, то весь их проект вот-вот взорвется и обрушится на их головы, он просто погребет под своими обломками «Новую Волну» и своих создателей, хотя они этого или нет. Все это очень скоро взлетит на воздух, к чертям собачьим, ждать осталось совсем недолго, это будет грандиозный взрыв, нечто вроде извержения вулкана, и мы в его эпицентре!

С той минуты, когда Сэм появился на пороге кухни, весь мокрый, истекающий кровью, Тэсса, промывая и перевязывая его раны, постоянно замечала в нем нечто новое, пугавшее ее гораздо больше, чем его бледность и дрожь. Ему все время хотелось прикоснуться к кому-нибудь из них. Когда Тэсса в ужасе замерла, глядя на его глубокую, кровоточащую рану на лбу, Сэм обнял ее и долго не отпускал, склонившись к ней и ласково уверяя, что с ним все в порядке. Однако впечатление было такое, что он пытается уговорить самого себя, убедиться, что ни с ней, ни с Гарри, ни с Крисси ничего не случилось за время его отсутствия, что никто из них... не изменился. Он так крепко стиснул Крисси в объятиях, словно она была его родная дочь, приговаривая: «Все хорошо, не волнуйся, все будет хорошо!», заметив, как она напугана. Он ухватился за участливо протянутую ему руку Гарри и долго не хотел отпускать ее. В ванной, пока Тэсса перевязывала его раны, Сэм то и дело ласково дотрагивался до ее рук, а один раз даже дотронулся до ее щеки, словно удивляясь, какая нежная и теплая у нее кожа. Когда Крисси вошла в ванную, он дотронулся до нее, отечески похлопал девочку по плечу, а потом задержал ее руку в своей и ободряюще сжал ее. До сих пор за ним не замечалось таких нежностей. Куда подевались присущие ему сдержанность и самообладание, некоторая даже холодность и отстраненность в отношениях с людьми, казалось, неотделимые от него? Четверть часа, проведенные в доме Кольтранов, изменили его до неузнаваемости. Испытанное им там потрясение было таким сильным, что невидимая стена, которой он

отгородился от окружающих, рухнула; он всей душой тянулся теперь к теплу человеческих рук, ласковому, дружескому прикосновению; а ведь еще совсем недавно он ценил это гораздо меньше, чем хорошую мексиканскую кухню, ирландское пиво и фильмы с Голди Хоун.

Тэсса испугалась еще больше, когда осознала, через что должен был пройти Сэм, для того, чтобы так неожиданно и резко перемениться; его поведение казалось сродни обращению закоренелого грешника на смертном одре, — видя, что конец близок, и он вот-вот будет ввергнут в геенну огненную, тот в отчаянье взывает к Богу, о котором и не помышлял в лучшие дни своей жизни, надеясь обрести спасение и успокоение. Быть может, Сэм уже сомневался, что им удастся вырваться из этого пекла? Возможно, он так страстно тянется теперь к дружескому общению и участию, которое отвергал в течение стольких лет, чувствуя, что это последние и недолгие радости, которые он еще может получить в этой жизни, за несколько коротких часов, оставшихся до того, как огромная, бескрайняя, всеразрушающая тьма обрушится на них, поглотив их всех?

27

Очнувшись от своих знакомых, приятных видений, в которых человек и машина срачивались в единый необъятный организм с таинственным, неизвестным назначением, Шаддак снова чувствовал себя свежим и бодрым, будто он не дремал, а крепко и сладко проспал несколько часов подряд.

Потягиваясь, он вылез из автомобиля. С помощью инструментов, найденных в гараже, ему удалось открыть дверь в дом, который некогда принадлежал Пауле Паркинс. Он умылся, еполоснул руки и пригладил волосы.

Вернувшись к гаражу, Шаддак, нажав на кнопку, поднял большую дверь, предназначенную для въезда машин, и вывел свой микроавтобус на дорожку; на открытом воздухе удобнее было передавать сообщения и ловить короткие волны, чем в помещении.

Дождь все еще шел, и на лужайке перед домом было полно луж. Ветра не было, но легкие струйки тумана уже

вились в неподвижном воздухе, и чувствовалось, что к вечеру он снова накроет город своим влажным белым полотном.

Достав из холодильника второй бутерброд с ветчиной и бутылку кока-колы, Шаддак включил компьютер. Он решил проверить, как идут дела с выполнением проекта. С 6 утра до 6 вечера Превращению подлежало четыреста пятьдесят человек. Работа уже началась, и оказалось, что к настоящему моменту, — а было еще только без десяти час, — инъекции микросхем сделаны уже более чем тремстам жителям. Программа была рассчитана на двенадцать часов, а прошло еще только семь, значит, все шло отлично, даже с опережением графика.

Шаддак решил посмотреть, как идут поиски Сэмюэля Букера и Тэссы Локлэнд. Никого из них пока не нашли.

Другой на его месте встревожился бы, но он знал, что ему нечего волноваться. Он же видел черного ястреба, да еще и не один, а целых три раза, и он верил, что в конце концов все его желания исполнятся.

Девчонка Фостеров тоже как сквозь землю провалилась. Но Шаддака и это ничуть не взволновало. Скорее всего, она не дожидая до утра, встретив свою смерть где-нибудь на дороге. Так-то вот, иногда, оказывается, и регрессивные могут оказать услугу.

Возможно, что и Букер, и эта Локлэнд стали жертвами тех же исчадий ада. Вот уж поистине ирония судьбы, — усмехнулся Шаддак, — выходит, что регрессивные — этот единственный и, может быть, даже серьезный просчет в проекте, сами стоят на страже этого проекта, охраняя его тайну.

Он попытался связаться с Такером, подключившись к его компьютеру на «Новой Волне», затем проверил, нет ли его дома, но ни там, ни там его помощника не оказалось. А что, если Уоткинс был прав? Что, если Такер такой же регрессивный, как и Пэйсер, и теперь скрывается где-нибудь в лесах, не в силах вернуться к своему обычному человеческому состоянию, сбросить личину дикого зверя, хищника?

Вздохнув, Шаддак выключил компьютер. К полуночи все жители Мунлайт Коува пройдут через Превращение, и первый этап проекта «Черный Ястреб» будет завершен. Однако не совсем. Кое-что еще предстоит доделать.

Три тела, скоронившиеся в глубокой тьме подвала Коммуны «Исарус», слились в одно, в единое существо. Существо это было скользким и расплывчатым, без каких-либо четких телесных очертаний, — бескостная, пульсирующая масса, продолжающая существовать, несмотря на то, что у нее не осталось ни мозга, ни сердца, ни кровеносных сосудов, ни других внутренних органов. Это была громадная желеобразная амеба, простейшее одноклеточное животное, без головы, но осознающее себя, без глаз, — но видящее, без ушей, — но слышащее, и, хотя и лишенное пищеварительной системы, испытывающее постоянный мучительный голод.

Скопления полупроводниковых микросхем растворились в этой аморфной массе; ее внутренний микрокомпьютер не мог больше действовать после того, как ткань, в которую он был внедрен, подверглась таким изменениям; с другой стороны, подобному организму уже не требовалась никакая биологическая поддержка, которую должны были обеспечивать крохотные, введенные в ткани и внутренние органы микросхемы; да у него и не было больше этих внутренних органов. Теперь его связь с суперкомпьютером «Солнце» оборвалась, и, если даже с «Новой Волны» поступит всеобщий приказ умереть, он не достигнет бесформенного, студенистого одноклеточного — и оно будет жить.

Регрессируя до состояния простейшего биологического организма, существо это ускользнуло из-под всяческой власти, стало своим собственным хозяином.

Сознание его, прежде делившееся на три отдельные формы, теперь стало единым, таким же примитивным и аморфным, как и вмещавшее его тестообразное тело, растекающееся во тьме по холодному бетонному полу подвала.

У этого организма не было больше памяти, ведь вспоминать — значит хранить и оживлять в себе различные события или отношения, неизбежно влекущие за собой какие-то последствия; а любые последствия — неважно, плохие или хорошие, — предполагают ответственность за свои действия. Но ведь именно нежелание ни за что отвечать,

страх перед ответственностью и были той главной причиной, которая подтолкнула это существо к регрессии. К тому же память — это вечная боль, страдание о том, что ушло навсегда, чего нельзя вернуть. Не легче ли жить, не мучаясь, не томясь, не вспоминая ни о чем?

Вместе с памятью ушла и способность размышлять, строить планы на будущее, мечтать.

Простейшему, примитивному существу не надо думать о прошлом или заботиться о будущем. Оно живет настоящей минутой — без чувств, без мыслей, без тревог.

Его мучит только одно желание — выжить.

А чтобы выжить, ему нужна только одна вещь — пища.

29

Пока Сэм в доме Кольтранов сражался с монстрами — то ли людьми, то ли компьютерами, то ли зомби, а может быть, даже тостерами для гренок, — Тэсса и Крисси успели убрать со стола посуду. После того, как раны Сэма были перевязаны, все снова собрались на кухне; Крисси тоже уселась за стол вместе со взрослыми — она хотела послушать, как они будут обсуждать планы дальнейших действий.

Муз устроился у ног девочки, глядя на нее добрыми карими глазами; в них светилась такая безграничная любовь и преданность, словно эта малышка была ему дороже собственной жизни. Крисси не могла не ответить ему тем же; она беспрерывно поглаживала пса, почесывала у него за ушами, к немалому удовольствию последнего.

— Величайшая проблема нашего века, — начал Сэм, — как развивать научно-технический прогресс, получая те блага, которые он несет, в то же время не выпуская его из-под контроля? Можем ли мы использовать компьютер для преобразования нашего мира, улучшения нашей жизни без того, чтобы в один прекрасный день не начать обожествлять его, не сотворив из него кумира? — Сэм повернулся к Тэссе:

— Это не такой уж простой вопрос...

Тэсса нахмурилась:

— Я и не говорила этого. Иногда нами овладевает какая-

то слепая вера в могущество машин, мы принимаем, как величайшее откровение, все, что исходит от компьютера...

— Забывая при этом старую истину, — прервал ее Гарри, — не все то золото, что блестит.

— Вот именно, — подхватила Тэсса. — Временами, когда компьютер выдает нам какую-нибудь информацию или анализирует данные, мы относимся к этому, как к неопровержимым фактам, считая, что автомат не может ошибаться, что он непогрешим. И в этом кроется немалая опасность, — ведь машина может оказаться в руках сумасшедшего, который с ее помощью задумает, разработает и пожелает осуществить свои безумные планы. Возможно, ему не удастся сделать это так легко, как какому-нибудь талантливому ученому, работающему для блага людей, но, боюсь, что в результате это будет не менее эффективно.

— И все же, — продолжал Сэм, — люди почему-то упорно стремятся, можно даже сказать, всеми силами души желают зависеть от машин.

— Да, — согласился Гарри, — мы постоянно пытаемся уйти от ответственности, переложить ее на кого-то другого. Это вечное проклятое желание увильнуть, сбросить с себя тяжкое бремя необходимости отвечать за последствия наших поступков, видно, заложено в наших генах. Могу спорить на что угодно, что так оно и есть. Когда мы хотим чего-то достигнуть в этом мире, нам то и дело хочется преодолевать собственную инертность, безволие, желание отсидеться где-нибудь в укромном уголке за спиной других... Пусть другие действуют и отвечают за свои действия, — словно сам дьявол нашептывает нам эти слова. Иногда я думаю, что это началось в тот злополучный день, когда Ева послушалась увещаний змея и съела яблоко, — именно тогда дьявол внушил отвращение ко всякой ответственности всему роду человеческому. Именно в этом корни большинства наших несчастий и бед.

Крисси заметила, что эта тема очень волновала Гарри. Он даже слегка приподнялся в кресле, опираясь на локоть здоровой руки и помогая себе более или менее действующей ногой. Его обычно бледные щеки порозовели. Он сжал руку в кулак и смотрел на него так, словно в нем хранилось что-то драгоценное, будто он поймал какую-то очень важную

мысль и не отпустит ее до тех пор, пока не выскажет все до конца.

— Люди крадут и убивают, лгут и пускаются на любой обман, потому что они не чувствуют никакой ответственности за других, — горячо продолжал Гарри. — Политиканы рвутся к власти, они жаждут, чтобы им аплодировали, когда все идет по их плану, но мало кто из них соглашается честно ответить за неудачи. Мир полон людей, пытающихся научить вас, как нужно жить, уверяющих всех, что они точно знают, как создать рай прямо здесь, на земле, но когда оказывается, что они чего-то не додумали, что-то упустили, чего-то не предусмотрели, и все их планы летят к чертовой матери, и все заканчивается Дахау или Гулагом или массовыми убийствами, как это было, когда мы уходили из Юго-Восточной Азии, — тогда они отворачиваются, отводят глаза и делают вид, что они тут абсолютно ни при чем, и вся эта резня не имеет к ним никакого отношения.

Гарри вздрогнул, и по спине Крисси тоже прошла легкая дрожь, хотя она и не была совсем уверена, что поняла все, о чем он говорил.

— Боже милостивый! — воскликнул Гарри. — Я столько раз думал об этом, сотни, тысячи раз, особенно после войны.

— Вы говорите о войне во Вьетнаме? — спросила Тэсса.

Гарри кивнул. Он все еще рассматривал свой кулак.

— На войне, чтобы выжить, ты должен нести ответственность за каждый свой день, за каждую минуту, не колеблясь отвечать за себя, за каждое свое действие. И не только за себя, но и за своих друзей, потому что выжить одному невозможно, один, без товарищей, ты ничего не можешь, и они должны чувствовать твою поддержку. Возможно, это единственное благо, которое дает война, — она приучает тебя по-настоящему думать, там ты начинаешь понимать, что человек, если он сильный и добрый, не боится ответственности, ну, а всякая дрянь пытается скинуть ее на плечи других. Я не жалею о том, что воевал, даже после того, что война со мною сделала. Я многому там научился и, самое главное, научился нести ответственность за других. Я и теперь чувствую себя ответственным за людей, которые были со мной на войне, я всегда буду помнить о них, о тех, кого мы оставили там, на полях сражений, в братских мо-

гилах; иногда по ночам я лежу без сна и плачу, потому что все мы там были связаны друг с другом, на всех нас была одна война и одна судьба, но я вернулся, а они остались там, и я отвечаю за то, что покинул их.

Все молчали, не в силах заговорить.

Крисси чувствовала, как что-то сдавило у нее в груди; такое бывало с ней и раньше, в школе, когда какой-нибудь учитель, — неважно, о чем он говорил, — рассказывал о чем-то, чего она еще не знала, и что производило на нее необыкновенное впечатление, переворачивало все ее взгляды, так что она начинала по-другому смотреть на мир. Это случалось нечасто, но всегда рождало в ее душе трепет, словно от соприкосновения с чудом. Слова Гарри вызвали в ней это удивительное чувство, только на этот раз оно было в сто, тысячу раз сильнее, чем какое-либо впечатление или мысль, поразившие ее на уроке географии, математики или естественных наук.

— Гарри, — наконец, мягко сказала Тэсса, — мне кажется, ваше чувство ответственности несколько преувеличено, не стоит так переживать из-за того, что было, ведь вы и так сделали все, что могли, вы выполнили свой долг и даже больше.

Гарри перестал наконец рассматривать свой кулак и поднял на нее глаза:

— Нет. Ответственность никогда не может быть чрезмерной. Вы всегда в ответе за других, и никогда этого не будет достаточно или слишком много, — он улыбнулся Тэссе.

— Но я уже немножко знаю вас, Тэсса, и уверен, что вы и сами чувствуете точно так же, неважно, сознаете вы это или нет.

Потом, взглянув на Сэма, он добавил:

— Некоторые из тех, кто прошел войну, не видят в ней ничего хорошего, не находят в ней ничего, кроме ужаса и зла. Когда я встречаю таких людей, мне всегда кажется, что они из тех, кто никогда ничему не может научиться, им бесполезно что-либо объяснять, и я стараюсь избегать их, хотя и понимаю, что это нехорошо. Но ничего не могу с собой поделать. Зато когда я вижу человека, прошедшего войну и накрепко усвоившего ее уроки, понявшего, что к чему, тогда я готов все для него сделать, всем пожертвовать,

даже жизнью. О черт, да что там жизнью, душой, я готов отдать ему всю мою душу, — ведь, кажется, именно за нею сейчас идет охота. Вы вызволите нас из этой передрыги, Сэм, — Гарри, наконец, разжал кулак. — Я уверен, что вы сможете это сделать.

— Вы были во Вьетнаме? — с удивлением спросила Тэсса, повернувшись к Сэму.

Тот кивнул.

— Между колледжем и службой в Бюро.

— Но вы ничего не говорили об этом. Сегодня утром, когда мы готовили завтрак, и вы объясняли мне, что заставляет вас по-другому относиться к жизни, не так, как я, вы рассказали о смерти вашей жены, о товарищах, погибших при выполнении задания, о трудностях с сыном, но ни слова не сказали о войне.

Сэм помолчал, разглядывая свою раненую руку, потом ответил:

— Война — это очень личное дело, об этом невозможно говорить с другими.

— Как странно! Но почему?

— Ничего странного, — согласился Гарри, — для меня это тоже самое сильное и самое интимное впечатление из всего, что я испытывал в жизни.

— Если бы я в свое время не разобрался с этим, — добавил Сэм, — я бы, вероятно, возвращался к этому постоянно, не мог бы говорить ни о чем другом, кроме того, что пережил на войне. Но, слава Богу, я вовремя во всем разобрался, я все передумал и хорошо усвоил урок, который дала мне война. Так что теперь походя болтать об этом с каждым встречным значило бы... да, пожалуй, это значило бы обесценить все, что я получил. Так мне кажется.

— Но вы знали, что Сэм был во Вьетнаме? — Тэсса взглянула на Гарри.

— Да, знал.

— Вы каким-то образом почувствовали это?

— Точно так.

Сэм откинулся на стуле:

— Гарри, клянусь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вытащить нас из этой чертовщины. Мне только хотелось бы уразуметь, наконец, с чем мы имеем дело. Пока что я

понимаю только одно — все это исходит от «Новой Волны». Но что именно они там затевают, и как это можно остановить? И как вообще можно что-либо предпринимать, не понимая даже, кто твой враг, с кем или с чем ты должен бороться?

До сих пор многое из того, о чем говорили взрослые, было не слишком понятно для Крисси, хотя кое-что из их слов захватывало ее, вызывая радостную дрожь узнавания, открытия. Но теперь девочка почувствовала, что она тоже может высказать свое мнение:

— А вы уверены, что это не инопланетяне?

— Совершенно уверены, — улыбнулась ей Тэсса, а Сэм ласково потрепал по волосам.

— Ладно, — сказал Крисси, — но я все-таки думаю, что пришельцы могли захватить «Новую Волну»; они приземлились на ее территории и устроили там свою базу; может быть, они хотят всех нас превратить в роботов, как Кольтранов, сделать нас своими рабами, заставить служить себе? В общем-то, если хорошенько подумать, это гораздо разумнее, чем просто съесть нас. В конце концов, они ведь пришельцы, инопланетяне, а значит, у них какие-то особые желудки, и не такой желудочный сок, как у нас; вряд ли им легко было бы нас переварить, это могло бы вызвать у них изжогу или даже расстройство желудка.

Сэм, сидевший рядом с девочкой, ласково взял обе ее руки в свои и слегка сжал их, ощущая шершавость ее ободранной ладони и жгучую, пульсирующую боль в своем запястье.

— Крисси, не знаю, слушала ли ты то, о чем говорил сейчас Гарри...

— Конечно! — воскликнула девочка. — Очень внимательно.

— Прекрасно. Тогда ты поймешь, если я скажу, что обвинять во всех этих ужасах инопланетян, — это все те же попытки снять ответственность с тех, на ком она действительно лежит, то есть с нас, людей, обладающих удивительными и неисчерпаемыми возможностями ранить и мучить друг друга. Трудно, конечно, представить себе, чтобы кто-нибудь, даже сумасшедший, задумал сделать из Кольтранов то, чем они стали, и все же кто-то, очевидно, хотел именно

этого. И если мы попытаемся свалить свою ответственность на пришельцев, на Бога или дьявола, на гномов или злых духов, — вряд ли нам удастся тогда ясно оценить ситуацию и найти из нее выход. Понимаешь?

— Кое-что...

Сэм улыбнулся девочке. Он редко улыбался, но улыбка у него была чудесная, она освещала все его лицо.

— Надеюсь, ты поняла гораздо больше, чем «кое-что».

— Да, больше, чем «кое-что», — согласилась с ним Крисси. — Очень жаль, что это не инопланетяне. Будь это просто пришельцы из космоса, нам оставалось бы только найти их гнездо или улей или в чем они там живут, и поджечь его, так чтобы остались одни головешки; ну, может быть, еще взорвать их космический корабль, — и все, с ними было бы покончено. Но если те, кто это сделал, не инопланетяне, если они такие же люди, как мы, — тогда, возможно, нам никогда не удастся с ними справиться, по крайней мере, окончательно.

30

Все более отчаиваясь, почти теряя надежду, Лоуман Уоткинс колесил по улицам Мунлайт Коува, снова и снова осматривая каждый закоулок, заглядывая во все уголки, бесконечно кружа и кружа под дождем в поисках Шаддака. Он еще раз побывал в громадном доме на северном мысу, проверяя, не вернулся ли Шаддак, завернул в гараж, чтобы узнать, какую машину тот взял. Теперь он повсюду высматривал бежевато-серый микроавтобус с цветными стеклами, но тот как сквозь землю провалился.

То и дело на пути ему попадались группы, выполнявшие график превращений, и поисковые партии. Те, кто еще не прошел через Превращение, кажется, не замечали ничего необычного, но Лоуман прекрасно знал, что это за люди и чем они заняты.

На северном и южном постах, выставленных на шоссе, пересекающем округ, а также на восточном конце Оуптэн Авеню — там, где она выходила на автостраду, — сотрудники Лоумана останавливали всех, желавших въехать в Мунлайт Коув. Патрульные машины стояли на шоссе с включенны-

ми моторами, и струйки выхлопных газов, поднимаясь над ними, смешивались с нежными, серебристыми змейками тумана, скользящими сквозь дождевые струи. Красный свет сигнальных огней плыл, отражаясь в мокрой черной мостовой, он, словно пролитая кровь, растекался по ней ручейками и лужами.

Желающих посетить Мунлайт Коув было не так уж много. Городок не был ни окружным, ни торговым центром, так что делать в нем было особенно нечего. К тому же он был расположен почти в самом конце шоссе, проходящего через округ, поэтому проезжать через него тоже вроде было некуда и незачем. Тех, кто хотел заехать в город по каким-то делам, заворачивали обратно, мороча им голову байкой о ядовитом выбросе с «Новой Волны». Тех, кто не верил и пытался возражать, задерживали и отправляли в тюрьму; там они должны были оставаться, пока не будет принято решение, что с ними делать дальше — убить или подвергнуть Превращению. С раннего утра, когда были перекрыты все пути, ведущие в город, было остановлено всего около двадцати человек и только шестеро из них находились сейчас в камерах.

Шаддак правильно выбрал место для своего эксперимента: Мунлайт Коув находился в стороне от больших дорог, и его, таким образом, можно было легко держать под контролем.

Лоуман раздумывал, не снять ли ему посты; тогда он мог бы выехать в соседний городок Абердин Уэллс и обратиться за помощью к окружному шерифу. Ему хотелось, чтобы проклятый проект «Черный Ястреб» — это безумное творение Шаддака — взлетел на воздух, лопнул с треском, как воздушный шарик.

Лоуман ничего больше не боялся — ни ярости Шаддака, ни смерти. Хотя нет... не совсем так. Он все еще боялся и Шаддака и возможности умереть, но страх превратиться в нечто, подобное Дэнни, намного превосходил все эти опасения. Лучше уж сдаться на милость шерифа Абердина и федеральных властей; пусть даже ученые, расхлебывая кашу, заваренную Шаддаком, и пытаясь установить причины происходящего в Мунлайт Коуве, захотят вскрыть его тело, пусть... В любом случае это лучше, чем, оставаясь в городе, неизбежно потерять жалкие остатки своей человеческой

сущности, превратившись в дикое, отвратительное животное или в кошмарный симбиоз человека и компьютера.

Но если он попытается распустить своих офицеров, они могут заподозрить неладное; в случае чего они наверняка будут на стороне Шаддака — с ним они связаны самыми крепкими узами — страхом. Они все еще боялись своего хозяина из «Новой Волны» более, чем чего-либо другого; они ведь не видели Дэнни и не могли себе представить, что в будущем им может быть уготовано что-нибудь более ужасное, чем регрессия — уход в дикое, допервобытное состояние. Подобно зверюльям Моро, они продолжали придерживаться Закона, не осмеливаясь, по крайней мере, до поры до времени, предать своего создателя и властелина. Скорее всего, они постараются остановить Лоумана, помешать ему сорвать выполнение проекта «Черный Ястреб», любимого детища Шаддака; они или убьют его или, — что еще хуже, — засадят в тюрьму.

Он не должен рисковать, раскрывая свои опасные для проекта планы — в результате он мог навсегда лишиться возможности разделаться с Шаддаком. Он уже видел себя в тюремной камере, видел лицо Шаддака по ту сторону железной решетки, его презрительную, ледяную улыбку и громадный компьютер, к которому его, Лоумана, подводят, чтобы слить его с ним воедино, в чудовищный организм из плоти и металла.

Плывающиеся, серебристые шарики глаз...

Лоуман продолжал кружить по улицам под монотонную музыку дождя, барабанищего по крыше машины, вглядываясь через рябое от капель стекло в серую, туманную морось. Дворники мерно двигались взад и вперед, будто отсчитывая время. Полночь приближалась неумолимо.

Лоуман чувствовал себя человеком-пумой, и он вышел на охоту, он гнался за своим мучителем, за тем, кто обрек его на непрерывные страдания; где-то здесь, в джунглях острова, на улицах Мунлайт Коува, затаился его Моро.

Первое время аморфное, студенистое существо было очень довольным, питаясь тем, что находило в округе. Оно

протягивало свои тонкие, хищные щупальца вдоль водостока, проложенного в полу подвала, или через узкие щели в стенах, захватывая ими жуков и личинок, гусениц и дождевых червей, в изобилии водившихся в этой влажной, мягкой земле. Оно уже не помнило их названий, но с бешеной жадностью поглощало их; этот желеобразный организм требовал громадного количества пищи.

Вскоре, однако, ненасытное чудовище уничтожило всех насекомых и червей в окружности десяти ярдов от дома; ему требовалась более существенная и сытная пища.

Оно вздыбливалось, разбухало, вскипало пузырями, стремясь, вероятно, как-то изменить свою форму, чтобы выбраться из подвала и охотиться на свободе, выслеживая добычу. Но оно уже ничего не помнило о своей прошлой жизни и о том, каким оно тогда было, да и не желало принимать жесткую форму, вводя свое полужидкое тело в какие-либо границы.

Это колышущееся желе, едва сознающее самый факт собственного существования, все еще способно было заставить других удовлетворять свои потребности. Внезапно склизкая, бесформенная масса разверзлась множеством безгубых, беззубых ртов, из которых понесся вопль, но почти беззвучный, по крайней мере, не слышный человеческому уху.

Десятки мышей, снующих по всему дому, роющих свои норы, что-то грызущих, чистящихся и делающих запасы, замерли, как по команде, внимая призывному звуку, несущемуся из подвала.

Студенистое существо ощущало их присутствие, сквозь трещины стен до него доносилась их возня, но для него это были не мыши, а маленькие кусочки теплой, живой плоти. Пища. Горючее для организма. Оно желало их. Оно их жаждало.

И пыталось выразить свою потребность бессловесным, но мощным призывом.

Мышей было бесчисленное множество, они скреблись во всех уголках дома. Они сидели на задних лапках, умываясь передними, терли свои мордочки, словно бы стараясь счистить с них липкие нити паутины, отскребали паутину от своей шерстки.

летучие мыши, обитавшие на чердаке, тоже откликнулись на беззвучный зов. Они сорвались с балок, на которых безмятежно покачивались вниз головой, и заметались по комнате, едва не натываясь на стены и друг на друга.

Но никто так и не спустился в подвал. Призывные звуки, хотя и достигли маленьких зверьков, оказались, видимо, не настолько сильны, чтобы произвести желаемое действие.

Бесформенная, тестообразная масса умолкла.

Ее многочисленные рты захлопнулись.

Летучие мыши одна за другой вернулись на свои балки и снова повисли на них.

Другие зверьки посидели еще минутку, удивленно прислушиваясь, затем разбежались, занявшись своими обычными делами.

Выждав чуть-чуть, громадная амеба повторила свою попытку; на этот раз вопль ее звучал еще более призывно, его модуляции и колебания должны были привлечь каждого, к кому он был обращен.

Летучие мыши сорвались со стропил и закружились по чердаку так неистово, что по стремительному мельканью и хлопанью их крыльев можно было подумать, будто их больше сотни, когда на самом деле их было не более десятка. Они так сильно били крыльями, что заглушали шум дождя, барабанившего по дырявой крыше.

Мыши во всех уголках дома насторожились, присев на задние лапки, наострив уши. Те, что были внизу, ближе к подвалу, дрожали так сильно, точно увидели громадную, изготовившуюся к прыжку и оскалившую зубы кошку.

С пронзительным криком летучие мыши ринулись сквозь дыру в потолке и, ворвавшись в огромную пустую комнату, стали кружиться, как безумные, то взмывая вверх, то стремительно ныряя вниз.

На нижнем этаже две мыши начали потихоньку подбираться к кухне, прямо к открытой двери, ведущей в подвал. Однако на пороге обе они остановились, испуганные и смущенные.

Слизистое существо внизу утратило свой призывный вопль.

Внезапно кровь брызнула из ушек одной мыши, и она опрокинулась замертво.

У летучих мышей наверху испортились радары, и они слепо ударялись о стены, потеряв всякое понятие о направлении и пространстве.

Тогда гигантская медуза в подвале несколько уменьшила силу своих жадных призывов.

В ту же секунду крыланы вырвались из комнаты и понеслись сначала по коридору, потом вниз по лестнице, отчаянно взмахивая крыльями, а внизу, под ними мчались опережая друг друга, мыши.

Бесчисленные рты пульсирующей массы слились в одну громадную разверстую пасть в центре.

Друг за другом, мелькая, как черные карты в колоде, крыланы исчезали в этом бездонном отверстии. Слизистая, липкая протоплазма поглотила их, мгновенно переварив в своей необъятной и ненасытной утробе.

Множество мышей, четыре крысы и даже два бурундучка, покинувших свои теплые, насиженные норки в трещинах стен, откликнувшись на манящий призыв, понеслись вниз по лестнице, торопясь, падая и наталкиваясь друг на друга, возбужденно попискивая. Все они исчезли в жадной разинутой пасти.

Шквал пронесся, и снова все замерло, дом погрузился в мертвую тишину.

Бездонная пасть закрылась, из нее больше не вылетало никаких звуков. Но ненадолго.

32

Нэйл Пэннивес должен был патрулировать в северо-западном секторе Мунлайт Коува. Он был один в машине. Даже при том, что «Новая Волна» выделила сотню своих служащих в помощь полиции, людей не хватало.

К тому же теперь он предпочитал работать без напарника. После того, что случилось в доме Пэйсера, когда он едва не впал в регрессию, одурманенный запахом крови и замороженный зрелищем превращения, происходившего у него на глазах, Пэннивес стал бояться людей. Конечно, ночью ему все-таки удалось удержаться, не поддаться искушению, но он был уже на самом краю, он чуть не соскользнул в пропасть. Если такое случится еще раз, если кто-нибудь

снова начнет изменяться на его глазах, это страстное, темное, непреодолимое желание может вспыхнуть в нем с новой силой, и он не был уверен, что на этот раз оно не овладеет им целиком.

Однако и одному было не легче. Бороться с собой, пытаться сохранить жалкие остатки человеческой сущности, сопротивляться надвигающейся тьме и хаосу, нести тяжкое бремя ответственности было невероятно утомительно. Ему хотелось скинуть с себя эту тяжесть, убежать, спрятаться куда угодно от этой новой, невыносимой жизни. В одиночестве, не имея рядом никого, кто мог бы остановить его, если он забудется и начнет терять свой человеческий образ, свою природную сущность, никого, кто удержал бы его от регрессии, у него не хватит сил противостоять соблазну. Пэннивес чувствовал, что он пропал.

Страх сжимал ему грудь; молодому полицейскому казалось, будто его придавили тяжелой свинцовой плитой, и жизнь по каплям просачивается, уходя из него. Ему нечем было дышать, легкие будто сдавили стальным панцирем, воздуху не хватало.

Его черно-белая патрульная машина точно уменьшилась, становилась тесной; Пэннивесу чудилось, будто его скрутили, затянув в смирительную рубашку. Беспрерывное, мерное постукивание дворников по ветровому стеклу нарастало, становилось оглушительным, гремело, словно канонада. Пэннивес то и дело останавливался, распахивал дверцы машины и, подставляя лицо дождю, глубоко вдыхал прохладный утренний воздух.

Шло время, серое дождливое утро сменилось таким же угрюмым, пасмурным днем, и Пэннивесу стало казаться, что не только автомобиль, но и мир вокруг него уменьшается, сжимается, становится слишком тесным. Он остановился на Холягуэлл Роуд, примерно в полумиле от Главного Управления «Новой Волны», и вышел из машины, чтобы отдышаться. Но ему не стало легче. Тяжелые серые тучи нависали над самой головой, закрывая от него бескрайнюю небесную высь. Дождь и туман, словно полотнища блестящего, полупрозрачного шелка, висели между небом и землей, отгораживая его от всего остального мира. Сырой, липкий воздух совершенно не освежал, он залеплял нос и рот,

мешая дышать. Дождевая вода пенящимися потоками бежала вдоль улиц, переполняя сточные канавы; дождь бесконечными, тягучими струйками стекал с деревьев, капал, казалось, с каждой веточки, с каждого листочка; капли отскакивали от мокрой черной мостовой, гулко барабанили по крыше машины, дождь пипел, как масло на сковородке, скворчал и булькал; он бил по лицу, хлестал с такой силой, будто тысячи маленьких молоточков набросились на него, стараясь сбить с ног; каждый из них сам по себе был вроде бы совсем крохотный и безобидный, но все вместе они колотили по нему, как громадный молот по наковальне.

Раньше Нэйлу казалось, что он и минуты больше не высидит в машине, но теперь он с удовольствием забрался обратно.

Он понимал, что пытается убежать не от дождя, и не из замкнутого пространства машины. Настоящая причина его паники и отчаяния крылась в нем самом — он потерял в себе Прежнего Человека и жил теперь в новом, прекрасном мире, построенном Шаддаком. Из всех чувств в этом мире оставалось только одно — страх, и это было невыносимо — все равно, что живому лежать в узком, тесном гробу и слышать, как над головой кто-то заколачивает крышку. Только эта стесненность и давление шли не снаружи, не от каких-либо внешних причин, а таились в нем самом, в том существе, которое сделал из него Шаддак.

А значит бежать было некуда.

Разве что в регрессию.

Нэйл не мог вынести ту жизнь, которую он теперь обречен был вести до конца своих дней. Но и мысль о регрессии, о том, чтобы уйти в какое-то дочеловеческое состояние, была ему отвратительна, ужасала его.

Проблема казалась ему неразрешимой.

Нэйл без конца возвращался к этим мыслям, он просто не мог перестать думать об этом, и бесконечные тягостные размышления о безвыходности своего положения были не менее мучительны, чем сама безвыходность. Вновь и вновь он пытался найти какое-нибудь решение... Но тщетно.

Ему становилось немного легче, беспокойство и страх ненадолго отступали, только в те минуты, когда он работал с компьютером. Сидя перед небольшим экраном в своей

патрульной машине и просматривая сводку, чтобы узнать, нет ли для него каких-нибудь записей, или проверяя, как выполняется график превращений, в общем, так или иначе работая с компьютером, Нэйл был абсолютно сосредоточен, все его внимание было отдано общению с машиной, и терзающие его тревога и удущье от замкнутого, сужающегося и давящего пространства хоть на короткое время если и не исчезали совсем, то, по крайней мере, ослабевали.

Нэйл с детства интересовался компьютерами, можно даже сказать увлекался, хотя фанатом никогда не был — он был не настолько одержим. Начал он, естественно, с компьютерных игр, потом ему подарили кое-что посерьезнее, хотя и этот компьютер был не слишком дорогой. Следующий, более сложный, с устройством связи, он уже купил себе сам, на деньги, заработанные летом. Правда, он никогда не проводил перед экраном все свободное время и не осмеливался выйти на более дальнюю связь, чем тихие заводы Мунлайт Коува, подключаясь к компьютерной сети внешнего мира, тем не менее он находил такие вылазки интересными, даже захватывающими.

Теперь, сидя в машине на Холлиуэлл Роуд перед экраном своего VDT, он вдруг подумал, что внутренний мир компьютера, должно быть, восхитительно чистый, упорядоченный, простой и ясный; в нем все разумно и четко распланировано, в отличие от жизни людей, неважно, Препжних или Новых. В этом мире правила логика и здравый смысл. Все причины и следствия, все основные и дополнительные результаты подвергались анализу, всему находилось объяснение и должное место. Там все делилось на черное и белое, а если и попадался серый цвет, то это был хорошо отмеренный серый, выверенный по количеству и качеству. С бесстрастными фактами гораздо легче иметь дело, чем с чувствами. Мир, состоящий из чистых данных, из информации самой по себе, отделенной от предшествующих ей событий, от всего материального, казался Нэйлу гораздо более притягательным, чем тот, что его окружал, где были жара и холод, резкость и острые углы, ровные дороги и ямы, кровь и смерть, боль и страх.

Пэннивес вызывал одно меню за другим, углубляясь в исследования, которые велись по проекту «Черный Яст-

реб». Ему не нужны были эти данные, но он находил успокоение в самом процессе нажимания на кнопки и появления одного за другим графиков и таблиц на экране.

Теперь он видел в экране компьютера не катодно-лучевую трубку, поставляющую нужную информацию, а окно в другой мир. Мир фактов. Мир, свободный от мучительных противоречий... и ответственности. В этом мире ничто не могло быть потеряно; там было только известное и неизвестное, обширная или скудная информация по какому-либо вопросу, но без всякой примеси эмоций; никаких чувств; чувства были проклятием жалких существ из костей и мяса, они не нужны были надежному механизму из пластмассы и металла.

Окно в другой мир...

Нэйл дотронулся пальцами до экрана.

Ему хотелось бы открыть это окно и шагнуть туда, где царит разум, покой и порядок.

Кончиками пальцев он тихонько водил по теплomu стеклу экрана.

Странно, он вдруг подумал о Дороти, девочке в летающем домике, и ее собачке Тото, унесенных могучим ураганом из бескрайних, серых и унылых степей Канзаса и заброшенных в волшебную страну Оз, чудесную и удивительную. Вот если бы сейчас из компьютера вырвался какой-нибудь электронный ураган и перенес его подальше отсюда, в прекрасное, тихое место...

Пальцы Нэйла прошли сквозь стекло экрана.

Потрясенный, не веря своим глазам, он быстро выдернул их обратно.

Стекло было цело. На нем, как и прежде, светились ровные цепочки слов и цифр.

Нэйл попробовал было убедить себя, что это была всего лишь галлюцинация, но он знал, что это не так.

Пэннивес пошевелил пальцами. В них ничего не изменилось — они были такими же, как всегда.

Он посмотрел на улицу, исхлестанную дождем и ветром. Дворники были выключены, струйки воды непрерывно сте-

* Героиня широко известного произведения американского писателя Ф. Баума «Мудрец из страны Оз». (Прим. ред.)

кали по ветровому стеклу, искажая мир за окном — все казалось странным, изогнутым, как в кривом зеркале, незнакомым. В таком мире, конечно, не могло быть ни порядка, ни здравого смысла, ни покоя.

Нэйл осторожно, выжидательно дотронулся до экрана еще раз. Он был гладким и твердым.

Он опять подумал, как хороша, как чиста, точна и размеренна должна быть жизнь в компьютере, — и снова рука его прошла сквозь стекло, на этот раз углубившись внутрь по самое запястье. Приоткрывшись, чтобы пропустить ее, экран плотно сомкнулся вокруг, теплой, упругой оболочкой охватывая кисть. При этом на нем продолжала светиться информация, вспыхивали цифры и знаки.

Сердце Нэйла готово было выскочить из груди. Он был испуган и в то же время приятно возбужден.

Он попытался нащупать что-нибудь в этой таинственной, теплой тьме, но не почувствовал своих пальцев. Нэйл подумал, что они, должно быть, растворились там, внутри, или их отсекло чем-нибудь, и когда он вытащит обрубок руки наружу, из него фонтаном будет хлестать кровь.

Он вытянул руку из-за экрана.

Пальцы были на месте.

Но это не была уже его прежняя, человеческая рука. От кончиков ногтей до запястья она, казалось, вся была пронизана металлическими и стеклянными нитями, пульсировавшими, как вены. Тонкие, стекловидные волокна ритмично подрагивали и светились.

Нэйл перевернул руку. Ладонь и внутренняя сторона пальцев напоминали электронно-лучевую трубку: на темном, гладком и блестящем, как стекло, фоне, загорались зеленые знаки, светилась информация, как на экране компьютера. Сравнив данные на своей руке с теми, что были на настоящем экране, Пэннивес обнаружил, что они в точности повторяют друг друга; как только компьютер выдавал новую информацию, то же самое происходило и с рукой.

Внезапно Нэйл понял, что уход в регрессию, переход в животное состояние — не единственный путь, открытый перед ним; вместо того чтобы бежать в эту отвратительную примитивную форму, он может перейти в мир электронных мыслей и магнитной памяти, в мир чистого знания без

примеси томительных желаний плоти, разума, очищенного от эмоций. Не то чтобы это предчувствие облеклось в его уме именно такими словами, — он не мог бы выразить свои ощущения, но это нельзя было назвать и чисто инстинктивным предвидением. Это знание открылось ему на каком-то другом уровне, более глубоком, чем разум или интуиция. Да, он знал теперь, был уверен, что может изменить себя так, как и не снилось Шаддаку.

Пэннивес снял руку с экрана и опустил ее на клавиатуру процессора, установленного между сиденьями. С той же легкостью, что и прежде, кисть его прошла через клавиши и переднюю стенку процессора, углубляясь во внутренности механизма.

Он был теперь, словно бесплотное привидение, дух, способный проходить через любую стену.

Леденящий, какой-то металлический холод пополз вверх по его руке.

Информация на экране исчезла, сменившись загадочными светящимися иероглифами.

Пэннивес откинулся на сиденье.

Холод поднялся уже до плеча, охватывая шею.

Нэйл вздохнул.

Он чувствовал, как что-то происходит с его глазами, хотя и не знал, что именно. Он мог бы посмотреть в зеркальце заднего вида, но не хотел. Какая разница? Лучше совсем закрыть глаза, и пусть они становятся чем угодно, всем, что потребуется для этого второго, более полного, окончательного превращения.

Такое измененное состояние было несравненно притягательнее, чем образ регрессивного; оно манило и влекло к себе; его зову невозможно было противиться.

Лицо Нэйла начало застывать, рот онемел, губы не шевелились.

В голове его тоже что-то начало меняться. Он видел все изгибы и извилины своего собственного мозга так же ясно и отчетливо, как предметы окружающего его мира. Но он больше не чувствовал своего тела, оно словно перестало ему принадлежать, как будто из него удалили все нервы, оставив бесчувственную оболочку; он не мог бы теперь сказать даже, тепло или холодно в машине, для этого ему нужно было

собрать данные и получить информацию от компьютера, частью которого он стал. Тело его было всего лишь корпусом машины, призванным нести чувствительные датчики, защищать от повреждений самую ценную часть механизма — его электронно-вычислительный мозг.

Страшный, неземной холод проник к нему в череп, обжигая его изнутри.

Он был похож на десятки, сотни, тысячи ледяных паучков, быстро перебирающих своими остренькими лапками, вонзающих ему в мозг свои щупальца.

Нэйл вдруг вспомнил, что волшебная страна Оз в конце концов оказалась Дороти воплощением кошмара, и она отчаянно желала вернуться обратно, в родной Канзас. Алиса, спустившаяся вниз по кроличьей норе, а потом проникшая в Зазеркалье, тоже нашла там только ужас и безумие...

Миллионы ледяных паучков...

Копящихся в его мозгу...

Миллиарды...

Вонзающих щупальца.

Ледяной холод, лед.

33

Все так же кружа по Мунлайт Коуву в поисках Шаддака, Лоуман заметил двух регрессивных, перебегающих через улицу.

Он был в это время на Паддок Лэйн, в самом южном конце города, там, где частные владения были настолько велики, что люди могли держать лошадей. Ранчо тянулись по обеим сторонам дороги, рядом с домиками или прямо за ними были пристроены конюшни. Сами домики стояли в глубине, за красивыми металлическими оградами; перед каждым из них была просторная лужайка, живописно засаженная деревьями и различными декоративными кустарниками.

Регрессивные внезапно выскочили из-за высоких, буйно разросшихся кустов азалий; даже сейчас, в октябре, они

* Героиня классических произведений Льюиса Кэррола (1832-1898) «Алиса в Стране Чудес» и «В Зазеркалье». (Прим. ред.)

все еще были покрыты густой листвой, хотя уже и не цвели. Странные существа, мелькнув, как молния, на четвереньках промчались через дорогу, перепрыгнули через канаву и, продравшись сквозь живую изгородь, исчезли за нею.

Хотя вдоль всей Паддок Лэйн по обе ее стороны росли высокие сосны, и тени их, падая на дорогу, добавляли свой сумрак к неяркому, серенькому свету дня, Лоуман ни минуты не сомневался в том, что он видел. Они больше напоминали чудовищный плод фантазии кинорежиссера, постановщика фильмов ужасов, чем обычных животных; в них было что-то и от волка, и от хищников из семейства кошачьих, и от рептилий. Их гибкие тела были мощными и стремительными. Один из них повернулся к Лоуману; глаза его из темноты сверкнули красным огнем, как у крысы.

Лоуман убавил скорость, но не остановился. Его не волновало, кто эти регрессивные, и он не собирался их задерживать. Собственно говоря, ему и так было известно, кто они — все, кто прошел через Превращение. И он знал, что остановить их можно только одним способом — остановив Шаддака. Лоуман Уоткинс начал свою самую крупную игру и не хотел размениваться по мелочам.

И все-таки его потрясло то, как нагло они разгуливают по улицам города, охотясь прямо среди бела дня; была всего лишь половина третьего. До сих пор они были ночными хищниками, тайными и невидимыми, только после захода солнца рисковавшими принимать свой звериный облик; они скрывали свой позор под покровом ночи, опасаясь, что кто-нибудь может их увидеть. А вот теперь они осмелились выйти до наступления темноты. Если так пойдет, замечательный проект Шаддака рухнет гораздо быстрее, чем предполагал Лоуман. Все они, жители Мунлайт Коува, не просто балансируют на краю пропасти, а, перегнувшись, заглядывают в бездну и вот-вот, потеряв равновесие, полетят в преисподнюю, ко всем чертям!

34

Они снова собрались в спальне Гарри на втором этаже; последние полтора часа они провели здесь, упорно ища выход из положения, обсуждая различные возможности;

каждый отстаивал свою точку зрения. Лампу не зажигали. Унылый, сероватый свет дождливого полдня лился в комнату, отнюдь не улучшая настроения.

— Итак, к чему же мы пришли? — подытожил Сэм. — У нас есть два пути, два способа связаться с внешним миром.

— Но любой из них, — возразила Тэсса, — требует пройти немалое расстояние по городу, чтобы попасть в нужное место.

Сэм только пожал плечами.

Тэсса и Крисси, сбросив туфли, сидели на кровати, приклонив головы к ее спинке. Девочка явно старалась держаться поближе к Тэссе, подобно тому как только что вылупившийся из яйца цыпленок жметя к большой, взрослой птице, независимо от того, его ли это мать или нет.

— Это будет потруднее, чем проскользнуть два шага до дома Кольтранов, — заметила Тэсса. — Тем более днем.

— Так вы считаете, что я должен сидеть здесь до темноты? — удивился Сэм.

— Конечно. К вечеру, когда стемнеет, и туман сгустится, проще будет пройти незамеченным.

Она действительно так думала, хотя и опасалась отсрочки. Пока они тут теряют время, сколько еще людей подвергнут превращению! Мунлайт Коув наполнится бесчисленными ужасными существами, станет чужим, на каждом шагу грозящим опасностями.

— Когда примерно начинается темнеть? — спросил Сэм, повернувшись к Гарри.

Гарри сидел в своем кресле на колесиках; Муз пристроился рядом, просунув свою большую голову под ручку кресла и положив ее на колени хозяина, готовый сколько угодно просидеть в такой неудобной позе, ожидая мимолетного поглаживания, почесывания за ушами, ласкового слова.

— В последние дни темнеет уже около шести, — ответил Гарри.

Сэм продолжал сидеть у телескопа, хотя сейчас он не смотрел в объектив. Несколько минут тому назад он, осматривая улицы, заметил, что движение на них усилилось — появилось еще больше патрульных машин и пеших патрулей. Чем меньше людей в Мунлайт Коуве оставалось непревращенными, тем более дерзкими становились дейст-

вия заговорщиков, тем меньше они заботились о том, чтобы сохранять свой проект в тайне, не привлекая к себе особого внимания.

— Не могу сказать, чтобы я был в восторге от мысли потерять три часа или даже больше, сидя тут в ожидании сумерек, — задумчиво сказал Сэм. — Чем раньше мы сумеем связаться с внешним миром и получить оттуда помощь, тем больше людей удастся спасти от... от того, что с ними собираются сделать.

— Но если вы выйдете до наступления темноты и вас поймут, — возразила Тэсса, — то вряд ли нам удастся спасти хоть одного человека.

— Мне кажется, дама права, — согласился Гарри.

— Я тоже так думаю, — серьезно сказала Крисси. — Если они не пришельцы, то это совсем не значит, что с ними легче будет справиться, чем с настоящими инопланетянами.

Поскольку даже по работающим телефонам можно было связаться только с определенными номерами и только внутри города, они отказались от этой мысли. Но Сэму пришло в голову, что любой компьютер, подсоединенный к центральному, на «Новой Волне», — Гарри сказал, что его называют «Солнце», — имеет выход в другие районы страны — этакая электронная автострада, с помощью которой они могут обойти все преграды на телефонных линиях и на дорогах.

Еще ночью, работая с VDT в полицейской машине, Сэм обнаружил, что «Солнце» поддерживает прямую связь с десятками компьютеров в других городах, включая несколько банков данных ФБР, доступ в которые мог быть получен только по специальному разрешению; предполагалось, что они закрыты для всех, кроме самих агентов. Если бы ему удалось добраться до какого-нибудь компьютера, связаться по нему с «Солнцем» и таким образом выйти на связь с каким-либо компьютером Бюро, он мог бы послать просьбу о помощи, и его призыв появился бы на экранах компьютеров главного управления ФБР и всех его филиалов.

Разумеется, все это в том случае, если их предположения верны, и ограничения касаются только телефонных линий, не затрагивая внешних контактов главного компьютера. Если же и «Солнце» отключили от всех центров за пределами города, тогда у них не останется никакой надежды.

Сэму, естественно, не хотелось повторять опыт с Кольтеранами и пытаться воспользоваться компьютером кого-либо из сотрудников «Новой Волны». В результате оставалось только два способа добраться до одного из компьютеров, связанных с центральным.

Во-первых, можно было попытаться сделать то же, что и прошлой ночью, — то есть забраться в одну из патрульных машин и использовать для связи их портативный мини-компьютер. Но теперь ему было бы гораздо труднее проскользнуть в свободную машину, ведь полицейские уже знали о том, что он в городе, и были настороже. К тому же вряд ли ему удалось бы найти хоть один автомобиль на стоянке, наверняка все они были задействованы для поисков его самого и Тэссы. Но даже если бы и нашлась такая машина, то, надо полагать, и в здании муниципалитета и вокруг него сейчас уже далеко не так тихо и спокойно, как было ночью.

Другой путь — проникнуть в школу на Рошмор Уэй и, воспользовавшись установленными там компьютерами, связаться с «Солнцем». ЭВМ подарила школьникам «Новая Волна» и уж, конечно, не потому, что ее руководство было озабочено качеством обучения в старших классах; просто это было еще одной нитью, связывавшей местных жителей с авторами проекта «Черный Ястреб». И Сэм, и Тэсса почти не сомневались, что школьные ЭВМ имеют выход на главный компьютер «Новой Волны».

Однако от дома Гарри до Учебного Центра Мунлайт Коува, — так назывались объединенные младшая и средняя школы, — нужно было пройти два квартала на запад, до Рошмор Уэй, а там повернуть на юг и пройти еще один квартал. В обычное время это была бы приятная вечерняя прогулка, и заняла бы она не больше пяти минут. Но сейчас, когда на каждом шагу можно было наткнуться на патруль, а любой дом мог оказаться сторожевой башней, кипящей врагами, добраться до Учебного Центра и не попасться никому на глаза было, пожалуй, не проще, чем пройти через минное поле.

— К тому же, — добавила Крисси, — они все равно там еще занимаются, так что вы не смогли бы так просто войти туда и поработать с компьютером.

— Да еще если учесть, — вмешалась Тэсса, — что учителя, вероятнее всего, были превращены в первую очередь.

— Когда заканчиваются уроки? — спросил Сэм.

— Так, у нас, в младших классах, в три часа, но старшеклассники обычно заканчивают на полчаса позже.

— Значит, в три-тридцать, — уточнил Сэм.

— Осталось еще сорок семь минут, — взглянув на часы, заметил Гарри. — Но ведь бывают еще всякие дополнительные занятия, а?

— Конечно, — подтвердила девочка. — Репетиция школьного оркестра, футбольные тренировки, ну, и еще разные кружки, у которых нет определенного расписания.

— И когда же это все заканчивается, когда они, наконец, расходятся по домам?

— Репетиция оркестра обычно продолжается с без пятнадцати четыре до без пятнадцати пять, в общем, примерно час, — ответила Крисси. — Я знаю, потому что у меня там есть подруга; она на год старше меня и уже играет в оркестре. А я умею играть на кларнете. Я бы тоже хотела играть в оркестре на будущий год. Если, конечно, еще будет оркестр. И будущий год тоже.

— Так значит, ты говоришь... часам к пяти там уже никого не остается.

— Ну, футбольные тренировки продолжаются дольше.

— Как ты думаешь, они будут тренироваться в такую погоду?

— Вряд ли.

— Если уж вы можете подождать до пяти или до половины шестого, — заметила Тэсса, — то почему бы вам не подождать еще немного подольше, так чтобы выйти, когда уже стемнеет?

— Пожалуй, вы правы, — согласился Сэм.

— Вы кое о чем забыли, Сэм, — тихо сказал Гарри.

— Что такое?

— Не успеете вы уйти, может быть, даже ровно в шесть часов, они придут сюда превращать меня.

— Черт возьми, и правда! — воскликнул Сэм.

Муз поднял голову с колен своего хозяина, выскользнул из-под ручки кресла и сидел на задних лапах, выпрямившись, насторожив уши, словно понимая, о чем идет речь и предчувствуя, как услышит звонок или стук в дверь.

— Я считаю, темноты нужно дожидаться обязательно, так

у вас будет больше шансов, — продолжал Гарри, — но в таком случае вы должны взять Тэссу и Крисси с собой. Здесь им оставаться опасно.

— Мы и вас возьмем! — воскликнула девочка. — Вас и Муза. Не знаю, превращают ли они собак, но на всякий случай нужно взять и его тоже, чтоб уже не беспокоиться. А то вдруг они надумают превратить его в робота или во что-нибудь такое.

Муз фыркнул.

— Только вот вдруг он заласт? — продолжала Крисси. — Нельзя же, чтобы он выдал нас в самый ответственный момент. Думаю, придется обвязать ему чем-нибудь морду, так чтобы он не мог таякнуть; конечно, это немного жестоко по отношению к нему, он может обидеться, подумав, что раз мы надеваем на него намордник, значит не доверяем ему, но главное, что сам он будет цел и невредим, а потом мы сможем утешить его сочным бифштексом или...

Внезапно сообразив, что взрослые молчат как-то очень уж грустно и серьезно, девочка тоже умолкла. Она взглянула на Гарри, потом на Сэма, перевела взгляд на Тэссу, все так же сидевшую рядом с ней на кровати.

Тяжелые, урюмые тучи потихоньку начали затягивать небо еще когда они только поднялись сюда, в спальню, и комната все глубже погружалась в темноту. Но даже в этом сером полумраке Тэсса ясно видела лицо Гарри, почти каждую его черточку. Она чувствовала, что он изо всех сил старается скрыть свой страх, и это ему почти удалось; улыбка его была все такая же теплая и открытая, голос звучал так же спокойно, и только глаза выдавали его.

— Я останусь здесь, малыш, — сказал Гарри, повернувшись к девочке.

— О! — ее взгляд скользнул с лица Гарри на его инвалидную коляску и обратно. — Но вы же приходили к нам в школу тогда, осенью, и беседовали с нами. И вы иногда выходите из дома. Значит, вы можете ездить по улицам.

Гарри улыбнулся:

— Я спускаюсь на лифте в гараж под домом. Машину я не вожу, так что у меня ее и нет; я просто выезжаю из гаража на подъездную дорожку, а оттуда — на улицу.

— Ну вот, я же говорю! — воскликнула Крисси.

Гарри взглянул на Сэма:

— Но я не могу ездить один по этим улицам; в некоторых местах они слишком круто идут вверх или спускаются вниз, так что без посторонней помощи мне не справиться. Конечно, у коляски есть тормоза, да и мотор довольно сильный, но на таких крутых склонах этого мало.

— Но мы же будем с вами! — горячо настаивала девочка.
— И мы всегда сможем помочь вам.

— Нет, мой хороший, — твердо сказал Гарри, — вам нужно пройти три квартала по городу, кишащему полицейскими и всякой нечистью, и вы не можете тащить меня с собой. Подумай сама — вам ведь нужно будет держаться подальше от улиц, вы пойдете задними дворами, скрываясь за домами, там где это возможно, а я могу ехать только по твердой мостовой, особенно в такую погоду, когда земля размокла, и колеса наверняка в ней увязнут.

— Мы можем нести все.

— Нет, — вмешался Сэм, — мы не можем этого сделать. По крайней мере, если мы действительно хотим добраться до школы и послать сообщение в Бюро. Конечно, здесь недалеко, но дорога очень опасна, и двигаться нужно налегке. Простите, Гарри.

— Вам нет нужды извиняться, — ответил тот. — По-другому и быть не могло. Вы что же, думаете, я позволил бы волочить себя или тащить на плечах через полгорода, вроде мешка с цементом?

Крисси соскочила с кровати и стояла теперь посреди комнаты, отчаянно сжимая кулачки, переводя взгляд с Тэссы на Сэма и обратно, безмолвно умоляя их придумать что-нибудь, найти какой-нибудь способ спасти Гарри.

Низкое серое небо постепенно покрывалось отвратительными сизо-черными тучами.

Дождь чуть-чуть накрапывал, но Тэсса чувствовала, что это только временное затишье, и скоро он польет с новой силой.

В душе стучался такой же мрак, как и в низко нависшем, облачном небе.

Муз тихонько заскулил.

В глазах Крисси блеснули слезы, она, казалось, не могла больше смотреть на Гарри, не могла вынести его взгляда. Девочка отошла к окну и, стоя достаточно далеко, так чтобы

ее не могли заметить с улицы, стала смотреть вниз, на соседние дома и на мокрый от дождя асфальт.

Тэссе очень хотелось утешить ее.

Ей хотелось успокоить и Гарри, и вообще всех.

Более того... она хотела бы как-то все исправить, чтобы все в окружающем ее мире встало на свои места, чтобы все опять стало нормально.

Как сценарист-продюсер-режиссер она привыкла брать все на себя, начинать что-либо, приводить в движение или останавливать по своему усмотрению. Она всегда знала, как найти выход из положения, что делать в кризисной ситуации, как вести съемки, не прекращая их в любых условиях. Но сейчас она чувствовала себя бессильной. Не всегда можно переписывать действительность так же просто и уверенно, как собственный сценарий; иногда реальная жизнь отказывалась подчиняться ее требованиям. Может быть, именно поэтому Тэсса и предпочла семье работу, сделала такой выбор, несмотря на всю ту любовь, на все радости, которыми одарила ее семья в детстве. Повседневная жизнь с ее постоянной борьбой была неожиданной, непредсказуемой; все концы в ней терялись и обрывались, и ей не удавалось найти их и связать так же просто, как она делала это, строя свои фильмы, выбирая для них только самое существенное, ограничиваясь одним и отбрасывая другое, не важное, с ее точки зрения. Жизнь есть жизнь, она шире и богаче любого сценария, она неисчерпаема... в то время как фильм — это только выжимки, суть. Возможно, она умеет справляться только с этими выжимками, с отдельными жизненными кадрами, а не с самой жизнью, со всеми ее красками и подробностями.

Прежде столь яркий, сверкающий оптимизм, доставшийся Тэссе в наследство от Локлендсов, все еще горел в ней, хотя за последнее время свет его заметно потускнел.

— Ничего, думаю, все обойдется, — сказал Гарри.

— Как это? — спросил Сэм.

— Скорее всего, я окажусь в самом конце их списка, — ответил тот. — Вряд ли им особенно нужны калеки или слепые. Ведь даже если мы раньше времени и догадаемся о чем-то, мы все равно не можем выбраться из города и позвать на помощь. Есть еще миссис Саджержьян — она живет на Пайнкрест, она слепая, — и спору на что угодно,

что мы с ней будем последними в их списке. К нам они придут уже около полуночи. Вот посмотрите, так оно и будет. Голову даю на отсечение. Так что вам нужно только благополучно добраться до школы, связаться с Бюро и попросить их как можно скорее прислать нам сюда подмогу; если они придут прежде, чем наступит полночь, все будет в порядке.

Крисси отвернулась от окна, щеки ее были мокры от слез:

— Вы и правда так думаете, мистер Тальбот? Вы действительно, по-честному думаете, что они не придут сюда раньше двенадцати часов ночи?

Склонив к плечу голову в своем вечном наклоне, над которым можно было посмеяться, а могло и зацементировать сердце, — смотря как на это взглянуть, Гарри подмигнул девочке, хотя она стояла довольно далеко от него, дальше, чем Тэсса, и вряд ли могла увидеть его подмигиванье:

— Пусть Господь сию минуту поразит меня своей молнией, если я обманываю тебя, малышка!

Дождь продолжал лить, но молнии не засверкали и не ударил гром.

— Вот видишь? — улыбнулся девочке Гарри.

Тэсса понимала, что Крисси очень хочется верить тому, что говорил ей Гарри, но сама она знала, что им не следует слишком надеяться на то, что он будет последним или одним из последних в графике конечных превращений. Конечно, в том, что он говорил, была доля истины, но все это было слишком хорошо, как по-писаному. В жизни редко так бывает; скорее, это было похоже на развитие событий в каком-нибудь из ее сценариев. Тэсса все время напоминала себе, что реальная жизнь гораздо сложнее, она изменчива и непредсказуема, в ней ничего нельзя предугадать, и ни на что нельзя заранее надеяться. Тэсса изо всех сил старалась внушить себе, что до полуночи с Гарри ничего не случится, но в действительности она знала, что ему будет угрожать страшная опасность с той минуты, как часы пробьют шесть, и начнется последний этап превращений.

35

Почти весь день Шаддак провел в гараже Паулы Паркинс. Дважды он поднимал большую, тяжелую дверь, заводил

мотор и выезжал на подъездную дорожку, чтобы удобнее было работать с компьютером и проверять, как идет выполнение его великого проекта. Оба раза, вполне удовлетворенный полученными сведениями, он закатывал машину обратно в гараж и снова опускал за собой дверь.

Механизм приведен в действие и работает безотказно. Он, Шаддак, спроектировал его, создал и привел в движение, нажав на пусковую кнопку. Теперь все катится, как по рельсам, и ему не о чем больше беспокоиться.

Он провел долгие часы, сидя в кабине за рулем, грезя наяву о том времени, когда закончен будет последний этап его грандиозного проекта, и люди всего мира, пройдя через Превращение, станут его рабами. Когда на Земле не останется ни одного Прежнего Человека, слово «власть» получит новый смысл, потому что никогда еще ни у одного человека в истории не было в руках такого полного, абсолютного контроля над всем человечеством. Изменив биологическую сущность людей, он мог теперь управлять их судьбой по своему желанию. Весь мир станет одним большим роем трудолюбивых пчел, таким громадным жужжащим ульем, служащим его целям. От этих восхитительных видений его член так напрягся, что стал причинять ему боль.

Шаддак знал многих ученых, которые, казалось, искренне верили, что цель научно-технического прогресса — благодетельствовать человечество, поднять людей с их грязной, грешной земли и вознести их к звездам. Однако у него было по этому поводу другое мнение. С его точки зрения, единственная цель ускоренного развития науки и техники — сосредоточить всю полноту власти в его собственных руках. Все предыдущие переустроители судеб мира полагались исключительно на политическую власть, что в конечном счете означало узаконенную власть оружия. Гитлер, Сталин, Мао Дзедун, Поля Пот и другие шли к власти, заигрывая и убивая, их троны были залиты кровью, и все они в конце концов потерпели неудачу, так и не достигнув того, что даст Шаддаку обыкновенный полупроводниковый процессор. Нельзя сказать, чтобы перо было сильнее, чем шпага, но, без сомнения, микронпроцессор сильнее громадных, хорошо вооруженных армий.

Если бы только они узнали, что он задумал, какие планы

завоевания всего мира вынашивает, все эти ученые мужи наверняка закричали бы в один голос, что он свихнулся, спятил, сошел с ума. Но что ему до них! Они, конечно, ошибались, но откуда же им было знать, кто он? Избранник черного ястреба... Он уничтожит каждого, кто встанет на его пути, так же, как он сделал это с родителями, и никто не посмеет преследовать или карать его за это; значит и в самом деле, те законы и правила, которым подчиняются все остальные люди, не властны над ним. Его истинные мать и отец — великие духи, невидимые и могучие. Они оградят его от возмездия за преступления, потому что убийства, которые он совершил тогда, в Фоуниксе, много лет тому назад, были священным жертвоприношением его настоящим, могущественным предкам, доказательством его непоколебимой веры в них, того, что он полностью отдаст себя в их руки. Другие ученые никогда не поймут его, они ведь не знают, что все сущее на Земле сосредоточено вокруг него, Шаддака, и что сама вселенная существует только потому, что в ней существует он; стоит ему умереть, — чего, конечно же, никогда не произойдет, — и вселенная тут же перестанет существовать. Он, Шаддак, — центр творения. Он — единственный нужный и значительный человек на Земле. Так сказали ему Великие Духи. Они нашептывали ему это днем и ночью, во сне и наяву, более тридцати лет он непрерывно слышал их голос.

Избранник черного ястреба...

По мере того, как день убывал, клонился к закату, и первый этап проекта приближался к своему завершению, Шаддаком овладевало все большее нетерпение; кратковременная ссылка, добровольное заключение в гараже Паулы Паркинс становилось ему невыносимым. Он пытался убедить себя, что разумнее пока что не показываться в тех местах, где его может настичь Лоуман Уоткинс, однако скрываться, слушаясь холодного голоса разума, становилось с каждым часом все труднее. То, что произошло прошлой ночью в доме Майка Пэйсера, больше не казалось Шаддаку катастрофой, крушением всех планов; это было всего лишь незначительное препятствие; в конце концов можно не сомневаться, что проблема регрессивных будет успешно решена. Тайная связь с Великими Духами породила его гений, а для Великих Духов нет ничего невозмож-

ного, им достаточно только пожелать — и все вопросы будут благополучно решены, а его, Шаддака, ждет невиданный успех. Опасения, возникшие у него после угрозы Уоткинса, тоже постепенно таяли, пока, наконец, обещание начальника полиции найти его и расправиться с ним, показали Шаддаку жалкой, пустой болтовней.

Ведь он — избранник черного ястреба. Шаддак и сам удивился, как он мог забыть об этом, поддаться панике, бежать. Конечно, даже Иисуса иногда одолевали сомнения и страхи, и он боролся с ними в Гефсиманском саду. Шаддак решил, что гараж Паркинс был его собственным Гефсиманским садом, где он укрылся, чтобы отбросить последние мучившие его сомнения.

Он — избранник черного ястреба, ему нечего бояться.

В половине пятого он нажал на кнопку и поднял дверь гаража.

Включив зажигание, он выехал на подъездную дорожку.

Он — избранник черного ястреба, ему будет подчиняться весь мир.

Шаддак вывел свой микроавтобус на окружное шоссе и повернул к городу.

Он — избранник черного ястреба, наследник венца света, и в полночь он взойдет на свой трон.

36

Пак Мартин — его настоящее имя было Паккард, так как мать назвала его в честь любимой машины, гордости отца, — жил в вагончике на южной окраине города. Этот старый прицеп уже много лет служил ему домом; краска на нем давно облупилась и потрескалась, как глазурь на античной вазе. Кое-где он проржавел, во многих местах был продавлен, а фундамент из бетонных плит, на котором он стоял, весь порос сорняками. Пак знал, что для многих в Мунлайт Коуве его дом был как бельмо на глазу, но ему на это было ровным счетом наплевать.

К вагончику было подведено электричество, у Пака было и отопление, и водопровод, — а что еще нужно человеку? Есть крыша над головой, под которой тепло и сухо, и где вечером можно выпить пива, — настоящий дворец.

Но самое главное — за вагончик было уплачено за двадцать пять лет вперед; Пак заплатил за него, когда получил деньги в наследство от своей матери, так что теперь ему не грозило остаться на улице. После этого у него осталось еще немного денег, и Пак старался их не трогать. Проценты за это время выросли уже до трехсот долларов в месяц, да еще он получал пособие по нетрудоспособности; Пак заслужил его своим доблестным ранением через три недели после того, как был зачислен в армию. Единственная настоящая работа, которой Пак когда-либо занимался в своей жизни, была усиленная зубрежка мельчайших подробностей и разнообразных, самых сложных симптомов тяжелого ранения в позвоночник; он выучил их так, что они у него от зубов отскакивали, прежде чем сел, как полагалось, писать рапорт в ответ на повторную повестку в армию.

Пак был рожден, чтобы никогда ничего не делать. Он знал об этом чуть ли не с детства. Он и труд были две вещи несовместимые. Пак всегда подозревал, что ему предназначено было родиться в семье богачей, но потом там, в небесном графике что-то перепутали, и он появился на свет совсем в другом месте; мать его была официанткой, к счастью, достаточно трудолюбивой, чтобы оставить ему кое-какое наследство.

Но он никому не завидовал. Каждый месяц он закупал двенадцать или четырнадцать ящиков дешевого пива в магазинчике на шоссе, где оно продавалось со скидкой; оно прекрасно шло к сэндвичам с копченой колбасой и горчицей, иногда к жаркому; к тому же, у Пака был телевизор, так что он чувствовал себя совершенно счастливым.

Около четырех часов дня во вторник, Пак сидел в своем старом, ободранном кресле перед телевизором, потягивая пиво, — он уже открыл вторую упаковку, — и наслаждаясь телевикториной, в которой болельщицы, все, как одна, в мини-юбочках, были чуть ли не лучше, чем участницы шоу; смотреть на них было куда интереснее, чем разглядывать ведущего или участников состязания; вопросы викторины Пака вообще не интересовали.

— Итак, каков же будет ваш выбор? — провозгласил ведущий. — Выбирайте: номер один, номер два или номер три!

— Выбираю вон ту милашку в платице горничной, — ответил ему Пак, не отрывая глаз от экрана и отхлебнув еще пива.

Как раз в этот момент кто-то постучал в дверь.

Пак и не подумал вставать, он вообще не обратил внимания на этот стук. Друзей у него не было, так что гостей он не ждал, да они ему были и не нужны. Если кто и мог к нему зайти, то или разносчики товаров, вечно пытающиеся всучить ему совершенно ненужные вещи, или садовник, который предлагал повыдергать сорняки вокруг дома и вообще навести порядок в саду; это ему тоже было совершенно ни к чему, потому что Пак любил свои сорняки и вовсе не желал, чтобы их выдергивали.

Снова раздался стук.

В ответ Пак включил телевизор на полную мощность.

Стук повторился, на этот раз еще громче.

— Убирайтесь! — крикнул Пак.

Теперь в дверь колотили изо всех сил, весь вагончик трясся от ударов.

— Какого черта? — заорал Пак. Он выключил телевизор и встал.

Стучать перестали, но за стеной послышалось странное царапанье, будто кто-то скреб по ней когтями.

Вагончик пошатнулся, чуть не слетев со своего фундамента, как бывало иногда, когда дул сильный ветер. Однако сегодня ветра не было.

— Дети, — решил Пак.

По другую сторону дороги, ярдах в двухстах к югу, жило семейство Айкорнов; дети их были настолько отпетыми сорванцами, что их следовало бы усыпить специальными уколами, потом заспиртовать и выставить в витрине какого-нибудь музея всем на обозрение, как образцы преступного поведения в раннем возрасте. Эти «милые мальчишки» развлекались, например, тем, что подкладывали бомбы, сделанные из вишневых косточек, в трещины фундамента под вагончиком, и среди ночи Пак неожиданно просыпаясь от страшного треска и дребезжания.

Царапанье и скрежет прекратились, зато теперь эти проклятые мальчишки полезли на крышу.

Это уже было слишком! Крыша была металлическая и

пока еще не протекала, но, по правде говоря, она видала лучшие дни, и спокойно могла прогнуться или даже разойтись в тех местах, где листы жести примыкали друг к другу, под тяжестью двух здоровых парней.

Пак распахнул дверь и выскочил под дождь, извергая на малолетних кулиганов все самые страшные проклятия, какие только приходили ему в голову. Но, взглянув наверх, он не увидел на крыше никаких мальчишек. Вместо них глазам его открылось нечто неожиданное. На крыше, прямо над его головой, стояло чудовище, словно сошедшее с экрана какого-нибудь фильма ужасов пятидесятых годов. Оно было ростом с человека, с громадными клацающими челюстями и сверкающими глазами; рот его был окружен маленькими присосками, похожими на клешни или щупальца. И все же в лице этого ужасного монстра проглядывали какие-то человеческие черты; Паку показалось, что он узнал Дэрила Айкорна, отца злополучных братьев.

«Да-а-а-а-а-ай!» — провыло это дикое существо голосом, который тоже напоминал голос Айкорна, хотя в нем звучали и скрежещущие, тоскливые звериные ноты. Чудовище прыгнуло, и в ту же секунду яростный, острый шип стремительно вырвался из его отвратительного тела. Еще прежде чем этот длинный, зазубренный гарпун, вонзившись ему в живот, прошел его насквозь, Пак уже знал, что в жизни его никогда больше не будет ни пива, ни сэндвичей с копченой колбасой, ни жаркого, ни пособий по нетрудоспособности, ни девушек из шоу и их прекрасных болельщиц, потому что и самой жизни у него не будет тоже.

Ранди Капуд, парнишка четырнадцати лет, весь залепавшись грязью, прорвался через переполненную сточную канаву, не обращая внимания на то, что вода доходила ему чуть ли не до колен; он презрительно усмехнулся, словно бросая вызов природе, — ей придется придумать что-нибудь потруднее, в тысячу раз более грозное и непреодолимое, чтобы его остановить, но и тогда ей вряд ли это удастся. Ранди, конечно же, не носил ни плаща, ни галош: разве можно, напаялив все это, иметь достаточно мужественный вид? Сногсшибательные блондинки не будут виснуть на парне, прячущемся от дождя под зонтиком, это уж точно!

покажется ей гораздо более суровым и неприветливым, чем он был на самом деле. Иногда Ранди хотелось, чтобы Пит и Марша были толстыми, старомодными, одетыми черт знает как, и чтобы они приставали к нему с требованием называть их «мама» и «папа». Хватит ему школы с ее свирепой борьбой за оценки и популярность, чтобы еще и дома постоянно чувствовать себя в напряжении, выпендриваясь перед собственными родителями.

Поднявшись на верхнюю площадку, Ранди снова заорал:

— Выжраясь бессмертными словами современного американского интеллектуала, Джона Рэмбо, «Йо!»

Никто не ответил ему.

Ранди подошел к открытой настежь двери кабинета, и в этот момент два гибких, тонких провода, словно две извивающихся змей, ударили его по ногам. Мальчик вздрогнул и нахмурился, но и не подумал остановиться; хладнокровный и решительный человек не может позволить себе испугаться, он всегда спокоен и невозмутим.

Он шагнул в комнату, готовый сострить по поводу гробового молчания своих предков... Слишком поздно; Ранди застыл от ужаса, не в силах пошевелиться.

Пит и Марша сидели у противоположных концов большого рабочего стола перед экранами своих ЭВМ. Вернее, они уже не просто сидели — они росли в свои стулья и компьютеры множеством отвратительных, словно кольчатые черви, извивающихся проводов, которые вырастали прямо из них, а может быть, из автоматов, трудно было понять, откуда именно; эти кабели не просто подсоединяли их к клавиатуре или привязывали к стульям, — они уходили дальше, вонзались в пол и там где-то терялись. Лица Пита и Марши все еще можно было узнать, хотя они страшно изменились: наполовину бледная, пульсирующая плоть, наполовину гладкий, блестящий металл; глаза их тоже были словно из расплавленного, серебристого металла.

Ранди замер, не в силах даже вздохнуть.

Внезапно он сбросил с себя оцепенение и метнулся назад.

Дверь за ним захлопнулась.

Он растерялся.

Щупальца, точно спаянные из органической ткани и стали, вырвались из стен комнаты. Вся комната казалась чудовищно ожившей, зловещей и угрожающей; возможно, в ее стенах таились сверхмощные механизмы инопланетян. Щупальца мгновенно захлестнули его, обвив тело Ранди, словно жгутами, скрутив ему руки, поймав в ловушку, из которой не было выхода; они приподняли его и развернули лицом к родителям.

Те все так же оставались на своих местах, но смотрели они уже не на экраны компьютеров; они смотрели прямо на него, Ранди, светящимися зелеными глазами, в которых что-то словно кипело, пузырясь и пенясь.

Ранди закричал. Он рванулся, но щупальца держали его крепко.

Рот Пита открылся, и оттуда вылетело с полдюжины серебристых дисков, похожих на большие, круглые шарикоподшипники; они, как пули, просвистели в воздухе и ударили в грудь мальчика.

Все тело его словно взорвалось болью. Но это длилось всего лишь долю секунды. Затем раскаленная, обжигающая боль сменилась ледяным холодом; по телу, замораживая его, делая абсолютно бесчувственным, поползли мурашки; они поднимались все выше и выше, подбираясь к лицу.

Ранди опять попробовал закричать. Ему не удалось издать ни единого звука.

Щупальца начали сокращаться, уползая обратно в стену, таща его за собой, пока, наконец, он не оказался пригвожденным к ее поверхности, расплюснутым и вжатым в стену.

Холод, леденящий холод был уже в его голове, пробирался в мозг; мурашки, холодные, царапающие, заползающие все глубже и глубже.

Ранди снова попытался закричать. На этот раз из него вырвался какой-то звук; тонкий, вибрирующий, электронный писк.

После обеда, во вторник, надев на себя теплые шерстяные брюки, свитер, а сверху еще и куртку — в последние дни погода стояла такая сырая и холодная, что приходилось нацеплять на себя все теплые вещи — старая кровь совсем

не грела — Мэг Хэндерсон сидела у стола в своей кухне; перед ней стоял стакан с белым сухим вином и тарелка с солеными палочками; она читала роман Рэкса Стаута «Нирро Вольф». Она уже давным-давно прочитала все, какие были, романы о Вольфе, но теперь ей захотелось перечитать их. Приятно было возвращаться к страницам давно прочитанных книг и встречать там людей, которые за эти годы совсем не изменились. Вольф был все таким же гением и любителем хорошо покушать, Арчи — таким же энергичным, а Фриц по-прежнему оставался лучшим поваром в мире. Никто из них не состарился с тех пор, как она встречалась с ними в последний раз, — это был замечательный фокус. Хотела бы она ему научиться!

Мэг жила на свете уже восемьдесят лет; она и выглядела на свои годы — восемьдесят, и ни минутой меньше; да, что и говорить, она уже не ребенок. По временам она останавливалась перед зеркалом, удивленно вглядываясь в свое отражение, словно не она прожила с этим лицом уже чуть ли не сотню лет, словно эта дряхлая старушонка была ей вовсе не знакома. Почему-то она каждый раз ожидала увидеть в зеркале молоденькую девушку; возможно, потому, что в душе она такой и была. К счастью, Мэг не чувствовала себя на восемьдесят. Правда, все кости у нее трещали и скрипели, и она была так слаба, как Джабба Хат в последней серии «Звездных Войн», которую она смотрела по «видику» на прошлой неделе; ей самой казалось, что ее может унести сильным порывом ветра; зато, слава Богу, у нее не было артрита и всяких других старческих болезней. Она уже много лет жила в своем домике на Конкорд Сёркл, старой узенькой улочке, полукругом выходившей на Сэрра Авеню на восточной окраине Мунлайт Коува. Они с Фрэнком купили этот домик лет сорок назад, когда оба они еще работали учителями в школе Томаса Джефферсона; в те времена школа была единой, еще не было разделения на младшую и среднюю. Да и городок был тогда совсем маленьким, не то что теперь. Вот уже четырнадцать лет, с тех пор, как умер Фрэнк, Мэг жила в этом домике одна. Она вполне могла управляться по хозяйству, убирать и готовить для себя, и за это она была благодарна Создателю.

Она денно и нощно благодарила Бога за то, что Он

сохранил ей не только вполне приличное здоровье, но и разум. Это было самое главное. Ее не так пугала физическая немощь, как старческое слабоумие или удар; зачем ей бессмысленное существование ее оболочки, если она потеряет память, перестанет сознавать себя, будет просто дряхлой заводной куклой?.. Она старалась сохранить остроту и ясность ума, читая множество книг и беря напрокат кассеты с видеофильмами, всеми силами избегая отупляющих зрелищ, которые предлагало телевидение.

К половине пятого Мэг была уже где-то на середине романа, хотя она и останавливалась после каждой главы, чтобы выглянуть в окно и посмотреть на дождь. Мэг любила дождь. Ей вообще нравилась любая погода, какую только Господу угодно было послать им: ливень или град, ветер, жара или холод, — все было прекрасно, потому что именно это разнообразие и неожиданности делали жизнь такой удивительной.

Наблюдая, как дождь, с утра поливавший землю, а потом потихоньку, едва моросивший, снова хлынул с неба потоками, Мэг вдруг заметила, как от деревьев, росших вдоль ее забора, отделились три громадные, темные, необычайно фантастические фигуры. Они появились футами в пятидесяти от окна, у которого она сидела. Фигуры на мгновение застыли в вихрях тумана, клубившихся вокруг их ног; они были точно призраки, созданные больной фантазией, возникшие из тонкой туманной дымки, готовые в любой момент растаять так же неожиданно, как и появились. Но они не растаяли и не исчезли... Они двинулись к заднему крыльцу ее домика.

Чем ближе подбегали эти таинственные существа, тем более Мэг убеждалась в том, что первое впечатление не обмануло ее. Ничего подобного не было и не могло быть на свете... Разве что каменные чудища, украшавшие католический собор, вдруг ожили и спустились вниз, надумав навестить ее.

Мэг сразу поняла, что это кошмарное видение — вестник приближающейся болезни, что с ней вот-вот случится тот самый удар, которого она всегда так боялась; ее только немного удивило, что это, оказывается, может начаться вот так — с такой странной галлюцинации.

Без сомнения, то, что она видела перед собой, не могло быть ничем другим — только болезненной галлюцинацией, вслед за которой кровеносные сосуды, уже вздувшиеся и давящие на ее мозг, лопнут, и она, если не умрет, останется парализованной, беспомощной старухой. Мэг ожидала, что с минуты на минуту в голове ее все взорвется невыносимой болью, правую или левую половину лица и тела перекосит, и они потеряют чувствительность.

Даже тогда, когда первое чудовище, разбив окно и засыпав весь стол осколками, ворвалось в комнату, опрокинуло стакан с вином, перевернуло стул, на котором сидела Мэг, повалив ее на пол и навалившись на нее сверху, вонзая когти и клыки в ее тело, Мэг все еще удивлялась, насколько живыми и убедительными могут быть прединсультные видения. Ужасная, жгучая боль, разорвавшая ее тело, ничуть не удивила ее — она давно знала, что умирать больно.

Дора Ханкинс, секретарша в приемной главного корпуса «Новой Волны», привыкла, что в последнее время служащие стали уходить с работы гораздо раньше; обычно к половине пятого никого уже не было. Хотя официально рабочий день заканчивался в пять, многие предпочитали работать дома, на собственных компьютерах, так что никто не заставлял их отсиживать полагающиеся восемь часов на работе. С тех пор, как все они прошли через Превращение, не было больше никакой необходимости соблюдать какие-либо правила или предписания — ведь все они трудились ради одной великой цели, строили прекрасное новое общество, и единственное, что требовалось теперь для поддержания порядка, был их страх перед Шаддаком; в этом у них не было недостатка.

Без пяти пять, когда ни один человек так и не прошел через приемную, Дора встревожилась; в душе ее поднялись какие-то неясные, мрачные предчувствия. В здании, несмотря на то, что сотни людей работали в кабинетах и лабораториях на всех трех его этажах, стояла странная тишина. Казалось, в нем нет ни души.

Когда пробило пять часов, а никто так и не появился, Дора решила пойти посмотреть, в чем дело. Пройдя в конец просторного, отделанного мрамором зала приемной, она

через тяжелую медную дверь вышла в узкий, длинный коридор, пол которого был покрыт виниловой плиткой. По обеим сторонам коридора шли кабинеты. Дора толкнула первую дверь налево, за которой располагался секретарский отдел. Восемь девушек, работавших в нем, занимались бумагами младших руководителей фирмы, у которых не было личных секретарш.

Все восемь сидели перед экранами компьютеров. В желтовато-зеленом фосфорическом свете Доре хорошо было видно, как неразрывно слились друг с другом плоть и металлические части машин.

За последние недели она разучилась испытывать что-либо, кроме страха. Дора была уверена, что изучила это чувство во всех его тонкостях, со всеми возможными оттенками и нюансами. Но сейчас страх охватил ее с новой силой; будто что-то громадное, темное и ужасное навалилось на нее, придавив к земле; ничего подобного она прежде не испытывала.

Блестящий, маслянистый отросток вырвался из стены справа от Доры. На вид он казался металлическим, однако из него сочилась какая-то отвратительная, желтоватая слизь. Жгут ударил в затылок одной из секретарш, бескровно и, кажется, безболезненно проникнув ей в мозг. Подобный отросток мгновенно вырос из головы другой женщины; он поднялся над ней, покачиваясь и изгибаясь, как змея, завороченная мелодией флейты бродячего факира; поколебавшись, он рванулся к потолку, пробил акустическое покрытие, даже не повредив его, и исчез где-то в комнате наверху.

Дора поняла, что все люди и электронно-вычислительные машины «Новой Волны» связаны воедино, слились в какой-то громадный фантастический организм, в котором человеческое и механическое неотделимы друг от друга, что и само здание, вместившее в себя этот чудовищный организм, стремительно становится его неотъемлемой частью. Она хотела бежать, но не могла сдвинуться с места, возможно потому, что знала, — скрыться ей некуда, и всякая попытка ускользнуть, избежать своей участи окажется бесполезной.

В следующую минуту она тоже стала частью электронно-органической сети.

Бэтси Солдоина старательно прикрепляла большой плакат на стену над столом в Центральной Городской Библиотеке Муллайт Коува. Она готовилась к Неделе Увлекательной Детской Книги - кампания, которая должна была побудить детей читать больше художественной литературы, заинтересовать их чтением.

Бэтси была помощником библиотекаря, но по вторникам, когда ее начальник, Кора Данкер, брала выходной, она работала одна. Бэтси нравилась Кора, но ей нравилось также работать самостоятельно. Кора была болтушкой, каждую свободную минуту она бесконечно и весьма нудно рассуждала о сюжетах и героях своих любимых телепередач, к которым Бэтси была довольно равнодушна. Сама она с детства страстно любила книги, и ей хотелось бы без конца говорить о прочитанном, но Кора, хоть и была старшим библиотекарем, вряд ли вообще когда-либо что-нибудь читала.

Оторвав еще один кусочек липкой ленты, Бэтси приклеила к стене последний угол плаката. Она немного отступила назад, чтобы полюбоваться на свою работу.

Бэтси сама рисовала этот плакат. Она гордилась своим скромным художественным талантом, любясь тем, что у нее получилось. На плакате были нарисованы мальчик и девочка; они держали перед собой книги и громадными, удивленными глазами смотрели на раскрытые перед ними страницы. Даже волосы их стояли дыбом, видимо, от непомерного изумления. Глаза девочки были так широко распахнуты, что казались чуть ли не больше самого лица; у мальчика уши так оттопырились, словно он не верил тому, что видел перед собой. Над головами детей была надпись:

«Книгу отырой — ты в ней чудо найдешь;
Не оторвешься, пока не прочтешь!»

За спиной Бэтси, с другого конца зала, из-за стеллажей, донесся какой-то странный звук — не то ворчание, не то крик, не то предостережение, а потом что-то похожее на низкое, глухое рытание. Затем послышался шум, который ни с чем нельзя было спутать. — громот книг, падающих на пол с полок.

Единственным, кроме Бэтси, человеком в библиотеке был Дэйл Фой, пенсионер, который раньше работал касси-

ром в супермаркете «Лакки»; три года назад, когда ему исполнилось шестьдесят пять, Фой вышел на пенсию. С тех пор он увлекся приключенческими романами, которых до этого никогда не брал в руки, вечно выискивая на полках что-нибудь новенькое и жалуясь, что ни один из современных авторов и в подметки не годится старым мастерам этого жанра; при этом он имел в виду вовсе не Роберта Луиса Стивенсона, а Джона Батчэна.

Внезапно Бэтси охватило страшное предчувствие, что мистеру Фоя стало плохо, что пока он там, в глубине зала, искал себе какую-нибудь книгу, с ним случился сердечный приступ, и те невнятные, булькающие звуки, которые она слышала, был его крик о помощи; наверное, он упал и, падая, пытаясь за что-нибудь удержаться, схватился за полку и опрокинул книги. Воображение уже рисовало ей несчастного мистера Фоя, задыхающегося, с посиневшим лицом и кровавой пеной на губах, с глазами, вылезающими из орбит, корчащегося на полу в ужасных судорогах.

Годы непрерывного чтения так отточили воображение Бэтси, что оно стало острым, как сверкающее стальное лезвие.

Она быстро обогнула стол и побежала вдоль рядов стеллажей, заглядывая в узкие проходы между высокими, высящимися чуть ли не до потолка книжными полками.

— Мистер Фой! — то и дело окликала Бэтси старика, — мистер Фой, с вами все в порядке?

В последнем проходе она наткнулась на груды упавших книг, но старого кассира здесь не было. Озадаченная, ничего не понимающая, Бэтси повернулась, собираясь вернуться к своему столу, и тут увидела Фоя. Он стоял прямо за ее спиной. Но это было уже какое-то другое существо. И даже острое, невероятно развитое и богатое воображение Бэтси Солдонни было тут бессильно; она никогда не смогла бы представить себе ничего подобного тому, во что превратился мистер Фой, или вообразить то, что он собирался с ней сделать. Следующие несколько минут были полны таких неожиданностей, каких она не нашла бы и в сотне приключенческих романов, вот только счастливого конца здесь не было.

Темные, грозовые облака спустились над Мунлайт Коувом, закрыв все небо, и ранние сумерки окутали город.

Казалось, Неделя Увлекательной Детской Книги уже началась, и все жители города стали ее участниками. Для многих из них этот, уже клонившийся к закату день, был полон удивительных происшествий и неожиданностей. Казалось, самый мрачный из луна-парков раскинул на улицах Мунлайт Коува свои бесчисленные павильоны ужасов.

37

Сэм пошарил по стенам чердака в поисках выключателя; его не было. Здесь вообще не было ничего, кроме пыли, паутины и множества мертвых, высохших пчел, валявшихся на грубом деревянном полу. Летом они строили свои гнезда между балками перекрытия, а осенью умирали, то ли от инсектицидов, то ли естественной смертью, — видно, век их был недолог.

Удовлетворившись осмотром, Сэм вернулся к люку в полу и по деревянной приставной лесенке спустился обратно, прямо в стенной шкаф Гарри Тальбота, в его спальне на втором этаже. Им пришлось вытащить целую гору висевшей в нем одежды, чтобы добраться до люка и спустить приставную лесенку.

Тэсса, Крисси, Гарри и Муз ждали Сэма внизу, у дверцы шкафа; в спальне становилось все темнее.

— Все нормально, подходит, — сказал Сэм. — Это как раз то, что нужно.

— В последний раз я был там еще до войны, — вспомнил Гарри.

— Ничего — там, конечно, не слишком чисто, и водятся пауки, зато вы будете в безопасности. Если даже окажется, что вы не в самом конце их списка, и они придут сюда раньше полуночи, они найдут дом пустым, и им даже в голову не придет искать вас на чердаке. Как может человек с парализованными ногами и только одной здоровой рукой взобраться сюда?

Сэм не совсем был уверен в том, что он говорил. Но ради себя и ради Гарри, чтобы оба они могли сохранять ясность рассудка и хладнокровие в трудную минуту, он старался убедить в этом и себя и его.

— Можно мне взять Муза с собой?

— Возьмите лучший револьвер, о котором вы говорили, — напомнила ему Тэсса. — А Муза, по-моему, лучше оставить здесь. Как бы он ни был хорошо обучен и выдрессирован, все же нельзя поручиться, что он не залает в самый ответственный момент.

— А Музу ничего не будет угрожать... если они придут? — спросила Крисси.

— Думаю, ничего, — ответил Сэм. — Им нужны люди, а не собаки.

— Лучше мы вас поднимем туда прямо сейчас, Гарри, — сказала Тэсса. — Уже двадцать минут шестого. Скоро нам нужно выходить.

Предзакатные тени, словно темное, пурпурное вино, льющееся в пустой бокал, быстро наполняли комнату.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НОЧЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ИМ

Монтгомери сказал, что страх перед Законом...необычайно ослабевал с наступлением ночи; в это время зверь просыпался в них с особенной силой. С приближением сумерек у них появлялось желание охотиться, и они отваживались на такие вещи, о которых днем и не помышляли.

Г.Уэлс.

«Остров доктора Моро»

Суслики и полевые мыши, кролики и лисы, обитавшие на поросших лесом холмах, окружающих заброшенную Коммуну «Икарус», выбрались из своих нор и сидели, дрожа под дождем, прислушиваясь. К югу и к востоку от старого, полуразвалившегося дома, в лесочках, где росли сосны и камедные деревья, пихты и березы, облетевшие под осенним ветром, белки и еноты поднялись на задние лапки и насторожили уши.

Первыми откликнулись птицы. Невзирая на дождь, они вылетели из своих насиженных, хорошо укрытых гнезд, свитык в ветвях деревьев или в полуразрушенном старом коровнике, а то и под потрескавшимся карнизом самого дома. Пронзительно крича, каркая или чирикавая, они кружили высоко в небе, то взмывая к облакам, то камнем падая вниз, и вдруг стремительно понеслись прямо к дому. Скворцы и крапивники, вороны, совы и ястребы, крича и шумно хлопая крыльями, летели одной большой стаей. Некоторые, словно слепые, налетали на стены, продолжая отчаянно биться о них до тех пор, пока не разбивались насмерть или не ломали себе крылья; они падали на землю, пищали и бились, пытаясь снова взлететь, пока наконец, потеряв последние силы, не умирали. Другие, так же неистово кружа вокруг дома, находили открытые окна и двери и благополучно залетали внутрь.

Все животные и птицы в округе, в радиусе около двухсот ярдов, слышали настойчивый зов, но только самые ближние отозвались на него. Скакали кролики, перепрыгивали с ветки на ветку белки, мчались койоты, неслись лисы, бежали, переваливаясь, еноты, — каждый, как мог, пробираясь через сырую траву и мокрые от дождя кусты, через глубокие лужи и грязь, спешил туда, откуда доносились сладостные, призывные звуки. Здесь были и свирепые хищники, и их робкие, трепещущие жертвы, но все они сейчас бежали бок о бок, не есорясь и не нападая друг на друга. Картина эта напоминала сцену из какого-нибудь мультфильма Уолта Диснея — лесные и полевые зверушки, живущие в полном согласии, дружно откликаются на нежную, сладостную ме-

лодию, которую наигрывает на своей дудочке или губной гармонике старый негр, созывая их в круг; они соберутся, усядутся вокруг него и будут зачарованно слушать волшебные сказки и разные удивительные истории о необычайных приключениях, которые он большой мастер рассказывать. Только вот там, куда они бежали, их вовсе не ждал добрый темнокожий сказочник, и от музыки, звучавшей столь настойчиво и призывно, веяло ледяным холодом и тьмой.

2

Пока Сэм, напрягая силы, поднимал Гарри по лесенке на чердак, Тэсса и Крисси снесли его кресло вниз, в гараж. Это была тяжелая моторизованная коляска старой модели, а не легкое складное кресло, так что она не пролезла бы в люк. Тэсса и Крисси поставили ее у самой двери гаража, так что можно было подумать, будто Гарри доехал на ней до самого выхода на улицу, а там пересел на что-нибудь; мог же он, например, поехать куда-нибудь на машине своего друга.

— Думаете, они попадутся на эту удочку? — обеспокоенно спросила Крисси.

— Надеюсь, — ответила Тэсса.

— Может быть, они даже подумают, что Гарри успел уехать из города еще вчера, до того, как они выставили свои посты на дорогах.

Тэсса согласилась, но она знала, — и подозревала, что Крисси тоже об этом догадывается, — что надежды на то, что их хитрость сработает, очень мало. Если бы Сэм и Гарри в самом деле были так уверены в том, что чердак — вполне надежное место, и никто не догадается об их уловке, как они стараются это показать, они бы, конечно, оставили там девочку вместе с Гарри, вместо того чтобы тащить ее в исклестанный дождем и ветрами мир ужасов Мунлайт Коува.

Они снова поднялись на второй этаж; Сэм как раз складывал лесенку и закрывал люк. Муз с любопытством наблюдал за его действиями.

— Пять часов сорок две минуты, — сообщила Тэсса, взглянув на часы.

Сэм задвинул на место перекладину для вешалок, закрепив ее на скобах, — когда люк открывали, ее пришлось снять.

— Помогите мне повесить все это обратно!

Целая куча вешалок с брюками и рубашками была свалена на кровати. Передавая их из рук в руки, словно пожарные, передающие по цепочке ведра с водой, они быстро заполнили весь шкаф, вернув все на свои места.

Тэсса заметила, что кровь снова начала просачиваться сквозь толстую марлевую повязку на запястье Сэма, — от усилий и чрезмерного напряжения его раны открылись. Конечно, они были не опасны, но, должно быть, очень болезненны, а впереди их ждали тяжелые испытания, и все, что могло отнять у Сэма силы, отвлечь его, уменьшало их шансы на успех.

— Проклятье, ну почему мы должны оставлять его здесь?! — пробормотал Сэм, закрывая дверь.

— Пять часов сорок шесть минут, — напомнила ему Тэсса.

Пока Тэсса надевала свою кожаную куртку, а Криеси влезала в большущую синюю ветровку Гарри, которая, конечно, была ей ужасно велика, зато хорошо защищала от дождя, Сэм перезарядил свой револьвер, набив обойму до отказа. У Кольтранов он истратил весь свой запас патронов, но у Гарри были и револьвер и пистолет, — он взял их с собой наверх, а к ним целую коробку патронов, так что остальное Сэм мог взять себе.

Сунув револьвер в кобуру, Сэм подошел к телескопу и стал осматривать улицы, лежавшие к западу и к югу от учебного центра.

— По-прежнему довольно оживленно, — сообщил он.

— Патрули? — спросила Тэсса.

— Но и довольно сильный дождь. И туман быстро сгущается.

Благодаря непогоде, ранние сумерки быстро сменялись темнотой. Хотя пятна бледного света кое-где еще горели в разрывах между клубящимися облаками, над залитым дождем и словно сжавшимся от ужаса городом уже повис мрак, и ночь готова была вот-вот набросить на него свой погребальный покров.

— Без десяти шесть, — сказала Тэсса.

— Если мистер Тальбот в начале, а не в конце их списка, они могут появиться здесь с минуты на минуту, — заметила Крисси.

— Хорошо, пошли, — Сэм отвернулся от телескопа.

Он вышел из спальни, за ним Тэсса и Крисси. Все трое спустились вниз по лестнице.

Муз поехал на лифте.

3

Сегодня ночью Шаддак опять стал ребенком.

Он непрерывно кружил по городу, от берега моря к цепи лесистых холмов, от Холлиуэлл Роуд на севере к Паддок Лэйн на юге; настроение у него было прекрасное, он не мог припомнить более счастливого дня в своей жизни. Он изменил расположение патрулей, так чтобы не оставить без наблюдения ни одного квартала, ни одной улицы; вид домов и жителей города, бредущих куда-то под дождем, возбуждал его, как никогда прежде, — скоро, очень скоро все они будут принадлежать ему, он сможет распоряжаться ими так, как ему заблагорассудится.

Он весь был полон нетерпеливым ожиданием, предвкушением праздника; такого с ним не бывало с самого детства, когда он, тогда еще маленький мальчик, замирая, ждал Сочельника. Мунлайт Коув был его громадной игрушкой, и через несколько часов, как только пробьет полночь, и на смену темному, томительному вечеру придет праздник, он сможет вволю позабавиться со своей чудесной игрушкой. Он позволит себе удовольствие поиграть в такие игры, в какие давно мечтал сыграть, долгие годы сдерживая себя, не давая себе воли. С этого момента любое его желание, любая прихоть будут исполняться немедленно, он сможет выбрать для себя любую игру и сыграть в нее, как он того пожелает, как бы кровожадны или жестоки не были ее правила; никто не посмеет наказать его за это, не будет ни судей, ни прокурора.

Словно ребенок, забравшийся в шкаф, чтобы стянуть немного мелочи из кармана виджака своего отца и купить себе мороженое, Шаддак был так поглощен мыслями о предстоящем удовольствии, что совершенно не думал о

возможности неудачи. С каждой минутой угроза регрессивных испарялась из его сознания, таяла, казалась все более ничтожной. Конечно, он не забыл о словах Лоумана Уоткинса, но он уже не мог теперь в точности припомнить, зачем ему понадобилось целый день прятаться от начальника полиции в гараже Паулы Паркинс.

Более тридцати лет неослабного самоконтроля, предельного, постоянного напряжения всех умственных и физических сил, начавшегося в тот день, когда он убил своих родителей и Ранингдиэра, тридцать лет непрерывного подавления всех своих потребностей и желаний, погружения в работу, — и вот, наконец, он у цели; еще немного — и мечта всей его жизни исполнится. Он не имеет права сомневаться. Усомниться в своем предназначении, в своем деле или тревожиться о его исходе значило бы искушать судьбу и оскорблять Великих Духов, покровительствовавших ему. Шаддак был уже не способен оглядываться назад, он должен был подавить в себе все зарождающиеся сомнения, неуверенность, страх.

Великие Духи были здесь — в мятущихся черных тучах и завываниях ветра.

Они невидимо парили над городом.

Они взирают с высоты на его величие, они с ним, они ждут того момента, когда он, Шаддак, взойдет на свой трон властелина человеческих судеб.

С того дня, как он убил своих родителей и индейца, Шаддак не ел кактусовых леденцов, но все эти годы он испытывал иногда такие же озарения, какие когда-то давали ему сладости Ранингдиэра. Они приходили неожиданно. Только что он был в земном, реальном мире, — и вот уже перенесся в другой, странный и необычный, параллельный земному, тот, в который переносили его раньше кактусовые леденцы, — мир удивительно живых и ярких красок, тончайших оттенков, в котором каждая вещь обладала множеством углов и измерений, мир, где он сам себе казался странно невесомым, плавающим в воздушном пространстве, словно наполненный гелием шар, и где с ним говорили голоса Великих Духов. В год, последовавший за убийством, такие вепышки были особенно частыми, иногда это случилось с ним по два раза в неделю; затем они стали реже, хотя

и не менее сильные, — и так продолжалось все его отрочество, а потом и юность. Эти короткие, продолжавшиеся иногда час или два, но иногда и полдня, приступы безучастной отрешенности, когда он словно бы погружался в себя, не замечая окружающих, были причиной того, что и родственники и учителя считали Томми несколько необычным ребенком, замкнутым и необщительным, сторонящимся других детей. Все они, конечно же, любили его и жалели, так как полагали, что его обособленность и диковатость — последствия перенесенной им душевной травмы.

Сейчас, сидя за рулем своего микроавтобуса, Шаддак постепенно погружался в свои кактусово-леденцовые думы. Как всегда, это пришло к нему неожиданно, только на этот раз его уход из реального мира не был мгновенным. Он входил в это удивительное состояние, как в море, медленно раздвигая тяжелые волны, опускаясь все глубже и глубже. И чем дальше он уходил в глубину, тем сильнее становилась его уверенность, что это необратимо, больше его не выбросит на берег, как щепку, из этого царства высшего разума. С этого момента он будет одновременно существовать в двух мирах, высшем и низшем, сознавая свое раздвоение, подобно тому, как живут Великие Духи. Шаддак подумал, что ощущения, которые он сейчас испытывает, — предвестники его духовного перерождения, это его собственное Превращение, в тысячу раз более полное, чем то, через которое прошли жители Мунлайт Коува.

Шаддак был так возбужден, что все вокруг казалось ему чудесным, необыкновенным. Дрожащие огни мокрого, залитого дождем города, словно драгоценные камни мерцали сквозь тонкий покров опускающейся тьмы. Он был потрясен красотой расплавленных, серебристых струй дождя, великолепием туч, кипящих в сером, бездонном котле сумеречного осеннего неба.

Затормозив на перекрестке, там где Паддок Лэйн пересекала Сэдлбэк Драйв, Шаддак дотронулся до груди, нащупав телеметрическое устройство, которое он всегда носил на цепочке; он не сразу смог вспомнить, что это, и это тоже было необычайным и изумительным. Затем в его памяти всплыло, что устройство ловит биенье его сердца и передает его компьютеру на «Новой Волне». Где бы он ни был — на

улице или в помещении — устройство срабатывало в радиусе пяти миль от «Новой Волны». Если сердце его перестанет биться, замрет больше, чем на одну минуту, начнет действовать особая программа «Солнца», и микросхемы в организме каждого Нового Человека получат приказ об уничтожении.

Через несколько минут, отъехав от перекрестка, Шаддак уже довольно смутно помнил о назначении устройства. Касаясь его пальцами, он чувствовал только, что этот предмет обладает какой-то необыкновенной силой, особым могуществом, и тот, кто носит его на шее, получает власть над другими людьми, может распоряжаться их жизнью по своему усмотрению; он снова был ребенком, живущим в мире своих фантазий, и он решил, что это, должно быть, амулет, — дар Великих Духов, еще один знак того, что он — мост между двумя мирами; одной ногой он стоит на твердой и плоской поверхности мира обычных людей, другая же занесена в заоблачную высь, в царство Великих Духов, в мир божества кактусовых леденцов.

Его медленное, постепенное погружение, словно машина времени, перенесло Шаддака в те дни, когда он был еще мальчиком, всей душой преданным Ранингдиэру, готовым выполнить любое его желание. Он снова был ребенком. И в то же время, он был полубогом. Да, он — избраннык Черного Ястреба, его любимый сын, а значит, он может делать все, что угодно и с кем угодно, он может выбрать любого, кого только пожелает; не останавливаясь, ведя машину по улицам города, Шаддак представлял себе, что он сделает, что он захочет сделать... и с кем...

Время от времени он тоненько, пронзительно смеялся; темные, дикие огоньки сверкали в его глазах, как у жестокого, безумного мальчишки, пойманного в банку муравьев и поджигающего их, чтобы посмотреть, как они будут гореть.

4

Крисси, Тэсса и Сэм сидели на кухне, ожидая, пока догорающий осенний день не пригасит свой мглистый, неяркий свет, занавесив его сумеречным пологом, а Муз вертелся вокруг них и так вибрил хвостом, что девочка всерьез опасалась, как бы он не оторвался и не улетел куда-нибудь.

Наконец, Сэм поднялся:

— Пора. Держитесь все время около меня. Делайте все, что я скажу, повторяйте каждый мой шаг.

Уже держась за ручку двери, он остановился и с минуту молча смотрел на Крисси и Тэосу. Никто из них не произнес ни слова, и так же молча они потянулись друг к другу и обнялись. Тэсса наклонилась к девочке и поцеловала ее в щеку, то же сделал и Сэм, а Крисси, приподнявшись на цыпочки, поцеловала их обоих. Ни к чему было что-то объяснять, выражать словами ту нежность, которую они вдруг почувствовали друг к другу. Они ведь были людьми, обычными, нормальными людьми, и для них необычайно важно было выразить свои чувства, потому что еще до того, как часы пробьют полночь, в них может не остаться ничего человеческого. Возможно, они уже никогда не смогут ощутить того, что чувствуют обычные люди, и потому чувства, которые они пока еще могли испытывать, были для них необычайно драгоценными.

Кто знает, что ощущают эти чудовищные мутанты? Да и кто же захочет это узнать?

К тому же, если они не смогут добраться до Учебного Центра, то только потому, что наткнутся по пути на патруль или на парочку упырей-привидений. В таком случае, это их последняя возможность попрощаться друг с другом, сказать друг другу последнее «прости».

Наконец они вслед за Сэмом вышли на крыльцо.

Крисси осторожно прикрыла за собой дверь. Муз не пытался выскочить на улицу — он был слишком благородным и воспитанным несом для того, чтобы проделывать такие дерзкие трюки. Однако он просунул свою морду в узкую щель, обнюхивая девочку, тычась в нее носом и пытаясь лизнуть ей руку, так что она боялась прищемить ему нос дверью. В последний момент нес все же отпрыгнул назад, и дверь захлопнулась.

Сэм шел впереди, Крисси и Тэосу за ним по ступенькам, затем через двор, направляясь на юг, к дому с темными окнами. Поскольку свет в доме не горел, девочка надеялась, что там никого нет, однако, помимо ее воли, воображение рисовало ей ужасное чудовище, притаившееся за темным окном; оно вглядывалось в темноту, облизываясь в предвкушении добычи.

Крисси казалось, что на улице еще похолодало с прошлой ночи, когда она спасалась от погони, но, возможно, она дрожала просто потому, что вышла из теплого, уютного дома в сырую и ветреную осеннюю непогоду. Последняя бледная полоска света угасала на западе. Косые, ледяные струйки дождя точно выхватывали из облаков остатки этого слабого, трепещущего света, вбивая его в черную, влажную землю и волоча за собой громадное, потяжелевшее от влаги покрывало тьмы. Не успели они еще пройти через двор Гарри, как Крисси почувствовала, что куртка мистера Тальбота, — непромокаемая и с капюшоном, — приплась ей очень кстати, хоть она и была ей так велика, что девочка чувствовала себя маленькой глупышкой, забравшейся в шкаф с одеждой родителей и играющей в переодевания.

Сад Гарри был окружен низеньким деревянным заборчиком — не стоило никакого труда перелезть через него. Все трое — Сэм впереди, Тэсса и Крисси за ним — перебежали через соседний двор к следующей изгороди. Крисси быстро перелезла и через эту ограду, Тэсса за ней, и тут девочка поняла, что они попали к дому Кольтранов.

Она взглянула на пустые, черные квадраты окон. Слава Богу, свет нигде не горел. Если бы окна светились, это означало бы, что кто-нибудь зашел в дом и обнаружил то, что осталось от Кольтранов после визита Сэма.

Пока Крисси бежала через двор, ее мучил страх, что даже после того, как Сэм выпустил в них все свои пули, Кольтраны сумели каким-то образом ожить и теперь стоят у кухонного окна, глядя прямо на своего врага и на двух его спутников; вот они уже подходят к задней двери, открывают ее... Еще минута, и два человека-автомата выскочат во двор и погонятся за ними, лязгая своими громадными железными руками, клацая металлическими или костяными пальцами, наподобие мертвецов из старых зомби-фильмов; девочка уже ощущала ветерок от миниатюрных параболических антенн, непрерывно вращающихся над головами роботов, слышала свист пара, вылетающего из их ртов и поздрей.

От страха она, видно, приостановилась, так что Тэсса налетела на нее сзади и легонько подтолкнула ее. Крисси прыгнулась и быстро побежала через двор.

Сэм помог ей перебраться через железную ограду с ост-

рыми, точно копы, стальными прутьями. Случись ей перелезть через нее одной, она наверняка повисла бы на ней, как шашлык на шампуре. Крисси-“люля-кебаб”!..

В следующем доме горел свет, значит, там были люди, и Сэм укрылся в кустах, чтобы осмотреться, прежде чем двигаться дальше. Тэсса и Крисси быстро присоединились к нему.

Перелезая через последнюю ограду, девочка задела свою раненую руку. Боль обожгла ободранную ладонь, несмотря на то, что она была перевязана, но Крисси не застонала, не издала ни звука.

Раздвинув ветки кустов, — кажется, это был тутовник, — девочка взглянула на дом, стоявший всего лишь футах в двадцати от нее. Она увидела четверых людей, собравшихся в кухне, — супруги средних лет, пожилой, седоволосый мужчина и девочка-подросток.

Интересно, — подумала Крисси, — превратили их уже или нет. Почему-то ей казалось, что нет, однако нельзя быть совершенно уверенной. Когда роботы и упыри-привидения так легко притворяются людьми, ни в ком нельзя быть уверенной, даже в своих лучших друзьях... или родителях. Это все равно как если бы город действительно захватили пришельцы.

— Даже если они и выглянут, они нас не увидят, — сказал Сэм. — Пошли.

Выскочив из своего укрытия в кустах тутовника, Крисси побежала за ним через открытую лужайку перед домом к изгороди соседнего сада, благодаря Бога за то, что туман с каждой минутой становится все плотнее и гуще.

Вот, наконец, и последний дом квартала. Лужайка перед ним выходила на Бэрдженвуд Уэй, пересекавшую Конкистадор Авеню.

Они добежали уже почти до конца лужайки, до улицы оставалось не более двадцати футов, когда какой-то автомобиль, вывернув из-за угла квартала, стал спускаться с холма. Вокруг не было кустов, за которыми можно было бы укрыться, и Крисси вслед за Сэмом, низко пригнулась, почти прижавшись к мокрой земле. Если бы они попытались убежать, шофер приближающейся машины мог бы заметить их прежде, чем они успели бы добраться до какого-нибудь укрытия.

К счастью, фонарей на Бэрдженвуд не было, а на западе последние уголки света уже догорели на темном, как зола, небе.

Машина медленно приближалась; возможно, шофер опасался ехать быстрее из-за плохой погоды, а может, это был патруль, и полицейские внимательно оглядывали каждый закоулок. Свет фар растворялся в тумане и казалось, туман сам, как радужная дымка, весь лучится светлыми искорками. В этой мерцающей дымке, в неверном, таинственном свете очертания предметов были еле различимы, они то и дело менялись, всплески сияющей облачной пыли искажали их до неузнаваемости.

Когда до того места, где прятались Сэм, Тэсса и Крисси, оставалось уже меньше квартала, один из полицейских, сидевших в автомобиле на заднем сиденье, выключил фонарик. Выставив его в окно, он освещал лужайки перед домами, выходящими на Бэрдженвуд и на пересекавшие ее улицы. Пока что свет был направлен в противоположную сторону, но кто может поручиться, что, подъезжая ближе, они не пожелают осмотреть улицу и с этой стороны?

— Назад! — резко приказал Сэм. — Пригнитесь как можно ниже, ползите, ползите!

Автомобиль подъехал к перекрестку; до их лужайки оставалось еще примерно полквартила.

Крисси ползла вслед за Сэмом, но не по той дороге, по которой они пришли сюда, а к дому, стоявшему в глубине. Она не видела впереди никакого укрытия — крыльцо было все на виду, кустов рядом тоже не было. Быть может, Сэм намеревался завернуть за угол, прежде чем подъедет патрульная машина, но вряд ли они с Тэссой тоже успеют там спрятаться.

Оглянувшись, девочка заметила, что луч фонарика все еще скользит между домами на той стороне улицы, однако свет передних фар автомобиля пронизывал ступавшийся ночной мрак, освещая все близлежащее пространство; с минуты на минуту он упадет и на их лужайку.

Крисси во вставала на четвереньки, то ползла на животе, стараясь двигаться как можно быстрее; она отгоняла от себя мысли о том, сколько улиток и дождевых червей, выбравшихся после дождя понежиться в мокрой траве, она разда

вила по пути. Она была уже на бетонной дорожке, ведущей к дому, когда вдруг обнаружила, что Сэм исчез.

Упираясь в жесткий, шершавый бетон локтями и коленками, Крисси остановилась, вертя головой налево и направо.

— Вниз, в погреб, скорей, малышка! — прошептала появившаяся рядом Тэсса.

Рванувшись вперед, Крисси обнаружила несколько бетонных ступенек, ведущих вниз, к закрытой двери погреба. Сэм был уже внизу, он скорчился на дне, там, где собиравшаяся лужицами дождевая вода стихим бульканьем просачивалась, стекая в канавку. Крисси быстро соскользнула в это подземное убежище, за ней Тэсса. Через две-три секунды луч фонарика упал на стену дома, замер, дрожа, на бетонных ступеньках, с минуту задержавшись над их головами.

Все трое тесно прижались друг к другу, молча, не шелохнувшись, пережидая, пока машина проедет, и свет погаснет. Крисси была уверена, что обитатели дома уже знают о том, что они здесь прячутся, и в любую минуту дверь за спиной Сэма может распахнуться, и оттуда прыгнет на них чудовищное существо — наполовину зверь, наполовину компьютер; рыча и издавая вибрирующее электронное гудение, оно разинет громадную пасть, ощерив зубы попеременно с клавишами компьютерной клавиатуры, и скажет что-нибудь наподобие: «Нажмите клавишу «ВВОД», и вы будете убиты».

Когда Сэм, наконец, прошептал: «Попшли!», Крисси облегченно вздохнула.

Они снова вернулись на Бэрдженвуд Уэй. На этот раз улица, к счастью, была пустынна.

Как и говорил им Гарри, вдоль всей Бэрдженвуд Уэй тянулась облицованная каменными плитками дренажная канава. Гарри помнил ее еще с тех пор, когда играл в ней ребенком. Канава, — сказал он им, — должна быть фута три в ширину и пять в глубину. Заглянув в нее, можно было увидеть, как стремительный, черный поток воды несется по ее дну; в темноте видны были только серебристые отблески струй, да время от времени слышался тихий, журчащий всплеск.

Конечно, по рву идти было бы гораздо безопаснее, чем по открытой всем взглядам улице. Пройдя несколько ша-

гов, они нашли спуск — лесенку с железными поручнями; Гарри обещал, что такие лесенки будут встречаться им через каждые сто футов там, где канава идет поверху. Сэм спустился первым, за ним Крисси, Тэсса шла позади.

Для того, чтобы не высовываться над тротуаром, Сэму пришлось сторбиться и пригнуть голову, Тэссе — тоже, хоть и не так сильно; только Крисси могла идти спокойно, выпрямившись во весь рост. Иногда, оказывается, совсем даже неплохо быть одиннадцатилетней девочкой, а не взрослой тетенькой, особенно, когда ты удираешь от оборотней или кровожадных инопланетян, от роботов или фашистов; за последние сутки она только и делала, что убегала от кого-то из них, по крайней мере, от первых трех; слава Богу, хоть не от фашистов, хотя, кто знает, что еще может случиться!

Холодная вода бурлила вокруг ее ног, поднимаясь чуть ли не до колен. Крисси удивилась, почувствовав, что, хотя здесь и неглубоко, но течение очень сильное. Оно беспрерывно толкало и тащило девочку, словно живое существо, задавшееся целью опрокинуть ее, сбить с ног и потянуть за собой. Пока Крисси стояла на месте, не двигаясь, широко расставив ноги, она была в относительной безопасности, но девочка боялась, что стоит ей сделать шаг — и она потеряет равновесие. Поток воды круто, стремительно неся куда-то вниз; к тому же гладкий каменный пол канавы был прекрасно отполирован — многие годы дожди и осенняя непогода делали свое дело; благодаря этому, ров чем-то напоминал теперь Веселые Горки в луна-парке — у идущего по нему точно так же захватывало дух и замирало сердце.

Крисси представила себе, что, если она упадет, ее со страшной силой потащит вниз, по крутому, обрывистому склону, примерно до середины квартала, где канава расширяется и уходит под землю. Правда, Гарри что-то говорил им о предохранительных брусках, которые для безопасности разделяли ров перед самым спуском на узкие желобки, но девочка была уверена, что в последний момент окажется, что эти брусья куда-то подевались или совсем проржавели, и она полетит вниз, прямо на каменное дно. Вся система водостоков выходила к подножию скал, и дальше шла по пляжу, так что дождевая вода или сразу впитывалась в песок, или, если прибой был высоким, ее уносило в океан.

В воображении Крисси уже видела, как ее швыряет и крутит в водоворотах, грязная вода заливает ей глаза, рот, она беспомощно барахтается, пытаясь ухватиться за что-нибудь, цепляется за гладкие каменные стены, хочет подняться, — но нет, ничего не выходит, она срывается и летит вниз по отвесному проходу, ударяясь о камни, ломая кости, разможжив себе голову и, наконец, падает на дно...

Да, у нее было богатое и очень живое воображение, и ей не стоило никакого труда представить себе все это, но Крисси вдруг поняла, что делать это совершенно не имеет смысла.

К счастью, Гарри заранее предупредил их об этих трудностях, так что Сэм смог подготовиться. Под курткой, вокруг пояса, он был обвязан мотком крепкой веревки; Сэм снял ее с блока в гараже Гарри, которым тот давно уже не пользовался. Веревка, правда, была старая, но Сэм уверил их, что она достаточно прочная, и Крисси понадеялась, что так оно и есть. Еще дома Сэм тщательно закрепил у себя на поясе один конец веревки; теперь, вытащив другой ее конец, он покрепче привязал его сначала к талии Крисси, а затем Тэссы, оставив между ними около восьми футов, так чтобы они могли свободно двигаться. Если даже кто-нибудь из них упадет, — всего вероятнее это могло случиться с девочкой, — именно ее, такую маленькую и легкую, могла подстеречь здесь ужасная гибель в грязных потоках воды, на мокрых, замшелых камнях, — остальные устоят на ногах и будут держаться, пока она не поднимется.

Таков, во всяком случае, был план.

Приняв все меры безопасности, они начали спускаться по каменному дну рва. Сэм и Тэсса пригнулись, так чтобы их головы не высывались над каменным бортиком канавы, и их нельзя было бы заметить из проезжающей мимо машины; Крисси тоже слегка наклонила голову и пошире расставила ноги, сгорбившись, как маленький гном, так же, как она сделала это вчера, пробираясь по подземному бетонному туннелю.

Выполняя указания Сама, девочка обеими руками крепко ухватилась за веревку, привязанную к его поясу, приподнимая ее, чтобы не споткнуться, когда подходила к Сэму слишком близко, и веревка ослабевала, затем снова натягивал, отстав на пару шагов; Тэсса за ее спиной делала то же

самое; Крисси чувствовала, как дергался конец веревки, привязанный к ее поясу.

Они направлялись к подземному каналу, проходившему ниже по холму, примерно за полквартала от них. Он проходил под землей, начиная от Конкистадор Авеню и дальше, за перекрестком, еще целых два квартала, только на Рошмор-Уэй выходя на поверхность.

Крисси взглянула вперед, мимо Сэма, туда, где виднелось отверстие трубы; нельзя сказать, чтобы ей понравилось то, что она там увидела. Труба была круглой и, вроде бы, бетонной, а не каменной. Она была по шире канала, стены которого отходили от пола под прямым углом, около пяти футов в диаметре, так что рабочие могли свободно залезать в нее, чтобы прочистить, когда в ней скапливался разный мусор. Однако вовсе не форма и не размеры трубы так встревожили девочку, а крошечная тьма, стоявшая в ней; там, внутри, было так темно, что у Крисси даже мурашки пополезли по коже; эта тьма была гуще, чем мрак, покрывавший дно дренажной канавы, абсолютная, беспросветная, непроглядная тьма; она зияла перед ними, словно распахнутая пасть какого-то доисторического чудовища.

Мимо них, по Бэрдженвуд, медленно проехала патрульная машина, другая — навстречу ей — по Конкистадор Авеню. Свет их фар рассеивался в волнах наплывающего тумана, казалось, сама ночь сияет золотистым, мерцающим светом, но это странное, неземное свечение плыло поверху, не достигая дна водостока, не проникая в черное, злое отверстие трубы.

Сэм первый ступил в густую и вязкую тьму туннеля, почти сразу же исчезнув, растворившись в его черноте, и Крисси без колебаний, хотя и не без трепета, последовала за ним. Они продвигались вперед медленно, так как труба не только круто уходила вниз, но пол ее был неровный, в выбоинах, и идти по нему было еще опаснее, чем по каменному полу дренажной канавы.

У Сэма, правда, был фонарик, но Крисси понимала, что он не хочет включать его, пока они не доберутся до конца туннеля. Отблески света на поверхности могли привлечь внимание патруля.

В трубе было совершенно темно, хоть глаз выколи, при-

мо, как в желудке у кита. Не то чтобы Крисси знала, как бывает у кита в желудке и что у него там внутри, но лампочек там наверняка нет, можно не сомневаться, даже маленького ночничка в виде Мак-Дака, такого, какой был у Крисси в детстве, там и то не найдешь. Сравнение с животом кита подходило просто потому, что у девочки было довольно неприятное чувство, будто труба и в самом деле чей-то громадный, черный желудок, а вода, струящаяся по ее дну, — желудочный сок, и что ее кроссовки и джинсы уже растворились и теперь благополучно перевариваются каким-то неведомым чудовищем.

И тут она упала. Ноги ее на чем-то поскользнулись, может, это был какой-нибудь гриб или плесень, выросшие на дне трубы и так крепко прилепившиеся к его бетонной поверхности, что даже бурный поток дождевых вод не смог оторвать их и унести с собой. Крисси выпустила веревку и замахала руками в воздухе, пытаясь удержать равновесие, но ей это не удалось, и, с громким всплеском упав вперед, она почувствовала, как ее подхватило потоком и тянет куда-то вниз.

У нее все же хватило духу не закричать. Крик могли услышать полицейские наверху или еще кто-нибудь похуже.

Задышавшись, отплеываясь, когда вода попадала ей в рот, девочка летела вперед, пока не натолкнулась на Сэма, ткнувшись ему прямо в ноги. Она так резко толкнула его, что он потерял равновесие, и Крисси почувствовала, что он тоже падает. В голове ее мелькнула мысль, как долго, интересно, тела их, мертвые и разлагающиеся, будут лежать на дне этой отвесной трубы, у подножия скал, до того как кто-нибудь найдет их вздувшиеся, посиневшие останки.

5

Тэсса слышала, как где-то впереди, в непроглядной темноте, упала Крисси, и тут же замерла, как вкопанная, пошире расставив ноги, стараясь потверже упереться ими в покатый, выщербленный пол, крепко держась за веревку обеими руками. В следующую секунду она почувствовала, как веревка в ее руках натянулась, — и поняла, что девочку относит течением.

Сэм застонал, — наверное, Крисси понесло прямо на него. Веревка на минуту ослабла, но потом натянулась так сильно, что Тэссу потянуло вперед. Она решила, что Сэм, видимо, потерял равновесие и теперь пытается устоять на ногах; должно быть, девочка налетела на него, чуть не сбив с ног. Если бы Сэм не удержался и тоже упал, подхваченный бурным потоком, веревка не просто натянулась бы, а потащила бы Тэссу за собой, так что и она, наверняка, упала бы в воду.

До нее донесся отчаянный плеск воды; потом Тэсса услышала, как Сэм тихо выругался.

Вода поднималась все выше. Сначала Тэсса решила, что ей это только показалось, но потом обнаружила, что она дошла ей уже почти до колен.

Хуже всего была эта чертова темнота; из-за нее Тэсса не видела, что происходит впереди, не знала, что там случилось, была как слепая, совершенно беспомощна.

Внезапно веревка дернулась, ее снова потащило вперед. Два, три, Боже милостивый, с полдюжины шагов!

Сэм, не падай, пожалуйста, не падай!

Скользя, и спотыкаясь, почти теряя равновесие, понимая, что все они на краю гибели, Тэсса откинулась назад, натягивая веревку, надеясь на ее прочность, пытаясь устоять на ногах, не сдвинуться с места, ослабив напряжение. Уповая на Бога, она молилась, чтобы веревка выдержала, чтобы ей удалось удержаться и не упасть, чтобы все было хорошо.

Она покачнулась. Шнур натянулся, врезаясь ей в талию; он скользил у нее в ладонях, и у Тэссы уже не хватало сил его удерживать.

Поток воды толкал ее сзади, сбивая с ног.

Тэсса держалась изо всех сил, упираясь ногами в пол.

За считанные секунды в голове ее, словно в ускоренной съемке, пронеслось множество мыслей, непрошенных, неожиданных, неизвестно откуда взявшихся. Она думала о жизни и смерти, и о том, как не хочется умирать, — и в этом не было ничего удивительного, но потом она подумала о Крисси, о том, что она не хочет, не может ее потерять, и в мозгу ее возникли яркие картины их будущей жизни вдвоем — она и Крисси вместе, где-нибудь в маленьком, уютном

домике, живут как одна семья, как мама с дочкой; Тэсса была поражена, осознав, как сильно она, оказывается, хочет этого; это казалось нелепостью, безумной фантазией — ведь, насколько известно, родители девочки живы, и, может быть даже, их состояние не так уж безнадежно, ведь превращение, — что бы там оно ни означало, — по-видимому, обратимо. Крисси, надо думать, снова встретится со своими родителями, и будет жить вместе с ними. Но этого Тэсса почему-то никак не могла себе представить. Такая возможность совершенно не укладывалась у нее в голове, в отличие от замечательных планов их с Крисси совместной жизни. И все же это было вполне вероятно. Тут Тэсса вдруг подумала о Сэме, о том, как жаль, если она никогда уже не сможет любить его, и это открытие совершенно потрясло ее; конечно, она находила его симпатичным и привлекательным, но ей даже в голову до сих пор не приходило, что она может испытывать к нему какие-то нежные чувства. Да, ей нравились его душевная твердость, его выдержка, то, что испытания все же не сломили его, не заставили окончательно потерять вкус к жизни, а четыре его жизненных ценности, о которых он умудрился говорить так серьезно, делали Сэма просто неотразимым. Сможет ли она стать пятой в этом списке? Или даже вытеснить Голди Хоун с ее четвертого места? Только сейчас, на краю гибели, когда стремительный черный поток в любую секунду мог унести ее навсегда, Тэсса поняла, как сильно она успела привязаться к Сэму за такое короткое время.

Ноги ее заскользили по дну. Несущийся поток воды так отполировал бетонный пол, что он был совершенно гладкий, скользкий, будто поросший мхом и лишайниками, на нем было труднее устоять, чем на каменном полу канавы; Тэсса попыталась притормозить на пятках.

Сэм почти неслышно выругался. Крисси придушенно кашлянула.

Посреди туннеля было довольно глубоко, вода поднималась здесь дюймов на восемнадцать-двадцать.

В следующее мгновение веревка дернулась, потом вдруг совершенно провисла.

Все — оборвалась! Сэма и Крисси уносит вниз, в бездонный, черный туннель.

Вода вокруг булькала, хлюпала, kloкотала, эхо отдавалось от стен, многократно повторяясь, расходясь все новыми отзвуками; сердце Тэссы бешено колотилось, его оглушительный стук, биение, грохот стояли у нее в ушах, но это, конечно, не заглушит их криков, вот сейчас, сейчас она услышит их и узнает, что все кончено. Но в этот последний, короткий миг вокруг воцарилась мертвая тишина.

Тэсса услышала, как Крисси каплянула. Всего в нескольких шагах от нее.

Щелкнул фонарик. Сэм прикрывал его рукой, оставляя только маленький лучик света.

Девочка стояла у стены, изо всех сил прижимаясь к ней спиной и руками; поток с шумом несли мимо нее, но опасность миновала.

Сэм повернулся к ним лицом, широко расставив ноги, вокруг которых бурлила, пенилась и kloкотала темная вода.

Оказывается, веревка все-таки выдержала; ее натяжение ослабло, когда Сэму и Крисси удалось встать на ноги.

— С тобой все в порядке? — шепотом спросил Сэм у Крисси.

Та только кивнула; грязная вода, которой она успела наглотаться, мешала ей говорить. Крисси сморщилась от отвращения.

— Угу, — пробормотала она, пытаясь отплеваться.

Сэм посмотрел на Тэссу:

— Порядок?

Тэсса не могла произнести ни слова; жесткий, шершавый комок застрял у нее в горле; она сглотнула раз, другой, беспомощно моргая, медленно приходя в себя от пережитого ужаса. Запоздалая волна облегчения нахлынула на нее, унося с собой невыносимую тяжесть, сдавившую ей грудь, дышать стало легче.

— О'кей, ну да, все в порядке, — наконец сказала она.

6

Сэм окончательно успокоился, только когда они благополучно дошли наконец до конца трубы; никто больше не падал. Он на мгновение остановился у выхода, с наслаждением глядя в темно-серую мглу над головой, в бескрайнее

вечернее небо. Правда, туман за это время настолько сгустился, что неба, в общем-то, не было видно, но это не имело значения; все равно он был счастлив, вдыхая влажный ночной воздух, — это было лучше, чем пробираться в непроглядной темени трубы по колено в грязной воде.

Теперь это была уже настоящая бурная река. То ли из-за проливного дождя, — возможно, там, на холмах, в восточной части города, он лил еще сильнее, — то ли потому, что в системе водостоков случилась какая-то авария, — но вода быстро прибывала. Теперь она уже доходила Сэму до середины бедра, а Крисси и вовсе до пояса; она хлестала из трубы за их спиной с устрашающей силой. С каждой секундой становилось все труднее удержаться на ногах, не позволить этому водопаду сбить себя, опрокинуть и унести.

Сэм повернулся, нашел в темноте девочку и, подтянув ее к себе поближе, прошептал:

— С этого момента я буду крепко держать тебя за руку, ты должна все время находиться рядом со мной.

Крисси кивнула.

Вокруг было так темно, что, хотя лицо ее находилось от него всего в нескольких дюймах, Сэм с трудом мог разглядеть его очертания. Он посмотрел туда, где в двух шагах за спиной Крисси стояла Тэсса, но фигура ее расплывалась черным пятном, и невозможно было понять, кто это.

Не выпуская руки девочки, Сэм снова повернулся к выходу.

Туннель тянулся под землей два квартала, дальше, еще на один квартал, шла открытая дренажная канава, — все точно так, как Гарри запомнил еще с тех времен, когда он, тогда еще мальчишка, не слушая запретов родителей, играл в водостоках. Да благословит Господь непослушных детей!

Облицованный камнем канал тянулся один квартал, впадая затем в новую бетонную трубу. Она, по словам Гарри, кончалась длинным вертикальным водоотводом на западной окраине города. На последнем участке главной линии должны стоять прочные металлические прутья; они тянутся от пола до потолка, вертикально, на расстоянии двенадцати дюймов друг от друга, создавая надежную преграду, через которую могут проникать только вода да какой-нибудь

мелкий мусор, так что даже если кто-то из них и упадет, вряд ли его понесет вниз с высоты двухста футов...

И все же Сэм не хотел рисковать. Он не мог больше допустить падений. Он даже подумать не мог о том, что с ними может случиться такое, представить, как они будут барахтаться в грязной, холодной воде, как их вынесет в конце концов на предохранительную решетку, швырнет на нее со всего маху, и как они, если, конечно, не разобьются вдребезги, должны будут карабкаться обратно, наверх, по длинному, крутому и скользкому склону трубы, преодолевая сопротивление несущегося им навстречу потока воды, — сама мысль об этом была невыносима, не говоря уж о том, чтобы пережить такое в действительности.

В его жизни было уже достаточно потерь. Хотя Сэму было всего семь лет, когда его мать погибла в автомобильной катастрофе, его никогда не переставало мучить чувство вины за ее смерть, словно он должен, обязан был спасти ее, несмотря на то, что был еще ребенком, что лежал, придавленный обломками машины, не в силах пошевелиться. Позже, пытаясь угодить своему пьяному, мерзкому, жалкому отцу, этому паршивому сукину сыну, Сэм всегда тяжело переживал, что ему это не удастся. Он, как и Гарри, чувствовал, что, уходя, предает тех, кто остается во Вьетнаме, хотя решение оставить их там принимал не он, а люди, стоящие гораздо выше его по рангу, и он тут ничего не мог поделать. Никто из его погибших товарищей по Бюро не погиб по его вине, и все же он чувствовал, что виноват в их смерти, и это всегда его мучило. Он виноват был и в том, что потерял Карен, хотя люди говорили ему, что он сумасшедший, как можно винить себя за то, что близкий человек заболел раком, но Сэм-то знал, что любил он ее больше, глубже, сильнее, — она нашла бы в себе силы справиться с этим, она бы не умерла. И Скотта он тоже предал — он потерял своего сына, покинул его, не пришел ему на помощь...

Сэм почувствовал, как Крисси сжала его руку.

Он тоже пожал ее тоненькие, шершавые пальчики.

Девочка казалась такой маленькой, такой незащищенной...

Сегодня днем, на кухне у Гарри, они говорили об ответственности. Сейчас Сэм вдруг подумал, что его чувство от-

ветственности, кажется, переходит всякие границы, превращаясь в манию, в навязчивую идею. И все же он был согласен с тем, что сказал Гарри: «Ответственность человека за других, особенно за родных, близких и друзей, не может быть чрезмерной, человек всегда отвечает за все, и не только за то, что он совершил». Сэм никогда не думал, что прозрение осенит его здесь, в грязной сточной канаве, стоящего чуть ли не по пояс в воде, окруженного врагами как в человеческом, так и в нечеловеческом облике, но так оно и было — одно из главных, самых значительных открытий в его жизни пришло к нему именно здесь и именно в этот момент. Он вдруг понял, что беда его вовсе не в том, что он всегда готов взвалить всю ответственность на свои плечи, или что ответственность эта слишком велика, и груз ее непосилен для него. Нет, черт побери, дело совсем не в этом, а в том, что он позволил этому чувству завладеть собой целиком, заслонив от него весь мир, не давая справиться с несчастьем, с потерей. Каждый человек что-нибудь или кого-нибудь теряет в своей жизни, и часто в этом нет его вины, так уж предопределено судьбой. Теряя близких, сгибаясь под ударами судьбы, он должен был научиться не просто распрямляться и идти дальше, но радоваться, продолжая свой путь. Он не должен был позволить потерям высосать из себя всю радость жизни. Такое мрачное, унылое существование, не доставляющее никакого удовольствия ни самому человеку, ни окружающим, — бесстыдное отступничество от Божьих заповедей, если ты верующий, и непростительная, позорная глупость, если нет. Это было все равно, что во всеуслышанье заявить: «Конечно, другие люди теряют, на них обрушиваются всякие беды и несчастья, но со мной такого случиться не может, не должно, потому что я — не такой, как все, я выше их, лучше, умнее, меня можно сравнить только с ангелами или с самим Господом Богом». Только теперь Сэм понял, почему он потерял Скотта; это случилось, потому что он потерял собственную любовь к жизни, он не мог разделить с мальчиком его радость, наслаждение от жизни, а значит, душа сына была для него закрыта, ему недоступны были его мысли и чувства, и он не мог противостоять нигилизму Скотта, ему нечего было противопоставить этому всеобщему, абсолютному отрицанию.

Если бы в этот момент Сэм попытался снова составить список своих жизненных ценностей, он получился бы гораздо длиннее, не ограничился бы только четырьмя пунктами. Их были бы сотни... Тысячи...

Все это в один миг пронеслось в его мозгу, нахлынуло на него, пока он держал ладошку Крисси в своей руке, охватило его; словно он попал в какое-то другое измерение, и поток времени удивительно растянулся, вмещая в себя то, что невозможно вместить на Земле. Сэм понял, что даже если он, не дай Бог, потеряет девочку или Тэссу, а сам сумеет выбраться из этой передраги, он найдет в себе силы радоваться собственному спасению и будет жить, наслаждаясь каждым мгновением этой прекрасной, подаренной ему жизни. Когда Сэм в полной мере осознал все это, неизвестность, ждущая их в конце пути, и слабенький лучик надежды, почти не освещающий этот путь, перестали удручать его; душа его возликовала, он чуть не расхохотался громко, весело, забыв про все опасности и преграды. Ожившие ночные кошмары Мунлайт Коува стали катализатором, ускорившим рождение в его душе великих истин, без которых не может жить ни один человек; истины эти были столь просты и очевидны, что Сэм не понимал теперь, как он мог жить, не замечая их, долгие годы терзаясь в аду своей собственной слепоты. Как бы просты они ни были, Сэм был рад, что они, наконец, открылись ему, он проклинал свою прежнюю тупость и благодарил Бога за это прозрение. Возможно, истина всегда кажется до удивления простой, лежащей на поверхности, когда тебе, в конце концов, удастся обрести ее.

Ладно, отлично, предположим, он сможет теперь идти вперед, несмотря ни на что, даже если все надежды его потерпят крушение, даже если ему не удастся спасти людей, за которых он отвечает, если он потеряет Крисси или Тэссу, но он, черт побери, не собирается их терять. Будь он проклят, если не убережет их!

Будь он проклят, если окажется неспособен уберечь их! Сэм крепко держал девочку за руку, осторожно ведя ее за собой по каменному полу дренажной канавы, радуясь тому, что он не такой ровный и гладкий, как скользкий бетонный пол трубы, что можно ступать по нему относи-

тельно безопасно, не боясь поскользнуться на лишайниках, облепивших дно. Вода поднялась уже так высоко, что они не шли, а почти плыли; подняв ногу, было невероятно трудно опустить ее обратно, поэтому Сэм не шагал, а просто волочил ноги по дну.

Так они продвигались около минуты, дойдя, наконец, до металлических перекладин, вделанных в каменную кладку стены наподобие ступеней. Ухватившись за них, они некоторое время просто висели над водой, не двигаясь, благодарные за ощущение твердого, незыблемого металла, за это надежное прибежище.

Дождь почти перестал, и через пару минут Сэм, отдохнув, готов был идти дальше. Осторожно, стараясь не наступить на руки Тэссе и Крисси, он поднялся на несколько ступенек и выглянул на улицу.

Все было спокойно, только туман плыл над землей.

Этот наружный отрезок водостока огибал Учебный Центр Мунлайт Коува; прямо перед ними была спортивная площадка, а за ней, еле видимое в темноте и тумане, высилось здание школы; только тусклые ночные фонари освещали вход.

Двор был окружен высокой железной оградой, но это не смущало Сэма — там, где ограда, всегда должны быть и ворота.

7

Гарри ожидал на чердаке, прислушиваясь, надеясь на лучшее, но готовый к худшему.

Он сидел у стены длинного, неосвещенного помещения, в самом конце его, в углу, подальше от люка, через который его сюда подняли. Комната была совершенно пуста, укрыться здесь было негде.

Но если кто-нибудь и даст себе труд вытащить все вещи из шкафа в спальне, открыть люк, спустить складную лестницу и сунуть свой нос на чердак, может, он все-таки не станет тщательно обследовать каждый угол. Увидев голые доски и стаи копошащихся пауков, — только это и может броситься в глаза при первом взгляде, в неярком свете фонарика, — он, скорее всего, решит, что здесь нет ничего интересного, выключит свой фонарик и уберется восвояси.

Чепуха, конечно. Если уж найдется человек, который не поленился забраться на чердак, он, без сомнения, обшарит все помещение, заглянет в каждый уголок, в каждую щелочку. Но, как ни эфемерна была эта надежда, она поддерживала Гарри, не давала ему пасть духом. Гарри разжигал в себе слабый огонек этой надежды, подбрасывал дровишек, чтобы пламя запылало поярче, — он был большой мастер на такие дела, ведь он уже полжизни жил, в основном, одними надеждами.

Ему было достаточно тепло и удобно. Готовясь подняться в это нежилое, промозглое помещение, Гарри с помощью Сэма — так было быстрее — оделся как следует; надел шерстяные носки, брюки потеплее, да еще два свитера.

Как ни странно, многие почему-то считают, что человек, у которого парализованы руки и ноги, не может ничего чувствовать, и ему не важно, жарко вокруг или холодно. В какой-то мере это было действительно так — все ощущения притуплялись, чувствительность была нарушена. Но ведь ранения позвоночника бывают самых различных типов; в тяжелых случаях, когда поврежден весь позвоночник, человек и в самом деле перестает что-либо ощущать, но бывает и по-другому — и тогда ему остается достаточно широкая гамма ощущений.

У Гарри, хотя одна рука и нога у него абсолютно не действовали, а вторая нога действовала с трудом, оставалось все же понятие о жаре и холоде. Боль он тоже мог чувствовать — правда, не так остро, как здоровые люди, — просто как какой-то тупой нажим.

Конечно, физически Гарри был лишен многих ощущений нормального, здорового человека — трудно было бы это отрицать. Но ведь чувства — это не только физические ощущения. Гарри знал, что многие не поверили бы ему, скажи он, что благодаря увечью его духовный мир обогатился; но это была правда. Он жил уединенно и научился за эти годы восполнять недостаток человеческого общения. Книги очень ему в этом помогли, они открыли перед ним целый мир. Ну, и конечно, телескоп. Но важнее всего было его твердое, неколебимое желание вести, насколько это возможно, насыщенную, полноценную жизнь обычного человека, и это ему удалось — ум его был по-прежнему ясен, а сердце не потеряло способности чувствовать.

Если все кончено, и пришел его последний час, он спокойно задует огонек свечи, без горечи оглядываясь на прожитую жизнь. Жаль, конечно, уходить так рано, но главное — ему есть чем дорожить. Теперь, подводя черту, Гарри знал, что прожил неплохую жизнь, он любил ее, и она была прекрасна.

У него были с собой револьвер 45 и пистолет 38 калибра. Если только они появятся здесь, он разрядит в них весь пистолет, до последнего патрона. Потом он еще угостит их из револьвера, но одну пулю оставит для себя.

Он не стал брать лишние патроны. Человек, у которого только одна здоровая рука, не может в минуту опасности достаточно быстро перезарядить револьвер — такая попытка выглядела бы жалкой и комичной, а он не хотел закончить свою жизнь шутком.

Дождь перестал барабанить по крыше. Интересно, — думал Гарри, — что это — только небольшая передышка, или ненастью пришел конец?

Чудесно было бы еще раз увидеть солнце.

Гарри больше беспокоился о Музе, чем о себе. Бедный пес был совсем один там, внизу. Гарри надеялся, что когда упыри-привидения или их создатели, наконец, нагрянут, они не станут трогать собаку. А если они доберутся до чердака, и ему придется пустить себе пулю в лоб, то, даст Бог, Муз найдет себе нового, хорошего хозяина.

8

Улицы Мунлайт Коува, по которым ехал Лоуман, казались ему мертвыми, и в то же время полными тайной, невидимой жизни.

Судя по обычным признакам неспешного, но оживленного движения, каким бывают полны маленькие приморские городки, Мунлайт Коув словно вымер, он похож был на выжженный солнцем призрачный древний город, похороненный где-нибудь в песках пустыни. Его магазины, рестораны, бары, — все было закрыто, нигде не было ни души. Даже в обычно веселом, полном людей «Семейном ресторанчике Перэса» на этот раз было темно и безлюдно; не видно было хозяина, никто, видимо, не собирался откры-

вать заведение — посетителей здесь больше не ждали. Единственными пешеходами на исхлестанных дождем улицах были пешие полицейские патрули да группы превращения. Казалось, город принадлежит теперь стражам порядка, ночным дозорным, и кроме них, в нем не осталось никаких обитателей.

И все же жизнь в нем кипела, но странная, таинственная жизнь. Несколько раз Лоуман замечал низко пригнувшиеся, стремительные фигуры, мчавшиеся сквозь туманную тьму; они все еще старались скрыться, не попасться никому на глаза, однако вели себя более нагло и дерзко, чем раньше. Когда Лоуман останавливал машину или притормаживал, чтобы получше разглядеть этих монстров, некоторые из них тоже останавливались, прячась в тени и злобно, угрожающе глядя на него своими желтовато-зелеными или пылающими, красными, как угли, светящимися в темноте глазами. Они словно прикидывали, успеют ли они напасть на него и вытащить вон из машины, прежде чем он снимет ногу с педали тормоза и даст газ. Наблюдая за ними, Лоуман испытывал страстное, непреодолимое желание выскочить из своего патрульного автомобиля, сбросить с себя всю одежду и вырваться, наконец, из жестких рамок своего человеческого существования, его правил и запретов. О, как мучительно он хотел присоединиться к ним, жить их предельно простой, примитивной жизнью, охотясь, насыщаясь и совокупляясь. Каждый раз он быстро выжимал сцепление, стараясь как можно скорее уехать прочь, подальше от них, прежде чем кто-либо — они или он — уступит своему соблазну. На каждом шагу ему попадались дома, окна которых светились зловещим, зеленовато-голубым светом; он различал за ними такие чудовищно искаженные, нереальные фигуры, что сердце его начинало отчаянно колотиться, а ладони становились влажными от пота; эти жуткие тени были достаточно далеко от него и вряд ли угрожали ему опасностью, но сам вид их внушал Лоуману непреодолимый ужас. Он не останавливался, чтобы убедиться поточнее, что за существа обитали в этих домах, или чем они были заняты; он и так знал, что это чудовища, наподобие того, во что превратился Дэнни, и что они гораздо опаснее и страшнее регрессивных, вышедших на охоту.

Лоуман жил теперь в мире Лавкрафта, где действовали первобытные и космические силы, где немыслимые монстры и чудовища охотились по ночам, а люди были низведены до уровня скотов, где вселенную — плод Божьего творения, великой Божьей любви — населили свирепые языческие боги, создавшие свою вселенную — мир похоти, жестокости и темных инстинктов, движимый неиссякающей жаждой власти. Лоуман чувствовал, что этой ночью должно произойти что-то ужасное, — это висело в воздухе, вскипало в фантастических клубах тумана, шелестело холодными каплями, стекающими с черных ветвей, пряталось в густой тени неосвещенных улиц и вспыхивало в призрачном, желтоватом свете фонарей, — да, нечто неведомое, таинственное и угрожающее подстерегало их в холодной, непроницаемой тьме этой ночи.

В свое время Лоуман запоем читал фантастические романы, он прочел их целую кучу — этих дешевых книжонок в бумажных обложках — Лавкрафта, Луиса Ламура и других. Луис Ламур нравился ему в тысячу раз больше Лавкрафта, — в его книгах все было реально, он писал о том, что могло происходить на самом деле, в то время как Лавкрафт вечно выдумывал черт знает что, такое, что и представить себе невозможно. По крайней мере, так ему тогда казалось. Теперь-то он знал, что люди могут создать на Земле такой ад, какой и не снился писателям-фантастам, обладающим самым изощренным воображением.

Отчаяние и ужас Лавкрафта текли, струились, затопляли улицы Мунлайт Коува, словно недавно обрушившиеся на него потоки дождя. Ведя машину по этим мрачным, словно сошедшим со страниц фантастического романа, улицам, Лоуман время от времени нащупывал рукой револьвер, лежавший рядом с ним на сиденье, так, чтобы сразу можно было дотянуться до него.

Шаддак.

Надо найти Шаддака.

Повернув на юг, в сторону Джюнипер Лэйн, Лоуман затормозил на перекрестке. В тот же момент другой черно-белый автомобиль, ехавший на север, навстречу Лоуману, тоже остановился по запрещающему сигналу светофора.

Других машин рядом не было. Опустив стекло бокового

окна, Лоуман медленно проехал через перекресток и, поравнявшись со встречной патрульной машиной, нажал на педаль тормоза. Не больше фута отделяло их друг от друга.

По номеру на дверце автомобиля, проставленному чуть повыше знака полицейского департамента, Уоткинс узнал, что патрулировавший в нем полицейский — Нэйл Пэннивес. Но когда он заглянул через окно внутрь, он не увидел там знакомого лица молодого офицера. В машине находилось существо, возможно, когда-то и бывшее Пэннивесом, — в нем все еще смутно угадывалось что-то человеческое, — но славного безусого полицейского, почти мальчишки, в нем больше не было. В слабом, желтоватом свечении приборов и спидометра, в мерцающем свете экрана портативного компьютера видны были сдвоенные кабели, наподобие тех, что тянулись от головы Дэнни; даже в тусклом свете кабины Лоуман заметил, что один из проводов, порожденных мозгом Пэннивеса, змеясь, уходит через рулевое управление в приборную доску, а другой соединяет его с процессором. Лицо Пэннивеса страшно изменилось, вытянулось вперед, оцетинившись какими-то острыми выступами, вероятно, чувствительными датчиками; в слабом, приглушенном свете экрана они сверкали, как хорошо начищенный металл, мягко отражая голубоватые, рассеянные лучи. Плечи Пэннивеса раздвинулись, выступая причудливыми острыми зубцами; похоже было, что он сознательно пошел на это, приняв образ фантастического робота. Руки его не лежали на руле, может быть, у него уже вовсе не было рук. Лоуман подумал, что Пэннивес, видимо, слился воедино не только со своим компьютером, но и со всей машиной.

Очень медленно Пэннивес повернул свою голову в сторону Лоумана.

В дырах его глазниц беспрерывно потрескивали, вспыхивали и гасли белые электрические искры.

Щаддак говорил, что Новые Люди, свободные от эмоций, получили удивительную способность использовать мощь разума, данного им от природы, вплоть до того, что сознание их может управлять формой и определять действие материи. Отныне оно диктовало материи ее форму; так что, стремясь уйти из холодного, безучастного мира, в котором не было места чувствам, Новый Человек мог стать чем

удотно, чем он только пожелает, — он не мог только вернуться к своему нормальному состоянию, стать Прежним. Видно жизнь в образе киборга — человека-автомата, свободная от страданий и страха, сулящая забвение, привлекла Пэннивеса, побудив его принять этот чудовищный облик.

Что чувствовал он теперь? К чему стремился? Действительно ли он погрузился в это измененное состояние по собственному желанию или, подобно Пэйсеру, оказался загнанным в ловушку собственной физиологии или психики, потерял дорогу, всеми силами желая возродить в себе человека, но не зная, не помня, как это сделать, не умея вернуться обратно.

Лоуман сжал револьвер, лежавший на сиденье.

Из дверцы патрульной машины вырвался извивающийся отросток — он не покорежил металла, не повредил дверцу, он просто вырос, как естественная часть автомобиля, хотя в то же время в нем чувствовалось что-то телесное, словно металл неведомым образом слился с плотью, образовав единое целое. Этот полуорганический провод метнулся к машине Уоткинса, глухо щелкнув по боковому стеклу.

Пальцы Лоумана, державшие револьвер, разжались; он не мог оторвать глаз от чудовищного отростка.

Стекло не треснуло, только-маленький кружок — в том месте, где кабель коснулся окна — пошел пузырями и словно расплавился, пропуская провод в кабину. Он покачивался прямо перед лицом Лоумана, виден был его мясистый ротик, как у угря, похожий на присосок, ощерившийся крохотными, острыми, точно стальными зубками.

Забыв о револьвере, Лоуман пригнулся и так надавил на педаль акселератора, что вжал ее в пол. Автомобиль качнулся назад, потом мощно рванул с места, в сторону Джюнипер Лэйн.

Провод, соединявший обе машины, на мгновение натянулся, скользнул у Лоумана по переносице и вдруг, вырвавшись из окна, исчез в патрульном автомобиле Пэннивеса.

Лоуман гнал, как сумасшедший, до самого конца Джюнипер Лэйн; там он наконец притормозил и оглянулся. Ветер свистел в кабине, врываясь через оставленное отверстие.

Похоже было, что худшие опасения Лоумана сбыва-

лись. Те из новых людей, кто не хотел регрессировать, опуститься на низшую ступень, меняли свою форму сами, — а, возможно, и по приказанию Шаддака, — превращаясь в дьявольские гибриды человека с машиной.

Найти Шаддака. Убить создателя этих ужасных монстров, прекратить их страдания.

9

Крисси шла за Сэмом через спортивную площадку, ноги ее с чавканьем погружались в мокрую траву, за нею — Тэсса. Вязкая грязь, кое-где выступавшая из-под дерна, липла к подошвам, так что девочке казалось, что она-то и есть самый настоящий марсианин, плепающий по Земле своими громадными, облепленными клейкими присосками, ногами. Потом Крисси подумала, что этой ночью она и правда нечто вроде чужеродного существа, прилетевшего с другой планеты, так не похожа она сейчас на большинство жителей Мунлайт Коува.

Они прошли уже больше половины площадки, когда внезапно замерли от пронзительного крика, разорвавшего ночь, точно остро отточенное лезвие топора с взвизгом вошло в сухой ствол дерева, взрезав его до основания. Этот нечеловеческий вопль накатывал волнами, падая, поднимаясь и снова падая, невероятный, сверхъестественный и все же странно знакомый, зов тех, кого Крисси считала пришельцами. Хотя дождь перестал, воздух был весь напитан влагой; сырость делала крик еще более пронзительным, он звонко разносился по округе, будто звук отдаленного охотничьего рога.

В ответ ему понеслось яростное, призывное завывание, и тут же, по крайней мере, полдюжины страстных, томительных воплей взметнулось к небу; они раздавались со всех сторон — с Паддок Лэйн на юге и с Холлиуэлл Роуд на севере, неслись с востока — с высоких, лесистых холмов, и с запада — с прибрежных обрывов; они слышались совсем недалеко, в каких-нибудь двух кварталах от школы.

Неожиданно Крисси захотелось снова оказаться в черной, холодной трубе, по пояс в бурлящей воде, такой омерзительно грязной, точно ее выпустили из ванны самого

дьявола. И все же она казалась ей теперь почти уютной по сравнению с этим открытым пространством, где опасность могла подстергать их на каждом шагу.

Новое завывание, взвившееся в тишине как раз в ту минуту, когда другие умолкли, было уже гораздо ближе, чем прежние. Слишком близко.

— Войдем внутрь, — быстро сказал Сэм.

Крисси пришлось, наконец, честно признаться самой себе, что, пожалуй, из нее не вышло бы достойной героини для романов Эндрю Нортон. Ей было холодно, страшно, она ужасно устала и опять проголодалась, и ей было очень жалко самое себя. Она была уже по горло сыта всякими приключениями. Она истосковалась по теплым, уютным комнатам, по тем дням, когда можно было лениво понежиться на диване с книжкой в руках, прогуляться в кино или съесть большущий кусок торта с двойной помадкой. Настоящая героиня приключенческого романа к этому времени придумала бы уже сотни блестящих хитростей и уловок, выработала бы тысячи замечательных планов, как уничтожить всех монстров в Мунлайт Коув, изобрела бы средство, превращающее ужасных человеко-роботов в безвредные поливальные машины, и скромно ожидала бы, пока восторженные и благодарные жители города попросят ее править ими и изберут своей принцессой.

Они быстро шли к краю поля, обогнули трибуны болельщиков и через пустую стоянку добежали до задней стены школы.

Никто не бросился, не напал на них.

Благодарю тебя, Господи. Пожалуйста, не забывай о своей Крисси!

В темноте снова раздался жуткий вой.

Иногда даже у Бога бывает, видимо, плохое настроение.

На задней стене школы виднелись шесть дверей. Сэм, Тэсса и Крисси переходили от одной двери к другой, и Сэм пытался открыть каждую из них, освещая замки фонариком, ладонью прикрывая падавший от него свет. По-видимому, замки не поддавались, и Сэм не мог их открыть, что немало удивило девочку. Она-то думала, что агенты ФБР умеют все, и в случае необходимости им ничего не стоит вскрыть какой-нибудь бронированный сейф в банке с зам-

ком повышенной сложности обыкновенной шпилькой для волос.

Сэм проверил и окна; Крисси казалось, он целую вечность вглядывался в темные стекла, светя себе фонариком. Но осматривал он не комнаты, которые были за ними, а внутренние подоконники и оконные рамы.

У последней двери, единственной, имевшей в верхней части стекло, — остальные были просто гладкими металлическими пластинами — Сэм выключил фонарик, серьезно посмотрел на Тэссу и сказал, стараясь говорить очень тихо:

— Не думаю, чтобы здесь могла быть охранная сигнализация. Хотя, конечно, я могу и ошибаться. Во всяком случае, стекло чистое, без проводов, на оконных рамах и шпингалетах тоже ничего такого не заметно.

— А вдруг здесь есть какие-нибудь другие охранные устройства? — прошептала Тэсса.

— Вообще-то бывают еще системы, использующие акустические детекторы или фотодетекторы. Но вряд ли они стали бы устанавливать такие сложные приборы в школе, к тому же, они слишком чувствительны для подобного здания.

— Так что же теперь?

— Теперь я разобью окно.

Крисси ждала, что Сэм вытащит сейчас из кармана рулончик специальной клейкой ленты и прилепит ее к стеклу, чтобы приглушить звук удара и чтобы осколки со звоном не посыпались на пол. В книгах агенты всегда так делали. Но он просто-напросто повернулся к двери боком, отвел руку и со всего маха дал локтем по стеклу, метя в нижний правый угол оконной решетки. Стекло, как показалось Крисси, с оглушительным звоном и грохотом посыпалось из разбитого проема. Может быть, он просто забыл свою липкую ленту?

Сэм просунул руку внутрь, нащупал замок, открыл его и первым вошел в здание. Крисси последовала за ним, стараясь не наступать на осколки.

Сэм включил свой фонарик. Теперь он прикрывал его уже не так старательно, как на улице, хотя и поворачивал так, чтобы света не видно было из окон.

Они вошли в длинный, темный коридор. В нем стоял

сильный запах сосны и кедра, по-видимому, от зеленого порошка дезодоратора и собирателя пыли, которым уборщицы на протяжении многих лет посыпали по вечерам полы, а по утрам убирали, пока и доски, и деревянные панели стен не пропитались этим запахом. Такой же аромат стоял и в их младшей школе Томаса Джефферсона, и Крисси была разочарована, ощутив его здесь. Средняя школа всегда казалась ей каким-то особым, таинственным местом, но какие же тут могли быть особенности и тайны, если они пользовались точно таким же дезодоратором, как в младших классах?

Тэсса тихонько прикрыла входную дверь.

С минуту они постояли, прислушиваясь.

Все было тихо.

Они вошли по коридору, заглядывая в классы, туалеты и подсобные помещения, расположенные по обеим сторонам, в поисках компьютерной лаборатории. Дойдя до конца коридора, они увидели, что дальше он разветвляется. Все трое остановились, настороженно вслушиваясь в тишину.

Ее по-прежнему ничто не нарушало.

Тьма и тишина заполняли школу. Единственный свет шел от фонарика, который Сэм все так же держал в левой руке, не прикрывая его больше правой. Правая рука нужна была ему для револьвера, который он уже вытащил из кобуры.

— Никого, — прошептал наконец Сэм, так ничего и не услышав.

Казалось, что так оно и есть.

Крисси успокоилась, ненадолго она почувствовала себя в безопасности.

Однако, если он действительно считает, что кроме них в здании никого нет, почему же он держит револьвер наготове, а не уберет его в кобуру?

10

Объезжая свои владения, с нетерпением ожидая наступления полночи, до которой оставалось еще около пяти часов, Томас Шаддак постепенно впадал в детство, снова становился ребенком. Теперь он — победитель и может сбросить

надоевшую ему маску взрослого человека, которую ему приходилось носить столько лет; он был рад, что все это позади. По сути дела, он никогда и не был взрослым, внутренне всегда оставаясь двенадцатилетним мальчиком; его духовное развитие остановилось в тот день, когда он получил весть от черного ястреба; он не просто получил это послание, оно вошло в его плоть и кровь; с тех пор ему всегда приходилось притворяться, все свое отрочество и юность он делал вид, что развивается не только физически, но и духовно.

Но теперь не нужно было больше притворяться.

Сам-то он всегда знал о себе это и считал, что это — его сильная сторона, его великое преимущество перед другими, теми, кто расстался со своим детством навсегда, оставив его позади. Двенадцатилетний мальчик может взращивать и лелеять свою мечту куда упорнее и настойчивее любого взрослого, ведь взрослые всегда разбрасываются, их раздражают различные противоречивые желания и потребности. Подростку гораздо легче сосредоточиться на одной цели, неуклонно идти к своей единственной Большой Мечте. Если направить подростка соответствующим образом, из него может получиться законченный мономаньяк.

Он никогда не осуществил бы проект «Черный Ястреб», свою Великую Мечту о неограниченной, божественной власти, если бы его развитие и созревание шли, как у всех обычных нормальных детей. Только задержке своего развития он обязан ожидающим его неслыханным триумфом.

И вот он снова был мальчиком, теперь уже не тайно, а совершенно открыто, он жаждал удовлетворить, наконец, все свои прихоти и капризы, взять все, что пожелает, нарушая любые правила, законы и предписания. Двенадцатилетние подростки обожают нарушать законы, бросать вызов властям. И, что еще хуже, в этом возрасте в каждом подростке сидит анархист, каждый из них бунтарь и яростный ниспровергатель авторитетов.

Но он, Шаддак, был больше, чем анархист. Он был подростком, одурманенным кактусовыми леденцами; он слыхал их в последний раз много лет назад, но они оставили свой неизгладимый след в его сознании, а может быть, в чем-то, и в его внешнем облике. Он был мальчиком, который знает,

что он — бог. Любая мальчишеская жестокость бледнеет по сравнению с жестокостью богов.

Желая как-то скоротать время до полуночи, Шаддак стал представлять себе, что он сделает, когда последний из жителей Мунлайт Коува окажется в его власти. Некоторые мысли, приходившие ему в голову, заставляли его вздрагивать от какой-то странной смеси восторга и отвращения.

Он был на Айсбэрри Уэй, когда заметил, что индеец сидит рядом с ним. Шаддак был поражен, когда, повернув голову, увидел Ранингдиэра на сиденье для пассажиров. Он остановил машину прямо посреди улицы, недоверчиво и испуганно глядя на индейца.

Но Ранингдиэр, видимо, не собирался угрожать ему. Он вообще не заговаривал с Шаддаком и не смотрел в его сторону; глаза его были устремлены куда-то в даль, простиравшуюся за ветровым стеклом.

Понемногу к Шаддаку стало приходить понимание. Дух индейца был теперь его собственностью, он принадлежал ему точно так же, как этот микроавтобус. Великие Духи послали ему индейца, чтобы тот помогал ему, это была награда за успешное осуществление его проекта. Но теперь уже он, Шаддак, а не Ранингдиэр, будет распоряжаться, а индеец будет послушен ему; он не должен заговаривать с Шаддаком первым, его дело — отвечать.

— Хэлло, Ранингдиэр! — произнес Шаддак.

Индеец взглянул на него:

— Добрый вечер, Маленький Хозяин!

— Теперь ты — моя собственность.

— Да, Маленький Хозяин.

На какую-то долю секунды в голове Шаддака мелькнуло, что он сошел с ума, и Ранингдиэр — только призрак, плод его больного воображения. Но подростки, охваченные маниакальной идеей, не способны подолгу контролировать свое сознание, и мысль эта исчезла так же быстро, как и появилась.

— Ты будешь делать все, что я тебе прикажу, — сказал Шаддак Ранингдиэру.

— Всегда и все, что вы захотите, Маленький Хозяин.

Совершенно удовлетворенный, Шаддак отпустил, наконец, педаль тормоза; машина тронулась с места. В свете фар

показалось фантастическое, ужасное существо с глазами, мерцающими янтарным светом, лакающее воду из лужи на мостовой. Шаддак скользнул по нему взглядом, не придавая никакого значения увиденному, и, стоило этому существу отпрыгнуть в сторону, оно исчезло из его памяти так же быстро, как с окутанной ночным мраком улицы.

— Знаешь, что я сделаю в один прекрасный день? — спросил Шаддак, хитро покосившись в сторону индейца.

— Что, Маленький Хозяин?

— Когда уже все будут превращены, все люди, не только здесь, в Мунлайт Коуве, но и во всем мире, когда на Земле не останется никого, кто мог бы противостоять мне, тогда я потрачу некоторое время на то, чтобы истребить всю твою семью; я буду преследовать всех твоих оставшихся братьев, сестер, не только родных, но и двоюродных, троюродных, я найду их детей, их жен и мужей, и всех жен и мужей их детей... и я заставлю их заплатить за твои преступления, никто из них не уйдет безнаказанным, они заплатят мне за все, за все!

В голосе его зазвучали капризные, хныкающие нотки; ему самому не понравился собственный тон, но он ничего не мог поделать.

— Я убью всех мужчин в твоем роде, я сам, своими руками искромсаю их тела, превращу их в кровавую кашу. Но перед этим я скажу им, что они страдают из-за тебя, и они будут презирать и ненавидеть тебя, они проклянут твоё имя и пожалеют, что ты вообще когда-либо существовал на свете. И я изнасилую всех женщин в твоём роде и буду терзать их, мучить и терзать их плоть, я причиню им все мыслимые и немыслимые страдания, а потом убью их тоже. Ну, и что ты на это скажешь, а?

— Как вам будет угодно, Маленький Хозяин.

— Вот именно, именно так, черт побери, мне и будет угодно!

— Тогда вы можете это сделать.

— Конечно, я сделаю это; черт меня побери, если я этого не сделаю!

Шаддак и сам был удивлен, почувствовав, что на глаза ему навернулись слезы. Он остановился на перекрестке и сидел, не двигаясь.

— Ты плохо поступил со мной тогда.

Индеец молчал.

— Скажи, что ты плохо поступил.

— Я плохо поступил, Маленький Хозяин.

— Ты очень плохо поступил.

— Очень плохо.

Шаддак достал из кармана носовой платок и высморкался. Он вытер глаза. Вскоре слезы высохли.

Он улыбнулся, глядя на ночной город за окнами машины, вздохнул и посмотрел на Ранингдиэра.

Индеец все так же смотрел прямо перед собой. Он молчал.

— Конечно, без тебя я никогда бы не стал избранником Черного Ястреба, — сказал Шаддак.

11

Компьютерная лаборатория оказалась в центре здания, на нижнем этаже, недалеко от пересечения коридоров. Окна выходили во двор, так что Сэм мог спокойно включить верхний свет — с улицы его не было видно.

Это был большой зал, оборудованный, как лингафонный кабинет, — компьютеры стояли рядами, вдоль стен, каждый в отдельной кабинке, и еще один ряд шел посреди комнаты — всего тридцать ЭВМ последнего поколения.

— «Новая Волна» и впрямь не поскупилась, а? — заметила Тэсса, глядя на все это богатство.

— Да, поработали они тут основательно, — ответил Сэм.

Он прошелся вдоль ряда, поглядывая, нет ли где-нибудь телефонных проводов и модемов, но ничего подобного не было.

Тэсса и Крисси остались у открытой двери лаборатории, вглядываясь в темноту коридора.

Сэм сел за один из столиков и включил компьютер. Посреди экрана загорелся знак «Новой Волны».

Раз здесь нет ни телефонов, ни модемов, может быть, ЭВМ были подарены школе действительно только для того, чтобы улучшить процесс обучения, и у руководства «Новой Волны» не было никаких далеко идущих планов неразрывно связать школьников с предприятием, включить их на

каком-то этапе проекта «Черный Ястреб» в общую сеть превращений.

Знак исчез, и на экране появилось меню. Поскольку машины были последнего поколения, их программы были уже записаны на жесткий диск и готовы к запуску сразу при включении компьютера. Меню предложило ему на выбор пять программ:

- A. УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА 1**
- B. УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА 2**
- C. ОБРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ**
- D. ОЦЕНКА**
- E. ДРУГИЕ**

Сэм заколебался, но не потому что не знал, на какую кнопку ему нажать, нет, просто ему вдруг стало страшно работать с компьютером. Он ясно вспомнил Кольтранов. Правда, ему казалось, что они сами выбрали для себя этот путь, по собственному желанию слились с машинами, стали их составной частью, истоки превращения были заложены в них самих, в их стремлении, в их воле, и все-таки Сэм сомневался. Что если все было совсем не так, если на самом деле компьютеры захватили их, втянули в свою систему? Нет, это казалось невероятным. Тем более, благодаря наблюдениям Гарри им было известно, что людей в Мунлайт Коуве превращали с помощью инъекций; здесь не было никакого волшебства или магии, никаких таинственных сил, проникавших в организм человека, положившего пальцы на клавиатуру компьютера. И все-таки Сэму было страшно.

В конце концов он нажал на кнопку E и получил целый список школьных предметов:

- A. ВСЕ ЯЗЫКИ**
- B. МАТЕМАТИКА**
- C. ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**
- D. ИСТОРИЯ**
- E. АНГЛИЙСКИЙ**
- F. ДРУГИЕ**

Сэм нажал на F. Появилось третье меню, потом еще, до тех пор, пока в очередном из них, в последнем пункте, Сэм не увидел долгожданные слова: «Новая Волна». Он выбрал эту программу, и на экране засветились слова:

**ХЭЛЛО, УЧЕНИК.
ТЫ ВЫШЕЛ НА СВЯЗЬ
С СУПЕРКОМПЬЮТЕРОМ
«НОВОЙ ВОЛНЫ МИКРОЭЛЕКТРОНИКИ».
МЕНЯ ЗОВУТ «СОЛНЦЕ».
Я ГОТОВ ОБСЛУЖИВАТЬ ТЕБЯ.**

Так, значит школьные ЭВМ напрямую связаны с «Новой Волной», модемы им не нужны.

**ХОЧЕШЬ ПОСМОТРЕТЬ МЕНЮ?
ИЛИ ТЫ САМ ОПРЕДЕЛИШЬ ЗАДАНИЕ?**

Вспомнив, сколько меню было в одной только системе отделения полиции, когда он просматривал их прошлой ночью в патрульной машине, Сэм решил, что так он может просидеть тут до утра, роясь в бесконечных меню и субменю, пока, наконец, не найдет то, что ему нужно. Он отпечатал:

**ПОЛИЦЕЙСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МУНЛАЙТ КОУВА.
ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.**

ПОЖАЛУЙСТА, ОБРАТИСЬ К ПОМОЩИ УЧИТЕЛЯ

Видимо, у учителей был свой код, который, в зависимости от того, прошли они через превращение или нет, позволял им получать какие-либо секретные данные. Единственный способ узнать какой-нибудь из этих кодов — пытаться наобум подбирать комбинации из чисел от 0 до 9, но, поскольку Сэм не знал даже, сколько чисел должно быть в коде, то существовали миллионы и даже миллиарды различных вариантов. Он мог сидеть здесь, подбирая их, пока не поседает и не станет дряхлым, беззубым старцем, и так и не найдет нужный номер.

Прошлой ночью, чтобы выйти на связь, Сэм использовал личный код офицера полиции Риза Дорна; теперь он размышлял, срабатывает ли этот номер только на VDT Департамента Полиции или он подходит к любому компьютеру, связанному с «Солнцем». Во всяком случае, попробовать стоило. Он набрал 262699.

Экран очистился. Затем на нем появилась надпись:
ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ОФИЦЕР ДОРН.

Сэм снова затребовал банк данных полицейского отделения.

На этот раз он получил необходимую информацию.
ВЫБЕРИТЕ ОДИН ИЗ:

А. ДИСПЕТЧЕР
В. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
С. ИНФОРМАЦИЯ
Д. ВНЕШНЯЯ СВЯЗЬ

Сэм выбрал Д.

Перед ним появился целый список компьютеров, с которыми он мог связаться за пределами города.

Руки его стали вдруг влажными от пота. Не может все идти так гладко, наверняка сейчас что-нибудь случится, с самого момента его приезда в город все шла наперекосяк, на каждом шагу его подстерегали все новые и новые препятствия.

Сэм взглянул на Тэссу:

— Все в порядке?

Она выглянула в коридор, потом повернулась к нему:

— Да вроде бы. Получилось?

— М-да, кажется...

Сэм отвернулся к компьютеру и тихонько прошептал:

— Ну, давай, пожалуйста, не подведи!

Просмотрев длинный список предлагаемых ему возможностей внешней связи, он выбрал «Код ФБР» — название последней, самой тонкой и сложной из компьютерных сетей Бюро, производящей всестороннюю обработку и передачу данных; она была установлена только в прошлом году в Главном Управлении в Вашингтоне. Считалось, что, кроме проверенных служащих самого Главного Управления и агентов филиалов Бюро, имеющих особые личные коды, никто не имел доступа к «КОДУ ФБР».

Это было сделано для обеспечения повышенной секретности.

Все еще ожидая подвоха, Сэм выбрал «Код ФБР». Меню исчезло, и на какое-то мгновение экран оставался пустым. Потом на голубом с золотом поле, — что доказывало, что это цветной графический монитор последнего поколения, — появился знак ФБР, а под ним слово «КОД».

После этого дисплей заполнили многочисленные вопросы:

ВАШ ЛИЧНЫЙ НОМЕР В БЮРО?

ВАШЕ ИМЯ?

ДАТА РОЖДЕНИЯ?

**ДАТА ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ В БЮРО?
ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ ВАШЕЙ МАТЕРИ?**

Ответив на все, Сэм был вознагражден по заслугам — он подключился, наконец, к компьютерной сети Бюро в Вашингтоне.

— Есть! — воскликнул он, не опасаясь больше спугнуть удачу.

— Что случилось? — спросила Тэсса.

— Я включился в главную компьютерную сеть Бюро!

— Вы мастер! — сказала Крисси.

— Я не волшебник, я еще только учусь, — ответил Сэм.

— И все же мне удалось это сделать.

— А что теперь? — поинтересовалась Тэсса.

— Через минуту я свяжусь с дежурным оператором. Но сначала мне хочется поприветствовать все разбреклятые филиалы нашего Бюро по всей стране; ну и задам же я им работенку! Сейчас они все там протрут глаза и забегают, как миленькие!

— Поприветствовать?! — удивилась Тэсса.

Из обширного меню «Кода ФБР» Сэм выбрал С — «СРОЧНАЯ ВНУТРЕННЯЯ СВЯЗЬ». Он хотел послать сообщение в филиалы Бюро, разбросанные по всей стране, а не только в тот, что находился в Сан-Франциско и откуда он надеялся получить помощь, так как этот филиал был ближайшим к Мунлайт Коуву. Только в одном случае из тысячи дежурный оператор в Сан-Франциско мог среди груды других записей не заметить сообщения Сэма, несмотря на предшествующий ему сигнал: СРОЧНО! ТРЕВОГА! Но если это все же случится, если кто-нибудь там в самый неподходящий момент умудрится заснуть на своем посту, ему все равно не удастся проспать слишком долго, так как все филиалы со всех концов страны начнут посылать запросы в Главное Управление, выясняя детали, требуя дополнительную информацию о событиях в Мунлайт Коуве и указаний по поводу своих действий и возможности оказать необходимую помощь.

Сэм и сам довольно смутно понимал, что происходит в городе, и он не мог бы изложить в двух словах даже то, что ему было известно; но он быстро отобрал основные факты, то, что, по его мнению, не подлежало сомнению, и что

должно было заставить их оторвать свои зады от кресел и мчаться сломя голову к ним на помощь.

СРОЧНО! ТРЕВОГА!

МУНЛАЙТ КОУВ, КАЛИФОРНИЯ

*** ДЕСЯТКИ УБИТЫХ. ПОЛОЖЕНИЕ УХУДШАЕТСЯ.**

ЕЩЕ СОТНИ НАХОДЯТСЯ ПОД УГРОЗОЙ ГИБЕЛИ, КОТОРАЯ РАСТЕТ С КАЖДЫМ ЧАСОМ.

*** «НОВАЯ ВОЛНА МИКРОЭЛЕКТРОНИКИ» ЗАНИМАЕТСЯ НЕЗАКОННЫМИ ЭКСПЕРИМЕНТАМИ НАД ЛЮДЬМИ БЕЗ ИХ ВЕДОМА И СОГЛАСИЯ. СОБЛЮДАЕТСЯ ПОВЫШЕННАЯ СЕКРЕТНОСТЬ.**

*** ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ЗАРАЖЕНЫ.**

*** ПОВТОРЯЮ, ВСЕ ЖИТЕЛИ ГОРОДА ЗАРАЖЕНЫ.**

*** ЧРЕЗВЫЧАЙНО ОПАСНАЯ СИТУАЦИЯ.**

*** ЗАРАЖЕННЫЕ ЛЮДИ СТРАДАЮТ ПОТЕРЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ, ПРОЯВЛЯЮТ КРАЙНЕ ЖЕСТОКИЕ НАКЛОННОСТИ.**

*** ПОВТОРЯЮ, СКЛОННЫ К ПРОЯВЛЕНИЮ КРАЙНЕЙ ЖЕСТОКОСТИ И НАСИЛИЯ.**

*** ТРЕБУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННАЯ ИЗОЛЯЦИЯ ГОРОДА С ПОМОЩЬЮ ОСОБЫХ ВОИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ. ТРЕБУЕТСЯ ТАКЖЕ НЕМЕДЛЕННАЯ, МАССИРОВАННАЯ, ВООРУЖЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СО СТОРОНЫ ВСЕГО ЛИЧНОГО СОСТАВА БЮРО.**

Сэм дал свои координаты, указав адрес средней школы на Рошмор Уэй, так что прибывшие на помощь отряды будут знать, откуда им начинать поиски, хотя Сэм вовсе не был так уж уверен, что ему, Тэссе и Крисси удастся продержаться здесь до того, как прибудет подкрепление. Он подписал сообщение своим именем и личным номером сотрудника ФБР.

Конечно, эта информация не дает понятия и о сотой доле того, что происходит сейчас в Мунлайт Коув, и они будут потрясены, столкнувшись с истинным положением дел, но она, по крайней мере, заставит их действовать и быть готовыми ко всему.

Сэм отпечатал «ПЕРЕДАТЬ», потом на минутку задумался и стер с экрана прежнюю запись, заменив ее другой: «ПОВТОРИТЬ ПЕРЕДАЧУ».

ЧИСЛО ПОВТОРЕНИЙ? — сделал запрос компьютер.
99 — напечатал Сэм.

Компьютер принял команду.

Сэм снова набрал слово «**ПЕРЕДАТЬ**» и нажал клавишу «**ВВОД**».

КАКИЕ ФИЛИАЛЫ?

ВСЕ — ответил Сэм.

На мгновение с экрана исчезли все записи, затем появилось слово «**ПЕРЕДАЧА**».

В этот момент все лазерные принтеры системы «Код ФБР» во всех филиалах Бюро начали печатать первое из девяноста девяти повторений его сообщения. Скоро по всей стране дежурные операторы будут стоять на ушах.

Сэм едва удержался от радостного возгласа.

Но он еще не закончил, предстояло сделать еще кое-что.

Сэм быстро вернулся к меню «Код ФБР» и нажал на клавишу А — **ДЕЖУРНЫЙ ОПЕРАТОР**. Через пять секунд он был уже на связи с центральным компьютером Бюро в Вашингтоне. На экране загорелись цифры — личный номер дежурного агента, за ними шло его имя — Энн Дэнтон. Получая необыкновенное удовольствие от сознания того, что он использует сложнейшую электронную технику Томаса Шаддака для свержения его самого, его «**Новой Волны Микроэлектроники**» и для уничтожения его чудовищного проекта «**Черный Ястреб**», Сэм вступил в беседу с Энн Дэнтон, собираясь как можно подробнее ввести ее в курс дела и объяснить все, что происходит в Мунлайт Коуве.

12

Хотя Лоумана больше совершенно не интересовала деятельность отделения полиции, все же примерно каждые десять минут он включал свой портативный компьютер, чтобы знать, что там происходит. Он надеялся, что Шаддак время от времени выходит на связь с сотрудниками отделения; если повезет, и он подслушает разговор Шаддака с кем-нибудь из полицейских, возможно, этот убудок чем-нибудь выдаст себя, и Лоуману удастся засечь, где он прячется.

Но Лоуман не хотел держать компьютер включенным

все время; он боялся его. Конечно, он не думал, что процессор накинется на него и начнет высасывать его мозг или еще что-нибудь в этом роде, но он уже знал, что, когда слишком долго работаешь с машиной, может появиться искушение стать таким, какими стали Нэйл Пэннивес и Дэнни, точно так же, как вопли регрессивных рождали в нем томительное желание упасть в первобытную тьму.

Он был на Холлиуэлл Роуд, как раз там, откуда начал свой объезд города, и, включив компьютер, собирался выйти в режим диалога и проверить, есть ли кто-нибудь на связи, когда на экране большими буквами загорелась надпись: ТРЕВОГА! Лоуман, точно обжегшись, отдернул руку от клавиатуры.

На дисплее появились слова: «СОЛНЦЕ» ТРЕБУЕТ ДИАЛОГА.

«Солнце»? Суперкомпьютер «Новой Волны»? Для чего ему нужно подключаться к системе полицейского департамента?

Прежде чем кто-либо из полицейских в Главном Управлении или в другой патрульной машине успел выйти на связь с главным компьютером «Новой Волны», Лоуман успел перехватить инициативу и отпечатать: ДИАЛОГ ПРИНЯТ.

ТРЕБУЮТСЯ ПОЯСНЕНИЯ, — сделало запрос «Солнце»,

ДА, — набрал на клавиатуре Лоуман, что должно было означать: ПРОДОЛЖАЙТЕ.

Строя свои вопросы по самообучающей программе, что позволяло ему контролировать собственную работу так, будто он был посторонним наблюдателем, суперкомпьютер задал следующий вопрос:

ОГРАНИЧЕНА ЛИ ЕЩЕ ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ НЕУТВЕРЖДЕННЫМИ ТЕЛЕФОННЫМИ НОМЕРАМИ В МУНЛАЙТ КОУВЕ И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ?

ДА.

ВХОДИТ ЛИ СОБСТВЕННАЯ ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ «СОЛНЦА» В ВЫШЕНАЗВАННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ? — компьютер «Новой Волны» говорил о себе исключительно в третьем лице.

Растерявшись, Лоуман напечатал: НЕ ЯСНО.

Терпеливо объясняя ему свой вопрос, «Солнце» сообщило, что, кроме общих, существуют его собственные телефонные линии, вне основного каталога, с помощью которых можно связаться с компьютером в любом конце страны.

Уоткинс и без него знал об этом, поэтому он просто отпечатал:

ДА.

ВХОДИТ ЛИ СОБСТВЕННАЯ ТЕЛЕФОННАЯ СВЯЗЬ «СОЛНЦА» В ВЫШЕНАЗВАННОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ? — повторил свой вопрос компьютер.

Если бы Лоуман так интересовался компьютерами, как Дэнни, он бы, конечно, сразу сообразил, в чем дело, но он все еще не мог ничего понять. Поэтому он просто набрал: **ПОЧЕМУ? —** имея в виду: **ПОЧЕМУ ВЫ СПРАШИВАЕТЕ?**

РАБОТАЕТ МОДЕМ ВНЕШНЕЙ СВЯЗИ.

КТО С НИМ РАБОТАЕТ?

СЭМИЮЭЛЬ БУКЕР.

Лоуман расхохотался бы, если б у него еще оставалась способность веселиться. Так значит, агент нашел выход, сумел связаться с внешним миром, и теперь они прихлопнут этого маньяка, как муху!

Уоткинс хотел расспросить компьютер о том, что сделал Букер, и где он сейчас находится, но тут в левом верхнем углу экрана вспыхнуло новое имя: **ШАДДАК**, показывая, что хозяин «Новой Волны», Моро микроэлектроники, следил за диалогом и теперь включился в него. Лоуман с удовольствием предоставил своему создателю возможность побеседовать с суперкомпьютером без помех.

Шаддак хотел знать подробности.

СИСТЕМА «КОД ФБР» НА СВЯЗИ, — ответило «Солнце».

Лоуман представил себе, как потрясен Шаддак, какой это удар для него. Создатель чудовищных монстров потребовал: **ПРОГРАММЫ.** Это означало, что он желает сию минуту получить от «Солнца» меню с программами, чтобы снова стать хозяином положения.

Суперкомпьютер предоставил в его распоряжение пять программ; Шаддак выбрал из них последнюю: **ПРЕКРАТИТЬ.**

Секунду спустя компьютер доложил: **СВЯЗЬ С СИСТЕМОЙ «КОД ФБР» ПРЕКРАЩЕНА.**

Лоуман надеялся, что Букер успел сообщить достаточно для того, чтобы проект «Черный Ястреб» взлетел на воздух вместе со своим создателем. На экране появился вопрос Шаддака: ГДЕ ТЕРМИНАЛ БУКЕРА?

ВЫ ТРЕБУЕТЕ ЕГО КООРДИНАТЫ?

ДА.

УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР МУНЛАЙТ КУОВА, КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ.

Лоуман был в трех минутах езды от школы.

Интересно, — подумал он, — далеко ли от нее Шаддак. Хотя в общем-то это теперь не важно. Далеко или близко, ясно, что Шаддак немедленно помчится туда, чтобы помешать Букеру сорвать проект «Черный Ястреб», или отомстить ему, если окажется слишком поздно.

Теперь Лоуман наконец узнал, где искать своего создателя.

13

Сэм успел обменяться только несколькими словами с Энн Дэнтон из Вашингтона, когда связь неожиданно оборвалась. Экран был пуст.

Ему хотелось бы верить, что это просто неполадки на линии, но он знал, что это не так.

Сэм так резко вскочил со стула, что опрокинул его.

Крисси даже подпрыгнула от удивления, а Тэсса воскликнула:

— В чем дело? Что-нибудь случилось?

— Они знают, что мы здесь, — ответил Сэм. — И они уже идут сюда.

14

Снизу до Гарри донеслось позвякивание дверного звонка.

Внутри у него все сжалось. Он почувствовал себя так, словно несется под уклон на гоночном автомобиле, и его вот-вот выбросит за борт.

Внизу снова позвонили.

Затем наступила долгая, томительная тишина. Они знают,

что он инвалид, и думают, что ему трудно добраться до двери.

В конце концов им, видимо, надоело ждать, и они опять позвонили.

Гарри посмотрел на часы. Еще только 7:24. Его не слишком утешало то, что они не загнали его в самый конец списка.

Звонок раздался снова. Потом еще раз, более настойчиво.

Гарри услышал, как далеко внизу залаял Муз. Их разделяло два этажа, и лай его звучал приглушенно.

15

Тэсса схватила Крисси за руку. Все трое поспешили прочь из компьютерной лаборатории. Фонарик светил теперь совсем тускло — видимо, сели батарейки. Тэсса надеялась, что они, по крайней мере, успеют выбраться отсюда, прежде чем он погаснет. До тех пор пока речь не шла о жизни или смерти, школа казалась Тэссе обыкновенным зданием, типичным учебным центром, каких тысячи, но теперь она превратилась в таинственный, запутанный лабиринт, по которому они должны пробираться в поисках выхода.

Они прошли через площадку, где пересекались четыре коридора, вошли в еще один проход и прошли по нему около двадцати ярдов, прежде чем Тэсса сообразила, что они идут не той дорогой.

— Мы не так сюда шли, — заметила она.

— Неважно, — ответил Сэм, — лишь бы дверь вела на улицу.

Они прошли еще ярдов десять, когда слабый луч фонарика осветил конец коридора, — это был тупик.

— Сюда! — крикнула Крисси, вырвавшись от Тэссы и бросившись обратно в темноту, из которой они пришли, вынуждая Сэма и Тэссу либо бежать за ней, либо оставить ее на произвол судьбы.

16

Шаддак решил, что вряд ли они стали бы пытаться проникнуть в школу со стороны улицы, где их могли бы заметить, и индеец с ним согласился, поэтому он объехал

вокруг здания, медленно двигаясь вдоль его задней стены, глядя на громадные тяжелые металлические двери, — никому бы и в голову не пришло пытаться их взломать, — внимательно осматривая окна в поисках разбитого стекла.

Верхняя половина последней от угла двери была застеклена. Шаддак как раз доехал до конца асфальтированной дорожки и, притормозив перед поворотом, — дальше она шла налево, огибая здание, — заметил, как свет фар его автомобиля отражается в темных стеклах, во всех, кроме одного — в нижнем правом углу.

— Здесь, — сказал он Ранингдизэру.

— Да, Маленький Хозяин.

Шаддак остановил машину у двери, опустил руку и поднял с пола заряженный кольт. Рядом, на сиденье, лежала коробка с патронами. Он открыл ее, захватил в горсть штуки четыре или пять, сунул их в карман пальто, потом взял еще столько же и, выйдя из машины, направился к двери, где он заметил разбитое стекло.

17

Четыре глухих удара сотрясли дом от подвала до чердака; Гарри показалось, что где-то далеко зазвенело разбитое стекло.

Муз яростно залаял. Можно было подумать, что лает громадная и злобная сторожевая собака, а не добрый, ласковый Муз. Возможно, ради того, чтобы защитить дом и хозяина, он готов поступиться своим добрым нравом, данным ему от природы.

«Брось это, парень, — сказал про себя Гарри. — Твое геройство тут ни к чему. Заползи-ка лучше подальше в угол, не трогай их, дай им пройти; вылижи им руки, если они только захотят, но не...»

Пес завизжал, потом визг резко оборвался, и стало тихо.

Нет! — внезапная острая боль пронзила сердце Гарри. Он потерял не просто собаку, а лучшего друга.

У Муза тоже, как видно, было чувство долга, чувство ответственности перед людьми.

Никаких звуков не доносилось до Гарри. Вероятно, они сейчас обыскивали нижний этаж.

Горе и страх в душе Гарри уступили место гневу; волна ярости, поднимаясь, затопляла его. Муз... Проклятье, бедный старина Муз! Гарри чувствовал, как пылает его лицо; он хотел убить их, уничтожить их всех!

Здоровой рукой он поднял пистолет и положил к себе на колени. Конечно, им придется поискать его, прежде чем они доберутся сюда, но с пистолетом он чувствовал себя спокойнее.

В армии он всегда побеждал на соревнованиях по стрельбе из винтовки и по обращению с оружием. У него было много медалей. Но с тех пор прошло уже немало лет, и все эти годы он не брал в руки оружия. Последний раз он держал его в руках под удивительно синим вьетнамским небом, на той прекрасной земле, где в одно чудесное, солнечное утро он навсегда превратился в безногого и безрукого инвалида. Он постоянно чистил и смазывал свой пистолет и револьвер — старая солдатская привычка, вьевшаяся в плоть и кровь, — теперь он был рад, что война научила его этому.

Внизу что-то щелкнуло.

Мотор тихо загудел.

Лифт поднимался.

18

Добежав до середины коридора, ведущего к выходу, с фонариком в одной руке и револьвером в другой, Сэм, уже почти догнав Крисси, вдруг услышал звук приближающейся автомобильной сирены. Не то чтобы она гудела уже над самой его головой, вонзаясь в уши, но все же слишком близко. Он не мог определить, откуда несется этот звук — с улицы или с задней стороны дома.

Крисси, по-видимому, тоже не могла понять, с какой стороны приближается машина. Остановившись, она повернулась к Сэму:

— Где она, Сэм? Где?

Сзади вскрикнула Тэсса:

— Сэм, дверь!

Секунду он не мог понять, что она имеет в виду. Потом увидел, что дверь в конце коридора распахнулась; это была.

та самая дверь, через которую они вошли сюда; до нее оставалось около тридцати ярдов. Кто-то шагнул в коридор. Сирена завывала все ближе, их было много, наверное, целый отряд полиции уже мчался сюда, окружая их. Тот, что в дверях, подоспел первым — высокий, под метр девяносто, и в то же время страшно тощий — одна тень, еле освещенная бледным лучом ночного фонарика, падавшим из-за двери.

Сэм прицелился и выстрелил, не думая долго, враг ли перед ним или нет — все они были врагами в этом городе, имя им — легион; он понял, что промахнулся. Раненая рука подвела его, куда девалась его бывшая меткость?! После их злоключений в трубе рука разболелась с новой силой, боль терзала его, не оставляя ни на минуту. Толчок отдачи как будто разорвал запястье, прокатившись волной до самого плеча и снова вниз, до кончиков пальцев, обжигая руку, разъедаая ее изнутри, словно кислотой. Сэм чувствовал, как сила утекает из него вместе с этой болью; он чуть не выронил револьвер.

Эхо от выстрела прокатилось по коридору, гулко отдаваясь в его стенах. Человек в дверях тоже открыл огонь, и Сэм заметил, что у него кольт. Что называется, — тяжелая артиллерия! К счастью, он, кажется, не очень-то хорошо умел с ним обращаться. Он целился слишком высоко, не принимая в расчет, что от толчка отдачи дуло дернется кверху. Так что его первая пуля, не пролетев и десяти ярдов, вонзилась в потолок, разбив одну из ламп и отколов несколько плиток акустического покрытия. Следующий выстрел доказал, что он и вправду не держал в руках оружия; опустив дуло слишком низко, он нажал на курок, пробив пол довольно далеко от цели.

Естественно, Сэм не оставался безучастным наблюдателем, регистрирующим неудачные выстрелы противника. В тот миг, когда щепки веером полетели от пола впереди них, он схватил Крисси и толкнул ее влево, через коридор, в какую-то темную комнату. Тэсса вбежала за ними и захлопнула за собой дверь, прижавшись к ней спиной, словно, считая себя неуязвимой, была уверена, что пули будут отскакивать от нее, не причиняя ей никакого вреда.

Сэм протянул ей фонарик, жалкий лучик которого уже почти не освещал темноту:

— Возьмите. Мне придется держать револьвер обеими руками — рана мешает.

Взяв у него фонарик, Тэсса обвела им комнату. Это оказался зал для репетиций оркестра. Справа амфитеатром шли ряды стульев с пюпитрами перед ними, а слева, внизу, была открытая площадка — место для дирижера с пультом из светлого дерева и металла. Две двери вели из зала в прилегающие комнаты, и обе были открыты.

Тэссе не пришлось подталкивать Крисси — девочка послушно побежала за ней к ближайшей из этих дверей, а Сэм прикрывал их, держа под прицелом выход в коридор.

Завывание сирены снаружи прекратилось. Значит, людей с кольтами прибавилось.

19

Они уже обыскали первые два этажа, и сейчас были в спальне.

Гарри слышал, как они переговаривались. Голоса доносились к нему через перекрытие, служившее им потолком, а ему — полом. Звук был глухой, и он не мог разобрать слов.

Гарри почти хотел, чтобы порывшись в шкафу, они обнаружили ход на чердак и решили подняться. Тогда он мог бы уничтожить парочку этих гадов. Отомстить за Муза. Двадцать лет он был только беспомощной жертвой и теперь страстно желал отплатить за все; он покажет им, что Гарри Тальбот — человек, с которым следует считаться, и хотя Муз — всего лишь пес, жизнь его стоит того, чтобы расплатиться за нее сполна.

20

В вихрях тумана Лоуман заметил микроавтобус Шаддака и рядом с ним еще одну патрульную машину. Он затормозил как раз в тот момент, когда Поль Амберли вылезал из кабины. Амберли был стройный, мускулистый, к тому же умница — один из лучших молодых офицеров, но сейчас он больше походил на школьника, чем на полицейского, — весь сжавшийся, словно даже ставший меньше ростом от страха.

Увидев Лоумана, Амберли подошел к нему, сжимая в руке револьвер; он весь дрожал, и это было заметно даже в неярком свете ночных фонарей.

— Только мы с вами? А где же, черт возьми, остальные? Ведь объявлена всеобщая тревога!

— Где остальные? — с горечью переспросил Лоуман. — А вы послушайте, Поль! Вы только прислушайтесь!

Со всех концов города неслись жуткие, нечеловеческие завывания; сливаясь в дикую и мрачную, то ли воинственную, то ли призывную песнь, они поднимались к небесам, к невидимой луне, плывущей за мятущимися, черными облаками.

Лоуман зашел сзади и открыл багажник патрульной машины. В нем, как и в каждом черно-белом полицейском автомобиле в Мунлайт Коуве, лежало бронебойное ружье — излишняя роскошь в мирном, маленьком городке, однако «Новая Волна», не жалевшая средств на экипировку и вооружение полиции, готова была снабдить ее всем, чем угодно, даже очевидно ненужным оружием. Уоткинс отвел зажимы и вытащил ружье из багажника.

Подошедший Амберли спросил недоверчиво:

— Вы хотите сказать — они все регрессировали, все патрульные, кроме вас и меня?

— А вы послушайте, — повторил Лоуман, прислоняя ружье к бамперу.

— Но это немыслимо, чудовищно! — воскликнул Амберли. — И вся эта нечисть, все это жуткое отродье движется на нас, мы одни против всех них?

Уоткинс пододвинул к себе коробку с патронами, сорвал с нее крышку.

— А вы разве не чувствуете этого томительного желания, этой страшной жажды, Поль?

— Нет! — как-то слишком быстро ответил Амберли. — Не чувствую, я совсем ничего такого не чувствую!

— А вот я чувствую! — сказал Лоуман, заряжая бронебойное ружье; четыре патрона он оставил в магазине, пятый послал в ствол.

— Я ощущаю это всем своим существом, нутром, кишками! Я хочу сбросить одежду, а вместе с ней и все человеческое, все, что мучает меня, мешая освободиться до конца,

измениться и бежать в первобытную тьму, бежать с ними, быть свободным, охотиться и убивать, наступать, убивать и преследовать, не думая ни о чем!

— Нет, со мной такого никогда не бывало, никогда! — возразил Амберли.

— Ты лжешь! — крикнул Лоуман. Он приподнял заряженное ружье и выстрелил в упор, целясь Амберли в голову. Ее просто снесло выстрелом.

Лоуман не мог доверять своему подчиненному, не мог повернуться к нему спиной, чувствуя, как нарастает в нем волна страстного, непреодолимого желания, слыша призывные вопли в ночи.

Рассовывая по карманам патроны, он услышал, как в школе прогремел выстрел.

Интересно, — подумая Уоткинс, — кто стрелял — Букер или Шаддак? Преодолевая мучительный, не покидающий его страх, борясь с темной и мощной силой, увлекающей его прочь от человеческих забот и тревог, в безумное и дикое забытие, Лоуман кинулся на поиски.

21

Томми Шаддак услышал выстрел, но нисколько не удивился; это ведь, в конце концов, была война. Стоило только выйти в ночь и прислушаться, как сразу становилось ясно, что бой идет не на жизнь, а на смерть; со всех сторон — от холмов до берега океана — раздавались крики бойцов, слышались их бегущие шаги. Но Шаддака интересовало сейчас другое. Нужно было срочно поймать Букера и эту женщину с девочкой, которых он заметил рядом с ним в коридоре; он догадывался, что женщина — не кто иная, как эта гадюка Локлэнд, а девочка — наверняка Крисси Фостер, хотя и не ясно было, как они все могли здесь очутиться.

Война... Он сделал так, как обычно делают солдаты в кино, то есть ногой распахнул дверь, простреливая комнату, прежде чем войти. Никто не вскрикнул, и Шаддак догадался, что не попал; он выстрелил опять, но и на этот раз все было тихо; значит, их уже здесь не было. Шаддак шагнул в комнату, нащупывая выключатель, нашел его и, включив

свет, обнаружил, что он находится в совершенно пустом зале для репетиций оркестра.

Вероятно, они сбежали через одну из двух дверей, выходящих в другие помещения; сделав это открытие, он страшно разозлился, просто весь закипел от ярости. Он стрелял из револьвера и вообще держал в руках какое-либо оружие еще тогда, в Фоуниксе, когда пристрелил индейца; но тогда он стрелял почти в упор и не мог промахнуться. И все-таки он был уверен, что умеет стрелять. В конце концов он столько раз видел это в кино и по телевизору, он пересмотрел кучу всяких фильмов о войне, ковбойских лент и боевиков; там это казалось совсем нетрудно — нужно было просто прицелиться и спустить курок. Однако на самом деле это оказалось вовсе не так уж легко, и Томми был возмущен, он весь дрожал от бешенства и гнева; как они смели показывать такие фильмы и делать вид, что все это проще пареной репы, когда в действительности револьвер дергается у тебя в руках, как живой?!

Ну, теперь-то его не проведешь, теперь он знает, что надо делать; в следующий раз он расставит ноги, упрется ими крепче и рука его больше не дрогнет, так что выпущенные им пули не будут больше пробивать дыры в потолке или отскакивать от пола, оставляя на нем выбоины. Теперь, когда он достигнет их, он пристрелит их на месте, целясь хладнокровно и точно; они еще пожалеют, что осмелились скрыться от него, бежать, заставляя его гнаться за ними, вместо того, чтобы сразу лечь и умереть, подчиняясь его желанию.

22

За дверью оркестрового зала шел целый ряд комнаток, оборудованных звукоизоляцией; в них юные музыканты могли упражняться целыми часами, фальшивя, сколько душе угодно, и не мешая друг другу. Дойдя до конца, Тэсса толкнула последнюю дверь и при слабом, угасающем свете фонарика разглядела, что они опять попали в большой зал, такой же, как для репетиций оркестра. Здесь тоже амфитеатром шли ряды стульев, а над ними, на стене, видимо, самими школьниками была нарисована громадная эмбле-

ма — поющие ангелы, распростершие свои крылья чуть ли не во всю стену; вероятно, она говорила о том, что в этом зале занимается и дает свои концерты Лучший В Мире Хор.

Не успели Сэм и Крисси войти в комнату, как где-то вдалеке прогремел выстрел. Казалось, что он прозвучал снаружи. Дверь за ними захлопнулась; и тут же послышался другой выстрел; на этот раз стреляли гораздо ближе, похоже, что в оркестровом зале, причем кто-то выстрелил дважды.

Из комнаты для занятий школьного хора тоже было два выхода; открыв первую, они увидели за ней кабинет руководителя хора; это был тупик.

Они бросились к другой двери — за ней шел коридор, освещенный только слабым, горящим круглые сутки красноватым светом от надписи «ЛЕСТНИЦА» — именно так — не «ВЫХОД», а просто «ЛЕСТНИЦА», что означало, что это только внутренний проход, не ведущий ни во двор, ни на улицу. Справа вверх уходили ступени.

— Бери Крисси и быстро наверх! — подтолкнул Сэм Тэссу.

— Но...

— Наверх, скорее! Сейчас они оцепят весь нижний этаж.

— А ты?

— Уходите, живее!

Дверь за ними с треском распахнулась, выстрел прорезал тишину хорового зала.

— Бегите! — прошептал Сэм, почти срываясь на крик.

23

Гарри услышал, как внизу, в спальне, закричала дверца шкафа.

На чердаке было не жарко, но он весь обливался потом, словно сидел в раскаленной сауне. Может быть, не надо было надевать второй свитер.

Убирайтесь, — сказал он про себя, — идите прочь!

О черт, нет! — подумал он тут же, — идите сюда, идите, получите-ка все, что вам причитается; ну же, я жду вас! Думаете, я так уж трясусь над своей жизнью? С какой стати я должен жить вечно?!

Сэм остался в коридорчике за дверью хорового зала. Он опустился на одно колено, стараясь устроиться поудобнее, чтобы раненая рука не так мешала, и можно было бы хорошо прицелиться. Он чуть-чуть приоткрыл дверь, просунув в щель дуло револьвера, сжимая приклад правой рукой и поддерживая ее левой.

Фигура стрелявшего виднелась в лучах света, падавших из коридора за его спиной, силуэтом вырисовываясь на том конце зала. Высокий. Лица не видно, однако что-то во всем его облике было знакомое.

Мужчина не видел Сэма. Он стрелял только из осторожности, на всякий случай, расчищая себе путь перед тем как войти. Он снова нажал на курок. В тишине зала щелчок прозвучал очень громко и резко. Он потряс свой кольт — ничего; патроны кончились.

Это меняло планы Сэма. Поднявшись на ноги, он проскользнул через полуоткрытую дверь обратно в зал, не дожидаясь, пока его противник зажжет свет или подойдет поближе; нужно было брать его немедленно, сейчас же, пока он не успел перезарядить свой кольт. Сэм стрелял на ходу, стараясь прицеливаться после каждого выстрела, выпустив четыре оставшихся у него патрона. На втором или третьем выстреле мужчина, стоявший в дверях, вскрикнул. Боже милостивый, он просто завизжал, как младенец, невероятно тонким, пронзительным и дрожащим голосом, и метнулся назад, в темноту.

Преследуя его, Сэм левой рукой нащупал в кармане куртки патроны, а правой открыл затвор и выбросил использованные гильзы. Дойдя до двери, выходящей в коридор, соединяющий хоровой и оркестровый залы, за которой исчез его противник, Сэм прислонился к стене и перезарядил свой «Смит энд Вессон».

Ударом ноги он распахнул дверь и выглянул в коридор; кто-то уже зажег в нем верхний свет.

Высокого человека нигде не было видно.

Крови на полу тоже не было.

Проклятье! Правая рука Сэма никуда не годилась — она

совсем онемела. Он чувствовал, как запястье его набухает под тугой повязкой, насквозь промокшей от крови. Раз уж он совсем разучился стрелять, придется ему просто подойти к этому ублюдку и попросить его сунуться прямо под дуло револьвера, чтобы Сэму удобнее было в него попасть.

Двери в комнаты для музыкальных занятий были закрыты. В конце коридора дверь, ведущая в оркестровый зал, была распахнута настежь, и за ней тоже горел свет. Этот парень мог прятаться где угодно — в любой из десяти комнатушек или в зале для репетиций. Но где бы он ни был, он уже наверняка успел сунуть пару патронов в свой кольт, так что время было упущено.

Отпустив дверь, которую он держал приоткрытой, Сэм отступил назад и в этот момент заметил того высокого парня, выходящего из оркестрового зала. Между ними было около сорока футов.

Это был сам Шаддак.

Он поднял руку и выстрелил.

В эту секунду дверь, покрытая толстым слоем звукоизоляции, как раз захлопнулась, защищая Сэма от пуль.

Сэм повернулся и побежал через хоровой зал, но коридору и вверх по лестнице, туда, где он оставил Тэссу и Крисси.

Добежав до верхней площадки, он увидел, что обе они ждут его в коридоре, освещенные мягким красноватым светом еще одной таблички с надписью «ЛЕСТНИЦА».

Снизу послышались шаги Шаддака.

Сэм повернулся и спустился на одну ступеньку. Перегнувшись через перила, он посмотрел вниз и, увидев, как тот поднимается по лестнице, выстрелил два раза подряд.

Шаддак опять завизжал, как мальчишка. Он отскочил в сторону, прижавшись к стене, так, чтобы его нельзя было заметить в проеме лестницы.

Сэм не понял, удалось ему ранить его или нет. Все может быть. Во всяком случае, даже если он и попал, рана, без сомнения, была не смертельной, так как Шаддак продолжал подниматься, медленно, шаг за шагом приближаясь, стараясь держаться у стены, чтобы не попасть под прицел. Поднявшись на первую площадку, этот длинный и толстый гад неожиданно высунулся из-за поворота и несколько раз наугад выстрелил вверх.

Сэм тихо отступил с площадки назад, в коридор. Густой алый свет от надписи «ЛЕСТНИЦА» лился на лица Крисси и Тэссы... Он был похож на кровь.

25

Щелчок. Потом тихий, скребущий звук.
Щелк-скрип. Щелк-скрип.

Гарри сразу понял, что это значит. Вешалки с его одеждой соскальзывали с металлической перекладины.

Как они могли догадаться? Черт возьми, может, они как-нибудь учуяли, что он тут, наверху? В конце концов, он ведь потел, как лошадь. Может, после превращения их нюх обострился.

Пощелкивания и скрип прекратились.

Гарри услышал, как они вынимают из шкафа длинную перекладину для одежды, чтобы открыть люк.

26

Слабенький свет фонарика замигал, собираясь погаснуть, и Тэссе пришлось встряхнуть его так, что батарейки задребезжали, чтобы не остаться в полной темноте.

Они зашли в какую-то комнату рядом с коридором; похоже, что это была химическая лаборатория, так как вся она была заставлена большими столами с черными мраморными крышками и высокими деревянными табуретами, а около каждого стола была стальная раковина. Спрятаться здесь было негде.

На всякий случай они проверили все окна в надежде, что под одним из них может оказаться крыша, но ничего подобного не оказалось — внизу, с высоты двух этажей, виднелась только темная бетонная полоса.

В дальнем конце лаборатории была еще одна дверь, через которую можно было попасть в лаборантскую. Тут было полно реактивов в плотно закрытых баночках и пузырьках; на одних были наклеены этикетки с черепом и скрещенными костями, другие украшала зловещая надпись «ОСТОРОЖНО! СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНО!», выведенная ярко-красными буквами. Тэсса подумала, что они,

наверное, могли бы послужить отличным оружием, если бы у них с Сэмом было время исследовать их содержимое и смешать какие-нибудь подходящие вещества, чтобы получить нечто вроде взрывчатки. Вообще-то она никогда не проявляла склонностей к химии и не числилась среди самых прилежных учеников, так что теперь не могла вспомнить ничего из того, что они проходили в школе. Пожалуй, даже будь у них время, она взлетела бы на воздух вместе с первой же бутылочкой, которую попыталась бы открыть. По выражению лица Сэма Тэсса видела, что и он думает то же самое.

Через лаборантскую все трое вышли в другую лабораторию, кажется, это был кабинет биологии. По стенам были развешаны анатомические таблицы. Комната представляла собой не лучшее укрытие, чем предыдущая.

— Что дальше? Остаться здесь и надеяться, что он нас не найдет... или поискать какое-нибудь другое место? — прошептала Тэсса, глядя на Сэма и крепко прижимая к себе девочку.

— Думаю, лучше поискать еще что-нибудь, — ответил Сэм. — По крайней мере, пока мы идем, нас труднее загнать в угол, чем если мы будем сидеть на одном месте.

Тэсса согласно кивнула.

Сэм пропустил ее и Крисси вперед. Между длинных лабораторных столов они пробрались к выходу в коридор.

За ними, то ли в темной лаборантской, то ли в химическом кабинете, послышался тихий, но отчетливый щелчок.

Сэм замер, подтолкнул Тэссу и Крисси вперед, а сам повернулся, чтобы прикрыть выход из лаборантской.

Держа девочку за руку, Тэсса сделала шаг к двери в коридор, медленно, осторожно повернула ручку и потянула дверь на себя.

Из густой, непроглядной тьмы коридора прямо на нее вышел Шаддак; ступив в бледный мерцающий круг света от ее фонарика, он ткнул ей в живот холодное дуло своего кольта:

— Вы заплатите мне за все, за все! — резко прокричал он.

27

Они откинули крышку люка. Луч света, проникнув через отверстие, упал на стропила чердака, но он не достиг того

дальнего угла, где, вытянув перед собой свои бесполезные ноги, сидел Гарри.

Его скрюченная, парализованная рука лежала на коленях, здоровой рукой он крепко, до боли сжимал пистолет.

Сердце его бешено колотилось, совсем как двадцать лет назад, во время боев в Юго-Восточной Азии. Грудь жгло; горло пересохло и так сдавило, что он едва мог дышать. Голова его от страха слегка кружилась. Но — Бог свидетель — он снова чувствовал, что живет.

С лязганьем и скрипом они вытянули лесенку.

28

Томми Шаддак сунул дуло своего кольта в живот Тэссы Локлэнд, чуть сгоряча не выпустив в нее весь заряд, не вспоров ей кишки, прежде чем вдруг заметил, как она хороша; обнаружив это, он расхотел убивать ее; если он и надумает это сделать, то, по крайней мере, не сейчас, не раньше, чем он заставит ее проделать с ним кое-что, сделать кое-что для него. Ей придется выполнить все его прихоти, все, что бы он ей ни приказал, в противном случае он просто размажет ее по стенке, да, оставит от нее мокрое место, больше ничего; она — его, она принадлежит ему, и лучше ей сразу это понять, иначе ей придется горько пожалеть, уж он-то сделает так, чтобы она пожалела.

Потом Шаддак увидел рядом с ней девочку, хорошенькую, маленькую девочку, ей было не больше десяти или двенадцати лет, и при виде ее он возбудился еще больше. Он может взять сначала ее, а потом ту, что постарше, иметь их всеми возможными способами, как он только пожелает, заставить их проделывать разные штуки, выполнять любые его фантазии, а затем мучить и терзать их, как он захочет, это его право, и они не смогут отказать ему, никто ни в чем не сможет отказать ему, потому что теперь вся власть сосредоточена в его руках, потому что он целых три раза видел черного ястреба.

Шаддак шагнул через открытую дверь в комнату, все так же держа дуло кольта на животе женщины, и она отступила назад, не сопротивляясь, крепко сжимая руку девочки и ведя ее за собой. Букер стоял за их спинами, вид у него был крайне удивленный.

— Бросай оружие и — шаг назад, или эта сука превратится сейчас в малиновое желе, клянусь, я сделаю это, ты и пальцем не успеешь пошевелинуть, чтобы помешать мне! — крикнул Томми Шаддак.

Букер колебался.

— Брось револьвер! — завизжал Шаддак.

Сэм отпустил револьвер и сделал шаг в сторону.

Все так же держа женщину под прицелом своего кольца, Томми заставил ее повернуться, дойти до выключателя и зажечь свет. Лампы под потолком вспыхнули, тени расплзлись по углам.

— Отлично! — воскликнул Шаддак. — А теперь все вы должны сесть вон на те три табурета, там, около длинного стола, и смотрите у меня, не вздумайте чего-нибудь выкинуть!

Он шагнул назад, теперь уже держа под прицелом всех троих. Вид у них был испуганный, и это радовало Шаддака.

Томми был очень возбужден, в нем просто все дрожало от нетерпеливого предвкушения забавы; он уже решил, что убьет Букера на глазах у женщины и девчонки; убьет не быстро и безболезненно, нет, он будет убивать его медленно, не спеша... Сначала прострелит ему ноги, так чтобы тот упал на пол и катался от боли; потом выстрелит в живот, но аккуратно, не дав ему умереть сразу; он заставит Букера мучиться, будет терзать его долго и с наслаждением, а женщина и девчонка пусть смотрят; он заставит их смотреть на все это, заставит их понять, кто он такой, Томми Шаддак, как он жесток и неумолим, и тогда они будут благодарны ему за то, что все еще живы, так благодарны, что будут ползать перед ним на коленях и позволят ему делать с ними все, что он только пожелает, все, о чем он так жадно и страстно мечтал в течение тридцати лет, в чем вынужден был отказывать себе; но сегодня он выпустит эти желания, словно духов из кувшина, они вырвутся из него, точно пар из котла, именно здесь, именно сейчас, как только наступит полночь...

Откуда-то из-за дома, проникая через щели под карнизом, донеслись мрачные завывания; сначала это был один тонкий, ноющий, вибрирующий голос; потом к нему присо-

единились другие... Казалось, распахнулись врата ада и души грешников, обитавшие в преисподней, вырвались на свободу, заполонив Мунлайт Коув.

Гарри терзала тревога за Сэма, Тэссу и Крисси.

Внизу невидимая группа превращения устанавливала складную лестницу. Один из них начал подниматься на чердак.

Интересно, как они выглядят? — подумал Гарри. Когда он сейчас увидит перед собой? Обыкновенного человека, вроде старого Дока Фица со шприцем в руках и нару его помощников? А может быть, упырей-привидений или каких-нибудь человеко-роботов, о которых рассказывал Сэм?

Первый из них был уже наверху. Это оказался доктор Уорси, самый молодой врач в Мунлайт Коув.

Сначала Гарри хотел выстрелить в него сразу, пока тот еще стоит на лестнице. Но он двадцать лет не держал в руках оружия, а патронов у него было немного, и он не хотел промахнуться. Лучше выждать, подпустив его поближе.

Фонарика у Уорси не было, и не заметно было, чтобы он ему был нужен. Он смотрел прямо в тот темный угол, где сидел Гарри.

— Откуда вы узнали, что мы придем к вам, Гарри? — спросил он.

— Шестое чувство. Оно очень развито у калек, вы не знали? — усмехнулся Гарри.

Уорси ступил на чердак. Сначала — там, где крыша шла на скос и балки нависали низко над головой, — он шел пригнувшись, но ближе к середине чердака смог выпрямиться во весь рост. И тут Гарри выстрелил в него дважды.

Первый раз он промахнулся, но вторая пуля попала Уорси прямо в грудь.

Выстрелом Уорси отбросило назад, он тяжело осел на голые доски чердака. С минуту он лежал там, содрогаясь, точно в агонии, потом приподнялся, каплянул и встал на ноги.

Его белая рубашка была разорвана на груди и вся залита кровью, но, несмотря на тяжелую рану, ему не понадобилось и нескольких секунд, чтобы прийти в себя.

Гарри вспомнил, что рассказывал Сэм о Кольтранах, об их необыкновенной живучести. *Целься в процессор!*

Он навел дуло пистолета на голову врача и выстрелил еще два раза, но с такого расстояния - около двадцати пяти футов - да еще под таким углом, целясь снизу, с пола, - попасть было трудно. В пистолете Гарри оставалось только четыре пули, и он заколебался.

Кто-то поднимался вслед за доктором Уорси.

Гарри выстрелил, надеясь сбить его с лестницы.

Он снова промахнулся — помощник доктора продолжал подниматься.

Оставалось три пули.

Держась на безопасном расстоянии, доктор Уорси обратился к Гарри:

— Послушайте, Гарри, мы не сделаем вам ничего плохого. Не знаю, что вы слышали о проекте, и как вам об этом рассказывали, но уверяю вас, это абсолютно безвредно, наоборот...

Голос его внезапно задрожал и пресекся, Уорси весь напрягся, поднял голову, прислушиваясь к жутким, нечеловеческим воплям, звенящим в ночи. Лицо его исказилось мучительной тоской и желанием; даже в полумраке чердака, в слабом свете, падавшем из люка, Гарри заметил, какой неистовой жадой загорелись его глаза.

Уорси встряхнул головой, как бы оттоняя от себя наваждение, моргнул, вспомнил, что он здесь для того, чтобы выполнять свой долг — ввести эликсир пациенту, который отказывается и сопротивляется.

— ... наоборот, полезно, Гарри, особенно для вас. Вы снова сможете ходить, Гарри, вы будете ходить, как все обычные, нормальные люди. Вы станете совершенно здоровым, полноценным человеком. После превращения вы сможете сами управлять своим телом, вылечить самого себя. Вы забудете, что такое паралич.

— Благодарю покорно. Не такой ценой.

— Какой ценой, Гарри? — спросил Уорси, протягивая к нему свои руки ладонями вверх. — Взгляните на меня! Какую цену, по-вашему, я заплатил?

— Быть может, вашу душу? — предположил Гарри.

По лестнице уже поднимался третий.

Второй помощник доктора замер, прислушиваясь к многоголосым завываниям, доносящимся сквозь щели под

крышей. Он скрежетал зубами, сжал их так сильно, что они закрипели, потом зажмурился и закрыл лицо руками, словно охваченный нестерпимым желанием.

Уорси заметил, что происходит с его помощником.

— Что с вами, Ваннер? Вы в порядке?

Руки Ваннера... они *изменялись*. Запястья распухли и покрылись ужасными костяными наростами, пальцы страшно вытянулись; все это произошло в считанные секунды. Он отнял руки от лица — нижняя челюсть его вместе с подбородком стала вытягиваться вперед, точно у оборотня, сбрасывающего человеческую личину. Рубашка на нем затрещала и стала рваться, казалось, что тело под ней меняет свои очертания, приобретая другую форму. Он глухо зарычал, оскалив сверкнувшие в темноте клыки.

— ... жа-а-ажду! — провыл Ваннер, — ... жа-а-ажду, жа-а-а-ажду, да-а-а-а-й...

— Нет! — крикнул Уорси.

Третий помощник, только что ступивший на чердак, уже катался по полу, изменяясь прямо на глазах, превращаясь в какое-то громадное, отвратительное насекомое.

Не сознавая, что он делает, Гарри разрядил в него свой пистолет, отбросив чудовище назад, затем схватил с пола свой револьвер и выстрелил еще три раза. Очевидно, по крайней мере, одна пуля попала человеку-насекомому в голову, так как он дернулся, упал и скатился в люк; больше Гарри его не видел.

Ваннер к этому времени окончательно превратился в волка; похоже, он выбрал себе образ из какого-то фильма ужасов, Гарри не мог припомнить, из какого именно, но определенно он уже это где-то видел. В ночи раздавались призывные голоса других монстров, и человеко-волк ответил на них пронзительным воплем.

Забыв обо всем, Уорси стал яростно, неистово рвать на себе одежду, точно она давила его, сводила его с ума. Тело и лицо его быстро менялись, принимая новые формы, не похожие на те, что выбрали для себя Ваннер и третий помощник. Это было какое-то чудовищное физическое воплощение его собственных безумных желаний.

У Гарри оставалось только три патрона, и третий он должен был приберечь для себя.

Еще раньше, когда они чуть не погибли в трубе, Сэм поклялся себе, что научится достойно переносить потери, что в любом случае, выжив, он будет радоваться жизни, и он верил в то, что так оно и будет, верил вплоть до этой минуты, пока угроза потери не нависла над ним.

Он не имел права терять, не смел потерпеть поражение, только не теперь, когда от него зависела жизнь Крисси и Тэссы. Если ничего другого не удастся сделать, он просто бросится на Шаддака за секунду до того, как тот надумает спустить курок.

Не так-то просто будет уловить этот момент. Вид у Шаддака был какой-то странный, в глазах вспыхивали дикие, сумасшедшие искорки. Из горла вылетали короткие, булькающие смешки; казалось, что любой из этих тоненьких, нервных смешков может вызвать короткое замыкание в его мозгу, и он нажмет на спуск неожиданно, ничем не предвстив своего намерения.

— Слезь с табурета! — приказал Шаддак Сэму.

— Что?

— Черт побери, ты отлично меня слышишь — слезай! Ложись на пол, да, да, вот там... Ложись, или я ни за что не отвечаю, быстро! — Шаддак жестикулировал своим кольцом. — С табурета и на пол - живо!

Сэму не хотелось подчиняться, он понимал, что Шаддак решил отделить его от Крисси и Тэссы просто чтобы пристрелить.

Поколебавшись, он все же слез с табурета — выхода у него не было. Сэм медленно прошел между двумя длинными лабораторными столами к тому месту, куда указывал Шаддак.

— Ложись! — крикнул тот. — Я хочу посмотреть, как ты будешь ползать у моих ног!

Опустившись на одно колено, Сэм незаметно сунул руку во внутренний карман своей кожаной куртки, выудил оттуда металлическую пластинку, с помощью которой он взламывал замок Кольтранов, и, слегка щелкнув по ней ногтем, пустил ее по полу, словно игральную карту из колоды.

Пластинка пролетела над самым полом в сторону окна и, со звоном ударившись о металлические ножки табурета, отлетела к одному из мраморных столов.

Шаддак резко обернулся, целясь в ту сторону, откуда донесся звук.

Крик ярости и отчаянной решимости вырвался из груди Сэма, и он, мгновенно вскочив на ноги, бросился на Шаддака.

31

Тэсса схватила Крисси и, оттолкнув ее подальше от борющихся мужчин, прижала к стене у двери, выходящей в коридор. Она надеялась, что никто не станет стрелять в эту сторону — здесь они будут в безопасности.

Сэму удалось добраться до Шаддака, прежде чем тот сообразил, в чем дело. Левой рукой он схватился за дуло кольта, а израненной и ослабевшей от боли правой сжал запястье Шаддака, толкнув его назад с такой силой, что тот, потеряв равновесие, повалился на один из длинных лабораторных столов.

Услышав болезненный, тонкий крик Шаддака, Сэм зарычал от наслаждения, будто бы и он мог превратиться в одного из загадочных монстров, завывавших в ночи.

Тэсса увидела, как Сэм, подняв колено, изо всех сил двинул им Шаддаку между ног. Тот отчаянно завизжал.

— Отлично, Сэм! — одобрительно крикнула Крисси.

Пока Шаддак шипел от невыносимой боли, невольно согнувшись, пытаясь защитить свои расплюсченные органы, Сэм, выхватив у него из рук револьвер, отступил назад и...

... человек в полицейской форме вышел из лаборантской, целясь в них из револьвера:

— Нет! Брось оружие! Оставь Шаддака мне!

32

Существо, которое только что было Ваннером, издавая низкое горловое рычание и брыгая густой желтой слюной, двинулось на Гарри. Тальбот выстрелил дважды и оба раза

попал, но, видимо, раны были не смертельны. Гарри изумленно смотрел, как они затягиваются прямо у него на глазах.

Оставался один патрон.

— ... да-а-ай, да-а-ай...

Гарри вложил себе в рот дуло револьвера и прижал его к небу, ощущая прикосновение горячей стали.

Чудовище, похожее на волка, нависло над ним. Непропорционально огромная, словно распухшая, голова была раза в три больше, чем полагалось бы иметь такому телу. Большую часть ее занимала пасть, а в ней, казалось, все пространство было заполнено зубами, но не такими, как у волка, а острыми, точно иглы, чуть загнутыми внутрь, как у акулы. Видно, Ваннера не удовлетворял образ ни одного из имеющихся в природе хищников, и он хотел превзойти их всех, взяв себе самые смертоносные орудия убийства, которыми обладал каждый из них в отдельности.

Ваннер был от него всего лишь в трех футах, пригнувшись и собираясь прыгнуть, вонзить свои зубы в жертву, и тут Гарри, выхватив изо рта дуло револьвера, крикнул:

— Нет же, черт возьми, ни за что! — выпустив последний заряд в чудовищную голову монстра. Тот перевернулся в воздухе, с грохотом упал на пол и остался лежать неподвижно.

Целься в процессор!

В душе Гарри поднялась волна ликования, но не надолго. Уорси как раз закончил свое превращение, и видно было, что кровь, заливавшая пол, и все нарастающие дикие вопли за стенами дома, приводят его в неистовство. Он обратился к Гарри свои зеленовато-желтые, светящиеся в темноте глаза зверя; они горели дикой, нечеловеческой жадой.

Патронов больше не было.

33

Дуло карабина было направлено прямо на него, Сэму некуда было деваться — пришлось бросить кольт, отобранный у Шаддака.

— Я с вами, — повторил полицейский.

— Неправда, мы одни против всех, — ответил Сэм.

Шаддак отчаянно ловил ртом воздух, пытаясь выпрямиться. Он приниженно, с ужасом смотрел на человека в форме.

Уверенным, спокойным движением полицейский навел свой карабин на Шаддака; лицо его оставалось холодным и бесстрастным, на нем не отражалось никаких чувств — ни гнева, ни ярости, — и это поразило Сэма; никогда он еще не видел такого. Шаддак был теперь беспомощен, ни для кого не представляя никакой угрозы. Полицейский прицелился и выстрелил четыре раза подряд, выпустив, видимо, все пули, какие были в карабине. Шаддак, будто отброшенный рукой великана, перелетел через два табурета и ударился о стену.

Отшвырнув карабин в сторону, полицейский быстро подошел к осевшему на пол телу. Он рванул ворот свитера, надетого у Шаддака под пальто, и вытащил наружу странный предмет — удлиненный прямоугольный медальон, висевший на золотой цепочке на шее компьютерного гения.

— Шаддак мертв, — сказал он, подняв перед собой загадочный брелок. — Его сердце больше не посылает сигналов, оно не бьется, и в эту минуту «Солнце» запускает последнюю программу своего создателя. Секунд через тридцать мы все успокоимся. Да, наконец-то все мы познаем покой.

Сначала Сэм подумал, что полицейский имеет в виду всех, находящихся в этой комнате, что они все сейчас погибнут, наверное, их должно убить то, что он держит в руках, — бомба или что-нибудь в этом роде. Он отшатнулся к двери и по лицу Тэссы понял, что и она думает о том же. Она распахнула дверь в коридор и быстро подтолкнула к ней Крисси.

Но если это и была бомба, то очень тихая, совсем не слышимая, и радиус ее беззвучного взрыва ограничился одним полицейским. Лицо его внезапно исказилось. — О, Боже! — прошептал он сквозь стиснутые зубы, и это было не восклицание, а, скорее, мольба или, может быть, он хотел выразить то, что в эту секунду увидел перед собой, потому что в то же самое мгновение он упал, как подкошенный, и больше не шевелился. Он был мертв, но Сэм не мог понять, как это могло произойти.

34

Они вышли на улицу через ту же дверь, через которую вошли в школу, и Сэм сразу заметил, что вокруг стало

удивительно тихо. Пронзительные крики мутантов больше не разрывали ночную тьму; окутанный туманом город точно вымер.

Ключи торчали в замке зажигания микроавтобуса Шаддака.

— Веди ты, — сказал Сэм Тэссе.

Рука его ужасно распухла. Пульсировавшая в ней жгучая боль отдавалась в каждой клеточке его тела.

Сэм сел на сиденье для пассажиров.

Крисси прикорнула у него на коленях, и он нежно обнимал ее, будто убаюкивая. Девочка как-то необычно притихла. Конечно, она была утомлена до предела, еле жива от усталости, но Сэм знал, что причины ее молчания кроются гораздо глубже.

Тэсса захлопнула дверцу со своей стороны и завела мотор. Она не спрашивала, куда ехать, — это было ясно без слов.

По пути к дому Гарри они обнаружили, что улицы просто завалены трупами, причем это были не трупы обычных мужчин и женщин, а, насколько можно было разглядеть в свете фар автомобиля, невиданных, удивительных чудовищ, словно сошедших с полотен Иеронимуса Босха, существ, принявших самые невероятные, фантастические формы. Тэсса вела машину медленно, объезжая их тела; пару раз ей пришлось даже въехать на тротуар, чтобы не задеть трупы сцепившихся, свившихся в клубок чудовищ, так и упавших на мостовую, убитых той же неведомой силой, что и полицейский в Учебном Центре.

«Шаддак мертв. Его сердце больше не посылает сигналов, оно не бьется, и в эту минуту «Солнце» запускает последнюю программу своего создателя...»

Через некоторое время Крисси не выдержала и уткнулась лицом в грудь Сэма, не в силах больше смотреть на то, что их окружало.

Он пытался убедить себя, что все эти чудовища - призраки, наверняка они просто мерещатся ему, такого же не бывает — никакие чудеса современной техники, никакое волшебство не в состоянии создать таких монстров. Каждый раз, когда наплывающий туман ненадолго скрывал эти груды тел за своей пеленой, Сэм ожидал, что они исчезнут,

растают в его дымке; но туман рассеивался, и все оставалось по-прежнему — они лежали все там же, покрывая тротуары, мостовые, лужайки перед домами.

Находясь в самой гуще ужасных, нереальных событий, чувствуя себя так, будто он попал в настоящий ад на земле, Сэм сам себе удивлялся — неужели он мог так глупо, бездарно тратить свою драгоценную жизнь, проводить ее так мрачно и уныло, не замечая красоты окружающего его мира? Боже, каким же он был дураком! Начиная с сегодняшнего утра, он никогда уже не пройдет мимо прекрасного цветка, не полюбовавшись им, не насладившись его ароматом, — этим чудом превыше любого творения человеческих рук.

— Ну, теперь ты наконец расскажешь? — спросила Тэсса, когда они ехали уже через квартал, в котором находился дом Гарри.

— Расскажу? О чем?

— О том, что ты увидел. Тогда, когда чуть не умер во время операции. Что так испугало тебя там, на Том Берегу?

Сэм слабо улыбнулся:

— Я был круглым идиотом!

— Возможно, — не стала спорить Тэсса. — Скажи мне, а я уж буду респать, так это или нет.

— Ладно; но это трудно объяснить словами. Это было словно какое-то озарение, не то чтобы я видел что-то, это открылось моей душе, моему внутреннему зору.

— Ну, и что же тебе открылось?

— Что, уходя из этого мира, мы продолжаем жить, — ответил Сэм. — Что существует другая жизнь, на другом уровне, в ином измерении, и этих уровней бесчисленное множество, и так же нескончаема цепь жизней... или мы снова возвращаемся сюда, в эту плоскость, только преобразенными, в другом воплощении; точно не знаю, но я понял это, почувствовал всем своим существом там, в конце туннеля, когда в глаза мне ударил свет, ослепительный, сияющий свет.

Тэсса взглянула на Сэма:

— И это было то, что так испугало тебя?

— Да.

— То, что мы будем жить снова, опять и опять?

— Да. Понимаешь, жизнь казалась мне тогда такой ужас-

ной, почти невыносимой, сплошным рядом несчастий и страданий. Я не умел радоваться жизни, восхищаться ее чудом, ее красотой, и я не хотел умирать, чтобы снова начинать все сначала, по крайней мере, не раньше, чем придет время. В этой жизни я хотя бы уже закалился, стал почти нечувствителен к боли, научился кое-как переносить ее, а если бы я снова, в каком-нибудь новом воплощении, стал ребенком, мне пришлось бы начинать все заново.

— Тогда выходит, что последний, четвертый пункт твоего списка — вовсе не страх смерти, как ты говорил, — заметила Тэсса.

— Пожалуй, что так.

— На самом деле, это страх перед новой жизнью, боязнь начинать жизнь сначала.

— Да.

— А теперь?

Сэм на минутку задумался. Крисси, свернувшаяся клубочком у него на коленях, пошевелилась во сне. Он погладил ее влажные волосы.

— Теперь я мечтаю начать жизнь сначала, — ответил он наконец.

35

Гарри услышал внизу какой-то шум — заработал мотор лифта, потом кто-то вошел в спальню. Он напрягся, думая, что два чуда подряд — это уж слишком, быть такого не может, но тут услышал, как Сэм зовет его, стоя внизу, под лестницей.

— Я здесь, Сэм! Цел и невредим! Все в порядке!

Сэм уже поднимался на чердак.

— Тэсса? Крисси? Что с ними? — с тревогой спросил Гарри.

— Они внизу, живы-здоровы.

— Слава Богу! — Гарри глубоко, с облегчением вздохнул, будто сбрасывая тяжкий груз, лежавший у него на сердце.

— Вы только посмотрите на этих чудовищ, Сэм!

— Лучше уж не надо!

— Может быть, Крисси, в конце концов, была права, и это действительно инопланетяне?

— Да нет, это нечто еще более удивительное, — задумчиво произнес Сэм.

— Что? — спросил Гарри, в то время как Сэм, опустившись около него на колени, осторожно высвобождал его ноги, снимая с них чудовищно изменившееся тело Уорси.

— Будь я проклят, если знаю, — ответил Сэм. — И я даже не уверен, что хочу это знать.

— Мы живем в такое время, когда человек может переделывать мир по своему усмотрению, не правда ли? Наука с каждым годом предоставляет нам все больше возможностей. Но почему-то этими возможностями пользуются только маньяки.

Сэм промолчал.

— Возможно, переделывать мир — это не самое лучшее, что можно придумать, — добавил Гарри. — Может быть, лучше оставить все идти так, как оно есть...

— Возможно, — согласился Сэм. — С другой стороны, разве так уж плохо иногда кое-где подправить или усовершенствовать естественный порядок вещей? Думаю, мы не должны совсем от этого отказываться. Главное только, чтобы за дело не брался какой-нибудь безумец, вроде Шаддака. Ну как, вы, Гарри, о'кей?

— Спасибо, все отлично, — улыбнулся Гарри. — Если, конечно, не считать того, что я все такой же калека. Взгляните на это громадное, неуклюжее чудовище, которое было доктором Уорси! Он накинулся на меня и как раз собирался перегрызть мне горло, а у меня не осталось ни одной пули; он уже сдавил мне шею когтями и вдруг — бах! — упал и умер. Что это, чудо? Как вы думаете?

— Такие чудеса сейчас по всему городу, на каждом шагу, — ответил Сэм. — Похоже, что все они перестали дышать в тот момент, когда умер Шаддак... будто связанные одной веревочкой. Ладно, давайте-ка я перенесу вас вниз, подальше от всей этой дряни.

— Они убили Муза, Сэм.

— Черта с два они это сделали! Как вы думаете, с кем это Тэсса и Крисси возятся там, внизу?

Гарри не верил своим ушам:

— Но я же слышал...

— Похоже, что кто-то ударил его ногой по голове. С

одной стороны кровь запеклась и кожа содрана. Возможно, он был без сознания, но сотрясения мозга, по-моему, нет.

36

Крисси устроилась на заднем сиденье микроавтобуса вместе с Гарри и Музом; Гарри обнимал ее здоровой рукой, а голова Муза лежала у нее на коленях. Девочка понемногу приходила в себя. Она уже не была прежней, она сильно изменилась за эти сутки и, может быть, уже никогда не будет такой, как раньше, но, по крайней мере, она начала приходить в себя.

Они ехали в парк на восточной окраине города, туда, где начиналась Оупэн Авеню. Тэсса повела машину через поребрик прямо на газон; их подбросило на сиденье, и микроавтобус остановился.

Сэм открыл задние дверцы, так чтобы Крисси и Гарри, сидевшие там, закутанные в теплые одеяла, могли наблюдать, как работают они с Тэссой.

Проявляя, с точки зрения Крисси, чудеса храбрости, Сэм обошел всю округу, перешагивая через трупы или обходя их, собирая машины, застывшие вдоль улиц. Мало-помалу они с Тэссой перегнали все эти автомобили в парк и выстроили их в громадный, широкий круг; моторы работали, и фары освещали получившуюся круглую площадку.

Сэм сказал, что помощь прибудет на вертолетах; они прилетят, даже если туман не рассеется, и этот круг будет для них отличной посадочной площадкой; фары двадцати автомобилей давали достаточно света — в центре площадки было светло, как днем.

Крисси очень нравился этот яркий свет.

Еще до того как они закончили эту работу, на улицах потихоньку стали появляться люди, обычные живые люди, выглядевшие вполне нормально — без всяких там клыков, когтей или раздвоенных жал — держащиеся прямо, на двух ногах, как и положено человеку, в общем, такие, как им и положено быть, если их никто ни во что не превращал. Правда, Крисси была уже научена горьким опытом и знала, что нельзя с уверенностью судить о людях только по их внешнему виду, на самом деле они могут оказаться совсем

не тем, чем кажутся; чем-нибудь таким, что потрясет даже издателей «Нэйшнэл Энквайер». Что уж там говорить, если нельзя быть уверенной даже в собственных родителях!

Но об этом лучше было не думать.

Девочке страшно было даже представить себе то, что могло случиться с ее родителями. Она знала, что вряд ли они могли спастись, на это нет почти никакой надежды, и все же она предпочитала обманывать себя, цепляясь за эту слабую надежду как можно дольше.

Люди, появившиеся на улицах, начали потихоньку стягиваться к парку; Тэсса и Сэм в это время как раз заканчивали устанавливать в круг последние несколько машин. Все они выглядели крайне удивленными; чем ближе они подходили, тем больше волновалась Крисси.

— Не надо бояться, они такие же, как мы, — успокоил ее Гарри, крепче обнимая девочку своей единственной здоровой рукой.

— Откуда вы знаете?

— Ты же видишь, они черт знает как напуганы. Ой, прости. Мне, наверное, не следовало бы чертыхаться, подавать тебе такой плохой пример!

— Ничего, «черт знает как» — очень даже хорошие слова, — в свою очередь успокоила его Крисси.

Муз тихонько заскулил и зарылся мордой ей в колени. Наверное, голова у него болела не меньше, чем у какого-нибудь каратиста, привыкшего разбивать своей головой кирпичи.

— Ладно, — сказал Гарри, — взгляни на них — они сами ужасно боятся, значит, они такие же, как мы, обычные люди. Разве ты видела, чтобы хоть один из этих оборотней так боялся?

Крисси на минутку задумалась.

— Да, видела. Тот полицейский, который застрелил мистера Шаддака там, в школе. Он был очень испуган. В глазах у него был такой страх, какого я в жизни ни у кого не видела.

— Пусть так, и все-таки это обыкновенные люди, — возразил Гарри, глядя, как медленно и неуверенно они приближаются к машине.

— Видимо, они стояли в самом конце списка, их должны были превратить около полуночи, но никто к ним так и не

пришел. Должно быть, другие остались дома, забаррикадивав окна и двери, боясь высунуть нос на улицу; наверное, они решили, что весь мир сошел с ума, а может быть, думают, что по городу разгуливают инопланетяне; ты ведь тоже сначала так думала, правда? К тому же, будь они на самом деле чудовищами, принявшими облик людей, они не стали бы подходить к нам так медленно и осторожно, а в мгновение ока взобрались бы на холм, прыгнули на нас и отъели бы нам носы и еще что-нибудь, особенно вкусненькое, с их точки зрения.

Это объяснение показалось Крисси довольно убедительным, на губах ее появилась даже слабая улыбка, и она слегка успокоилась.

Но в следующую минуту Муз, лежавший у нее на коленях, вдруг резко поднял свою громадную, лохматую голову, взвизгнул и вскочил на лапы.

Снаружи люди, подходившие к машине, издавали удивленные и испуганные возгласы, и Крисси услышала, как Сэм воскликнул:

— Что за чертовщина?! Что это с ними?

Девочка сбросила с себя одеяла и выскочила из машины посмотреть, что происходит.

Гарри, так старавшийся ее успокоить, тем не менее тревожно спрашивал:

— Что там? Что случилось?

В первый момент девочка не могла понять, что так всех удивило и напугало, но уже в следующую минуту Крисси поняла — животные! Громадной стаей они неслись через парк — сотни мышей, несколько больших серых крыс, кошки всех мастей и оттенков, с полдюжины собак; десятка два, если не больше, белок, спустившись с деревьев, присоединились к бегущим. Большинство кошек, мышей и крыс выбегало с ближайших улиц, пересекавших Оушэн Авеню, они затопили всю главную улицу, безумно, неистово, не разбирая дороги устремляясь куда-то; промчавшись через парк, они сворачивали на окружное шоссе. Это зрелище что-то напоминало Крисси, что-то, о чем она читала в книгах; постояв так несколько секунд, глядя, как они сплошной волной обтекают ее, девочка вдруг вспомнила — лемминги! Время от времени, когда в каком-нибудь районе количество

зверьков чрезмерно увеличивалось, лемминги собирались стаями и бежали, бежали не останавливаясь, до тех пор пока не добежали до берега моря, и их не уносило прибоем. Животные, которых Крисси видела сейчас перед собой, вели себя точно, как лемминги; они неслись в одном направлении, сметая все на своем пути, причем никакие видимые причины не заставляли их бежать, а значит, они действовали, побуждаемые каким-то внутренним импульсом.

Выскочив из машины, Муз присоединился к стае.

— Нет, Муз, стой! — крикнула Крисси.

Он приостановился, будто споткнувшись о ее крик, наброшенный на него, как лассо, и стянувший ему лапы. Пес оглянулся, потом снова повернул голову в сторону шоссе, словно невидимые, но крепкие нити тянули его туда со страшной силой. Он подпрыгнул и помчался еще быстрее.

— Му-у-уз!

Собака остановилась так резко, что не удержалась на лапах и покатила по земле, но тут же снова вскочила.

Крисси чувствовала, была совершенно уверена, что она не зря вспомнила о леммингах, что со всеми этими животными творится то же, что и с маленькими зверьками, и они бегут к своей гибели; правда, они бежали не к морю, но девочка не сомневалась, что там, куда они так стремятся, их ожидает нечто ужасное, какая-то неведомая, но чудовищная смерть, и что это — часть всех остальных необъяснимых, фантастических ужасов, обрушившихся на Мунлайт Коув. Если она не сумеет остановить Муза, они никогда не увидят его больше.

Пес мчался, догоняя стаю.

Крисси сорвалась с места и бросилась за ним.

Она была совершенно измучена, словно из нее высосали все силы, все тело болело, каждая мышца ныла, и все же девочка, собрав остатки сил, устремила в погоню. Она знала, что должна догнать Муза, потому что кроме нее никто, казалось, не понимал, что все эти животные бегут к своей гибели, их ожидает смерть. Даже Сэм и Тэсса, такие умные и сообразительные, не могли этого понять. Они просто стояли и смотрели на то, что происходило перед их глазами. Крисси не оставалось ничего другого, как поплотнее прижать руки к бокам, взять ноги в руки и мчаться с

такой скоростью, на какую она только была способна, представляя себе, что она — не обыкновенная маленькая девочка Крисси Фостер, а чемпионка Олимпийских игр по марафонскому бегу, и вот она на дистанции, приближается к финишу, а на трибунах сотни, тысячи болельщиков орут, подбадривая ее: «Крисси! Крисси! Крисси! Крисси! Крисси!...» На бегу она то и дело звала Муза, потому что каждый раз, услышав свое имя, он ненадолго останавливался, и расстояние между ними сокращалось. Они выбежали из парка, и девочка чуть не упала в глубокую канаву, проходившую вдоль шоссе, однако в последний момент все же перепрыгнула через нее, но не потому что вовремя успела ее заметить, а потому что, не спуская глаз с Муза, увидела, как тот через что-то перескочил. Она приземлилась очень удачно, не снизив скорости. В следующий раз, когда пес снова остановился на ее оклик, Крисси была уже рядом с ним; обхватив его обеими руками, девочка нащупала ошейник и крепко вцепилась в него, не давая Музу сдвинуться с места. Пес зарычал и тянул ее за руку.

— Му-у-уз! — укоризненно протянула Крисси, — стыдись! Ты что это?

Он в первый раз попытался укунить ее и, Боже милостивый, он начал отчаянно вырываться, девочка с трудом удерживала его. Крисси напрягла все свои силы, стараясь не выпустить ошейник, а Муз тянул ее за собой, как пушинку, хоть она вовсе не была такая уж маленькая и легкая. Он протащил ее футов пятьдесят или шестьдесят по шоссе, его громадные лапы скребли по асфальту, он рвался и скулил, стремясь догнать обезумевшую стаю животных, исчезающих в ночи и в тумане.

Сэм и Тэсса догнали Крисси, когда пес уже окончательно успокоился и готов был вернуться в парк.

— Что случилось? — взволнованно спросил Сэм.

— Они все бегут к своей гибели, — ответила девочка. — Я не могла позволить Музу уйти вместе с ними.

— К своей гибели? Откуда ты знаешь?

— Я и не знаю. Просто... куда же еще?

С минуту они молча стояли на темной, туманной дороге, глядя на силуэты зверушек, исчезавших во мраке.

— Действительно, куда же еще? — задумчиво сказала Тэсса.

Туман постепенно рассеивался, но видимость все еще была плохая, не более, чем на четверть мили.

Было начало одиннадцатого, когда Сэм, стоя вместе с Тэссой в центре круга, освещенного фарами автомобилей, услышал шум моторов приближающихся вертолетов; он услышал их еще прежде, чем увидел их огни. Туман искажал звук, так что трудно было сказать точно, откуда они летят, но Сэм полагал, что с юга, со стороны моря. Должно быть, они летели вдоль побережья, держась ярдах в двухстах от океана, на открытом пространстве, где не было опасности врезаться в скалы. Оборудованные приборами ночного видения, вертолеты могли лететь даже в густом тумане, вслепую. Пилоты также надевали очки ночного видения и не опускались ниже, чем на пятьсот футов, особенно в такую погоду.

Поскольку ФБР поддерживало постоянную связь с Вооруженными Силами, особенно с флотом, Сэм знал, какие войска придут им на подмогу. Без сомнения, морская охрана направит в город то, что необходимо в такой ситуации: вертолет СН-46 с какого-нибудь десантного корабля с отрядом из двенадцати человек и к нему — два боевых самолета «Кобра».

— Я их не вижу, — сказала Тэсса, вертя головой во все стороны.

— Ты и не можешь их увидеть, — объяснил Сэм, — по крайней мере, до тех пор, пока они будут прямо над нами.

— Они летят без огней?

— Нет, у них есть специальные огни, но с земли их не видно; их можно увидеть только с помощью приборов ночного видения; им-то самим все видно отлично.

Если бы речь шла об обычном террористическом акте, вертолет СН-46, носящий официальное название «Пират», а в народе называемый просто «Лягушкой», поддерживаемый самолетами «Кобра», приземлился бы на северной окраине города. Оттуда три вооруженных отряда из четырех человек каждый начали бы поиск, прочесывая Мунлайт Коув с севера на юг, чтобы определить ситуацию и затем,

встретившись на другом конце города, принять решение о необходимости эвакуации.

Однако, сообразуясь с информацией, которую Сэм успел передать до того, как его прервали, и учитывая, что положение в городе довольно странное, и террористы тут, кажется, ни при чем, спасательные службы отказались от обычного плана действий. Вертолет несколько раз облетел город, спускаясь довольно низко, чуть не задевая верхушки деревьев. По временам видны были даже его странные, голубовато-зеленые огни, но очертаний самой машины невозможно было разглядеть; пластиковые лопасти винтов, заменившие старые, металлические, давно вышедшие из употребления, работали совершенно бесшумно, так что вертолет, казалось, скользит в тумане, словно межпланетный корабль прищельцев, еще более странный и нереальный.

Наконец, он подлетел ближе, зависнув в воздухе над освещенной площадкой в парке.

Он приземлился не сразу.

Мощные винты разгоняли туман, в то время как прожектор освещал собравшихся внизу вокруг площадки людей и фантастические, уродливые трупы на улицах.

Самолеты остались в воздухе, но вертолет в конце концов, будто нехотя, начал снижаться. Люди, вышедшие из него, были вооружены автоматами, но в остальном они несколько не были похожи на солдат — на них были белые костюмы биологической защиты, а на спине у каждого — баллон с кислородом. Они напоминали скорее астронавтов, чем службу морской охраны.

Лейтенант Росс Далгуд, совсем юный, похожий на ребенка в своем защитном шлеме, подошел прямо к Сэму и Тэссе; он представился, назвав свое имя и звание, и, приветствуя Сэма, обратился к нему по имени; видимо, ему показали фотографию, перед тем как послать на задание.

— Биологическая диверсия, агент Букер?

— Не думаю, — ответил Сэм, глядя, как пластиковые лопасти, ритмично потрескивая, замедляют свое движение, вращаясь все тише и тише.

— Вам не известно, что это?

— Мне не известно, — признался Сэм.

— Мы первые, — сообщил Далгуд. — За нами следует

большое подкрепление — регулярные воинские части и ваши люди из Бюро, они на машинах; скоро будут здесь.

Все трое — Далпуд, Сэм и Тэсса — прошли между машинами и, выйдя из круга, подошли к одному из трупов, лежавшему на тротуаре у поребрика, окаймлявшего парк.

— Я просто глазам своим не поверил, когда увидел все это с воздуха! — воскликнул Далпуд.

— Придется поверить, — сказала Тэсса.

— Что это за чертовщина? — спросил лейтенант.

— Упыри-привидения, — ответил Сэм.

38

Тэсса беспокоилась о Сэме. Они с Крисси и с Гарри вернулись домой в час ночи, после того как три раза рассказали людям в защитных костюмах обо всем случившемся и обо всем, что они знали. Им даже удалось поспать несколько часов, хотя сон их был беспокойным — их мучили кошмары; но Сэм ушел куда-то и пропадал всю ночь. Он не вернулся даже к тому времени, когда они кончили завтракать; было уже одиннадцать часов утра, наступила среда.

— Он думает, что ему все нипочем, что он может не есть, не спать, и ничего ему не сделается! — воскликнула Тэсса, беспокоясь все сильнее, — но это не так.

— Вы так заботитесь о нем, — заметил Гарри.

— Конечно, забочусь, а как же?!

— Я хочу сказать — вы очень тревожитесь о нем. Так бывает, когда любишь...

— Ну... не знаю.

— А я знаю, — сказал Гарри.

— Я тоже знаю, — добавила Крисси.

Сэм пришел только к часу дня, глаза его запали, лицо посерело от усталости. Тэсса приготовила ему постель, застелила ее свежими простынями, и он так и повалился на нее полуодетый.

Она присела на стул около кровати, глядя, как он спит. Время от времени он начинал стонать и метаться, звал ее, Крисси, иногда Скотта, будто он потерял их всех и теперь бродит в отчаянье по каким-то безлюдным и опасным переходам, тщетно пытаясь найти их.

В шесть часов вечера за ним пришли люди из Бюро; не проспав и пяти часов, Сэм поднялся и снова ушел с ними на весь остаток ночи.

К этому времени все трупы — во всем многообразии их видов и форм — были убраны с улиц, упакованы в пластиковые мешки с этикетками и отправлены в холодильную камеру; теперь ими должны были заняться патологоанатомы.

Этой ночью Тэсса и Крисси спали в одной постели. На лампу было брошено полотенце, так чтобы получился ночник, и в комнате царил полумрак.

— Они ушли, — сказала вдруг Крисси.

— Кто? — спросила Тэсса.

— Моя мама и папа.

— Ну да, я знаю.

— Они умерли.

— Мне очень жаль, Крисси, я тебе очень сочувствую.

— Да, конечно, я знаю. Вы такая хорошая!

Девочка заплакала, и Тэсса молча обняла ее, не зная, чем можно ее утешить.

Позднее, уже почти засыпая, Крисси пробормотала:

— Вы немножко разговаривали сегодня с Сэмом, когда он заходил домой. Он не говорил насчет того случая... про этих животных, которые куда-то бежали... они не узнали, что это было?

— Нет, — ответила Тэсса, — пока что они еще не разгадали эту загадку.

— Мне страшно, — сказала Крисси.

— Мне тоже.

— Я хочу сказать, мне страшно оттого, что они до сих пор не нашли разгадки.

— Я понимаю, — прошептала Тэсса. — Меня тоже это пугает.

39

К четвергу группы специалистов из Бюро, а также консультантов из частных фирм более или менее разобрались в программах «Солнца»; по крайней мере, им стало ясно, что проект «Черный Ястреб» предполагал имплантацию небιологического контрольно-управляющего механизма в

организм человека, в результате чего в нем происходили глубокие физиологические изменения. Правда, никто еще даже отдаленно не мог себе представить, как срабатывал этот механизм, как могли вживленные в организм микросхемы вызывать такие странные и необратимые последствия, но уже с уверенностью можно было сказать, что дело тут не в каких-либо опасных и неизвестных бактериях или вирусах. Все процессы шли исключительно на уровне машин.

Войска, оцепившие город и не пропускавшие в него ни вездесущих газетчиков, ни просто любопытных, были буквально завалены работой, так что и солдаты и офицеры с радостью сбросили с себя неуклюжие защитные балахоны, довольные, что не придется больше в них париться. Не менее довольны были и сотни ученых и агентов ФБР, временно обосновавшихся в Мунлайт Коуве.

Сэм, Тэсса и Крисси решили вылететь из Мунлайт Коува в пятницу утром, хотя Сэм знал, что вскоре ему нужно будет вернуться. Полный сочувствия судья с согласия различных официальных лиц штата и федеральных властей разрешил Тэссе взять на себя временную опеку над девочкой. Все трое помахали рукой Гарри, не прощаясь с ним, а говоря «до скорой встречи!», и один из специальных служебных вертолетов ФБР поднял их в воздух.

Для того, чтобы помешать не в меру любопытным и пронырливым газетчикам украсить страницы своих изданий сенсационными фотографиями и репортажами, полными неточных, непроверенных данных, город закрыли для въезда; расследование по проекту велось в глубокой тайне. Сэм даже представить себе не мог, какой ажиотаж вызвали события в Мунлайт Коуве среди публики, пока они не перелетели через ограждения и шосты, установленные на автострате. Сотни автомобилей с надписью «ПРЕССА» стояли вдоль дороги, усеивая все прилегающее к ней пространство. Летчик вел машину достаточно низко, так что Сэму отлично видны были нацеленные на него снизу фотоаппараты и кинокамеры.

— На окружном шоссе, к северу от Холлиуэлл Роуд, ничуть не лучше, — заметил пилот. — Там тоже все перегорожено, и точно такое же столпотворение. Репортеры со

всего мира съехались сюда и предпочитают спать на земле, не желая никуда уходить и поселиться в какой-нибудь гостинице; они боятся проворонить тот момент, когда город, наконец, откроют для прессы.

— Могут не беспокоиться, — заметил Сэм. — Для журналистов, да и вообще для всех, кроме тех, кто ведет расследование, въезд будет разрешен не раньше, чем через несколько недель.

Они приземлились в международном аэропорту Сан-Франциско, где для них уже были забронированы три места на самолет, вылетающий рейсом на юг, в Лос-Анджелес. В аэропорту, просматривая свежие газеты, Сэм наткнулся на пару интересных заголовков:

ЗА ТРАГЕДИЕЙ В МУНЛАЙТ КУУВЕ СТОИТ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ.

СУПЕРКОМПЬЮТЕР НЕИСТОВСТВУЕТ

Чушь, конечно! «Солнце» — суперкомпьютер «Новой Волны», вовсе не был искусственным интеллектом. До сих пор еще никто на Земле не смог сотворить ничего подобного, несмотря на то, что сотни ученых бились над этой проблемой, обгоняя друг друга, стремясь первыми создать настоящий, думающий электронный разум. К тому же, суперкомпьютер не мог ни неистовствовать, ни приходить в бешенство; он мог только выполнять заложенную в него программу, как и любые другие ЭВМ.

Перефразируя Шекспира, Сэм подумал: «Беда не в технике, а в нас самих».

В наши дни, однако, многие люди обвиняют во всех бедах и несчастьях компьютерную систему, точно так же как сотни лет назад их предки, стоявшие на более примитивной ступени развития, винили во всем расположение небесных тел.

Тэсса молча указала на другой заголовок:

ТАИНСТВЕННАЯ ЭПИДЕМИЯ — РЕЗУЛЬТАТ СЕКРЕТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПЕНТАГОНА

В некоторых кругах Пентагон был излюбленным упрям-призраком, таким Букой, которым пугали доверчивых сограждан; его почти любили за то реальное и воображаемое зло, причиной которого он являлся; видеть в нем корни всех бед было очень удобно, это делало жизнь гораздо

проще и понятнее. Для тех, кто свято верил в это, Пентагон был чем-то вроде старого чудовища Франкенштейна, в его громадных грубых башмаках и слишком тесном черном пиджаке, пугающий, но доступный пониманию, безумный и опасный, но вполне удобный и предсказуемый; его, конечно, следовало остерегаться, но уж лучше он, чем какие-нибудь неведомые, заумные и непонятные злодеи.

Крисси сняла с полки специальный выпуск одной из самых известных бульварных газет; весь он, от корки до корки, был полон самыми невероятными историями о событиях в Мунлайт Коуве. Девочка показала им большие буквы заголовка на первой странице:

ПРИЩЕЛЫЦЫ ПРИЗЕМЛИЛИСЬ НА ПОБЕРЕЖЬЕ КАЛИФОРНИИ

ХИЩНЫЕ ПОЖИРАТЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЬЕГО МЯСА ЗАХВАТЫВАЮТ ГОРОД

С минуту все трое серьезно смотрели друг на друга, потом расхохотались. В первый раз за последние дни Крисси смеялась. Это не был искренний и звонкий, залихватистый детский смех, в нем слышались нотки иронии и горечи, неожиданной для одиннадцатилетней девочки, в нем была глубоко затаенная грусть, — и все же она смеялась. Слушая этот смех, Сэм почувствовал, как он оттаивает.

40

Еще до среды, с раннего утра, Джозель Ганович из «Юнайтэд Пресс Интернэйшенэл» слонялся вокруг Мунлайт Коува, от одного поста до другого. Ночи он проводил прямо на земле, в спальном мешке, туалетом служили ему окрестные леса, а еду приносил безработный плотник из Абэрдин Уэллса, которого он подрядил за небольшую плату. Ни разу еще за все те годы, что он проработал журналистом, Джозель не отдавался своему делу с таким пылом и самозабвением, сознательно лишая себя всех удобств и даже не заботясь об этом. Он и сам не понимал, почему это делает. Да, конечно, это было самое крупное событие за последние годы, лет за десять, а то и больше. Но почему он чувствовал такую настойчивую необходимость вникать во все это, рыться в этом деле, выискивая мельчайшие подроб-

ности, способные пролить свет на правду? Он был просто одержим желанием узнать эту правду, докопаться до нее, это стало его навязчивой идеей; но почему? Это было загадкой для него самого.

И таких, как он, одержимых, было много.

Хотя за прошедшие три дня все случившееся в Мунлайт Коуве так или иначе постепенно просочилось в средства массовой информации и хотя на пресс-конференции, данной во вторник вечером, в течение четырех часов обсуждались все подробности этой истории, а дотошные журналисты взяли интервью чуть ли не у всех двухста оставшихся в живых жителей города, всем почему-то казалось, что этого мало. Ужасная, необыкновенная гибель громадного количества людей — более трех тысяч — ошеломила публику, и потрясение не проходило, сколько бы раз они ни читали об этом в газетах, не слышали по радио и по телевидению. К пятнице страсти накалились, как никогда.

Однако Джозль чувствовал, что интерес публики был вызван не только и не столько чудовищными фактами или сногшибательными цифрами; причины его крылись гораздо глубже.

В пятницу, около десяти часов утра, Джозль сидел на своем свернутом спальном мешке около дороги, ярдах в десяти от полицейского поста к северу от Холлиуэлла, греясь в лучах на удивление теплого осеннего солнышка и размышляя обо всем этом. Ему пришло в голову, что все эти события так волнуют людей, потому что это не просто сравнительно недавно возникшее противоречие между человеком и машиной, нет, это вечное, мучающее людей с незапамятных времен противоречие между ответственностью и нежеланием брать ее на себя, конфликт между культурой, цивилизацией и дикостью, темными первобытными инстинктами, между непрестанно борющимися в душе человека жаждой власти и отрицания, ниспровержения всего и вся.

Продолжая думать обо всем этом, Джозль вдруг поднялся на ноги и пошел. Время от времени он останавливался, словно бы задумавшись о чем-то, потом припускал еще быстрее.

Он был не один на дороге. Около сотни людей, располо-

жившихся поблизости от полицейского поста в ожидании разрешения на въезд, вдруг, как по команде, поднялись и пошли прямо на восток; они шли уверенно, ни о чем не раздумывая, не сворачивая на обходные тропинки, прямоком взбираясь по крутому склону, продираясь через колючий кустарник, карабкаясь на холмы и возвышенности, поросшие лесом, пробираясь сквозь чащу деревьев, но не отклоняясь от своего невидимого курса.

Их неожиданный поход поразил тех, кто не слышал никакого призыва, кого немало удивило столь внезапное и необъяснимое желание прогуляться. Кое-кто из репортеров побежал за ними, некоторое время пытаясь не отставать, на бегу задавая вопросы сначала обычным голосом, потом перейдя на крик. Никто из этих странных туристов не отвечал.

Джозлем овладело чувство, что где-то существует особое, необычное и прекрасное место, куда он немедленно должен идти; если он найдет это место, ему уже никогда ни о чем не придется тревожиться или заботиться, там все уже решено за него, там ему не надо будет беспокоиться о будущем. Он не знал, как выглядит это чудесное место, но был уверен, что сразу же узнает его, как только увидит. И он спешил туда, шел быстро, почти бежал, охваченный нетерпением, подчиняясь какому-то внутреннему, неудержимому порыву.

Жажда...

Студенистое существо в подвале Коммуны «Икарус» было охвачено нестерпимой жаждой. Оно не погибло в тот момент, когда «Солнце» отдало приказ, и все чудовищные творения «Черного Ястреба» упали замертво. Микрокомпьютер уже давно исчез, растворился в его тканях; это случилось еще в тот момент, когда оно впервые устремилось к свободе от высших форм, к последней, запредельной свободе бесформенного и бессознательного существования. Оно не могло получить смертельный приказ суперкомпьютера, но, даже если бы ультракороткие волны достигли этой пульсирующей массы, это ничего бы не изменило — у него не было сердца, которое могло бы остановиться.

Жажда...

Страшная, пронзающая насквозь, безумная, неистовая,

не сравнимая ни с каким желанием... Она билась в нем, словно пламя, жгла и терзала незатихающей болью...

Жажда...

Все тело его превратилось в один громадный разинутый рот, и он взывал к миру, требуя насыщения. Зов его, беззвучный, но мощный, достигал свои жертвы, поражая не слух, но сознание.

И они пришли к нему.

Скоро они насытят его, погасят это жгучее пламя.

Полковник Льюис Таркер, командующий полевым штабом, расположившимся в парке, на востоке от Оушэн Авеню, получил срочное донесение от сержанта Спэрмонта, ответственного за пост на окружном шоссе. Спэрмонт доложил, что потерял половину своих людей — шестерых из двенадцати; они вдруг встали и пошли куда-то, как зомби, а с ними еще около сотни репортеров; все они выглядели и вели себя очень странно.

— Здесь что-то не так, — высказал он свое мнение. — Тут какая-то загадка, сэр.

Таркер сразу же связался с Ореном Вестромом, агентом ФБР, возглавлявшим расследование по проекту «Черный Ястреб»; любые действия, предпринимавшиеся военными, должны были прежде всего согласовываться с ним.

— Тут какая-то загадка, — сообщил Таркер Вестрому. — Думаю, все это выглядело гораздо более таинственно и сверхъестественно, чем описал Спэрмонт, он просто не мог этого выразить. Я хорошо знаю сержанта и чувствую, что он потрясен до глубины души.

Вестром в свою очередь связался с пилотом служебного самолета Бюро, Джимом Лоббоу. Объяснив ему ситуацию, он сказал:

— Спэрмонт собирается взять своих людей и попробовать догнать этих «путешественников», посмотреть, куда их черт несет, и по какой причине. Но я полагаю, это не так-то просто будет сделать, так что понаблюдай-ка за ними с воздуха, разведай, что к чему.

— Есть наблюдать, — ответил пилот.

— Горючего тебе хватит?

— Баки полны до краев.

— Отлично.

Ничто в мире не интересовало Джима Лэббоу, кроме его самолета.

Он женился три раза, но каждый брак неизменно заканчивался разводом. Он и сам не мог бы сосчитать, сколько у него было женщин, но даже такие, казалось бы, необременительные отношения, тяготили его, и все эти женщины исчезали так же быстро, как и появлялись. У него был один ребенок, сын от второго брака, но он виделся с мальчиком не чаще, чем три раза в год, каждый раз проводя с ним всего один день. Джим воспитывался в старой, доброй католической семье, все его братья и сестры регулярно ходили к мессе, но для него воскресенье означало только то, что можно подольше поспать утром, а посещать службу в будние дни было слишком утомительно. Джим всегда мечтал завести хоть маленькое, но собственное дело, но все, за что бы он ни брался, было, казалось, заранее обречено на провал. Он не раз удивлялся, как трудно, оказывается, быть предпринимателем, сколько сил уходит, даже если ты только руководишь, и каждый раз, рано или поздно, он все бросал, отказываясь от своей очередной затеи.

Зато летчик он был первоклассный. Он мог поднять свою машину в воздух в любую погоду, когда другие сидели, не осмеливаясь поднять носа от земли; ему ничего не стоило взлететь или посадить свой самолет где угодно и в каких угодно условиях.

Он поднялся в воздух, выполняя приказ Вестрома, и взял курс на шоссе; день был ясный, и небо чистое, а от парка до дорожного поста на окружном шоссе было всего лишь чуть более мили, так что Джим оказался на месте в считанные минуты. Несколько солдат, стоявших внизу, у плагбаума, помахали ему, показывая на восток, в сторону холмов.

Лэббоу повернул машину в указанном ими направлении и, не прошло и минуты, как он заметил внизу, под собой, странных путешественников, с трудом взбиравшихся по крутому склону холма; они продирались сквозь колючий кустарник, оставляя на колючках клочки одежды, но не

останавливались; ни на что не обращая внимания, они, как одержимые, неистово рвались вперед. Это и в самом деле было поразительное зрелище.

В ушах у летчика что-то странно жужжало. Должно быть, наушники неисправны, — подумал Джим и на минуту снял их, чтобы проверить. Однако дело было не в наушниках. Жужжание не прекратилось. Пожалуй, это даже нельзя было назвать жужжанием, потому что это был не какой-то определенный звук, а ощущение, хотя и достаточно сильное.

«Какого черта я обращаю внимание на такую ерунду?» — удивился Джим.

Он пожал плечами и попытался перестать об этом думать.

Толпа повернула на юго-восток, и Джим обогнал идущих, высматривая сверху какой-нибудь ориентир, что-нибудь, вроде маяка, к которому все они стремились. Вскоре он заметил полуразвалившийся дом в викторианском стиле, обвалившийся коровник и развалины других дворовых построек.

Что-то во всем этом было такое, что притягивало его.

Джим сделал круг, потом другой.

Хотя все здесь рушилось и вот-вот должно было окончательно развалиться, Джима вдруг охватило странное чувство, что это самое прекрасное место на свете, что он будет счастлив и свободен здесь, ему не придется больше ни о чем заботиться и беспокоиться; никаких ворчливых, осточертевших ему жен, изводящих его своими придирками, никаких обязанностей по содержанию сына.

Внизу, на земле, по холмам, протянувшимся на северо-западе, люди уже не шли, а бежали. Они спотыкались и падали, но снова поднимались, безудержно устремляясь вперед, к своей неведомой цели.

Хотя нет, теперь уже Джим знал, куда и зачем они бегут. Он сделал еще один круг над домом, ясно ощущая, что это самое привлекательное место, какое он когда-либо видел, здесь нет ни тревог, ни волнений, здесь ждет его избавление от печалей и забот. Всем своим существом он стремился к этой свободе, жаждал этого освобождения от всех земных тягот, от бремени ответственности и долга, мечтал о нем, как никогда еще ни о чем не мечтал в жизни. Он резко

рванул машину вверх, затем выровнял ее, спикировал, поворачивая то к югу, то к западу, то к северу, то к востоку, снова и снова возвращаясь к удивительному дому, кружа вокруг него, вокруг этого чудесного, волшебного, восхитительного дома, он хотел быть там, спуститься туда, его тянуло туда, как магнитом, влекло неудержимо, и он направил машину прямо к распахнутой двери, повисшей на одной петле, и, пробив стену, устремился в самое сердце дома, врезавшись в него на лету...

Жажда...

Бесчисленные рты громадной, студенистой амебы пели свою неистовую песнь, вещая миру о своей неукротимой жажде. Она знала, что ждать осталось недолго, скоро, скоро ее насытят, уймут бушующее в ней пламя. Все ее желеобразное тело дрожало от возбуждения, предвкушая эту минуту.

Вдруг все вокруг сотряслось до основания. Удар.

Скользкая, студенистая медуза не вздрогнула и не отшатнулась от страшного жара — она лишена была нервов и каких-то сложных биологических структур, способных воспринимать внешние раздражители, а значит, не способна была чувствовать боль.

Жар для этого простейшего одноклеточного не имел значения, если только он не был связан с пищей, с насыщением.

Горя и стора, тая и исчезая в огне, оно все еще продолжало петь свою дикую песню жажды, требуя насыщения, пока свирепое, ревущее пламя не уничтожило воюющие, жадные рты, заглушив все звуки.

Джоэль Ганович обнаружил вдруг, что он стоит в совершенно незнакомом месте, футах в двухстах от развалин какого-то дома, охваченного языками пламени. Взрыв был грандиозный, огненный столб взвился до самого неба, черный дым застлал всю округу; старые стены трескали и рушились с такой готовностью, словно хотели показать, что и они еще на что-то способны. Горячая волна докатилась до журналиста; хоть он и стоял довольно далеко от места пожара, воздух был настолько раскаленный, что ему пришлось зажмуриться и отступить назад. Джоэль не мог взять в толк, как это кучка сухого дерева может так полыхать.

Он вдруг сообразил, что не может вспомнить, как начался пожар. Просто он вдруг увидел перед собой пламя, вот и все.

Джоэль взглянул на свои руки — они были грязные, все в царапинах.

Штанина на правом колене была разодрана, ботинки тоже ни на что не похожи.

Он оглянулся вокруг себя и был поражен, увидев десятки людей, выглядевших не лучше, чем он, — грязных, оборванных и не менее удивленных. Джоэль не мог вспомнить, как он попал сюда, вроде бы никакой пешей экскурсии на сегодня не намечалось.

Дом перед ним, во всяком случае, горел — это не подлежало сомнению. Он сгорел до основания, не осталось ни бревнышка, ни щепки, — одни горячие угли на пешелище.

Джоэль почесал в затылке.

Что-то с ним случилось странное. Что-то такое... Он был журналист, и постепенно в нем стало просыпаться любопытство. Что-то произошло, и он непременно должен выяснить, что это было. Нечто очень тревожное, пожалуй, даже опасное. Но, слава Богу, все уже позади.

Он вздрогнул.

41

Они вошли в дом Сэма. Музыка наверху, у Скотта, гремела так, что все окна дрожали.

Сэм поднялся на второй этаж и сделал знак Тэссе и Крисси следовать за ним. Они остановились в нерешительности, видимо, стесняясь, чувствуя себя не в своей тарелке, но Сэм настаивал, боясь, что если он пойдет один, то не сможет выполнить задуманное.

Дверь в комнату Скотта была открыта.

Парень растянулся на кровати; на нем были черные джинсы и черная джинсовая рубашка. Ноги он закинул на изголовье, под голову подсунул подушки, так чтобы лучше видеть плакаты, закрывавшие всю стену над кроватью; здесь были музыканты его любимых групп — сплошной черный рок — все в коже, обвешанные цепями; у некоторых руки были в крови, у других были измазаны кровью губы,

будто это были вампиры, только что сытно поужинавшие; кое-кто держал в руках черепа, один даже впился поцелуем в провал его мертвого рта, другой протягивал вперед сложенные лодочкой ладони, полные жирных, лоснящихся могильных червей.

Скотт не слышал, как вошел отец. Музыка грохотала, заглушая все звуки; даже если бы в соседней ванной взорвалась атомная бомба, он бы не шелохнулся.

Подойдя к орущему магнитофону, Сэм на секунду остановился, спрашивая себя, правильно ли он постукает. Потом он разобрал слова, прорывавшиеся сквозь дикие завывания, грохот металла и звон гитарных струн. Песенка была славная: «убей своих родителей, выпей их кровь, потом убегай как можно скорей». Прекрасно! Что называется, ласкает слух! Это решило дело. Сэм резко нажал на кнопку, прервав этот безумный ор на полуслове, и выдернул кассету.

Скотт от удивления так и подскочил на кровати:

— Эй! Ты что?

Швырнув кассету на пол, Сэм с наслаждением наступил на нее каблуком.

— Эй, что случилось? Какого черта? Что ты делаешь?

Штук сорок или пятьдесят кассет, в основном, альбомы черных рок-групп, стояли в коробке на полочке рядом с кассетником. Одним махом Сэм смел их на пол.

— Эй, да ты что? Ты что, взбесился что ли?

— Давно мне надо было это сделать, — пробормотал Сэм.

— А это еще кто, черт побери? — крикнул Скотт, заметив Тэссу и Крисси, стоявших в дверях.

— А это, черт побери, друзья, — в тон ему ответил Сэм.

Явно стараясь распалить себя, разжечь в себе ярость, Скотт заорал:

— Какого хера им тут нужно, парень?

Сэм рассмеялся. Он чувствовал себя беспашапно веселым и уверенным. Он и сам не знал, почему. Может, потому что наконец-то принял решение и начал действовать, не боясь последствий и ответственности.

— Такого хера, что они со мной, — ответил он и снова засмеялся.

Ему было немного неудобно выражаться так в присутствии Крисси, но, взглянув на девочку, Сэм заметил, что она

отнеслась ко всему этому совершенно спокойно и даже смеется. Он понял, что теперь вся злость и ярость мира, все плохие, обидные и оскорбительные слова бессильны против нее; все это ничего не стоило по сравнению с тем, что она пережила. И в самом деле, после того, что все они пережили и перечувствовали в Мунлайт Коуве, мальчишеский нигилизм Скотта казался просто забавным, этаким невинной ребячьей выходкой.

Сэм влез на кровать и начал срывать со стены плакаты с портретами металлистов; Скотт пришел в неопишемую ярость, он кричал, как сумасшедший, но Сэм спокойно продолжал свое дело. Покончив с плакатами над кроватью, он спустился на пол и повернулся к другой стене.

Скотт схватил его за руки.

Сэм мягко оттолкнул мальчика в сторону и принялся за плакаты на другой стене.

Скотт подскочил и ударил его.

Сэм парировал удар, потом взглянул на сына.

Скотт весь покраснел, ноздри его раздувались от гнева, глаза сверкали ненавистью.

Сэм улыбнулся и обнял мальчика крепко и нежно.

Сначала Скотт даже не понял, что произошло. Он решил, что отец схватил его и собирается наказать; мальчик стал дергаться, пытаясь вырваться. И вдруг до него дошло — Сэм видел это по его лицу — его обнимают! Его старик совсем рехнулся — обнимает его, да еще и на глазах посторонних! Сообразив все это, мальчик стал вырываться по-настоящему; он брыкался, пинал отца, отталкивал его изо всех сил, безуспешно пытаясь высвободиться. Такое поведение никак не укладывалось в ту картину мира, которую он создал для себя, — мира без любви и радости; оно было опасно еще и потому, что предполагало возможность ответных чувств.

Проклятье, вот оно что! — подумал Сэм. — Вот в чем причина отчуждения Скотта. Он боялся ответить любовью на любовь, опасаясь быть отвергнутым... А может быть, он чувствовал, что любовь всегда означает ответственность за тех, кого любишь, и не хотел брать на себя эту тяжкую ношу, боясь, что она окажется ему не по силам.

И все-таки была минута, когда мальчик ответил на неж-

ное объятие отца, сжал его так же ласково и крепко. Словно бы истинный, настоящий Скотт, тот ребенок, который скрывался под жесткой скорлупой равнодушия и цинизма, вдруг выглянул из нее и улыбнулся ясной, детской улыбкой. Значит, не все еще в нем очерствело, в глубине его души оставалось еще что-то хорошее, маленький островок чистоты и добра, и нужно было его спасать.

Правда, минута эта быстро прошла, и он еще пуще, чем прежде, начал крыть Сэма самыми изощренными и красочными ругательствами, расточая запасы своего богатого лексикона. Но Сэм только крепче сжимал его в объятиях, еще теснее прижимая сына к себе; он стал говорить ему о своей любви, о том, как безумно, отчаянно он любит его, Скотта, своего сына; он говорил теперь не так, как тогда, по телефону из Мунлайт Коува; теперь он отбросил всякую сдержанность: раньше его сковывало собственное ощущение безнадежности — теперь его больше не было, он стал свободен и мог свободно выражать свои чувства. На этот раз слова его шли из самого сердца, голос пресекался, когда он говорил Скотту о том, как он любит его, повторяя это снова и снова, кричал, обращаясь к сердцу сына, требуя, чтобы его услышали.

Скотт заплакал, и Сэм, несколько не удивившись, заметил, что и сам он плачет, но, скорее всего, у них с сыном были для этого разные причины, потому что тот все еще рвался из его рук; правда, сил у него значительно поуменилось, но он продолжал вырываться, отталкивая отца. Однако Сэм держал его крепко и так и говорил, не разжимая объятий:

— Послушай, мальчик мой, ты будешь любить меня и волноваться и тревожиться обо мне, это придет к тебе так или иначе, раньше или позже. Да, да, так и будет. Ты поймешь, как я люблю тебя и тревожусь и волнуюсь за тебя, и тогда ты тоже начнешь за меня волноваться и не только за меня, нет, ты полюбишь самого себя тоже, да, вот именно — ты начнешь относиться к своей собственной личности и жизни с любовью и уважением, но и это еще не все, нет, черт побери, на этом все не кончится, — ты почувствуешь, что множество людей так или иначе связаны с тобой, зависят от тебя, и что ты любишь их, и ты захочешь о них заботиться

и будешь волноваться за них тоже, и ты поймешь, что без этого ты просто не можешь жить. И ты будешь тревожиться и заботиться о женщине, которая стоит там, в дверях, и о той маленькой девочке, да, да, ты будешь заботиться о ней и ты полюбишь ее, как сестру, ты *научишься* этому, узнаешь, как надо, как можно любить, ты перестанешь быть этим чертовым бесчувственным роботом и научишься любить и быть любимым. Есть один человек, и он скоро придет к нам погостить, у него только одна здоровая рука, и обе ноги парализованы, и он считает жизнь чудом, прекрасной штукой, достойной того, чтобы жить и радоваться тому, что живешь. Может быть, он поживет у нас некоторое время, и ты увидишь, как он любит жизнь, почувствуешь, как он здорово умеет наслаждаться ею, радоваться ей; возможно, он объяснит тебе то, что я не смог, опоздал объяснить тебе, — как прекрасна жизнь, какая это потрясающая штука! У этого человека есть собака, необыкновенный пес, ты полюбишь его, — это уж точно, — может, даже, ты полюбишь его первого, — Сэм засмеялся и еще крепче сжал Скотта.

— Ему ты не сможешь сказать: «Убирайся с глаз долой!», не надейся, что он послушается; это чертовски умный и преданный пес, и он отлично знает, кому нужна помощь, так что не надейся, что он уберется, и тебе придется, хочешь ты или не хочешь, полюбить его, он будет первый, кого ты полюбишь. Но потом ты полюбишь меня, потому что именно этим я и собираюсь отныне быть — таким добродушным, улыбчивым старым псом, нежным и ласковым со всеми домашними; я буду просто из кожи вон лезть, чтобы всем вам было хорошо, меня нельзя будет ни обидеть, ни оскорбить — такого вот доброго старого пса!

Скотт, наконец, перестал вырываться. Возможно, он просто устал. Сэм был уверен, что ему не удалось до конца пробиться сквозь панцирь злости и отчуждения, которым окружил себя мальчик; пока что он так — только слегка поскреб по поверхности. Сэм сам позволил этому злу проникнуть в их жизнь — он поддался отчаянию, позволил себе погрузиться в него, не думая о сыне, передавая и ему этот безрадостный, мрачный взгляд на жизнь; теперь не так-то просто будет покончить с этим злом, вырвать его с корнем, не оставив никакого следа. Долгий путь предстоит им прой-

ти — месяцы борьбы, может быть, даже не месяцы, а годы, годы ласки, нежности и дружбы, годы неизменной любви и взаимопонимания.

Глядя через плечо Скотта, Сэм увидел, что Тэсса и Крисси уже вошли в комнату. Обе они тоже плакали. Он увидел в их глазах то же знание — они так же, как и он, понимали, что битва за Скотта еще только начинается.

Но главное — она началась. И это было прекрасно. Они начали эту битву!

ТРИЛЛЕР & УЖАС

ДИН КУНЦ ПОЛНОЧЬ

Жители маленького городка Мунлайт Коува на побережье Калифорнии неожиданно странно переменились. Некоторые из них перестали испытывать обычные человеческие чувства - любить, радоваться, переживать... Другие следуют зову своих диких, первобытных инстинктов. А те немногие, что не подверглись превращению, совершенно запуганы - почти каждую ночь в городе совершаются невероятно жестокие убийства.

„Кровь стынет в жилах... Мрачная атмосфера романа окутывает вас, сцены ужаса бросают в дрожь, невозможно забыть эти дикие, сверхъестественные существа, населяющие его страницы, они как живые встают перед глазами... Роман захватывает - вы полностью в его власти!“

„Лос - Анджелес Таймс“

Дин Кунц получил премию по литературе в двадцать лет после опубликования своего первого рассказа. Сейчас его книги переведены на 14 языков и изданы общим тиражом около 20 млн. экземпляров.